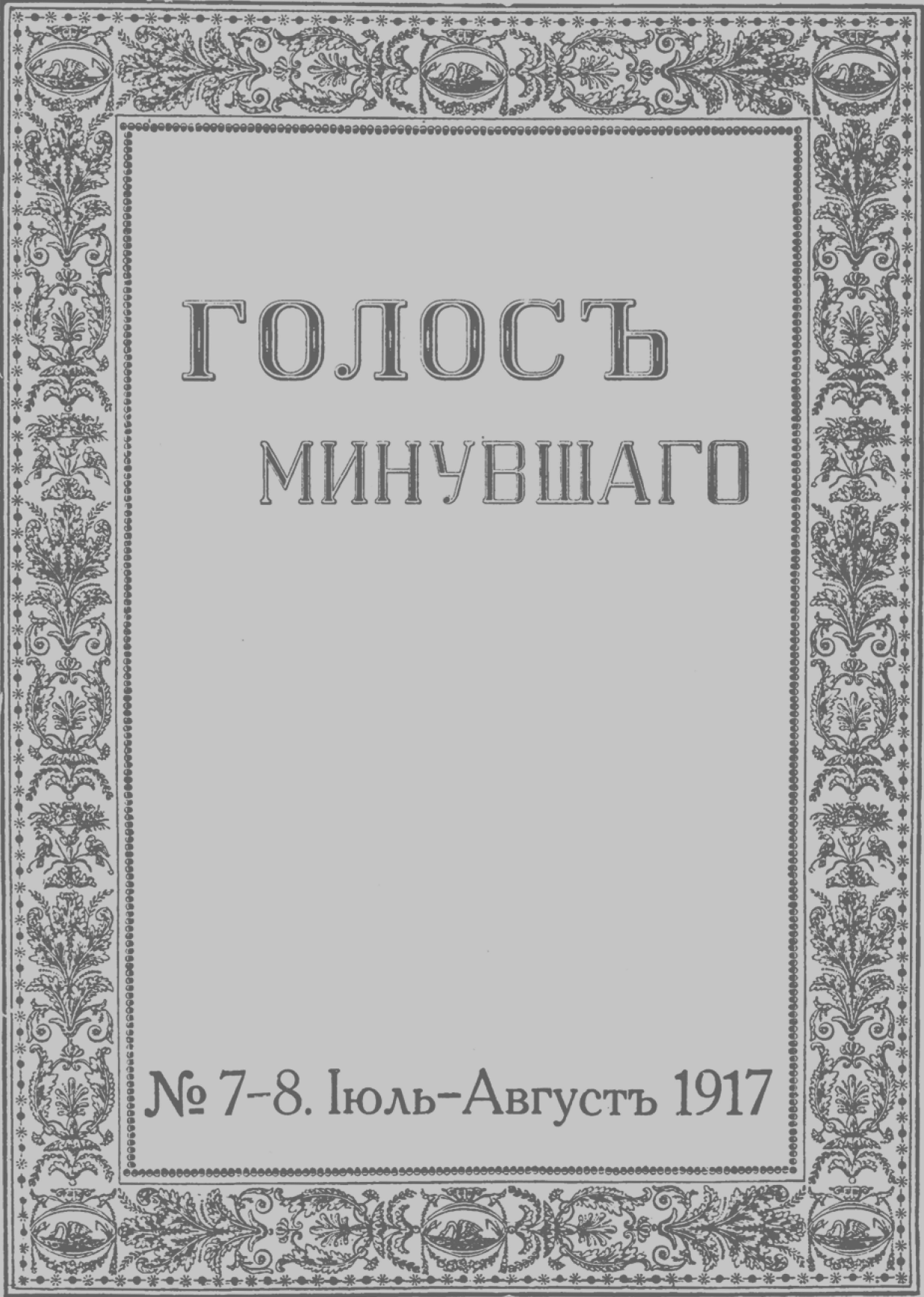

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 7-8. Июль-Августъ 1917

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. М. В. Довнаръ-Запольскій. Декабрьская революція 1825 г.	5
II. М. А. Цявловскій. Эпигоны денабристовъ.	76
III. Элиесъ. Дѣло Ситникова.	105
IV. В. Я. Богучарскій. Въ 1878 году.	124
V. Къ дѣлу В. Н. Засуличъ.	169
VI. М. Ф. Фроленко. Михаилъ Родіоновичъ Поповъ.	171
VII. М. А. Цявловскій. Секретные сотрудники московской охраны 1880-хъ годовъ.	180
VIII. А. К. Энгельмейеръ. Казнь Млодецкого.	184
IX. К. Виноградовъ. Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани. . . .	193
X. В. Н. Фигнеръ. Михаилъ Николаевичъ Тригони.	198
XI. А. Н. Александровскій. Періодическія изданія партіи «На- родной Воли».	212
XII. П. Л. Лавровъ. Воспоминанія о Софѣѣ Михайловнѣ Гинс- бургъ.	225
XIII. М. Р. Поповъ. Мечты о свободѣ.	257
XIV. В. С. Панкратовъ. Возвратъ къ жизни.	287
XV. Е. Сазоновъ. И. П. Каляевъ.	316
XVI. А. Ленцевичъ. Сны.	333
XVII. В. П. Бузескулъ. Дни баррикадъ въ Харьковѣ въ октябрѣ 1905 г.	335
XVIII. М. А. Осоргинъ. Декабрьское возстаніе 1905 г. въ Москвѣ въ описаніи жандарма.	351
XIX. Г. Сандомірскій. Ссылка и революція въ Сибири.	361
XX. С. Мельгуновъ. По поводу изданія записокъ Иліодора. . . .	379
XXI. Объявленія.	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія V)

*Свѣтлой памяти
В. И. Семеvскаго.*

№ 7—8. Июль—Августъ. 1917.

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульв., Путинков. пер., соб. домъ.
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. М. В. Довнаръ-Запольскій. Декабрьская революція 1825 г. . .	5
II. М. А. Цявловскій. Эпигоны декабристовъ	76
III. Элиесъ. Дѣло Ситникова.	105
IV. В. Я. Богучарскій. Въ 1878 году.	124
V. Къ дѣлу В. Н. Засуличъ.	169
VI. М. Ф. Фроленко. Михаилъ Родіоновичъ Поповъ.	171
VII. М. А. Цявловскій. Секретные сотрудники московской охраны 1880-хъ годовъ.	180
VIII. А. К. Энгельмейеръ. Казнь Млодецкаго.	184
IX. К. Виноградовъ. Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани. . . .	193
X. В. Н. Фигнеръ. Михаилъ Николаевичъ Тригони.	198
XI. А. Н. Александровскій. Періодическія изданія партіи «На- родной Воли».	212
XII. П. Л. Лавровъ. Воспоминанія о Софѣ Михайловнѣ Гинс- бургъ.	225
XIII. М. Р. Поповъ. Мечты о свободѣ.	257
XIV. В. С. Панкратовъ. Возвратъ къ жизни.	287
XV. Е. Сазоновъ. И. П. Каляевъ.	316
XVI. А. Ленцевичъ. Сны.	333
XVII. В. П. Бузескулъ. Дни баррикадъ въ Харьковѣ въ октябрѣ 1905 г.	335
XVIII. М. А. Осоргинъ. Декабрьское возстаніе 1905 г. въ Москвѣ въ описаніи жандарма	351
XIX. Г. Сайдомірскій. Ссылка и революція въ Сибири.	361
XX. С. Мельгуновъ. По поводу изданія записокъ Иліодора. . . .	379
XXI. Объявленія.	

Декабрьская революція 1825 г.

1. Въ Петербургъ.

Прелюдія Николаевского царствованія, развернувшаяся въ декабрьскіе дни 1825 года, была многократно описываема. Повторять общеизвѣстныя подробности мы не считаемъ нужнымъ, отмѣтивъ въ нихъ лишь важнѣйшіе штрихи, необходимые для общей связи, и остановимся на декабрьскихъ событіяхъ только тамъ, гдѣ еще неизданный матеріалъ, показанія самихъ участниковъ событія, данныя ими слѣдственной комиссіи, подробнѣе и точнѣе объясняетъ картину событій, въ сравненіи съ свидѣтельствомъ стороннихъ наблюдателей или позднѣйшихъ рассказовъ самихъ участниковъ.

Полный мистическихъ сборовъ отъѣздъ императора Александра I осенью 1825 г. на югъ закончился неожиданно его смертью, которая создала совершенно непредвидѣнныя осложненія въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Для всѣхъ официальнымъ наслѣдникомъ былъ старшій братъ императора—цесаревичъ Константинъ Павловичъ, постоянно жившій въ Варшавѣ въ качествѣ представителя русскаго монарха. Но Александръ въ теченіе своихъ нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ жизни, упорно хранилъ тайну, которая заключалась въ отказѣ Константина Павловича отъ наслѣдованія престола и въ объявленіи преемникомъ императора младшаго брата в. кн. Николая Павловича. Эта таинственность понятна въ характерѣ императора Александра I, но она заставляла государство пережить великія тревоженія.

Разговоры у цесаревича съ Александромъ объ отказѣ отъ престола велись, повидимому, еще съ 1819 года. Въ мартѣ 1820 года былъ расторгнутъ бракъ цесаревича съ Анной Ѳедоровной и тогда же былъ опубликованъ законъ о морганатическихъ бракахъ. Этотъ манифестъ стоялъ въ очевидной связи съ тѣмъ фактомъ, что черезъ полтора мѣсяца послѣ развода Константинъ женился на полькѣ Грудзинской, хотя этотъ бракъ не былъ опубликованъ манифестомъ. Зимой 1821—1822 г. отреченіе Константина Павло-

вича было оформлено: письмомъ отъ 14 января 1822 года онъ отказался отъ престола, признаваясь, что не чувствуетъ въ себѣ ни «дарованій», ни надлежащаго «духа» для занятія престола и просить брата исходатайствовать согласіе матери на его отреченіе. Тутъ сразу уже проявляется оригинальная черта. Престолонаслѣдіе—дѣло семейное, почему и требуется согласіе матери. Александръ принялъ къ свѣдѣнію отказъ, но только 16 августа 1823 года имъ былъ написанъ офиціальнѣйшій манифестъ, утверждающій отказъ Константина и объявляющій наслѣдникомъ Николая Павловича. Манифестъ нѣсколько напоминаетъ форму завѣщанія. Но оригинально, что этотъ чрезвычайно важный актъ былъ переданъ московскому митрополиту на храненіе въ Успенскомъ соборѣ съ надписью: до востребованія, а въ случаѣ смерти Александра съ требованіемъ вскрыть пакетъ прежде, чѣмъ приступить къ какимъ-либо другимъ дѣйствіямъ. Списки съ этого акта въ разное время и много позже были положены на храненіе въ Государственномъ Совѣтѣ и Синодѣ, съ такими же надписями. Тайнственные пакеты возбуждали толки, но содержаніе ихъ никому не было извѣстно, за исключеніемъ весьма немногихъ лицъ. Кн. Александръ Голицынъ былъ единственнымъ помощникомъ и конфидентомъ царя въ этомъ важномъ дѣлѣ. Впрочемъ, тайнственность государя въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ скрывать было нечего, смущала этого вѣрнаго слугу. Въ разговорѣ съ Голицынымъ Александръ признавалъ опасность столь тайнственной передачи престола, но ограничился обѣщаніемъ опубликовать актъ. Изъ русскихъ людей, кромѣ Голицына, зналъ объ этомъ отъ государя Карамзинъ, не занимавшій крупнаго государственнаго положенія, знали архіеп. московскій Филаретъ и гр. Аракчеевъ. Все сводилось къ тому, что Россія, вскрывъ завѣщаніе, вдругъ неожиданно для себя узнаетъ, какому члену изъ семьи Романовыхъ она принадлежитъ. Правда, императоръ подробно разсказалъ о своихъ предположеніяхъ своимъ иностраннымъ друзьямъ—принцу Вильгельму прусскому, наслѣднику прусскаго престола и принцу Оранскому. При европейскихъ дворахъ объ этомъ говорили, въ Россіи же никто и ничего не зналъ. Передача престола готовилась, какъ въ частномъ быту, посредствомъ завѣщанія. Многіе изъ современниковъ посмотрѣли на эту неосторожность съ весьма отрицательной точки зрѣнія. Когда декабрьскія событія уже разразились, принцъ Евгений Виртембергскій съ досадою писалъ по этому поводу: «Нельзя играть съ законнымъ наслѣдіемъ престола, какъ съ частною собственностью. И въ царской семьѣ понимали то трудное положеніе, въ которое поставила государство тайнственность императора: «Въ тревожные дни де-

кабрьскихъ событій великій князь Михаилъ Павловичъ выражалъ мнѣніе, аналогичное съ приведеннымъ мнѣніемъ принца, и не скрывалъ отъ старшаго брата своихъ опасеній относительно тѣхъ затрудненій, которыя могутъ возникнуть при принесеніи новой присяги, потому что публикѣ трудно объяснить, почему вмѣсто старшаго брата надо присягать младшему, и каждому растолковывать сущность этихъ «домашнихъ сдѣлокъ». Это выраженіе вел. князя относится ко всему ходу событій, равно какъ и къ тѣмъ отвѣтамъ, которые давалъ Константинъ по поводу своего отреченія.

Такъ подготовлялась декабрьская эпопея. Не говоря о характерѣ акта, важно въ немъ то обстоятельство, что наиболѣе заинтересованное въ этомъ дѣлѣ лицо, будущій императоръ, не имѣлъ официальныхъ свѣдѣній о своемъ предназначеніи. Правда, Александръ I въ 1819 г. говорилъ Николаю Павловичу и его супругѣ о своемъ утомленіи и о своемъ желаніи отказаться отъ престола и очень прозрачно давалъ понять, что за отказомъ Константина престолъ перейдетъ къ великому князю Николаю. Но это были частные разговоры, намеки, нисколько не отражавшіеся на служебномъ положеніи великаго князя, по прежнему не привлекаемаго императоромъ ни къ какимъ государственнымъ серьезнымъ дѣламъ.

Не удивительно поэтому, что какъ только умеръ Александръ I, всѣ доклады изъ Таганрога и столицы направлены были въ Варшаву къ императору Константину, что во всей Россіи немедленно присягнули законному наслѣднику престола. Во главѣ спѣшившихъ признать новаго царя былъ и Николай Павловичъ. Когда читаешь о первыхъ шагахъ Николая Павловича по полученіи извѣстій о смерти Александра I, поневолѣ овладѣваетъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Онъ проявляетъ нервную торопливость. Извѣстіе о смерти было получено 27 ноября въ моментъ приступа къ молебну о здравіи императора; немедленно молебенъ прекращенъ, и великій князь первый даетъ присягу императору Константину, немедленно же онъ приказываетъ присягнуть караулу, затѣмъ отъ своего имени посылаетъ приказаніе о приведеніи къ присягѣ полковъ и командъ. Дивизионный генералъ зналъ, что ему этихъ распоряженій не подобаетъ дѣлать, не могъ этого не знать. И разъ онъ дѣлаетъ, то естественнымъ является предположеніе торопливымъ признаніемъ Константина избѣжать междоусобицы, перерыва власти, даже, быть можетъ, междоусобія и борьбы, потому что въ царской семьѣ могли знать, что отреченіе Константина едва ли было исполнѣ добровольно. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на дѣло и самъ цесаревичъ, приписывая устрани-

ніе его волѣ императора Александра¹⁾). Представляется безспорнымъ, что странное поведеніе Константина въ дни междуцарствія, его нервность, далеко превосходящая свойственное ему иногда повышенное нервное настроеніе, его нежеланіе слышать и знать, что дѣлается въ столицѣ, понять, чего отъ него хотятъ члены его семьи, его желаніе, чтобы въ Варшавѣ никто даже не зналъ о смерти императора, даже его намѣреніе бѣжать изъ Варшавы за границу «отъ такого порядка дѣлъ», его стремленіе, чтобы никто его не беспокоилъ²⁾), — всѣ эти обстоятельства не указываютъ ли они на душевныя волненія, на муки сомнѣнія, которыя испытывалъ въ эти дни Константинъ? Вѣдь странно распоряженіе «не знать о кончинѣ государя», — очевидно потому, что самому цесаревичу не хотѣлось объ этомъ знать. Николай Павловичъ могъ предвидѣть эти колебанія, особенно могъ знать о нихъ младшій братъ, съ которымъ Константинъ былъ очень друженъ и много говорилъ по поводу своего отказа. Разумѣется, онъ о своихъ сомнѣніяхъ не повѣдалъ потомству, ибо придворные немедленно признали его поведеніе «подвигомъ», умиляясь предъ его благородствомъ и твердостью семейныхъ принциповъ. Последнее было, пожалуй, вѣрно: не желая сдѣлать страну судьей въ вопросѣ о передачѣ престола, Николай Павловичъ, очевидно, рѣшилъ, что весь этотъ вопросъ какъ-нибудь уладится въ царской семьѣ, что братья столкнутся между собою на счетъ родового наслѣдія. Исходя, очевидно, изъ этихъ соображеній, великій князь Николай взялъ на себя всѣ распоряженія по приведенію государства къ присягѣ, какъ старшій членъ семьи, находящійся въ столицѣ. Недаромъ сейчасъ по воцареніи Николай старался объяснить «для Европы» старшинѣ дипломатическаго корпуса М. Ферроне необходимость своего поведенія въ эти дни, ибо и этотъ иностранецъ понималъ неравномѣрность поведенія великаго князя³⁾).

Но вернемся къ процессу присяги Константину. Только по принесеніи войсками присяги новому императору, собирается наконецъ по предложенію великаго князя Государственный Совѣтъ, въ которомъ поднимается вопросъ о распечатаніи таинственнаго пакета, и обо всемъ освѣдомленный кн. Голицынъ хлопочетъ о выполненіи воли покойнаго. Въ средѣ членовъ Совѣта недоумѣніе. Ставится вопросъ о личныхъ переговорахъ съ великимъ княземъ, неожиданно осложняющійся тѣмъ, кто къ кому долженъ пойти—Совѣтъ къ великому князю или великій князь въ Совѣтъ. Разумѣется, нашли «приличнымъ», въ полномъ составѣ Совѣта идти въ аппартаменты дивизіоннаго генерала. Отъ великаго князя и отъ императрицы-матери члены Государствен-

наго Совѣта узнають, что царской семьѣ извѣстно содержаніе завѣщанія; но что великій князь рѣшилъ повиноваться старшему брату, отъ «воли коего зависить его участь», а отъ матери Совѣтъ узналъ, что и актъ составленъ съ ея «родительской воли», но она уже утвердила всѣ дѣйствія младшаго сына, «увлекаясь подвигомъ сына». Итакъ, престолъ—дѣло семейное. Совѣту ничего не оставалось, какъ присягнуть. въ Сенатѣ сдѣлали то же, а въ Синодѣ даже не распечатали пакета по желанію великаго князя.

Вся эта картина производитъ странное впечатлѣніе. Великій князь не желаетъ считаться съ тѣмъ, что существуетъ извѣстная форма перехода власти; онъ не ждетъ указа Сената о присягѣ; высшія учрежденія остаются въ тѣни и играютъ довольно жалкую роль; обязанности, возложенныя на нихъ закономъ, предвосхитилъ великій князь. Его отношеніе къ высшему учрежденію имперіи—Государственному Совѣту нельзя не признать надменными. Онъ какъ бы недоволенъ его вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла и разрѣшилъ лишь Совѣту въ частной формѣ выслушать рѣшеніе, принятое наличными старшими членами фамиліи. Великій князь не обращается даже къ кому-либо изъ отдѣльныхъ совѣтниковъ. Между тѣмъ самъ Николай былъ человѣкомъ закона и долга. И если въ данномъ случаѣ онъ игнорировалъ законныя формы, то причина его поведенія въ данномъ случаѣ объясняется именно этими обстоятельствами, на которыя указываетъ выше. Для великаго князя было, очевидно, много побужденій удержать весь вопросъ въ семейной сферѣ не только вслѣдствіе братней любви, но, быть можетъ, и изъ чувства самосохраненія. Правда, въ запискахъ С. Трубецкого имѣется разсказъ со словъ Опочинина о томъ, будто бы Николай Павловичъ ночью, наканунѣ полученія извѣстія о смерти, совѣщался съ гр. Милорадовичемъ, петербургскимъ генераль-губернаторомъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта кн. Лопухинымъ и доказывалъ имъ свои права на престолъ, но что Милорадовичъ отклонилъ попытку Николая. Разсказъ этотъ однако страдаетъ противорѣчіями, не соотвѣтствуетъ длинному ряду другихъ свидѣтельствъ, не соотвѣтствуетъ всему тому, что мы знаемъ о характерѣ Николая, и совсѣмъ невѣроятно, чтобы Опочинину, столь близкому къ цесаревичу человѣку, и въ то же время столь незначительному въ правящихъ сферахъ, кто-нибудь изъ присутствовавшихъ тогда же могъ передать этотъ щекотливый разговоръ. Да и самъ Трубецкой не преминулъ бы внести разсказъ въ записки, а между тѣмъ въ запискахъ его нѣтъ, а находится онъ въ случайномъ позднѣйшемъ отрывкѣ, не говоря о томъ, что къ запискамъ Трубецкого надо относиться съ величайшей осторожностью: несмотря на свои аристократическія

связи, онъ все же обладалъ очень слабой освѣдомленностью, а записки его носятъ весьма субъективный характеръ.

Но, спрашивается, какую же роль игралъ Государственный Совѣтъ въ этотъ періодъ междуцарствія? Вѣдь въ сущности великій князь присвоилъ себѣ совершенно не присущія дивизионному генералу права и распорядился престолонаслѣдіемъ. Кромѣ другихъ источниковъ дошло до насъ эпическое описаніе этого знаменитаго засѣданія Государственного Совѣта подъ предсѣдательствомъ глухого кн. Лопухина. Сущность его сводится къ тому, что господа члены Совѣта безмолствовали, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, съ горестными и умильными сердцами выслушали завѣщаніе покойнаго императора, нашли «приличнымъ» пойти въ великому князю, выслушали отъ него приказаніе присягать, рыдали и плакали, удивляясь «подвигу» присягнули, опять плакали въ покаянь императрицы и цѣловали ея руки. Только одинъ А. Н. Голицынъ просилъ Николая Павловича не отступать отъ завѣщанія. Вотъ и все, въ чемъ проявилась государственная мудрость этого высшаго установленія: исключительно въ трепетѣ и слезахъ. Только Константинъ Павловичъ, узнавъ о происшедшемъ, возмущенъ поведеніемъ Государственного Совѣта и изъ Варшавы прислалъ его предсѣдателю, Лопухину, и всему Совѣту очень строгое внушеніе за несоблюденіе законности въ порядкѣ принесенія присяги, не говоря о нежеланіи Совѣта соблюсти волю императора Александра I.

Самъ Константинъ Павловичъ присягнулъ въ Варшавѣ Николаю. Началась любопытная переписка между братьями, изъ которыхъ каждый готовъ былъ уступить другому престолъ. Вѣрный подданный Николай сообщаетъ императору Константину о своихъ дѣйствіяхъ, а вѣрный подданный Константинъ—императору Николаю о своихъ дѣйствіяхъ. Въ письмѣ отъ 26 ноября, т.-е. сейчасъ по полученія извѣстій о кончинѣ императора, цесаревичъ пишетъ письмо «любезному брату» съ подтвержденіемъ своего отказа отъ престола и съ сообщеніемъ, что обо всемъ этомъ именно написано въ письмѣ къ матери. Это—совершенно частное письмо. Оно доставлено 3 декабря въ Петербургъ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, а 2-го декабря, узнавъ о принесеніи ему присяги, цесаревичъ посылаетъ уже коротенькую записочку съ извѣщеніемъ, что онъ очень огорченъ принесеніемъ ему присяги. Официальное письмо на русскомъ языкѣ подтверждало рѣшеніе Константина. Но Николаю эти письма показались недостаточными, хотя официальное русское письмо могло бы быть опубликовано. Правда, это было письмо, а не манифестъ императора объ отказѣ отъ престола. Николаю хотѣлось получить официальный

манифестъ. Онъ пишетъ письмо къ брату и, «припадая къ стопамъ», умоляетъ его такъ или иначе разрѣшить вопросъ. Но съ точки зрѣнія юридическихъ формъ императоръ Константинъ никогда не отказывался отъ престола, ибо требованіе оставить его въ покоѣ, угроза бѣжать изъ Варшавы, странныя фразы, «пусть будетъ, что будетъ», частныя записки—не отказъ отъ престола. Николаю пришлось удовольствоваться письмами брата и объявить о своемъ вступленіи на престолъ. Но вотъ что важно. Императоръ Николай, который былъ лично отъ цесаревича Константина отдѣленъ и возрастомъ, и условіями воспитанія, и условіями жизни, ибо братья въ зрѣломъ возрастѣ совмѣстно никогда не жили и близкими никогда другъ другу не были,—тѣмъ не менѣе императоръ Николай признавалъ семейное старшинство Константина и не только во всѣхъ дѣлахъ совѣщался съ нимъ, но давалъ ему отчетъ во всѣхъ дѣлахъ и неуклонно слѣдовалъ его совѣтамъ, какъ бы сознавая себя російскимъ намѣстникомъ императора Константина, находящагося въ Варшавѣ. Императоръ Николай лучше, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, понималъ и признавалъ, что императоръ Константинъ отъ престола не отказался. Поэтому дѣловая связь между братьями зиждилась не на семейныхъ или дружественныхъ началахъ, а была побуждаема той фикціей, которая по существу установилась въ этотъ періодъ. Неудивительно поэтому, что намеки современниковъ о причинахъ смерти Константина отъ дружественной услуги Николаю генерала Дибича могутъ имѣть свои основанія.

Вопросъ о невозможности получить отъ Константина манифестъ выяснился 12-го декабря, на 14-е декабря была назначена присяга, и будущій императоръ писалъ генералу Дибичу, находившемуся при останкахъ Александра I: «послѣ-завтра я или императоръ или безъ дыханія». Дѣло въ томъ, что о тайномъ обществѣ Николаю Павловичу было уже извѣстно, вскрыты были пакеты съ юга о миссіи генерала Чернышева, сдѣлалъ свое сообщеніе и Ростовцевъ, хотя послѣднее было безъ указанія лицъ. Вся обстановка предстоящаго вступленія на престолъ не могла не казаться будущему императору необычной и не подлежащей оспариванію³⁾.

Отсутствіе какихъ-либо официальныхъ извѣстій, кромѣ странныхъ сообщеній о томъ, что императоръ Константинъ «находится въ вождѣлѣнномъ здравіи» и даже ожидается въ столицу, помѣщавшихся въ газетахъ тогда, когда при дворѣ было хорошо извѣстно объ отказѣ, таинственность, которою были окружены всѣ переговоры, проникающіе въ публику слухи о странномъ теченіи переговоровъ между братьями—все это породило въ столицѣ самыя неопредѣленные и разнообразныя слухи. Во всѣхъ углахъ

говорили, говорили язвительно, обсуждали качества обоихъ кандидатовъ въ цари; слухи эти иногда очень интересны, иногда весьма характерны, какъ показатель настроенія столичнаго общества.

Полковникъ Булатовъ передаетъ, что большая часть народа охотно желала видѣть государемъ Константина, цѣня его щедрость, незлопамятность, надѣялись на введеніе порядка въ дѣлахъ и на уничтоженіе военныхъ поселеній. Великаго князя Николая Павловича не любили и не знали, предполагали его злымъ, скупымъ, боялись непріятностей по службѣ. Правда, боялись, что Константинъ Павловичъ будетъ окруженъ поляками, но ихъ предпочитали пруссакамъ, склонность къ которымъ питалъ Николай Павловичъ. Толки серьезнаго рода переходили въ насмѣшки: «корона русская нынѣ подносится какъ чай, и никто не хочетъ» ⁴⁾. Гвардейскіе полки съ удовольствіемъ присягнули Константину, потому что рассчитывали на увеличеніе жалованья и на уменьшеніе срока службы. Но въ то же время разносились слухи о томъ, какъ рѣзко принималъ Константинъ тѣхъ, кто доставлялъ ему пакеты съ надписью императору ⁵⁾. Говорили, что отвѣтъ Константина Николаю составленъ въ неприличныхъ выраженіяхъ. «Били заклады, кому достанется престолъ». Сенатъ послалъ къ Константину одного изъ сенаторовъ, извѣстнаго картежника,—разнесся слухъ, что Константинъ его выпроводилъ, заявивъ, что въ карты не играетъ ⁶⁾. Говорили о сильномъ противодѣйствіи Милорадовича вступленію на престолъ Николая Павловича ⁷⁾. По словамъ Завалишина, въ обществѣ не ожидали добра ни отъ одного изъ кандидатовъ на престолъ. Обоихъ братьевъ не любили, но Константина предпочитали Николаю, потому что отъ послѣдняго никакого добра не надѣялись: «Разсказывали о такихъ неистовыхъ его дѣлахъ, что государь, какъ говорили, хотѣлъ было даже отдать его формально подъ судъ». А между тѣмъ про Константина говорили, что онъ сильно измѣнился къ лучшему въ Варшавѣ. «Но Николай былъ ненавидимъ,—разсказываетъ Завалишинъ,—особенно войскомъ, по разсказамъ о настоящихъ его дѣйствіяхъ, по званію его—командира гвардейской дивизіи. И если и были нѣкоторые, которые робко относили его дѣйствія къ умысленному будто бы желанію непопулярности, изъ угодливости государю, не любившему популярныхъ начальниковъ, а хотѣвшему, чтобы всѣ искали единственно его одобренія, то большая часть, напротивъ, относили порицаемыя дѣйствія Николая прямо къ его характеру, и надо сказать, что самые худшіе разсказы въ подтвержденіе этого шли изъ круга людей самыхъ приближенныхъ къ Константину, и какъ слышанные отъ

него самого. Кромѣ того въ Николаѣ отрицали и образованіе, и потому никто не ожидалъ отъ него возможности искуснаго управленія государствомъ. Должно сказать и то, что супруга Николая вполне раздѣляла его непопулярность. Общая молва въ то время была наполнена разсказами объ ея расточительности для себя и скупости для бѣдныхъ и для служащихъ во дворцѣ, о ея суровости, доходившей будто бы до поощренія тѣлесныхъ наказаній солдатскихъ женъ и дочерей. Подобные разсказы сдѣлались, наконецъ, даже ходячими анекдотами между солдатами гвардіи»⁸⁾.

Вообще среди слуховъ преобладали такіе, которые ясно указывали на паденіе престижа власти. Неудивительно поэтому, что въ это тревожное время у наиболѣе рьяныхъ членовъ освободительнаго движенія стала зарождаться мысль о возможности воспользоваться царившею смутю въ цѣляхъ успѣха революціонныхъ идей. Правда, увѣренности въ отказѣ Константина не было до 9—10-го декабря, напротивъ господствовала увѣренность, поддерживаемая кн. С. П. Трубецкимъ, считавшимся весьма освѣдомленнымъ, въ пріѣздѣ Константина. Дѣйствіе предполагалось только въ случаѣ перехода престола къ Николаю⁹⁾; бороться съ популярностью уже вступившаго на престолъ государя не считали возможнымъ. Подготовка началась съ первыхъ дней декабря, но для настоящей работы, съ уже опредѣлившейся ясною цѣлью, времени оказалось немного, и это не могло не отразиться на успѣшности подготовки. Во всякомъ случаѣ, работа шла и шла очень усиленнымъ темпомъ. Общество декабристовъ было по существу весьма малочисленнымъ. Надо было увеличить число членовъ и провѣрить отношеніе къ дѣлу, уже связанныхъ съ обществомъ лицъ, надо было подогрѣть колеблющихся, собирать и сообщать другъ другу слухи и вѣсти, выработать планъ дѣйствій. Основная группа заговорщиковъ была невелика. Ея истиннымъ руководителемъ, ея душой явился Рылѣевъ.

Началась работа по привлеченію новыхъ членовъ и собраній для обсужденія мѣръ и плановъ. Новыхъ членовъ вербовали среди офицеровъ, либеральный образъ мыслей которыхъ былъ извѣстенъ въ кружкѣ декабристовъ. И надо отдать справедливость, что за это время они успѣли присоединить многихъ, которые рискнули жизнью и вышли на сенатскую площадь. Такъ среди новоприсоединенныхъ членовъ встрѣчаемъ барона Розена, капитана Торсона, полковника Батенкова, полковника Булатова, братьевъ Бѣляевыхъ и мн. др.¹⁰⁾.

Уже самый фактъ смерти императора возбудилъ въ нѣкоторыхъ членахъ мысль о томъ, что настала пора для общества приступить къ дѣйствию. Н. А. Бестужевъ и Торсонъ, узнавъ о назначеніи

присяги Константину, бросились къ Рылѣеву, который оказался совершенно неосвѣдомленнымъ даже въ болѣзни императора. Со стороны Бестужева на Рылѣева посыпались упреки: гдѣ общество, даже самъ Рылѣевъ не зналъ о болѣзни царя, каковы его намѣренія, и что оно предполагаетъ сдѣлать. Рылѣевъ былъ пораженъ и могъ только признаться въ безсиліи общества и въ томъ, что «я обманулся самъ». Въ это время подошли Бестужевъ и Батенковъ и такимъ образомъ составилось первое ядро начавшихъ думать о немедленности переворота. Разсказъ Н. Бестужева подтверждается показаніями Торсона и самого Бестужева ¹¹⁾, ибо для Торсона было весьма ¹²⁾ выгоднымъ напомнить о своемъ недовѣріи къ силамъ общества, которое онъ высказалъ въ этотъ разъ.

Во всякомъ случаѣ, Рылѣевъ назначилъ въ тотъ же день вечеромъ совѣщаніе, прося членовъ узнать о расположеніи умовъ въ городѣ и обѣщавъ самъ собрать свѣдѣнія. Это совѣщаніе описано въ показаніяхъ князя Оболенскаго. Оно отличается отъ перваго тѣмъ, что носило, такъ сказать, официальный характеръ, ибо въ немъ принимали участіе только члены Думы, почему на немъ не присутствовали далекіе отъ ядра общества члены, какъ Торсонъ и Батенковъ.

По разсказу князя Оболенскаго, въ день присяги Константину члены общества впервые собрались у Рылѣева и поздравили другъ друга «съ неожиданнымъ для насъ происшествіемъ» и сознались «въсѣ въ слабости нашихъ силъ и невозможности дѣйствовать сообразно цѣли нашей, и разстались, не положивъ ничего рѣшительнаго». Тутъ были, кромѣ хозяина и рассказчика, братья Александръ и Николай Бестужевы и кн. Трубецкой. Тѣмъ не менѣе, собранія продолжались ежедневно въ той же квартирѣ, по вечерамъ. «Предметъ нашихъ разговоровъ были слухи городскіе». Когда стали проникать слухи объ отреченіи, «то посему случаю начались у насъ совѣщанія... И рѣшено было стараться приготовить новыхъ членовъ общества, поспѣшить принятіемъ тѣхъ, которые были уже у насъ въ виду и вообще сообразовать дѣйствія наши съ обстоятельствами» ¹³⁾. Въ позднѣйшихъ запискахъ Н. А. Бестужевъ разсказываетъ несомнѣнно еще другой эпизодъ этого собранія у Рылѣева 27 ноября. По его словамъ Н. А. Бестужевъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ рѣшили сначала обратиться къ войску съ прокламаціей, но потомъ передумали и рѣшили ходить ночью по городу и распространять въ народѣ и войскахъ слухи о томъ, что при вступленіи новаго царя народъ былъ обманутъ, такъ какъ не вскрыли завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ говорилось о вольности крестьянамъ и о сокращеніи срока солдатской службы до 15 лѣтъ. По словамъ рассказчика,

ихъ жадно слушали. Но такая пропаганда продолжалась всего двѣ ночи ¹⁴). Впрочемъ, эта пропаганда большого значенія не имѣла, какъ показали послѣдующія обстоятельства, не имѣла потому, что она едва ли была широкой. Въ своихъ показаніяхъ Н. А. Бестужевъ говоритъ только о двухъ-трехъ случаяхъ своихъ ночныхъ разговоровъ съ солдатами. Во всякомъ случаѣ, мысль о привлеченіи къ дѣлу народа и солдатъ была вскорѣ оставлена и, какъ увидимъ, декабристы солдатамъ не выяснили настоящей цѣли революціи.

Во всякомъ случаѣ, собранія 27 ноября положили начало организаціонной работѣ. Квартира Рылѣева сдѣлалась, такъ сказать, главнымъ штабомъ задуманной революціи, какъ по вліянію хозяина ея среди членовъ общества, такъ и потому, что Рылѣевъ скоро заболѣлъ горломъ. Собранія въ первые дни носили болѣе или менѣе интимный характеръ совѣщаній небольшого кружка лицъ. Въ одно изъ ближайшихъ собраній въ комнатѣ больного были Трубецкой и Оболенскій. Трубецкой увѣрялъ, что Константинъ Павловичъ пріѣдетъ для принятія престола и въ такомъ случаѣ постановлено было закрыть общество, продолжать однако дѣйствовать въ его духѣ. Въ этомъ дано было другъ другу слово. Но Оболенскій спросилъ Трубецкого: «если же императоръ откажется, въ такомъ случаѣ, что дѣлать?»

По мнѣнію Трубецкого, въ такомъ случаѣ «мы не имѣемъ никакой отговорки принести обществу, избравшему насъ, что мы должны всѣ способы употребить для достиженія цѣли общества». Собесѣдники согласились съ этимъ мнѣніемъ и сообщили остальнымъ членамъ для того, чтобы всѣ готовились и «каждый въ своемъ кругѣ дѣйствовалъ сообразно съ цѣлью общества» ¹⁵).

Первыми участниками этихъ интимныхъ совѣщаній были три брата Бестужевыхъ, Оболенскій, Трубецкой, Одоевскій, Арбузовъ, Каховской, Сутгофъ. Позже кругъ расширился и членами и неофитами: пріѣхалъ изъ Москвы И. И. Пущинъ, появились Якубовичъ, Батенковъ, Булатовъ, Щепинъ-Ростовскій, Розенъ. Пановъ и нѣкоторые другіе. Это были и совѣщанія, и заѣзды членовъ для освѣдомленія и полученія инструкцій, и пріѣзды колеблющихся для того, чтобы на нихъ воздѣйствовала чарующая личность Рылѣева. Определеннаго времени для этихъ пріѣздовъ не было, но все же виднѣйшіе члены собирались по вечерамъ. Совѣщанія въ собственномъ смыслѣ не были общими. Обыкновенно Трубецкой, Оболенскій и Рылѣевъ удалялись въ комнату послѣдняго, и тамъ совѣщались, прочіе же члены оставались въ сосѣдней комнатѣ и только въ одиночку или по два входили въ это интимное совѣщаніе. Когда кончалась дѣловая часть, Трубец-

кой долго не засиживался въ общей компаніи и уѣзжалъ. Вообще, на общихъ совѣщаніяхъ онъ почти не присутствовалъ.

Съ 10 декабря, когда сдѣлалось извѣстнымъ о вторичномъ отказѣ Константина, началась бурная, кипучая работа. Извѣстіе объ отказѣ принесъ Трубецкой. Всѣ, бывшіе въ этотъ моментъ въ квартирѣ Рылѣва, рѣшили немедленно оповѣстить остальныхъ членовъ. Оболенскій отправился къ Каховскому, у котораго засталъ Сутгофа и еще какого-то неизвѣстнаго, почему поговорить не удалось. Отсюда онъ бросился къ Якубовичу, оттуда въ Финляндскій полкъ къ полковнику Моллеру, отъ него къ Тулубьеву, съ которымъ тоже не удалось поговорить, и затѣмъ возвратился къ Рылѣву, гдѣ уже находились Пущинъ и Рѣпинъ¹⁶⁾.

Совѣщанія сдѣлались интенсивнѣе и отвѣтственнѣе. И раньше разговоры шли не только въ квартирѣ Рылѣва, но совѣщались и въ квартирахъ другихъ членовъ. Теперь совѣщанія принимаютъ болѣе опредѣленный и дѣловой характеръ. До насъ дошли свѣдѣнія о нѣкоторыхъ такихъ собраніяхъ, въ родѣ описаннаго барономъ Розеномъ. Какъ это ни странно, но впрочемъ весьма характерно для позднѣйшихъ записокъ декабристовъ, баронъ Розенъ въ своихъ запискахъ въ весьма общихъ чертахъ описываетъ свое появленіе на этомъ собраніи—такъ, какъ будто онъ въ немъ не принималъ участія и лишь испугался смѣлости Рѣпина. Между тѣмъ, самъ Розенъ былъ въ этомъ собраніи важнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Собраніе было созвано, повидимому, по инициативѣ Оболенскаго, который здѣсь же знакомилъ собравшихся съ планомъ дѣйствія. Самъ Розенъ поднималъ вопросъ о томъ, что офицеры, «жертвуя всѣмъ для пользы отечества въ столь важномъ случаѣ, каковъ нынѣ предстоитъ, желаютъ быть, сколь возможно, болѣе увѣренными въ содѣйствіи прочихъ членовъ. И потому предлагалъ собрать по одному члену отъ всѣхъ полковъ, гдѣ имѣются члены, на общее совѣщаніе. Оболенскій согласился, хотя не имѣлъ на то предварительнаго согласія Трубецкого, и тутъ же назначилъ время для этого собранія на слѣдующій день, на утро 12 декабря. Собраніе происходило у Оболенскаго. Здѣсь были: Кожевниковъ, Сутгофъ, Щепинъ-Ростовскій, Розенъ, Богдановъ, Одоевскій, Арбузовъ, Анненковъ, Арцыбашевъ, Рылѣвъ. Все это младшіе офицеры гвардейскихъ полковъ. Былъ здѣсь и пріѣхавшій изъ Москвы И. И. Пущинъ. Мало радостнаго открылось на этомъ совѣщаніи. На Измайловскій и Финляндскій полки не было никакой надежды со стороны нижнихъ чиновъ. По разсказу позднѣйшихъ записокъ Пущина, на вопросъ Оболенскаго о томъ, сколько каждый можетъ вывести солдатъ, по-

лучился печальный отвѣтъ, что собравшіеся не могутъ ручаться ни за одного, почему и было положено вывести на плсщидь столько, сколько это окажется возможнымъ. Въ сущности такіе же результаты совѣщанія подтверждаются и показаніями самого Оболенскаго, который говорилъ, что результаты совѣщанія привели участниковъ въ немалое смущеніе, изъ котораго ихъ вывелъ Рылѣевъ, который заявилъ, что главная цѣль настоящаго собранія состоитъ въ томъ, чтобы присутствующіе обязались словомъ быть на плсщиди въ день присяги съ тѣмъ числомъ войскъ, которое окажется возможнымъ вывести. Слово было дано ¹⁷⁾.

Нѣсколько собраній было 13 декабря. Таково напр. собраніе у Н. Бестужева, но это было незначительное совѣщаніе, на которое заходили Батенковъ, Рѣпинъ, Торсонъ, Рылѣевъ, Ив. Пущинъ. Болѣе серьезный разговоръ здѣсь былъ у Рылѣева и Пущина съ Рѣпинымъ, котораго оба уговаривали воздѣйствовать на офицеровъ полка, что послѣдній находилъ дѣломъ трудно выполнимымъ, хотя и обѣщалъ съ своей стороны дѣйствовать ¹⁸⁾.

Содѣйствіе морского экипажа считалось Рылѣевымъ и его друзьями очень важнымъ, не только по давнимъ мечтамъ Рылѣева о захватѣ Кронштадта, но и потому, что тамъ было уже не мало дѣятельныхъ членовъ изъ числа молодыхъ офицеровъ и, слѣдовательно, можно было путемъ пропаганды расширить участіе этой части войска. Наканунѣ рѣшительнаго дня въ квартирѣ братьевъ Бѣляевыхъ собрались офицеры, здѣсь были и сообщники заговора и еще не обращенные. Арбузовъ выступилъ съ рѣчью, въ которой говорилъ: «Господа, зная вашъ образъ мыслей, кажется, я могу говорить съ вами открыто. Завтра, вы знаете, будутъ присягать: мы не должны присягать и приготовимъ къ сему и роты. Завтра, когда люди откажутся отъ присяги, выведемъ роты на Петровскую площадь, гдѣ уже будутъ всѣ полки, и тамъ принудимъ Сенатъ утвердить составленную давно уже конституцію, чтобы ограничить государя». Обратясь къ Бодиско, Арбузовъ сказалъ: «вѣроятно и вы не откажетесь содѣйствовать?» Но тутъ выяснилось, что не всѣ, даже сочувствующіе заговору, были вполне посвящены въ его планъ. Среди нихъ былъ и Бодиско, который отвѣтилъ Арбузову, что онъ со своей ротой не будетъ, «ибо, какъ могутъ дѣйствовать, не зная вашего плана. Вы бываете между тѣми, съ которыми составили заговоръ, знаете весь планъ и можете быть даже увѣреннымъ въ хорошемъ окончаніи онаго; я же, не зная ни плана, ни одного изъ вашихъ сообщниковъ, какъ могу вамъ дать слово къ содѣйствію». Арбузовъ старался устранить этотъ диссонансъ. Онъ старался увѣрить своего товарища, что опасаться неудачи нечего, что всѣ полки будутъ на площади, и

что онъ и самъ всего плана не знаетъ, а знаетъ лишь то, что самому нужно дѣлать. «Если вы точно не на словахъ,—обращался онъ къ собесѣднику,—показываете любовь къ отечеству, то не должны ли, оставивъ самолюбіе, содѣйствовать всѣми силами». Въ конечномъ итогѣ этого разговора Бодиско заявилъ, что о себѣ онъ ничего не скажетъ, будетъ ли присягать или нѣтъ, за свою роту онъ не ручается, потому что не будетъ ее возбуждать къ возстанію, и на площадь онъ не пойдетъ. Бѣляевъ 1-й, желая успокоить спорившихъ, указывалъ Арбузову на то, что трудно настаивать на соучастіи Бодиско, если онъ не хочетъ принимать участія. Здѣсь же собесѣдники обмѣнялись и текущими городскими новостями. Находившійся тутъ же подпоручикъ Измайловскаго полка Гудимовъ, который со словъ Львовыхъ передавалъ слова Н. С. Мордвинова, «что онъ ѣдетъ во дворецъ присягать и что поступить такъ, какъ ему предписываетъ долгъ, и который (Мордвиновъ) будто прощаніемъ далъ знать, что не думаетъ воротиться». Обратясь же къ офицерамъ Львовымъ, сказалъ: что «теперь дѣло гвардіи». Мы текстуально передаемъ этотъ рассказъ со словъ Бѣляева 1, рассказъ неясный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно идущій къ дѣлу. Арбузовъ, который относитъ это собраніе къ квартирѣ Рылѣева, что совершенно невѣроятно (вечеромъ 13 декабря у Рылѣева никакихъ случайныхъ офицеровъ не было и не могло быть) пополняетъ этотъ рассказъ о городскихъ слухахъ характерными чертами, рисуящими, какъ создавалось повышенное и увѣренное настроеніе. Гудимовъ, со словъ Львовыхъ, передавалъ эпизодъ о Мордвиновѣ такъ: «Мордвиновъ, уѣзжая во дворецъ для принятія присяги, говорилъ: «можетъ быть, я уже болѣе не возвращусь, ибо рѣшилъ до конца жизни противиться сему избранію», и обращаясь къ дѣтямъ Львова (офицеры гвардіи), сказалъ: «теперь вы должны дѣйствовать». Несмотря на диссонансъ, произведенный отказомъ Бодиско, все же офицеры гвардейскаго экипажа вышли изъ собранія въ повышенномъ настроеніи. Когда послѣ ухода Арбузова, братья Бѣляевы остались съ пришедшими къ нимъ товарищами, «то восхищались торжествомъ, если будетъ удача, и воображали, какъ народъ будетъ привѣтствовать, какъ избавителей своихъ»¹⁹).

Параллельно съ собраніемъ въ квартирѣ Бѣляевыхъ, въ зданіи того же гвардейскаго экипажа шло собраніе и въ квартирѣ самого Арбузова, откуда послѣдній и приходилъ въ собраніе у Бѣляевыхъ. Здѣсь были Якубовичъ, Н. Бестужевъ, вѣроятно и др. Братья Бѣляевы одинъ за другимъ отправились въ квартиру Арбузова, и, возвратясь оттуда къ себѣ, рассказывали о своемъ знакомствѣ съ Якубовичемъ. Якубовичъ имъ между прочимъ сказалъ:

«господа, хотя я не сомнѣваюсь, чтобы вы не были храбры, но все еще всѣ не были никогда подъ пулями, и я вамъ покажу примѣръ собою». Тутъ высказывалась увѣренность въ успѣхѣ, настроеніе было бодрое, слышны были рѣчи о томъ, что вся гвардія подготовлена.

Но возвратимся къ главному штабу заговора, въ квартиру Рылѣва. Здѣсь въ эти дни жизнь была ключомъ. Всѣ нити разговора сходились здѣсь, здѣсь вырабатывался планъ дѣйствій, отсюда шли всѣ распоряженія. Соучастники предпріятія появлялись, совѣщались, запасались свѣдѣніями, сообщали свои и уходили; взамѣнъ ихъ появлялись другіе. Общихъ или болѣе или менѣе людныхъ совѣщаній не было. Поэтому каждый изъ приходившихъ въ квартиру Рылѣва описываетъ тотъ моментъ, когда онъ былъ, тѣ разговоры, свидѣтелями которыхъ онъ оказался. Такихъ свѣдѣній не мало, нѣкоторыя изъ нихъ очень характерны и заслуживаютъ того, чтобы съ ними познакомиться.

Начать съ того, что эти дни для Н. Бестужева, Оболенскаго и Рылѣва начались инцидентомъ весьма трагическаго свойства. Одинъ изъ друзей Оболенскаго, недавно принятый въ число членовъ, Ростовцевъ, сначала убѣждалъ прекратить попытки къ мятежу какъ бесполезныя, и не достигнувъ его согласія, извѣстилъ о заговорѣ Николая, правда, безъ указанія именъ. Самъ же Ростовцевъ предупредилъ объ этомъ Оболенскаго и сообщилъ ему копію своего письма къ великому князю. Этотъ инцидентъ многократно и подробно описанъ. Намъ остается только отмѣтить его исходъ. Бестужевъ предложилъ никому не показывать письма Ростовцева, полагая, что лучше быть «взятымъ на площади, чѣмъ въ постели». Рылѣвъ былъ растроганъ такимъ рѣшеніемъ и въ волненіи, между прочимъ, говорилъ: «Судьба наша рѣшена... Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется». Бестужевъ заключилъ это объясненіе словами: «принесемъ собою жертву для будущей свободы отечества». Этотъ эпизодъ чрезвычайно характеренъ: безнадежность положенія была ясна для соучастниковъ заговора, но казалось членамъ все же необходимымъ дѣйствовать.

12 декабря члены, въ большомъ числѣ посѣщавшіе квартиру Рылѣва, были уже освѣдомлены о планѣ дѣйствій ²⁰⁾. Это — характерный день эпизодовъ перваго повышеннаго настроенія. Характерныя частности этихъ эпизодовъ собраны въ «Донесеніи». Мы отмѣтимъ, что это то самое собраніе, на которомъ Каховской возмущался «этимъ филантропами», боящимися крови, и высказывалъ крайнія мысли террористическаго характера ²¹⁾. На этомъ собраніи былъ и полковникъ Булатовъ, не упоминающій впрочемъ

о рѣчахъ Каховскаго. По словамъ Булатова, вопросъ о царевѣ бѣствѣ поднималъ Якубовичъ. На полковника Булатова, чело-вѣка свѣжаго въ сообществѣ декабристовъ, это собраніе произвело весьма невыгодное впечатлѣніе. Онъ его называетъ «собраніемъ ротныхъ командировъ». По чинамъ присутствующихъ онъ взвѣшивалъ силу войска. «Я дожидаль еще чего-нибудь посерьезнѣе,—говорить онъ,—мелькнулъ какой-то полковникъ. Явился кн. Трубецкой и тутъ впервые познакомился съ своимъ «помощникомъ», но повидимому онъ ни о чемъ не говорилъ съ Булатовымъ. Зато послѣдній очень обрадовался знакомству съ Якубовичемъ, о которомъ онъ и раньше слышалъ, котораго тутъ же полюбилъ и съ которымъ оказался «въ мысляхъ сходнымъ»,—въ ироническомъ и безнадежномъ взглядѣ на дѣло. Булатовъ не преминулъ спросить Рылѣва о томъ, какой силой располагають заговорщики, потому что по его счету тутъ было представлено не болѣе шести ротъ, но Рылѣвъ отозвался, что многіе начальники уже разѣхались. Но даже и разговоры присутствующихъ ротныхъ командировъ, произвели на Булатова пессимистическое впечатлѣніе. Щепинъ-Ростовскій считалъ безнадежнымъ настроеніе своего полка. Булатовъ, по его словамъ, пытался было воздѣйствовать на собравшихся въ смыслѣ отказа отъ предпріятія, но, видимо, его словамъ не придали значенія. Слабость силъ сознавали въ этотъ вечеръ и другіе. Баронъ Розенъ указывалъ на неопредѣленность плана дѣйствія войскъ. Хотя всѣ присутствующіе надѣялись на успѣхъ, но у самого Рылѣва закрадывалось сомнѣніе. Онъ спросилъ у Розена о томъ, можно ли положиться на первый и второй баталіоны Финляндскаго полка, и получивъ отрицательный отвѣтъ, съ грустью сказалъ: «да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды»²²). Булатовъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ. По дорогѣ оказалось, что и Якубовичъ не освѣдомленъ ни о силѣ войскъ заговорщиковъ, ни о планѣ, ни объ «отечественной пользѣ» отъ заговора. Князя Трубецкаго Якубовичъ также видѣлъ въ первый разъ, и оба офицера дали другъ другу слово держаться общаго плана дѣйствій²³).

Канунъ возстанія проведенъ въ общеніи членовъ между собою. Вечеромъ квартира Рылѣва была мѣстомъ, гдѣ перебивали почти всѣ участники. Они сообщаютъ намъ тѣ или другіе отрывки воспоминаній, что у кого осталось въ памяти. Память Пущина сохранила лишь дѣловую часть совѣщанія. Онъ приписываетъ окончательное установленіе и разъясненіе плана дѣйствій именно этому вечеру²⁴), хотя планъ, мы знаемъ, былъ опредѣленъ раньше. Въ одномъ изъ показаній Трубецкой увѣряетъ, что подсчетъ силъ

даже побудилъ его вселить въ присутствующихъ сомнѣніе въ успѣхѣ, но его запросъ разрѣшился восклицаніемъ Рылѣева: «Мы на смерть обречены». И этому можно вѣрить. Впрочемъ тутъ же Трубецкой рассказываетъ о томъ, какъ онъ давалъ наставленія Пушину, Арбузову, Рѣпину, Бестужеву о томъ, какъ увѣщевать солдатъ и выводить на площадь ²⁵). Самое картинное описаніе этого вечера сохранилось въ позднѣйшихъ запискахъ М. Бестужева, много разъ цитировавшихся, и въ которыхъ мы обратимъ вниманіе только на нѣкоторые существенные штрихи. По его впечатлѣнію, это было собраніе шумливое и нервное, собраніе людей далеко другъ друга незнающихъ, среди которыхъ одни были слѣпыми энтузіастами, отъ другихъ слышались «хвастливые возгласы» (Якубовичъ и кн. Щепинъ-Ростовскій). Нѣкоторые горячились, не совсѣмъ понимая, въ чемъ дѣло (Щепинъ). Но тотъ же М. Бестужевъ съ грустью предрекаетъ, что «храбрость солдата и храбрость заговорщика не одно и то же». И впечатлѣніе Бестужева о силѣ войска, которое можетъ выйти на площадь, было не очень отрадное. «Зато какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ», восклицаетъ Бестужевъ, и онъ любовался имъ, въ особенности въ тѣ моменты, когда Рылѣевъ говорилъ о любви къ родинѣ ²⁶).

Но среди шума разговоровъ и совѣщаній, среди набора новыхъ членовъ, въ кругу старшихъ представителей общества шла одновременно организаціонная работа по выработкѣ плана дѣйствій. Эта работа происходила не на опредѣленныхъ совѣщаніяхъ, общій контуръ плана сложился не сразу. Теперь мы и перейдемъ къ уясненію вопросовъ, связанныхъ съ выработкой плана и организаціи возстанія.

Прежде всего надо замѣтить, что сообщникамъ трудно было сразу составить опредѣленный планъ дѣйствій, такъ какъ въ ихъ средѣ господствовало полное невѣдѣніе о томъ, кто будетъ царствовать. Мы уже знаемъ, что въ случаѣ прибытія Константина почиталось необходимымъ прекращеніе общества. Впрочемъ, Рылѣевъ не успокаивался и съ увлеченіемъ рисовалъ планъ, по которому, послѣ нѣкотораго перерыва, члены общества возобновятъ свою дѣятельность, подвинувшись при этомъ по возможности по службѣ у новаго государя, и, когда они сдѣлаются «примѣтными», тогда они осуществятъ задушевные мечтанія членовъ общества ²⁷).

Но все же готовились и къ возможности перехода власти къ Николаю и, слѣдовательно, къ необходимости активныхъ дѣйствій.

Планъ организаціи заключался въ томъ, чтобы избранъ былъ

«начальникомъ» Трубецкой, вскорѣ назначившій начальникомъ своего штаба Оболенскаго. Избраніе Трубецкого произошло, повидимому, очень скоро послѣ полученія извѣстія о смерти Александра I, для того, чтобы, по свидѣтельству Рылѣва, устранить разногласія среди членовъ общества. Выборъ происходилъ на одномъ собраніи, въ отсутствіи Трубецкого, голоса подавали немногіе члены управы—Оболенскій, Каховской, братья Бестужевы и Рылѣвъ. Уже незадолго до начала дѣйствія Трубецкому были назначены два помощника на время дѣйствія на Сенатской площади—Булатовъ и Якубовичъ. Трубецкой не былъ «полновластнымъ начальникомъ», какъ хочетъ увѣрить Рылѣвъ, который въ этомъ случаѣ самъ себѣ противорѣчитъ, ибо не отрицаетъ, что многія части плана были приняты по его совѣту, другія по совѣту Оболенскаго, Якубовича и другихъ.²⁸⁾ Намъ уже извѣстно, что Оболенскій дѣйствовалъ довольно самостоятельно. Все это указываетъ на то, что Трубецкой не пользовался надлежащимъ значеніемъ; двигательной пружиной по прежнему оставался Рылѣвъ. Трубецкого, какъ человѣка, не живущаго постоянно въ столицѣ, мало знали его сообщники, онъ самъ избѣгалъ совѣщанія съ большимъ количествомъ ихъ, общаясь почти исключительно со старшими членами: Наконецъ, его ближайшіе помощники, Булатовъ и Якубовичъ, были случайными людьми въ обществѣ, и познакомились съ Трубецкимъ только за два дня до возстанія. Прочной спайки тутъ не было. Оба боевые офицеры, съ ироніей относились къ диктатору.²⁹⁾ Такимъ образомъ, настоящимъ распорядителемъ общества, настоящимъ диктаторомъ былъ Рылѣвъ. Каховской, впрочемъ очень возбужденный противъ Рылѣва, въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи съ большою злобою говоритъ, что Рылѣвъ «все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя». Онъ ни съ кѣмъ не совѣщался и «дѣлалъ все по старому», «имъ выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора, а диктаторъ—я не знаю, едва ли не былъ игрушкою тщеславія Рылѣва». На Каховскаго, какъ и на другихъ, производило непріятное впечатлѣніе то, что Трубецкой съ немногими запирался въ другія комнаты, а въ собраніяхъ показывался рѣдко и молчалъ. И Сутгофъ говорилъ Каховскому: «насъ, братъ, безгласными считаютъ». И Каховской возмущался самъ: никакихъ распоряженій не дали, «согнали на площадь, какъ барановъ, а сами спрятались». ³⁰⁾

Такая организація не предвѣщала прочности.

Планъ дѣйствій вырабатывался поспѣшно, и широкій размахъ

его не соответствовалъ скромности силъ общества. Когда слухи объ отказѣ Константина Павловича усилились, Рылѣевъ поднималъ вопросъ о возможности использовать моментъ. На совѣщаніи его съ Трубецкимъ было положено придать движенію нѣкоторый «видъ законности» и дѣйствовать черезъ Сенатъ. Сразу же предполагалось невѣроятнымъ кровопролитіе между полками и, слѣдовательно, предполагалась возможность испуга со стороны Николая Павловича ³¹⁾,—такъ мало его знали. Хотя въ показаніяхъ Рылѣевъ беретъ зародышъ плана въ такомъ видѣ на себя, но есть внутреннія основанія полагать, что остовъ плана отъ самаго начала исходилъ отъ Батенкова, и что только послѣдующее расширение его и приданіе ему неопредѣленности, безформенности—дѣло мечтательнаго поэта. Разъ всему плану приданъ видъ законности, то въ немъ получилъ опредѣленное мѣсто и вопросъ о присягѣ Константину.

Остовъ плана, основной контуръ его надо отличать отъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ деталей, иногда очень интересныхъ и важныхъ, о которыхъ говорилось на совѣщаніяхъ, и которыя не вошли однако въ его основу. По чрезвычайно отчетливому изложенію Оболенскаго, сущность плана заключалась въ слѣдующемъ. Предполагалось при новой присягѣ объявить солдатамъ, что «насъ обманываютъ» и что бывший императоръ Константинъ Павловичъ не отказывается отъ престола, и для сохраненія вѣрности въ данной ему присягѣ войска должны собраться на Сенатскую площадь, «дабы истребовать отъ Сената отзыва, почему отъ прежней присяги отказываются», «сіе было положено объявить солдатамъ», т.-е. привлечь ихъ къ довольно бессознательному дѣйствию. Сами же заговорщики имѣли цѣлью потребовать отъ общаго собранія сенаторовъ о причинѣ новой присяги и, удостоившись въ отказѣ Константина, отказаться отъ присяги новому императору и потребовать, чтобы Сенатъ собралъ представителей отъ всѣхъ губерній, «по примѣру прежнихъ всеобщихъ соборовъ», и представить оному назначеніе императора и форму правленія». До собранія земскаго собора предполагалось предложить Сенату назначить временное правительство изъ двухъ или трехъ членовъ Совѣта, къ коимъ присоединить одного изъ членовъ общества, очевидно, такъ сказать, для контроля. Для обезпеченія новаго строя предполагалось потребовать отъ сената назначенія начальника гвардіи и дивизійныхъ командировъ изъ числа людей, на которыхъ могло бы положиться общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось занятіе заговорщиками крѣпости ³²⁾.

Вопросъ о крѣпости и даже о занятіи дворца нѣсколько разъ возбуждался въ собраніяхъ, но какъ это ни странно, серьезному

обсужденію эти вопросы не подвергались. Такъ, по показанію Рылѣева, занятіе крѣпости должно было послѣдовать по плану Трубецкого только послѣ задержанія императорской фамиліи, т.-е. не для борьбы съ нею, а для удержанія власти, или вліянія на временное правительство. Тотъ же Рылѣевъ говоритъ, что будто бы Якубовичъ съ Арбузовымъ, съ согласія Трубецкого, собирались занять дворецъ ³³). Но это показаніе Рылѣева, особенно съ указаніемъ на лицъ, совершенно противорѣчитъ всему тому, что извѣстно изъ другихъ показаній о предназначеніи Якубовича командовать на площади и тому плану дѣйствій, который усвоилъ себѣ Арбузовъ, бывший однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ членовъ общества. Подымался вопросъ и еще о нѣкоторыхъ планахъ. Такъ у Трубецкого явилась очень здоровая мысль, чтобы первый же не присягнувшій полкъ шелъ въ казармы другого и старался бы присоединить ихъ къ себѣ. Увеличивая такимъ образомъ свои силы, войска постепенно сосредоточились бы на Сенатской площади. Эта мысль не была использована ³⁴). Рылѣевъ предлагалъ распустить предварительно въ полкахъ слухи о томъ, что имѣется въ сенатѣ завѣщаніе, въ которомъ убавленъ срокъ службы солдатамъ на 10 лѣтъ ³⁵). И это предложеніе не было осуществлено. Князь Трубецкой предполагалъ, послѣ изданія манифеста, вывести войска за городъ ³⁶), вѣроятно или во избѣжаніе безпорядковъ или для изолированія войскъ отъ воздѣйствія контръ-революціи. Якубовичъ предлагалъ анархическую мѣру: разбить кабаки, понудить солдатъ и чернь къ грабежу и затѣмъ броситься къ дворцу. Онъ поддерживалъ это предложеніе съ большимъ жаромъ, надѣясь на содѣйствіе толпы, но оно было единодушно отвергнуто ³⁷). Въ случаѣ неуспѣха возстанія въ столицѣ предполагалось удалиться на территорію военныхъ поселеній ³⁸).

Но все это мелкія детали. Важнѣе—вопросъ о содержаніи предположеннаго манифеста и о формѣ правленія, въ случаѣ успѣха. Эти вопросы были обдуманы болѣе основательно, чѣмъ средства къ исполненію заговора. Манифестъ отъ имени Сената взялся написать Штейнгель. Онъ заканчивалъ его утромъ 14 декабря, когда уже ясно было, что онъ не нуженъ. По показанію Рылѣева въ манифестѣ должно было быть изложено, что цесаревичъ и великій князь Николай Павловичъ отказались отъ престола, и что послѣ такого ихъ поступка Сенатъ приказалъ задержать императорскую фамилію и созвать народныхъ представителей на великій соборъ. Къ этому предполагалось присовокупить увѣщаніе, чтобы народъ оставался въ покоѣ, что имущества какъ государственныя, такъ и частныя, остаются неприкосновенными, что для сохраненія обще-

ственного устройства Сенатъ передалъ исполнительную власть временному правленію, въ которое назначались Мордвиновъ, Сперанскій и другіе ³⁹⁾. Къ этому изложенію содержанія манифеста его авторъ въ показаніи своемъ прибавляетъ, что всѣ должны присягнуть временному правительству и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ каждаго сословія въ каждой губерніи должны быть избраны по два депутата. Въ памяти князя Трубецкого сохранилось изъ содержанія манифеста еще и слѣдующее. Верховный соборъ долженъ былъ опредѣлить,—предложить ли корону Николаю Павловичу, но что собраніе депутатовъ должно такъ устроить управление государствомъ, что предоставитъ равныя гражданскія права всѣмъ сословіямъ, не упоминая однако о вольности крестьянъ въ манифестѣ, такъ какъ по конституціи она предполагалась, «чтобы тѣмъ не сдѣлать возмущенія», тѣмъ же манифестомъ убавляется срокъ службы солдатамъ. Всякая законодательная власть до созыва депутатовъ прекращается. По его словамъ, во временное правительство предполагалось ввести одного депутата Царства Польскаго для выработки мѣръ по сохраненію единства державъ ⁴⁰⁾. По сообщенію Булатова, депутаты должны были съѣхаться не отъ каждой губерніи, а отъ каждаго уѣзда по два представителя отъ дворянъ, по два отъ купцовъ и по два отъ мѣщанъ ⁴¹⁾.

Въ такихъ обрывкахъ сохранила память декабристовъ содержаніе манифеста, который до насъ не дошелъ въ томъ видѣ, какъ его составилъ баронъ Штейнгель. Но въ бумагахъ князя Трубецкого найденъ конспектъ манифеста, что уясняется изъ сопоставленія его содержанія съ тѣмъ, что вспоминаютъ по памяти декабристы. Вѣроятно, этотъ конспектъ и былъ данъ барону Штейнгелю для облеченія въ форму сенатскаго манифеста. Сущность дошедшаго до насъ текста сводится къ слѣдующему. «Бывшее правленіе» уничтожается. Устанавливается временное правленіе. Объявляется: свобода печати, религіи, крѣпостное право отменяется, объявляется равенство всѣхъ передъ судомъ, свобода занятій и свобода пріобрѣтенія недвижимой собственности, сложеніе подушной подати съ недоимщиковъ, уничтоженіе монополій, рекрутчины и военныхъ поселеній, уменьшеніе срока солдатской службы, вводятся выборное мѣстное самоуправленіе—отъ волостного до областного, гласный судъ, судъ присяжныхъ. Временному правительству поручается выработка законопроекта объ уравниніи сословій, о мѣстномъ самоуправленіи, о судѣ, объ уничтоженіи постоянной арміи и, наконецъ, закона о порядкѣ выборовъ въ палату народныхъ представителей ⁴²⁾. Эта программа шире тѣхъ показаній, которыя по памяти восстанавливаютъ содержаніе

манифеста, но въ общемъ тотъ и другой источникъ не находятся въ противорѣчій, за исключеніемъ вопроса о крестьянской вольности. Такъ какъ представительство крестьянъ не предполагалось и по показаніямъ Булатова, то, быть можетъ, кн. Трубецкой правъ, утверждая, что предполагалось временно воздержаться отъ опубликованія вольности крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, оба источника, т.-е. указанный конспектъ манифеста и показаніе дѣятелей выясняютъ намъ программу государственнаго строительства въ случаѣ успѣха заговора.

Въ этомъ вопросѣ о привлеченіи къ дѣлу Сената и упомянутыхъ выше членовъ Государственнаго Совѣта есть нѣкоторыя особенности, на которыхъ слѣдуетъ остановиться. Мы уже имѣли случай замѣтить, что, хотя по показаніямъ самая мысль о Сенатѣ возникла на совѣщаніи между Трубецкимъ и Рылѣевымъ, однако, оба они были слишкомъ мало административно подготовлены къ тому, чтобы прійти самостоятельно къ этой мысли. Среди декабристовъ былъ человекъ съ большимъ административнымъ опытомъ и съ большими административными связями. Къ сожалѣнію, мысли этого человека не были вполне усвоены главами заговора. Мы говоримъ о полковникѣ Батенковѣ. Батенковъ съ самаго начала переговоровъ съ нимъ указывалъ на необходимость сохранить монархическое правленіе, хотя бы для перехода впослѣдствіи къ республиканскому. Изъ боязни, что монархъ мужского пола превратится въ самодержца, — онъ указывалъ на кандидатоку двухъ императрицъ или на кого-либо изъ великихъ княженъ. Если бы его сотоварищи учли безмѣрное честолюбіе императрицы Маріи Ѳеодоровны, то, конечно, имъ легко было бы создать конституціонную монархію. Солидный членъ общества, и тоже обладавшій практическимъ опытомъ, баронъ Штейнгель держался того же взгляда ⁴³⁾. Батенковъ же едва ли не первый, кажется, въ день присяги Константину, уже указывалъ на практичность способа использовать Сенатъ для санкціонированія переворота. «Какъ легко въ Россіи произвести перемѣну? Стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только въ ней не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ насъ до республики. Хоть для перехода, нужна монархія ограниченная». Мало того, въ основу самаго плана легла бесѣда, которую Батенковъ велъ на совѣщаніи съ Трубецкимъ, причемъ однако Батенковъ предлагалъ учредить двѣ законодательныя палаты. Мысль его о значеніи Сената — несомнѣнно здоровая мысль, основанная на историческомъ значеніи этого учрежденія и на прецедентахъ 18-го вѣка. Итакъ, намъ представляется участіе Батенкова весьма значительнымъ въ начальномъ развитіи плана,

но затѣмъ въ планъ вошли уширенія его, далеко превзошедшія умѣренную постановку вопроса, выдвинутую имъ.

Безъ сомнѣнія, мыслямъ и связямъ Батенкова мы обязаны и тому, что въ составъ временнаго правленія предполагалось назначить знаменитѣйшихъ дѣятелей этого вѣка—Мордвинова и Сперанскаго. Декабристы въ своихъ показаніяхъ, по исполнѣ понятнымъ соображеніямъ, обходили этотъ вопросъ. Онъ былъ непріятенъ для Николая I, почему слѣдователи всячески избѣгали его ставить. Но въ позднѣйшихъ запискахъ нѣкоторые изъ декабристовъ болѣе категорически говорятъ по этому поводу. Такъ, напримѣръ, фонъ-Визинъ утверждаетъ, что Сперанскій и Мордвиновъ знали о существованіи тайнаго общества и о сокровенныхъ цѣляхъ его⁴⁴). Завалишинъ также въ позднѣйшихъ запискахъ даетъ цѣлый рядъ указаній на сношенія Мордвинова съ Рылѣевымъ и на ихъ весьма близкое знакомство. Самъ Завалишинъ познакомился съ Рылѣевымъ при помощи Мордвинова. Мордвиновъ былъ попечителемъ россійско-американской компани, секретаремъ которой былъ Рылѣевъ. Рекомендуя Завалишина Рылѣеву, Мордвиновъ сказалъ: «Вы достойны быть друзьями». По словамъ автора записокъ Рылѣевъ какъ будто намекалъ на нарочитость этого знакомства⁴⁵). Въ книгѣ проф. Иконникова о Мордвиновѣ, довольно основательно забытой позднѣйшими изслѣдователями о декабристахъ, собранъ длинный рядъ свидѣтельствъ о близкихъ отношеніяхъ между Мордвиновымъ и Рылѣевымъ и другими видными членами кружка. Таково отношеніе Мордвинова къ Н. И. Тургеневу. Между Мордвиновымъ и Сперанскимъ была безспорно близость. Близокъ онъ былъ къ семьѣ Столыпина, которому Сперанскій не разъ сообщалъ свои интимныя мысли; можно отмѣтить близость Грибоѣдова, столь близко соприкасавашагося съ декабристами. Съ Рылѣевымъ Мордвинова соединяло и поклоненіе Бенхаму, и въ своихъ думахъ Рылѣевъ не разъ воспѣвалъ русскаго Катона⁴⁶). Все это объективныя данныя, которыя позволяютъ думать, что разъ члены общества остановились на необходимости ввести въ составъ правленія людей, извѣстныхъ всей Россіи своей административной опытностью и либеральнымъ направленіемъ мысли, то они естественно остановятся на Мордвиновѣ и Сперанскомъ. А ихъ личная близость къ этимъ лицамъ подсказываетъ возможность и предварительнаго освѣдомленія ихъ о своихъ планахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сохранился не невѣроятный разсказъ о томъ, что Корниловичъ по порученію членовъ общества утромъ 14 декабря отправился къ Сперанскому сообщить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласіе на назначеніе въ число членовъ временнаго правительства.

Сперанскій будто бы отвѣтилъ посланному: «Съ ума вы сошли? Развѣ дѣлають такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ» ⁴⁷⁾. Разумѣется, мы не придаемъ никакой текстуальной достовѣрности этому разсказу Завалишина, хотя впрочемъ авторъ записокъ передаетъ разсказъ со словъ Корниловича. Но въ самомъ фактѣ освѣдомленности Сперанскаго о заговорѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Такъ можно думать не только въ силу весьма близкихъ отношеній Сперанскаго и Батенкова, но также и на основаніи нѣкоторыхъ показаній, хотя и очень осторожныхъ. Такъ уже 26 и 27 ноября Николай Бестужевъ видѣлся съ Батенковымъ и Рылѣевымъ и Батенковъ тогда уже замѣтилъ, что «если бы въ Совѣтѣ нашелся хоть одинъ рѣшительный человѣкъ, то Россія присягнула бы государямъ и законамъ». Основная мысль Батенкова ясна, и она вошла въ планъ предположеній декабристовъ. Со Сперанскимъ Батенкову и позже приходилось говорить о текущемъ моментѣ. Такъ 13-го декабря Сперанскій сообщилъ Батенкову объ окончательной присягѣ Николаю. Утромъ 14 декабря у Рылѣева Н. Бестужевъ спросилъ Батенкова о томъ, что наканунѣ говорилось въ Совѣтѣ. Батенковъ отвѣчалъ: «что онъ и сегодня еще выговаривалъ М. М. Сперанскому, какъ ему не стыдно, что онъ, опередившій многихъ изъ своихъ сверстниковъ умомъ и подвинувшій Россіянъ 50 годами впередъ, не могъ ни слова сказать въ пользу закона». Изъ этого ясно, что друзья привыкли узнавать отъ Батенкова о томъ, что дѣлалось въ Совѣтѣ, и что Батенковъ по старому знакомству и вслѣдствіе единства идей велъ со Сперанскимъ разговоры политическаго характера. Это подтверждается и разсказомъ барона Штейнгеля. Еще 27 ноября вечеромъ Батенковъ былъ у Штейнгеля и съ сердцемъ говорилъ ему: «Я поссорился со своимъ старикомъ и наговорилъ ему, Богъ знаетъ что. Какъ можно уступить такой день, каковыхъ едва ли во сто лѣтъ бываетъ одинъ, и ничего не могли сдѣлать для отечества. Теперь все пропало невозвратно, всѣ предпріятія надобно выкинуть изъ головы. Конечно, Россія на сто лѣтъ должна остаться въ рабствѣ». И на вопросъ барона Штейнгеля, что же говоритъ Сперанскій, Батенковъ отвѣчалъ: «говорить: я одинъ, что жъ мнѣ прикажешь дѣлать, одному мнѣ нечего было говорить». Баронъ Штейнгель, вообще очень правдивый и точный въ своихъ показаніяхъ, готовъ былъ клятвенно подтвердить этотъ разговоръ съ Батенковымъ. Мало того, онъ же сообщаетъ, что не только Батенковъ былъ друженъ со Сперанскимъ, но въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ былъ и Николай Бестужевъ. По убѣжденію самого барона Штейнгеля, Сперанскому было извѣстно

черезъ Батенкова о намѣреніяхъ общества. ⁴⁷⁾ Близостью Сперанскаго и Батенкова несомнѣнно объясняется и та относительно умѣренная программа, представителемъ которой былъ Батенковъ въ кругу декабристовъ.

Такимъ образомъ намъ представляется вполне вѣроятнымъ освѣдомленность Мордвинова и Сперанскаго о задачахъ общества и ихъ сочувствіе къ нимъ. Можно припомнить и ту темную фразу о задачахъ гвардіи, которую бросилъ Мордвиновъ въ квартирѣ Львовыхъ: это уже прямое побужденіе со стороны Мордвинова къ тому, чтобы гвардейскіе офицеры использовали данный моментъ. Несомнѣнно также и то, что громадное большинство членовъ, начиная отъ очень крайняго Каховскаго, настаивало на привлеченіи во временное правленіе виднѣйшихъ членовъ Государственнаго Совѣта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ называли еще кандидатуру Ермолова и даже митрополита Филарета. Въ своемъ изслѣдованіи о декабристахъ В. И. Семевскій выдвигаетъ только одну сторону дѣла—именно отношеніе самого Рылѣева къ кандидатурѣ Мордвинова и Сперанскаго и приходитъ къ мысли, что Рылѣевъ въ этомъ отношеніи высказывалъ колебанія. ⁴⁸⁾ Но это вполне естественно, потому что поэтъ ни на одной мысли прочно остановиться не могъ, но съ другой стороны въ своихъ показаніяхъ онъ рѣшительно не даетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, разсыпая самыя противорѣчивыя свои выраженія объ этой кандидатурѣ въ различныхъ мѣстахъ своего показанія. Трудно сослаться въ этомъ случаѣ даже для характеристики истинныхъ мнѣній Рылѣева на показанія Каховскаго, потому что отъ Каховскаго Рылѣевъ многое скрывалъ, никогда не былъ съ нимъ откровененъ. Вотъ почему думается, что показанія Рылѣева и Каховскаго относительно колебанія самого Рылѣева не имѣетъ большого значенія въ этомъ вопросѣ и надо держаться другихъ болѣе объективныхъ источниковъ, всю сумму которыхъ мы указали выше.

При всемъ томъ въ этомъ планѣ былъ одинъ очень щекотливый вопросъ, на который весьма неохотно отвѣчали арестованные, и на которомъ слѣдственная комиссія особенно настаивала,—вопросъ о томъ, что же предположено сдѣлать съ императорской фамиліей. И въ самомъ дѣлѣ, былъ ли въ этомъ отношеніи выработанъ опредѣленный и всѣми признанный планъ, или все представлялось случаю и обстоятельствамъ, сказать въ настоящее время очень трудно, ибо въ показаніяхъ декабристовъ этотъ вопросъ затушеванъ. Затушеванъ и вопросъ о томъ, какая форма правленія была предположена. Остается ограничиться знакомствомъ съ отдѣльными показаніями. Прежде всего надо отмѣтить,

что въ средѣ декабристовъ было теченіе конституціонное, представляемое Батенковымъ, Штейнгелемъ и др. Но преобладающее значеніе получило республиканское теченіе. Н. Бестужевъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что въ случаѣ успѣха предполагалось арестовать царскую фамилію; въ случаѣ же простого перевѣса— послать депутацію къ Константину съ предложеніемъ царствовать съ «нѣкоторыми ограниченіями». При удачѣ готовы были идти еще дальше—устранить царскую фамилію и даже провозгласить республику⁵⁰). Трудно сказать, было ли это личное мнѣніе Н. Бестужева, но кажется, онъ передалъ наиболѣе отчетливо господствующую мысль членовъ общества, потому что въ показаніяхъ Рылѣева и другихъ встрѣчается не мало противорѣчій. Дѣло въ томъ, что ему приходилось отвѣчать на довольно щекотливые вопросы о томъ, въ какой формѣ предполагалось устраненіе царствующей династіи. Рылѣевъ, весьма откровенный въ своихъ показаніяхъ, рѣшительно отвергалъ серьезность мысли о покушеніи на истребленіе императорской фамиліи, хотя и не отрицалъ нѣкоторыхъ предположеній, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи. Такъ Рылѣевъ утверждаетъ, что въ рѣшительномъ совѣщаніи никогда не полагали «истребить императорскую фамилію и провозгласить республику», но онъ отвергалъ также и мысль объ отправленіи депутатовъ къ цесаревичу. Согласно его утверженію, до созыва собора предположено было «захватить императорскую фамилію и задержать оную». Отрицаая замыслы объ истребленіи, какъ замыслы общества, Рылѣевъ однако не отрицалъ подобнаго рода мысли и даже попытокъ съ своей стороны. «Долго обдумывая,—пишетъ онъ,—планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего страшился, если нынѣ царствующій государь императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непременно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно его принести въ жертву». ⁵¹).

Дѣйствительно этою мыслью больше всего терзался Рылѣевъ, любившій обдумывать и строить планы отдаленнаго свѣтлаго будущаго и уклонявшійся отъ того, чтобы пристально взглянуть на очень сомнительное настоящее, онъ любилъ обдумать въ деталяхъ второй шагъ, не продумавъ перваго. Обдумывая второй шагъ, онъ колебался между увозомъ, захватомъ и истребленіемъ царской фамиліи. Онъ и съ Торсономъ велъ переговоры о возможности найти въ Кронштадтѣ надежный фрегатъ, на которомъ можно было бы увезти царствующую фамилію, или мечталъ объ удержаніи ея въ Шлиссельбургѣ подъ надзоромъ бывшихъ семеновскихъ солдатъ ⁵²).

Отсюда и его переговоры съ Каховскимъ, носящіе неопредѣленный колеблющійся характеръ. Дѣйствительно, дня за два до 14 декабря онъ, увѣщевая Каховского не дѣлать покушенія на Николая Павловича, требуетъ отъ него повинovenія планамъ общества, а къ кануну 14 декабря въ его умѣ уже созрѣваетъ «злодѣйскій» планъ и, 13 декабря вечеромъ онъ уже самъ предлагаетъ Каховскому убить Николая Павловича и выполнить это на площади ⁵³).

Но это предложеніе—одинъ изъ обычныхъ моментовъ колебаній и сомнѣній, и самъ Каховской не считалъ теперь это предложеніе серьезнымъ. Вообще, въ Рылѣевѣ замѣтна любопытная черта. Онъ самъ мучается вопросомъ о томъ, что дѣлать съ царствующей фамиліей «въ случаѣ» успѣха, но не хочетъ и мысли остановить на томъ, что съ нею нужно что-либо сдѣлать для успѣха. Онъ самъ готовъ побуждать другого къ рѣшительному шагу, но когда къ нему являются съ рѣшительнымъ предложеніемъ, онъ убѣгаетъ отъ него. Этимъ объясняется и тотъ оригинальный исходъ, который на собраніяхъ имѣли «браводы» Якубовича, въ рѣшительность котораго всѣ вѣрили. Дѣйствительно, въ совѣщаніи 12 декабря у Рылѣева Якубовичъ очень рѣшительно и нѣсколько театрално поставилъ этотъ органическій вопросъ. Когда выяснилось, что силъ немного, онъ поставилъ вопросъ просто: «Ну, вотъ, если нѣтъ другихъ средствъ, насъ пять чловѣкъ, мѣтнемте жребій, кому достанется, тотъ долженъ убить его въ назначенный срокъ». Всѣ присутствующіе отвѣтили молчаніемъ, и Якубовичъ заявилъ, что себя впрочемъ онъ не считаетъ способнымъ на убійство ⁵⁴),—очевидно съ цѣлью ослабить впечатлѣніе сдѣланнаго предложенія. Недаромъ рѣшительный Якубовичъ довольно иронически относился къ своимъ сотоварищамъ по заговору и не оказалъ возстанію должной поддержки.

Такъ, кажется, вопросъ о царевубійствѣ не былъ вопросомъ окончательно установленнымъ въ совѣщаніяхъ общества. Правда, разобраться въ этомъ нелегко, ибо его затушевывали. Одинъ Каховской настаивалъ, что такое намѣреніе было принято. П. Щеголевъ въ прекрасной статьѣ о Каховскомъ ⁵⁵) проводитъ мысль, что царевубійство было основной и издавно принятой идеей Рылѣева, для этой цѣли Рылѣевъ удерживалъ Каховского въ Петербургѣ, но въ то же время удерживалъ его порывы, потому что зналъ о слабости общества и боялся несвоевременностью столь важнаго акта погубить все начинаніе, но на день 14 декабря рѣшеніе было принято окончательно и возложено на Каховского. И тѣмъ не менѣе, несмотря на логичность построенія статьи г. Щеголева, вопросъ въ такой опредѣленной формѣ, какъ кажется,

едва ли былъ поставленъ. Быть можетъ, эта мысль имѣлась въ виду въ случаѣ успѣха дѣла революціи, но отнюдь не для ея осуществленія. Во всякомъ случаѣ, въ планѣ дѣйствій эта сторона не выдвигалась на первое мѣсто. Трубецкой проще смотрѣлъ, когда предоставлялъ весь этотъ вопросъ «силѣ обстоятельствъ».

Итакъ, основной контуръ дѣйствительно принятаго членами общества къ осуществленію плана дѣйствій заключался въ удержаніи солдатъ отъ присяги и въ опубликованіи извѣстнаго намъ манифеста съ удержаніемъ извѣстной доли власти во временномъ правительствѣ и въ гвардіи.

Однако спрашивается, какими фактическими силами обладали заговорщики для осуществленія этого плана?

Силы эти состояли преимущественно изъ «фронтныхъ командировъ» и тѣхъ солдатъ, которыхъ предполагалось вывести на площадь, но на солдатъ было обращено очень мало вниманія. Въ доступной формѣ имъ не была объявлена цѣль возстанія. Предположеніе Рылѣва распространить слухъ о духовномъ завѣщаніи Александра I не было осуществлено и пушено въ среду солдатъ. Солдатамъ не было дано никакихъ обѣщаній, не подано никакихъ надеждъ къ облегченію ихъ участи. О привлеченіи народной массы, о работѣ въ ея средѣ не было и рѣчи, хотя примѣры французской революціи могли бы дать не мало указаній. Въ эту среду не перекинуто никакихъ звеньевъ. Солдатамъ не только не дано никакихъ обѣщаній, но въ ихъ средѣ не велось, или почти не велось никакой пропаганды. Если подготовка и велась кое-къмъ, то едва ли ее можно признать удачной. Пановъ готовилъ лейбъ-гренадеровъ. Но какъ? Онъ вызвалъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ, показалъ имъ любимаго ими полковника Булатова и спрашивалъ, поддержать ли они своего полковника, если ему будетъ грозить опасность. Такая подготовка рассчитана только на безотчетную преданность русскаго солдата своему любимому офицеру. Образчикъ того, какъ готовились солдаты, мы находимъ въ показаніяхъ одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ, у лейтенанта Арбузова. Этотъ разсказъ весьма характеренъ: надежды на рядъ полковъ, на которыхъ нельзя было рассчитывать, переговоры только съ ближайшимъ начальствомъ солдатъ, съ фельдфебелемъ, даже не переговоры, а приказаніе, одобренное рюмкой офицерской водки, приказаніе подготовить «надежныхъ солдатъ»—и весь вопросъ построенъ на присягѣ, на знушеніи солдатамъ приказанія лейтенанта. Вотъ подтвержденный разсказъ самимъ Арбузовымъ. «12 декабря призвавъ къ себѣ фельдфебеля Боброва, спрашивалъ его, любить ли меня рота и пойдеть ли за мной? Потомъ велѣли ему итти въ роту и объявить

надежнымъ людямъ, что ужели, присягнувъ Константину Павловичу, будемъ еще присягать другому царю государю Николаю Павловичу? и говорилъ, что поведу роту въ Измайловскій полкъ, который вмѣстѣ съ Московскимъ отправится на Сенатскую площадь, гдѣ ожидалъ встрѣтить Гренадеровъ и Финляндцевъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ возмутить завѣщаніе покойнаго Государя, по коему нижнимъ чинамъ назначено только 12 лѣтъ службы и предписать свои законы. Въ другой разъ потребовавъ къ себѣ Боброва я подтвердилъ ему о исполненіи означеннаго приказанія и велѣлъ дать нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки. Поутру 13 числа, когда Бобровъ явился ко мнѣ съ рапортомъ, я сдѣлалъ ему подтвержденіе о внушеніи солдатамъ моего приказанія и еще дать имъ по чаркѣ водки. Въ 6 часѣвъ вечера я опять потребовалъ къ себѣ Боброва и объявилъ ему, чтобы онъ вѣрилъ мнѣ, что завтра будетъ присяга Николаю Павловичу и прибавивъ, куда же дѣнемъ другого царя? велѣлъ идти въ роту и сказать, чтобы какъ можно держаться первой присяги, ибо завтрашня будетъ обманъ»⁵⁶).

Или вотъ еще эпизодъ. Братья Александръ и Николай Бестужевы останавливаютъ на улицѣ неизвѣстныхъ имъ солдатъ, говорятъ имъ, что они присягнули Константину, а въ Сенатѣ есть завѣщаніе Александра I, «въ которомъ Богъ знаетъ, что написано, и намъ его не объявили»⁵⁷), можетъ быть они и прибавили о срокахъ службы, но во всякомъ случаѣ такая пропаганда большой подготовки дать не могла. Поэтому, хотя М. Бестужевъ и говорилъ наканунѣ 14 декабря объ усердной работѣ своихъ солдатъ въ другихъ ротахъ⁵⁸), но работа эта была беспочвенной. Сколько-нибудь понятнаго солдатамъ лозунга въ ихъ среду брошено не было. Вопросъ о присягѣ оставался центральнымъ, но едва ли можно было ему придавать такое мистическое значеніе.

При всемъ томъ у декабристовъ было больше надеждъ на войска, чѣмъ показала дѣйствительность. И вотъ что замѣчательно: увѣренность въ полкахъ таяла по мѣрѣ приближенія къ роковому дню. Это мы уже отчасти видѣли при изложеніи отдѣльныхъ эпизодовъ на собраніяхъ. Сомнѣнія въ силѣ общества, въ самой возможности чтонибудь сдѣлать, закрались съ самаго начала въ мысль многихъ членовъ его. Торсонъ въ своихъ показаніяхъ въ подробностяхъ передаетъ свои сомнѣнія въ силѣ общества, которыя онъ высказывалъ и Бестужеву, и Рылѣву, чего эти послѣдніе не отрицаютъ (Рылѣвъ впрочемъ нѣсколько затушевываетъ). Въ передачѣ самого Торсона, имъ было сказано Бестужеву: «вотъ теперь виденъ обманъ, въ обществѣ, видно, никого нѣтъ изъ людей высокаго званія, равно и близкихъ къ государю, ибо во время присяги его высочеству цесаревичу великому князю

Константину Павловичу никто при дворѣ изъ ожидаемыхъ особъ не думалъ сдѣлать предложенія. Мы видѣли, какое повиновеніе войскъ къ своимъ генераламъ и полковымъ командирамъ; ни одинъ изъ начальниковъ полковъ не беретъ участія, что навѣрно всѣ останутся при своихъ мѣстахъ: но хотя и удастся одного полка частичку вывести, то что значить противъ всего корпуса; такое дѣло кончится тѣмъ, какъ оно и случилось; предсказывая сіе, представлялъ имъ, что такія перемѣны не у молодыхъ людей въ рукахъ, что должно дѣлаться дворомъ и при дворѣ, что не должно спѣшить, лучше 10 или 20 лѣтъ дожидать, въ это время все лучше приготовиться, чтобъ вводя перемѣну, не надѣлать великихъ золъ. Бестужевъ соглашался со мною, я просилъ его убѣждать Рылѣева. Послѣ я и самъ сему послѣднему говорилъ». Торсонъ былъ противъ «набора лейтенантовъ и мичмановъ». Рылѣевъ укорялъ Торсона и Н. Бестужева въ нежеланіи дѣйствовать, рисовалъ планъ захвата Кронштадта, полагая, что это можетъ сдѣлать Торсонъ или Н. Бестужевъ, отчего они отказались по безнадёжности въ успѣхѣ ⁵⁹).

Примѣръ Торсона, конечно, не единичный. Тѣ многіе офицеры, особенно изъ числа старшихъ, которые отказались отъ участія, очевидно сдѣлали подобное же заключеніе про себя и уклонились отъ содѣйствія возстанію. Другіе, хотя считали невозможнымъ совершенно уклониться, во всякомъ случаѣ, дѣйствовали безъ присущей имъ энергіи, выжидательно. Вѣдь въ сущности тотъ обмѣнъ мнѣній, который имѣли только что познакомившіеся между собою Булатовъ и Якубовичъ, ѣдучи отъ Рылѣева 13 декабря, былъ уговоръ выжидательнаго бездѣйствія. Даже кн. Трубецкой и Н. Бестужевъ и въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи и въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ отчетливо представляютъ слабость силъ, съ помощью которыхъ они начинали борьбу: надежды на полки растаяли, оставались сомнительныя роты. Только Рылѣевъ полагалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана, чтобы поднять полкъ. Между тѣмъ всѣ другіе были болѣе осторожны и считали необходимымъ имѣть болѣе внушительную силу. Но Рылѣевъ воодушевлялъ и поддерживалъ колеблющихся, но онъ и наканунѣ—мы видѣли—сдѣлся въ откровенномъ разговорѣ съ Н. Бестужевымъ. Рылѣевъ въ своихъ надеждахъ, обѣщаніяхъ, увѣрялъ въ силѣ общества, въ сочувствіи къ нему высокихъ особъ; онъ зашелъ слишкомъ далеко, а доносъ Ростовцева, неизвѣстность его содержанія (увѣренности въ томъ, что фамилія заговорщиковъ не были выданы, все же не было) вмѣстѣ съ задѣтымъ самолюбіемъ толкали на рискованное предпріятіе. И самъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ

не отрицалъ того, что исключительно благодаря его настойчивости произошло возстаніе. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Признаюсь чистосердечно, я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо, несмотря на все вышесказанное я могъ остановить оное и не только того не подумалъ сдѣлать, а напротивъ еще преступною ревностью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я одинъ ея заслуживаю, и давно молюсь Создателю, чтобы все кончилось на мнѣ, и всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, «отечеству и доброму государю его великодушіемъ и милосердіемъ» ⁶⁰⁾ и это были не фразы—все это характеристика дѣйствительности. Неудивительно поэтому, что интимнѣйшіе друзья Рылѣева и онъ самъ говорили о смерти, о славной смерти за народъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ. Рылѣевъ 13 декабря вечеромъ прямо говорилъ Трубецкому при Н. Бестужевѣ: «Нѣтъ, уже теперь оставить такъ нельзя, мы слишкомъ далеко зашли, можетъ быть, намъ уже и измѣнили». Трубецкой возражилъ: «такъ другихъ что ли губить для спасенія себя?» Бестужевъ за Рылѣева отвѣтилъ: «для исторіи» и, помнится, Трубецкому прибавилъ: «страницы напишутъ» ⁶¹⁾. Безнадежность предпріятія была ясна, ясно было и печальное личное будущее заговорщиковъ, находившихъ однако успокоеніе въ томъ, что ихъ попытка будетъ полезна будущему. Не даромъ кн. Одоевскій только и твердилъ: «умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ!» ⁶²⁾.

Присмотрѣвшись къ тому, какъ шли приготовленія къ перевороту и на какомъ скромномъ базисѣ,—почти на базисѣ безнадежности, или случайности (такъ представлялось заговорщикамъ) мы не будемъ удивлены тому, что день 14 декабря далъ намъ и высокіе примѣры гражданскаго мужества и уклончивость опомнивагося заговорщика. Было нѣчто стихійное въ этомъ стремленіи ихъ использовать данный моментъ. Бѣляевъ, до дней заговора не принадлежавшій къ обществу, свидѣтельствуетъ однако, что смерть Александра I казалась всѣмъ либераламъ роковымъ вызовомъ для приступа къ измѣненію правленія ⁶³⁾. Въ позднѣйшихъ запискахъ Н. Бестужевъ повторяетъ въ сущности то же самое, потому что онъ свыкся съ мыслью, что смерть императора долженствуетъ быть началомъ къ открытію дѣйствія общества ⁶⁴⁾. Последнее понятно потому, что оба тайныя общества, южное и сѣверное, какъ разъ усиленно готовились въ теченіе 1825 года къ началу дѣйствій, не ожидая даже внезапной смерти императора. Началомъ возстанія было назначено лѣто 1826 года. Смерть императора застала ихъ врасплохъ, но все же чувство-

вадась необходимость проявить дѣятельность, хотя приходилось начинать на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, чѣмъ было предположено ⁶⁵).

Многіе изъ участниковъ достопамятнаго событія провели бессонную ночь. Съ разсвѣта началась работа съ обѣихъ сторонъ—и во дворцѣ, и въ квартирахъ декабристовъ. Ближайшіе соучастники раннимъ утромъ поспѣшили въ квартиру Рылѣева. Въ семь часовъ утра здѣсь былъ уже Оболенскій и засталъ Каховскаго ⁶⁶). Съ Оболенскимъ здѣсь впервые встрѣтился Булатовъ. Пріѣздъ послѣдняго весьма обрадовалъ Рылѣева, но, вѣроятно, не заданный имъ вопросъ. Булатовъ спросилъ, какъ идутъ дѣла. «Все хорошо»,—получился отвѣтъ. Но Булатовъ категорически заявилъ, что онъ не выйдетъ, если мало будетъ войска—«я себя мारать не стану». На вопросъ его о кавалеріи и артиллеріи послѣдовало молчаніе. Но тогда же кто-то вызвалъ Рылѣева и сообщилъ, что полковые командиры присягаютъ ⁶⁷). Это уже не предвѣщало ничего хорошаго. Побывалъ здѣсь и Пущинъ, и Трубецкой и Штейнгель, который впрочемъ сидѣлъ недолго и отправился къ себѣ на герхъ (онъ жилъ въ томъ же домѣ) дѣлать манифестъ отъ имени Сената. Тутъ же Рѣпинъ принесъ печальную новость, что въ Финляндскомъ полку присягаютъ офицеры отдѣльно отъ солдатъ и, слѣдовательно, возмущеніе на почвѣ присяги становится невозможнымъ ⁶⁸).

Подобно Булатову, и другой помощникъ диктатора не внушилъ надежды захвавшему къ нему поутру А. Бестужеву. Якубовичъ просто отказался исполнить свое обѣщаніе и отправиться въ Измайловскія казармы и къ артиллеристамъ, чтобы поднять ихъ, и прямо заявилъ А. Бестужеву, что они не знаютъ русскаго солдата. Замѣчаніе было очень вѣрно, но поздно сдѣлано. Бесѣда съ Якубовичемъ вызвала замѣчаніе А. Бестужева, сказанное имъ брату: «Якубовичъ остался на своей квартирѣ обдумывать, какъ бы похрабрѣе измѣнить намъ». Братья М. и А. Бестужевы были огорчены, но не упали духомъ ⁶⁹).

Разѣзды между членами продолжались все утро, но ничего отраднѣе не выяснилось ⁷⁰). Пущинъ и Рылѣевъ, оба статскіе, отправились на Сенатскую площадь, но никакихъ войскъ не нашли и направились было въ казармы Измайловскаго полка, но по дерогъ ихъ убѣдилъ поручикъ Чижовъ не дѣлать никакой попытки поднять полкъ, по безполезности ея: было уже поздно ⁷¹).

Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ дѣятельность декабристовъ имѣла скромный успѣхъ, именно въ гвардейскомъ экипажѣ, въ Московскомъ полку и у лейбъ-гренадеръ.

Наиболѣе бурно прошло утро въ морскомъ экипажѣ. Сборнымъ

мѣстомъ офицеровъ здѣсь сдѣлалась квартира Арбузова. Сюда пришелъ Бѣляевъ первый, здѣсь былъ Н. Бестужевъ, свитскій офицеръ Палицынъ, Бодиско, Н. Бестужевъ и др. Всѣ они обмѣнялись имѣвшимися извѣстіями и Н. Бестужевъ обратился къ собравшимся морякамъ: «кажется, мы всѣ здѣсь собрались за общимъ дѣломъ и никто изъ насъ не откажется дѣйствовать; откиньте самолюбіе: пусть начальникомъ вашимъ будетъ Арбузовъ, ему вы можете вѣрится». Бестужевъ опросилъ офицеровъ, подготовлены ли солдаты и получилъ вполнѣ благопріятный отвѣтъ. Онъ же просилъ Тыртова отправиться въ Измайловскій полкъ и узнать, что тамъ дѣлается. Но оказалось, что въ казармы никого не пускаютъ, и онъ ничего не могъ узнать даже и отъ подпоручика того же полка Миллера. По уходѣ Бестужева явился Каховской. Онъ, по обыкновенію, былъ въ состояніи экзальтаціи. Каховской предложилъ, «не нуженъ ли кому кинжалъ» (намекъ на цареубійство), но всѣ отказались. Онъ увѣрялъ, что артиллерія только ждетъ выхода на площадь экипажа. Онъ поцѣловалъ каждого изъ присутствовавшихъ и простился до свиданія на площади. Между прочимъ Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что Каховской, испытывая рѣшимость офицеровъ, предлагалъ было дѣло отложить, но Бѣляевъ «въ безумномъ энтузіазмѣ», сказалъ ему: «нѣтъ лучше не откладывать, если имѣются люди могущіе ввести Временное Правленіе: другого такого случая можетъ быть не будетъ» ⁷²). Но вскорѣ получились свѣдѣнія, что роты Московскаго полка уже на площади. Арбузовъ настаивалъ, чтобы Бодиско 1 выводилъ свою роту, но тотъ отказался, заявивъ, что съ экипажемъ онъ поидетъ, но одной роты не выведетъ. Арбузовъ бросился къ своей ротѣ. Изъ своей роты онъ отправился въ другія и уговаривалъ солдатъ выступать. Ему помогалъ Дивовъ. Въ это самое время генералъ Шиповъ собралъ солдатъ во дворъ для прослушанія манифеста. Младшіе офицеры отказались, причемъ возражали даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые не принадлежали къ обществу. Тогда генералъ Шиповъ увелъ за собой ротныхъ командировъ, которые оказались какъ бы подъ арестомъ. Является Чижевъ и сообщаетъ о движеніи въ Московскомъ полку. Младшіе офицеры пробовали было вызвать ротныхъ, но не удачно. Н. Бестужевъ настаивалъ, чтобы младшіе офицеры сами выводили роты, и, наконецъ, подбѣжавъ къ первой ротѣ, крикнулъ, что уже пальба и вывелъ за собой экипажъ вмѣстѣ съ его младшими офицерами ⁷³).

Московскій полкъ ранѣе экипажа поднялся и явился на площадь. Въ девять часовъ утра, уже не предвидя успѣха, братья М. и А. Бестужевы отправились въ Московскій полкъ ⁷⁴). О томъ,

что дѣлалось въ Московскомъ полку и какъ солдаты были выведены, сохранилось нѣсколько рассказовъ, изъ которыхъ самый колоритный и подробный можно найти въ запискахъ М. Бестужева. Интересно, что эти записки главнѣйшаго дѣйствующаго лица почти буквально совпадаютъ съ тѣмъ, что выяснилось на слѣдствіи, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ штриховъ (возгласы раненыхъ генераловъ, подробности о замѣшательствѣ съ выходомъ знамени), но зато въ нихъ отсутствуютъ нѣкоторыя любопытныя подробности, которыя установлены на основаніи показаній. Поэтому мы этотъ эпизодъ опишемъ на основаніи показаній дѣла кн. Щепина-Ростовскаго, провереннымъ показаніями другихъ.

Въ поднятіи Московскаго полка главнѣйшую роль сыграли братья А. и М. Бестужевы, явившіеся туда въ началѣ 10-го часа. Хотя А. Бестужевъ не принадлежалъ къ полку, будучи адъютантомъ герцога Виртембергскаго, однако онъ обходилъ роты полка и уговаривалъ солдатъ держаться разъ данной присяги. Михаилъ Бестужевъ, устроивши свою роту, помогъ Щепину вывести свою, и такимъ образомъ двинулъ весь батальонъ. Явившись въ свою роту, Михаилъ Бестужевъ говорилъ нижнимъ чинамъ: «ребята, мы присягали государю императору Константину Павловичу, крестъ и евангеліе цѣловали, а теперь будемъ присягать Николаю Павловичу. Вы, ребята, знаете свою службу и свой долгъ.» Зайдя вторично въ свою роту, онъ сообщилъ солдатамъ слѣдующее: «Ребята, все сіе обманъ; насъ заставляютъ присягать насильно: государь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, а въ цѣпяхъ находится: его высочество (Михаилъ Павловичъ), шефъ полка, задержанъ за 4 станціи и также въ цѣпяхъ, его не пускаютъ сюда». Онъ настаивалъ, чтобы солдаты не присягали до тѣхъ поръ, «пока не увидятъ его высочества шефа полка». Послѣ этого онъ вызвалъ изъ дежурной комнаты штабсъ-капитана Волкова и поручика Брока, которымъ говорилъ, что необходимо приготовить людей и объявить имъ, что ихъ обманываютъ, что объявленный полковымъ командиромъ манифестъ есть ложный и предложилъ имъ идти въ шестую роту, которой онъ самъ командовалъ. Туда пошли многіе офицеры съ братьями Бестужевыми, здѣсь же былъ кн. Щепинъ-Ростовскій. Здѣсь послѣдній вмѣстѣ съ Александромъ Бестужевымъ опять повторили солдатамъ то же самое, причемъ Александръ Бестужевъ, будучи въ адъютантской формѣ говорилъ солдатамъ, что онъ пріѣхалъ отъ государя Константина Павловича секретнымъ образомъ, «дабы предупредить полки, что ихъ обманываютъ, что Константинъ Павловичъ жалуется ихъ пятнадцатилѣтнею службою, любитъ Московскій полкъ и

прибавить жалованья». Изъ шестой роты оба Бестужевы, Щепинъ, Волковъ и Брокъ пошли въ 3-ю роту, къ нимъ присоединились подпоручикъ кн. Циціановъ и штабсъ-капитанъ Лашкевичъ. Бестужевы и Щепинъ, повторивъ тоже здѣсь передъ солдатами, отсюда направились въ 5-ю роту, затѣмъ во вторую, гдѣ при этомъ внушали солдатамъ: «кто не будетъ держаться прежней присяги, то тѣхъ колоть». При этомъ Александръ Бестужевъ приказалъ фельдфебелю Сергузѣву, чтобы люди взяли съ собою боевые патроны. Снова офицеры обошли нѣкоторыя роты, повторивъ свои распоряженія, и подтвердивъ, чтобы люди твердо стояли и брали бы боевые патроны. Первыми изъ своихъ казармъ двинулись 6 и 3-я рота. Когда эти роты выходили во дворъ, поручикъ кн. Циціанинъ, который оставилъ обходившихъ роты офицеровъ, сообщилъ Щепину, что всѣхъ офицеровъ требуетъ генералъ къ себѣ. Щепинъ отвѣтилъ что онъ не желаетъ знать генерала. Въ это время роты уже вышли во дворъ, Щепинъ и М. Бестужевъ приказали зарядить ружья, Щепинъ, обнаживъ саблю, а Бестужевъ, поднявъ пистолеты, выбѣжали съ своими ротами на большой полковой дворъ, причемъ солдаты держали ружья на руку, а шедшій впереди барабанщикъ билъ тревогу. Въ это самое время подпоручикъ Веригинъ собиралъ офицеровъ къ полковому командиру, но Щепинъ и А. Бестужевъ потребовали, чтобы онъ къ нимъ присоединился, что тотъ и сдѣлалъ, дойдя однако только до большихъ воротъ. Когда уже выходили на улицу, то Щепинъ вспомнилъ, что нѣтъ знамени, и возвратился во дворъ съ толпою солдатъ, чтобы взять знамя. Тутъ произошло недоразумѣніе, такъ какъ во дворѣ стояли солдаты, рѣшившіе выйти на площадь, и они вообразили, что возвратившіеся со Щепинымъ хотятъ отнять у нихъ знамя. Произошла по недоразумѣнію свалка и дѣло дошло до прикладовъ, пока не вмѣшался М. Бестужевъ. Въ это время полковой командиръ генералъ баронъ Фредериксъ выбѣжалъ изъ своей квартиры съ бригаднымъ генераломъ Шеншинымъ и др. офицерами и начали удерживать солдатъ отъ безпорядка. Когда Фредериксъ обратился къ Щепину, шедшему съ обнаженной саблею, и спросилъ его, «что ему сдѣлалось», то въ отвѣтъ А. Бестужевъ навелъ на него пистолетъ, а Щепинъ нанесъ ему сильный ударъ саблею по головѣ, отчего генералъ свалился. Затѣмъ Щепинъ бросился на бригаднаго командира, ударомъ кулака свалилъ его и затѣмъ нанесъ нѣсколько сабельныхъ ранъ. Пробовавшій уговаривать полковникъ Хвошинскій получилъ отъ Щепина три сабельныя раны. По приказанію Хвошинскаго гренадеръ Красовскій пытался было отнять у мятежниковъ знамя, но былъ раненъ Щепинымъ

саблею въ животъ, а унтеръ офицеръ Мосѣевъ получилъ отъ него же рану въ голову. Съ криками «зарублю» Щепинъ самъ взялъ знамя и вышелъ со двора съ нестройной толпою солдатъ. На площадь довели Московскихъ солдатъ Бестужевъ и Щепинъ съ криками «ура, Константинъ». По дорогѣ былъ еще избитъ нижними чинами полицейскій офицеръ за то, что отгонялъ толпу отошедшихъ солдатъ ⁷⁵).

Московскія роты застали площадь пустою. М. Бестужевъ и Щепинъ съ трудомъ построили каре изъ различныхъ ротъ, которыя они успѣли привести съ собою. Позже къ нимъ подошелъ морской экипажъ, уже послѣ первыхъ выстрѣловъ, а затѣмъ присоединились три роты лейбъ-гренадеръ. Послѣдняя часть была выведена поручикомъ Пановымъ, Сутгофомъ и Кожевниковымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Солдаты второго батальона этого полка и двѣ роты перваго (остальныхъ частей не было въ казармѣ) поутру принесли присягу въ присутствіи полкового командира Стюрлера. Но во время обѣда поручикъ Сутгофъ успѣлъ поднять первую роту, увѣривъ ее, что другіе гвардейскіе полки отказались отъ новой присяги и остаются вѣрными императору Константину, и онъ приглашалъ роту выходить на Сенатскую площадь. Рота вышла за Сутгофомъ, не обративъ вниманія на увѣщанія Стюрлера. Когда послѣдній пытался удержать въ казармахъ остальныхъ роты, то въ это время поручикъ Пановъ, обѣжавъ роты, вызывалъ ихъ слѣдовать за первой ротой на Сенатскую площадь. Раздавшійся гулъ ружейныхъ выстрѣловъ помогъ ему поборотъ колебаніе солдатъ, и онъ быстро направился съ вышедшими съ нимъ черезъ Неву на Большую Милліонную и вошелъ было въ главные ворота Зимняго Дворца. До сихъ поръ неясно, была ли эта случайность, или здравая мысль мелькнула въ головѣ Панова, мысль занять дворецъ. Путь на площадь былъ короче черезъ ворота дворца, но, конечно, Пановъ не могъ не понимать, что дворецъ охраняемъ, не могъ не замѣтить караула передъ дворцомъ, который разступился, когда въ ворота входилъ Пановъ. Но войдя во дворъ, онъ быстро повернулъ назадъ и сталъ обходить дворецъ. Если появленіе лейбъ-гренадеръ во дворѣ Зимняго Дворца не было случайностью, то нельзя не признать, что Пановъ сдѣлалъ величайшую ошибку и только по случайности или по нерѣшительности не захватилъ дворца. Дѣло въ томъ, что охранявшій дворецъ взводъ Финляндскаго полка и батальонъ саперъ представлялъ собою силу весьма слабую, немногимъ превышавшую отрядъ Панова. Поведеніе коменданта Башуцкаго представляется весьма страннымъ: это онъ отдалъ приказаніе охранявшему ворота взводу пропустить лейбъ-гренадеръ во дворъ. Между тѣмъ старый

офицеръ не могъ не замѣтить, что бѣгушіе вразбродъ за адъютантомъ, каковымъ былъ Пановъ, солдаты, безъ офицеровъ, не составляли правильно идущей военной части, да и вообще пропускать во дворецъ невѣдомую часть было бы дѣломъ нецѣлесообразнымъ. Поэтому поведеніе Башуцкаго является очень страннымъ: это поведеніе растерянности, но сознательное или безсознательное, сказать довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, лейбъ-гренадеры бросились на площадь, по дорогѣ повстрѣчавшись съ императоромъ, который самъ имъ указалъ, гдѣ стоитъ Московскій полкъ, когда услышалъ крики «ура, Константинъ». Полковникъ Стюрлеръ даже на площади хотѣлъ было вернуть своихъ солдатъ, но былъ раненъ Каховскимъ ⁷⁶). Последняя поддержка шла отъ Финляндскаго полка. Этотъ полкъ подходилъ уже на подкрѣпленіе императорскихъ войскъ, когда баронъ Розень остановилъ свой взводъ, за которымъ остановились еще три роты. Розену удалось остановить не только свой взводъ, но и слѣдовавшія за нимъ двѣ роты (третья послѣдняя была отведена ея капитаномъ). Два часа простоялъ онъ въ надеждѣ, что возставшіе пойдутъ въ атаку, и что ему удастся поддержать ихъ, но атаки онъ не дождался ⁷⁷).

Такимъ образомъ на площади оказались части Московскаго полка, лейбъ-гренадеръ и морского экипажа, всего до двухъ тысячъ человекъ. Началось знаменитое и томительное стояніе войскъ, присягнувшихъ и неприсягнувшихъ. Обѣ стороны выжидали.

Причина выжиданія со стороны Николая—мы увидимъ—была вполне понятна. Труднѣе объяснить выжидательное положеніе, занятое возставшими. Правда, положеніе пришедшихъ было нелегкое. Старшіе офицеры, на которыхъ рассчитывали, не явились, или, показавшись, не приняли командованія и удалились. Якубовичъ изъ окна своей квартиры увидѣлъ идущихъ москвичей, пришелъ съ ними на площадь, но увидя ее пустою, скорѣе удалился. Его послѣдующая роль довольно странная, ибо, по словамъ Пущина, онъ подходилъ къ Николаю и даже вызывался быть парламентаромъ ⁷⁸). Булатовъ подѣхалъ къ площади, увидѣлъ здѣсь «двѣ роты» и уѣхалъ, скитаясь весь день по столицѣ и мучаясь сознаніемъ невозможности выполнить данное слово, и даже принесъ присягу ⁷⁹). Трубецкой весь день въ безпокойствѣ провелъ въ помѣщеніяхъ главнаго штаба, мучился, но не вышелъ ⁸⁰). Пущинъ съ площади посылалъ Кюхельбекера разыскивать Трубецкого, но его не нашли ⁸¹). Рыльевъ ушелъ съ площади, повидимому, для поисковъ подкрѣпленія и не возвращался.

Правда численность возставшихъ войскъ была не велика,

но смѣлость того или иного оборота могла бы увеличить ихъ шансы на успѣхъ, потому что противъ себя они имѣли своихъ же братьевъ и кромѣ того нѣсколько колеблющихся и еще не уяснившихъ себѣ сути дѣла. Казалось бы, что въ интересы возставшихъ входила быстрота рѣшеній, стремленіе не дать времени противнику сорганизоваться и подготовить силы. Напротивъ, въ интересы Николая Павловича входилъ выжидательный образъ дѣйствій, чтобы дать окрѣпнуть въ солдатахъ вѣрѣ въ него, чтобы наконецъ исправить допущенныя ошибки, на примѣръ, поставить охрану дворца, безъ которой онъ оказался, подвезти артиллерійскіе снаряды, ибо артиллерія явилась на площадь безъ снарядовъ, наконецъ просто для того, чтобы показать себя въ первый же день царствованія великодушнымъ и не желающимъ пролитія крови своихъ подданныхъ. Поэтому недостатокъ организаціи среди декабристовъ былъ причиною бесполезнаго ихъ стоянія на площади, окончившагося только большимъ числомъ жертвъ, совершенно бесполезныхъ для дѣла. Недостатокъ организаціи сказался и въ томъ, что на возможность помощи со стороны народной толпы не было обращено никакого вниманія и среди нея не оказалось руководителя изъ числа заговорщиковъ. А между тѣмъ толпа оказалась на ихъ сторонѣ, готовая поддержать возставшихъ, и эта поддержка окупала бы тѣ жертвы, которыя она потомъ понесла безъ всякой пользы для дѣла. Мало того, безъ всякой нужды декабристы брали на себя роль успокоителей народной толпы и всячески отдѣляли ее отъ возставшихъ войскъ. Такъ, на примѣръ, толпа набросилась на проходившаго черезъ нее флигель-адъютанта Бибикова, но М. Кюхельбекеръ освободилъ его отъ толпы и даже увелъ толпу за цѣпь солдатъ ⁸²). Толпа явно готова была умирать даже вмѣстѣ съ возставшими,—вспоминаетъ М. Бестужевъ, — ⁸³), быть можетъ, инстинктивно чувствуя важность великаго дѣла, затѣяннаго небольшою группою офицеровъ. Толпа всячески выражала свое сочувствіе къ возставшимъ, бросала камнями въ проходившія царскія войска, отпускала шутки ⁸⁴). Чернь, рассказываетъ Толь, пристала къ бунтовщикамъ и вмѣстѣ съ ними кричала «ура, Константинъ» ⁸⁵). Рабочіе и разночинцы, просили остановившагося барона Розена продержаться часокъ, обѣщая, что все пойдетъ ладно ⁸⁶). По словамъ Завалишина, изъ толпы раздавались очень непріязненные возгласы по адресу правительства и высказывалось желаніе воли ⁸⁷). По наблюденію герцога Виртембергскаго, въ толпѣ даже появились какіе-то агитаторы, которые поддерживали солдатъ ⁸⁸).

Итакъ отсутствіе рѣшимости поставило возставшихъ въ невыгодное положеніе. Тутъ отсутствовала не личная храбрость воз-

ставшихъ—въ этомъ упрекнуть никого нельзя, но отсутствіе организаторовъ на своихъ мѣстахъ и главнымъ образомъ отсутствіе опредѣленнаго плана дѣйствій. Не предвиденъ былъ такой исходъ, что правительство однимъ появленіемъ на площади группы войскъ не будетъ приведено въ необходимость немедленно капитулировать, не вступить въ переговоры, а будетъ предлагать только помилованіе. Въ планѣ предполагалось побудить Сенатъ издать манифестъ, но въ какой моментъ возстанія, послѣ какого предварительнаго дѣйствія—этого обдумано не было. Никакого боевого шага опредѣлено не было. Полагаемъ, что это не было опредѣлено даже въ интимномъ совѣщаніи Трубецкого съ Рылѣвымъ и съ Оболенскимъ, потому что на слѣдствіи Рылѣвъ и Каховской и нѣкоторые другіе не только планы, но и свои интимныя мысли повѣдали слѣдственному комитету, не говоря о томъ, что рѣшительные братья Бестужевы могли бы сдѣлать на площади попытку выполнить тотъ или другой планъ дѣйствій. Участники событія, къ сожалѣнію, не оставили намъ своего взгляда на причину неудачи, своего объясненія. То, что говоритъ И. И. Пущинъ, напримѣръ, о нерѣшительномъ характерѣ кн. Трубецкого и о нежеланіи стоявшихъ на площади офицеровъ взять на себя команду, ибо каждый хотѣлъ бы повиноваться и умереть, но не повелѣвать⁸⁹), — это объясненіе еще не уясняетъ сути всей неудачи.

Позиція, которую занялъ въ этотъ день Николай, такъ подробно и эпически воспѣта барономъ Корфомъ въ его официальном описаніи «Восшествіе на престолъ императора Николая Павловича», изложена на основаніи многочисленныхъ новыхъ документовъ историкомъ Шильдеромъ, подробно разсказана самимъ императоромъ, что нѣтъ никакой нужды повторять этихъ деталей, да онѣ по существу и не интересны.

Императоръ Николай еще съ вечера готовился къ слѣдующему боевому дню. Онъ не зналъ своихъ враговъ по имени, но зналъ что они есть, понималъ, что періодъ междуцарствія создалъ для него невыгодное положеніе. И онъ готовился къ этому дню по-своему: онъ написалъ нѣсколько писемъ, въ томъ числѣ известное письмо генералу Дибичу, въ которомъ въ сжатыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ высказывалъ намѣреніе или стать императоромъ или умереть достойной смертью. Это красивое письмо всегда цитируется историками, которые забываютъ однако пояснить, что императоръ больше готовился къ тому, какъ перейти въ исторію, чѣмъ къ тому, какъ сохранить свою власть: онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій на слѣдующій день даже по охранѣ дворца; правда выказалъ быстроту дѣйствій въ признаніи его гвардіею императоромъ.

По словамъ позднѣйшихъ записокъ Фонвизина, в. кн. Михаилъ Павловичъ ночью убѣдилъ начальниковъ гвардейскихъ полковъ начать приведеніе къ присягѣ еще на разсвѣтѣ, чтобы предупредить заговорщиковъ ⁹⁰). Дѣйствительно, присяга началась на разсвѣтѣ, но начала проходить не вездѣ гладко. Въ Финляндскомъ полку баронъ Розенъ поднялъ вопросъ о сомнительности прочитанныхъ актовъ ⁹¹), но довольно неудачно. Произошла небольшая заминка въ саперномъ батальонѣ, въ конной артиллеріи и въ Измайловскомъ полку ⁹²). Но съ другой стороны во дворецъ съ ранняго утра приходили благопріятныя извѣстія: присягнула лейбъ-гвардія, Павловскій, Егерскій, Кавалергардскій, Преображенскій и Семеновскій полки и нѣкоторые другіе. Но вдругъ приходитъ извѣстіе о выступленіи Московскаго полка. Безъ сомнѣнія, тутъ императоръ показалъ большую осторожность и предусмотрительность. Прежде всего онъ провѣряетъ расположеніе къ себѣ караула отъ Финляндскаго полка и лично разставляетъ по мѣстамъ караульную роту. Въ ожиданіи подкрѣпленія со стороны войскъ, оставшихся вѣрными императору, онъ самъ выходитъ на площадь Зимняго дворца къ окружающей толпѣ народа и вступаетъ съ ней въ объясненіе. Онъ читаетъ толпѣ манифестъ и разъясняетъ его ей, хотя, по его словамъ, у него «сердце замирало». Онъ обнимаетъ нѣкоторыхъ стариковъ изъ толпы и своими дѣйствіями приводитъ ее въ восторгъ ⁹³). Это былъ весьма удачный шагъ: не имѣя пока войскъ, онъ вручилъ свою судьбу случайно собравшейся толпѣ. Къ концу чтенія манифеста онъ получаетъ радостное для себя извѣстіе о томъ, что на поддержку подошла первая военная часть. Это былъ батальонъ Преображенскаго полка. Удостоверившись въ расположеніи и вѣрности къ себѣ этого батальона, императоръ самъ въ пѣшемъ строю повелъ его къ Адмиралтейству, приказавъ по дорогѣ зарядить ружья ⁹⁴). Императоръ провѣрялъ расположеніе къ себѣ каждой подходившей части войскъ. Подошла конная гвардія. Николай прилагалъ всѣ усилія къ увеличенію своихъ войскъ, занимая мѣста на площади сначала такъ, чтобы оградить выходы къ дворцу и къ мостамъ. Такимъ образомъ вопросъ о крѣпости и дворцѣ сразу мелькнулъ въ его умѣ. Но войска подходили медленно,—полной увѣренности въ подходившихъ не было, среди генераловъ замѣтна была растерянность. Когда герцогъ Виртембергскій, подъѣхавъ къ государю, окруженному генералами, еще хорошо не зная о размѣрахъ возстанія, спросилъ окружающихъ, почему такъ мало войскъ и гдѣ артиллерія, ему сообщили, что артиллерія не спокойна: «вы не обманывайте себя, это заговоръ» ⁹⁵). Хотя войска подходили и хотя генералы окру-

жали императора, но особаго стремленія къ борьбѣ не было замѣтно. Артиллерія подходила, на примѣръ, безъ снарядовъ и генераль Толь долженъ былъ распорядиться о посылкѣ за снарядами. Услышавъ докладъ Толя государю о снарядахъ, генераль Васильчиковъ не выдержалъ и замѣтилъ Толю, что надо еще подумать, нужны ли снаряды. Около царя были и совѣтники, предлагавшіе отложить до утра разгонъ возставшихъ ⁹⁶⁾, и это было послѣ первыхъ выстрѣловъ и послѣ выстрѣловъ въ графа Милорадовича.

Итакъ, возставшіе имѣли противъ себя, или вѣрнѣе за себя и нѣсколько выжидательное отношеніе лицъ, окружавшихъ императора—недаромъ наибольшую энергію проявили генералы нѣмецкаго происхожденія, какъ-то: герцогъ Виртембергскій, Толь, Нейдгартъ, Стюрлеръ, нерѣшительное настроеніе въ войскахъ, потому что пришлось подвести нѣкоторыя части, уже смущенныя въ моментъ присяги, особенно артиллерію, и медлительный подходъ войскъ вообще. Императорскія войска подошли въ достаточномъ числѣ только къ тремъ часамъ ⁹⁷⁾, т.-е. тогда, когда заговорщики уже утомились почти пятичасовымъ стояніемъ.

Неудивительно поэтому, что императоръ медлилъ и лично неустрашимостью старался прикрыть сомнительность своего положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть и въ толпѣ и среди подходившихъ войскъ извѣстнаго рода популярности. Онъ являлся среди толпы, такъ что всякій могъ къ нему подойти и заговорить, какъ это и сдѣлалъ Якубовичъ. Не имѣя достаточно войскъ, ему оставалось только прибѣгнуть къ увѣщанію заговорщиковъ. Попытка Милорадовича была первой неудачной попыткой, прекращенной пулею Каховскаго. Время отъ времени подъѣзжали другіе генералы, на примѣръ, генераль Сухозанетъ, Воиновъ, подъѣзжалъ и великій кн. Михаилъ Павловичъ, но онъ могъ получить пулю отъ Кюхельбекера, если бы пистолетъ не былъ отведенъ самими же заговорщиками ⁹⁸⁾. Атака конной гвардіи была произведена вяло и неудачно, лошади, некованныя на шипы, падали, что вызывало насмѣшки толпы и заговорщиковъ. Послѣдніе встрѣтили конную гвардію одиночными выстрѣлами, которыми былъ раненъ генераль Велліо, но М. Бестужевъ предотвратилъ залпъ, который возставшіе хотѣли дать по конно-гвардейцамъ. Подняли для увѣщанія и митрополита Серафима, который въ облаченіи подъѣхалъ къ возставшимъ, но «батюшку» попросили убраться.

Всю эту длительную процедуру нужно было продѣлать и продѣлать съ величайшимъ хладнокровіемъ для того, чтобы дать время подойти войскамъ и главное, чтобы подвести артиллерію

и раздобыть забытые ею снаряды. Первая команда заряжать орудія была дана тогда, когда боевая картечь еще не была подвезена. Уже начинало смеркаться, появились снаряды и раздались картечные выстрѣлы. Совершенно непонятно, чего ждали возставшіе, видя какъ противъ нихъ, съ разстановкою заряжаются орудія ⁹⁹⁾, и только Корниловичъ говорилъ, что надо итти и взять орудія, но эта мысль не была использована никѣмъ изъ начальствующихъ надъ возставшими ¹⁰⁰⁾. А между тѣмъ колебанія продолжались среди артиллеристовъ: первый выстрѣлъ сдѣланъ былъ офицеромъ, потому что канониръ отказался зажечь пальникъ противъ «своихъ» ¹⁰¹⁾.

Первые два выстрѣла, попавшіе въ мятежныя войска, заставили ихъ дрогнуть, и участь возстанія была рѣшена.

Въ результатѣ «труповъ было много» ¹⁰²⁾. Попытка Михаила Бестужева перейти черезъ Неву по направленію къ крѣпости оказалось неудачной, потому что ледъ сталъ трещать. Немедленно полиція занялась уборкой труповъ, бросая ихъ въ проруби Невы. Побѣдитель принялъ всѣ мѣры охраны: ближайшія около дворца мѣстности уставлены были пикетами. Императоръ дописывалъ ночью свое письмо къ своему «благодѣтелю», старшему брату, съ изложеніемъ событій дня, а во дворецъ стали привозить арестованныхъ, или добровольно сдавшихся участниковъ ¹⁰³⁾.

Такъ совершилось восшествіе на престолъ Николая I.

Но это была только одна часть драмы. Продолженіе ея было на югѣ, а тревога, связанная съ петербургскими событіями, произошла въ Москвѣ въ средѣ членовъ тайнаго общества.

II. Въ Москвѣ.

Московскія событія въ средѣ членовъ описаны въ запискахъ Якушкина съ большими подробностями, совпадающими въ общемъ съ тѣмъ, что показывали участники московскихъ совѣщаній въ слѣдственной комиссіи. Показанія даютъ нѣкоторые дополненія и въ то же время и въ запискахъ Якушкина приводится смѣлое предложеніе его относительно возстанія, неоправдываемое однако слѣдственными показаніями. Замѣтимъ, что самъ Якушкинъ былъ на слѣдствіи весьма молчаливъ, и поэтому подробности извлекаются преимущественно изъ показаній Муханова, Орлова, Нарышкина, Семенова.

Въ Москвѣ въ моментъ возстанія были очень вліятельныя лица изъ числа членовъ общества, но они частью находились въ отставкѣ, частью заранѣе разорвали связи съ обществомъ. Поэтому среди московскихъ войскъ они, конечно, не могли имѣть большого

вліянія. Тутъ были извѣстный генераль М. Ф. Орловъ, Фонвизинъ, полковникъ Митьковъ, сюда же какъ разъ передъ событіями пріѣхалъ изъ своей деревни Якушкинъ, съ юга Нарышкинъ, былъ здѣсь Семеновъ и нѣкоторые другіе. Единой сплоченной группы декабристы здѣсь не составляли, и нѣкоторые не были даже знакомы другъ съ другомъ до декабрьскихъ совѣщаній. Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ весьма учитывали солидныя имена московскихъ членовъ. Еще 12-го декабря Пущинъ написалъ письмо въ Москву Семенову, въ которомъ извѣщалъ о петербургскихъ слухахъ, объ отказѣ цесаревича и о предположеніяхъ общества. Онъ писалъ, что въ Петербургѣ рассчитываютъ на 50 или 60 офицеровъ и на 1000 или 1500 солдатъ, съ помощью которыхъ петербургскіе сообщники намѣрены провозгласить императоромъ Константина. Пущинъ писалъ, что планъ окончательно еще не выработанъ, чѣмъ все это кончится, неизвѣстно, что онъ самъ спитъ въ одеждѣ съ тѣмъ, чтобы по первому требованію явиться на площадь. Когда его письмо получено будетъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ все будетъ уже кончено. Въ заключеніе Пущинъ просилъ показать это письмо московскимъ сочленамъ ¹⁰⁴). По нѣкоторымъ показаніямъ это письмо предназначалось для прочтенія Орлову. Кромѣ того Трубецкой въ особомъ письмѣ просилъ Орлова пріѣхать въ Петербургъ. Письмо это было доставлено Орлову Ипполитомъ Муравьевымъ ¹⁰⁵).

Извѣстіе о петербургскихъ намѣреніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о междоусобицѣ получено было въ Москвѣ 15-го или 16 декабря. Но Якушкинъ рассказываетъ, что, узнавъ объ этомъ ночью отъ возвратившагося домой Алексѣя Шереметева, онъ немедленно поднялся и отправился вмѣстѣ съ Шереметевымъ къ Фонвизину, разбудили его и вмѣстѣ отправились къ полковнику Митькову. Тутъ ночью стали они обсуждать, что можно сдѣлать при данныхъ обстоятельствахъ. Якушкинъ предлагалъ Фонвизину немедленно отправиться въ Хамовническія казармы, надѣвъ свой генеральскій мундиръ, и тамъ поднять войска. Затѣмъ онъ предлагалъ вмѣстѣ съ Митьковымъ немедленно же отправиться къ полковнику Гурко, начальнику штаба 5-го корпуса, на котораго можно было подѣйствовать, какъ на стараго члена Союза Благоденствія. Предполагалось арестовать корпуснаго командира и московскаго градоначальника, а затѣмъ призвать войска, стоявшія въ окрестностяхъ Москвы, и по дорогѣ готовить ихъ къ возстанію. Извѣстіе о результатахъ петербургскаго возстанія должно было получиться на слѣдующій день, и московское возстаніе послужило бы дополненіемъ къ петербургскому, въ случаѣ успѣха тамъ, или исполненіемъ обязанности членовъ общества, въ случаѣ

неуспѣха. Но всѣ четверо рѣшили, что они не имѣютъ никакого права приступить къ возстанію, и все собраніе кончилось только тѣмъ, что рѣшили на слѣдующій день вечеромъ съѣхаться у Митькова и пригласить на это совѣщаніе М. Орлова ¹⁰⁶).

Весь этотъ разсказъ Якушкина находится только въ его запискахъ.

Совѣщаніе предполагалось днемъ 18 декабря, какъ это видно изъ дальнѣйшаго изложенія. 17-го декабря письмо Пущина къ Семенову было показано вечеромъ Фонвизинымъ Орлову. Прочтя письмо, Орловъ немедленно его сжегъ. Днемъ 18 декабря въ Москвѣ уже былъ извѣстенъ печальный исходъ петербургской попытки къ возстанію. Москва уже присягнула новому императору. Въ это утро Якушкинъ былъ у Орлова. Сюда же пришелъ и штабсъ-капитанъ Мухановъ, раньше неизвѣстный Якушкину. Мухановъ обладалъ уже многими подробностями о петербургскихъ событіяхъ, происхожденіе которыхъ онъ объяснялъ тѣмъ, что слышалъ ихъ въ соборѣ во время присяги. Но судя по сообщаемымъ имъ частностямъ, съ упоминаніемъ именъ участниковъ, быть можетъ, онъ имѣлъ болѣе опредѣленный источникъ. Мухановъ былъ очень возбужденъ, весьма горевалъ о гибели участниковъ возстанія, настаивалъ на необходимости дать извѣстіе въ южную армію и, по его собственнымъ словамъ, онъ говорилъ: «они погибли, ихъ ничто не спасетъ, кромѣ смерти государя и многіе наши знакомые погибнутъ вслѣдствіе сего происшествія» ¹⁰⁷). Въ отвѣтъ на эти предложенія, Орловъ подошелъ къ Муханову и, ничего не отвѣтивъ ему, только «взялъ его за ухо и подралъ».

Орловъ отказался ѣхать въ собраніе подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ сегодня отказался присягать, сказавшись больнымъ, а между тѣмъ самъ онъ былъ въ мундирѣ и орденахъ, очевидно собираясь къ присягѣ (наблюденіе Якушкина). Такъ отъ Орлова Якушкинъ съ Мухановымъ отправились къ Митькову. Здѣсь нашли они Семенова, Нарышкина, Фонвизина и нѣкоторыхъ другихъ. Мухановъ повторилъ извѣстныя ему подробности. Опять дѣлались предположенія о сообщеніи Южному обществу, и здѣсь Мухановъ повторялъ, что только смерть государя могла бы спасти возставшихъ. Намѣренія Муханова, несмотря на всѣ оговорки, совершенно ясны. Но ясно также и то, что его предложенія не имѣли успѣха въ Москвѣ, и совѣщанія кончились только разговорами ¹⁰⁸).

Этимъ исчерпываются блѣдныя событія въ средѣ московскихъ членовъ. На югѣ, въ районѣ южной арміи, положеніе осложнилось и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

III. На югъ.

Переходя къ разсказу о возмущеніи Черниговскаго полка, необходимо указать, что записки Горбачевскаго въ этомъ отношеніи представляютъ собою замѣчательнѣйшій матеріалъ. Онѣ отличаются массою подробностей, провѣряемыхъ показаніями подсудимыхъ. По всей видимости записки были составлены на основаніи опроса участниковъ и, быть можетъ, немедленно же записаны, или же Горбачевскій обладалъ выдающейся памятью. Такимъ образомъ, подробное описаніе Горбачевскаго совпадаетъ съ подробностями данныхъ на судѣ показаній. Такъ какъ показанія касались главнымъ образомъ внѣшней стороны дѣйствій, хорошо извѣстныхъ правительству, то участникамъ и скрывать было нечего. Другой вопросъ, который вмѣстѣ съ этимъ представляетъ большой интересъ—это вопросъ о томъ, что переживало общество въ періодъ арестовъ, и какія мѣры принимались его членами для сокрытія бумагъ, а равно и высказывались нѣкоторыя предположенія въ связи съ возможностью начала дѣйствій. Тутъ, конечно, было многое, подлежащее сокрытію, но мало-по-малу слѣдствіе вскрыло и эту сторону дѣла. Всѣ эти факты являются совсѣмъ новыми въ освѣщеніи декабристовъ на слѣдствіи, потому что они не попали даже въ позднѣйшія записки.

Извѣстно, что первый извѣтъ о южномъ обществѣ Александръ получилъ еще передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ отъ юнкера Шервуда, случайно принятаго въ общество юнымъ Вадковскимъ. Самъ Шервудъ, дѣлая извѣтъ, обладалъ очень ничтожными свѣдѣніями, и онъ былъ отправленъ для дальнѣйшихъ розысковъ. Въ Таганрогѣ императоромъ были получены болѣе подробныя данныя со списками членовъ общества, и однимъ изъ послѣднихъ его распоряженій была посылка въ районъ южной арміи генерала Чернышова для арестованія Пестеля и др. Такимъ образомъ, дѣятельность Чернышова на югѣ совпала съ періодомъ междуцарствія и продолжалась до начала января.

Если правительство успѣло заранѣе узнать о заговорѣ, то и заговорщики старались слѣдить за правительствомъ для того, чтобы заранѣе предвидѣть опасность, если бы она угрожала. Уже въ послѣднихъ числахъ ноября Пестель имѣлъ свѣдѣнія объ открытіи заговора и объ опасности, угрожавшей южному обществу, между тѣмъ аресты начались только съ половины декабря. Первые намеки на освѣдомленность штаба арміи сообщилъ Пестелю Бошнякъ, который со словъ генерала Витта заключилъ, что правительство освѣдомлено объ обществѣ. Извѣстную роль въ этомъ освѣдомленіи сыгралъ и кн. Барятинскій, адъютантъ главнокоман-

дующаго кн. Витгенштейна, повидимому, и сынъ послѣдняго Александръ. Среди признаковъ грядущей бѣды явилось для декабристовъ то обстоятельство, что имъ показался подозрительнымъ прїѣздъ фельдъегеря изъ Таганрога въ главную квартиру, внезапный отъѣздъ начальника штаба генерала Киселева навстрѣчу главнокомандующему, и нѣкоторая таинственность, которою были окружены дѣйствія высшихъ начальниковъ и измѣненіе отношеній Киселева и кн. Витгенштейна къ офицерамъ изъ числа членовъ общества ¹⁰⁹). Это внѣшніе признаки, за которыми скрывались и болѣе точныя свѣдѣнія. Начались разъѣзды и общеніе между членами, расположенными въ различныхъ пунктахъ края. Поручикъ Крюковъ 2-й выказывалъ наибольшую интенсивность въ этомъ отношеніи. Повидимому, онъ былъ первымъ, сообщившимъ Пестелю о полученіи въ штабѣ какихъ-то важныхъ бумагъ и даже отрывковъ изъ разговора Киселева съ графомъ Витгенштейномъ. Изъ ставки онъ отправился къ Пестелю черезъ Браиловъ, т.-е. кружнымъ путемъ, нашелъ у Пестеля майора Лорера и изложилъ имъ все, что ему было поручено. Тутъ уже обсуждался вопросъ о спасеніи бумагъ, въ которомъ потомъ Крюковъ принималъ такое дѣятельное участіе, и о сношеніяхъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ, къ которому Крюковъ вызвался отправиться съ письмомъ отъ Пестеля ¹¹⁰). Князь Барятинскій изъ главнаго штаба въ Тульчинѣ неоднократно посылалъ свѣдѣнія къ Пестелю въ Линцы, гдѣ стоялъ полкъ послѣдняго. Эти вѣсти передавались черезъ Заикина, Загорѣцкаго, Рынкевича и нѣкоторыхъ другихъ, не говоря о Крюковѣ. Такъ Заикинымъ было доставлено Пестелю извѣстіе о болѣзни государя, черезъ Загорѣцкаго переданы извѣстія о смерти Александра I ¹¹¹). Несмотря на опасность, привлекали однако къ дѣлу новыхъ членовъ. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько недѣль все общество было въ напряженномъ состояніи. Самъ Пестель ежедневно ожидалъ ареста. Молодой офицеръ Бобрищевъ-Пушкинъ, весьма растерявшійся послѣ ареста, свидѣтельствуешь, что «вообще, начиная отъ самаго отъѣзда Крюкова (въ Васильковъ къ Сергѣю Муравьеву), все почти время было для насъ временемъ грустныхъ ожиданій» ¹¹²).

Неудивительно, что такія тягостныя обстоятельства побуждали членовъ общества сдѣлать извѣстнаго рода приготовленія—сжечь свои бумаги и взвѣситъ свои силы.

Вопросъ о сожженіи бумагъ является для насъ не безразличнымъ, ибо онъ объясняетъ, почему до насъ дошло столь незначительное документальное наслѣдіе отъ дѣятельности общества и объясняетъ, какъ былъ спасенъ столь драгоценный памятникъ, какъ «Русская Правда» Пестеля. Пестель утвер-

ждалъ иа слѣдствіи, что онъ сжегъ свои бумаги ¹¹³). Поджіо рассказываетъ, что собравшіеся 22-го декабря у Давыдова члены разѣхались, чтобы уничтожить имѣвшіеся у нихъ бумаги. Это было уже послѣ ареста Пестеля ¹¹⁴). Слѣдовательно, многіе члены возможно долгое время удерживались отъ истребленія документовъ, но были бумаги, которыми особенно дорожилъ Пестель и др. и которыя частью сохранились, частью подверглись уничтоженію только тогда, когда наступила крайность. По пріѣздѣ Крюкова изъ Василькова Пестель поручилъ ему отвезти «Русскую Правду», зашитую въ холстѣ, и еще какія-то незапечатанныя бумаги въ мѣстечко Немировъ къ майору Мартынову. Оберегавшіе бумаги члены общества знали распоряженіе Пестеля объ истребленіи этихъ бумагъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, особенно просилъ Пестель сохранить «Русскую Правду». Крюковъ пріѣхавъ изъ Немирова, поручилъ поручику Заикину взять у Мартынова бумаги и принять мѣры къ ихъ сохраненію. Послѣдній отправился въ Немировъ и привезъ бумаги зашитыми въ подушку къ себѣ въ село Кирнасовку подъ Тульчиномъ. Онъ жилъ въ одной избѣ съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 2. Ночью оба офицера съ помощью брата Бобрищева-Пушкина зарыли «Русскую Правду» въ той же избѣ. Остальныя бумаги еще, очевидно, нужны были и кромѣ того ихъ разрѣшалось сжечь. Но вскорѣ многіе тульчинскіе члены узнали о томъ, гдѣ хранятся бумаги. Когда Пестеля арестовали, то многіе требовали сожженія бумагъ. Поручикъ Аврамовъ нарочно пріѣзжалъ съ напоминаніемъ о необходимости сжечь бумаги. Бобрищевъ-Пушкинъ не отрицалъ, что онъ возразилъ на это Аврамову: «Помилуйте, какъ можно сжечь эдакія бумаги, уговори, чтобы не жгли». Аврамовъ на это отвѣтилъ, что и ему такъ кажется. Это бережное отношеніе офицеровъ касается только «Русской Правды», потому что открытыя бумаги были сожжены Заикинымъ и Бобрищевымъ-Пушкинымъ наканунѣ 6-го декабря, т.-е. дня присяги Константину, когда Пестель еще не былъ арестованъ. Впрочемъ, рѣшено было рассказать въ Тульчинѣ, что всѣ бумаги сожжены, но «Русскую Правду» все же рѣшено сохранить.

Однако же хранить «Русскую Правду» зарытою въ квартирѣ казалось офицерамъ не безопаснымъ въ виду возможныхъ обысковъ и арестовъ. Крюковъ 2-й, знавшій о сохраненіи «Русской Правды», уже изъ-подъ ареста передалъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ совѣтъ сжечь бумаги. Тогда оба брата отправились къ себѣ въ Кирнасовку и ночью вырыли бумаги изъ-подъ пола, отправились за деревню и зарыли ихъ въ полѣ. Заикина при этомъ не было. О мѣстѣ, гдѣ зарыты бумаги, братья потомъ сказали

поручику Заикину и его брату Федору (не бывшему членомъ общества). На слѣдствіи, когда выяснился вопросъ о томъ, что «Русская Правда» зарыта (слѣдственная комиссія весьма сильно добивалась найти ее), то Заикинъ нарисовалъ планъ мѣстности, гдѣ зарыты бумаги.

Причина бережнаго отношенія молодыхъ офицеровъ къ «Русской Правдѣ» понятна: они сознательно относились къ ея содержанію, а съ другой стороны имъ вѣрилось, что, быть можетъ, судьба повернется такъ, что «Правда» еще понадобится. Когда Бобрищевъ-Пушкинъ 1 показывалъ Федору Заикину мѣсто ея храненія, онъ завѣщалъ ему: «когда все успокоится, отдайте бумаги хотя Лачинову, или кому другому, на котораго можно положиться, съ тѣмъ, чтобы оныя давались по рукамъ для чтенія и убѣжденія, что это дѣло не мальчишекъ». О себѣ братья не думали, что имъ придется показывать бумаги, потому что ожидали своей гибели. Бобрищевъ-Пушкинъ 2 тоже надѣялся, что бумаги «по ходу дѣла могутъ понадобиться» ¹¹⁵).

Къ сожалѣнію, для декабристовъ онѣ не понадобились, но потомство съ великой признательностью не можетъ не отнести къ тому, что молодые офицеры сохранили для него «Русскую Правду»: ея идеалы и сейчасъ представляютъ поучительное наслѣдіе декабризма.

Инцидентъ съ бумагами—привходящій. Гораздо важнѣе и интереснѣе то обстоятельство, что, когда сдѣлалось извѣстно о разслѣдованіи правительства и повидимому въ связи съ извѣстіемъ о болѣзни, а потомъ и смерти императора, въ средѣ Южнаго Общества зародилась мысль о возможности или необходимости попытки къ возстанію.

Мы знаемъ уже, что 27 ноября Пестель посылалъ въ Васильковъ поручика Крюкова 2. Содержаніе письма Пестеля къ С. Муравьеву, по понятнымъ причинамъ, установить трудно, но смыслъ его ясенъ изъ послѣдующаго. Пестель имѣлъ совѣщаніе въ Умани съ кн. Волконскимъ и Давыдовымъ, а въ Линцахъ съ Крюковымъ и Заикинымъ о началѣ возмущенія. Причины, побуждавшія къ началу дѣйствій, были тѣ, что общество открыто, а другая та, что болѣзнь и кончина императора могутъ представить къ тому удобный моментъ. Но; повидимому, начало дѣйствій было отложено на январь, или даже нѣсколько позже. Предполагалось начать возмущеніе, когда Вятскій полкъ Пестеля займетъ карауль въ главной квартирѣ, а начать съ арестованія главной квартиры Южной арміи. Предполагалось также освободить изъ-подъ ареста майора Раевского, который находился въ Тирасполѣ при корпусной квартирѣ генерала Сабанѣева. По словамъ Пестеля, все это

рѣшеніе не было безусловнымъ, но предполагалось сообразоваться съ обстоятельствами. Въ началѣ возмущенія, начатаго Вятскимъ полкомъ, свитскіе офицеры изъ числа членовъ общества должны были пристать къ Вятскому полку, затѣмъ долженъ былъ двинуться кн. Волконскій съ своими войсками, Бошнякъ долженъ былъ отправиться поднять военныя поселенія. Другимъ членамъ предоставлялось дѣйствовать каждому въ своей части. Обо всемъ этомъ, очевидно, писалось С. Муравьеву черезъ Крюкова, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изъ Тульчина старались убѣдить Муравьева дѣйствовать, не спѣша, по общему плану, не начинать возмущенія раньше Тульчина. Зная настроеніе Муравьева, можно было ожидать съ его стороны преждевременнаго начала. Вѣроятно, преднамѣренно Крюковъ пріѣхалъ къ Муравьеву въ 2 ч. ночи. Раньше они не были знакомы. У Муравьева Крюковъ засталъ Бестужева-Рюмина и Матвѣя Муравьева. Самъ Крюковъ въ своихъ показаніяхъ рассказываетъ, что здѣсь онъ узналъ, что никакой опасности пока не предвидится, что все идетъ очень хорошо, и что у нихъ все готово къ возстанію, которое предполагалось начать въ маѣ 1826 года, что въ средѣ ихъ имѣется двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ, рѣшившихся на царевубійство. Бестужевъ изъ Василькова предполагалъ отправиться обратно въ Бобруйскъ, но если Пестель увѣдомитъ о началѣ дѣйствій, то онъ направится въ 8 дивизію, а оттуда во второй корпусъ. Въ бесѣдахъ съ другими офицерами Крюковъ передавалъ о томъ впечатлѣніи, какое на него произвело свиданіе съ Муравьевымъ. По его наблюденію, Муравьевъ обладалъ большою силою, Бобрищевъ-Пушкинъ 1 безхитростно передаетъ отрывки разсказа Крюкова о посѣщеніи Василькова. Разсказъ очень характерный для экспансивнаго С. Муравьева. По словамъ Крюкова, послѣдній былъ «въ такомъ расположеніи, что хоть сейчасъ впору». Онъ говорилъ Крюкову: «у насъ ничего не бойтесь, говорите все и при всѣхъ; я вамъ это докажу». Онъ тотчасъ же выстроилъ какую-то команду, и спросилъ ее: «Ребята! Пойдете за мною, куда ни захочу?»—«Куда угодно»—былъ отвѣтъ солдатъ. Муравьевъ увѣрялъ Крюкова, что «онъ не дастся, если его и брать будутъ». Полученныя изъ Василькова Пестелемъ письма были весьма рѣшительнаго свойства. Муравьевъ нуждался только въ двухъ недѣляхъ времени для начала дѣйствій. Крюковъ привезъ отъ Муравьева три письма и двѣ бумаги, въ одной изъ которыхъ было извѣстіе о принятыхъ новыхъ членахъ и о настроеніи солдатъ, а въ другой былъ совѣтъ подать начальству мысль объ исправленіи артиллерійскихъ снарядовъ. Между прочимъ замѣтимъ, что послѣдняя мысль весьма безпокоила Борисова 2,

который по опыту кавказской войны зналъ о неисправности артиллерійскихъ снарядовъ, хранящихся при батареяхъ, и опасался, чтобы это обстоятельство не отразилось на успѣхахъ возстанія. Письма Муравьева содержали въ себѣ повтореніе того, что онъ изустно передавалъ черезъ Крюкова Пестеля. Послѣдній читалъ ихъ при Крюковѣ и при Лорерѣ ¹¹⁶⁾.

Такимъ образомъ, планъ дѣйствій былъ выработанъ, обсужденъ, нѣсколько отложенъ выполненіемъ, но, зная Пестеля, можно повѣрить его сообщенію: пріѣхавъ послѣ совѣщанія съ Волконскимъ и Давыдовымъ въ Линцы, онъ сообщилъ планъ Крюкову и другимъ офицерамъ, но самъ никакихъ предварительныхъ дѣйствій не предпринималъ. Это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о характерѣ Пестеля—великаго теоретика революціи, но не практическаго заговорщика ¹¹⁷⁾.

Начались аресты и начались съ самого Пестеля и его ближайшихъ сотрудниковъ, Крюкова 2, кн. Бяратинскаго, Юшневскаго. 21 или 22 декабря еще не арестованные члены Южнаго общества собрались у Давыдова на совѣщаніе. Здѣсь были, кромѣ хозяина, Лихаревъ, Янтальцевъ, оба Поджіо, сюда же заѣзжалъ наканунѣ собранія кн. Волконскій съ печальными извѣстіями объ арестахъ. Тутъ рѣшили было послать шт.-капитана Поджіо къ Муравьеву, но онъ не успѣлъ поѣхать. «Здѣсь всѣ разговоры клонились къ неизбѣжной нашей гибели. Янтальцевъ особенно жалѣлъ Юшневскаго»,—такъ говоритъ старшій Поджіо, но тутъ же себѣ противорѣчитъ, ибо онъ ожидалъ рѣшенія Южной Управы. Онъ составилъ письмо къ Волконскому, убѣждая его начать дѣйствіе и спасти Пестеля. Это письмо было послано съ Янтальцевымъ. Интересно, что члены общества, обращаясь къ Волконскому, тутъ же пришли къ мысли, что на его инициативу нельзя рассчитывать. Янтальцевъ не совѣтовалъ Поджіо посылать письма къ Волконскому: «Вы знаете, онъ дѣйствовать не будетъ»,—говорилъ онъ. Давыдовъ безнадежно смотрѣлъ: «Волконскій одинъ самъ собою ничего не значить, ибо долженъ быть непременно кѣмъ-нибудь движимъ, чтобы быть къ тому способнымъ; дайте мнѣ Пестеля, тогда дѣло другое». Зналъ и Поджіо о нерасположеніи Волконскаго лично дѣйствовать, но онъ лелѣялъ ту мысль, не начнетъ ли Муравьевъ, въ надеждѣ на помощь Волконскаго. Мы не знаемъ подробностей письма Поджіо къ Волконскому, но повидимому въ немъ содержался и планъ начала дѣйствій, бывшій у Поджіо. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы Азовскій полкъ поднялъ возстаніе и направился бы къ Тульчину, гдѣ долженъ былъ арестовать генерала Киселева и дежурнаго генерала Байкова, а затѣмъ ожидать здѣсь С. Муравьева и вмѣстѣ съ нимъ

направиться въ Кіевъ и здѣсь основать главную квартиру. Кромѣ того Поджіо предлагалъ и еще героическое средство. По словамъ Лихарева, онъ по прочтеніи плана сказалъ: «работайте здѣсь, а я вамъ отвѣчаю, что въ такой-то день государь не существуетъ. Прошу только, чтобы Михаилъ Федоровичъ Орловъ пріѣхалъ къ сему времени въ Петербургъ и принялъ командованіе гвардіей». По словамъ другихъ онъ предлагалъ «свои двѣ руки», но Давыдовъ на это сказалъ: «твои двѣ руки ничего не значать, тутъ надобно шесть». Комиссія очень настойчиво добивалась, отвѣтили ли Поджіо, что у него есть еще «руки» и кого онъ при этомъ имѣлъ въ виду, или же нѣтъ, но ввиду разнорѣчивыхъ показаній, она ничего не добила. Такимъ образомъ, самымъ рѣшительнымъ членомъ оказался подполковникъ Поджіо, который предлагалъ средство героическое, но по тому времени не безнадежное.

Но всѣ эти предположенія разбились прежде всего объ отказъ кн. Волконскаго, который отказался поднять 19 дивизію, потому что у него нѣтъ здѣсь по его словамъ ни одного человѣка, подготовленнаго къ дѣлу, между тѣмъ Поджіо утверждалъ, что ему достовѣрно извѣстно, что въ Азовскомъ полку есть люди, преданные Волконскому, и ему казалось, что онъ могъ бы поднять эту часть войскъ. Объ отказѣ кн. Волконскаго члены узнали, собравшись у Янтальцева. Подп. Поджіо пришлось отмѣнить свое намѣреніе отправиться въ Кіевъ. Правда, мысль о покушеніи не оставляла его и здѣсь, и онъ говорилъ Янтальцеву, что есть еще удобный случай для покушенія на царскую фамилію—время коронаціи въ Москвѣ. Но это уже были не планы, а мечты, потому что общество распадалось, разбѣгалось, и это были послѣдніе моменты жизни на свободѣ¹¹⁸). Дальнѣйшіе аресты прекратили мечты о возможности возстанія.

Въ районѣ Васильковской управы, т.-е. въ районѣ сосредоточенія членовъ общества соединенныхъ славянъ, весь декабрь мѣсяцъ прошелъ въ чрезвычайно приподнятомъ и дѣятельномъ настроеніи. Надо припомнить, что члены этого общества еще лѣтомъ горѣли нетерпѣніемъ начать активныя дѣйствія, и готовились выполнить тѣ предположенія, которыя были отнесены на начало лѣта 1826 года. Неудивительно поэтому, что когда получились извѣстія о смерти императора, то эти извѣстія немедленно вселили въ членахъ смутную мысль о пользѣ и необходимости немедленныхъ дѣйствій. Это сознаніе охватило членовъ общества, повидимому, безъ особыхъ побужденій со стороны руководителей Васильковской управы. Разговоры, надежды высказываются въ кружкѣ славянъ, идутъ совѣщанія съ солдатами, а руководители управы остаются какъ-то въ тѣни, хотя Бестужевъ и сдѣлалъ

нѣсколько предувѣдомленій. Но его распоряженія касались начала дѣйствій въ мартѣ, а потомъ отнесены на половину января. У славянъ не было побудительныхъ причинъ поднять возстаніе изъ опасенія ареста, потому что отъ нихъ были скрыты С. Муравьевымъ и Бестужевымъ полученныя черезъ Крюкова свѣдѣнія. Итакъ, было одно побужденіе—использовать моментъ для освобожденія родины.

Какъ только разнеслась вѣсть о смерти Александра I, славянамъ казалось необходимымъ немедленно поднять знамя возстанія. По сообщенію прекрасныхъ записокъ Горбачевскаго, присяга Константину проходила среди ропота. Въ Черниговскомъ полку произошло еще очень оригинальное обстоятельство, которое сдѣлало существующій режимъ особенно ненавистнымъ и сблизило солдатъ съ офицерами. Полковникъ Гебель собралъ полкъ для принесенія присяги и, пользуясь сборомъ, сбѣлъ съ рукъ еще одно «дѣло»: исполнилъ резолюцію главнокомандующаго и подвергъ тѣлесному наказанію двухъ солдатъ, не выждавъ возможнаго при такихъ обстоятельствахъ освобожденія отъ наказанія по манифесту. Всѣ явно роптали, С. Муравьевъ упалъ въ обморокъ, дисциплина была нарушена. Присяга Николаю проходила еще при большемъ ропотѣ¹¹⁹⁾. Таково было настроеніе. Долгое время послѣ присяги Константину славяне не получали никакихъ извѣстій отъ С. Муравьева. Однако они усиленно готовили солдатъ. Только передъ 20 декабря начались разъѣзды Андреевича 2 между членами общества. Онъ сообщалъ извѣстія объ угрожающей опасности и предположенія о началѣ дѣйствій въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ. Извѣщалъ онъ также о томъ, что собирается въ Петербургъ съ нѣкоторыми изъ членовъ славянскаго общества. Такъ, Горбачевскій 20 декабря получилъ черезъ фейерверкера письмо отъ Андреевича. Какъ разъ въ это время у Горбачевскаго въ Барановѣ былъ Борисовъ 2. Въ этомъ письмѣ сообщалось, что Бестужевъ радуется успѣхамъ славянъ, и что начало дѣйствій близится. Въ моментъ чтенія письма явился самъ Андреевичъ и привезъ письмо отъ самого Бестужева, въ которомъ онъ торопилъ славянъ въ приготовленіи нижнихъ чиновъ. «Намъ представляется случай ранѣе, нежели мы думали, умереть со славой за свободу отечества, можетъ быть, въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ, голосъ родины соберетъ насъ вокругъ хоругвей свободы», такъ писалъ Бестужевъ и тутъ же просилъ Горбачевскаго и Борисова 2 пріѣхать къ нему въ Кіевъ къ 15 января. Извѣстіе о началѣ дѣйствій обрадовало славянъ. Немедленно былъ вызванъ Горбачевскимъ Бечасный, и всю ночь провели они въ сообщеніяхъ и во взаимномъ обмѣнѣ мнѣній о будущихъ дѣйствіяхъ. Борисовъ

написалъ для Бестужева записку для передачи черезъ Андреевича, въ которой набросалъ планъ дѣйствій. Артиллеристы требовали прикрытія изъ пѣхоты и конницы. Это прикрытіе должно немедленно подойти къ расположенію батарейныхъ ротъ, потому что нѣкоторые офицеры изъ числа членовъ общества въ командировкахъ, а артиллерійскія лошади находятся въ 45 верстахъ отъ парка. Поэтому артиллеристы, вооруженные только тесаками, не справятся въ началѣ дѣйствія. Только одна вторая легкая рота была вполне готова. Немедленно послѣ начала возстанія необходимо объявить «скорое освобожденіе крестьянъ». Славяне полагаютъ необходимымъ привлечь къ дѣйствию поляковъ, объявивъ всеобщее возстаніе. Наконецъ они требуютъ отъ Муравьева дать имъ точный планъ дѣйствій ¹²⁰). Нельзя отказать Борису въ практичности придуманнаго имъ плана для начала дѣйствій своей части, но у Муравьева плана не было. Андреевичъ отправился въ Кіевъ, а оттуда 27 декабря въ Васильковъ къ Муравьеву, но здѣсь онъ уже Муравьева не засталъ, и положеніе вещей въ сильной мѣрѣ измѣнилось. Черезъ нѣсколько дней въ районѣ расположенія славянъ появляется отставной поручикъ Андрей Борисовъ. Довольно трудно сказать, случайно ли онъ появился въ районѣ расположенія членовъ общества или нарочно пріѣхалъ, вызванный Бестужевымъ. Ему, какъ отставному, дѣйствительно было удобно переѣзжать съ мѣста на мѣсто и объединять дѣятельность общества. Братья Борисовы упорно настаивали на томъ, что Андрей Борисовъ случайно пріѣхалъ изъ Курской губерніи для опредѣленія на службу, но у Горбачевского вырвалась фраза, изъ которой видно, что Андрей Борисовъ уѣхалъ изъ дома, не сказавъ объ этомъ даже отцу ¹²¹). Какъ бы то ни было, но Борисовъ сначала появляется около 26 декабря въ Новоградъ-Волынскѣ у своего брата Петра. Тутъ онъ узналъ о планахъ скорого возстанія, а 26 декабря здѣсь сдѣлалось уже извѣстно о неудачномъ исходѣ дня 14 декабря. Славяне немедленно рѣшили, что Южное общество начнетъ возстаніе, но ждали извѣстія отъ Муравьева. Предположено было объявить въ городѣ временное правленіе и напечатать прокламаціи объ освобожденіи крѣпостныхъ. Борисовъ Андрей предполагалъ ѣхать въ Харьковскую губернію для предупрежденія тамошнихъ артиллерійскихъ офицеровъ, а пока онъ отправился въ Житомиръ для свиданія съ мѣстными членами ¹²²).

Въ Житомирѣ онъ былъ у Иванова и Кирѣева. Здѣсь прежде всего онъ узналъ о приказѣ арестовать Муравьева и Бестужева и «объ опасности всѣмъ конституціонерамъ угрожающей». Тутъ немедленно было рѣшено умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы

избѣгнуть угрожающаго всѣмъ наказанія. Этимъ они полагали, что исполнять клятву, данную Бестужеву въ Лещинскомъ лагерѣ, и кромѣ того были увѣрены въ томъ, что Бестужевъ и Муравьевъ немедленно начнутъ возстаніе въ Черниговскомъ полку. Кирѣевъ и Ивановъ писали Петру Борисову, что они видятъ проводимыхъ черезъ корпусную квартиру арестованныхъ заговорщиковъ и что они рѣшаются умереть для избѣжанія наказанія и просятъ сообщить объ ихъ рѣшеніи Громницкому, Тютчеву, Лисовскому, Бечасному и Горбачевскому. Кромѣ того Ивановъ далъ письмо въ Троицкій полкъ къ Ярошевичу и Киселевичу. На совѣщаніи въ Житомирѣ принимали участіе въ выработкѣ плана дѣйствій кромѣ Андрея Борисова, Иванова и Кирѣева, братья Веденяпины, Андреевъ, Нащокинъ и нѣкоторые другіе. Такъ какъ А. Борисовъ здѣсь предложилъ планъ дѣйствій, то весьма вѣроятно, что онъ привезъ его уже изъ Новоградъ-Волинска. Планъ заключался въ томъ, чтобы итти на Кіевъ или на Бобруйскъ и запереться въ одной изъ этихъ крѣпостей въ ожиданіи помощи со стороны второй арміи. Офицеры рассчитывали на извѣстныхъ имъ членовъ — полковника Швейковского съ его Алексопольскимъ полкомъ, отъ командованія которымъ онъ былъ только что отставленъ, на командира Ахтырскаго гусарскаго полка Артамона Муравьева и, наконецъ, на полковника Тизенгаузена, который съ своимъ полкомъ въ это время находился въ Бобруйскѣ. Правда, среди совѣщавшихся были и сомнѣвающіеся. Въ числѣ ихъ былъ поручикъ Нащокинъ, считавшій весь планъ «безразсуднымъ поступкомъ», но Борисовъ 1 убѣдилъ всѣхъ, заявивъ, что смерть лучше заточенія, которое имъ всѣмъ угрожаетъ. Итакъ, устроивши дѣло въ Житомирѣ, Андрей Борисовъ съ письмами Иванова и Кирѣева къ своему брату, къ двумъ ротнымъ командирамъ Троицкаго полка и съ письмомъ къ Горбачевскому отправился обратно въ Новоградъ-Волинскъ ¹²³).

Перваго января онъ былъ здѣсь, заставъ у своего брата Горбачевского (послѣдній, какъ мы знаемъ, жилъ въ Барановѣ). Тутъ собравшіеся стали прежде всего писать письма, согласно совѣту Иванова, къ другимъ членамъ общества, въ Пензенскій и Саратовскій полки. Такъ Петръ Борисовъ писалъ Громницкому, Тютчеву и Лисовскому, напоминая имъ о данной клятвѣ и объ угрожающей опасности, и настаивалъ, чтобы они шли въ Новоградъ-Волинскъ къ артиллеристамъ, а оттуда на Житомиръ, удерживая солдатъ отъ убійствъ и насилій. Кромѣ того, тотъ же Борисовъ написалъ письмо юнкеру Головинскому, квартировавшему тогда въ Овручскомъ уѣздѣ, поручая ему не только поднять свою роту, но также и сосѣднюю шляхту. Связь съ поляками уже

была завязана, потому что къ Головинскому письмо повезли двое изъ поляковъ, а третій полякъ отправился въ Заславъ для того, чтобы дѣйствовать на шляхту. Горбачевскій, нѣсколько колебавшійся, написалъ однако письмо къ майору Спиридову. Согласно тому, что было рѣшено еще въ Житомирѣ, Пензенскіе офицеры должны были итти къ Новоградъ-Волинску, гдѣ предполагалось арестовать полкового командира и несогласныхъ возстать офицеровъ, и затѣмъ пѣхота и артиллерія съ надеждой на поддержку ахтырскихъ гусаровъ должна была отправиться въ Житомиръ. Петръ Борисовъ особенно рекомендовалъ Андрею Борисову, между прочимъ, чтобы онъ воздѣйствовалъ на Тютчева, въ цѣляхъ поднять сосѣдній Саратовскій полкъ.

Съ этимъ багажемъ писемъ перваго января ночью Андрей Борисовъ отправился въ Старый Константиновъ къ Тютчеву, Громницкому и Лисовскому. Въ два часа ночи на третье января Борисовъ былъ у Лисовскаго и у Громницкаго. Борисовъ имъ сказалъ, что общество открыто, что приказано арестовать Бестужева и Андріевичъ поѣхалъ его предупредить, что, наконецъ, девятая и седьмая дивизіи и много полковъ второй арміи соединились для дѣйствія противъ правительства. Ахтырскій полкъ вышелъ на поддержку возставшихъ (послѣднее вѣрно въ томъ, что этотъ полкъ выступилъ въ походъ, но походъ былъ направленъ противъ возставшихъ). Но восьмая артиллерійская бригада не можетъ двинуться безъ пѣшаго подкрѣпленія. «Поспѣшите, если умирать, то лучше съ оружіемъ въ рукахъ, нежели гнить въ цѣпяхъ вѣчно. Я имѣю письма въ Троицкій полкъ къ двумъ ротнымъ командирамъ, поручику Ярошевичу и капитану Киселевичу. Они приняты въ общество комиссіонеромъ Ивановымъ. Соединясь съ вами на дорогѣ къ Новгороду-Волинскому, оттуда двинемся на Житомиръ, послѣ, кто тамъ присоединится къ намъ больше, и потомъ въ Бобруйскую крѣпость, завладѣвъ ею, будемъ дожидать главнѣйшаго подкрѣпленія». Можно съ достовѣрностью сказать, что Борисову пришлось произнести рѣчь въ этомъ духѣ, нѣсколько пріукрасивъ начало возстанія, потому что Пензенскіе офицеры съ большимъ колебаніемъ встрѣтили предложеніе приступить къ дѣйствіямъ. Борисову пришлось ссылаться на письма и даже показать имъ письма Иванова и Кирѣева къ его брату. Когда Громницкій и Лисовскій согласились начать дѣйствія, они совѣтовали Борисову ѣхать къ капитану Тютчеву, квартировавшему въ 10 верстахъ отъ города въ деревнѣ Кузьминѣ. Борисовъ отправился туда, Тютчевъ тотчасъ же отправился съ Борисовымъ въ Ст. Константиновъ, приказавъ предварительно фельдфебелю собрать роту къ раннему утру и

раздать ей боевые патроны. На краю города, въ корчмѣ имѣли свиданіе офицеры. Можно повѣрить заявленіямъ всѣхъ троихъ на слѣдствіи, что они неохотно поднимали возстаніе, потому что они весьма торопили Борисова уѣхать, подъ предлогомъ, что его могутъ арестовать, боясь очевидно его настойчивости, потому что онъ хотѣлъ дожидаться у нихъ начала возстанія. Письмо Горбачевского къ майору Спиридову повезъ Тютчевъ. Спиридовъ согласился дѣйствовать и отправилъ письмо къ Шимкову въ Саратовскій полкъ, сообщилъ и Горбачевскому, что если ему не удастся поднять Пензенскій полкъ, то онъ самъ пріѣдетъ къ Горбачевскому. Затѣмъ Спиридовъ съ Тютчевымъ отправились въ Ст. Константиновъ къ Лисовскому и Громницкому, но тѣ заявили, что они совсѣмъ не успѣли приготовить солдатъ. Они ссылались на совѣты Муравьева и Бестужева дѣйствовать на солдатъ медленно, ссылаясь и на то, что дѣло о возстаніи начато Борисовымъ, тогда какъ отъ Муравьева и Бестужева нѣтъ никакихъ извѣстій. Одинъ Тютчевъ не отказывался отъ своего обѣщанія. Подъ предлогомъ занятія караула въ Житомирѣ Тютчевъ направился къ Житомиру съ своею ротою. Спиридовъ возвратился къ себѣ въ Красиловъ, гдѣ получилъ отвѣты изъ Саратовскаго полка отъ Шимкова и капитана Ефимьева. «Саратовскій полкъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ начала возстанія. Я ѣздилъ въ Тамбовскій полкъ и принялъ тамъ пять ротныхъ командировъ, которые поклялись при первомъ случаѣ соединиться съ нашимъ полкомъ и готовы содѣйствовать намъ съ своими подчиненными», такъ писалъ Шимковъ. Капитанъ Ефимьевъ писалъ, что хотя его не удостоили довѣріемъ и не приняли раньше въ общество, онъ тѣмъ не менѣе выступитъ съ своей ротой и даже ручается за свой полкъ. ¹²⁵).

Изъ Ст. Константинова Борисовъ направился опять въ Новоградъ-Волынскій, но въ этотъ городъ онъ не заѣзжалъ, остановившись только въ Барановѣ у Горбачевского и Бечаснаго, сообщивъ имъ о готовности Пензенскихъ офицеровъ. Съ дороги, изъ мѣстечка Полонога, онъ успѣлъ переслать брату записку, въ которой говорилось, что Ахтырскій полкъ собирается въ штабъ-квартиру въ Любарѣ, что артиллерія второй арміи и Литовскій корпусъ находятся въ сборѣ и вездѣ замѣчается движеніе войскъ. «Надежда возбудилась въ сердцахъ славянъ»,—говоритъ по этому поводу въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ Горбачевскій, видѣвшійся съ Борисовымъ 2 послѣ проѣзда его брата ¹²⁶). Но всѣ эти войска были двинуты правительствомъ противъ скромнаго отряда Черниговскаго полка, во главѣ котораго случайно оказался С. Муравьевъ. А извѣстій отъ послѣдняго не было. И у славянъ

начало уже зарождаться сомнѣніе, не арестованъ ли самъ Муравьевъ. Такъ оно и случилось.

Въ теченіе почти всего декабря мѣсяца С. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ не давали никакихъ опредѣленныхъ указаній съ своей стороны членамъ общества за исключеніемъ извѣстной уже намъ посылки Андріевича 2-го. Но мы уже знаемъ, что и Андріевичъ никакого опредѣленнаго плана не привезъ. На представленный Борисовымъ планъ Бестужевъ никакого отвѣта не далъ. Славяне, какъ мы видѣли, готовились къ дѣйствию, не имѣя, однако, опредѣленныхъ директивъ. 25 декабря С. Муравьевъ съ братомъ Матвѣемъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшимъ въ Васильковъ, прибыли изъ Василькова въ Житомиръ. Какъ это ни странно, но совершенно не удается выяснить, была ли эта поѣздка связана съ предполагаемымъ возстаніемъ, или только съ поѣздкой Бестужева въ Петербургъ. Дѣло въ томъ, что въ Житомирѣ Муравьевъ ни съ кѣмъ не видѣлся изъ членовъ общества. Онъ и Бестужевъ показывали, что цѣлью поѣздки Муравьева было посѣщеніе Муравьевымъ корпуснаго командира генерала Рота для того, чтобы исходатайствовать отпускъ для Бестужева. У Бестужева умерла мать, и онъ хотѣлъ отправиться въ отпускъ по домашнимъ дѣламъ, но ему, какъ бывшему семуновскому офицеру, получить отпускъ было трудно, почему и понадобилось ходатайство С. Муравьева. Вообще весь этотъ эпизодъ съ отпускомъ совершенно неясенъ: легально отправиться въ Петербургъ, когда общество открыто, казалось бы дѣломъ страннымъ и довольно безнадежнымъ. Можно однако догадываться, что цѣлью отпуска были далеко не семейныя дѣла: намъ уже извѣстно, что Бестужевъ приглашалъ съ собой въ столицу и нѣкоторыхъ изъ офицеровъ. Непонятно только, для чего онъ такъ откладывалъ замыселъ царевубійства, когда казалось бы быстрота дѣйствій должна бы стоять на первомъ планѣ. Въ Житомирѣ братья Муравьевы узнали отъ генерала Рота о неудачѣ, постигшей возстаніе 14 декабря. Тогда братья немедленно отправились въ м. Трояновъ къ Александру Муравьеву, командиру Александрійскаго гусарскаго полка. Тутъ они узнали еще больше подробностей о 14 декабря и немедленно же уѣхали въ м. Любаръ къ Артамону Муравьеву, командиру Ахтырскаго гусарскаго полка. Заѣздъ въ Трояновъ оба брата объясняли желаніемъ провести праздники у родственниковъ и—какъ это ни странно—показаніе возможное, потому что Александръ Муравьевъ не былъ членомъ общества. Иное дѣло его братъ Артамонъ. Они отправились къ послѣднему уже съ опредѣленною цѣлью выяснить создавшееся положеніе, какъ къ одному изъ главъ за-

говора и притомъ очень горячему. Но здѣсь нагналъ братьевъ Муравьевыхъ Бестужевъ-Рюминъ и поразилъ ихъ извѣстіемъ, что бумаги Сергѣя Муравьева взяты полковникомъ Гебелемъ, который теперь гоняется за Муравьевымъ, чтобы его арестовать. Матвѣй Муравьевъ весьма растерялся, но Сергѣй Муравьевъ предложилъ Артамону немедленно поднять свой гусарскій полкъ. Тутъ произошла тяжелая сцена убѣжденія Сергѣемъ Муравьевымъ Артамона Муравьева, подробно описанная въ запискахъ Горбачевского. Артамонъ Муравьевъ рѣшительно отказался и даже высказалъ намѣреніе признаться во всемъ новому государю для облегченія участи. Онъ не послалъ записокъ С. Муравьева къ членамъ общества, даже не далъ бѣглецамъ свѣжихъ лошадей, и они должны были немедленно уѣхать на истощенныхъ. Немного спустя послѣ отъѣзда братьевъ Муравьевыхъ на квартиру Артамона Муравьева явился полковникъ Гебель. Задержавъ нѣсколько полковника Гебеля, Артамонъ Муравьевъ тѣмъ самымъ оказалъ единственную услугу бѣжавшимъ отъ него.

Въ то самое время, когда С. Муравьевъ такъ неудачно добивался содѣйствія Артамона Муравьева, Андріевичъ 2-й былъ посланъ офицерами Черниговскаго полка въ Радомысль къ полковнику Повало-Швейковскому, недавно отставленному командиру Алексопольскаго полка, съ предложеніемъ поднять свой бывший полкъ, и тоже получилъ категорическій отказъ въ самой грубой формѣ. Ему пришлось скакать въ Васильковъ, но здѣсь оставаться было невозможно, и онъ пѣшкомъ вышелъ изъ города и отправился въ Кіевъ.

Въ Васильковѣ офицеры Черниговскаго полка ожидали возвращенія С. Муравьева и начала возстанія. Они питали розовыя надежды на готовность другихъ частей войскъ и были увѣрены въ успѣхѣ поѣздки Муравьева. Но надежды смѣнились уныніемъ: во время бала 25 декабря къ полковнику Гебелю явились жандармскіе офицеры, о чемъ-то съ нимъ поговорили, затѣмъ произвели обыскъ въ квартирѣ Муравьева, забрали бумаги и самъ Гебель съ однимъ изъ жандармовъ спѣшно куда-то уѣхали. Причина поѣздки была ясна, но офицеры не знали маршрута Муравьева. Во всякомъ случаѣ у нихъ составилось твердое рѣшеніе освободить Муравьева, если его арестуютъ. Наконецъ, ночью съ 28 на 29 декабря поручикъ Кузьминъ получаетъ записку отъ Муравьева съ извѣщеніемъ, что онъ находится въ деревнѣ Трилѣсахъ, въ квартирѣ самого Кузьмина (тамъ стояла рота послѣдняго) и съ предложеніемъ пріѣхать въ деревню Кузьмину, Соловьеву и Сухинову.

Дѣло въ томъ, что братья Муравьевы съ Бестужевымъ до-

брались съ трудомъ изъ Любара въ Трилѣсы. Трудно сказать, былъ ли у нихъ какой-нибудь опредѣленный планъ дѣйствій. Изъ Трилѣсъ Бестужевъ немедленно уѣхалъ въ Радомысль къ Повало-Швейковскому. Такъ рассказываетъ Горбачевскій, а Муравьевъ утверждаетъ, что Бестужевъ отправился въ Брусилловъ, съ тѣмъ, чтобы пробраться въ Новоградъ-Волыньскъ къ славянамъ. Но если бы проѣздъ оказался затруднительнымъ, то онъ долженъ былъ возвратиться обратно въ Трилѣсы. Здѣсь братья Муравьевы расположились ночевать. Передъ разсвѣтомъ ихъ настигъ полковникъ Гебель съ жандармскимъ офицеромъ и арестовалъ. Пока довольный выполненнымъ порученіемъ Гебель пилъ чай, пока запрягали лошадей, Кузьминъ и Сухиновъ прискакали въ Трилѣсы. Гебель началъ имъ чинить замѣчанія по службѣ, что было очень кстати, ибо они ожидали пріѣзда двухъ другихъ офицеровъ, которые вскорѣ подѣхали. Пока Гебель наставлялъ въ дисциплинѣ своихъ офицеровъ, разговаривалъ съ Муравьевыми, Кузьминъ успѣлъ убѣдиться въ готовности солдатъ, стоявшихъ на караулѣ, другіе захватили жандармскаго поручика Ланга и заперли его въ погребъ, откуда онъ успѣлъ бѣжать, успѣли переговорить съ Муравьевыми, а споръ съ Гебелемъ закончился избіеніемъ его. Впрочемъ Гебеля не преслѣдовали и дали ему возможность убѣжать.

Такъ былъ освобожденъ С. Муравьевъ съ братомъ. Возмущеніе началось такъ сказать само собою. Муравьевъ посылаетъ Соловьева и Щепилу собрать свои роты въ Васильковъ. Стоявшая въ Трилѣсахъ рота была немедленно собрана и въ боевомъ порядкѣ направилась въ дер. Ковалевку, гдѣ квартировала вторая гренадерская рота, которая тоже присоединилась къ первой. Въ Ковалевкѣ отрядъ переночевалъ. Тутъ же въ Ковалевкѣ С. Муравьевъ сдѣлалъ рядъ распоряженій для расширенія возстанія. Онъ послалъ Башмакова (разжалованнаго изъ офицеровъ въ солдаты) къ капитану Фурману, чтобы тотъ отправился поднять 8-ю пѣхотную дивизію. Впрочемъ оба они такъ не спѣшали, что были по дорогѣ арестованы. Затѣмъ Муравьевъ вызвалъ къ себѣ въ Васильковъ Вадковскаго и Молчанова, пославъ имъ записки черезъ унтеръ-офицера. 30 декабря утромъ С. Муравьевъ съ двумя неполными ротами двинулся въ Васильковъ. Въ 8-ми верстахъ отъ Василькова въ селѣ Мытницѣ дано было распоряженіе отряду зарядить ружья. Здѣсь же въ Мытницѣ присоединился къ отряду возвратившійся Бестужевъ-Рюминъ. Въ Васильковѣ уже ожидали Муравьева и союзники и враги. Въмѣсто больного Гебеля, пробравшагося за это время къ себѣ въ Васильковъ, командовалъ полкомъ маіоръ Трухинъ,

который изготавилъ къ бою бывшую въ его распоряженіи роту. Соловьевъ и Щепила успѣли заранѣе пріѣхать въ Васильковъ, извѣстили своихъ, но были арестованы Трухинымъ. Подъ вечеръ отрядъ Муравьева спокойно вступалъ въ Васильковъ. Маіоръ Трухинъ пробовалъ было краснорѣчіемъ воздѣйствовать на возставшихъ, но былъ помятъ солдатами и арестованъ. Былъ вторично арестованъ и Гебель, подвергшійся притомъ оскорбленію со стороны солдатъ. Между тѣмъ арестованные ранѣе Трухинымъ офицеры явились на городскую площадь во главѣ караулившихъ ихъ солдатъ. Полковыя знамена и ящикъ были взяты Муравьевымъ на свою квартиру. Пріѣхалъ и Вадковскій и, восхищенный всѣмъ случившимся, немедленно отправился въ Бѣлую Церковь, обѣщая взбунтовать хоть часть Егерскаго полка.

Затѣмъ С. Муравьевъ успокоилъ испуганныхъ жителей, объяснивъ имъ цѣль возстанія, разставилъ караулы, которые ночью успѣли арестовать проѣзжавшихъ двухъ жандармовъ, и сталъ дѣлать приготовленія къ походу. Всю ночь онъ писалъ, запершись въ своемъ кабинетѣ. Поутру, вызвавъ къ себѣ поручика Мозгалевскаго, С. Муравьевъ приказалъ ему немедленно ѣхать переодѣтымъ въ Кіевъ съ тремя письмами. Одно письмо было къ маіору Курскаго полка Крупникову, другое какому-то генералу и еще кому-то третье письмо. Но надо замѣтить, что о посылкѣ трехъ писемъ передаетъ въ своихъ запискахъ Горбачевскій, писавшій по слухамъ. На допросѣ выяснилось только о посылкѣ одного письма къ Крупникову, что можно считать болѣе достовѣрнымъ. Сверхъ письма Мозгалевскому дано было отвѣтственное порученіе. Онъ отправился въ Кіевъ съ четырьмя солдатами, у которыхъ были отпороты погоны. Имъ даны были копіи извѣстнаго политическаго катехизиса съ цѣлью распространить его среди тамошняго народа. Между прочимъ замѣтимъ, что Мозгалевскій въ своихъ показаніяхъ увѣряетъ, что расчеты черниговскихъ офицеровъ въ началѣ возстанія были очень радужны. Они надѣялись на Алексопольскій и Кременчугскій полки, которые должны были двинуться къ Житомиру и на всю восьмую дивизію.

Несмотря на то, что вопросъ о возстаніи трактовался цѣлый мѣсяцъ, опредѣленнаго плана у С. Муравьева не было, не было и опредѣленныхъ свѣдѣній о настроеніи частей войскъ, гдѣ были члены общества. Направленіе пришлось угадывать. Была возможность выбрать три направленія—на Кіевъ, на Житомиръ или на Бѣлую Церковь. С. Муравьевъ избралъ второе направленіе, полагая, что въ Брусиловѣ онъ будетъ на одинъ день перехода отъ Житомира и отъ Кіева и такимъ образомъ можетъ по-

вернуть къ Кіеву, если Мозгалеvскій привезетъ ему благоприятныя извѣстія.

Утромъ весь отрядъ выстроился на городской площади и ждалъ своего вождя. С. Муравьевъ вызвалъ къ себѣ полкового священника и убѣдилъ его отслужить молебенъ, выяснивъ при этомъ цѣль возстанія. Священникъ, хотя вопросъ о семьѣ сильно его беспокоилъ, не устоялъ предъ убѣжденіями Муравьева и согласился. Оба явились на площадь передъ колоннами войскъ. Муравьевъ привѣтствовалъ солдатъ, объяснивъ имъ цѣль возстанія. Офицеры и солдаты подтвердили готовность слѣдовать за своимъ вождемъ. Священникъ прочиталъ политическій катехизисъ съ изложеніемъ правилъ и обязанностей свободныхъ гражданъ. Муравьевъ еще разъ подтвердилъ, что онъ никого не стѣсняетъ и желающіе могутъ остаться. Затѣмъ слѣдовалъ молебенъ. Во время послѣдняго пріѣхалъ младшій братъ Муравьева Ипполитъ, только что произведенный въ офицеры. Сопровождаемые добрыми пожеланіями жителей солдаты двинулись въ походъ. Путь былъ взять на с. Мотовиловку.

Въ походъ выступили слѣдующія роты Черниговскаго полка: 3-ья мушкатерская рота перваго батальона, 2-я гренадерская рота второго батальона и 4, 5 и 6 мушкатерскія роты. Двумъ ротамъ приказано было присоединиться въ с. Мотовиловкѣ. Такимъ образомъ войско Муравьева состояло всего изъ неполной тысячи человекъ. Изъ офицеровъ съ Муравьевымъ выступили: штабсъ-капитанъ Маевскій, поручикъ баронъ Соловьевъ, поручики Петинъ и полковой казначей Сизиневскій, подпоручики Быстрицкій, Рыбаковскій, Кондаревъ, прапорщики: князь Мещерскій, Апостоль-Кегичъ, Бѣлелюбскій, Сухиновъ, Войниловичъ, Кузьминъ и Щепила. Къ нимъ надо присоединить троихъ братьевъ Муравьевыхъ, Бестужева-Рюмина и разжалованныхъ изъ офицеровъ въ рядовые Грахольскаго, Тарасова и Ракузу, одѣвшихъ въ офицерское платье. Вотъ подсчетъ силъ, съ которыми Муравьевъ начиналъ дѣло. Мы знаемъ уже, что надежды его на стоявшіе въ разныхъ мѣстахъ полки были невелики, ближайшіе по расположенію полковые командиры отказали въ помощи. Правда, въ Житомирѣ и Новоградѣ-Волинскѣ находились члены общества, принимавшіе горячее участіе въ приготовленіяхъ. Но объ ихъ готовности Муравьевъ ничего не зналъ, ибо они готовились и ждали отъ него указаній. Мало того, отъ Житомира и Новоградѣ-Волинска онъ былъ отрѣзанъ кавалерійскими полками, на которые нельзя было разчитывать. Муравьевъ заботился о поднятій возстанія въ Кіевѣ, гдѣ его призывъ до очевидности былъ безнадеженъ, онъ заботился о поднятій 17-го Егерскаго полка,

гдѣ могъ разсчитывать на нѣсколькихъ младшихъ офицеровъ, между тѣмъ не принялъ серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобы быстро двинуться на Житомиръ или Новоградъ-Волыньскъ или даже къ тому, чтобы дать туда знать о себѣ. Быстротою движенія и опредѣленностью направленія онъ безъ сомнѣнія могъ бы многое выиграть.

Въ сущности Муравьевъ двигался медленно, видимо, выжидая вѣстей и не имѣя опредѣленнаго плана. Въ Мотовиловку отрядъ прибылъ къ вечеру 31 декабря. Здѣсь встрѣтили его еще двѣ роты Черниговскаго полка безъ своихъ командировъ. На приглашеніе Муравьева присоединиться къ возставшимъ солдаты отвѣтили молчаніемъ. Имъ предложено разойтись по квартирамъ, и только одинъ взводъ изъ двухъ ротъ примкнулъ къ отряду. Зато прибавилось подкрѣпленіе. На другой день сюда пришелъ съ ротою подпоручикъ Быстрицкій. Это была рота Соловьева, стоявшая подъ Васильковымъ, собранная и приведенная Быстрицкимъ, очень сознательно подготовленная къ дѣлу своими офицерами. Въ Мотовилковѣ была объявлена дневка—опять промедленіе—и только 2 января въ 9 час. утра отрядъ двинулся, но уже по направленію не къ Житомиру, но къ Бѣлой Церкви. Муравьевъ самъ объясняетъ причину такого поворота въ отсутствіи извѣстій отъ Мозгалева. По его соображеніямъ онъ могъ быть арестованъ въ Кіевѣ, по Житомирской дорогѣ могла быть поднята тревога, а въ Бѣлой Церкви оставалась надежда на Егерскій полкъ и на отсутствіе артиллеріи.

Къ 4 часамъ дня отрядъ уже занялъ с. Пологи въ 12 верстахъ отъ Бѣлой Церкви. Ночью были собраны свѣдѣнія о положеніи дѣла въ этомъ городкѣ. Оказалось, что вся пѣхота отсюда уже выступила въ гор. Сквиру. Вадковскій уже ничего не успѣлъ сдѣлать по приѣздѣ въ полкъ, ибо немедленно былъ арестованъ. Развѣдку производилъ Сухинъ. Во время ночевки выяснилось, что гусары слѣдятъ за отрядомъ и даже подъѣзжали къ пикетамъ. Было очевидно, что направленіе выбрано неудачно, и что о движеніи отряда уже извѣстно противнику. Тогда на разсвѣтѣ Муравьевъ двинулся обратно изъ с. Пологъ черезъ Ковалевку на Трилѣсы къ Житомиру. Время было потеряно. Энтузіазмъ остывалъ и большая часть офицеровъ оставила отрядъ Муравьева. Въ дальнѣйшій походъ съ Муравьевымъ, кромѣ его братьевъ и Бестужева, отправились Сухиновъ, Соловьевъ, Кузьминъ, Щепило, Быстрицкій.

Въ Ковалевѣ солдаты передохнули, Муравьевъ сжегъ бумаги и двинулся дальше. Не прошелъ отрядъ и 6-ти верстъ по напра-

вленію къ д. Устиновѣ, какъ слышались первые выстрѣлы артиллеріи. Сомкнутыми колоннами, изготовившись къ бою, полкъ шелъ впередъ. Но выстрѣлы артиллеріи стали достигать атакующихъ. Едва ли не вторымъ выстрѣломъ картечью былъ раненъ самъ С. Муравьевъ. Онъ пытался еще дѣлать распоряженія, но первый взводъ бросилъ ружья безъ выстрѣла и разбѣжался, за нимъ послѣдовали другіе. Нѣкоторые взводы, видимо, хотѣли было сопротивляться, но новые выстрѣлы заставили и ихъ вздрогнуть. Ипполитъ Муравьевъ былъ дважды раненъ и по второму разу смертельно. Щепило былъ убитъ, Кузьминъ раненъ и потомъ уже арестованный покончилъ съ собою.

Сраженіе было кончено, гусары окружили захваченныхъ офицеровъ и раненыхъ солдатъ, часть кавалеріи преслѣдовала бѣжавшихъ. Къ вечеру С. Муравьевъ, его братъ Матвѣй, Бестужевъ, Соловьевъ, Быстрицкій и раненый Кузьминъ были опять въ Трилѣсахъ, но уже подъ сильнымъ конвоемъ. Сухиновъ убѣжалъ и потомъ былъ пойманъ въ Кишиневѣ ¹²⁷).

Такъ неудачно кончилось предпріятіе С. Муравьева. Горбачевскій, въ своихъ запискахъ, подводя итоги дѣйствіямъ Муравьева, посылаетъ его памяти рядъ горькихъ упрековъ: медлительность, нерѣшительность и во время стоянокъ и во время атаки—вотъ особенности его поведенія. Онъ все время былъ задумчивъ и разсѣянъ. «Вообще поведеніе его таково, что офицеры раскаивались, что изъ уваженія къ С. Муравьеву не настояли на томъ, чтобы удалить его изъ отряда». По словамъ Горбачевского, въ Муравьевѣ оказался недостатокъ личной храбрости. Таково заключеніе современниковъ. Все сказанное вѣрно, но надо одно принять во вниманіе: С. Муравьевъ зналъ и понималъ безнадежность предпріятія, ибо получилъ рядъ отказовъ поддержать его. Окружавшіе его офицеры въ болѣе розовыхъ краскахъ представляли себѣ рѣшимость офицеровъ другихъ полковъ. Надо и то сказать, что противники возставшихъ, командиры 3 и 4 корпусовъ, не только обладали силой, но выказали удивительную дѣятельность, предусмотрительность и быстроту, чего дѣйствительно не хватало возставшимъ.

Такъ началось Николаевское царствованіе.

Своевременно были подчеркнуты тактическія ошибки, допущенныя возставшими и въ Петербургѣ и въ Васильковѣ. Взвѣсивъ положеніе возставшихъ и въ томъ и въ другомъ пунктѣ, нельзя не признать, что Васильковское возстаніе сразу обречено было на неудачу при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно началось. Оно опоздало едва ли не на полъ-мѣсяца. Арестованіе Пестеля, кн. Волконскаго и другихъ дѣлало его безнадежнымъ. Къ этому

надо прибавить отказъ Артамона Муравьева. Очевидно, С. Муравьевъ это сознавалъ, и можно довѣриться его категорическому заявленію на слѣдствіи, что побудительнымъ моментомъ къ возстанію послужилъ инцидентъ съ Гебелемъ въ Трилѣсахъ. Итакъ, возстаніе опоздало, началось случайно, но при всемъ томъ проводилось безъ должныхъ энергіи и распорядительности главы его. Конечно, вопросъ шель, при безнадежности положенія, о томъ; сколькихъ жизней будетъ стоить эта смѣлая попытка—дорогой, или дешевой цѣной отдать жизни людей. Если бы С. Муравьевъ стоялъ на первой точкѣ зрѣнія, несомнѣнно его попытка приняла бы болѣе грандіозный масштабъ. Противъ него какъ разъ стоялъ Ахтырскій гусарскій полкъ, и трудно сказать, устояли бы онъ при болѣе энергичномъ движеніи, ибо въ этомъ полку было много сочувствующихъ. При сложившихся условіяхъ попытку Муравьева нельзя не признать не своевременной; это была попытка отчаянія и случайности. Иное дѣло положеніе Пестеля и другихъ. Они дали себя арестовать, не сдѣлавъ ни одного активнаго движенія. Бестужевъ вѣрно опредѣлилъ, гдѣ кроется успѣхъ, но онъ такъ медлительно оттягивалъ свой отъѣздъ въ Петербургъ, что становится совершенно непонятно, подсказывала ли ему эту медлительность самоувѣренность, въ томъ, что его подождутъ въ Петербургѣ, или же тутъ скрывалась нерѣшительность его характера.

А между тѣмъ безспорно, что идея возстанія пользовалась въ Южной арміи широкой популярностью, даже въ средѣ тѣхъ офицеровъ, которые официально не принадлежали къ обществу. Это сказывалось во время арестовъ, ибо по существу всѣмъ подлежащимъ арестамъ дано было время принять тотъ или иной планъ дѣйствій. Сознательно или безсознательно, но арестовывавшіе такъ медлили съ арестами, что даже у Пестеля было много времени. Арестованныхъ держали такъ слабо, что каждый изъ нихъ могъ бѣжать изъ подъ ареста. Для примѣра приведемъ этапные пункты ареста Басаргина. Онъ пріѣхалъ въ Тульчинъ, уже зная объ арестахъ. Остановившись въ квартирѣ доктора Вольфа, тоже находившагося въ списокѣ, но еще не арестованнаго, онъ узнаетъ отъ кн. Урусова, адъютанта начальника штаба Киселева, о томъ, что и онъ стоитъ въ списокѣ, и получаетъ напоминаніе о бумагахъ. Басаргина вызываютъ въ кабинетъ Киселева. Начинается официальный разговоръ, нѣчто въ родѣ допроса, и кончается приглашеніемъ на обѣдъ. Для Басаргина это было время неудобное, и онъ сказалъ, что придетъ вечеромъ. Вечеромъ онъ бесѣдовалъ съ женой Киселева о предстоящемъ своемъ арестѣ. Въ слѣдующіе дни Киселевъ, уѣзжая въ Петер-

бургъ, дружески прощается съ Басаргинимъ. Только 8 января дежурный генераль штаба объявляетъ Басаргину о предстоящемъ его арестѣ и отправленіи въ Петербургъ и предупреждаетъ, что завтра придетъ за бумагами. А Басаргинъ имѣлъ всего оберъ-офицерскій чинъ ¹²⁸). И такова общая картина арестовъ. Все это указываетъ на возможность успѣха при быстротѣ дѣйствій.

Настроеніе въ Петербургѣ не было безнадежнымъ для успѣховъ декабризма. Но и здѣсь тактическія ошибки повредили дѣлу. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ участниковъ событія вынесли впечатлѣніе о возможности успѣха. Баронъ Розенъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ говоритъ, что военная сила, вышедшая на площадь, въ рукахъ одного начальника, въ виду собравшагося тысячами вокругъ народа, готоваго содѣйствовать, могла бы все рѣшить, тѣмъ легче, что при наступательномъ дѣйстви, много батальоновъ пристали бы къ возмущившимся ¹²⁹). Такое же впечатлѣніе вынесъ и Завалишинъ, упрекающій въ неумѣлыхъ дѣйствіяхъ главныхъ распорядителей возстанія ¹³⁰). Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, напримеръ, Павловъ-Сильванскій считаютъ неудачу декабристовъ случайной, такъ какъ всѣ условія благоприятствовали успѣху декабристовъ ¹³¹). Такимъ образомъ пессимизмъ участниковъ возстанія, съ которымъ они начали дѣло, былъ, къ сожалѣнію, преждевременнымъ. Съ этимъ пессимизмомъ, какъ съ реальнымъ факторомъ, нельзя не считаться, и причинъ для него было достаточно.

Дѣйствительно, въ рѣдкій періодъ русской исторіи недовольство въ обществѣ правительственными мѣрами и лицами было распространено такъ сильно, какъ въ этотъ періодъ. Слѣдовательно, малѣйшій успѣхъ, быстрота движеній и выполненія того или другого военного плана, несомнѣнно создали бы поворотъ въ пользу возставшихъ. Но совершенно ясно, что однимъ стояніемъ на площади нельзя было побудить Сенатъ издать желаемый манифестъ. Тутъ нужно было стремиться къ обладанію или дворцомъ, или крѣпостью. Нужна была борьба. Но основной кадръ борьбы, солдаты, не имѣли импульса, имъ его не было дано. Мы не говоримъ уже о томъ, что люди, долженствовавшіе играть первенствующую роль, начиная съ самого кн. Трубецкого, не выполнили взятаго на себя заданія. Рылѣевъ, подобно Пестелю, охотно обдумывалъ до мельчайшихъ деталей второй шагъ революціи, избѣгая прямой и отчетливой постановки вопроса о первомъ шагѣ. А между тѣмъ при условіяхъ тогдашняго недовольства самодержавнымъ строемъ, при общемъ нерасположеніи къ Николаю, при удачно выбранныхъ и распространенныхъ лозун-

гахъ поворотъ въ борьбѣ склонился бы на сторону возставшихъ. Они имѣли бы поддержку вездѣ—отъ чиновъ Государственного Совѣта до народныхъ низовъ. Не забудемъ, что по словамъ хорошо освѣдомленнаго и наблюдательнаго Герлаха заговорщики встрѣчались вездѣ—и въ пріемной государя, и во всѣхъ слояхъ столицы.

Николай I хорошо учелъ всю обстановку своего положенія и въ день возстанія и въ дни его ликвидаціи. Вотъ почему онъ съ величайшей осторожностью привлекалъ къ дѣлу цвѣтъ русской аристократіи, доходя иногда до просьбъ у сановныхъ отцовъ простить своего сына ¹³²), лишь бы не увеличивать число соучастниковъ, ибо «для Европы», даже официально для русскаго общества правительство Николая хотѣло представить все дѣло въ болѣе мягкихъ тонахъ, какъ ничтожную попытку небольшой кучки «дерзкихъ» офицеровъ, по возможности, изъ невысокихъ чиновъ, заразившихся тлетворными вліяніями западныхъ теченій. Отсюда изъ многихъ сотенъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, привлечены были немногіе и осужденію подверглось до ста тридцати лицъ изъ числа такихъ, которыхъ пощадить было невозможно, безъ нарушенія элементарной справедливости, или щадить не было нужды по невысокому положенію ихъ въ обществѣ. Кстати замѣтимъ, что сравнительно съ практикою XVIII в. и требованія тогдашняго закона, основаннаго на Петровскомъ регламентѣ, и приговоръ въ редакціи императорской резолюціи вовсе нельзя назвать суровымъ. Напрасно такъ подчеркивали декабристы его суровость въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ. Что самъ Николай на слѣдствіи въ отношеніи многихъ дѣйствовалъ, какъ опытный инквизиторъ, что относился ко многимъ жестоко, это вѣрно. Что онъ въ отношеніи многихъ былъ несправедливъ—это другое дѣло, градація скалы наказаній иногда варіировалась внѣ зависимости отъ вины, что, конечно, послѣдующимъ поколѣніямъ весьма больно вспоминать о тѣхъ жизняхъ, которыя физически и морально были разбиты за свою попытку бороться съ самодержавіемъ—это другой вопросъ.

Но всѣ эти соотношенія тогдашнихъ силъ и условій являются, по нашему мнѣнію, только случайными факторами въ объясненіи причинъ разгрома декабризма,—въ сравненіи съ законами общаго движенія историческаго процесса, ибо декабризмъ есть только одно изъ звеньевъ длительного процесса развитія политическаго самосознанія русскаго народа. Революціонное движеніе, подобно всякимъ другимъ явленіямъ народной жизни, эволюционируетъ и, конечно, итогъ этой эволюціи приводитъ и къ высшимъ формамъ революціи, и къ высшимъ формамъ политическаго развитія страны.

М. Довнаръ-Запольскій.

Примѣчанія къ статьѣ „Декабрьская революція 1825 г.“

- ¹⁾ Ст. о Цесаревичѣ Константинѣ въ «Русской Старинѣ», мартъ 1910.
- ²⁾ «Русскій Архивъ», 1910, № 12, 530.
- ^{2б)} *Татищевъ*, Воцареніе имп. Николая, «Рус. Вѣстн. 1893, № 3, 142, № 4, 12.
- ³⁾ Подробности см. у *Шильдера* «Императоръ Николай», т. I. *Корфъ*. «Восшествіе на престолъ императора Николая I». С.-Пб. 1857. *Шиманъ*. «Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I». Берлинъ 1902. *Шильдеръ*. «Междуцарствіе въ Россіи». «Русск. Старина», 1897 г., февраль. *Василичъ*. «Междуцарствіе и возстаніе 1825 г.»
- ⁴⁾ *Довнаръ-Запольскій*. «Мемуары декабристовъ», К. 1906.
- ⁵⁾ Тамъ же, 304—312.
- ⁶⁾ Записки кн. *Трубецкаго*, Лондонское изданіе, 9—12. Записки *И. И. Пущина*, Лондонское изданіе—12—13. Толки въ народѣ о кандидатахъ: *Каратыгинъ*, Воспоминанія, «Русская Старина» 1875, апрѣль 732.
- ⁷⁾ Мемуары декабристовъ, *Довнаръ-Запольскій*, 124.
- ⁸⁾ Записки декабриста *Д. И. Завалишина*, Мюнхенъ, 197.
- ⁹⁾ Г. Арх., дѣло Оболенскаго, л. 29.
- ¹⁰⁾ Письмо Булатова въ «Мемуарахъ декабристовъ». Показанія Бѣляева 1. Записки бар. *Розена*.
- ¹¹⁾ Цитирую по *Шильдеру* записки *Бестужева*, «Императоръ Николай», т. I, 266.
- ¹²⁾ Госуд. Арх., дѣло Торсона.
- ¹³⁾ Госуд. Арх., дѣло кн. Оболенскаго, л. 29.
- ¹⁴⁾ По *Шильдеру*, тамъ же, 267. О томъ же—Н. Бестужевъ показалъ и на слѣдствіи. См. ниже.
- ¹⁵⁾ Госуд. Арх., Дѣло кн. Оболенскаго, л. 29.
- ¹⁶⁾ Тамъ же, л. 29—30.
- ¹⁷⁾ Записки *Пущина*, 13. Показаніе кн. Оболенскаго, л. 31.
- ¹⁸⁾ Гос. Арх., д. Н. Бестужева, л. 37; д. Торсона, л. 19.
- ¹⁹⁾ Госуд. Арх., д. Бѣляева 1, л. 8, 19—21; дѣло Арбузова, л. 42.
- ²⁰⁾ Записки *Розена*, 86 и донесеніе слѣдственной комиссіи, цит. по изданію въ «Русскомъ Архивѣ»—1881 г., томъ II, 317.
- ²¹⁾ *Щеголевъ*, ст. о Наховскомъ, «Былое», 1906, янв., 161—2; много подробностей въ «Донесеніи», тамъ же, 317.
- ²²⁾ Записки бар. *Розена*, 86.
- ²³⁾ *Довнаръ-Запольскій*, Мемуары, 229—233.
- ²⁴⁾ Записки въ Лондонскомъ изд., 14—15.
- ²⁵⁾ *Довнаръ-Запольскій*, Мемуары, 306 и 326.
- ²⁶⁾ *Шиманъ*, тамъ же, 324—26.
- ²⁷⁾ *Довн.-Зап.*, Мемуары, 225; (Письмо Булатова) и 318 показанія кн. *Трубецкаго*. Госуд. Арх., д. Рылѣва, л. 53.
- ²⁸⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 53 и отвѣтъ на 10 пунктъ.
- ²⁹⁾ *Довн.-Зап.*, Мемуары, 231.
- ³⁰⁾ «Былое», 1906, янв., 153.
- ³¹⁾ *Довн.-Зап.*, Мемуары, 304, 305.
- ³²⁾ Госуд. Арх., д. кн. Оболенскаго, л. 28.
- ³³⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 54 об. и 58. «Донесеніе» тамъ же. *Бороздинъ*. «Изъ писемъ и показаній декабристовъ», С.-Пб. 1906, 193.
- ³⁴⁾ *Довн.-Зап.*, Мемуары, 319.
- ³⁵⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 54.
- ³⁶⁾ *Довн.-Зап.*, Мемуары, 323.
- ³⁷⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 58.
- ³⁸⁾ Тамъ же, л. 58 об.
- ³⁹⁾ *Бороздинъ*, ор. cit., 192. Общественныя движенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX в., т. I, С.-Пб. 1905, 297.
- ⁴⁰⁾ *Довн.-Зап.*, Мемуары, 317—320.
- ⁴¹⁾ Тамъ же, 225.
- ⁴²⁾ Тамъ же, 94—95.
- ⁴³⁾ Общественныя Движенія, 292.
- ⁴⁴⁾ Тамъ же, 193.
- ⁴⁵⁾ *Завалишинъ*, ор. cit., 227—229.
- ⁴⁶⁾ *Иконниковъ*. Графъ Н. С. Мордвиновъ, С.-Пб. 1873, 431 и слѣд.

- ⁴⁷⁾ Завалишинъ, ор. cit., 373, 374.
- ⁴⁸⁾ Гос. Арх., д. Батенкова.
- ⁴⁹⁾ Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ, С.-Пб., 1909, 492—4.
- ⁵⁰⁾ Довн.-Зап., Мемуары, 124.
- ⁵¹⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 58.
- ⁵²⁾ Гос. Арх., д. Торсона, л. 17.
- ⁵³⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 55—58. д. Н. Бестужева, л. 40. Пущинъ передаетъ по слухамъ. Записки въ Лонд. изд., 15.
- ⁵⁴⁾ Довн.-Зап., Мемуары, 230, 323.
- ⁵⁵⁾ «Былое», 1906, январь.
- ⁵⁶⁾ Гос. Арх., д. Арбузова, л. 32, об.
- ⁵⁷⁾ Гос. Арх., д. Н. Бестужева, л. 37.
- ⁵⁸⁾ Шиманъ, ор. cit., 326.
- ⁵⁹⁾ Гос. Арх., д. Торсона, л. 26—30.
- ⁶⁰⁾ Гос. Арх., д. Рылѣва, л. 53, 54.
- ⁶¹⁾ Довн.-Зап., Мемуары, 326.
- ⁶²⁾ Тамъ же, 308.
- ⁶³⁾ Воспоминанія А. Бѣляева, «Русск. Стар.», 1881, мартъ, 494.
- ⁶⁴⁾ Записки Н. Бестужева, «Ист. Вѣстн.», 1904 г., апр., 124.
- ⁶⁵⁾ Довн.-Зап., Тайное общество декабристовъ.
- ⁶⁶⁾ Гос. Арх., д. кн. Оболенскаго, л. 30.
- ⁶⁷⁾ Довн.-Зап., Мемуары, 236.
- ⁶⁸⁾ Тамъ же, 327.
- ⁶⁹⁾ Шиманъ, ор. cit., 327.
- ⁷⁰⁾ Довн.-Зап., Мемуары, 327.
- ⁷¹⁾ Зап. Пущина, Лонд. изд., 17.
- ⁷²⁾ Воспоминанія А. Бѣляева, тамъ же, 496.
- ⁷³⁾ Гос. Арх., д. Бѣляева 1, л. 21—23. Дѣло Н. Бестужева, л. 43—45.
- Воспоминанія А. Бѣляева, тамъ же, 496.
- ⁷⁴⁾ Довнаръ-Зап., Мемуары, 124. Шиманъ, ор. cit., 327.
- ⁷⁵⁾ Гос. Арх., д. кн. Щепина-Ростовскаго, л. 23, сл.
- ⁷⁶⁾ Записки Фелькнера, «Русск. Стар.», 1870, т. II, 149—150.
- ⁷⁷⁾ Записки бар. Розена, 89.
- ⁷⁸⁾ Записки въ Лондонскомъ изд., 26. Воспоминанія Каратыгина, «Русская Старина» 1875, апр., 734.
- ⁷⁹⁾ Довнаръ-Запольскій, Мемуары, 237.
- ⁸⁰⁾ Тамъ же.
- ⁸¹⁾ Вѣстникъ Всемирной Исторіи. Гастфрейндъ. Кюхельбекеръ и Пущинъ, 1901 г. № 1, 51.
- ⁸²⁾ Записки Пущина, 25.
- ⁸³⁾ Записки М. Бестужева, у Шимана, 336.
- ⁸⁴⁾ Записки Каульбарса, въ книгѣ Шимана, 302.
- ⁸⁵⁾ Журналъ ген.-адъютанта гр. К. Ф. Толя, О декабрьскихъ событіяхъ 1825 г. С.-Пб. 1910, 25. Воспоминанія Сухозанета. «Русск. Стар.», 1873 г. мартъ, 367.
- ⁸⁶⁾ Записки Розена, 89.
- ⁸⁷⁾ Записки Завалишина, 351. Вѣстникъ Всемирной Исторіи, Гастфрейндъ. Кюхельбекеръ и Пущинъ, 1901 г., № 1, 52.
- ⁸⁸⁾ Воспоминанія герцога Виртембергскаго, «Русскій Архивъ», 1878 г., т. I, 345. Въ толпѣ не снимая шапокъ при приближеніи императора. Записки Иордана, «Русская Старина», 1891, мартъ 632.
- ⁸⁹⁾ Записки въ Лонд. изд., 28.
- ⁹⁰⁾ Общественныя движенія, 193.
- ⁹¹⁾ Записки Розена, 64.
- ⁹²⁾ Записки Фелькнера, «Русская Старина», 1870, т. 2, 135, 152. Воспоминанія Виламова, «Русская Старина», 1899, февраль, 319. Корфъ, Восшествіе на престолъ и пр.
- ⁹³⁾ Записки Фелькнера, тамъ же, 38. Записки Виламова, тамъ же, 337. Памятная записка Деменкова, «Русскій Архивъ», 1877, т. I, 259.
- ⁹⁴⁾ Записки Фелькнера, «Русская Старина», 1870, т. II, 138.
- ⁹⁵⁾ Воспоминанія принца Виртембергскаго, «Русскій Архивъ», 1878, т. I, 343.
- ⁹⁶⁾ Журналъ ген.-адъютанта гр. Толя, 24—25.
- ⁹⁷⁾ Записки Фелькнера, тамъ же, 144.

- ⁹⁸⁾ Вѣстникъ Всемирной Исторіи, 1901 г., № I, 61—62.
- ⁹⁹⁾ Записки *Фелькнера*, тамъ же, 155.
- ¹⁰⁰⁾ Воспоминанія *Бѣляева*, «Русская Старина», 1881 г. мартъ, 499.
- ¹⁰¹⁾ Записки князя *Н. С. Голицына*, «Русская Старина», 1880 г., ноябрь, 607.
- ¹⁰²⁾ «Русскій Архивъ», 1878, т. I, 347.
- ¹⁰²⁾ Кромѣ приведенныхъ своевременно въ ссылкахъ источниковъ и сочиненій, пополнимъ списокъ нижеслѣдующими библиографическими данными, не беря однако отвѣтственности за ихъ полноту.
- Въ названной книгѣ *Шимана* помѣщены слѣдующіе матеріалы: Записки принца *Евгенія Виртембергскаго*, записка о дѣйствіи конной гвардіи барона *Каульбарса*, записки *Александра Муравьева*, записки *Михаила Бестужева*, воспоминанія *Мориса Фонъ-Грюнвальда*.
- Записки *А. М. Михайловскаго - Данилевскаго*, Вступленіе на престолъ императора *Николая I*, сообщены *Н. Шильдеромъ*, «Русская Старина», 1893 г., № 11.
- Изъ записокъ императора *Николая I*, «Былое», 1907 г., октябрь.
- Девятнадцатый вѣкъ, Историческій Сборникъ *П. Бартенева* (записки *Граббе-Горскаго*, стр. 201 и слѣд.
- Архивъ *Раевскихъ*, т. I, С.-Пб., 1908, стр. 160 и сл. (къ арестамъ).
- Воспоминанія *Гангелова*, М., 1888 г., (къ арестамъ). (Ранѣе были помѣщены въ «Русскомъ Архивѣ»).
- Записки *И. И. Пущина* переизданы въ «Всемирномъ Вѣстникѣ», 1903 г., № 6, стр. 227 и сл.
- В. К. Кюхельбекеръ*, «Русская Старина», 1875 г., июль, 347 и сл.
- Дневникъ *Пет. Дивова*, «Русская Старина», 1897, мартъ, 459.
- Письмо *А. Оленина* о 14 декабря, «Русскій Архивъ», 1869, стр. 731.
- Процессъ декабристовъ. Донесеніе, слѣдствіе, приговоръ, изд. *Малинина*, М. 1905 (есть еще нѣсколько изданій, въ томъ числѣ въ Библіотекѣ Декабристовъ).
- Богучарскій*, день 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ, въ изд. Сытина «Отечественная Война и русское общество», т. 7, стр. 260.
- Воспоминанія князя *Е. П. Оболенскаго*, переизданы въ кн. «Общественное движеніе въ Россіи, т. I, 233. Въ той же книгѣ, стр. 440 и сл. нѣсколько замѣчаній о 14 декабря.
- Записки *Н. А. Бестужева*, переизданы въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1904 г., апрѣль.
- Къ исторіи 14 декабря 1825 г., Воспоминанія старожила, сообщенныя *Батуринскимъ*, «Историческій Вѣстникъ», 1904 г., январь, 67, сл.
- Разсказъ неизвѣстнаго очевидца о событіяхъ въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г. «Русскій Архивъ», 1899 г., т. II, 290.
- Письмо *А. Ф. Воейкова* къ кн. *Е. А. Волконской*, о событіяхъ въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г., въ томъ же томѣ «Русск. Архива», стр. 292.
- Письмо имп. *Николая I* къ гр. *Витгенштейну*, «Русская Старина», 1870 г., т. II, 532.
- Богучарскій*, Изъ прошлаго русскаго общества, С.-Пб., 1904, ст. Семейство *Бестужевыхъ*, 34, сл.
- Котляревскій*, Декабристы кн. *А. Одоевскій* и *А. Бестужевъ*, 1907, стр. 132.
- Воспоминанія *Каратыгина*, «Русская Старина», 1875, апрѣль, 730, сл.
- Записки *М. И. Глинки*, «Русская Старина», 1870, т. I, 340, сл.
- Лейбъ-гвардіи конный полкъ 14 декабря 1825 г., «Русская Старина», 1881, январь, 205.
- Автобіографическая записка *В. И. Марченка*, «Русская Старина», 1896 г., май, 310.
- Артиллерійскій огонь 14 декабря 1825 г., «Русская Старина», 1880, май, 134.
- Письмо къ *А. С. Хомякову*, «Русскій Архивъ», 1893, т. II, 127.
- Ст. о *Батенковѣ*, Русская Старина, 1889, августъ, 313, 316.
- Разсказъ очевидца о событіи 14 декабря 1825 г., «Русскій Архивъ», 1899, кн. 2, апрѣль, 290.
- Еленевъ*, 2 документа изъ бумагъ ген.-адъютанта *Я. И. Ростовцева*, «Русскій Архивъ», 1873, т. I, 459.
- 14 декабря, описанное *Толстымъ*, «Русск. Старина», 1878, февраль, 226.

По поводу событій 14 декабря. Сообщилъ гр. Д. А. Милютинъ, «Русск. Старина», 1887, т. 51, 234.

14 декабря 1825 г. въ Патріотическомъ Институтѣ, «Русск. Старина», 1870 г., т. 2, 131.

Письмо Николая I къ гр. П. П. Потемкиной, «Русскій Архивъ», 1875, т. I, 425.

Воспоминанія Голенищева-Кутузова, «Русскій Архивъ», 1882, № 3. Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ Шукина въ Москвѣ, т. 5. Разсказъ неизвѣстнаго очевидца событій 14 декабря, стр. 243. Письмо Воейкова къ кн. Е. А. Волконской о томъ же, стр. 247.

Воспоминанія Блудова, «Русскій Архивъ», 1881 г., т. 2.

Гречъ, Записки.

¹⁰⁴⁾ Гос. Арх., д. Семенова, л. 44.

¹⁰⁵⁾ Довнаръ-Зап., Мемуары, въ показаніяхъ Орлова.

¹⁰⁶⁾ Записки И. Д. Якушкина, Москва, 1905, 73.

¹⁰⁷⁾ Гос. Арх., д. Муханова, л. 34.

¹⁰⁸⁾ Довнаръ-Запольскій, Мемуары, 15—18, (показанія Орлова). Гос. Арх., д. Муханова, съ показаніями Якушкина и Нарышкина, л.л. 26, 43, 34—37. Гершензонъ, Исторія Молодой Россіи, 46—47. Общественныя движенія въ Россіи, т. I, стр. 46 и сл. Гос. Арх., д. Семенова, л. 44 и сл. Записки Якушкина, 75.

¹⁰⁹⁾ Павловъ-Сильванскій, Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, 171. Довнаръ-Запольскій, Мемуары (Разсказъ Бобрищева-Пушкина I), 287.

¹¹⁰⁾ Гос. Арх., д. Крюкова 2-го, отвѣтъ на восьмой вопросъ и л. 33 об.

¹¹¹⁾ Тамъ же, л. 34.

¹¹²⁾ Разсказъ Бобрищева-Пушкина, Мемуары, 289.

¹¹³⁾ Павловъ-Сильванскій, тамъ же, 31.

¹¹⁴⁾ Мемуары, 215.

¹¹⁵⁾ Тамъ же, 281—4. Гос. Арх., д. Заикина и Бобрищева-Пушкина 2.

¹¹⁶⁾ Павловъ-Сильванскій, тамъ же, 89, 90, 104. Довнаръ-Запольскій, Мемуары, 288. Гос. Арх., д. Крюкова 2-го, л. 33 об.

¹¹⁷⁾ Довнаръ-Запольскій, Тайное общество декабристовъ.

¹¹⁸⁾ Довнаръ-Запольскій, Мемуары, 216 (разсказъ подполковника Поджіо), Гос. Арх., д. Лихарева, л. 17, об. 19. 20. Дѣло штабсъ-капитана Поджіо, л. 28 и сл. Дѣло Давыдова, л. 5, 37 об., 28 об., 32 об., 40, 36 об., 40 об.

¹¹⁹⁾ Записки декабриста И. И. Горбачевского, 1916 г., 63 (Эти записки ранѣе были напечатаны въ «Русскомъ архивѣ», 1882 г.

¹²⁰⁾ Гос. Арх., д. Борисова 2-го, л. 30. Дѣло Веденяпина, л. 14. Дѣло Бечаснова, л. 24. Записки Горбачевского, 71—74.

¹²¹⁾ Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 23, 27, 30. Дѣло Горбачевского, л.

¹²²⁾ Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 29, 30. Записки Горбачевского, 76.

¹²³⁾ Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 29, 30. Дѣло Веденяпина, л. 16. Записки Горбачевского, 77.

¹²⁴⁾ Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 29—30. Дѣло Горбачевского, л. 30. Записки Горбачевского, 78—79.

¹²⁵⁾ Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 30 сл. Дѣло Лисовскаго, л. 16—18. Дѣло Тютчева, л. 18. Записки Горбачевского, 82—87.

¹²⁶⁾ Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 29—30. Записки Горбачевского, 80.

¹²⁷⁾ Вопросъ о возстаніи изложенъ на основаніи показаній Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ и Бестужева-Рюмина и по запискамъ Горбачевского. Отбрасываемъ цѣлый рядъ легендарныхъ разсказовъ, напр. о предполагаемой причинѣ движенія на Бѣлую Церковь, о привозѣ Матвѣемъ Муравьевымъ денегъ, о пьянствѣ и безчинствахъ солдатъ, повторенныхъ даже въ официальныхъ манифестахъ. Всѣ эти разказы не имѣютъ серьезныхъ основаній. Кромѣ того приведемъ еще слѣдующія литературныя данныя.

Краткое описаніе событій помѣщено въ брошюрѣ В. С. Иконникова. Крестьянское движеніе въ Кіевской губ. въ 1826—27 гг., въ связи съ событіями того времени (по архивнымъ матеріаламъ). С.-Пб. 1905 г., Въ этой брошюрѣ собранъ рядъ доказательствъ того глубокаго и благопріятнаго впечатлѣнія для декабристовъ, какое произвело въ русскомъ обществѣ движеніе декабристовъ. Это движеніе отразилось и въ народ-

ной средѣ, о чемъ свидѣлствуютъ приложенныя къ брошюрѣ выписки изъ мѣстныхъ повѣтовыхъ судебныхъ учреждений. Въ брошюрѣ имѣются обширныя библіографіи, почему мы въ дальнѣйшемъ приводимъ только наиболѣе важныя статьи.

Бунтъ Черниговскаго полка (официальные рапорты). «Русс. Архивъ», 1871 г., 258 и сл.

Изъ воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола. Тамъ же, стр. 229 и сл.

Изъ записокъ полковника гвардіи Александра Густавовича Гебеля. Тамъ же, стр. 1718 и сл.

И. И. Сухиновъ, «Русскій Архивъ», 1870 г., 908 и сл.

Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола, «Русская Старина», 1905, май, 374, и сл.

С. Муравьевъ-Апостолъ. Біографическій очеркъ Баласа, «Русская Старина», 1873, май, 667.

Воспоминанія Докудовскаго, изд. Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, т. I, 40.

Новыя обстоятельства бунта Муравьева, воспоминанія доктора Де-ла-Флиза, въ журналѣ «Аргусъ», 1913 г., апрѣль, 65 сл.

Записки М. Чайковскаго, «Русская Старина», 1895 г., декабрь, 160.

Шегуровъ, ст. о бунтѣ Черниговскаго полка, «Русс. Архивъ», 1902 г., № 6, 270.

¹²⁸⁾ Девятнадцатый вѣкъ, Бартенева, Записки Басаргина.

¹²⁹⁾ Записки Розена, 91.

¹³⁰⁾ Записки Завалишина, 337—8, 344, 347.

¹³¹⁾ «Былое», 1906, февраль, 127.

¹³²⁾ В. С. Шереметьевъ, С.-Пб., 1910, 237.

Эпигоны декабристовъ.

(Дѣло о распространеніи «зловредныхъ» сочиненій среди студентовъ харьковскаго университета въ 1827 г.).

Жестоко расправившись съ декабристами, правительство Николая I не смогло, конечно, совершенно уничтожить оппозиционную мысль, духъ протеста. Гидра революціи и обезглавленная продолжала жить. Правда, уцѣлѣвшіе отъ катастрофы, вчерашніе, казалось, соратники казненныхъ, сосланныхъ и заключенныхъ испуганно притихли и «не намѣрены были безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости», какъ писалъ Пушкинъ (7 марта 1826 г.) Жуковскому, но младшіе ихъ братья не всѣ были такъ настроены.

Политическіе процессы конца 20-хъ—30-хъ годовъ, поскольку они опубликованы,—дѣла Алексѣева и Леонидова въ Москвѣ ¹⁾ (1826 г.), братьевъ Критскихъ въ Москвѣ (1827 г.) ²⁾, И. Завалишина въ Оренбургѣ (1827) ³⁾. Сунгурова въ Москвѣ (1831 г.) ⁴⁾, Огарева, Герцена и др. въ Москвѣ (1834 г.) ⁵⁾ — показываютъ намъ, что среди студенческой молодежи, офицеровъ, мелкихъ чиновниковъ тлѣло оппозиціонное настроеніе, выражавшееся на первыхъ порахъ лишь въ «дерзостныхъ» разговорахъ на политическія темы да въ списываніи стиховъ, болѣе или менѣе «вольнодумныхъ».

Такого же рода и найденное нами въ бумагахъ академика Н. К. Шильдера дѣло 1827 г. о «зловредныхъ» сочиненіяхъ, распространявшихся среди студентовъ харьковскаго университета ⁶⁾.

¹⁾ П. Е. Щеголевъ. Пушкинъ. Очерки. 1912 г. «Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1827 гг.».

²⁾ Мих. Лемке. «Тайное общество братьевъ Критскихъ» въ «Быломъ» за 1906, июнь.

³⁾ В. П. Колесниковъ. «Записки несчастнаго, содержащаго путешествіе въ Сибирь по канату». Редакція и вступительная статья П. Е. Щеголева. Изд. «Огни». С.-Пб. 1914.

⁴⁾ Я. И. Костенецкій. «Воспоминанія изъ моей студенческой жизни» въ «Русск. Архивъ», 1887, № 5.

⁵⁾ М. Лемке. «Очерки жизни и дѣятельности Герцена, Огарева, и ихъ друзей». «Міръ Божій», 1906 г., кн. 2.

⁶⁾ См. отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1903 г., стр. 60, IV.

Въ началѣ января 1827 года въ Харьковѣ бригадный командиръ полковникъ Вансовичъ, обнаруживъ какимъ-то путемъ у поручика 3-го батальона Тарутинскаго пѣхотнаго полка Лансберга рукопись со стихами «зловреднаго содержанія», препроводилъ ее при официальномъ «отношеніи» къ гражданскому губернатору Муратову, который въ свою очередь переслалъ ее начальнику за полгода передъ тѣмъ учрежденнаго III Отдѣленія Бенкендорфу. Самого Лансберга гражданскія власти арестовали и допросили. На допросѣ Лансбергъ показаль, что зловредная рукопись досталась ему отъ студентовъ харьковскаго университета. Получивъ объ этомъ извѣстіе, ректоръ университета И. Я. Кронебергъ, естественно заволновался и счелъ нужнымъ съ своей стороны, произведя разслѣдованіе, отправить объ этомъ секретное донесеніе попечителю харьковскаго университета А. А. Перовскому такого содержанія ¹⁾:

«Копія (современная подлиннику) съ секретнаго донесенія попечителю Харьковскаго Университета отъ 9-го генваря 1827 г.

Честъ имѣю донести Вашему Превосходительству, что на сихъ дняхъ Г. Губернаторъ получилъ официальное отношеніе отъ Полковника Вансовича, при которомъ приложены на 3-хъ листахъ разныя неблагонамѣренныя сочиненія, найденныя имъ у поручика Тарутинскаго баталіона Лансберга, который будто бы показаль, что таковыя сочиненія достались ему отъ студентовъ харьковскаго университета ²⁾. Узнавъ о семъ, я поспѣшилъ видѣться съ Г. Губернаторомъ, который и обѣщаль поступить въ семъ случаѣ самымъ справедливѣйшимъ образомъ относительно Университета. Такъ какъ Вансовичъ говорилъ, что онъ не преминетъ извѣстить о семъ и высшее начальство, то дѣла оставить невозможно было безъ изслѣдованія, чѣмъ я былъ весьма доволенъ, ибо, исполняя волю Вашего Превосходительства, я, при всей ограниченности средствъ, зналъ всѣхъ студентовъ, имѣвшихъ подобнаго рода сочиненія, и поелику, всѣ оныя истреблялъ ³⁾, то и былъ увѣренъ, что показаніе Вансовича несправедливо. — Итакъ, потребовали Лансберга, взяли отъ него письменное объясненіе, въ коемъ онъ объявилъ, что онъ сочиненія сіи получилъ отъ валковскаго помѣщика Пашинскаго; сей также на бумагѣ показаль, что досталь

¹⁾ Въ бумагахъ акад. Шильдера оно имѣется въ копіи (современной подлиннику), изъ которой не видно, отъ лица кого донесеніе это написано, но въ имѣющейся въ бумагахъ «Выпискѣ изъ дѣла о зловредныхъ стихахъ» сказано, что это—донесеніе ректора Харьковскаго Университета.

²⁾ Объ этой рукописи см. дальше.

³⁾ Въ сноскѣ другой рукой написано: Истребляются сочиненія такія токмо, которыхъ авторы извѣстны, новыя же подобнаго рода сочиненія велѣно присылать.

ихъ отъ Михайловскаго, Михайловскій получилъ отъ Снѣсарева, окончившаго курсъ студента въ 1826-мъ году и уѣхавшаго на службу въ Грузію; для Снѣсарева выпросилъ Тонкошкуровъ, служащій въ Губернаторской Канцеляріи, у находящагося здѣсь второкурснаго Медицинскаго студента Ивана Гибнера; Гибнеръ же письменно показалъ, что два изъ оныхъ сочиненій: *Рылѣвъ въ темницѣ* и *Прощаніе съ моремъ* для прочтенія получилъ отъ вольнослушающаго Балабухи, но оныхъ не списывалъ и не разглашалъ, и еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года Балабухъ же возвратилъ, по полученіи отъ Тонкошкурова.—Сей Балабуха, по окончаніи курса, уѣхалъ къ отцу своему въ городъ Кіевъ по билету изъ Правленія Университета отъ 25-го Ноября по 23 Декабря 1826 года за № 3769-мъ,—и тамъ проживаетъ,—имѣетъ переписку съ Кандидатомъ Акимовымъ, которую я пересматривалъ самъ, но ничего не нашелъ особеннаго. О мѣстѣ пребыванія Балабухи я подаль записку Г. Губернатору, который съ сею же почтою относится къ Кіевскому Губернатору, дабы сей спросилъ Балабуху: откуда получилъ онъ таковыя сочиненія?

Вансовичъ въ своемъ отношеніи замѣчаетъ, что какой-то студентъ таковыя сочиненія получилъ отъ брата своего изъ С.-Петербурга, но это совершенно несправедливо: мѣсто, изъ котораго студенты наши получили какія-либо подобнаго рода сочиненія, есть Военное Чугуевское Поселеніе, ибо я, истребляя подобныя сочиненія, не оставлялъ узнавать, откуда они были получены, и всегда слышалъ, что или отъ офицера Сіянова (написавшаго, какъ было слышно, и пасквиль подъ названіемъ Булеваръ) или отъ разжалованнаго въ солдаты Дорохова (имѣющаго переписку съ Александромъ Пушкинымъ и покровительствуемаго самимъ Вансовичемъ, который позволяетъ ему жить очень часто въ Харьковѣ), или изъ домовъ, въ коихъ вышеупомянутые Сіяновъ и Дороховъ бываютъ. Вансовичъ, любящій самъ очень часто отпускать острия словца на счетъ Правительства и проч., затѣялъ сіе, ничего впрочемъ нестоящее дѣло, по неудовольствіямъ на Университетъ, къ коимъ возбужденъ былъ Бердяевой.

Вообще студенты наши теперь очень далеки отъ занятій подобнаго рода сочиненіями, и если бы не поселенные офицеры, то таковыхъ сочиненій вовсе бы и въ Харьковѣ не было.

Генваря 9-го 1827-го.

Харьковъ».

(Подписи нѣтъ).

Донесеніе это чрезвычайно интересно во многихъ отношеніяхъ.

Авторъ его, ректоръ университета И. Я. Кронебергъ, былъ въ то время на словесномъ факультетѣ самой крупной величиной. Настоящій ученый съ широкимъ кругозоромъ, талантливый профессоръ, на лекціи котораго сходились не только студенты всѣхъ факультетовъ, но и постороннія лица, Кронебергъ пользовался любовью и уваженіемъ студентовъ ¹⁾. И вотъ этотъ просвѣщенный и умный человѣкъ въ донесеніи своему начальнику, попечителю округа А. А. Перовскому, писателю (подъ псевдонимомъ А. Погорѣльскаго), водившему знакомство съ кн. П. А. Вяземскимъ, Жуковскимъ, Крыловымъ и съ самимъ Пушкинымъ, ставитъ себѣ въ особенную заслугу то, что онъ лично производитъ обыски у студентовъ, читаетъ ихъ переписку. Впрочемъ у насъ есть основанія утверждать, что, описывая начальству такъ обстоятельно свое служебное рвеніе, ректоръ приписывалъ себѣ труды своего подчиненнаго: на самомъ дѣлѣ такимъ подробнымъ и внимательнымъ «ознакомленіемъ» со студентами занимался въ то время инспекторъ Байковъ, дѣятельность котораго, по словамъ проф. Д. И. Багалѣя, является цѣлою эпохою въ исторіи харьковскаго университета ²⁾.

Несмотря на строгости, какъ видимъ изъ приведеннаго донесенія, «вольный духъ» проникалъ въ среду студенчества. Характерно, что въ своемъ донесеніи Кронебергъ, отклоняя гнѣвъ начальства отъ студентовъ и, значить, отъ себя, направляетъ вниманіе петербургскихъ властей, какъ на первоисточникъ заразы на офицеровъ Чугуевского поселенія, въ частности на Сіанова и Дорохова. О первомъ намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ уже въ августѣ 1827 г. жилъ въ Петербургѣ, состоя въ чинѣ ротмистра старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба Е. В. по военному поселенію, Дороховъ же личность весьма извѣстная. Выйдя изъ Пажескаго корпуса въ мартѣ 1819 г. прапорщикомъ въ Учебный Карабинерскій полкъ, Руфинъ Ивановичъ Дороховъ въ сентябрѣ этого же года убилъ на дуэли какого-то капитана ³⁾, а потомъ вскорѣ «въ театрѣ на балконѣ сѣлъ на плечи какого-то статскаго совѣтника и хлесталъ его по головѣ за то, что тотъ въ антрактѣ занялъ мѣсто незанумерованное и имъ передъ тѣмъ оставленное». За это, а также за ношеніе партикулярной одежды былъ онъ разжалованъ въ солдаты. Что Пушкинъ былъ знакомъ

¹⁾ Объ И. Я. Кронебергѣ, какъ ученомъ и профессорѣ см. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи харьковскаго университета, т. II, 1904, стр. 603—605, 681—687.

²⁾ Ibidem, стр. 951, 962.

³⁾ «Кажется, Щербачева», писалъ К. Я. Булгаковъ брату 15 сентября 1819 г. См. «Рус. Арх.», 1902 г., № 11, стр. 338.

съ этимъ отчаяннымъ человѣкомъ, видно изъ указанія самого поэта въ «Путешествіи въ Арзрумъ»: «Во Владикавказѣ (на обратномъ пути изъ Арзрума) нашелъ я Дорохова и Пушина. Оба ѣхали на воды лѣчиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы». Если вѣрить донесенію Кронеберга, то оказывается, что Пушкинъ не только зналъ Дорохова до поѣздки на Кавказъ въ 1829 году, но былъ съ нимъ въ перепискѣ, знакомясь, можетъ быть, еще въ Петербургѣ въ 1817—20 гг.

Пушкина должна была прельщать въ этомъ кутилѣ и голово-рѣзѣ безшабашная удалъ, въ которой поэтъ не безъ основанія могъ видѣть своеобразный протестъ противъ аракчеевщины, а послѣ николаевщины. По словамъ М. И. Пушина, оставившаго прекрасныя воспоминанія о «встрѣчѣ съ Пушкинымъ за Кавказомъ», поэтъ въ Дороховѣ находилъ «тѣмъ граціи и много прелести въ его товариществѣ». Л. Н. Толстой, посылая П. В. Анненкову воспоминанія М. Пушина о Пушкинѣ писалъ: «Посылаю вамъ, дорогой Павелъ Васильевичъ, записку Пушина, съ которымъ мы живемъ вмѣстѣ въ Clarens, canton de Vaud. Записка преславная, но рассказы его изустныя—прелесть. Вообще это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина...» ¹⁾. Въ этихъ изустныхъ рассказахъ Пушина Дороховъ, конечно, игралъ видную роль, и Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» и изобразилъ его подъ именемъ Долохова ²⁾.

Какіе же «зловредные» стихи циркулировали среди харьковскихъ студентовъ? Въ частности, что заключала въ себѣ преступная рукопись, которую досталъ Вансовичъ отъ Лансберга?

Въ бумагахъ Шильдера имѣется подлинникъ этой рукописи, представляющей собою три сшитыхъ листа грубой синей бумаги съ водяными знаками «1824» (г.). Внизу по листамъ идетъ скръпа: «поручикъ (фамилія не разборчива) въ должности адъютанта поручикъ (опять неразборчиво написанная фамилія).

На первыхъ двухъ страницахъ помѣщено подъ заглавіемъ: «Посланіе къ Ар....ву» плохая копія (со многими описками и испорченными, неполными стихами) извѣстнаго стихотворенія Рылѣева «Къ временщику» Подражаніе Персіевой сатирѣ «Къ Рубеллію» («Надменный временщикъ, и подлый и коварный»), впервые напечатаннаго въ журналѣ «Невскій Зритель» 1820 г. ч. IV, октябрь съ подписью: Рылѣевъ. Въ рукописи Лансберга подпись подъ стихотвореніемъ: М....въ, т.-е. Милоновъ, что

¹⁾ См. Л. Майковъ. Пушкинъ. С.-Пб., 1899 г. «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 году».

²⁾ Свѣдѣнія о Р. И. Дороховѣ собраны Б. Л. Модзалевскимъ въ «Архивѣ Раевскихъ», т. II, стр. 241—242.

объясняется тѣмъ, что поэтъ М. В. Милоновъ въ 1810 г. напечаталъ стихотвореніе: «Къ Рубеллію» сатира Персія ¹⁾. Стихотвореніе Милонова повліяло на сатиру Рылѣева; оба стихотворенія имѣютъ много общаго и естественно, что переписчики путали, что принадлежитъ Рылѣеву и что—Милонову ²⁾.

На 2—6 страницахъ помѣщено:

Рылѣевъ въ темницѣ.

Вотъ предѣлъ высокихъ надеждъ, наполняющихъ сладостнымъ восторгомъ мое сердце! темница—истязаніе—и позорная смерть.

Летѣлъ душою къ пользѣ согражданъ, пламенѣлъ воображеніемъ (избавить) отечество отъ своенравій самовластнаго правленія, стремился исправить пагубные пороки, сопутствующіе деспотизму, невѣжеству и рабству воскресить народный духъ, воззвать его къ добродѣтелямъ, дѣтямъ любви (ввести) законы просвѣщенія и свободомыслія—вдали горѣла предо мною восхитительная картина народнаго благоденствія, горѣла непомерцающимъ блескомъ, отражающимся сквозь (пропускъ въ рукописи) отъ величественныхъ зданій общественнаго устройства Греціи и Рима.

Россія! драгоцѣнная Россія, для которой и въ темницѣ рвалось мое сердце, я мнилъ узрѣть тебя свободною, думалъ, одушевленный моею страстію къ твоему блеску, сорвать тяжкія твои оковы, жертвовалъ всѣмъ, чтобы возвратить права твои—и что же? самъ гибну подъ беззаконнымъ правомъ могущаго, не щадилъ ничего, чтобы раздрать преступную пелену, скрывающую угнетеніе и неправосудіе и что же? самъ умру отъ сѣкиры торжествующей неправды!—Ни одна честолюбивая мысль, никакое своекорыстное желаніе не помрачило ясной души моей,—и какая же награда прошедшихъ тайныхъ страданій въ будущемъ и явныхъ настоящихъ въ настоящемъ? Забытіе себя и священнѣйшихъ очаровательныхъ узъ семейственныхъ! Какое возмездіе за драгоцѣннѣйшія жертвы, мною во святилище общаго блага принесенныя? Малое число просвѣщеннѣйшихъ и здравомыслящихъ гражданъ заплатятъ безпомощнымъ соболѣзнованіемъ о моей участи, по крайней мѣрѣ восчувствуютъ высокую красоту моихъ намѣреній, и въ сердцахъ ихъ отдастся тотъ же сладкій гласъ, который и меня вызывалъ на страшное и гибельное поприще для ратованія

¹⁾ Потомъ была перепечатана въ 1814 и 1819 гг. См. В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣева. Кіевъ, 1912. стр. 154.

²⁾ См. названную книгу Маслова, стр. 154—155.

за права человѣка.—Невѣжда, корыстолюбецъ и поклонникъ развращающаго самовластія (увы! наибольшее число) обрекутъ мое имя проклятію, съ поруганіемъ будутъ произносить его; воззовутъ на меня мрачнѣйшее изъ преступленій—(измѣну), гибель родной страны, поставятъ меня наряду съ злодѣями ужасными человѣчеству; помраченный предразсудками и духомъ лицепріятія разумъ сольетъ воспоминаніе мое съ воспоминаніемъ о гнусномъ извергѣ—бунтовщикѣ Пугачовѣ.—Но мысль жесточайшая—перо, преданное тиранству нетлѣнными письмами—оружіемъ благотворнымъ и пагубнымъ, предастъ дальнѣйшимъ вѣкамъ черныя клеветы, (не разоб.) потомство, и, можетъ-быть, нареканія проходящаго нерѣдко будутъ возмущать прахъ мой при видѣ ветхаго распадающагося креста, который любовь или дружба поставить на отверстой могилѣ моей...

Скоро загремитъ желѣзо заклеповъ и каменносердный тюремщикъ изведетъ меня, дабы предать вооруженной толпѣ рабовъ. Предстану предъ врага общественнаго блага, но праваго силою...¹⁾

Гордый своею побѣдою, одержанною властію и надменный безопасностію, купленною корыстію и страхомъ, онъ осмѣлится съ ядовитою насмѣшкою встрѣтить чистый взоръ мой. Грозящимъ упрекомъ и чернымъ ругательствомъ предъ коварнымъ судомъ поразитъ мое сердце безпорочное и содрогающееся при оскорбленіи. Тяжко ему будетъ сносить обвиненіе въ преступленіи противу отчизны, хотя и въ устахъ тѣхъ, которые обманомъ и силою купили право говорить во имя ея святое.

Смерть будетъ предлогомъ моихъ терзаній—но какая смерть?

Ведомый на лобное мѣсто, гдѣ я укроюсь отъ укорительныхъ взоровъ (пропускъ въ рукописи) по голосу, зовущему къ битвѣ,—и казни, полны невольниковъ душею; и еще ужаснѣе!—отъ рабскихъ взоровъ, въ которыхъ не смѣетъ явиться уstraшенное соболѣзнованіе. Ни одно лицо не выразитъ мнѣ одобренія, ни на одномъ не прочту зависти къ моей позорной и—славной участи; и—можетъ-быть—голова моя свалится съ мучительною мыслью, что по смерти моей, о друзья, сочетавшіе порывы души и судьбу вашу съ моею, Родина не обрѣтетъ уже сыновъ свободныхъ духомъ и разумомъ, пылающихъ принести въ даръ и дѣянія и жизнь для искупленія ея свободы.

Нѣтъ, злодѣи, не восторжествуете надъ моею безоружностію! Сей кинжалъ—все, чего заточеніе меня не лишило, сей кинжалъ избавитъ меня отъ васъ. Жадный звѣрь прійдетъ, чтобы испить мою кровь и найдетъ ее скованною хладомъ смерти,—скрежетъ

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

его порадуешь мою тѣнь бездыханную и презирающую тюремные затворы. Страшная цѣпь моя громомъ своимъ возъесть только ужась въ злодѣя моего.

Я воспарю въ жилище вѣчной свободы и сяду съ громкою славою съ тѣнями Брутовъ, Катоновъ и Р..... (Ріега?)

Но мнѣ-ль страшиться суда и казни?
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Я буду и въ цѣпяхъ свободенъ;
Въ часъ казни правотою твердъ,
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

Мнѣ ли умереть, боясь свирѣпаго взгляда Тирана, и унести со смертію всѣ истины, которыя таила душа моя и коихъ прѣизобиліе устремляло меня къ дѣйствию! Мнѣ-ль отвратить слухъ мой отъ приговора злобою и неправдою, не посмотрѣть прямо въ глаза смерти и въ руки сильнаго.

Всегда и повсюду
Славна кончина за народъ!

Порадовать ли мнѣ тирана и рабовъ его малодушіемъ моимъ! Нѣтъ, прочь орудіе, недостойное прекратить дни мои! Голова сія призываетъ ту плаху, подъ которою пали благородныя головы Сиднея и Волынскаго, или грудь ту пулю, отъ коей умираютъ защитники отечества.

Нѣтъ не умру! не сомкнутся уста мои, пока не произнесутъ истины, пока не выскажутъ самовластителю пагубныхъ бѣдствій для государства, протекающихъ отъ врученія власти жестокимъ временщикамъ, попирающимъ благоденствіе народа, дабы самимъ возвыситься, любящимъ одну корысть, или одно свое могущество, преданнымъ трону не для того, чтобы привлечь на него благоденствіе подданныхъ, но дабы самимъ имѣть въ немъ опору противъ ярости и ожесточенія удручаемыхъ ими; не сомкнутся, пока не укоряютъ тѣхъ, кои обладаютъ судьбами согражданъ моихъ, въ забытіи священныхъ клятвъ ими торжественно возглашенныхъ предъ лицомъ всевышняго Бога и владыки народа предпочитать благо его всѣмъ своимъ личнымъ выгодамъ, между тѣмъ какъ они жертвуютъ симъ благомъ своей суетности и удовольствіямъ; пренебрегаютъ народомъ, предъ коимъ должны благоговѣть. Умерла правда въ судахъ, предсѣдаемыхъ татями и правоту попирающихъ, нарушена безопасность собственности и свобода личности. Подъ личиною радѣнія объ устройствѣ государственномъ области въ станы, внявъ славолѣбію коварнаго совѣтника, суровымъ закономъ воинской дисциплины, зломъ, необходимымъ для жертвъ, обреченныхъ къ отраженію врага внѣшняго, грозятъ оковать всю страну и поглотить все драго-

цѣннѣйшее для градовъ и общество ¹⁾. Не умру, пока не представлю новому Самодержцу Россіи стѣнящей подъ бременемъ невѣжества, роскоши и разврата въ высшихъ состояніяхъ, разврата (пропускъ въ рукописи) и рабства въ низшихъ, пока не изображу страшныхъ картинъ деспотизма, тщеславія, безпечности и заблужденій его предшественниковъ и не пробужу уснувшихъ можетъ быть въ сердцахъ его любовь къ человѣчеству и гласъ истины, пока не пролью огненныхъ чувствъ моихъ въ начертаніи Естественнаго права людей и не исторгну услажденія отъ души сильнаго, убѣжденіе въ необходимости покориться великому народу—источнику и хранилищу власти! Пусть хотя одинъ лучъ свободы сверкнетъ вмѣстѣ съ ударомъ смертельнаго орудія, и я умру съ улыбкою.

— Когда же мнѣ не суждено се воскресить, изъ праха моего возстанетъ яростная тѣнь, позоветъ на судъ самовластителей и... затрепещутъ!

Вражда къ неправдѣ закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ,
И Русь священная узритъ
Неправосудіе въ обломкахъ.

Рылѣевъ.

Авторомъ этого произведенія, какъ увидимъ, оказался Розальонъ-Сошальскій, о чемъ рѣчь дальше. На страницахъ 6—11 помѣщено стихотвореніе «Къ Друзьямъ», подписанное: Raeffski. Это—стихотвореніе «перваго декабриста» Владимира Ѳедосѣевича Раевского, арестованнаго 6 февраля 1822 года въ Кишиневѣ, гдѣ онъ былъ близокъ съ Пушкинымъ. Въ «Русской Старинѣ» 1890 г. № 5 (стр. 365—368) стихотвореніе это подъ заглавіемъ «Къ друзьямъ въ Кишиневѣ» было напечатано съ подлинной рукописи Раевского 1846 года, но съ цензурными пропусками и съ явными искаженіями. Біографъ Раевского П. Е. Щеголевъ пользовался этимъ неполнымъ текстомъ «Русской Старины», тогда какъ полный текстъ былъ напечатанъ еще въ 1861 году въ книгѣ: «Библіотека русскихъ авторовъ». Томъ I. Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Лейпцигъ. F. A. Brockhaus, 1861 г. (стр. 288—294) ²⁾. Въ 1861 же году стихотвореніе это было напечатано въ сборникѣ Тарева «Русская потаенная литература

¹⁾ Несмотря на явно испорченный текстъ можно понять, что рѣчь идетъ о военныхъ поселеніяхъ.

²⁾ Въ оглавленіи книги стихотвореніе помѣчено, какъ появляющееся впервые въ печати. Кромѣ этого въ концѣ есть замѣтка: «Писано въ казематахъ Петропавловской крѣпости, въ началѣ 1826 г.». Перепечатано оно и въ книгѣ: «Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева съ его жизнеописаніемъ» и въ книгѣ Вольфгангъ Гергардъ. Лейпцигъ. 1862. стр. 35—40 съ помѣтой: 1826 г.

XIX столѣтія» среди стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, а въ примѣчаніи въ концѣ книги сказано, что авторъ его—Рылѣевъ. Изъ этого сборника стихотвореніе было перепечатано въ сборникѣ: «Лютня II. Потаенная литература XIX столѣтія». Лейпцигъ, Э. Л. Каспровичъ (s. a.) ¹⁾, стр. 212—217. Подписи подъ стихотвореніемъ нѣтъ, а въ оглавленіи значится среди стихотвореній уже А. Полежаева. Наконецъ, въ Россіи посланіе Раевского было полностью напечатано въ 1907 году И. И. Өоминымъ въ книгѣ: «Собраніе стихотвореній декабристовъ». Т. II, стр. 118—124. Изъ этихъ пяти текстовъ основными являются находящіеся въ сборникѣ Огарева и въ собраніи сочиненій Рылѣева 1861 г. Между ними есть небольшія отличія, но въ общемъ оба они весьма близки другъ къ другу. Текстъ «Лютня II» тождественъ съ текстомъ огаревскимъ, а помѣщенные во 2-мъ изд. сочиненій Рылѣева и въ сборникѣ Өомина являются перепечаткой текста перваго изданія сочиненій Рылѣева. Особнякомъ отъ этой группы стоятъ три рукописныхъ текста. Первый найденъ нами въ рукописномъ сборникѣ (бумага съ водянымъ знакомъ 1817 г.), хранящемся въ рукописномъ отдѣленіи Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, среди бумагъ Д. В. Полѣнова ²⁾; второй—текстъ рукописи 1846 г. самого Раевского, напечатанный въ «Рус. Стар.» 1890 г., какъ мы уже сказали, съ цензурными пропусками и искаженіями и, наконецъ, текстъ рукописи Лансберга. Полѣновскій текстъ представляетъ собою копію, сильно искаженную переписчиками, которые вѣроятно позволяли себѣ дѣлать даже добавленія. Что касается текста Лансберга, то, не говоря уже о болѣе полнотѣ по сравненію съ текстомъ «Рус. Ст.», онъ даетъ такіа различія съ этимъ послѣднимъ, что можно думать, что авторъ въ 1846 г. сдѣлалъ измѣненія въ своемъ стихотвореніи 1822 года. Такимъ образомъ текстъ рукописи Лансберга можно съ извѣстной долей вѣроятности разсматривать какъ первоначальную редакцію стихотворенія. Даемъ текстъ сборника Лансберга, отмѣчая курсивомъ строки, отсутствующія въ «Рус. Стар.», и въ сноскахъ приводя наиболѣе важныя различія полѣновскаго и огаревскаго текстовъ.

Къ друзьямъ.

1. Итакъ я здѣсь.. за стражей я;..
 Дойдутъ ли звуки изъ темницы
 Моей разстроенной цѣвницы
 Туда, гдѣ вы, мои друзья?

¹⁾ Мы пользовались экземпляромъ Истор. Музея въ Москвѣ, на которомъ значится «Третье изданіе».

²⁾ См. Отчетъ И. П. Б. за 1897 г., стр. 41—42, сборникъ № 28.

5. Еще въ полусвободной долѣ
 Даръ Гебы пьете вы, а я
 Утратилъ жизни цвѣтъ въ неволѣ,
 И меркнетъ здѣсь заря моя!
 Въ союзѣ съ вѣрой и надеждой,
10. Съ мечтой поэзіи живой
 Еще въ бесѣдѣ вѣчевой
 Шумитъ тамъ голосъ вашъ мятежный.
 Еще на розовыхъ устахъ
 Въ объятяхъ дѣвъ, какъ май, прекрасныхъ
15. И на прелестнѣйшихъ грудяхъ
 Волшебницъ милыхъ, сладострастныхъ
 Вы рвете свѣжіе цвѣты
 Цвѣтущей дѣвства красоты.
 Еще средь пышнаго объда,
20. Гдѣ Вакхъ чрезъ край вамъ вина льетъ,
 Сей даръ привѣтный Ганимеда
 Вамъ нѣгой сладкой чувства жжетъ.
 Еще расцвѣтъ душистой розы
 И сводъ лазоревыхъ небесъ
25. Для вашихъ взоровъ не исчезъ.
 Вамъ чужды темныя угрозы,
 Какъ ледъ, холоднаго суда,
 И не коснулась клевета
 До вашихъ дѣлъ и жизни тайной,
30. И не дерзнулъ еще порокъ
 Угрюмый сдѣлать вамъ упрекъ
 И потревожить духъ печальный.
 Еще небесный воздухъ тамъ
 Струится легкими волнами
35. И не гнететъ дыханье вамъ,
 Какъ въ гробѣ, смрадными парами.
 Не будить васъ въ ночи глухой
 Угрюмый окликъ часоваго
 И рѣзкій звукъ ружья стального
40. При смѣнѣ стражи за стѣной.
 И торжествующее мщенье,
 Склонясь безсовѣстнымъ челомъ,
 Еще убійственнымъ перомъ
 Не пишетъ вамъ опредѣленья
45. Злодѣйской смерти подъ ножомъ
 Иль мрачныхъ сводовъ заключенья...
 О, пусть благое Провидѣнье

- Отъ васъ отклонить этотъ громъ!
 Но я отъ сихъ ужасныхъ стрѣлъ
 50. Еще, друзья, не поблѣднѣлъ
 И предъ свирѣпою судьбою
 Не преклонилъ рамень съ главою!
 Наемной лжи передъ судомъ ¹⁾
 Грозилъ мнѣ смертнымъ приговоромъ
 55. «По волю царской» Трибуналъ.
 «По волю царской?» я сказалъ
 И далъ отвѣтъ понятнымъ взоромъ.
 И этотъ черный Трибуналъ
 Искалъ не правды обнаженной,
 60. Онъ двухъ свидѣтелей искалъ
 И ихъ нашелъ въ толпѣ презрѣнной.
 Напрасно голосъ громовой
 Мнѣ вѣрной чести боевой
 Въ мою защиту отзывался ²⁾.
 65. Сей голосъ смѣлый предъ судомъ
 Былъ названъ тайнымъ мятежомъ
 И въ подозрѣніи остался.
 Но я сослался на законъ,
 Какъ на гранить народныхъ зданій.
 70. «Въ устахъ Царя, сказали, онъ
 Въ его самодержавной длани,
 И слово буйное «законъ»
 Въ устахъ определенной жертвы
 Есть дерзновенный звукъ и мертвый»...
 75. И такъ, исчезъ прелестный сонъ!..
 Со страхомъ я, открывши вѣжды,
 Еще искалъ моей надежды —
 Ея ужъ не было со мной,
 И я во мракъ упалъ душой...
 80. Пловецъ, твой конченъ путь подбрежной,
 Мужайся, жди бѣдамъ конца

¹⁾ Послѣ этого стиха въ сборникѣ Полѣнова и у Огарева идетъ:
 Я слышалъ голосъ двуязычный. Мнѣ дѣлалъ укоризны смѣло.
 И презрѣлъ видъ ея двуличный. Съ улыбкой судъ ему внималъ,
 Съ какимъ-то адскимъ торжествомъ Улыбкой наглость ободрялъ
 Въ преступныхъ чувствахъ закоснѣ- И внесъ въ ужасныя страницы
 лый Слова наемнаго убійцы.
 Злодѣй съ продажною душой,
 Врагъ чести, совѣстью нѣмой,

²⁾ Послѣ этого въ сборникѣ Полѣнова и у Огарева идетъ:
 Онъ съ вѣтромъ въ воздухѣ терялся. Руки карающей удары,
 Напрасно небо я молилъ, И судъ со взоромъ алчной кары
 Казалось, рокъ не истощилъ. На жертву съ радостью взиралъ.

- Въ одеждѣ скромной мудреца,
 А въ сердцѣ съ твердостью желѣзной.
 Мужайся! близокъ грозный часъ,
 85. Онъ загремитъ въ дверяхъ цѣпями,
 И, можетъ-быть, въ послѣдній разъ
 Еще окину я глазами
 Луга и горы, и лѣса
 Надъ свѣтлой Тирасы струсю
 90. И Феба золотой стезею
 Полетъ по чистымъ небесамъ,
 Надъ сердцу памятной страной,
 Гдѣ я надеждою дышалъ
 И къ тайной мысли устремлялъ
 95. Взоръ свѣтлый съ пламенной душою.
 Исчезнетъ все, какъ въ вѣчность день,
 Изъ милой родины изгнанный
 Я буду жизнь влачить, какъ тѣнь,
 Средь черни дикой, звѣронравной,
 100. Вдали отъ вѣтренаго свѣта
 Въ жильѣ тунгуса иль бурята,
 Гдѣ вѣчно царствуетъ зима,
 И гдѣ природа, какъ тюрьма;
Гдѣ прежде жертвы зѣрской власти,
 105. Какъ я, свои влачили дни;
 Гдѣ я погибну, какъ они,
 Подъ игомъ скорбей и напастей.
 Быть-можетъ—о молю душой
 И силъ и мужества отъ неба!—
 110. Быть-можетъ, черный судъ Эреба
 Мнѣ жизнь лютѣе смерти злой
 Готовить тамъ, гдѣ слышны звуки
 Подземныхъ стоновъ и цѣпей
 И вопли потаенной муки;
 115. Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей
 Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы.
 Полунагіе, полумертвы
 Безъ чувствъ, безъ памяти, безъ словъ,
 Подъ ѣдкой ржавчиной оковъ,
 120. Сіи живущіе скелеты
 Въ гнилой соломѣ, тлѣютъ тамъ,
 И безразличны ихъ очамъ
 Темницы мертвые предметы.
 Но пусть счастливѣйшій пѣвецъ,
 125. Питомецъ музъ и Аполлона,

130. Уже темничная зараза.
Холодный узникъ отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа,
Коснись струнамъ, и Аполлонъ,
Оставляя берегъ Альбіона,

135. Тебя, о, юный Амфіонъ,
Украститъ лаврами Бейрона ¹⁾.
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь!
Любовь ли пѣтъ, гдѣ брызжетъ кровь,
Гдѣ племя чуждое съ улыбкой ²⁾

140. Терзаетъ насъ кровавой пыткой,
Гдѣ слово, мысль, невольный взоръ
Влекутъ, какъ явный заговоръ,
Какъ преступленіе, на плаху,
И гдѣ народъ, подвластный страху,

145. Не смѣетъ шопотомъ роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Изъ мрака вѣкъ полноты славы
Царя-народа, духъ и нравы
И тѣ священны времена,

150. Когда гремѣло наше вѣче
И сокрушало издалече
Царей кичливыхъ рамена.
Когда жъ дойдемъ до васъ, о други,
Сей голосъ потаенной муки,

155. Сей звукъ встревоженной мечты

Воспой тѣ дни, когда въ цѣпяхъ Лежала наглая обида; Когда порокъ, какъ блѣдный страхъ, Боялся собственнаго вида; Воспой величіе царей, Ихъ благодать должную къ народу, Въ десницахъ ихъ свободу И права алчныхъ людей; Воспой простые предковъ нравы, Отчизны нашей вѣкъ златой.	Природы дикой, но святой И правъ естественныхъ уставы. Быть можетъ, смѣлый голосъ мой Дойдетъ до кесаря молвой, Быть-можетъ, съ кротостью святой На мой ужасный приговоръ Онъ броситъ не суровый взоръ И примирить меня съ судьбой, Быть-можетъ, конченъ жребій мой.

²⁾ Въ «Русской Старинѣ» этотъ стихъ: «Гдѣ— съ насмѣшкой и улыбкой», а у Щеголева: «Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой».

- Противъ враговъ и клеветы.
 Я не прошу у васъ защиты:
 Враги презрѣніемъ убиты,
 Изсохнутъ сами, какъ трава.
160. Но вотъ послѣднія слова:
 Скажите отъ меня Орлову,
 Что я судьбу мою сурову
 Съ терпѣніемъ мраморнымъ сносишь,
 Нигдѣ себѣ не измѣнилъ
165. И въ дни убійственные жизни
 Не мраченъ былъ, какъ день весной,
 И даже мыслью и душой
 Отвергнулъ право укоризны.
 Простите... Тамъ для васъ, друзья,
170. Горитъ денница на востокѣ,
 И отразилась заря
 Въ шумящемъ кровію потокѣ.
 Подъ тѣнь священную знаменъ,
 На поле славы боевое
175. Зоветь васъ долгъ—добро святое.
 Спѣшите! Тамъ вокальный звонъ
 Поколебалъ подземны своды
 И пробудилъ народный сонъ
 И гидру дремлющей свободы.
- Raeffski.

Стихотвореніе это, помѣченное авторомъ (въ рукописи 1846 г.) «Крѣпость Тираспольская. 1822 г. 28 марта», написано Раевскимъ спустя семь недѣль послѣ ареста въ Кишиневѣ. Арестованъ онъ былъ по подозрѣнію въ революціонной пропагандѣ среди солдатъ. Своимъ начальникомъ, дивизіоннымъ командиромъ М. Ѳ. Орловымъ, Владимиръ Ѳедосеевичъ былъ назначенъ преподавателемъ ланкастерской солдатской школы, для которой онъ между прочимъ составлялъ прописи съ текстомъ революціоннаго содержанія. Хотя прописей этихъ при арестѣ Раевского не нашли и вообще прямыхъ уликъ противъ него у властей не было ¹⁾, тѣмъ не менѣе, такъ какъ «необузданное вольнодумство» Раевского было хорошо извѣстно, онъ былъ судимъ въ четырехъ различныхъ комиссіяхъ.

Въ первой комиссіи, при 6-мъ корпусѣ, засѣдали лица, вра-

¹⁾ Изъ стихотворенія видно, что производившимъ дознаніе отъ солдатъ, учениковъ Раевского, не удалось ничего о немъ выпытать. См. строки стихотворенія: «Напрасно голосъ громовой...»

ждебно настроенныя противъ Раевского—корпусный командиръ И. В. Сабанѣевъ и начальникъ штаба Вахтенъ. О характерѣ допросовъ и отвѣтахъ Раевского даетъ представленіе приведенное стихотвореніе. Большой силы воли, прямой и рѣзкій, Раевскій своимъ поведеніемъ передъ судьями окончательно вооружилъ ихъ противъ себя, и они держатъ его въ тюрьмѣ до возникновенія слѣдствія о декабристахъ, когда дѣло Раевского было передано въ Высочайше учрежденную 17 декабря 1825 года комиссію для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Несмотря на то, что эта комиссія нашла Раевского непричастнымъ къ тайному обществу, дѣйствіемъ котораго было 14-е декабря, дѣло о Владимирѣ Ѳедосеевичѣ передается для новаго разсмотрѣнія въ Высочайше учрежденную въ Царствѣ Польскомъ при крѣпости Замостье комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. И эта комиссія постановила «освободить маіора Раевского изъ заключенія». Приговоръ этотъ, подтвержденный цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, не вошелъ въ силу, такъ какъ заключенія комиссіи генерала Дурасова перешли на разсмотрѣніе комиссіи при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашева и подъ наблюденіемъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ в. к. Михаила Павловича, который, разсмотрѣвъ заключеніе комиссіи, не согласился съ ней и нашель, что «маіоръ Раевскій, хотя, по удостовѣренію комиссіи, и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее изслѣдованіе объ немъ по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки изъясненные въ рапортѣ комиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни, и потому насчетъ его, находя приговоръ комиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевского, лиша орденовъ, заслуженныхъ имъ,—ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги съ надписью «за храбрость», медали въ память 1812 года и дворянскаго достоинства,—удалить, какъ вреднаго въ обществѣ чловѣка, въ Сибирь на поселеніе». Съ этимъ мнѣніемъ Михаила Павловича согласился Николай I, положившій 15 октября 1827 года резолюцію: «Быть по мнѣнію Его Императорскаго Высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Николай».

Невольно является предположеніе, что на такой оборотъ дѣла повліяло между прочимъ обнаруженіе какъ разъ въ 1827 году приведеннаго стихотворенія Раевского. Очень можетъ быть, что Михаилъ Павловичъ, говоря о «поведеніи и образѣ мыслей

и поступкахъ, изъясненныхъ въ рапортѣ комиссіи» и имѣлъ въ виду прежде всего «зловредные» стихи Раевского. Что же касается Николая I-го, то, какъ увидимъ, стихотвореніе Раевского онъ зналъ уже въ январѣ 1827 года ¹⁾ и, давая согласіе на миѣніе брата, конечно, помнилъ, о какомъ Раевскомъ идетъ рѣчь. Хотя ему, какъ извѣстно, лично принимавшему дѣятельнѣйшее участіе въ слѣдствіи надъ декабристами, и приходилось читать не мало произведеній революціоннаго содержанія, но такого стихотворенія онъ, пожалуй, еще не читывалъ. Не представляя большой художественной цѣнности, стихотвореніе Раевского, дышащее искренностью и силой, въ энергичныхъ выраженіяхъ говорить о мысляхъ и настроеніи автора. Тюрьма не сломила этого патріота-республиканца, и тонъ стихотворенія въ общемъ мажорный. Подъ «друзьями» поэтъ разумѣетъ прежде всего А. С. Пушкина и М. Ѳ. Орлова. Въ 1—25 строкахъ мы имѣемъ описаніе съ обычными въ то время въ стихахъ Гебой, Вакхомъ, Ганимедомъ, собраній у М. Ѳ. Орлова, гдѣ «въ союзѣ съ вѣрой и надеждой, съ мечтой поэзіи живой, въ бесѣдѣ вѣчевой шумѣлъ голосъ мятежный» революціонеровъ-романтиковъ, умѣвшихъ и любившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ «рвать свѣжіе цвѣты цвѣтущей дѣвства красоты на розовыхъ устахъ въ объятіяхъ дѣвъ, какъ май, прекрасныхъ». Послѣднимъ, надо думать, занимались уже не въ домѣ М. Ѳ. Орлова, къ которому обращается Раевскій въ стихахъ 161—168. Объ отношеніяхъ, существовавшихъ между Пушкинымъ и Раевскимъ, рассказано у П. Е. Щеголева ²⁾. Какъ мы уже замѣтили, послѣдній пользовался текстомъ стихотворенія неполнымъ, въ которомъ, какъ разъ отсутствуютъ самыя интересныя для характеристики того вліянія, какое имѣлъ Раевскій на Пушкина, строки 139—152. Обращеніе къ Пушкину, этому «счастливейшему пѣвцу, питомцу музъ и Аполлона», «жрецу страстей и буйной думы» оставить другимъ пѣвцамъ любовь, потому что «любовь ли пѣтъ, гдѣ брызжетъ кровь», такое обращеніе чрезвычайно, конечно, характерно, для поэта-гражданина. Біографомъ уже отмѣчена черта въ міросозерцаніи Раевского, общая со многими декабристами, это идеализація въ республиканскомъ духѣ до-московской Руси. «Воззвать изъ мрака вѣкъ полноты славы царя-народа, духъ и нравы и тѣ священные времена, когда гремѣло

¹⁾ Дѣло В. Ѳ. Раевского изложено нами вкратцѣ по работѣ П. Е. Щеголева «Владимиръ Раевскій (первый декабристъ)», въ книгѣ «Историческіе этюды». С.-Пб. 1913. См. стр. 220—228.

²⁾ Указанная книга П. Е. Щеголева, стр. 199—220. Къ имѣющемуся у Щеголева (стр. 162) указателю свѣдѣній о Вл. Ѳед. Раевскомъ нужно добавить, что въ «Украинскомъ Журналѣ» за 1824 г. (№№ 13, 19 и 20) и за 1825 г. (№ 4) помѣщено четыре стихотворенія Раевского.

наше вѣче и сокрушало издалече царей кичливыхъ рамена», и приглашаетъ поэтъ друзей и прежде всего, конечно, Пушкина.

На послѣдней (12-ой) страницѣ рукописи Лансберга имѣется стихотвореніе: «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Императрицы Елизаветы Алексѣевны» (На лирѣ скромной, благородной). Подъ стихотвореніемъ подпись: Алек. Пушкинъ и дата: Нояб. 4 дня 1825 года (Харьковъ), представляющая собою очевидно дату рукописи, которая послужила оригиналомъ описываемой рукописи.

Стихотвореніе Пушкина, впервые напечатанное въ «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія» за 1819 г. (№ 10), не заключая въ себѣ ничего революціоннаго, пользовалось большою популярностью у оппозиціонно настроенныхъ любителей литературы, которымъ нравились гордые слова поэта, что онъ, «свободу лишь умѣя славить, стихами жертвуя лишь ей, не рожденъ царей забавить стыдливой музою своей».

Какъ мы уже сказали, рукопись со столь зловердными произведеніями была харьковскимъ гражданскимъ губернаторомъ препровождена къ начальнику III Отдѣленія Бенкендорфу, который, получивъ столь важныя извѣстія о крамолѣ среди харьковскихъ студентовъ и офицеровъ, счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія государя, результатомъ чего явилось такое высочайшее повелѣніе:

(Подлинникъ).

Секретно.

Главный Штабъ
Его Императорскаго
Величества.
По Военному Поселенію
Дежурство.
Отдѣленіе 1.
Въ С.-Петербургѣ
28 Генваря 1827
№ 5.

Кіевскому Военному Губернатору
господину Генералу Лейтенанту
и Кавалеру Желтухину.

Въ Харьковѣ открылись разныя неблагонамѣренныя сочиненія, и подозрѣніе въ ономъ падаетъ на студентовъ Харьковскаго Университета и другихъ лицъ. Подробности о семъ изволите увидѣть изъ прилагаемаго при семъ въ копіи секретнаго донесенія.—Государь Императоръ, желая удостовѣриться въ истинѣ сего донесенія, поручилъ Вашему Превосходительству:

1. Проѣздомъ вашимъ по новому званію, заѣхать въ Харьковъ.
2. Изслѣдовать на мѣстѣ, отъ кого и какимъ образомъ перешли неблагонамѣренныя сочиненія, и къмъ сочинены.

3. Обратить особенное вниманіе на студентовъ Харьковскаго Университета, не отъ нихъ ли передаются таковыя сочиненія.

4. Равнымъ образомъ обратить вниманіе и изслѣдовать, не изъ военнаго ли поселенія въ Г. Чугуевѣ, какъ прилагаемое секретное донесеніе показываетъ, выпускаются сіи сочиненія, нѣтъ ли тамъ людей неблагонамѣренныхъ, и кто имянно?

5. Отъ Бригаднаго Командира третьихъ Баталіоновъ 5-го пѣхотнаго корпуса Полковника Вансовича потребовать объясненіе, почему онъ, получа неблагонамѣренныя сочиненія, не представилъ объ ономъ своему высшему Начальству, а передалъ ихъ Губернатору, и даже не донесъ о семъ,—и обслѣдовать, не имѣетъ ли онъ связи съ неблагонамѣренными людьми, и самъ не въ числѣ ли ихъ?

Объявляя Вамъ таковую Монаршую волю, имѣю честь присовокупить, что Его Императорское Величество изволить надѣяться, что Ваше Превосходительство приведете сіе дѣло въ полную ясность, и я буду ожидать о послѣдствіяхъ увѣдомленія Вашего, для доклада Государю Императору.

Начальникъ Главнаго Штаба *Дибичъ*.

Начальникъ Штаба *Клейнмихель*.

Черезъ четыре дня этому же Желтухину было дано еще предписаніе сходнаго содержанія:

(Подлинникъ).

Секретно.

Главный Штабъ
Его Императорскаго
Величества.
По Канцеляріи
Дежурнаго Генерала
Въ С.-Петербургѣ.
2-го февраля 1827.
№ 187.

Кіевскому Военному Губернатору Господину
Генералъ-Лейтенанту и Кавалеру Желтухину.

Третьяго баталіона Тарутинскаго пѣхотнаго полка у Поручика Лансберга оказалась рукопись, въ подлинникъ у сего прилагаемая, заключающая въ себѣ неблагонамѣренныя сочиненія на шетъ правительства и законной власти, подъ заглавіемъ: Рылѣвъ въ темницѣ, Къ друзьямъ и проч. По изслѣдованію, произведенному Слободско-Украинскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ къ открытію выпустившаго первоначально сіи сочиненія, оказалось, что оныя переходили изъ рукъ въ руки разныхъ лицъ,

въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ студентовъ Харьковскаго Университета; послѣдній, отъ коего дошли оныя, есть студентъ того Университета Петръ Балабуха, жительствующій теперь въ Кіевѣ, отъ котораго не отобрано еще показанія, отъ кого дошли къ нему сіи сочиненія? Между тѣмъ Попечитель Харьковскаго Университета, защищая студентовъ онаго Университета, въ донесеніи своемъ объясняетъ, что мѣсто, изъ котораго сіи студенты получали какія-либо подобнаго рода сочиненія есть военное Чугуевское поселеніе.

Государь Императоръ съ негодованіемъ усматривая изъ сего, что какъ между студентами Харьковскаго Университета, такъ и въ военномъ поселеніи Слободско-украинской губерніи таится непозволительная склонность къ запрещеннымъ сочиненіямъ, доказывающая вредный образъ мыслей, повелѣваетъ, чтобъ Ваше Превосходительство на пути изъ здѣшней столицы въ Кіевъ, заѣхали въ Харьковъ, вникнули бы подробно въ духъ, существующій между учащими и учащимися тамошняго университета, развѣдали бы подробно, въ какомъ отношеніи находятся они съ военнымъ поселеніемъ, и не кроется ли равномѣрно и въ самомъ поселеніи неблагонамѣреннаго расположенія къ распространенію подобнаго образа мыслей, открыли бы источникъ сего зла и настоящихъ виновныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскали бы въ точности кто сочинилъ и выпустилъ упомянутыя злонамѣренныя сочиненія и обо всемъ, что окажется, донесли бы прямо Государю Императору.

Сообщая Вашему Превосходительству сію Высочайшую волю, имѣю честь препроводить при семъ къ вамъ, сверхъ рукописи, отобранной отъ порутчика Лансберга, копія съ донесеній по сему предмету отъ Слободско-Украинскаго Гражданскаго Губернатора ¹⁾ и Попечителя Харьковскаго университета.

Начальникъ Главнаго Штаба *Дибичъ*.

Исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія задержалось, такъ какъ Желтухинъ былъ боленъ и выѣхать въ Харьковъ не могъ. Но и безъ него мѣстныя власти нашли главнаго преступника, каковымъ оказался студентъ харьковскаго университета Владимиръ Розаліонъ-Сошальскій.

Изъ донесенія ректора университета мы знаемъ, что харьковскія власти въ розыскахъ лица, отъ котораго пошла преступная рукопись, остановились на кончившемъ курсъ харьковскаго университета Балабухѣ, который еще въ ноябрѣ 1826 г. уѣхалъ въ Кіевъ. Допросили ли его въ Кіевѣ, и онъ показалъ на Розаліонъ-

¹⁾ Этого донесенія въ бумагахъ Шильдера не имѣется.

Сошальскаго, или какими-либо другими путями дошли до послѣдняго, намъ неизвѣстно, но вотъ выписка изъ его показаній.

(Копія, современная подлиннику).

При отношеніи отъ 4-го Марта за № 63.

Выписка изъ показаній Студента Императорскаго Харьковскаго университета Владиміра Розаліонъ-Сошальскаго, сознавашагося въ слѣдующемъ:

1-е. Что статья: *Рылѣвъ въ темницѣ* есть его сочиненіе, что она сочинена имъ вскорѣ послѣ печальнаго происшествія 14-го декабря 1825 года и безъ всякаго посторонняго содѣйствія. Прочія же сочиненія въ стихахъ, находящіяся при дѣлѣ, кромѣ означенной статьи, не имъ писаны, и авторовъ ихъ не знаетъ, но ходятъ они подъ различными именами, а именно: *Посланіе къ Ар...ву* (т.-е. Аракчееву) выдается сочиненіемъ Пушкина, или Рылѣва; *Къ Друзьямъ* извѣстна подъ именемъ какого-то Раевского; *Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ* также выдается сочиненіемъ Пушкина.

2-е. На вопросъ, не писалъ ли онъ еще какихъ-либо другихъ въ семь же духѣ піесъ, Сошальскій показалъ, что имъ сочинены: а) Продолженіе оды Г-на Висковатова, написанной имъ въ честь Государя Императора Николая Павловича. Сіе продолженіе написано имъ въ сатирическомъ видѣ, или, какъ говорится, на изнанку; б) *Къ друзьямъ*, но сія піеса не та, которая имѣется при дѣлѣ; в) На смерть Графа Милорадовича; г) небольшая піеса, въ которой онъ представляетъ, будто находится въ обществѣ, гдѣ разсуждаютъ о происшествіи 14-го Декабря, бранятъ Рылѣва и другихъ его соучастниковъ, наконецъ, переходя къ общежитію всѣхъ, жалуются на несправедливости судовъ, испытанныя ими въ обыкновенныхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этого онъ при концѣ піесы выводитъ неосновательность ихъ прежнихъ сужденій съ присовокупленіемъ насмѣшекъ. Кромѣ сихъ стиховъ онъ еще написалъ небольшую піесу въ Альбомѣ Студенту Харьковскаго же Университета *Рожнову*, которому однакожь прочихъ сочиненій не сообщалъ; да они даже написаны послѣ отъѣзда его въ имѣніе, состоящее въ Екатеринославской Губерніи. Впрочемъ стихи сіи не относятся до происшествія 14-го Декабря.

3-е. Какъ вышеупомянутую статью *Рылѣвъ въ темницѣ* такъ и другіе стихи свои онъ сообщалъ бывшему студенту Императорскаго Харьковскаго Университета Петру Семенову сыну Балабухѣ, живущему нынѣ у своихъ родственниковъ въ Кіевѣ. Ему же оставилъ всѣ списываемые въ разныя времена стихи, между коими однако не оставалось ни одного изъ собственныхъ его сочиненій, кои при отъѣздѣ своемъ всѣ сжегъ при немъ, Бала-

бухѣ.—Оная же піеса находилась въ рукахъ Николая Павлова сына Богаевского, живущаго нынѣ Полтавской губерніи въ Ошмянскомъ (?) уѣздѣ, но не знаетъ, списывалъ ли онъ ихъ или нѣтъ; также показывалъ оныя Григорію Егорову сыну Зеленскому, который удовольствовался только прочтеніемъ оныхъ.—Что же касается до сочиненій вольныхъ Пушкина, или выданныхъ подъ его именемъ, то они у рѣдкаго студента не находятся.

4-е. Спрошенный противу рапорта Слободско-украинскаго Гражданскаго Губернатора о лицахъ, въ ономъ поименованныхъ, у коихъ были или нашлись копіи съ тѣхъ стиховъ, Сошальскій объяснилъ, что Поручика *Лансберга* не знаетъ и никогда не слышалъ о немъ.—*Пашинскій* съ поврежденною ногою находился съ нимъ вмѣстѣ въ Гимназіи, но съ тѣхъ поръ, что составляетъ около 6-ти лѣтъ, онъ его не видалъ. Губернскаго Регистратора Николая *Михайловскаго* вовсе не зналъ, но знавалъ студента *Михайловскаго*, который скончался. Губернскаго Секретаря *Тонкошкурова* зналъ онъ во время нахождения его въ Университетѣ студентомъ и видѣлся съ нимъ въ Харьковѣ, но короткаго знакомства съ нимъ не имѣлъ.—*Гибнеръ* Харьковскаго Университета студентъ былъ ему знакомъ и о сочиненіяхъ его былъ извѣстенъ, а именно Богаевскимъ была ему передана вышепоказанная піеса на смерть Графа Милорадовича, которая хотя была, имъ Сошальскимъ, требована обратно, но не получена.

5-е. Наконецъ онъ Сошальскій присовокупляетъ, что когда онъ показывалъ студенту Зеленскому свою піесу на смерть Графа Милорадовича, то онъ читалъ ему два небольшія стихотворенія. Онъ ничего не помнитъ въ нихъ рѣзкаго на счетъ Правительства или извѣстныхъ лицъ, но полагаетъ, что Зеленскій въ нихъ грезилъ о свободѣ. Не будучи однако увѣренъ въ настоящемъ содержаніи сихъ стиховъ, онъ сіе показаніе включилъ единственно только для того, чтобы въ случаѣ показанія Зеленскаго не было разногласія.

Вѣрно: Губернскій Секретарь *Половъ*.

Въ дополненіе къ этимъ столь обстоятельно самимъ Розальонъ-Сошальскимъ рассказаннымъ фактамъ его жизни и творчества мы можемъ добавить немного, что намъ удалось о немъ найти ¹⁾. Первоначальное образованіе Владимиръ ²⁾ Розальонъ-Сошальскій получилъ въ «благородномъ пансіонѣ» Коваленкова въ Харьковѣ. Въ 1823 году преподаватель этого пансіона адъюнктъ Харь-

¹⁾ Съ любезнаго разрѣшенія С. А. Венгерова, по нашей просьбѣ А. Г. Фоминъ навелъ справки о Розальонъ-Сошальскомъ въ картотекѣ Венгерова, за что и приносимъ ему благодарность.

²⁾ Отчество его намъ неизвѣстно.

Гонецъ Минувшаго. № 7—8.

ковскаго Университета А. В. Склабовскій издалъ «Опыты въ словесности воспитанниковъ благороднаго пансіона Коваленкова въ Харьковѣ». Харьковъ. Въ Универ. Типогр. 1823. (ц. раз. 25 Маія 1823). Книжка эта посвящена была угодливымъ карьеристомъ Склабовскимъ тогдашнему попечителю Харьковскаго Учебнаго Округа извѣстному обскуранту Е. В. Карнѣву. Въ своемъ предисловіи «Отъ Издателя» Склабовскій такъ рекомендуетъ начальству своихъ лучшихъ воспитанниковъ: «Съ удовольствіемъ упоминая здѣсь объ отличнѣйшихъ по своему прилѣжанію и успѣхамъ въ отечественной Словесности, особенно въ Поэзіи, Воспитанникахъ, которые занимаясь оною не болѣе полугода, бывъ при томъ отвлекаемы другими учебными предметами, успѣли преодолѣть трудность механизма стиховъ и написать всѣ помѣщенные въ сей книгѣ стихотворенія. Таковы Станиславъ Гельфрейхъ, Владиміръ и Михаилъ Розаліонъ-Сошальскіе, Аполлонъ Чернозубовъ и Андрей Остроградскій». Изъ всѣхъ нихъ Владиміръ Розаліонъ-Сошальскій былъ удостоенъ особой аттестаціи въ примѣчаніи издателя къ помѣщенному въ книгѣ переводному отрывку изъ поэмы «Альпы» (изъ Галлера), какъ «одинъ изъ прилѣжнѣйшихъ и благороднѣйшихъ воспитанниковъ».

Нечего и говорить, что помѣщенные въ этой книжкѣ переводныя и оригинальныя произведенія начинающаго поэта прежде всего въ высшей степени благонамѣренны. Перу Розаліона-Сошальскаго здѣсь принадлежитъ всего одиннадцать опис'овъ, изъ которыхъ семь стихотвореній: два оригинальныя «Воспоминаніе» («Воспоминаніе! сокровище безцѣнно, Всегдашній вѣрный другъ, спутникъ всѣхъ людей!») и «Ночь» («Отверзлась запада величественная дверь...») и пять переводныхъ—«Богъ въ веснѣ». Вольный переводъ изъ Уца («Творецъ! Твоимъ весна слетѣвъ съ небесъ велѣнемъ...»); «Храмъ». Изъ Ламартина. («Какъ сладостно взирать на позднюю зарницу»); «Умиращій поэтъ». Изъ Мильвуа. («Поэтъ уныло пѣлъ, и лучъ его лампы...»); «Счастливый старецъ». Подражаніе Леонару. («Въ поляхъ младая вдовъ весна...») и «Надежда». Изъ Шиллера («Надежда на счастье будущихъ дней...»). Проза вся—переводная: «Рѣчь Скиѣскихъ пословъ Александру Великому» (съ Латинскаго), «Превосходство Библии Ветхаго Завѣта, доказываемое сравненіемъ оной съ твореніями Гомера» (Изъ Шатобріана), «Утро» (Изъ Галлера) и «Отрывокъ изъ поэмы: Альпы» (Изъ Галлера).

Все это—столь обычныя въ то время ученическія упражненія въ духѣ сентиментально-романтической риторики, и ничто въ этихъ благонамѣреннѣйшихъ стихахъ и прозаическихъ переводахъ не предвѣщаетъ, что черезъ три года усвоенный «механизмъ стиховъ» будетъ столь зловердно использованъ.

Въ 1825 г. подъ вліяніемъ произведеній Рылѣва, въ частности его думы «Дмитрій Донской» Розаліонъ-Сошальскій пишетъ стихотвореніе «Баянъ на Куликовомъ полѣ» (напечатано въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1825 г., № 16), тема котораго «священный огонь любви къ отчизнѣ», возстаніе противъ поработителей: «...въ рукахъ Донского засвѣтилъ мечъ мщенія, свободы стражъ священной—и громъ татаръ умолкъ, и стихнулъ звукъ оковъ! Воскресли мы!...».

Особенный подъемъ гражданскихъ чувствъ у поэта вызвали декабрьскія событія 1825 г. Розаліонъ-Сошальскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ тогда гражданъ, которые, выражаясь его словами, «восчувствовали высокую красоту намѣреній Рылѣва и въ сердцѣ которыхъ отдался тотъ же сладкій гласъ, который и Рылѣва вызывалъ на страшное и гибельное поприще для ратованія за права человѣка».

Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ и мыслей пишетъ онъ рядъ «вольнодумныхъ» произведеній. Изъ названныхъ имъ пяти такого рода произведеній намъ извѣстно только одно вышенапечатанное «Рылѣвъ въ темницѣ». Написанная въ риторическомъ стилѣ, довольно уже архаическомъ для 20-хъ годовъ XIX ст., эта «предсмертная рѣчь къ потомству», въ художественномъ отношеніи конечно не особенно высокаго достоинства (къ тому же у насъ явно испорченный текстъ), но какъ «человѣческій документъ» она несомнѣнно имѣетъ большой интересъ, рисуя намъ то представленіе, какое имѣла революціонно настроенная молодежь 20-хъ годовъ о казненномъ поэтѣ. Сравнивая Рылѣва въ темницѣ въ изображеніи Розаліонъ-Сошальскаго съ тѣмъ Рылѣвымъ, какого мы знаемъ по его письмамъ изъ крѣпости къ женѣ, кн. Оболенскому и Николаю I, мы видимъ, какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности то представленіе о поэтѣ, какое имѣли о немъ его поклонники. Рылѣвъ у Розаліонъ-Сошальскаго совершенно чуждъ тому глубокому религіозному чувству, которымъ проникнуты всѣ писанія Рылѣва въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Не питалъ Рылѣвъ и такихъ чувствъ къ Николаю I, какія выражаетъ въ произведеніи Сошальскаго казненный декабристъ по отношенію къ «тирану». Такимъ образомъ, рисуя образъ Рылѣва наканунѣ казни, Сошальскій болѣе сказалъ о своихъ чувствахъ и мысляхъ, чѣмъ о рылѣвскихъ. Что касается другихъ произведеній, о которыхъ говоритъ въ своемъ показаніи Р.-Сошальскій, то только относительно его «продолженія оды Г. Висковатова въ честь Императора Николая Павловича, «написаннаго въ сатирическомъ видѣ, или, «какъ говорится, наизнанку», мы можемъ привести библиографическую справку, позволяющую

намъ догадываться, что представляло собою это сатирическое стихотвореніе. Произведеніе Висковатова (напечатано въ «Новостяхъ Литературы» 1826 г., февраль, ц. разр. 9 февр. 1826 г.) носитъ названіе «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссійскому», при чемъ имѣется такое примѣчаніе издателя Воейкова:

«Сочинитель имѣлъ счастье получить Высочайшее благоволеніе Его Императорскаго Величества и Всемиловитѣйше награжденъ брилліантовымъ перстнемъ». Въ стихотвореніи четыре строфы. Третья читается такъ:

«А тотъ не Россѣ, кто аду внемлетъ:
Мятежнымъ пламенемъ горитъ...
Его душевна казнь объемлетъ;
Ему громами въ слухъ гремитъ
Проклятіе изъ рода въ роды;
Онъ—ужасъ Неба! срамъ Природы!
Страшилище Вселенной всей!
Монархъ! Забудь сихъ жертвъ Геенны —
Россіане прямые — вѣрны:
Привыкли обожать Царей».

Какъ видимъ, написать пародію на эту строфу задача весьма нетрудная и благодарная: стихи эти, можно сказать, сами просятся быть «вывернутыми наизнанку» ¹⁾.

Чрезвычайно цѣнно показаніе Р.-Сошальскаго, что «вольныхъ сочиненій Пушкина или выданныхъ подъ его именемъ, у рѣдкаго студента не находится». Это показаніе можно сопоставить съ показаніемъ 5 апрѣля 1826 г. декабриста М. П. Бестужева-Рюмина, что «рукописныхъ экземпляровъ вольнодумческихъ сочиненій Пушкина и прочихъ столько по полкамъ, что это насъ самихъ удивляло». В. А. Жуковскій во время слѣдствія надъ декабристами 12 апрѣля писалъ Пушкину: «... въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои».

О томъ значеніи, какое имѣли въ дѣлѣ воспитанія гражданскихъ чувствъ широкихъ круговъ читателей нецензурные стихи Пушкина писалъ Герценъ, вспоминая это время: «Литература у народа, не имѣющаго свободы, является единственной трибуной, съ высоты которой онъ могъ бы услышать крикъ своего негодованія и собственнаго сознанія. Ея вліяніе на устроенное такимъ образомъ общество пріобрѣтаетъ размѣры, какихъ въ Западной Европѣ давно уже не существуетъ. Революціонныя произведенія

¹⁾ Интересно отмѣтить, что 6-ая строчка приведенной строфы взята Висковатовымъ у Пушкина изъ его «презрѣвшей печать» оды «Вольность», гдѣ «ужасомъ міра, стыдомъ природы, (въ копіяхъ бывало и «ужасъ Неба, срамъ Природы») названъ Пушкинымъ «самовластительный злодѣй» Павелъ І. Такимъ образомъ, Висковатовъ, примѣнивъ эти слова къ декабристу, первый «вывернулъ наизнанку» Пушкина.

Рылѣва и Пушкина расходятся по рукамъ молодежи далеко за предѣлы столицы. Нѣтъ ни одной хорошо воспитанной барышни, которая не знала бы ихъ наизусть, нѣтъ ни одного офицера, который бы не имѣлъ ихъ у себя въ походномъ ранцѣ, или сына священника, который не переписывалъ бы ихъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцати экземплярахъ. Въ послѣднее время этотъ пылъ поостылъ, такъ какъ они уже отжили свое, зато все это поколѣние испытывало на себѣ живое и молодящее вліяніе вышеупомянутой поэзіи» ¹⁾).

Естественно, что многимъ изъ читавшихъ и переписывавшихъ вольные стихи Пушкина, самъ авторъ долженъ былъ представляться убѣжденнымъ революціонеромъ, который займетъ мѣсто казненаго Рылѣва. Когда въ одномъ кружкѣ московскихъ студентовъ въ маѣ 1827 г. зашла рѣчь объ учрежденіи тайнаго политическаго общества, то одинъ изъ участниковъ, студентъ Михаилъ Критскій предложилъ избрать въ предсѣдатели общества А. С. Пушкина ²⁾).

Намъ неизвѣстно, чтобы показаніе Розаліонъ-Сошальскаго о широкомъ распространеніи нецензурныхъ стиховъ Пушкина въ средѣ студентовъ, точно такъ же, какъ свѣдѣніе о томъ, что Пушкина намѣчали въ предсѣдатели тайнаго общества, имѣли какія-нибудь скверныя послѣдствія для поэта. Несмотря на то, что показаніями Р.-Сошальскаго фактъ распространенія «зловредныхъ» сочиненій среди харьковскихъ студентовъ былъ освѣщенъ съ исчерпывающей полнотой, высочайшее повелѣніе о разслѣдованіи генераломъ Желтухинымъ обстоятельствъ этого дѣла не было отмѣнено.

26 апрѣля 1827 г. графъ П. А. Толстой, главнокомандующій въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ сообщилъ генераль-адъютанту С. С. Стрекалову, что «Государь Императоръ по случаю болѣзни генераль-лейтенанта Желтухина, сдѣланное ему порученіе на счетъ изслѣдованія въ г. Харьковѣ, Высочайше соизволилъ возложить на него, Стрекалова, для чего генераль-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ и получилъ повелѣніе вручить о семъ немедленно всѣ истребованныя отъ генерала Желтухина бумаги».

7-го мая Стрекаловъ, во исполненіе даннаго ему порученія, прибылъ въ Харьковъ и приступилъ къ розыску. 14-го августа онъ изъ Харькова представилъ о результатахъ розыска всепод-

¹⁾ Герценъ «Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи». Изд. В. М. Саблина, стр. 87.

²⁾ На это предложеніе М. Критскаго болѣе его освѣдомленный о Пушкинѣ Лушниковъ возразилъ, что «Пушкинъ нынѣ преданъ большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества». См. М. Лемке «Тайное общество братьевъ Критскихъ» въ «Быломъ», 1906 г., июнь, стр. 46.

даннѣйшій рапортъ, выписку изъ котораго 30 августа генераль-адъютантъ Потаповъ представилъ для Высочайшаго доклада графу И. И. Дибичу.

Въ «выпискѣ» этой сначала кратко передаются извѣстныя намъ изъ донесенія Кронеберга обстоятельства дѣла, а затѣмъ уже сообщается о томъ, что сдѣлалъ Стрекаловъ. Приводимъ эту часть дословно:

«Нынѣ Генераль-Адъютантъ *Стрекаловъ* доноситъ, что по изслѣдованіи оказалось сходно съ показаніемъ бывшаго студента *Розаліонъ-Сошальскаго*, допрошеннаго прежде еще Губернаторомъ Г. М. Кнаппомъ, что вышеозначенные стихи получены Лансбергомъ для прочтенія отъ помѣщика *Пашинскаго*; сей получилъ отъ Губернскаго Секретаря Михайловскаго и для себя самъ оныя списалъ; Михайловскому достались отъ окончившаго курсъ наукъ студента *Снѣсарева*, коему сообщилъ Губернскій Секретарь Тонкошкуровъ, а сей получилъ отъ студента *Гибнера*, Гибнеру доставилъ вольнослушающій въ университетѣ *Балабуха*, который получилъ ихъ отъ студента *Розаліонъ-Сошальскаго*, Всемилюстивѣйше уже прощеннаго за признаніе его.

Сошальскій показалъ еще, что подобныя стихотворенія были у студентовъ: *Богаявскаго*, *Стишинскаго*, *Бутовскаго*, *Зеленскаго*, *Рожнова* и *Новикова*.

У *Богаявскаго*, по разсмотрѣніи въ квартирѣ его бумагъ, зло-вредныхъ сочиненій не найдено, при чемъ онъ изъяснилъ, что сочиненіе «Рылѣвъ въ темницѣ», онъ читалъ у Балабухи, а полученные имъ отъ Сошальскаго стихотворенія, какъ наполненные разными дерзкими словами, сжегъ. У *Стишинскаго* тоже никакихъ зло-вредныхъ стихотвореній не найдено, и онъ объяснилъ, что Балабуха давалъ ему читать разныя стихотворенія, кои онъ, не списывая для себя, ему возвратилъ. У *Бутовскаго* въ Кіевѣ взято нѣсколько рукописей, нѣкоторыя имъ самимъ писанныя, а другія списаны у Сошальскаго, еще въ бытность его въ Университетѣ. У *Зеленскаго* ничего не найдено, и онъ показалъ, что отъ Сошальскаго ничего не получалъ. О *Рожновѣ* съ выхода его изъ университета неизвѣстно, гдѣ онъ находится. У *Новикова* въ Нижнемъ-Новгородѣ найдены разныя сочиненія, полученные имъ отъ Сошальскаго и Бутовскаго въ бытность его еще въ университетѣ. Ротмистръ *Сіяновъ* находится нынѣ въ С.-Пбурѣ старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба Его Величества по военному поселенію, а рядовой *Дороховъ* отправленъ на службу въ Грузію и объясненій отъ нихъ не отобрано.

Генераль-Адъютантъ Стрекаловъ присовокупляетъ, что во все время его пребыванія въ Харьковѣ не замѣтилъ онъ никакого

своевольства, или разврата между студентами, и что съ нѣкотораго времени большая примѣтна переменѣна въ благонравіи, и что нынѣшній Ректоръ Кронебергъ употребляетъ все возможное стараніе къ истребленію зловредныхъ мыслей и бдительно печется о ихъ нравственности. На счетъ офицеровъ Чугусвскаго Военнаго Поселенія объясняетъ, что по большому ихъ занятію службою они мало имѣютъ время къ другому упражненію и весьма рѣдко видно ихъ въ Харьковѣ. Тайныхъ же связей съ студентами не замѣчено, и, какъ кажется, не существуетъ. Полковникъ Вансовичъ, хотя и оправдывается, что онъ о вышеозначенныхъ стихахъ сообщилъ Губернатору, не донося своему начальству, на основаніи 4-го пункта § 51-го о управленіи войсками на работѣ находящимися, но при всемъ томъ о столь важномъ обстоятельстве ему слѣдовало бы непременно донести своему начальству; впрочемъ на счетъ его ничего предосудительнаго не замѣчено.—Всѣ прикосновенныя по сему предмету лица находятся подъ присмотромъ мѣстнаго начальства, а поручикъ Лансбергъ содержится въ Чугуевѣ на гауптвахтѣ.

Лансбергъ по неопытности и молодости лѣтъ имѣлъ неосторожность держать у себя зловредныя сочиненія; раскаяніе его и показанія при допросѣ утверждаютъ, что онъ дѣйствительно все учинилъ безъ намѣренія, а потому Генераль-Адъютантъ Стрекаловъ повергаетъ его въ милостивое воззрѣніе Его Величества, чтобы вмѣсто наказанія, вмѣнивъ ему 8-ми мѣсячный арестъ, записать его въ полки, въ Грузіи находящіеся.

Дежурный Генераль *Потановъ*.

Непосредственно за этимъ идетъ еще такое добавленіе: Розаліонъ-Сошальскій сдѣлалъ еще дополнительное показаніе:

1.

«Желая истребить весь соръ вредный, выброшенный изъ головы моей на свѣтъ, я сообщаю еще нѣкоторыя обстоятельства, могущія служить къ сему. Имѣя довольно хорошее знакомство съ студентомъ Харьковскаго же Университета Николаемъ Николаевымъ сыномъ *Новиковымъ*, я часто давалъ ему разныя піесы въ стихахъ, между коими, кажется, сообщилъ статью *Рылѣвъ въ темницѣ*, хотя съ вѣрностію сего сказать не могу; затрудняетъ также меня опредѣленіе мѣста его теперешняго жительства, но скажу, что судя по его словамъ при его отъѣздѣ изъ Харькова, онъ или живетъ у бабки своей въ Пензенской губерніи, или служить у тамошняго Военнаго Губернатора Бахметева.

2.

Видѣлъ также я свою піесу на смерть Милорадовича у студента бывшаго Дмитрія Петрова сына Бутовскаго, который жительствуетъ въ Полтавской губерніи».

Послѣ этого другой рукой очевидно позднѣйшая приписка: «Розаліонъ-Сошальскій былъ допрашиваемъ въ СѢбургѣ, гдѣ состоялъ юнкеромъ въ Гвардейской пѣшей артиллеріи. Государь простилъ Сошальскаго».

Такимъ образомъ раскаявшійся Розальонъ-Сошальскій достигъ цѣли—откровенными признаніями всемилостивѣйшее прощенье было куплено.

Этимъ и исчерпываются матеріалы, имѣющіеся въ бумагахъ Шильдера, и изъ нихъ не видно, чѣмъ кончилась вся эта исторія для другихъ привлеченныхъ. Только въ «Исторіи Харьковскаго университета» Багалѣя есть свѣдѣнія о Г. Зеленскомъ и С. Стишинскомъ. У перваго по требованію ген.-адъютанта Стрекалова былъ произведенъ обыскъ, во время котораго найдены: 1) ода на восшествіе на престолъ Имп. Павла I, которую онъ получилъ, по его объясненію, отъ Ивана Иванова изъ духовнаго званія, 2) французскіе стихи (выписка изъ Ламартина), 3) рукопись на синей бумагѣ, полученная имъ отъ покойнаго его родственника Миргородскаго; зловредныхъ сочиненій Сошальскаго, съ которымъ онъ былъ знакомъ, у него не оказалось. Стрекаловъ ничего не имѣлъ противъ выдачи ему аттестата, и по окончаніи курса въ 1827 г. по юридическому факультету онъ и получилъ таковой. Въ томъ же году получилъ степень кандидата по юридическому факультету и С. Стишинскій ¹⁾.

М. Цявловскій.

¹⁾ См. Багалѣй, «Исторія Харьковскаго Университета», т. II, стр. 984—985 и 877.

Дѣло Ситникова.

(Проектъ вѣчеваго правленія).

(По архивнымъ даннымъ).

17 августа 1831 года шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ командовавшему всѣми оставшимися въ С.-Петербургѣ войсками ¹⁾ генераль-адъютанту гр. Васильчикову о Высочайшемъ соизволеніи на преданіе военному суду, содержавшагося въ Алексѣевскомъ рavelинѣ С.-Петербургской крѣпости штабсъ-капитана Ситникова «за сочиненіе и разсылку пасквилей и возмутительныхъ писемъ».

Ситникову шелъ 32 годъ. Происходилъ онъ изъ дворянъ Московской губерніи, былъ сыномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Выпущенный въ 1819 году изъ Дворянскаго полка прапорщикомъ въ бывшую 27 артиллерійскую бригаду, онъ въ 1823 году былъ произведенъ въ подпоручики и въ томъ же году, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы; вскорѣ затѣмъ вновь принятъ на службу уже въ генеральный штабъ. Въ 1827 г. произведенъ въ поручики; въ 1830 г., въ штабсъ-капитаны.

Въ 1825 году Ситниковъ былъ командированъ въ главную квартиру 2-й арміи. Во время турецкой войны при вылазкахъ турокъ изъ Журжи и Руцука, «находился въ дѣйствительныхъ и аванпостныхъ дѣлахъ и стычкахъ».. Въ 1829 г. участвовалъ въ штурмѣ укрѣпленнаго города Рахова. Въ присланномъ въ генеральный штабъ на Ситникова кондуитѣ за 1830 годъ значилось: «ведетъ себя по службѣ изрядно; способности ума имѣетъ изрядныя; пьянству и игрѣ не преданъ, въ хозяйствѣ хорошъ».

Судъ надъ Ситниковымъ начать былъ при С.-Петербургской крѣпости 28 августа 1831 г., оконченъ 14 января 1832 г. Презусомъ (предсѣдателемъ) военно-судной комиссіи состоялъ числившійся по арміи генераль-маіоръ Михайловскій-Данилевскій.

¹⁾ Прочія войска были въ походѣ по случаю возстанія въ Царствѣ Польскомъ.

Съ 30 іюня 1831 г. подсудимый содержался въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости. Дѣло Ситникова заключалось въ слѣдующемъ.

Въ 1829 г., будучи въ городѣ Краевѣ, Ситниковъ отправилъ «въ собственныя руки» государя всеподданнѣйшее прошеніе, съ приложеніемъ особаго, составленнаго имъ, проекта.

Въ прошеніи, описывая любовь свою къ дочери умершаго генерала Гельда, дѣвицѣ Елизаветѣ, указывая на недостаточность ея состоянія и сообщая, что «по сему сговорена она за генерала пожилыхъ лѣтъ», Ситниковъ ходатайствовалъ передъ государемъ о выдачѣ ему 25 тысячъ рублей, которые избавили бы его «отъ нещастія», а Елизавету «отъ терзаній неравнаго брака и невольныхъ, но неизбѣжныхъ преступленій и невѣрности супружеской». При этомъ Ситниковъ добавлялъ, что если такое его обращеніе къ государю являлось преступленіемъ, то умолялъ онъ государя «не поражать его наказаніемъ медленнымъ, но приказать главнокомандующему, для примѣра другимъ, разстрѣлять его за дерзость беспокоить своего государя, ибо жизнь ему болѣе не нужна; ее онъ безконечно презираетъ».

Въ представленномъ при прошеніи проектѣ говорилось: 1) объ улучшеніи нравственности въ Россіи запрещеніемъ, подъ смертною казнью, браковъ неравныхъ лѣтъ, какъ главной пружины, вооружающей молодыхъ людей противъ образа правленія; 2) о преподаваніи въ университетахъ умозаключительной философіи, основанной на математическихъ и логическихъ истинахъ; 3) объ уничтоженіи статей цензурнаго устава; 4) о выставленіи у дворца «вазы для писемъ съ прожектami» и 5) о томъ, въ какихъ случаяхъ употреблять офицеровъ генеральнаго штаба во время сраженій. Въ заключеніе было сказано, что если бы государь обратилъ на него, Ситникова, милостивое вниманіе и приблизилъ бы его къ себѣ «не для возвышенія, но, какъ Великій Александръ держалъ философовъ, говорившихъ ему правду», то онъ, государь, обрѣлъ бы въ немъ, Ситниковѣ, «море дѣятельности и безконечнаго изслѣдованія ясныхъ и нужныхъ для блага страны истинъ и спокойствія самого трона».

Въ декабрѣ того же 1829 г. Ситниковъ былъ командированъ на топографическую съемку въ Гродненскую губернію, откуда, вскорѣ послѣ женитьбы на вдовѣ бывшаго камеръ-юнкера Ляхническаго, въ концѣ 1830 г., отправленъ въ г. Казань въ вѣдѣніе генералъ-маіора Паренсова.

22 іюня 1831 г.. исправляющій должность начальника 5-го округа корпуса жандармовъ, полковникъ Масловъ, донесъ шефу жандармовъ, что Ситниковъ самыми ясными доказательствами

изобличенъ въ распространеніи преступныхъ бумагъ по разнымъ мѣстамъ имперіи «для возмущенія мирныхъ жителей и нарушенія общаго спокойствія». Доказательствами этого поступка Ситникова были: во-первыхъ, найденныя у Ситникова, написанныя на осьмушкѣ почтовой бумаги строчки: *«къ т. н. з. суду отъ Владимірскаго губернскаго правленія въ Тамбовскую губерн. поч. контору, Московск. городск. Думу»*; во-вторыхъ, написанныя на лоскуткѣ бумаги фамиліи лицъ, знакомыхъ Ситникову, въ томъ числѣ фамилія Бегичева, служившаго, какъ показалъ Ситниковъ, адъютантомъ 6 пѣх. дивизіи, и въ-третьихъ, бѣлая книга въ кожаномъ переплетѣ, въ $\frac{1}{4}$ листа, въ которой оказались—условная азбука и четыре столбца цифръ. Столбцы означали слова «Голштейнъ-Готторнъ».

Сверхъ того у Ситникова найдены были двѣ печати, изъ которыхъ одна начатая, но не оконченная рѣзкою на камнѣ, съ литерами O. S., и другая, вырѣзанная на мѣди, а также листокъ съ алгебраическими вычисленіями и съ секретною азбукою. Къ дѣлу приложены были конверты съ тѣми «пасквилями» и «возмутительными письмами», которые были написаны Ситниковымъ въ разныя учрежденія, различными почерками и адресованы: 1) въ Московскую городскую думу, 2) въ войсковую войска Донскаго канцелярію, 3) въ Дмитровскую Ростовскую городскую думу, 4) адъютанту Бегичеву, 5) барону Ренне, 6) штаб-лѣкарю Малитскому. Впослѣдствіи отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа доставлены были, для приложенія къ дѣлу, еще восемь конвертовъ съ «пасквилями» того же содержанія, адресованные въ разные городскія думы и земскіе суды. Конверты были запечатаны—одни фамильною печатью съ литерами M. S., другіе гербовою, съ пятью орденами и медалью (самъ Ситниковъ имѣлъ только одинъ орденъ и одну медаль).

Содержаніе «пасквилей» было слѣдующее: бумага, адресованная въ Московскую городскую думу, начиналась словами: «Гласъ Божій—гласъ народа... Да здравствуетъ соединенное Славянское общество въ г. Кіевѣ. Да здравствуютъ славяно-русскіе посадники: князь Меншиковъ въ великомъ Новгородѣ, князь Радзивилъ Михаилъ въ Варшавѣ и великій вѣчевой посадникъ въ Кіевѣ Константинъ Цесаревичъ, также воевода всѣхъ вѣчевыхъ силъ Ермоловъ». Далѣе излагался порядокъ предположеннаго вѣчевого управленія съ раздѣленіемъ славянскаго племени на три класса: «дворянъ», «свободныхъ славянъ» и «дикихъ», или «идолопоклонниковъ», съ предоставленіемъ правъ только первымъ двумъ классамъ. Указывалось, что при новомъ порядкѣ крѣпостныхъ людей уже не должно быть, что вѣчевые воины,

взаимѣнь 25 лѣтъ, должны будутъ служить только 6 лѣтъ. Далѣе шель призывъ: «пора работать, дѣлайте и покупайте пики, сабли и пистолеты для сверженія ига чужеземнаго, истребленія нѣмцевъ, жидовъ, чухонъ, возстановленія свободы вѣчевой и заключенія Сатаны по 20 главѣ Апокалипсиса въ Геенну». Подъ текстомъ бумаги имѣлась подпись Вадимовъ Телевъ.

Вторая бумага составляла подложное отношеніе Иркутскаго гражданскаго губернатора Лавинскаго въ войсковую канцелярію войска Донскаго. Якобы возвращая два перехваченныя письма, адресованныя—одно въ Нерчинскъ, другое въ Иркутскъ, оба за подписью: «казакъ донской Иловайскій»,—Лавинскій писалъ, что по долгу христіанскому, не желая увеличивать числа несчастныхъ, постоянно прибывающихъ въ Сибирь не по своей волѣ, просить онъ названную канцелярію разыскать виновнаго въ написаніи возвращаемыхъ писемъ и дать этому лицу надлежащее наставленіе, не доводя однако о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства, ибо, какъ значилось въ посланіи, и безъ того уже въ томъ году (1830) «болѣе 2800 человекъ привезено въ Сибирь». Къ этой бумагѣ, якобы написанной отъ гражданскаго губернатора Лавинскаго, приложены были, въ двухъ экземплярахъ «пасквили» въ стихахъ и въ прозѣ, адресованные: одинъ въ Нерчинскую счетную контору изъ Донецкой городской думы, а другой въ Иркутскій нижній земскій судъ изъ Старобѣльска. Въ обоихъ заключались дерзкія слова противъ особы государя и призывъ къ установленію вѣчевого правленія съ ссылками на слова Евангелія, что всѣ люди должны быть братьями и жить въ дружбѣ.

Такого же содержанія «пасквили» адресованы были въ Дмитровскую Ростовскую городскую думу, яко бы изъ Екатеринославской городской думы, въ Черниговскую городскую думу, въ Брацлавскій нижній земскій судъ, въ Харьковскую университетскую типографію, въ Каменецъ-Подольскую театральную дирекцію аматоровъ дворянства, въ Костромскую и Царицынскую городскія думы, въ Новохоперскій нижній земскій судъ и въ Павлоградскую городскую думу. Всѣ приложенныя при означенныхъ фальшивыхъ отношеніяхъ «пасквили», написанные отъ разныхъ мѣсяцевъ 1830 и 1831 гг. (одни на лоскуткахъ, другіе полулистахъ бумаги), имѣли подпись—«казака Иловайскаго», а въ нѣкоторыхъ было еще приписано «Вадимовъ Телевъ».

Въ письмѣ, адресованномъ къ старшему адъютанту 6 пѣхотной дивизіи Бегичеву, заключалось извѣщеніе Бегичева, названнаго въ письмѣ «всегдашнимъ врагомъ деспотизма», о томъ, что въ Петербургѣ 160 человекъ разнаго званія, въ Москвѣ

Монаковъ съ семействомъ и болѣе другихъ фамилій, въ Кіевѣ 120 польскихъ и 148 русскихъ тайно взяты по распоряженію властей и, безъ суда, отвезены въ Сибирь. Потомъ, послѣ дерзкихъ словъ противъ особы государя, шли слова, убѣждавшія Бегичева создать вѣче славянъ Новгородскихъ; далѣе помѣщено было посланіе Рылѣева, писанное имъ къ женѣ изъ темницы, и затѣмъ шелъ призывъ: «собирайтесь всѣ Славяне 6-й дивизіи, открывайте тайно другъ другу свои мысли, объявите солдатамъ вѣчевое, по большинству голосовъ, правленіе, и службу только 6, а не 25 лѣтъ, потомъ, перерѣзавъ всѣхъ нѣмцевъ и чухонъ, присоединитесь по фальшивой бумагѣ въ Плоцкое воеводство или за Вислу къ вѣчевой Славяно-Польской арміи. Сформировавъ вѣчевую славяно-русскую, идите вмѣстѣ съ славяно-поляками до р. Нѣмана и бейте подлецовъ-егоистовъ. На будущій годъ идите дальше до р. Десны, дѣйствуя письмами и казенными конвертами во всѣ Думы губернскихъ городовъ. Графъ Толстой можетъ помочь вамъ въ семь предпріятіи, также и кн. Волконскій со своимъ полкомъ. Старайтесь склонить и артиллеристовъ». Въ заключеніе сообщалось, что въ срединѣ Россіи,—въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ и на Кавказѣ и безъ того «дѣло идетъ лихо», и что «скоро вспыхнетъ общая работа». На письмѣ имѣлась подпись: «Другъ и братъ вѣчевой вашъ Монаковъ. Тобольскъ. Февраля 9». На бумагѣ, изъ которой былъ сдѣланъ конвертъ, въ срединѣ конверта, между подобными же воззваніями упоминалось, что два благородныя общества—сѣверное и южное истреблены. «Не допустите», значилось тамъ же, «чтобы общество западное черезъ ваши руки погибло. Тогда навѣрно можетъ пропасть свобода славяно-россійскаго племени».

Въ письмо къ Бегичеву вложено было, запечатанное въ конвертъ письмо къ штабъ-лѣкарю Литовской гренадерской артиллерійской бригады Малитскому, а въ немъ въ свою очередь, также въ запечатанномъ конвертѣ, вложено было письмо къ командиру названной бригады барону Ренне. Оба письма, подъ которыми въ подписи выставлено было имя какого-то Шпека-фонъ-Ромеля, написаны были искаженнымъ русскимъ языкомъ, какимъ пишутъ нѣмцы, незнающіе грамматическихъ правилъ и выговора русскаго языка.

Ренне и Малитскій извѣщались въ этихъ письмахъ о томъ, что будто бы въ Москвѣ русскій народъ хочетъ бунтовать и рѣзать всѣхъ иностранцевъ, что эти послѣдніе жаловались государю, и онъ имъ посовѣтовалъ давать яду «аква тофана» старымъ русскимъ солдатамъ и офицерамъ, а когда они станутъ умирать, совѣтовалъ распускать слухъ, что мрутъ отъ холеры.

При первоначальномъ допросѣ въ г. Казани, полковникомъ Масловымъ въ присутствіи Казанскаго губернскаго прокурора, Ситниковъ призналъ себя виновнымъ въ написаніи обнаруженныхъ у него, а также и показанныхъ ему бумагъ, и объявилъ, что побудительною причиною такихъ его дѣйствій былъ исключительно одинъ его патріотизмъ. При этомъ онъ обѣщалъ раскрыть всѣ «извѣстныя ему» подробности, но лишь при представленіи лично государю.

По доставленіи Ситникова въ Петербургъ, когда онъ уже содержался въ Алексѣевскомъ равелинѣ, комендантъ С.-Петропавловской крѣпости, генераль-адъютантъ Сукинъ, при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, представилъ государю отъ Ситникова пакетъ, адресованный въ собственныя его руки, съ сочиненіемъ Ситникова: «Мой гласъ изъ темницы къ Монарху христіанской Державы».

Въ этомъ сочиненіи Ситниковъ, толкуя тексты священнаго писанія, между различными разсужденіями, объяснялъ, что вовремя нахожденія его на съемкѣ въ Бессарабіи многія причины, которыя онъ желалъ бы лично изложить государю, равно какъ и несчастная любовь его въ 1829 году, засгавили его написать государю письмо изъ Краева. Этимъ письмомъ, кромѣ чисто-сердечнаго желанія всякаго блага повелителю славянъ, онъ, Ситниковъ, приложивъ къ нему христіанскій проектъ улучшенія нравственности въ Россіи и прося въ немъ позволенія издать и посвятить государю книгу—«основаніе умозрительной философіи» и ввести въ университетахъ любопытную, никому еще неизвѣстную науку «Метемеханику», не хотѣлъ совершить ничего, заслуживающаго наказанія. Между тѣмъ письмо послужило причиною неодостоенія его ордена св. Георгія 4 степени, слѣдуемаго ему, по статуту, за взятіе штурмомъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Леманомъ трехъ-пушечнаго турецкаго редута, 2-хъ знаменъ и 13 плѣнныхъ, о чемъ онъ представилъ и свидѣтельство генераль-маіора Пригарье, при рапортѣ къ бывшему генераль-квартирмейстеру графу Сухтелену, прося въ томъ же рапортѣ о переводѣ въ С.-Петербургъ, для приближенія къ государю, въ виду искренняго желанія—приблизить благородное сердце государево къ забытымъ истинамъ евангельскимъ и сообщить государю его, Ситникова, разговоръ съ двумя офицерами польскихъ инженеровъ или генеральнаго штаба въ итальянскомъ трактирѣ въ Яссахъ, имѣвшій связь съ обстоятельствами, происходившими въ то время на Западѣ.

Прибывъ, затѣмъ, въ іюнѣ 1830 г., въ Кіевъ, онъ нашелъ на тротуарѣ свернутый, но распечатанный конвертъ съ адресомъ

въ Новгородскій земскій судъ. Въ конвертѣ на листкѣ бумаги литерами, въ родѣ печатныхъ, были написаны стихи, проза и воззванія «о великомъ вѣчѣ соединенныхъ Славянъ», подобные тѣмъ стихамъ и воззваніямъ, что впослѣдствіи были разосланы имъ, Ситниковымъ, въ разныя мѣста.

По пріѣздѣ въ г. Гродно онъ вскорѣ женился и познакомился съ братомъ покойнаго перваго мужа своей жены помѣщикомъ Романомъ Ляхницкимъ, который, разговаривая съ нимъ о происшедшей во Франціи перемѣнѣ, рассказалъ ему о политическомъ положеніи европейскихъ державъ много такого, что онъ, Ситниковъ, могъ бы сообщить только самому государю, такъ какъ многія вещи, имѣвшія, по его соображеніямъ, весьма важное вліяніе на Россію, уже сбывались и грозили впослѣдствіи государству большими перемѣнами. Между прочимъ Ляхницкій объявилъ ему, что общество «Соединенныхъ славянъ» еще существуетъ, что въ Сибирь пошло только 12 человекъ, причемъ старшимъ изъ сосланныхъ былъ поручикъ Борисовъ, что осталось еще въ 50 разъ больше и что въ числѣ оставшихся были полковники и генералы. Назначеніе въ Казань онъ принялъ за политическое преслѣдованіе со стороны начальства и, видя въ то же время въ своей жизни вообще «только цѣпь самыхъ ужасныхъ гоненій отъ образа правленія, не выпускавшаго его въ отставку, а лишь желавшаго его гибели», онъ передъ отъѣздомъ изъ Гродно заказалъ какому-то еврею печать, подобную той, что была на поднятомъ имъ въ Кіевѣ конвертѣ, по дорогѣ въ Казань переписалъ найденное въ томъ конвертѣ письмо и, «въ минуту изступленія», запечатавъ его въ конвертъ, адресовалъ въ Саратовское губернское правленіе.

По пріѣздѣ въ Казань, онъ, Ситниковъ, «въ минуту сумасшествія» переписалъ также по экземпляру стиховъ и прозы, заключавшихся въ найденномъ въ Кіевѣ письмѣ, заготовилъ письмо Бегичеву и отправилъ его по адресу, а когда ему отказали въ отпускѣ на Ревельскія морскія купанья, то заготовилъ еще четыре конверта: въ Тамбовскій земскій судъ, Кіевскую градскую думу и еще два—не помнитъ куда. Всѣхъ конвертовъ малыхъ, запечатанныхъ въ большіе по два, было, какъ ему кажется, около 12-ти.

Не предвидя конца своимъ страданіямъ, онъ рѣшился наконецъ разослать всѣ конверты по назначенію, имѣя при этомъ одну мысль: «пусть сіе откроется и свершится его жребій, онъ же во всякомъ случаѣ достигнетъ желанія своего—быть приближеннымъ къ государю, которому, быть можетъ, проектъ его очень понравится». Въ заключеніе Ситниковъ излагалъ свой проектъ вѣчеваго правленія, написанный имъ еще въ Казани.

При допросѣ его въ канцеляріи шефа жандармовъ Ситниковъ подтвердилъ все изложенное въ его сочиненіи. Какъ подъ своими отвѣтами, такъ и подъ представленнымъ имъ сочиненіемъ, онъ подписался: «отказавшійся отъ дворянскаго достоинства и всѣхъ чиновъ вмѣстѣ съ слѣдуемымъ мнѣ за взятіе Раховской трехъ-пушечной батареи по статутамъ орденомъ св.Георгія гражданинъ христіанскаго міра Степанъ Ивановъ сынъ Ситниковъ, желающій Отечеству и Государю своему быть полезнымъ безъ всякихъ титуловъ моимъ однимъ ремесломъ—метамеханикой».

19 іюля 1831 г., еще до преданія Ситникова суду, комендантъ С.-Петербургской крѣпости увѣдомилъ шефа жандармовъ, что Ситниковъ, будучи заключенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 16 іюля произносилъ разныя непозволительныя и дерзкія слова, громко кричалъ, гналъ вонъ смотрителя равелина поручика Яблонскаго и успокоился только тогда, когда ему было объявлено: «буде не замолчитъ, то на него надѣнутъ рубаху для умалишенныхъ и привяжутъ рукавами къ кровати». Однако 19 іюля при выходѣ отъ него въ 12 часу дня лѣкаря и смотрителя, онъ громко крикнулъ имъ вслѣдъ: «кресты имъ надѣли за то, что въ 1826 г. они тиранили здѣсь людей и потомъ повѣсили ихъ». На другой день утромъ, при входѣ смотрителя, Ситниковъ опять началъ весьма громко его ругать и гнать вонъ, говоря, что онъ признаетъ одну только на 4-хъ евангеліяхъ основанную власть, а сатанинской власти повиноваться не будетъ. Когда же на него надѣли смирительную рубаху, и комендантъ объявилъ ему лично, что, если не перестанетъ «проказничать», не будетъ въ точности исполнять всего предписаннаго и осмѣлится выбрать не только чиновника, но и рядового, то его переведутъ въ другой худшій арестантскій покой и привяжутъ къ кровати, Ситниковъ заплакалъ, обѣщалъ быть послушнымъ и послѣ того весь тотъ день и слѣдующіе дни былъ «весьма кротокъ и тихъ».

Отецъ подсудимаго, стат. сов. Ситниковъ, 26 іюля 1831 г. увѣдомилъ шефа жандармовъ, что при свиданіи съ несчастнымъ сыномъ онъ всячески старался убѣдить его къ открытію соучастниковъ въ составленіи злоумышленныхъ бумагъ, но сынъ «съ видомъ чистосердечія и съ клятвою» увѣрилъ его, что «въ гнусныхъ его затѣяхъ никто не участвовалъ, что онъ не былъ ни въ какомъ тайномъ обществѣ, что всѣ умствованія свои онъ основываетъ на словахъ святаго Евангелія и наконецъ, что вовлекъ онъ себя въ настоящее преступленіе по причинѣ разлуки съ женою и по общему духу народа тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ былъ въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ». Къ этому отецъ доба-

влялъ, что по вздорнымъ сужденіямъ сына, къ крайнему своему прискорбію, «онъ видѣлъ въ немъ отчаяннаго фанатика, который, потерявши здравый разсудокъ, не думаетъ о томъ, что дерзкими своими поступками доводитъ онъ себя до гибели и наноситъ жестокою скорбь отцу и несчастной своей женѣ».

Четыре двоюродныя сестры подсудимаго въ прошеніи, поданномъ на имя государя, сообщали, что родной дядя, родная мать и 23-хъ лѣтній братъ Ситникова были періодически подвержены сумасшествію и даже умерли «въ семъ ужасномъ состояніи» — дядя и мать въ домѣ умалишенныхъ, а братъ въ имѣніи, и что «болѣзнь сія есть наслѣдственная въ ихъ родѣ». Онѣ сообщали также, что по сужденіямъ и поступкамъ брата давно уже было замѣтно, что и на него находятъ подобные припадки, и что, можетъ быть, въ настоящемъ своемъ преступленіи онъ не былъ въ полномъ разумѣ, а потому просили государя обратить милостивое вниманіе на это обстоятельство и на жалостное положеніе ихъ несчастнаго брата и его осиротѣвшаго семейства.

Результатомъ этой просьбы было высочайшее повелѣніе объ освидѣтельствованіи Ситникова. По распоряженію коменданта С.-Петербургской крѣпости Ситникову было «учинено свидѣтельство» штабъ-лѣкаремъ статскимъ совѣтникомъ Эльканомъ, который однако донесъ, что у Ситникова не оказалось ни малѣйшихъ признаковъ сумасшествия, и что онъ, Эльканъ, признаетъ его «совершенно въ здоровомъ умѣ и разсудкѣ». Вслѣдъ затѣмъ и смотритель Алексѣевского равелина донесъ, что послѣ того, какъ 17 іюля Ситниковъ былъ привязанъ рукавами рубахи къ кровати, онъ сталъ вести себя «весьма кротко и вѣжливо и наблюдать всѣ правила, арестантамъ предписанныя».

Въ военномъ судѣ Ситниковъ, давъ на нѣкоторые вопросы показанія, принялъ вдругъ видъ человѣка помѣшаннаго, началъ ссылаться на тексты священнаго писанія, говорить объ антихристѣ и страшномъ судѣ и только послѣ продолжительныхъ увѣщаній удался его склонить «къ предмету производящагося надъ нимъ суда». Но когда приступили къ дальнѣйшимъ вопросамъ, онъ вновь принялъ видъ изступленнаго и, объявивъ, что очень усталъ и отвѣчать болѣе не можетъ, попросилъ разрѣшенія удалиться.

3 сентября, когда комиссія военного суда потребовала Ситникова въ свое засѣданіе, смотритель Алексѣевского равелина вновь донесъ, что Ситниковъ «затѣйливо представилъ себя сумасшедшимъ и, не отвѣчая ни на какіе вопросы, рѣшительно упорствуетъ явиться въ комиссію».

Въ виду этого комиссія, въ полномъ своемъ составѣ, отправилась въ Алексѣевскій равелинъ—въ камеру, гдѣ содержался

Ситниковъ, и нашла его лежавшимъ на кровати въ рубахѣ съ длинными рукавами. Послѣ «пристойнаго» отъ презуса увѣщанія— «дабы, отбросивъ личину сумасшествія, коею онъ хотѣлъ бы прикрыть гнусность сдѣланныхъ имъ преступленій,—отвѣчалъ бы съ должнымъ приличіемъ и воздержаніемъ на предлагаемые вопросы»—Ситниковъ, въ полномъ раскаяніи увѣряя, что онъ не сумасшедшій, обѣщалъ это исполнить. Но какъ только снята была съ него рубаха съ длинными рукавами и, по удаленіи всѣхъ служителей, начинали предлагать ему вопросы, онъ вмѣсто отвѣтовъ опять начиналъ говорить вздоръ и «дѣлалъ разныя тѣло-движенія и знаки». Въ продолженіе болѣе 2-хъ часовъ никакія убѣжденія не могли склонить его притти въ прежнее состояніе и «сбросить съ себя маску сумасшествія». Вновь комиссія обратилась къ штабъ-лѣкарю Элькану съ просьбой освидѣтельствовать Ситникова, и тотъ вновь донесъ, что, несмотря на воздержаніе Ситникова въ продолженіе нѣсколькихъ дней отъ пищи, коверканье тѣла и разныя притворства, съ намѣреніемъ показать себя сумасшедшимъ, онъ, Эльканъ, «судя по спокойству пульса и другимъ обстоятельствамъ», находитъ Ситникова совершенно здоровымъ и добавилъ къ этому, что Ситниковъ уже не въ первый разъ старается играть роль сумасшедшаго, но всякій разъ притворство его обнаруживалось въ самомъ скоромъ времени.

Пытались склонить Ситникова къ раскаянью и чистосердечному признанію убѣжденіями вѣры, для чего комиссія пригласила священника Петропавловскаго собора Іоанна Долоцкаго, но и онъ, несмотря на всѣ старанія, «не могъ побѣдить упорства подсудимаго, который остался непреклоннымъ».

Наконецъ, 9 сентября, комендантъ крѣпости увѣдомилъ судную комиссію, что Ситниковъ, «будучи оставленъ, какъ полуумный, за разные затѣйливые и непозволительные разговоры и тѣло-движенія на всю ночь въ рубахѣ съ длинными рукавами», на слѣдующее же утро извинился въ своемъ поведеніи, обѣщалъ новиноваться всѣмъ правиламъ, установленнымъ по равелину въ отношеніи содержащихся въ немъ арестантовъ; дѣйствительно, трое сутокъ велъ себя пристойно и скромно и затѣмъ попросилъ донести начальству, что онъ готовъ явиться въ военно-судную комиссію и рассказать все имъ совершенное.

Въ тотъ же день подсудимый былъ призванъ въ комиссію и на вопросъ—что было причиною оказаннаго имъ упорства въ дачѣ отвѣтовъ на судѣ, объяснилъ, что, находясь по несчастному своему положенію нѣсколько разстроеннымъ въ здоровьѣ и будучи лишенъ свиданія съ отцомъ и другими родственниками, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ молитвѣ Всевышнему. Не принимая

никакой пищи и вслѣдствіе сего сильно ослабѣвъ, онъ, поглощенный одною молитвою и духовнымъ міромъ, «представлялъ изъ себя для другихъ какой-то феноменъ сумасшествія», по его же мнѣнію «это была высшая степень Божественнаго магнетизма». Въ такомъ состояніи онъ, по его словамъ, не могъ воспринимать предлагаемыхъ ему военнымъ судомъ вопросовъ. Затѣмъ Ситниковъ далъ суду показанія.

Онъ сознался, что предъявленные ему 16 «возмутительныхъ писемъ» и «пасквилей» были написаны дѣйствительно имъ. Причинами, побудившими его къ составленію этихъ «пасквилей» и писемъ были: 1) неполученіе имъ ордена св. Георгія за Раховское дѣло, 2) пароксизмы сумасшествія, въ родѣ бѣлой горячки, 3) разлука съ женою и отказъ въ отпускѣ для поѣздки на Ревельскія морскія купанья. Видя подобные же примѣры «и на многихъ его братій простирающіяся», онъ, Ситниковъ, и сочинилъ проектъ улучшенія правленія въ Россіи и на всей землѣ славянъ, причемъ, будучи тронутъ кровопролитіемъ на Западѣ, любя какъ поляковъ, такъ и русскихъ, по долгу истиннаго христіанина хотѣлъ, чтобы, подъ именемъ вѣчей славяно-польской и славяно-русской, оба эти племени соединились вмѣстѣ подъ общимъ именемъ «вѣчи соединенныхъ славянъ». Времени составленія этихъ «пасквилей» онъ не помнилъ, но могъ только утвердительно сказать, что написаны они были имъ «въ горестныя минуты воспоминаній о пережитыхъ по службѣ обидахъ». Сколько всего казенныхъ конвертовъ и партикулярныхъ писемъ было имъ написано, онъ точно сказать не могъ, но полагалъ, что ихъ было около 15-ти. Разсылалъ онъ ихъ въ тѣ присутственныя мѣста, которыя приходили ему въ голову, и по возможности такъ, чтобы они попали въ руки къ губернаторамъ, надѣлали бы тѣмъ шуму и затѣмъ поступили бы къ шефу жандармовъ. Главнѣйшая и послѣдняя причина всего имъ сдѣланнаго была мысль: «если бы Богу угодно было вложить государю для общаго и своего собственнаго блага рѣшеніе принять представленный имъ, Ситниковымъ, проектъ вѣчеваго правленія то—дабы народъ къ этому былъ бы уже подготовленъ».

Не своимъ почеркомъ писалъ онъ для того, чтобы придать болѣе важности своему дѣлу и чтобы Правительство, замѣтя разныя руки, заключило, что заодно съ нимъ, Ситниковымъ, дѣйствуетъ цѣлое общество, а потому и сочло бы нужнымъ взять его въ Петербургъ для строжайшаго изслѣдованія. Дерзость, которую онъ оказалъ въ стихахъ и прозѣ противъ государя, произошла вслѣдствіе разстроеннаго его здоровья и отъ постигшихъ его несчастій. Каждый изъ его «пасквилей» имѣлъ цѣлю—воззваніе къ народу воспоминаніемъ прежняго вѣчеваго правленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, Ситниковъ, желалъ лучше, дабы государь самъ принялъ его проектъ и чтобы приготовленный уже къ тому народъ, видя себя въ грядущемъ счастіи, прославилъ бы своего государя-благодѣтеля. Однако жъ, раздражительность его, Ситникова, и прочія чувства внушали ему также мысль о другомъ средствѣ, могущемъ привести народъ въ такое же положеніе, а именно: если бы государь не принялъ его проекта, то народъ самъ, съ оружіемъ въ рукахъ, долженъ былъ предложить верховной власти «хартію вѣчоваго правленія». Въ этомъ послѣднемъ своемъ намѣреніи Ситниковъ передъ судомъ глубоко раскаивался и со слезами просилъ у государя прощенія. Ситниковъ и на судѣ утверждалъ, что въ составленіи и разсылкѣ писемъ у него никакихъ участниковъ не было, что онъ самъ составилъ особую разносную книгу и вписавъ по номерамъ всѣ письма, отправилъ большую часть изъ нихъ самъ и только нѣкоторыя (какія онъ не помнилъ) отнесены были на почту по его приказанію находившимся при немъ мальчикомъ, Николаемъ Михайловымъ, взятымъ имъ изъ имѣнія его жены.

Четыре конверта и, кажется, три записки одинаковаго содержанія были подкинута имъ въ Казани: на Черномъ озерѣ, на крѣпостномъ валу, около лавокъ, на большомъ рынкѣ, на лѣстницѣ городской думы и на другихъ улицахъ. Сказанное имъ въ сочиненіи его, представленномъ государю, о найденномъ якобы имъ въ Кіевѣ конвертѣ было имъ вымыслено. Въ дѣйствительности все составлено было имъ самимъ въ Казани; равно и печать сдѣлана имъ, но еще въ Гроднѣ и не по образцу находившейся якобы на найденномъ имъ въ Кіевѣ конвертѣ, а его собственная, съ прибавленіемъ только четырехъ знаковъ отличія, каковую прибавку онъ, Ситниковъ, приказалъ сдѣлать въ какомъ-то маленькомъ городкѣ, по дорогѣ изъ Гродно въ Казань, для того, чтобы конверты съ такою печатью легче и удобнѣе принимались на почтѣ и вѣрнѣе шли бы по назначенію.

Печать эту впослѣдствіи, когда пріѣхалъ въ Казань производившій первоначальное дознаніе полковникъ Масловъ, онъ, Ситниковъ, бросилъ на набережной рѣчки Булака для того, чтобы затруднивъ ходъ дѣла, придать ему болѣе важности и чтобы непременно быть отправленнымъ въ Петербургъ.

Замысловъ своихъ о вѣчовомъ правленіи онъ никому не сообщалъ и прежде разсылки писемъ никому не могъ и объявить по той причинѣ, что мысль о вѣчовомъ правленіи, основанная на началахъ хартіи правленія Соединенныхъ американскихъ штатовъ, пришла ему въ голову только на половинѣ дороги изъ Гродно въ Казань. Разработана она была имъ уже

въ Казани, гдѣ и написанъ имъ краткій проектъ, подъ заглавіемъ: *«Проектъ христіанскаго правленія на землѣ Славянъ»*.

Проектъ этотъ былъ у него всегда скрытъ въ бумажникѣ, который во время перваго осмотра его бумагъ полковникомъ Масловымъ, находился при немъ въ боковомъ карманѣ и послѣ былъ имъ уничтоженъ съ тою цѣлью, чтобы при будущихъ осмотрахъ чины корпуса жандармовъ, «такого важнаго, касательно государства, сочиненія знать бы не могли»,

Видя, что главное его намѣреніе уже исполняется, и сознавая, что не всякій врагъ образа правленія есть въ то же время врагъ государя (разъ цѣли и желанія его клонятся къ общей пользѣ) онъ и захотѣлъ непременно въ возобновленномъ и полномъ видѣ представить свой проектъ самому государю. Послѣ же разсылки бумагъ, хотя онъ, Ситниковъ, и декламировалъ иногда у себя въ комнатѣ, «въ припадкѣ кратковременнаго своего сумасшествія и энтузіазма о несчастной своей участи», нѣкоторые свои стихи, какъ напримѣръ, изъ поэмы своей объ Аскольдѣ и Дирѣ, избѣгая однако же произношенія тѣхъ, что помѣщены были въ его возмутительныхъ письмахъ и воззваніяхъ къ народу, но проекта и намѣреній своихъ никому не повѣрялъ. Да и товарищи его, слыша его «стенанія», сначала обыкновенно уходили изъ комнаты, а затѣмъ и вовсе прекратили почти всякое съ нимъ знакомство. Съ адъютантомъ Бегичевымъ онъ познакомился въ мѣст. Батушанахъ. Въ сношеніяхъ съ нимъ никакихъ не состоялъ и переписки до этого времени никакой не имѣлъ. Предъявленное ему въ военно-судной комиссіи письмо къ Бегичеву написано было имъ, какъ и прочія письма въ «пароксизмѣ энтузіазма и сумасшествія» и адресовано къ Бегичеву потому только, что 6-я дивизія находилась тогда близко къ театру военныхъ дѣйствій. Назвалъ онъ Бегичева «всегдашнимъ врагомъ деспотизма» также вслѣдствіе разстроенныхъ горестью мыслей изъ желанія, чтобъ и другіе, нѣкоторымъ образомъ «приняли бы участіе въ его энтузіазмахъ». Другой причины, которая происходила бы отъ самого Бегичева, онъ, «не учинивъ совершенной лжи», сказать не могъ, и вся вина въ написаніи имъ писемъ и пасквилей должна была лежать исключительно на немъ одномъ.

Извѣстія, будто въ Петербургѣ взято 160 человекъ помѣщиковъ, купцовъ и служащихъ затѣмъ въ Сибирь, что въ Москвѣ взяли Монакова съ семействомъ и болѣе 200 другихъ фамилій и отвезли въ Иркутскъ по одному подозрѣнію, и что въ Кіевѣ также взято 120 польскихъ и 148 русскихъ семействъ, сообщенныя имъ въ письмѣ къ Бегичеву, были вымышлены, равно какъ придумана имъ и самая фамилія Монакова,

которою письмо было подписано. Поводомъ ко всему этому послужило то обстоятельство, что, будучи въ Казани, онъ видѣлъ, почти каждый день, какъ по большой Сибирской дорогѣ провозили польскую шляхту и разныхъ помѣщиковъ въ Пермь, Вятку, Оренбургъ и Тобольскъ, а также и то, что онъ слышалъ отъ одного офицера, въ свою очередь узнавшаго отъ пріѣхавшаго изъ Москвы чиновника, будто пріѣхавшій въ Москву для опредѣленія въ корпусъ двухъ сыновей какой-то отставной капитанъ, сказавшій въ трактирѣ нѣсколько неосторожныхъ словъ о политикѣ, былъ за это взятъ, посаженъ въ крѣпость и отправленъ въ Сибирь.

Подъ названіемъ «Славянъ», къ которымъ Ситниковъ въ письмѣ къ Бегичеву дѣлаетъ воззваніе, онъ хотѣлъ означить вообще всѣхъ русскихъ и поляковъ, не имѣющихъ иностранныхъ фамилій, которые, какъ онъ надѣялся, примутъ его «прожектъ вѣчевого правленія» кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ въ томъ письмѣ изложенный.

Убѣждая ихъ «тайно открыть другъ другу свои мысли и потомъ присоединиться по фальшивой бумагѣ въ Плоцкое воеводство»— онъ разумѣлъ все то же вѣчевое правленіе, а подъ «фальшивой бумагой» имѣлъ въ виду «повелѣніе вѣчевое посадническое»— итти въ Плоцкое воеводство и предложить польскимъ войскамъ миръ и соединеніе славянское для «вѣчевого правленія», которое, въ припадкѣ своего энтузіазма, онъ полагалъ уже составленнымъ. Приглашая ихъ «итти на будущій годъ далѣе рѣки Десны, дѣйствуя во всѣ Думы губернскихъ городовъ казенными конвертами и письмами», онъ хотѣлъ выразить свое желаніе составить вѣчевую армію, которая шла бы и дѣйствовала въ пользу вѣчевого правленія. Средствами къ тому онъ предлагалъ воззванія, его воззваніямъ подобныя.

«Воображеніе отъ горести и разлуки съ женой рисовало ему тогда всѣ идеи съ скоростью» и ему казалось, что все, что ему представлялось, будетъ выполнено. Это состояніе и его «сумасбродство» и были причинами всего написаннаго имъ въ письмѣ къ Бегичеву, съ которымъ предварительныхъ совѣщаній и соглашеній никакихъ у него не было.

Сообщеніе въ письмѣ къ Бегичеву, что въ «серединѣ Россіи дѣло идетъ лихо, и скоро вспыхнетъ общая работа» также было вымышленное и произошло отъ преступнаго его ожесточенія противъ Правительства и отъ воспоминаній о своихъ несчастіяхъ».

Полковника барона Ренне онъ вовсе не зналъ и никогда не видалъ. Знакомъ былъ съ братомъ его, прапорщикомъ конной артиллеріи, барономъ Ренне, въ Бѣлостокѣ въ 1820 и 1821 г.г.,

въ бытность послѣдняго прикомандированнымъ къ свитѣ его величества. Посѣщая Ренне во время его болѣзни, онъ слышалъ, что у того есть въ гвардейской пѣшей артиллеріи братъ, находившійся всегда въ Варшавѣ. Впослѣдствіи, въ газетахъ, видѣлъ онъ фамилію барона Ренне, командовавшаго уже въ то время Литовскою гренадерскою артиллерійскою бригадою, и вспомнилъ, что это былъ братъ знакомаго ему прапорщика Ренне.

О штабъ-лѣкарѣ Малитскомъ, находившемся въ той же бригадѣ, онъ узналъ потому, что эта бригада передъ революціей въ Западномъ краѣ расположена была въ мѣстечкахъ Соколкѣ и Яновѣ Бѣлостокской области. Связей же и знакомствъ съ названными лицами онъ совершенно никакихъ не имѣлъ. Имя и отчество Малитскаго легко было узнать по медицинской его практикѣ, а имя полковника Ренне въ предъявленныхъ ему письмахъ было поставлено имъ наудачу.

Жалѣя о проливающейся съ обѣихъ сторонъ крови славянъ и зная изъ газетъ, что баронъ Ренне съ своею бригадою находился въ дѣйствиіи противъ польскихъ мятежниковъ, онъ и написалъ означенное письмо къ Ренне и Малитскому отъ вымышленнаго лица Шпека-фонъ-Ромеля испорченнымъ русскимъ «штилемъ» и измѣненнымъ почеркомъ.

О князѣ Меншиковѣ упомянулъ въ своихъ воззваніяхъ потому, что наслышавшись о славномъ взятіи формальной атакою крѣпости Варны и много о военныхъ достоинствахъ и благородныхъ свойствахъ души этого генерала, желалъ видѣть его посадникомъ одной изъ пяти или семи вѣчей. А генерала Ермолова помѣстилъ въ качествѣ воеводы вѣчевого всей арміи правленія потому только, что зналъ изъ прежняго командованія его войсками на Кавказѣ о его достоинствахъ и слышалъ также, что московское дворянство было къ Ермолову очень расположено.

Находившійся въ услуженіи у Ситникова дворовый человѣкъ жены его Николай Савостьянычъ въ отвѣтахъ судной комиссіи показалъ, что Ситниковъ самъ запечатывалъ конверты и письма, относимые на почту имъ, Савостьянычемъ, имѣвшимися у Ситникова тремя печатями, четвертую же печать Ситниковъ взялъ у него, Савостьяныча. Эту печать Савостьянычъ въ Казани заказывалъ для себя, но рѣзчикъ, по ошибкѣ, вырѣзалъ на ней, вмѣсто слѣдуемыхъ заглавныхъ буквъ его имени и прозвища—N. S. (Николай Савостьянычъ)—буквы M. S. По словамъ Савостьяныча, въ то время, какъ Ситниковъ писалъ бумаги, въ квартирѣ его никто не бывалъ; обыкновенно въ это время приказывалось Савостьянычу всѣмъ приходившимъ сказывать, что ба-

рина нѣтъ дома. Послѣ осмотра полковникомъ Масловымъ бумагъ Ситникова, остался онъ, Савостьянычъ, съ бариномъ на квартирѣ, и вынувъ, по приказанію послѣдняго, зашитыя въ кошелькѣ, между кожею и сукномъ, двѣ книги, подалъ ихъ Ситникову. Ситниковъ, вырвавъ изъ книгъ нѣсколько листовъ, бросилъ листы въ печку, а книги приказалъ спрятать.

По поводу такихъ показаній своего слуги Ситниковъ объяснилъ, что вырвалъ изъ книгъ: 1) неоконченную свою поэму въ стихахъ и въ прозѣ «Аскольдъ и Диръ», 2) написанное имъ во время сумасшествія сочиненіе подъ заглавіемъ: «Слово о предтечахъ Христа и Антихриста» и 3) одно черновое письмо къ женѣ, въ которомъ онъ бранилъ правительство, разлучившее его съ нею.

Капитанъ Бегичевъ не былъ привлеченъ къ дѣлу Ситникова въ виду того, что изъ присланной шефомъ жандармовъ въ военный судъ переписки устанавливалось категорически, что письмо Ситникова было самимъ Бегичевымъ, тотчасъ по полученіи его, предъявлено начальнику дивизіи и, съ дозволенія послѣдняго, лично Бегичевымъ представлено цесаревичу Константину Павловичу. Начальникъ дивизіи, удостовѣряя объ отличныхъ качествахъ капитана Бегичева, строгой его нравственности и всегда честномъ образѣ мыслей, добавлялъ, что Бегичевъ по полученіи письма былъ подавленъ мыслью, что въ немъ надѣялись найти человѣка, способнаго измѣнить долгу и чести. Дознаніе не открыло ничего, что дало бы хотя малѣйшій поводъ сомнѣваться въ поведеніи этого офицера и подозрѣвать его въ сообществѣ съ Ситниковымъ.

По донесенію полковника Маслова еще устанавливалось что въ началѣ весны 1831 г. Ситниковъ, подъ предлогомъ описи корабельныхъ лѣсовъ разъѣзжалъ по селеніямъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ этихъ лѣсовъ никогда не существовало, причемъ вѣроятно, съ какимъ-нибудь преступнымъ намѣреніемъ, двое сутокъ провелъ въ домѣ одного крестьянина въ имѣніи генерала Ивашева, въ Симбирской губерніи, и затѣмъ пробылъ сутки въ домѣ самого генерала. Прибывъ къ Ивашеву, Ситниковъ, какъ значилось въ донесеніи, началъ разговоръ о сынѣ хозяина дома, находившемся въ числѣ государственныхъ преступниковъ въ Сибири, и сколько ни старались отклонить этотъ разговоръ, Ситниковъ не переставалъ разсуждать о томъ, что находившіеся въ Сибири государственные преступники заслуживаютъ состраданія, потому что съ ними обращаются безчеловѣчно. Когда же Ивашевы попросили прекратить такой разговоръ, Ситниковъ, «съ сердцемъ оставивъ домъ, уѣхалъ въ Казань».

Ситниковъ объяснилъ по этому поводу на судѣ, что имѣніе генерала Ивашева отстояло недалеко отъ Тетюшскаго уѣзда, куда онъ, послѣ подачи прошенія объ увольненіи въ отпускъ на минеральныя воды, ѣздилъ узнать, точно ли въ томъ уѣздѣ, какъ онъ слышалъ о томъ въ Казани, имѣются такія воды. Пріѣхавъ въ имѣніе Ивашева ночью, онъ остановился въ крестьянской избѣ и въ продолженіе ужина бесѣдовалъ съ хозяиномъ дома о послѣднихъ временахъ, о тысячелѣтіи Господа Иисуса Христа, о воцареніи Его на землѣ и о разныхъ догматахъ христіанской вѣры. На другой день онъ, дѣйствительно, былъ у Ивашева. Ивашевъ говорилъ ему о заключеніи сына въ Сибири, о трудной съ нимъ перепискѣ и о прочемъ, а онъ, Ситниковъ, на это говорилъ Ивашеву слѣдующее: «я полагаю, что Славяно-Польская вѣча, по моему проекту, имѣетъ цѣлью вмѣстѣ съ Западною Славяно-Литовскою вѣчью, соединясь съ Славяно-Русскою, итти внутрь Россіи и дѣйствовать для освобожденія несчастныхъ, заключенныхъ въ Сибири». Ивашевъ слушалъ и ничего не возражалъ.

Военный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, призналъ Ситникова виновнымъ: 1) въ оскорбленіи Величества, 2) въ злоумышленіи противу цѣлости и безопасности государства, 3) въ предположеніи разрушить существующій въ Имперіи порядокъ, 4) въ разсѣиваніи ложныхъ, ко вреду клонящихся слуховъ—сочиненіемъ и разсылкою возмутительныхъ писемъ и пасквилей, въ которыхъ онъ воспламенялъ мирныхъ гражданъ къ измѣнѣ, мятежу и убійствамъ и возбуждалъ народъ къ ниспроверженію законной власти и, толкуя ложно тексты Священнаго писанія, убѣждалъ принять проектъ «вѣчевого правленія». За эти преступленія судъ, на основаніи 19, 20, 135, 137 и 149-го артикуловъ, дѣйствовавшаго въ то время воинскаго сухопутнаго устава, приговорилъ Ситникова къ смертной казни. Сочиненные имъ письма и пасквили, на основаніи указа 1765 г. января 19, постановилъ—сжечь публично на площади.

Командовавшій всѣми оставшимися въ Петербургѣ войсками, генералъ-адъютантъ графъ Васильчиковъ, къ которому дѣло поступило въ порядкѣ ревизіи, полагалъ—взамѣнъ опредѣленной судомъ Ситникову казни, лишивъ его всѣхъ чиновъ, дворянскаго достоинства и ордена св. Анны 3 ст. съ бантомъ, сослать въ каторжную работу.

Аудиторіатскій департаментъ, куда дѣло поступило въ февралѣ 1832 года, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, относящіяся до состоянія умственныхъ способностей Ситникова, форму и

содержаніе написанныхъ имъ бумагъ и имѣя въ виду, что освидѣтельствованіе его было сдѣлано всего лишь однимъ лицомъ—штабъ-лѣкаремъ Эльканомъ, нашелъ необходимымъ «для большаго удостовѣренія о томъ, въ какомъ положеніи разсудка находился Ситниковъ и не имѣлъ ли онъ періодическаго помраченія ума—подвергнуть его испытанію посредствомъ нѣсколькихъ медицинскихъ чиновниковъ».

Вслѣдствіе изложеннаго мнѣнія Аудиторіатскаго департамента, по Высочайшему повелѣнію, поручено было тайному совѣтнику баронету Вилліе, «для точнѣйшаго удостовѣренія въ дѣйствительности свидѣтельства штабъ-лѣкаря Элькана, избравъ еще одного опытнаго медика, совмѣстно съ нимъ и въ присутствіи коменданта крѣпости, переосвидѣтельствовать Ситникова и представить рѣшительное заключеніе о состояніи его разсудка». Вилліе, освидѣтельствовавъ Ситникова, совмѣстно съ лейбъ-медикомъ Рюлемъ, представилъ мнѣніе, за общюю ихъ подписью, въ которомъ было сказано, что, были они у Ситникова въ разное время и бесѣдовали съ нимъ, склоняя разговоръ то на одинъ, то на другой предметъ, и какъ ни разнообразенъ былъ разговоръ, они не могли замѣтить никакой безсвязности въ изложеніи Ситниковымъ его идей. Идеи умалишеннаго бываютъ безпорядочны, смѣшаны, быстро переносятся отъ одного предмета на другой, совершенно противоположный. Въ Ситниковѣ не было ничего подобнаго. Напротивъ, она принималъ живое участіе въ ихъ разговорѣ, обращалъ вниманіе на все то, что слышалъ отъ нихъ, разсуждалъ правильно и излагалъ свои сужденія ясно, связно и отчетливо; воспоминаніе его о прошедшемъ было вѣрно и полно, онъ твердо помнилъ лица, вещи и происшествія, рассказывалъ и описывалъ свои безразсудные поступки и возмутительныя нелѣпости, помѣщенные имъ съ умысломъ въ его сочиненіи, которое, по собственному его признанію, писано было имъ съ обдуманной цѣлью—въ отмщеніе за какія-то непріятныя для него обстоятельства. На основаніи этого медики заключили, что Ситникова нельзя признать сумасшедшимъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы человѣкъ былъ въ состояніи припомнить то, что происходило съ нимъ въ припадкѣ сумасшествія или пароксизма бѣлой горячки и свѣжо рассказывать то, что онъ тогда дѣлалъ и говорилъ; почему лейбъ-медики Вилліе и Рюль полагали,—что Ситниковъ вовсе не былъ сумасшедшимъ, а что онъ «только имѣлъ, какъ говорится, горячую голову, злобный и мстительный характеръ и, слѣдовательно, являлся предметомъ, достойнымъ сожалѣнія».

Аудиторіатскій департаментъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятель-

ства настоящаго дѣла, находилъ, что можно было бы усомниться— не подверженъ ли Ситниковъ, если не всегдашнему, то по крайней мѣрѣ періодическому помраченію разсудка, но такъ какъ сверхъ освидѣтельствванія Ситникова двукратно въ Петропавловской крѣпости штабъ-лѣкаремъ Эльканомъ, признавшимъ его во здравомъ умѣ, лейбъ-медики, тайные совѣтники Вилліе и Рюль, не только признали, что Ситниковъ вовсе не сумасшедшій, а удостоѣрились, что онъ имѣетъ характеръ пылкій, злобный и мстительный, то на этомъ основаніи Аудиторіатскій департаментъ не могъ дѣйствія Ситникова признать иначе, какъ злостнымъ преступленіемъ, заключавшимъ въ себѣ: во 1-хъ, въ высшей степени дерзкое оскорбленіе Величества, во 2-хъ, злоумышленіе къ перемѣнѣ существующаго въ Имперіи правленія и въ 3-хъ, возбужденіе къ мятежу и убійствамъ для ниспроверженія законной власти, каковыя преступленія, въ силу глав. 2 пун. 1 Уложенія и воинскихъ 19, 20, 135 и 149 артикуловъ подвергали подсудимаго смертной казни, но примѣняясь къ указу 30 сентября 1754 г., коимъ смертная казнь отмѣнялась, Аудиторіатскій департаментъ полагалъ: шт.-кап. Ситникова, какъ государственнаго преступника и злодѣя, лишивъ чиновъ, дворянскаго достоинства, ордена св. Анны 3-й степени, медали и преломивъ надъ головой его шпагу, сослать въ Сибирь въ каторгу.

Государь смягчилъ участь осужденнаго. На докладѣ Аудиторіатскаго департамента по настоящему дѣлу имп. Николай написалъ: «Поелику я не вѣрю, чтобъ въ здоровомъ разумѣ кто-либо могъ рѣшиться на подобное покушеніе, то ш.-к. Ситникова, лишивъ знаковъ отличія, отставить отъ службы и, какъ опаснаго въ обществѣ, заключить въ Монастырь. С.-Петербургъ. 14 апрѣля, 1832 г.»

Дальнѣйшая судьба Ситникова не извѣстна.

Сообщилъ Элиесъ.

Въ 1878 году.

Всеподданнѣйшее донесеніе шефа жандармовъ.

I.

4-го августа 1878 года въ Петербургѣ былъ убитъ шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Николай Владиміровичъ Мезенцовъ. Объ обстановкѣ, при которой произошло это событіе, мы скажемъ ниже, а теперь,—въ поясненіе многого, послѣдовавшаго за убійствомъ Мезенцова, познакомимъ читателей съ державшими въ то время «бразды правленія» нѣсколькими лицами.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ описываемое время генераль-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ. Его краткая біографія такова: окончивши курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), онъ служилъ въ Кавалергардскомъ полку; въ 1856 г. назначенъ управляющимъ III Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а въ 1868 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Постъ этотъ онъ и занималъ въ теченіе десяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта¹⁾. Въ моментъ убійства Мезенцова Тимашевъ находился въ отпуску, и во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ его товарищъ Левъ Саввичъ Маковъ, прохожденіе службы котораго совершенно такъ же подготовило его къ столь важному и отвѣтственному посту, какъ и Тимашева. Онъ и явился поэтому его естественнымъ преемникомъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Маковъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и началъ свою службу уланскимъ офицеромъ: потомъ онъ былъ правителемъ

¹⁾ Біографическія данныя о Тимашевѣ см. въ изданномъ въ 1908 г. подъ редакціей С. А. Панчулидзева «Сборникѣ біографій кавалергардовъ» (стр. 134—135) и въ книгѣ «Министерство внутреннихъ дѣлъ».—Историческіе очерки 1802—1902 г. (стр. 144.—Книга эта, выпущенная къ столѣтію учрежденія министерствъ, составлена главнымъ образомъ С. А. Адриановымъ). О дѣятельности Тимашева на разныхъ постахъ находится не мало свѣдѣній въ герценовскомъ «Колоколѣ».

«особенной канцеляріи» у того же Тимашева, а въ 1876 г.—товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1878 г.—министромъ а въ 1880 г., когда портфель министра внутреннихъ дѣлъ получилъ генераль-адъютантъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, Маковъ былъ назначенъ на созданный для него постъ министра почтъ и телеграфовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «главноначальствующимъ надъ департаментомъ духовныхъ дѣлъ инославныхъ исповѣданій». Въ 1881 г. должности эти были упразднены, и Маковъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Черезъ два года послѣ того (въ 1883 г.) онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ ¹⁾.

Убитый шефъ жандармовъ Николай Владиміровичъ Мезенцовъ образованіе получилъ «домашнее». Служилъ офицеромъ и въ 1865 году назначенъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ III Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи. Должность шефа жандармовъ и главноуправляющаго III Отдѣленіемъ занялъ въ 1877 году ²⁾.

9 августа 1878 г. былъ опубликованъ слѣдующій высочайшій приказъ: товарищу шефа жандармовъ и главному начальнику III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи генераль-лейтенанту Селиверстову, по случаю кончины генераль-адъютанта Мезенцова, вступить въ исправленіе должности Шефа Жандармовъ и Главнаго Начальника III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи ³⁾.

Въ этихъ должностяхъ Селиверстовъ, однако, оставленъ не былъ и исправлялъ ихъ только по 15 сентября 1878 г., когда шефомъ жандармовъ и главноуправляющимъ III Отдѣленіемъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ Александръ Романовичъ Дренгельнъ. Онъ занималъ ее до 1880 г., когда при Лорисъ Меликовѣ III Отдѣленіе было упразднено, а шефомъ жандармовъ сталъ считаться по самой должности своей каждый министръ внутреннихъ дѣлъ, что остается въ силѣ и по настоящее время. При Дренгельнѣ будущій редакторъ женеваго «Вольнаго Слова» журналистъ Аркадій Павловичъ Мальшинскій составилъ по ма-

¹⁾ О Маковѣ см. въ книгѣ «Министерство внутреннихъ дѣлъ» (стр. 152), а также «Наши государственные дѣятели». С.-Пб. 1891 г. и «Дневникъ гр. П. А. Валуева». Объ его самоубійствѣ см. «Хронику внутренней жизни» въ №№ 3 и 4 «Вѣстника Европы» за 1883 г. Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Маковъ издалъ извѣстный въ свое время «маковскій» циркуляръ о слухахъ въ народѣ по поводу «передѣла земли». Объ этомъ циркулярѣ писалъ между прочимъ подъ псевдонимомъ Гроньяра въ «Народной Волѣ» Н. К. Михайловскій.

²⁾ См. «Министерство внутреннихъ дѣлъ», стр. 148. Апологетическая біографія Мезенцова содержится въ изданной въ 1878 г. въ Москвѣ брошюрѣ Красовскаго «Генераль-адъютантъ Николай Владиміровичъ Мезенцовъ».

³⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 9 августа, 1878 г. № 177.

теріаламъ III Отдѣленія секретный «Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи» ¹⁾).

Не удостоившись стать постояннымъ главою III Отдѣленія, Селиверстовъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ исполнять разныя, требующія «особаго довѣрія» правительства, порученія, и въ 1890 г. былъ убитъ въ Парижѣ эмигрантомъ Падлевскимъ. Во время запроса въ Государственной Думѣ по дѣлу Азефа и во время процесса А. А. Лопухина въ печати вспоминалось убійство Селиверстова и указывалось на прикосновенность къ этому дѣлу знаменитаго Петра Ивановича Рачковскаго. Во всякомъ случаѣ обстоятельства, при которыхъ произошло убійство Селиверстова въ Парижѣ, гдѣ въ то время политическимъ сыскомъ завѣдывалъ Рачковскій, остаются и теперь далеко не разъясненными ²⁾.

Такимъ образомъ въ августѣ—сентябрѣ 1878 г. «внутренняя политика» была сосредоточена въ рукахъ двухъ лицъ: исправл. должность министра внутреннихъ дѣлъ Льва Саввича Макова и исправл. должность шефа жандармовъ Николая Дмитриевича Селиверстова. Они «дѣлали» эту политику, и ихъ высокой степени интересная переписка «по дѣламъ службы» какъ между собою, такъ и съ разными другими лицами,—изъ этой «совершенно секретной» переписки мы ниже будемъ приводить весьма значительныя извлеченія,—является для познанія той эпохи источникомъ первостепеннаго значенія.

* * *

На другой день послѣ событія 4-го августа Л. С. Маковъ обратился къ Н. Д. Селиверстову съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Душевноуважаемый
Николай Дмитриевичъ!

Завтра съ утра до панихиды по покойномъ я дома, но такъ какъ у васъ дѣла много, то не лучше ли всего переговорить намъ послѣ панихиды у васъ? Если же нельзя будетъ этого исполнить, въ виду значительнаго числа постороннихъ, то мы условимся во времени. Я много думалъ о положеніи дѣлъ и кое-что

¹⁾ Объ этомъ см. въ нашей книгѣ «Изъ исторіи политической борьбы въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. XIX вѣка» и нашей статьѣ «Земскій союзъ конца 70-хъ и начала 80-хъ гг. XIX вѣка», помѣщенной въ «Земскомъ Юбилейномъ Сборникѣ» 1914 года.

²⁾ Разсказъ объ этомъ убійствѣ см. въ книгѣ Е. П. Семенова «Въ странѣ изгнанія». Одинъ изъ очерковъ въ этой книгѣ такъ и называется «Убійство генерала Селиверстова» (стр. 150—162). См. также стенографическіе отчеты Государственной Думы во время запроса по дѣлу Азефа.

придумалъ и все намѣренъ вамъ передать. Повторяю, одному ничего сдѣлать нельзя. Пока я сдѣлалъ то, что могъ одинъ сдѣлать, но это относится не къ фактической сторонѣ необходимыхъ мѣропріятій, а, если можно выразиться такъ, къ *идеѣ* (подчеркнуто въ подлинникѣ). Я счелъ нужнымъ вызвать Россію на протестъ противъ преступныхъ дѣяній шайки мерзавцевъ, посягающихъ на основы государственнаго, общественнаго и семейнаго порядка. Для этого утромъ я пригласилъ къ себѣ градоначальника ¹⁾ и здѣшняго губернатора, ¹⁾ и объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Прошлою же ночью я телеграфировалъ кн. Долгорукову ²⁾ въ Москву и десяти толковымъ губернаторамъ шифромъ, прося ихъ переговорить съ предводителями, предсѣдателями управъ и городскими головами. Петербургская Дума уже прислала мнѣ адресъ на имя Государя, который завтра утромъ будетъ уже у Его Величества. Кн. Долгорукій телеграфируетъ, что дѣло пошло въ ходъ. Полагаю, что распорядился толково. Это нѣсколько оживить и отрезвить русское общество, убавить значеніе социалистическаго движенія въ глазахъ иностранцевъ и, сверхъ того, хоть нѣсколько утѣшить Государя. Радикальныя, дѣйствительныя мѣры могутъ быть приняты нами, по обсужденіи, сообща.

Искренно преданный *Маковъ*.

P. S. У меня былъ прокуроръ Лопухинъ, и я немедленно далъ ему разрѣшеніе перерыть и пересмотрѣть всѣ телеграммы на Главной Станціи.

Какъ все это было осуществлено, скажемъ ниже, а теперь намъ надо коснуться самаго событія 4-го августа, вызвавшего «идею» Макова.

* * *

Пересматривая газеты начала августа 1878 г., изображавшія убійство Мезенцова, нельзя, конечно, не видѣть, что описанія этого событія полны, какъ это обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, всякаго рода фантастики, и потому мы воспроизведемъ самую картину событія 4-го августа не по газетамъ, а по болѣе повѣренными источникамъ—по обвинительнымъ актамъ въ двухъ политическихъ процессахъ, разсматривавшихся, первый—въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ съ 6-го по 24-е мая 1880 г. и второй,—въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената

¹⁾ Петербургскимъ градоначальникомъ былъ въ то время генералъ-майоръ Александръ Елпидифоровичъ Зуровъ.

²⁾ Московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій.

съ 9-го по 15-е февраля 1882 года. По первому изъ этихъ дѣлъ суду былъ преданъ, въ числѣ прочихъ, обвинявшихся въ другихъ государственныхъ преступленіяхъ, лицъ, Адріанъ Федоровичъ Михайловъ по обвиненію въ томъ, что онъ былъ кучеромъ въ экипажѣ, въ которомъ скрылись послѣ убійства Мезенцова лицо, совершившее убійство, и его соумышленникъ въ этомъ дѣлѣ. По второму процессу былъ преданъ суду въ числѣ прочихъ, также обвинявшихся въ другихъ государственныхъ преступленіяхъ, этотъ «соумышленникъ»—Александръ Ивановичъ Баранниковъ. Картина событія 4-го августа въ тѣхъ частяхъ обоихъ обвинительныхъ актовъ, которыя касаются убійства Мезенцова, изображена въ слѣдующемъ, основанномъ на свидѣтельскихъ показаніяхъ, видѣ.

«4-го августа 1878 г. въ 9 ч. 10 м. утра бывший шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Мезенцовъ, возвращаясь съ утренней прогулки, въ сопровожденіи подполковника Макарова, на Михайловской площади, близъ дома Кочкурова, былъ встрѣченъ неизвестнымъ, который нанесъ ему кинжаломъ рану въ полость живота. Истекая кровью, генераль-адъютантъ Мезенцовъ былъ привезенъ домой и въ 5 ч. 10 м. пополудни скончался. Нанесенная ему рана оказалась безусловно смертельною, проникшею черезъ печень и заднюю стѣнку желудка. При преслѣдованіи подполковникомъ Макаровымъ убійцы, быстро скрывшагося за угломъ на площади и убѣгавшаго по Большой Итальянской улицѣ, пругой неизвестный (Баранниковъ) выстрѣлилъ въ подполковника Макарова изъ револьвера и хотя промахнулся, но, вслѣдствіе происшедшаго отъ выстрѣла, замѣшательства, оба злоумышленника успѣли вскочить на поджидавшую ихъ у кондитерской Кочкурова пролетку на лежачихъ рессорахъ, запряженную вороною лошадыю, и скрылись по направленію къ Большой Садовой улицѣ, причемъ свидѣтель Платонъ Матвѣевъ, догоняя уѣзжавшихъ, преслѣдилъ ихъ до памятника императрицы Екатерины II, а отставной унтеръ-офицеръ Сергѣй Самойловъ видѣлъ, какъ неизвестные повернули за Александровскій театр»¹⁾.

Всѣ трое участниковъ убійства такимъ образомъ скрылись: Михайловъ и Баранниковъ были арестованы и осуждены лишь впослѣдствіи, а убійца Мезенцова Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій-Степнякъ эмигрировалъ и умеръ въ 1894 г. въ Лондонѣ, случайно попавши подъ поѣздъ.

Теперь обратимся къ вышеприведенному письму Макова къ Селиверстову. Мы знаемъ, что адресъ по поводу событія 4-го ав-

¹⁾ Прибавленіе къ № 175 «Правительственнаго Вѣстника» (7-го августа 1878 г.).

густа находился уже въ рукахъ Макова на другой же день. Адресъ этотъ былъ вслѣдъ затѣмъ опубликованъ въ «прибавленіи къ Правительственному Вѣстнику» и гласилъ слѣдующее.

«С.-Петербургское общество съ живѣйшимъ чувствомъ негодованія узнало о гнусномъ убійствѣ, жертвою котораго палъ генераль-адъютантъ Вашего Императорскаго Величества шефъ жандармовъ Мезенцовъ. Кто бы ни были эти убійцы, каковы бы ни были ихъ побужденія, С.-Петербургское городское общество глубоко презираетъ ихъ и, если, по несчастію, они вышли изъ среды, столичнаго населенія, оно торжественно объявляетъ ихъ своими отверженцами. Но если предательское оружіе намѣчало не человѣка, а представителя власти, то общество поспѣшаетъ повергнуть къ стопамъ Вашего Величества выраженіе глубоко вѣрнопопудданическаго своего увѣренія въ одушевляющихъ его чувствахъ, нѣ коихъ нѣтъ мѣста малѣйшему колебанію въ дѣлѣ общихъ усилій и жертвъ для борьбы съ преступными дѣяніями, направленными къ нарушенію законнаго порядка»¹⁾).

Напечатанъ этотъ адресъ безъ всякой подписи и безъ даты, но такъ какъ изъ письма Макова къ Селиверстову видно, что адресъ былъ въ рукахъ Макова уже 5-го августа (свою «идею» Маковъ сообщилъ петербургскому градоначальнику и петербургскому губернатору, очевидно, наканунѣ, т.-е. въ самый день убійства Мезенцова), то для составленія и принятія адреса «Петербургское городское общество» (Петербургская городская дума) должно было собраться или вечеромъ 4-го, или днемъ 5-го августа. Пересматривая петербургскія газеты того времени, мы, однако, не нашли никакихъ указаній на то, чтобы въ эти числа происходили засѣданія думы. Не приходится ли, поэтому, придать достовѣрность разсказу объ этомъ дѣлѣ, напечатанному въ появившейся вскорѣ послѣ убійства Мезенцова маленькой нелегальной брошюркѣ, называющейся «Правительственная комедія»? Въ брошюркѣ этой говорится слѣдующее.

«5-го августа въ субботу петербургскій градоначальникъ Зуровъ призвалъ къ себѣ помѣщика городского головы и объявилъ ему, что необходимо сегодня же приготовить адресъ отъ городского общества съ выраженіемъ чувствъ по поводу убійства генерала Мезенцова. На предложеніе Зурова помѣщикъ городского головы объявилъ, что невозможно приготовить адресъ сегодня же, но что онъ готовъ созвать городское общество въ понедельникъ и предложить ему написать адресъ въ томъ духѣ, какъ требуется. «Нѣтъ,—отвѣчалъ Зуровъ,—этого нельзя откла-

¹⁾ На другой день этотъ же адресъ былъ и перепечатанъ и въ самомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 176).

дывать въ долгій ящикъ, нужно непременно, чтобы завтра адресъ былъ представленъ государю, а въ понедѣльникъ онъ уже долженъ появиться въ печати. Мы съ вами сейчасъ же напишемъ адресъ, а вы его подпишите отъ имени городского общества». Адресъ былъ написанъ, представленъ, одобренъ и напечатанъ въ газетахъ» ¹⁾.

Все это, повторяемъ, получаетъ достовѣрность въ виду того, что засѣданій петербургскаго общества ни 4-го ни 5-го августа не было и, тѣмъ не менѣе, 5-го августа адресъ былъ уже въ рукахъ Макова. Удивительно совпадаютъ съ рассказомъ автора брошюры и другія объективныя данныя. Само собою разумѣется, что авторъ этотъ о внушеніи Маковымъ 4-го августа своей «идеи» Зурову ничего знать не могъ, а между тѣмъ для осуществленія «идеи» Зурову и приходилось дѣйствовать именно, такъ, какъ рассказываетъ авторъ брошюры. Далѣе: по рассказу автора брошюры, Зуровъ говорилъ своему собесѣднику, что «нужно непременно, чтобы завтра адресъ былъ представленъ Государю, а въ понедѣльникъ (т.-е. 7-го августа) онъ уже долженъ появиться въ печати», а это слово въ слово такъ и произошло: «Петербургская Дума,—писалъ Маковъ Селиверстову въ вышеприведенномъ письмѣ отъ 5-го августа,—уже прислала мнѣ адресъ на имя Государя, и завтра утромъ (т.-е. въ воскресенье 6-го августа) будетъ уже у Его Величества». Затѣмъ слова Зурова о томъ, что въ понедѣльникъ адресъ «уже долженъ появиться въ печати» также слово въ слово претворилось въ дѣйствительность, ибо именно въ понедѣльникъ 7-го августа текстъ адреса безъ подписи и безъ даты, но съ заголовкомъ «Всеподданнѣйшій адресъ С.-Петербургскаго городского общества», былъ напечатанъ въ «прибавленіи къ Правительственному Вѣстнику».

Въ томъ же «Прибавленіи» напечатаны и такія строки:

«По прочтеніи сего адреса Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть: благодарить с.-петербургское городское общество за выраженные чувства».

Московскій генераль-губернаторъ князь Долгоруковъ и нѣкоторые изъ тѣхъ десяти провинціальныхъ «толковыхъ губернаторовъ», которымъ Маковъ внушилъ свою «идею» въ день 4-го августа шифрованными телеграммами, оказались на высотѣ своего положенія не менѣе, чѣмъ петербургскій градоначальникъ Зуровъ, и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» были опубликованы слѣдующіе, тоже безъ подписей и датъ, адреса:

¹⁾ «Правительственная комедія или призывъ къ обществу», стр. 4.

1) Московскаго дворянства; 2) Московскаго земства ¹⁾; 3) Московскаго городского общества; 4) Тамбовскаго дворянства; 5) Тамбовскаго земства; 6) Тамбовскаго городского общества; 7) Владимірскаго дворянства; 8) Тульскаго городского общества.

Въ тѣхъ же номерахъ «Правительственнаго Вѣстника» напечатаны, сверхъ того, телеграммы Макову съ просьбою передать Государю выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ отъ дворянства Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, дворянства Саратовскаго, «дворянства и земства Пензенской губерніи» (общій) и Пензенскаго городского общества. Затѣмъ нѣкоторое время ни адресовъ, ни телеграммъ болѣе не поступало.

Такимъ образомъ, «толковыми губернаторами» въ провинціи оказались: Тамбовскій (3 адреса и 1 телеграмма), Пензенскій (двѣ телеграммы), Владимірскій (1 адресъ), Тульскій (1 адресъ) и Саратовскій (1 телеграмма). Всего пять губернаторовъ. Что дѣлали другіе пять, которымъ Маковъ, по его собственнымъ словамъ, разослалъ шифрованныя телеграммы,—почему не исполнили они немедленно того, что отъ нихъ требовалось, въ какой мѣрѣ отвѣтили они за подобную «безтолковость» передъ Маковымъ, и существовали ли въ оправданіе такихъ губернаторовъ «смягчающія вину обстоятельства», намъ неизвѣстно.

Пришлось прибѣгнуть къ другому средству, и тогда-то появилось (уже 20-го августа) по поводу убійства Мезенцова извѣстное «правительственное сообщеніе», открыто призывавшее русское общество къ борьбѣ съ «крамолою» и имѣвшее неожиданный для Макова результатъ въ формѣ такихъ отвѣтовъ на этотъ призывъ со стороны земствъ: Харьковскаго, Полтавскаго, Черниговскаго и нѣкоторыхъ другихъ, которые въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» мѣста себѣ уже не нашли. Мы ниже воспроизведемъ этотъ призывъ, но предварительно отмѣтимъ, что далеко не одною, употребляя выраженіе Макова, «идейною» стороною ограничилось тогда правительство въ своихъ заботахъ объ «искорененіи крамолы».

8-го августа управляющій минист. внутр. дѣлъ Маковъ и и. д. шефа жандармовъ Селиверстовъ представили имп. Александру II слѣдующій докладъ:

«Покушеніе на жизнь бывшаго С.-Петербургскаго Градоначальника генералъ-адъютанта Трепова, убійства, совершенныя въ Ростовѣ на Дону и Кіевѣ, вооруженное сопротивленіе властямъ въ Одессѣ и уличныя, сопровождавшіеся выстрѣлами въ солдатъ, безпорядки въ томъ же городѣ, наконецъ, убійство

¹⁾ Ни уѣзднаго, ни губернскаго земскаго собранія въ Москвѣ тогда не происходило.

днемъ среди столицы генераль-адъютанта Мезенцова несомнѣнно доказали, что горсть злоумышленниковъ, зараженныхъ всерастлѣвающимъ лжеученіемъ социализма, рѣшилась дѣйствовать съ безпримѣрной дерзостью, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями и попирая всѣ священныя и дорогія для каждаго основы Законовъ Божескихъ и государственныхъ. Подпольная пресса и масса подметныхъ писемъ угрожаютъ въ недалекомъ будущемъ новыми убійствами и новыми жертвами.

Правительство съ замѣчательнымъ долготерпѣніемъ, слѣдуя неуклонно пути, указанному законами, дарованными Государству милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества, считало своимъ долгомъ преслѣдовать и налагать кары за подобныя преступленія лишь въ предѣлахъ существующаго законодательства. Къ сожалѣнію, всѣ до сего времени принимавшіяся мѣры противъ противоправительственной агитаціи не имѣли ни успѣха и ни добрыхъ послѣдствій. Зло растетъ ежечасно. Судъ уже не властенъ остановить разнузданныя страсти. Судъ, милостивый для однихъ, страшный для другихъ, для всѣхъ же вѣрноподданныхъ правый и скорый, подалъ поводъ лишь къ публичному глумленію подсудимыхъ надъ святостью закона и имѣлъ послѣдствіемъ уличныя безпорядки, подобные тѣмъ, которые происходили въ С.-Петербурѣ и въ Одессѣ.

Корень зла не уничтожается и все глубже и глубже проникаетъ въ среду молодого поколѣнія.

Масса неблагонадежныхъ и вредныхъ по убѣжденіямъ своимъ личностей разсѣяна нынѣ почти по всей Россіи, состоя подъ надзоромъ полиціи въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ въ дѣйствительности не существуетъ никакой полиціи и, слѣдовательно, никакого надзора. Съ мая мѣсяца и по настоящее время изъ мѣстъ высылки бѣжало въ разныхъ губерніяхъ Европейской Россіи 31 человекъ, изъ коихъ высланныхъ за политическую неблагонадежность и распространеніе противоправительственныхъ началъ 19 лицъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что бѣглецы эти увеличили собою опасный элементъ, нарушающій нынѣ государственное и общественное спокойствіе.

Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ необходимы въ данную минуту мѣры рѣшительныя и способныя съ корнемъ вырвать зло, разѣдающее государство и принимающее съ каждымъ днемъ все болѣе широкіе размѣры. Противъ террора, при помощи коего злоумышленники предположили обезсилить правительство, необходимо сугубое воздѣйствіе, которымъ было бы доказано, что правительство обладаетъ достаточною силою, чтобы остановить развитіе тлетворныхъ началъ, охватившихъ извѣстную

среду общества. Противъ лицъ, попирающихъ все священное для каждаго вѣрноподданнаго и добраго гражданина, попирающихъ законъ, не можетъ и не должно быть рѣчи о силѣ дѣйствующаго закона. Нужны мѣры чрезвычайныя и дѣйствительныя.

Только такимъ способомъ, только при такомъ воззрѣніи на настоящее дѣло, можетъ быть положенъ конецъ невыносимо тяжкому положенію, въ которое поставлено нынѣ какъ правительство Вашего Императорскаго Величества, такъ и все населеніе Имперіи, искренно и глубоко вѣрное истиннымъ интересамъ Государя и государства.

Нынѣ, въ виду только что усопшаго и оплакиваемаго всѣми честными людьми вѣрнаго слуги Вашего Императорскаго Величества генераль-адъютанта Мезенцова, павшаго первую здѣсь жертвою гнусныхъ убійцъ, уже не время думать о судѣ, учрежденномъ для вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества.

Попирающіе законъ должны быть поставлены подъ дѣйствіе исключительнаго закона.

Въ силу всего вышеизложеннаго, нижеподписавшіеся, по чувству долга и совѣсти и въ сознаніи отвѣтственности, на нихъ лежащей, осмѣливаются повергнуть на Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе слѣдующія предположенія:

1. Примѣняясь къ § 28 закона 19 мая 1871 года, по силѣ коего лицу, Высочайшею властью назначенному для производства дознаній, предоставлено право заарестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, распространить это право и на офицеровъ корпуса жандармовъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія на полицеймейстеровъ и уѣздныхъ исправниковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда означенные чины будутъ преслѣдовать лицъ за участіе ихъ не только въ преступленіяхъ государственныхъ или противозаконныхъ сообществахъ, но и за уличные безпорядки или сходки.

2. Тѣхъ лицъ, кои за вышеупомянутыя преступленія будутъ на основаніи существующихъ законоположеній подлежать высылкѣ въ административномъ порядкѣ, ссылатъ преимущественно въ Восточную Сибирь.

3. Каждый изъ высланныхъ судебнымъ или административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи въ губерніи Европейской Россіи, уличенный въ покушеніи на побѣгъ или же за совершеніе такового, наказуется ссылкой въ Якутскую область, по распоряженію высшей административной власти.

4. Всѣ тѣ личности, у коихъ, по соображеніямъ политическимъ, признано будетъ необходимымъ произвести обыскъ или арестовать ихъ и которыя окажутъ при семъ сопротивленіе си-

лою, предавать военному суду, приговоръ же суда подтвердить и приводить въ исполненіе безотлагательно.

5. Примѣнительно къ предположенной уже колонизаціи въ Сибири нѣкоторой категоріи высланныхъ подъ надзоръ полиціи въ разныя мѣстности Имперіи неблагонадежныхъ личностей, водворять въ Восточной Сибири всѣхъ, вновь подлежащихъ отправленію, виновныхъ въ злоумышленныхъ дѣяніяхъ противъ существующаго государственнаго порядка, по соглашенію шефа жандармовъ съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

6. Для охраны и надзора ссыльной колоніи въ Восточной Сибири учредить достаточно сильную численностью и исправно вооруженную команду, съ подчиненіемъ оной мѣстному губернатору.

7. Учредить въ Восточной Сибири дополнительное губернское жандармское управленіе при достаточномъ числѣ нижнихъ чиновъ для наблюденія за водворенными въ ссыльную колонію.

8. За уголовныя преступленія и покушенія къ побѣгу водворенныхъ въ ссыльной колоніи предавать военному суду.

9. Предоставить въ распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ потребныя средства для устройства въ одной или двухъ губерніяхъ Россіи особыхъ тюремъ для временнаго содержанія въ нихъ политическихъ пропагандистовъ, предназначенныхъ къ высылкѣ. Отчетъ въ израсходованіи вышеупомянутыхъ денежныхъ средствъ поручить Министру Внутреннихъ Дѣлъ представить по принадлежности по окончательномъ устройствѣ означенныхъ тюремъ.

10. Для охраны и надзора упоминаемыхъ въ предыдущемъ § тюремъ учредить особую и достаточно сильную команду.

11. Открыть Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и шефу жандармовъ экстраординарный кредитъ для приведенія въ исполненіе всѣхъ вышепоименованныхъ предположеній.

12. Подробное составленіе правилъ въ развитіе вышеизложенныхъ основныхъ предположеній возложить по принадлежности на подлежащія Министерства и вѣдомства.

Къ сему осмѣливаемся всеподданнѣйше доложить Вашему Императорскому Величеству, что рядъ предположенныхъ мѣръ долженъ, по крайнему нашему разумѣнію, принести дѣйствительную пользу, для достиженія коей казалось бы возможнымъ не останавливаться на соображеніяхъ, имѣющихъ только одно финансовое значеніе, такъ какъ, безъ извѣстной со стороны казны доли пожертвованія, никакихъ существенныхъ результатовъ достигнуто быть не можетъ.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарь *Маковъ*.

Исправляющій должность шефа жандармовъ генераль-лейтенантъ *Селиверстовъ*».

Эта всеподданнѣйшая записка была составлена 7-го августа и 8-го представлена Императору Александру II. Въ тотъ же день Государь написалъ на ней: «исполнить».

11 августа 1878 года въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было напечатано:

«Въ именномъ Его Императорскаго Величества указѣ, данномъ правительствующему сенату, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено: «Повторяющіеся въ послѣднее время случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій, несомнѣнно свидѣлствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ социальна-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ низверженію всего государственнаго строя. Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка, неприкосновенность собственности, святость семейнаго очага и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи сіи для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей не останавливаются ни передъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, и дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ, преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгую наказуемость оныхъ. Въ сихъ видахъ Мы признали за благо подчинить временно дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ военно-уголовными законами для военнаго времени. Посему повелѣваемъ: въ указанныхъ выше случаяхъ, лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападеніи на чиновъ войскъ и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождаются убійствомъ или

покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогами, предавать военному суду для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ изд. 1875 года. Указанный порядокъ примѣнить ко всѣмъ дѣламъ, по коимъ не послѣдовало донинѣ преданія обвиняемыхъ суду. Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе» ¹⁾.

Въ дополненіе къ этому Высочайшему указу Правительствующему Сенату, на другой день послѣ его опубликованія, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появился такой приказъ военнаго министра:

«Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 9-го сего августа повелѣно лицъ, совершившихъ означенныя въ томъ указѣ преступленія, предавать военному суду для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279 воинскаго устава о наказаніяхъ изд. 1875 года.

Независимо отъ сего Государю Императору благоугодно было повелѣть:

1) Вышеназванныхъ лицъ предавать военному суду по распоряженію главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ.

2) Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ по означеннымъ въ упомянутомъ указѣ преступленіямъ производить въ военно-окружныхъ судахъ съ тѣмъ, чтобы, полагаемые въ сихъ случаяхъ временные члены, въ опредѣленномъ 33 ст. XXIV кн. Св. Воен. Пост. 1869 г., числѣ, были назначаемы каждый разъ особо, по распоряженію главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ, исключительно изъ штабъ-офицеровъ,—и

3) По дѣламъ сего рода главнымъ начальникамъ военныхъ округовъ предоставить права, присвоенныя 1234, 1238 и 1241 ст. XXIV кн. Св. Воен. Пост. 1869 года, главнокомандующему въ военное время.

Объявляя о семъ по военному вѣдомству для надлежащаго руководства и исполненія, прилагаю при семъ копію съ упомянутого указа Правительствующему Сенату» ²⁾.

Такимъ образомъ лица, обвиняемыя въ вооруженныхъ сопротивленіяхъ властямъ и т. п. дѣяніяхъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 9 августа 1878 года, подлежали вѣдѣнію военно-окружныхъ судовъ, которые и могли присуждать такихъ лицъ къ смертной казни, а главные начальники военныхъ округовъ конфирмо-

¹⁾ «Правительственный Вѣстникъ» 1878 г. № 179.

²⁾ «Правительственный Вѣстникъ» № 180.

вать приговоры своею властью. Но, по обыкновенію, у насъ даже и въ такихъ случаяхъ законъ одно, а практика другое. Спрашивается: на основаніи какого же закона происходилъ надъ обвиняемыми въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ И. М. Ковальскимъ и его товарищами одесскій *военно-окружный судъ*, продолжавшійся съ 20 по 24 іюля, и на основаніи какого, слѣдовательно, закона Ковальскій былъ разстрѣлянъ въ Одессѣ 2 августа 1878 года ¹⁾... Вѣдь и судъ, и казнь имѣли мѣсто до вышеприведеннаго Высочайшаго указа... Съ другой стороны, нужно, впрочемъ, замѣтить, что указъ этотъ сталъ фактически примѣняться лишь послѣ покушенія Соловьева 2-го апрѣля 1879 года.

Какимъ образомъ была рѣшена такая чрезвычайная мѣра, какъ учрежденіе военныхъ судовъ для дѣлъ этимъ судамъ неподсуднымъ и, тѣмъ болѣе, преданіе военному суду Ковальскаго и другихъ даже еще и до указа 9 августа? Обсуждалось ли это хоть въ Комитетѣ Министровъ? Нѣтъ, не обсуждалось. Вотъ что читаемъ мы въ книгѣ историка этого Комитета: «Въ 1878 году министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ Комитетъ предположеніе объ усиленіи полиціи въ городахъ: Саратовѣ, Казани, Ростовѣ на Дону, Харьковѣ, Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ и Николаевѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ: въ тѣхъ изъ этихъ городовъ, гдѣ не было еще околоточныхъ надзирателей, учредить эту должность; завести конно-полицейскую стражу, увеличить число пѣшихъ чиновъ полиціи; назначать въ распоряженіе губернаторовъ и особыя суммы для производства секретныхъ полицейскихъ розысковъ; увеличить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержаніе полицейскимъ чиновникамъ; болѣе всего увеличить личный составъ полиціи въ Кіевѣ и Казани, гдѣ онъ особенно недостаточенъ. Предположенія эти были утверждены» ²⁾.

Никакихъ другихъ дѣлъ, касающихся «охраненія государственнаго и общественнаго порядка», черезъ Комитетъ Министровъ въ 1878 г. не проходило. Слѣдовательно, въ этой области ему довѣряли тогда лишь такія дѣла, какъ учрежденіе околоточныхъ надзирателей въ тѣхъ городахъ, гдѣ ихъ еще не было, усиленіе содержанія полицейскимъ чиновникамъ и т. д. А между тѣмъ, какимъ-то другимъ порядкомъ проводились мѣры характера чрезвычайнаго. Какимъ же именно? Это дѣлалось черезъ особо всякій разъ учреждаемыя «Особыя совѣщанія», въ которыя входили не всѣ, а лишь нѣкоторые министры, плюсь лица непосред-

¹⁾ Объ этомъ дѣлѣ см. статью Н. А. Виташевскаго «Первое вооруженное сопротивленіе,—первый военный судъ». «Былое» 1906 г. февраль, (стр. 220—245).

²⁾ С. М. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. III, ч. 1, стр. 145.

ственно верховною властью туда назначавшіяся, плюсь,—и это всегда,—шефъ жандармовъ, онъ же главный начальникъ III Отдѣленія. Тамъ и «дѣлалась» настоящая «внутренняя политика».

Уже давно былъ опубликованъ одинъ документъ, относящійся какъ разъ къ 1878 г. и нѣсколько освѣщающій именно ту сторону дѣла, о которой у насъ въ данную минуту идетъ рѣчь. Документъ этотъ,—служебное письмо Мезенцова къ Макову,—гласилъ слѣдующее.

Милостивый государь Левъ Саввичъ! Въ силу доходящихъ до Высочайшаго свѣдѣнія извѣстій о распространеніи дѣятельности подпольнаго социалистическаго кружка, избравшаго театромъ своихъ дѣйствій города Кіевъ, Харьковъ и Одессу, именующагося «исполнительнымъ комитетомъ русской социальна-революціонной партіи», Государю Императору угодно было назначить подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, изъ гг. министровъ военнаго, юстиціи, вашего превосходительства и меня, особое совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе зла, столь вреднаго для государственнаго порядка. Исполняя симъ Высочайшую волю, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что я бы полагалъ необходимымъ собраться для совѣщанія сего 27 іюля, на которомъ разсмотрѣть рѣшеніе одесскаго военно-окружнаго суда по дѣлу Ковальскаго. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. *Николай Мезенцовъ* ¹⁾.

Что документъ этотъ не апокрифическій, доказывается такою записью въ дневникѣ Валуева, датированнаго 29-мъ іюля 1878 г.: «Отпредсѣдательствовалъ вчера въ новомъ особомъ совѣщаніи о мѣрахъ къ раскрытію такъ себя называющаго «исполнительнаго комитета социальна-революціоннаго общества».

Воспроизведя въ своей книгѣ «Активное народничество» письмо Мезенцова къ Макову, я писалъ: «Это письмо Мезенцова датировано 20-мъ іюля 1878 года, т.-е. тѣмъ самымъ днемъ, когда началось разбирательство въ Одессѣ дѣла Ковальскаго. Засѣданіе «особаго совѣщанія», на которомъ имѣлось въ виду разсмотрѣть рѣшеніе одесскаго военно-окружнаго суда по дѣлу Ковальскаго было назначено Мезенцовымъ на 27 іюля. Очевидно, рѣшеніе суда на этомъ засѣданіи и было разсмотрѣно и утверждено. Второго августа, какъ мы сказали, приговоръ суда надъ Ковальскимъ былъ приведенъ въ исполненіе, а четвертаго августа Кравчинскій закололъ кинжаломъ Мезенцова» ²⁾.

¹⁾ «Земля и Воля» 20 февраля 1879 г. № 4.

²⁾ В. Богучарскій. Активное народничество семидесятыхъ годовъ, стр. 338.

Въ своемъ выводѣ я ошибся. Позже я ознакомился съ не имѣвшимъ у насъ, когда мы писали свою книгу, нижеприводимымъ докладомъ императору Александру II-му Особого Совѣщанія, о которомъ идетъ рѣчь, и изъ содержанія этого доклада убѣдился, что на засѣданіи 28 іюля разсматривалось не рѣшеніе суда по дѣлу Ковальскаго, а рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ. Кѣмъ фактически была рѣшена судьба Ковальскаго и тогда же ли или нѣтъ возникла мысль о военныхъ судахъ за дѣла такого же рода, приведшая къ указу 9-го августа, я, по неимѣнію для рѣшенія этихъ вопросовъ неоспоримыхъ документовъ, пока еще сказать съ полной увѣренностью не могу, но едва ли я ошибусь, предположивъ, что вдохновителемъ всего этого былъ тотъ же Мезенцовъ.

Засѣданіе 28 іюля происходило еще при участіи Мезенцова, но докладъ о засѣданіи былъ доставленъ императору Александру II уже послѣ 4-го августа. Во многихъ отношеніяхъ интересный докладъ этотъ гласилъ слѣдующее.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ Главнымъ Начальникомъ 3-го Отдѣленія Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи, было образовано подъ предсѣдательствомъ Министра Государственныхъ Имуществ ¹⁾, изъ Министровъ: Военнаго ²⁾ и Юстиціи ³⁾, бывшаго Главнаго Начальника 3-го Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи ⁴⁾ и Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ ⁵⁾ Особое Совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе вредной для государственнаго порядка дѣятельности подпольнаго социалистическаго кружка, именующагося Исполнительнымъ Комитетомъ русской ссціально-революціонной партіи и избравшаго театромъ своихъ дѣйствій преимущественно Кіевъ, Харьковъ и Одессу.

Совѣщаніе это состоялось 28 минувшаго іюля.

По прочтеніи краткой записки бывшаго Главнаго Начальника Собственной Вашего Величества Канцеляріи, заключавшей въ себѣ общія свѣдѣнія по подлежащему къ обсужденію Совѣщанія предмету, Генераль-адъютантъ Мезенцовъ обратилъ вниманіе Совѣщанія на тѣ обстоятельства, которыя представляютъ главнымъ образомъ возможность вредной пропагандѣ дѣйствовать съ такою полнотою, какою отличаются послѣднія проявленія ея, а именно:

-
- ¹⁾ П. А. Валуевъ.
 - ²⁾ Гр. Д. А. Милютинъ.
 - ³⁾ Д. Н. Набоковъ.
 - ⁴⁾ Н. В. Мезенцовъ.
 - ⁵⁾ Л. С. Маковъ.

1) На недостаточность средств Собственной Вашего Величества Канцеляріи для такихъ съ его стороны наблюденій и дѣйствій, какія могли бы оказать существенную пользу въ дѣлѣ предупрежденія и пресѣченія опасной для государства пропаганды.

2) На изыятіе казенныхъ типографій отъ надзора правительственныхъ инспекторовъ сихъ заведеній и на возможность свободного доступа чиновъ жандармскаго вѣдомства на фабрики и заводы.

3) На тѣ затрудненія, которыя, являясь послѣдствіемъ IV ст. закона 1-го іюля 1874 г., представляютъ преграду къ быстрому пресѣченію пропаганды. Далѣе генераль-адъютантъ Мезенцовъ прибавилъ, что въ дѣлѣ наблюденія за общественнымъ направлениемъ, въ видахъ предупрежденія нежелательныхъ явленій, невозможно избѣгнуть частнаго содѣйствія лицъ, не принадлежащихъ исключительно къ правительственной сферѣ,—лицъ, такъ сказать, совершенно свободныхъ и, слѣдовательно, прежде всего вращающихся въ общественной средѣ; иначе,—что никакое наблюденіе въ обществѣ немыслимо безъ частной агентуры, а между тѣмъ имѣющіяся въ распоряженіи III Отдѣленія средства слишкомъ ограничены для того, чтобы мѣра эта могла быть осуществлена до извѣстной возможности. Органы же III-го Отдѣленія въ провинціи—Губернскія Жандармскія Управленія крайне затруднены какъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ III Отдѣленіемъ порученій, такъ и въ личномъ наблюденіи въ предѣлахъ опредѣленныхъ для нихъ районовъ, такъ какъ управленія эти не имѣютъ въ своемъ распоряженіи никакихъ источниковъ на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ такого рода дѣятельностью. Только нынче, по поводу послѣднихъ событій на югѣ, Начальнику Кіевскаго Управленія разрѣшенъ кредитъ въ 3 тысячи рублей. Не менѣе сего представляютъ затрудненіе въ успѣшномъ достиженіи высказанной выше цѣли и недостатокъ въ личномъ составѣ Жандармскихъ Управленій, расширеніе сѣти которыхъ въ настоящее время является крайнею необходимостью. Соображеніе это, по заявленію генераль-адъютанта Мезенцова, лежало и въ основаніи закона 19 мая 1871 г., когда жандармской полиціи признано было необходимымъ дать значеніе полиціи исключительно государственной; и тогда уже предполагалось усиленіе наличныхъ средствъ тѣхъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій, въ которыхъ больше дѣлъ. Поэтому,—сообщилъ генераль-адъютантъ Мезенцовъ,—онъ, пользуясь Высочайше уже разрѣшеннымъ ему кредитомъ въ 100 тысячъ рублей, въ самомъ непродолжительномъ времени представить, въ установленномъ

порядкѣ, предположенія свои относительно усиленія личнаго состава тѣхъ жандармскихъ управленій, въ которыхъ дѣятельность по дѣламъ политическимъ наиболѣе велика. Что же касается до развитія наблюдательной части, то, затрудняясь опредѣленіемъ въ настоящую минуту затратъ, могущихъ потребоваться для сего, генераль-адъютантъ Мезенцовъ заявилъ, что будетъ представлено по этому предмету особое соображеніе.

Затѣмъ Особое Совѣщаніе обратилось къ обсужденію того обстоятельства, что въ дѣлѣ розысковъ и преслѣдованія лицъ, принадлежащихъ къ революціоннымъ кружкамъ, играетъ важную роль и общая полиція. Изъ происходившихъ при этомъ объясненій Особое Совѣщаніе не могло не вынести того убѣжденія, что какова бы ни была дѣятельность жандармской полиціи, какъ полиціи Государственной, дѣятельность эта всегда можетъ быть парализована общею полиціей, которая, въ настоящемъ положеніи ея, по дѣламъ политическимъ является совершенно безсильной, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ денежныхъ средствъ для устройства сыскной части. Пропагандисты безпрепятственно печатаютъ свои прокламаціи, свободно рассылаютъ ихъ всюду въ большомъ количествѣ и безъ опасенія наклеиваютъ ихъ на частныхъ домахъ и даже на казенныхъ зданіяхъ. Дерзости этихъ безумцевъ достигаютъ крайнихъ предѣловъ; они смѣло производятъ днемъ уличные беспорядки, стрѣляютъ въ народъ и въ войска, призываемыя для прекращенія сихъ беспорядковъ, убиваютъ, а между тѣмъ до сихъ поръ мѣсто печатанія прокламацій, несомнѣнно фабрикуемыхъ у насъ дома, а не за границей, не открыто, никто изъ наклеивающихъ листки на дома не задержанъ, ни одинъ изъ стрѣлявшихъ на улицѣ не пойманъ.

Такое положеніе дѣлъ не можетъ признаваться терпимымъ долѣе, оно не соотвѣтствуетъ достоинству государства.

Въ этихъ соображеніяхъ Особое Совѣщаніе пришло къ тому общему заключенію, что съ увеличеніемъ средствъ жандармскаго вѣдомства необходимо усилить одновременно и средства общей полиціи, и въ этихъ видахъ, не ожидая разрѣшенія общаго вопроса о полиціи, выдѣлить изъ него нынѣ же вопросъ объ усиленіи полицейскихъ средствъ въ нѣкоторыхъ городахъ, по ближайшему усмотрѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и соображенія и предположенія по этому предмету внести на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, какъ были въ оный внесены предположенія объ усиленіи уѣздной полиціи назначеніемъ опредѣленнаго числа полицейскихъ урядниковъ.

Что же касается въ особенности усиленія средствъ жандарм-

скаго вѣдомства, то Совѣщаніе приняло во вниманіе, что всякое предопредѣленіе подробностей этого усиленія и всякое раздробленіе новыхъ способовъ дѣйствія и надзора между большимъ числомъ мѣстностей или въ формѣ частныхъ штатныхъ прибавокъ не соотвѣтствовали бы имѣющейся въ виду цѣли. Желательно, чтобы Главному Начальнику III Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи и Шефу жандармовъ дана была возможность: во-первыхъ, усилить сыскную полицейскую часть, во-вторыхъ, усилить и личный составъ жандармскихъ чиновъ, и въ-третьихъ, оставить въ непосредственномъ распоряженіи центрального Управленія извѣстное число чиновъ, которые могли бы, въ случаѣ надобности, быть предназначены для временнаго усиленія средствъ жандармскаго Управленія въ той или другой мѣстности.

По симъ уваженіямъ Особое Совѣщаніе полагаетъ необходимымъ: 1) предоставить въ распоряженіе Главнаго Начальника III Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи Шефа Жандармовъ, для вышеуказанной цѣли, сверхъ 100 тысячъ рублей, о которыхъ передъ симъ упомянуто, еще 300 тысячъ рублей, о чемъ снести предварительно съ Министромъ Финансовъ.

2) Предоставить Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ войти въ Комитетъ Министровъ съ предоставленіемъ о безотлагательномъ усиленіи полиціи въ нѣкоторыхъ городахъ, съ обозначеніемъ, по предварительномъ соглашеніи съ Министромъ Финансовъ, нужнаго на этотъ предметъ дополнительнаго расхода.

Въ связи съ вопросомъ относительно усиленія средствъ по преслѣдованію вредной пропаганды, Особое Совѣщаніе признало необходимымъ обратить вниманіе и на мѣста заключенія политическихъ преступниковъ. По этому предмету Особое Совѣщаніе пришло къ заключенію, что:

3) политическихъ преступниковъ должно содержать всегда отдѣльно отъ арестованныхъ по дѣламъ другого рода и съ этою цѣлью, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ, устроить особыя для нихъ помѣщенія съ усиленіемъ тамъ надзора, что, съ включеніемъ средствъ полиціи, должно будетъ составлять ея обязанности, при чемъ тюремная стража непременно должна имѣть форму общую полицейскую.

Особое Совѣщаніе признало также желательнымъ, согласно заявленію Министра Юстиціи:

4) ускорить разрѣшеніе вопроса объ особыхъ правилахъ наблюденія въ мѣстахъ высылки за лицами, высылаемыми на

жительство въ извѣстныхъ мѣстности подъ надзоръ полиціи по дѣламъ политическаго свойства.

Въ отношеніи подчиненія инспекціи казенныхъ типографій, Особое Совѣщаніе полагаетъ разрѣшить вопросъ положительно въ томъ видѣ:

5) чтобы лицамъ, уполномоченнымъ на этотъ конецъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ или Главнымъ Начальникомъ III Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи было предоставлено право освидѣтельствованія типографій и производства въ нихъ обысковъ и вымокъ при содѣйствіи тѣхъ чиновъ подлежащихъ вѣдомствъ, которые для сего будутъ назначены Главнымъ Начальникомъ Управленій, имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи казенныя типографіи.

Принимая затѣмъ въ соображеніе, что усиленная дѣятельность пропагандистовъ проявляется въ средѣ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, гдѣ и имѣетъ успѣхъ, Особое Совѣщаніе признаетъ необходимымъ постановить правиломъ, что:

6) какъ общая полиція, такъ и жандармскіе чины должны быть свободно допускаемы на всѣ фабрики и заводы во всякое время и только въ случаѣ обыска или ареста тамъ кого-либо,—это должно исполняться въ присутствіи завѣдывающаго фабрикою или заводомъ.

По поводу заявленія бывшаго Шефа Жандармовъ относительно затрудненій къ быстрому преслѣдованію пропаганды, порождаемыхъ IV ст. закона 1-го іюля 1874 г., Статсъ-Секретарь Набоковъ сообщилъ, что по Высочайше одобренному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 19 іюня сего года журналу Особого Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Валуева, въ настоящее время при Министерствѣ Юстиціи образована, подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Юстиціи, Особая Комиссія для обсужденія неудобствъ, обнаруженныхъ при примѣненіи законовъ 19 мая 1871 г. и 7-го іюня 1872 г. Въ виду этого сообщенія, Особое Совѣщаніе полагаетъ:

7) предоставить Министру Юстиціи изложенное выше заявленіе бывшаго Шефа Жандармовъ о необходимости измѣненія порядка и условій заключенія подъ стражу лицъ, упоминаемыхъ въ IV п. закона 1-го іюня 1874 г., передать въ означенную Комиссію, съ тѣмъ, чтобы вопросъ этотъ, вслѣдствіе настоятельности и важности его, получилъ скорѣйшее отдѣльное движеніе.

Наконецъ, Особое Совѣщаніе, не могло не обратить вниманія на проявляющееся въ нашей прессѣ систематическое стремленіе

при всякомъ удобномъ случаѣ порицать дѣйствія полиціи и возбуждать къ ней недовѣріе и неуваженіе. Такія систематическія нападки на полицію, не будучи, ни останавливаемы, ни преслѣдуемы, порождаютъ въ ней самой вредныя колебанія и неувѣренность при исполненіи лежащихъ на ней обязанностей. Особое Совѣщаніе полагаетъ:

8) предоставить Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ принять по этому предмету мѣры, которыя онъ сочтетъ удобными для предупрежденія дальнѣйшаго голословнаго и систематическаго порицанія полицейскихъ учреждений и начальствъ въ нашихъ журналахъ и газетахъ.

Подлинныя подписали: *Петръ Валувъ, Д. Милютинъ, Дмитрій Набоковъ, Лесъ Маковъ и Николай Селиверстовъ.*

II.

Теперь мы приведемъ полностью, имѣющіяся у насъ семнадцать всеподданнѣйшихъ донесеній шефа жандармовъ императору Александру II въ промежутокъ времени 5 августа—17 октября 1878 года. Пока мы никакихъ комментарій къ этимъ высокой исторической цѣнности документамъ давать не будемъ, лишь послѣ воспроизведенія мы разобъемъ содержимое документовъ на нѣсколько группъ, къ каждой изъ которыхъ и дадимъ усиленныя, основанныя на изученіи другихъ, къ этому предмету относящихся, данныхъ, дополненія и поясненія.

Во многихъ изъ печатаемыхъ всеподданнѣйшихъ донесеній отдѣльныя слова и цѣлыя фразы подчеркнуты карандашомъ имп. Александромъ Вторымъ. Эти мѣста набираются курсивомъ. Немало находятся въ донесеніяхъ резолюцій и помѣтокъ государя. Онѣ воспроизводятся жирнымъ шрифтомъ.

I.

Записка, представленная государю императору 5 августа 1878 г.

Вслѣдствіе убійства шефа жандармовъ сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Градоначальнику предложено вчера въ 10 часовъ утра прослѣдить посредствомъ агентовъ всѣхъ отъѣзжающихъ и задерживать тѣхъ изъ нихъ, коихъ личность, по фотографіямъ и собраннымъ примѣтамъ, извѣстна III Отдѣленію за подозрительныхъ. Розыски начать съ того, что немедленно опросить всѣхъ дворниковъ, какія дрожки и на какой масти лошади выѣзжали со двора 4-го августа до 10 часовъ утра.

2) По соглашенію съ Министромъ Юстиціи, немедленно приступлено къ производству дознанія чинами жандармскаго вѣдомства и одновременно къ судебному (?) слѣдствію.

3) Начальнику С.-Петербургскаго жандармскаго управленія предписано произвести обыски и задержать нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своею неблагонадежностью, но оправданныхъ по суду по послѣднему процессу 193 лицъ.

Въ числѣ заподозрѣнныхъ находятся: кавказскій уроженецъ Кутателадзе и студентъ технологическаго института Нечай Грузевичъ, кои, какъ сообщала агентура, рассказывали въ своихъ кружкахъ, что знаютъ о намѣреніяхъ пропагандистовъ произвести рядъ убійствъ.

4) По соглашенію съ Петербургскимъ Градоначальникомъ ему разрѣшено произвести обыски на сей разъ даже безъ участія прокурорскаго надзора въ Лиговѣ и Лѣсномъ, гдѣ на примѣтѣ притоны пропагандистовъ.

5) Въ настоящее время допрашиваются разныя лица—свидѣтели покушенія на убійство и приняты всевозможныя мѣры къ розыску убійцъ по тѣмъ примѣтамъ, которыя собраны отъ допрошенныхъ лицъ и отъ агентовъ, командированныхъ въ разныя мѣста по настоящему дѣлу.

II.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующее:

Въ городѣ спокойно. Новаго ничего нѣтъ.

Третьяго дня, во время шествія погребальной процессіи, и вчера при погребеніи покойнаго шефа жандармовъ, публика выразила трогательное сочувствіе къ убитому. Въ городѣ, въ средѣ массъ стоявшаго вдоль тротуара народа, сотни не только дамъ, но и мужчинъ плакали, а въ Обители весь путь отъ воротъ до храма былъ засыпанъ цвѣтами.

Мѣры предосторожности, мною принятыя, въ видахъ огражденія погребальной колесницы и гроба отъ случайностей, оказались ненужными; народъ срывалъ шапки съ тѣхъ, которые по разсѣянности или злонамѣренности, забывали обнажить голову, и громогласно проклиналъ всѣхъ злодѣевъ и нарушителей общественной безопасности.

Исправляющій должность шефа жандармовъ Генераль-лейтенантъ Селиверстовъ.

Петербургъ. 10 августа 1878 г.

Генералъ Милушинъ. № 7—8.

10

III 1).

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству.

Въ городѣ спокойно.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію совершившееся уже усиленіе состава городской полиціи и распространившійся слухъ о заарестованіи одного изъ участниковъ въ дѣлѣ убійства Мезенцова произвели хорошее впечатлѣніе; столичное населеніе видитъ, что правительство дѣйствуетъ энергично, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ: обыски производятся только у несомнѣнно подозрительныхъ лицъ и съ 4-го августа всего заарестовано 27 человекъ, притомъ ни одинъ долѣе 3-хъ сутокъ въ заключеніи не находился. Къ сему числу подъ арестомъ 6 лицъ.

Но какъ видно всѣ представленія не привели ни къ какому результату.

Административнымъ порядкомъ высылаются восемь личностей.

Объ усиленіи состава пригородной полиціи сдѣлано сношеніе съ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ.

При III Отдѣленіи содержащійся мѣщанинъ Сѣрышевъ по-видимому, не одинъ изъ двухъ убійцъ Мезенцова, но одинъ законстѣбный социалистъ, подготовившійся къ отвѣтамъ на допросахъ; особенно подозрительно его показаніе о днѣ 4-го августа. Выйдя изъ дома въ 10 часовъ утра, Сѣрышевъ говоритъ, что онъ былъ на Невскомъ, на Садовой, заходилъ въ пирожную, вернулся домой въ три часа и засимъ въ шесть часовъ отправился на Крестовскій, заходилъ въ трактиры, гдѣ видѣлъ знакомыхъ, а объ убійствѣ будто бы узналъ случайно въ одиннадцать часовъ ночи отъ извозчика. Это явная ложь, и если Сѣрышевъ не былъ вполне посвященъ въ подробности тайны заговорщиковъ, то все же имѣлъ съ ними сношенія. Къ сожалѣнію, послѣ завтра вдова барона Гейкинга въ Петербургъ не вернется. Одна она можетъ положительно показать о томъ, задержанный нынѣ Сѣрышевъ то же (ли) самое лицо, которое три дня сряду слѣдило за Мезенцовымъ по утрамъ въ Лѣтнемъ саду?

Видѣлъ ли его Макаровъ?

Внимательное разсмотрѣніе писемъ, адресованныхъ къ М-ше Анна въ Бернъ и нѣкоторыхъ другихъ наводитъ на мысль, что убійство Мезенцова совершено малочисленнымъ кружкомъ самыхъ отчаянныхъ социалистовъ, извѣстное время проживавшихъ

¹⁾ Начиная съ этого донесенія и до послѣдняго, всѣ они отправлялись въ Ливадію, куда Александръ II уѣхалъ 15 августа. Тамъ же находились въ это время министръ двора гр. А. В. Адлербергъ и свиты Е. В. генераль-майоръ П. А. Черевинъ, переписка съ которыми шефа жандармовъ будетъ приведена ниже. В. Б.

въ Петербургѣ. Способъ приведенія въ исполненіе злодѣйства былъ обдуманъ зрѣло и хранился въ глубокой тайнѣ. **Почему?** Есть поводы полагать, что убійцы *уѣхали въ Америку*, и что нѣкоторые изъ ихъ одноумышленниковъ доселѣ въ Россіи, и что въ столицу ожидается прибытіе нѣкоего Митьки съ большими *запасами*.

Для провѣрки и выясненія нашихъ догадокъ нужны время и средства, розыски производятся въ Россіи и за границей, а для усиленія во всѣхъ отношеніяхъ слабаго состава нашей агентуры, я, пользуясь тѣми денежными средствами, кои Ваше Величество изволили предоставить шефу жандармовъ, уже обратился съ просьбою въ Лондонъ, черезъ знаменитаго сыщика Друсковича, завербовать двухъ агентовъ, знающихъ, если не русскій, то хоть польскій языкъ.

Между тѣмъ личный составъ дѣйствующихъ агентовъ уже усиленъ.

На-дняхъ появилась брошюра «Убійство Мезенцова». Она по почтѣ (городской) разослана редакціямъ газетъ и нѣкоторымъ лицамъ; надо полагать, что подпольная типографія, въ коей отпечатана брошюра, находится въ рукахъ злодѣйскаго кружка. Все, что возможно предпринять для отысканія типографіи, будетъ предпринято.

Досадно, что до сихъ поръ не могли ея открыть.

Актъ, въ коемъ изложенъ способъ приведенія въ исполненіе законовъ 8 августа (о заарестованіи подозрительныхъ лицъ) выработанъ по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ со мною. Этотъ документъ будетъ на дняхъ представленъ Статсъ-секретаремъ Набоковымъ на благовозрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Осмѣливаюсь полагать, что въ настоящее время главная задача шефа жандармовъ должна заключаться въ томъ, чтобы, при полномъ содѣйствіи министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, жандармское вѣдомство спокойными, но рѣшительными мѣропріятіями, клонящимися къ предупрежденію злокозненныхъ замысловъ революціонеровъ, устранило панику въ столицѣ и возвратило въ умахъ всѣхъ вѣрноподданныхъ довѣріе къ могуществу правительственной власти, поколебленной послѣдними событіями, въ отношеніи возможности пресѣченія социалистамъ способовъ злодѣйствовать. Къ этой цѣли устремлены всѣ наши усилія, что, при помощи Божіей, будетъ достигнуто въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Дай Богъ.

20 августа 1878 г.

10*

IV.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству.

Въ городѣ спокойно. На улицахъ и гуляньяхъ замѣтно болѣе движенія, вслѣдствіе возвращенія дачниковъ и молодыхъ людей въ учебныя заведенія. Имѣются свѣдѣнія, что пропагандисты стараются возбудить броженіе въ умахъ молодежи и подбить студентовъ къ демонстраціямъ; но для предупрежденія таковыхъ мною принимаются мѣры, направленныя преимущественно противъ подстрекателей. Благодаря усиленію состава полиціи отъ войскъ, число пѣшихъ полицейскихъ постовъ въ Петербургѣ увеличено; нѣсколько дней производившіеся денные конные разъѣзды (одиночныхъ казаковъ) по улицамъ отмѣнены, но зато ночные разъѣзды значительно усилены. Обѣ эти мѣры существенно полезны.

Напечатанное въ № 186 «Правительственнаго Вѣстника», правительственное сообщеніе большинствомъ публики, въ особенности среди среднихъ и низшихъ классовъ населенія, принято благопріятно. Газеты весьма двусмысленно отнеслись къ этому сообщенію,—особенно злонамѣренна статья № 215 газеты «Новости». Пресса почти одинаково возбуждаетъ вопросъ, въ чемъ должно выразиться единодушное содѣйствіе всѣхъ сословій русскаго народа, и проводить тузаднюю мысль, что содѣйствіе правительству должно осуществиться путемъ дарованія печати наивозможно большей свободы и предоставленіемъ земству права обсужденія вопросовъ, кои вовсе не входятъ въ сферу мѣстныхъ хозяйственныхъ земскихъ интересовъ. Всѣ эти инсинуаціи прессы ничего новаго собою не представляютъ и на консервативные элементы никакого впечатлѣнія не производятъ, но, однако, я осмѣливаюсь полагать, что по примѣру Пруссіи, было бы весьма полезно издать народнымъ языкомъ составленныя брошюры съ изложеніемъ въ нихъ значенія соціальной пропаганды. Эти брошюры слѣдовало бы пустить въ продажу массами, повсемѣстно, за пару копеекъ въ тѣхъ видахъ, чтобы простонародье ознакомилось съ сущностью того зла, которое замышляютъ социалисты, иначе доселѣ публика нигдѣ не находить печатнаго трезваго разъясненія значенія и замысловъ безобразной и злокозненной пропаганды.

августа 26-го дня 1878 г.

V.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Народный праздникъ на Царицыномъ Лугу 26-го августа прошелъ спокойно; тѣмъ не менѣе, имѣются данныя полагать, что пропагандисты пытаются возбудить броженіе въ умахъ молодежи и рабочихъ и подбиваютъ ихъ къ демонстраціямъ. Для предотвращенія таковыхъ мною приняты мѣры, направленные преимущественно противъ *подстрекателей*. Да кто они?

На-дняхъ арестованъ крестьянинъ Ярославской губерніи Григорьевъ, братъ сосланнаго по Казанской исторіи въ Астраханскую губернію. *Григорьева выдали* Это хорошій признакъ.
рабочіе прокатнаго завода; дознаніе начато. Вообще, не торопясь, но послѣдовательно необходимо очистить Петербургъ отъ наплыва злонамѣренныхъ личностей путемъ высылки таковыхъ въ отдаленныя, рѣдко населенныя мѣста. Опытомъ доказано, что доселѣ высылка пропагандистовъ въ *губерніи Европейской Россіи* не достигаетъ свой цѣли (ибо высланные десятками убѣгали и тайно возвращались въ столицы), кромѣ того способствовала распространенію лжеученій въ провинціи, но нынѣ, съ введеніемъ урядниковъ, при нѣкоторомъ увеличеніи состава жандармскихъ чиновъ средства для надзора усилятся, а главное, закономъ 8-го августа установленная, ссылка перебѣжчика (?) въ Якутскую область положить конецъ безнаказанности побѣговъ. Я увѣренъ, что прибѣгать къ этой грозной карѣ доведется весьма рѣдко, и что одно предвареніе ссылаемаго о возможности примѣненія оной произведетъ сильное моральное вліяніе на того, кто можетъ въ случаѣ побѣга ей подвергнуться.

Въ *Кіевскомъ тюремномъ замкѣ*, по инициативѣ *на-* Давно пора было.
чальника губернскаго жандармскаго управленія, Генераль-губернаторомъ приняты для водворенія порядка нѣкоторыя мѣры. Самая существенная изъ этихъ мѣръ та, которая косвенно лишаетъ прокурорскій надзоръ права, по исключительному его усмотрѣнію, устанавливать распорядокъ въ способѣ содержанія политическихъ арестантовъ въ камерахъ. Подлинное донесеніе по сему предмету при семъ всеподданнѣйше прилагаю.

У арестанта Сѣрышева найдена карманная памятная книжка; въ ней оказались адреса нѣсколькихъ важныхъ и по большей части уже осужденныхъ политическихъ преступниковъ и цифровой шифръ, служащій посредствомъ постукиванія для разговоровъ арестантовъ, размѣщенныхъ въ отдѣльныхъ камерахъ. Сѣрышевъ отрекается отъ сообщества съ злоумышленниками, утверждая, что адреса и шифръ записаны имъ давно, и что носилъ онъ при себѣ памятную книжку случайно или по привычкѣ. Данныхъ въ томъ, чтобы онъ участвовалъ въ убійствѣ нѣтъ, а баронесса Гейкингъ, могущая уличить Сѣрышева въ томъ, что

онъ слѣдилъ за покойнымъ Мезенцовымъ въ Лѣтнемъ Саду, доселѣ сюда не вернулась.

Содержаніе депеши по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества мнѣ сообщенной графомъ Адлербергомъ относительно адреса С.-Петербургскаго земскаго собранія, будетъ мною сообщено министру внутреннихъ дѣлъ для руководства и совокупнаго со мною желаннаго направленія дѣла.

28 августа 1878 г.

VI.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Крестный ходъ въ Александровскую Лавру и народный праздникъ 30-го августа прошли спокойно.

Въ прошломъ засѣданіи Комитета Министровъ Генераль-адъютантъ Тимашевъ внесъ на обсужденіе свое предположеніе о пользѣ предоставленія двумъ газетамъ права отпечатать *цѣликомъ* брошюру объ убійствѣ Мезенцова, въ видахъ указанія публики на безобразное и нелѣпое содержаніе оной. Пренія по сему вопросу возникли жаркія: ни одинъ изъ высказавшихся министровъ не согласенъ съ цѣлесообразностью предположенной мѣры, но многіе, въ томъ числѣ Набоковъ, Ливень и я, полагали не бесполезнымъ допустить въ печать избранныя выдержки; напротивъ, нѣкоторые члены находили вовсе ненужнымъ допущеніе какого бы то ни было оглашенія по инициативѣ правительства возмутительныхъ воззваній, въ особенности въ виду заявленнаго Генераль-адъютантомъ Тимашевымъ и большинствомъ комитета благопріятно принятаго намѣренія петербургскаго земства сдѣлать въ своемъ адресѣ указаніе на преступную брошюру. О томъ, что намѣреніе земства мнѣ извѣстно, я не высказалъ ни слова.

Ваше Императорское Величество соизволили 9 августа повелѣть, а 12-го числа августа подтвердить мнѣ о безотлагательномъ приведеніи въ исполненіе всѣхъ мѣръ, упомянутыхъ въ журналѣ Особаго Совѣщанія и запискѣ Статсъ-секретаремъ **Маковымъ** совмѣстно со мной составленной.

Исполненіе такового Вашего Величества повелѣнія и усиленные **розыски** повлекли за собою громадное увеличеніе самой **секретной** переписки, непосредственно отъ шефа жандармовъ исходящей, въ особенности относящейся до устройства агентуры, увеличенія состава жандармскихъ управленій вообще и организациа особаго **надзора** за ссыльными въ Восточную Сибирь. Оказывается необходимымъ образовать Особую Канцелярію лично

при шефѣ жандармовъ, по примѣру существующей при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. По бывшимъ примѣрамъ, Главные начальники образовывали подобныя канцеляріи,—временныя,—собственною властью, путемъ отданія о семъ приказа по своему вѣдомству. Я же не рѣшаюсь сего сдѣлать и осмѣливаюсь испросить предварительнаго Высочайшаго соизволенія на внесеніе установленнымъ порядкомъ ^{Повременить.} объ образованіи особой канцеляріи и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить безотлагательно составить временную канцелярію безъ всякаго измѣненія существующихъ штатовъ изъ числа чиновниковъ, состоящихъ при мнѣ для особыхъ ^{На это согласенъ.} порученій, и личныхъ секретарей и безъ испрошенія на сей предметъ особаго кредита.

Заарестованіе Клейнъ, кажется, можетъ повести къ серьезнымъ раскрытіямъ.

Держаю доложить, что болѣе 1½ лѣтъ безуспѣшно производящіеся розыски подпольной типографіи составляли предметъ глубочайшаго прискорбія покойнаго Мезенцова и его сотрудниковъ; сіи послѣдніе, поистинѣ говоря, съ 4-го августа не щадятъ себя, работаютъ всѣ, до самыхъ мелкихъ чиновниковъ, сверхъ силъ и все, что, по крайнему разумѣнію возможно сдѣлать для достиженія полезныхъ цѣлей, то дѣ- ^{Желалъ бы видѣть успѣхъ.} лается съ полнѣйшимъ рвеніемъ.

8 сентября 1878 г.

VII.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству.

Въ городѣ спокойно, розыски продолжаются энергично, но *все-таки не столь успѣшно, какъ бы желалось*; ^{Пока не вижу никакого результата.} одно изъ главныхъ препятствій это—упорство обвиняемыхъ давать показанія; большинство отзывовъ: я ничего не хочу говорить.

Вчера для встрѣчи лейбъ-гвардіи Егерскаго полка стеченіе публики было громадное, войско имѣетъ видъ бодрый, но усталый. Всѣ члены Августѣйшаго Вашего Величества Дома присутствовали при встрѣчѣ, и я былъ очевидцемъ того восторга, съ коимъ солдаты относились къ раздачѣ вѣнковъ изъ рукъ Государыни Цесаревны.

Относительно усиленія власти губернатора по надзору за тюрьмами Ваше Величество 22-го августа начертать соизволили, чтобы о семъ войти въ Комитетъ Министровъ ¹⁾. Во исполненіе

¹⁾ Всеподданнѣйшаго донесенія отъ 22-го августа у насъ нѣтъ. В. Б.

сего повелѣнія, я, въ виду того, что на шефа жандармовъ возложенъ надзоръ только за политическими преступниками, а что тюрьмы состоятъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ Генераль-адъютанту Тимашеву содержаніе Высочайшей воли и по соглашенію съ нимъ дѣло это будетъ **Хорошо**. внесено въ Комитетъ Министровъ.

Положеніе дѣлъ въ Харьковѣ очень нехорошо. Губернаторъ въ отпуску, а прокуратура и мѣстныя административныя власти, я осмѣливаюсь такъ выразиться, упали духомъ; населеніе крайне встревожено. Нужны мѣры энергическія и помощь отъ войска, для коей, вслѣдствіе указаній, сдѣланныхъ графомъ Милютинымъ въ шифрованной депешѣ Генераль-адъютанту Минквицу, сей послѣдній принимаетъ мѣры для усиленія состава жандармскаго управленія; еще въ августѣ командированы мною два расторопныхъ офицера, 18 унтеръ-офицеровъ и послано 1500 рублей въ распоряженіе Генерала Ковалинскаго; отъ Министра внутреннихъ дѣлъ командированъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Харламовъ для изслѣдованія причинъ происходящихъ неурядицъ; съ слѣдующимъ фельдъ-егеремъ всеподданнѣйше представляю *подробное изложеніе* происходящаго въ Харьковѣ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ.

Весьма серьезныя затрудненія встрѣчаются для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ по корпусу жандармовъ; къ прискорбію моему, желающихъ вступить нынѣ на столь тяжкую, отвѣтственную и даже для жизни опасную службу, не представляющую собою достаточнаго вознагражденія за труды, почти что не находится. Одно изъ средствъ привлечь способныхъ дѣятелей,—это значительное увеличеніе окладовъ и, памятуя Высочайше выраженное указаніе дѣйствовать, не теряя времени, я рѣшился изъ ассигнованныхъ 300 тысячъ рублей на усиленіе средствъ жандармскаго вѣдомства *отдѣлить часть суммы для негласной выдачи прибавочнаго содержанія г.г. штабъ-и оберъ офицерамъ*, состоящимъ на службѣ въ жандармскихъ управленіяхъ и въ особенности вновь опредѣляющимся.

Одобряю.

Адресъ С.-петербургскаго земства вотированъ; по мнѣнію всѣхъ, кому оный извѣстенъ, этотъ адресъ превосходный; онъ несомнѣнно произведетъ благоприятное впечатлѣніе не только въ Россіи, но и за границей.

Я его еще не получалъ.

4 сентября 1878 г.

VIII.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству.

Петербургъ занять встрѣчею войскъ, пріемъ коимъ дѣлается самый радушный.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія по дѣлу обсужденія мѣръ для изданія народныхъ брошюръ о пропагандистахъ, я испросилъ разрѣшеніе представиться Его Высочеству. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ назначилъ мнѣ явиться завтра. Между тѣмъ, я освѣдомился, что завтра появится въ «Голосѣ» статья о подпольныхъ изданіяхъ; она просмотрѣна Статсъ-секретаремъ Маковымъ и послужитъ какъ бы дополненіемъ къ порицанію, выраженному въ адресѣ петербургскаго земства,—а народныя брошюры довершеніемъ дѣла. Такимъ путемъ установится рядъ систематически обдуманыхъ мѣропріятій, — путемъ прессы противодѣйствовать преступной пропагандѣ.

Желаю весьма, чтобы оно могло принести пользу.

Ваше Величество изволите спрашивать—кто подстрекатели? Осмѣливаюсь доложить, что число ихъ размножилось до неуловимо значительныхъ размѣровъ и будетъ плодиться до толѣ, пока *руководители* не будутъ уничтожены. Руководителемъ самымъ опаснымъ въ Петербургѣ несомнѣнно представляется Кравчинскій. Мы имѣемъ въ рукахъ положительныя данныя и, вѣроятно, на этихъ дняхъ со страхомъ и трепетомъ, чтобы не загубить поспѣшностью или не ловкостью исполнителей, приступлено будетъ къ серьезнымъ арестамъ и обыскамъ у нѣсколькихъ лицъ, начиная съ матери Вѣры Засуличъ. Медлить тоже опасно, ибо малѣйшая огласка нашихъ предположеній или возбужденныя подозрѣнія въ тѣхъ, за коими слѣдитъ агентура, можетъ заставить ихъ бѣжать изъ столицы, а пользы отъ этого будетъ мало.

Я ихъ и разумѣлъ.

Дай Богъ, чтобы оно удалось и имѣло бы положительныя результаты.

Подпольная печать доселѣ работаетъ, къ крайнему прискорбію нашему, но есть много поводовъ полагать, что печатаніе производится не въ специальныхъ типографіяхъ, а наборщиками на дому или въ тайномъ наборѣ на разныхъ типографіяхъ, въ которыхъ революціонеры помѣстили своихъ агентовъ; таковой между прочимъ является Анна Клейнъ.

Держаю доложить, что ничтожность доселѣ достигнутыхъ результатовъ розысковъ сокрушаетъ меня и моихъ сотрудниковъ, ибо, Ваше Величество, тяжело предъ лицомъ Вашей Священной Особы и всей Россіи оказываться столь мало полезнымъ для службы отечеству.

9 сентября 1878 г.

IX.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Въ городѣ спокойно. Вступившія войска встрѣчаютъ восторженный приѣмъ. Въ Варшавѣ (арестованы) три студента Медико-хирургической академіи ¹⁾. У нихъ найдены полныя типографскія принадлежности. Этотъ арестъ указываетъ, что петербургскіе социалисты начали ощущать давленіе правительственныхъ мѣропріятій въ столицѣ и переносятъ свою преступную дѣятельность въ другіе центры. Весьма можетъ быть, но это не должно ослаблять розысковъ въ Пет.

Изъ донесеній Губернскихъ Жандармскихъ управленій видно, что революціонная пропаганда приняла значительное развитіе и измѣнила свой образъ дѣйствій. Съ 1874 г. до 1877-го социалисты ограничивались устной пропагандой,—нынѣ же, оставивъ «хождение въ народъ», они обратились къ болѣе безопасному приѣму, именно—къ распространенію въ средѣ народа преступныхъ литературныхъ произведеній. Противодѣйствовать этому способу до крайности затруднительно, ибо мы приходимъ къ убѣжденію, что печатаніе производится не въ специально революціонерамъ принадлежащихъ типографіяхъ, а преимущественно въ казенныхъ украдкой *черезъ посредство ихъ агентовъ*,—доказательствомъ тому служить заарестованная наборщица Анна Клейнъ, три мѣсяца работавшая въ типографіи Департамента Удѣловъ. Кромѣ того, наборъ для печатанія, вѣроятно, производится и на дому, набранныя доски тайкомъ проносятся въ типографіи, оттиснуть же ихъ дѣло нѣсколькихъ минутъ. Ихъ и надо стараться отыскать

До изданія Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія отъ 8-го августа казенныя типографіи были недоступны для обысковъ, но и понынѣ, кромѣ существовавшего подчиненія этихъ заведеній мѣстному начальству, общаго инспекторскаго надзора за ними нѣтъ. Я осмѣливаюсь полагать, что Я считаю эту мѣру необходимою. Войди въ сношеніе съ М. В. Д. для представленія мнѣ способа исполненія. контролированіе работъ въ казенныхъ типографіяхъ, путемъ учрежденія спеціальнаго инспекторскаго надзора, наподобіе существующаго для частныхъ типографій, мѣра необходимая. Такое распоряженіе было бы логическимъ послѣдствіемъ закона 8-го августа, обсужденнаго въ Особомъ Совѣщаніи. Вообще этотъ вопросъ нынѣ представляется въ высшей степени важнымъ, но

¹⁾ Абрамовичъ, Гласъ и Уманскій, назвавшійся Шпингелемъ. Объ этомъ приложена особая записка. (Ея у насъ нѣтъ. В. Б.).

доселѣ онъ не былъ разработанъ. Изъятъ отъ инспекторскаго контроля можно было бы одну типографію, состоящую при II Отдѣленіи Собственной Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи.

Розыски идутъ дѣятельно; мы знаемъ, кто руководитель шайки петербургской; заарестовали изъ его пособниковъ Трофимова, уличеннаго экспертами въ писаніи угрозъ на бланкѣ революціоннаго Исполнительнаго Комитета; въ рукахъ правосудія Анна Клейнъ и нѣкоторыя другія личности, но, *къ прискорбію, доселѣ добытые* результаты еще недостаточны, чтобы захватить злодѣевъ. Безъ помощи Божіей, невзирая на все рвеніе, мы можемъ надѣяться только на то, что кинжалъщики будутъ принуждены бѣжать изъ столицы.

Весьма будетъ жаль, если имъ удастся скрыться.

11 сентября 1878 г.

Х.

Ваше Императорское Величество!

Я имѣлъ счастье 9-го сентября всеподданнѣйше доносить, что готовились приступить къ весьма серьезному обыску ¹⁾, который могъ привести къ обнаруженію руководителя петербургской шайки бунтарей путемъ уличенія матери Вѣры Засуличъ въ письменныхъ сношеніяхъ ея съ дочерью черезъ посредство третьяго намъ неизвѣстнаго лица. Эту мѣру по совѣщаніи съ Статсъ-секретаремъ Набоковымъ я отложилъ въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, вновь здѣсь добытыхъ и полученныхъ свѣдѣній о томъ, что сообщникъ «Капитана» (Чубарова) нѣкій Ѳедотка въ іюлѣ, по возвращеніи изъ Харькова, былъ злодѣями командированъ въ Петербургъ. Ѳедотка—пріятель Ѳомина, содержащагося въ Харьковѣ, и быть можетъ черезъ сего послѣдняго удастся добыть необходимыя разъясненія. Къ несчастью, развитіе пропаганды приняло размѣры громадныя, о чемъ почти всякій день съ разныхъ концовъ Имперіи доносятъ начальники жандармскихъ управленій. Кромѣ сего изъ-за-границы сообщаютъ ²⁾, что партія польско-русскихъ социалистовъ, проживающихъ въ Швейцаріи, затѣваетъ покушеніе, направленное противъ Особъ Августѣйшаго Дома.

Наша агентура доставила указанія на нѣкоторыхъ лицъ, проживающихъ въ Россіи и будто бы находящихся въ сноше-

¹⁾ См. выше—всеподданнѣйшее донесеніе VIII-е.

²⁾ Примѣчаніе: Вчера я получилъ изъ Берлина отъ «Соціально-Демократическаго Собранія» увѣдомленіе объ смертномъ моемъ приговорѣ кинжаломъ, револьверомъ или ядомъ,—для чего будто бы будутъ на дняхъ посланы исполнители.

ніяхъ съ заговорщиками, въ числѣ коихъ назвала Сентянина (содержится въ Харьковѣ), но, однако, едва ли тревожныя заграничныя вѣсти имѣютъ серьезное основаніе; можно надѣяться, что это *подлое запугиваніе*.

И я такъ
думаю.

Тѣмъ не менѣе, мною командированъ за границу вновь нанятый ловкій агентъ-иностранецъ, а другой вызванъ по телеграфу изъ Вѣны для доставленія ближайшихъ свѣдѣній о швейцарскихъ злоумышленникахъ.

Достовѣрнымъ оказывается, что между русскими и польскими социалистами устанавливается связь, и что здѣшніе социалисты распространяютъ печатныя брошюры преимущественно черезъ женщинъ.

Доселѣ Богъ милуетъ Финляндію и Остзейскій край; тамъ все благополучно, и я даже перевелъ изъ Курляндской и Лифляндской губерніи 15 унтеръ-офицеровъ жан-дармовъ наблюдательнаго состава; полагаю, что эта мѣра будетъ Остзейцами принята благопріятно, какъ выраженіе довѣрія правительства къ политической ихъ благонадежности.

Слава Богу.

Результаты нашихъ усилій достигаются медленно, но я опять осмѣливаюсь выразить полную надежду на то, что, при помощи Господа, къ зимѣ Петербургъ будетъ очищенъ отъ кинжальщиковъ и прочія шайки пропагандистовъ будутъ стѣснены въ ихъ преступной дѣятельности.

Дай Богъ

Вчера, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича происходило совѣщаніе объ изданіи народныхъ книжекъ. Полезность этой мѣры признана единогласно; относительно же способа приведенія ея въ исполненіе высказаны были разныя мнѣнія, кои, наконецъ, резюмировались принятіемъ предложенія Статсъ-секретаря Валуева и моего о томъ, чтобы въ программу книжекъ ввести указанія не только на пагубность пропаганды, но и поучительные рассказы, объясняющіе народу необходимость налоговъ, податей, рекрутскихъ и иныхъ повинностей и вообще исполненія жителями обязанностей, противъ тяжести коихъ направлена преступная агитація.

Его Высочество изволятъ Сами писать Вашему Величеству, а между тѣмъ Они поручили министру внутреннихъ дѣлъ составить *журналъ* и за симъ руководство для приведенія его въ исполненіе при участіи министра народнаго просвѣщенія и исправляющаго должность шефа жандармовъ.

Буду ждать
его.

16 сентября 1878 г.

XI.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Въ городѣ спокойно. Розыски продолжаются, но подробности оныхъ пока не заслуживаютъ Высочайшаго вниманія. Я могу только доложить, что, мало-по-малу, многообразные козни и замыслы пропагандистовъ выясняются и противъ нихъ принимаются мѣры.

Исправл. должность харьковскаго губернатора Шостака, доставивъ подробное донесеніе о положеніи новобѣлгородской тюрьмы, между прочимъ указывалъ на то, что всѣ. одиночныя камеры замѣщены, испрашиваетъ разрѣшеніе, вмѣсто одиночнаго заключенія всѣхъ 28 человекъ, находящихся въ оныхъ политическихъ каторжниковъ,—допустить содержаніе нѣкоторыхъ по два въ камерѣ. Въ законѣ нѣтъ указаній на обязательность одиночнаго содержанія политическихъ арестантовъ, но, такъ какъ изъ дѣлъ III Отдѣленія видно, что Ваше Величество 15 мая 1875 года въ г. Эмсѣ повелѣтъ изволили по дѣлу Долгушина, Дмоховскаго и прочихъ содержать означенныхъ преступниковъ поодиначкѣ, то таковой способъ заключенія Генераль-адъютантъ Мезенцовъ примѣнилъ вообще ко всѣмъ политическимъ каторжникамъ и посему безъ всеподданнѣйшаго доклада я не считаю возможнымъ измѣнить сдѣланнаго распоряженія. Вслѣдствіе вышеизложеннаго и принимая во вниманіе донесеніе Статскаго совѣтника Шостака о томъ, что долговременное заключеніе разрушаетъ здоровье арестанта въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ, я признаю священнымъ долгомъ, зная милосердіе Вашего Величества, просить повелѣнія:

1) Разрѣшить исправл. должн. шефа жандармовъ ^{Да, не иначе, какъ жди моего разрѣшенія каждый разъ.} теперь же, а Шефу и на будущее время, дѣлать указанія губернатору (черезъ министра внутреннихъ дѣлъ), кто именно изъ политическихъ арестантовъ долженъ подвергаться одиночному заключенію, а кто можетъ быть отъ онаго избавленъ.

2) Дабы облегченіе въ способѣ содержанія политическихъ арестантовъ не имѣло видъ уступки, дѣлаемой революціонной подпольной пропагандѣ, переводить нынѣ заключенныхъ каторжниковъ изъ одиночнаго заключенія не вдругъ многихъ, а постепенно въ видѣ поощренія тѣхъ, кои ведутъ себя смирно.

3) Исправл. должн. шефа жандармовъ войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, при участіи министра юстиціи, о томъ, чтобы при первой возможности нѣкоторая часть полити-

ческихъ каторжниковъ была перемѣщена на островъ Сахалинъ или иную отдаленную мѣстность Сибири съ тѣмъ, чтобы Министерство внутреннихъ дѣлъ предварительно распорядилось устройствомъ для перемѣщаемыхъ 16 арестантовъ благонадежныхъ отъ побѣговъ мѣстъ заключенія. Насколько мнѣ извѣстно, этотъ вопросъ былъ давно поднятъ, но доселѣ не получилъ разрѣшенія; между тѣмъ число политическихъ каторжниковъ ежегодно увеличивается и въ Европейскихъ тюрьмахъ для нихъ недостаетъ мѣстъ.

Мѣры для ссылки въ Якутскую область политическихъ преступниковъ и для устройства таковымъ поселеній (какъ сіе было упомянуто въ запискѣ моей и Статсъ-секретаря Макова, удостоившейся Высочайшаго утвержденія)¹⁾, эти мѣры разрабатываются, но въ Якутскую область предположено высылать не каторжниковъ, а менѣе преступныхъ социалистовъ.

21 сентября 1878 г.

XII.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Въ городѣ спокойно, но въ средѣ учащейся молодежи замѣчается нѣкоторое броженіе, за коимъ зорко слѣдимъ, предотвращая сборища многочисленныхъ сходокъ, подъ какими бы то ни было предлогами таковыя студентами ни затѣвались.

Изъ приложеннаго доклада Ваше Величество изволить усмотрѣть, что множество угрожающихъ заявленій, по ближайшему обсужденію оныхъ, оказываются незаслуживающими серьезнаго вниманія; тѣмъ не менѣе, ни одно не оставляется безъ разслѣдованія.

Къ сожалѣнію, революціонный социализмъ принимаетъ возрастающее развитіе; борьба противъ него—дѣло труднѣйшее, вести это дѣло слѣдуетъ твердо, энергично, но крайне осторожно. Для противодѣйствія пропагандѣ надлежитъ усвоить различные приемы; принятіе однихъ строгихъ карательныхъ мѣръ недостаточно, даже вредно; по временамъ необходимо относиться снисходительно къ нѣкоторымъ личностямъ, увлеченнымъ преступными идеями, въ особенности къ тѣмъ, кои принадлежатъ къ средѣ учащейся молодежи и кои подають надежду къ отрезвленію въ будущемъ. На-дняхъ Управляющій министерствомъ Народнаго Просвѣщенія заявилъ мнѣ, что студенты Петербургскаго универ-

¹⁾ Текстъ этой «записки» (Высочайше утвержденной 8-го августа) см. выше. В. Б.

ситета весьма взволнованы тѣмъ, что двумъ изъ ихъ товарищей Введенскому и Федоровичу, замѣшаннымъ въ большомъ процессѣ 193-хъ лицъ, по суду оправданнымъ, но отданнымъ подъ надзоръ полиціи, воспрещено проживать въ университетскихъ городахъ, что лишаетъ ихъ возможности окончить курсъ наукъ. Разсмотрѣвъ дѣло и убѣдившись, что упомянутые студенты не совершили важныхъ проступковъ, я заявилъ князю Ширинскому-Шахматову, что признаю возможнымъ *допустить къ слушанію лекцій* тѣхъ студентовъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, кои представляютъ ручательство Ректора въ безукоризненномъ поведеніи въ отношеніи политическомъ. Ректоръ г. Бекетовъ выдалъ таковое ручательство, подъ личною своею отвѣтственностью, и оба студента допущены въ университетъ, но съ учрежденіемъ за ними негласнаго наблюденія. Это снисхожденіе успокоило студентовъ, и я рѣшаюсь распространить оное относительно еще восьми студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ устранить всѣ поводы къ возбужденію корпоративнаго возбужденія неудовольствія въ средѣ студенческой, но, во всякомъ случаѣ, не дерзая упускать изъ памяти мудрое Высочайшее указаніе Вашего Величества на то, чтобы розыски, производимые въ Петербургѣ, ни подъ какимъ предлогомъ *не были ослабляемы* и тѣмъ преступникамъ не было бы дано возможности распространять губительную заразу.

Мѣру эту одобряю.

Да.

23 сентября 1878 г.

XIII.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Въ городѣ спокойно, но агентурныя свѣдѣнія указываютъ на броженіе умовъ учащейся молодежи, преимущественно въ медико-хирургической академіи. Студенты сего заведенія по большей части принадлежатъ къ разряду пролетаріевъ, отличаются неряшливостью, грубостью и имѣютъ особый типъ. Они представляютъ собою почву, воспріимчивую для преступнаго лжеученія пропагандистовъ, и живутъ довольно дружно въ каждомъ курсѣ. Секретныя наблюденія за студенческими движеніями усилены, но я осмѣливаюсь полагать, что не только эта, но и всѣ доселѣ принятые мѣры въ видахъ отрезвленія студентовъ-медиковъ, суть мѣры паліативныя; нужны мѣры радикальныя; такой мѣрой было бы перемѣщеніе *медико-*

хирургической академіи въ такой городъ (или мѣстность), въ коемъ студенты были бы разобщены отъ соприкосновенія съ злонамѣренно возбуждающей ихъ фалангой разнаго рода и вида социалистовъ и удалены отъ соблазна, представляющаго собою столичную жизнь. Здѣсь бѣднымъ студентамъ покровительствуютъ многія, къ довольно высокимъ слоямъ общества принадлежащія лица, образъ мыслей коихъ враждебенъ Правительству; вліяніе этихъ личностей на молодежь пагубно, но происки ихъ, не будучи явно противозаконными, почти неуловимы; однако, мы должны имъ противодѣйствовать, и по прибытіи Шефа жандармовъ я сообщу ему данныя, сообразивъ кои, быть можетъ Генераль-адъютантъ Дрентельнъ, признаетъ нужнымъ представить на Высочайшее воззрѣніе предположенія о принятія нѣкоторыхъ мѣръ, косвенно направленныхъ противъ дѣяній различныхъ благотворительныхъ обществъ и отдѣльных лицъ, съ цѣлью парализовать вредное вліяніе этихъ дѣятелей на учащуюся молодежь.

Это практически невозможно.

Изъ приложенной докладной записки о похищеніи бумагъ у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Харламова Ваше Величество усмотрѣть изволите о крайне нахальной выходкѣ революціонеровъ. Эта кража доказываетъ, что въ среду служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ социалисты помѣстили своихъ агентовъ. Принявъ всѣ зависящія мѣры къ раскрытію преступниковъ, я просилъ Министра Путей Сообщенія энергически обслѣдовать это дѣло.

Опасаясь, чтобы преступникъ Сентянинъ не убѣжалъ изъ харьковской тюрьмы, я предписалъ препроводить его въ Петербургъ. Личность эта весьма серьезная: Сентянинъ несомнѣнно посвященъ въ самыя сокровенныя тайны бунтарей.

XIV.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Въ Петербургѣ розыски продолжаются дѣятельно, всѣ струны жандармскаго вѣдомства натянуты донельзя, въ производствѣ множество дознаній и разслѣдованій, но дѣла недостаточно созрѣли, чтобы утруждать Ваше Величество изложеніемъ подробностей. Въ числѣ новыхъ интересныхъ эпизодовъ—заарестованіе Шейне Шуръ. Посланная довѣреннымъ курьеромъ изъ Парижа въ Россію заграничными социалистами съ письмами въ конвертахъ безъ адресовъ, эта еврейка была схвачена въ Вержболовѣ.

Письма найдены у Шуръ на тѣлѣ, подъ рубашкой. Изъ приложенной копіи съ донесеніями нашего агента Ваше Величество усмотрѣть соизволите, что заграничные революціонеры не ожидали заарестованія Шуръ, но что они получили извѣстіе о томъ изъ Россіи едва ли не въ самый день ея задержанія.

Общее положеніе дѣлъ, относящихся до распространенія пропаганды въ Россіи, отмѣнно серьезно. *Грустно было бы думать противное.* *Да.* *но не безвыходно;* для достиженія успѣха, для подавленія преступныхъ замысловъ революціонеровъ, *необходимо, чтобы указанія* Вашего Величества приводились въ исполненіе единомысленно тремя учрежденіями, коимъ подчинена *полиція*, а непоколебимо вѣрнымъ залогомъ побѣды надъ социалистами служить искренняя, безпредѣльная любовь къ Священной Особѣ Вашего Величества всего народа, войска и помѣстнаго дворянства, ежедневно проявляющаяся путемъ отголосковъ, сообщаемыхъ въ Петербургъ изъ провинцій и здѣсь гласно заявляемыхъ.

Эти проявленія служатъ искреннимъ утѣшеніемъ для всѣхъ Вашего Величества вѣрноподданныхъ и поддерживаютъ въ нихъ рвеніе къ службѣ отечеству.

30 сентября 1878 г.

XV.

Ваше Императорское Величество!

По содержанію вчера полученной депеши отъ генерала Черевина съ указаніемъ на рисовальщицу Малиновскую, проживающую въ Царскомъ Селѣ, имѣю счастье всеподданнѣйше донести, что эта личность, давно извѣстная III Отдѣленію, дѣйствительно подозрительная, и за ней имѣлось секретное наблюденіе. *Имѣть за ней неослабное наблюденіе.* Нынѣ наблюденіе это усугубляется.

Третьяго дня въ Комитетѣ Министровъ читанъ былъ годовой отчетъ Одесскаго Градоначальника, въ коемъ упомянуто о томъ, что ему не отпускается никакихъ денежныхъ средствъ на секретную полицію. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ возразилъ, что такой вовсе нѣтъ ни въ одномъ изъ городовъ, кромѣ столицъ. По этому поводу возникли пренія; нѣкоторые члены указывали, что сыскная полиція необходима, и что она вообще должна быть организована и подвѣдома жандармскому вѣдомству, — другіе члены съ послѣднимъ условіемъ не соглашались. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Абаза заявилъ, что онъ многократно указывалъ на аномальность подчиненія полиціи нѣсколькимъ вѣдомствамъ, вслѣдствіе чего она не можетъ дѣйствовать быстро и достичь

цѣли своего назначенія; большинство высказывавшихся членовъ соглашались съ Абазой. Но такъ какъ обсужденію Комитета подлежалъ одинъ частный вопросъ по Одессѣ (о чемъ напомнилъ статсъ-секретарь Валуевъ), то Генераль-адъютанту Тимашеву поручено было представить соображенія по одесскому дѣлу,—дальнѣйшія же пренія на общую тему о полиціи были прекращены.

Полученное свѣдѣніе о томъ, что въ Турціи оставлено до 300.000 войскъ сильно занимаетъ всю Россію, имѣетъ вліяніе на паденіе курса и цѣнъ на фонды; между тѣмъ распространенный въ Петербургѣ слухъ о состоявшемся соглашеніи Россіи съ Австріей принять весьма благопріятно въ высшемъ слоѣ общества, нынѣ заинтересованномъ обсужденіемъ печатью возвѣщенныхъ предположеній объ необходимости введенія новыхъ налоговъ. Отголосокъ разсужденій по сему предмету можно резюмировать изложеніемъ нижеслѣдующаго:

Кредитъ нашъ за границей падаетъ,—онъ можетъ быть поднять лишь при убѣжденіи капиталистовъ въ томъ, что Государство изобрѣло новые источники доходовъ. Всякій новый налогъ крайне непріятенъ плательщикамъ; онъ влечетъ за собою ропотъ, и если безъ увеличенія налоговъ обойтись невозможно, то рациональнѣе ввести разомъ новый налогъ въ такомъ размѣрѣ, который могъ бы удовлетворить всѣмъ нуждамъ страны.

Для покрытія расходовъ по росписи на 1879 годъ ожидается дефицитъ доходовъ размѣромъ отъ 50 до 70 милліоновъ; предположенный же поразрядный налогъ можетъ быть отъ 13 до 16 милліоновъ; притомъ онъ служитъ какъ бы переходной ступенью для введенія подоходнаго налога, этого самаго ненавистнаго, даже въ Англіи, вида платежей казнѣ. Введеніе табачной монополіи стѣснить развитіе этой нарождающейся въ Россіи промышленности и встрѣчено будетъ всеобщимъ неодобреніемъ отъ богатаго до бѣднаго. Самымъ простымъ (по способу взиманія) средствомъ увеличить государственный доходъ финансисты предполагаютъ введеніе сбора дополнительныхъ копеекъ (*centimes additionels*) по примѣру Франціи. Этотъ сборъ, даже за освобожденіемъ отъ онаго лицъ, платящихъ подушную подать, могъ бы дать ежегодно до 50 милліоновъ и болѣе, а изыятіе въ пользу крестьянъ и мѣщанъ, укрѣпивъ въ нихъ чувства преданности Самодержавному началу, вмѣстѣ съ тѣмъ отняло бы у прессы и зловерной пропаганды поводъ укорять правительство въ томъ, что для улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ населенія,—ничего не предпринимается.

5 октября 1878 г.

XVI.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Въ городѣ спокойно, кромѣ нѣкотораго волненія въ Медико-хирургической академіи: на-дняхъ въ тамошней библіотекѣ была сходка: агентурныя донесенія объ оной при семъ прилагая, осмѣливаюсь доложить, что вполне довѣриться справедливости всего въ нихъ изложеннаго едва ли возможно. Вызвавъ къ себѣ Начальника Академіи Тайнаго Совѣтника Быкова, человека почтеннаго, но устарѣвшаго и робкаго, я, передалъ ему свѣдѣнія о вновь готовящейся сходкѣ, присовокупивъ, что, по моему, слѣдовало бы исключить изъ Академіи тѣхъ студентовъ, кои были дерзки, съ тѣмъ, чтобы потомъ выслать исключенныхъ изъ столицы. Въ виду ожидаемаго пріѣзда Шефа жандармовъ, я ограничился вышеизложенными мѣрами.

Тайный Совѣтникъ Быковъ заявилъ, что при нынѣшнемъ комплектѣ, превышающемъ 1900 слушателей лекцій, онъ признаетъ невозможнымъ наблюдать за студентами. *Невозможно.* По его мнѣнію, *полезно было бы обратить Академію въ закрытое заведеніе*,—какъ сіе прежде было,—но такъ какъ помѣщеній въ зданіяхъ Академіи недостаточно и едва ли хватитъ на 350 человекъ, то остальныхъ студентовъ можно было бы распределить по всѣмъ университетамъ или учредить особую Медицинскую Академію въ одномъ изъ городовъ Имперіи. Графъ Толстой не встрѣчаетъ препятствій къ устройству медицинскаго факультета при Петербургскомъ университетѣ.

Пресса болѣе или менѣе сдержанно, но послѣдовательно продолжаетъ возбуждать общественное мнѣніе рядомъ статей, критическихъ и трактующихъ объ предположенныхъ налогахъ и податяхъ. Статскій совѣтъ Валуевъ передалъ мнѣ, что онъ, въ качествѣ члена Главнаго Финансоваго Комитета, съ своей стороны обратился къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ указаніемъ на вредное вліяніе этого рода статей. Валуевъ проводитъ ту мысль, что полезно было бы опровергнуть (печатно) всѣ газетныя свѣдѣнія, распространяющія неосновательные или тенденціозные слухи по финансовымъ вопросамъ.

Въ послѣднемъ докладѣ моемъ отъ 5 октября ¹⁾ упомянуто, было объ рисовальщицѣ Малиновской; симъ имѣю счастье доложить, что Малиновская нынѣ проживаетъ въ Петербургѣ на углу Обводнаго канала, а не въ Царскомъ Селѣ. Надлежащія мѣры для наблюденія за ней приняты.

7 октября 1878 г.

¹⁾ См. выше. В. Б.

XVII.

Вашему Императорскому Величеству имѣю счастье всеподданнѣйше донести.

Сегодня ночью было произведено три обыска, причемъ открыто переплетное заведеніе революціонныхъ изданій. Поводъ къ обыску былъ слѣдующій: наблюденіе за извѣстной Вашему Величеству Малиновской обнаружило, что она постоянно ходитъ въ одинъ домъ 12-ой Роты Измайловскаго полка, гдѣ проживаютъ два лица въ полиціи неписанныя. Опасаясь, чтобы Малиновская и эти неизвѣстные люди не замѣтили, что за ними учрежденъ надзоръ, мною рѣшено было вчера въ 8 часовъ вечера, произвести въ ту же ночь обыскъ одновременно въ трехъ домахъ и для выигрыша времени безъ участія прокурорскаго надзора. Во время обыска у Малиновской, жившая съ ней на одной квартирѣ Федорова (Загорская) два раза предательски выстрѣлила изъ револьвера въ жандармскаго подполковника Кононова, разбиравшаго бумаги въ трехъ или четырехъ шагахъ разстоянія отъ преступницы; но Господь помиловалъ Кононова,—обѣ пули въ него не попали. Въ домѣ 12-ой Роты у неизвѣстнаго лица, назвавшагося Василиемъ Павловичемъ Соболевымъ найденъ револьверъ. При семъ прилагая донесеніе Начальника с.-петербургскаго жандармскаго Губернскаго управленія Генераль-майора Комарова, имѣю счастье доложить, что болѣе подробныя донесенія къ часу отправленія фельдъегеря въ Ливадію не было возможности успѣть составить.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, вѣроятно, уже донесъ Вашему Императорскому Величеству о появленіи въ № 8 газеты «Русская Правда» открытаго письма на имя Шефа жандармовъ, подписаннаго редакторомъ-издателемъ Гирсѣ. Хотя тонъ письма довольно приличный (кромѣ указанія на «безчисленныя жертвы, отрываемыя съ невыносимою болью отъ груди матерей, братьевъ и друзей»), но таковое письмо—явленіе еще въ Россіи небывалое. Говорятъ, что Гирсѣ подставной издатель-редакторъ газеты; подъ его фирмой «Русскую Правду» закулисно ведутъ Коршъ и К-о съ платою Гирсу 5.000 рублей жалованья. Письмо къ Шефу жандармовъ занимаетъ весь Петербургъ,—благомыслящая среда общества признаетъ выходку газетчика совершенно неприличной въ Самодержавномъ Государствѣ.

Вообще печать въ послѣднее время, хотя сдержанно, но чаще и многостороннѣе проводить антиправительственныя идеи; «Новое Время», «Русскій Міръ», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Новости» и нѣкоторыя другія постоянно возбуждаютъ самые жизненные государственные вопросы (нынѣ съ особеннымъ жаромъ—финан-

совый) и обсуждения газетъ постоянно направлены къ порицанію такихъ предположеній, на коихъ правительство еще само не остановилось, напр., о налогахъ. При покойномъ Лонгиновѣ дѣйствовалъ тотъ же самый законъ 6-го апрѣля 1865 года о печати, который дѣйствуетъ и понынѣ и на множество недостатковъ коего ссылаются нѣкоторые лица, между тѣмъ, за время Лонгинова пресса, видимо, подчинялась направленію, указываемому ей Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, и я осмѣливаюсь полагать, что нынѣ, въ виду болѣе или менѣе возбужденнаго настроенія общества и возрастающаго развитія соціальной пропаганды, слѣдуетъ самымъ серьезнымъ образомъ относиться къ дѣламъ печати; мнѣ кажется, что было бы полезно опровергать въ официальномъ органѣ тѣ слухи о правительственныхъ предположеніяхъ, кои измышлены или ложны.

12 октября 1878 г.

* * *

Къ этимъ семнадцати документамъ для большей ясности картины прибавимъ еще два: 1) приложение къ одному изъ всеподданныхѣйшихъ докладовъ Селиверстова императору Александру II и 2) одинъ изъ имѣющихся у насъ двухъ докладовъ того же Селиверстова (другой мы дадимъ нѣсколько ниже) наследнику престола,—впослѣдствіи императору Александру III, содержащій нѣкоторые изъ такихъ подробностей дѣятельности III Отдѣленія въ августѣ 1878 г., которыхъ нѣтъ въ вышеприведенныхъ докладахъ. Подробности эти, безъ сомнѣнія, были доведены и до свѣдѣнія Александра II, но, очевидно, въ тѣхъ всеподданныхѣйшихъ докладахъ, которыхъ у насъ недостаетъ.

I.

Объ учрежденіи инспекторскаго надзора за казенными типографіями.

На всеподданныѣйшемъ докладѣ моемъ отъ 11 сентября ¹⁾ противъ статьи о необходимости учрежденія инспекторскаго надзора за казенными типографіями Ваше Величество соизволили начертать отмѣтку: «И я считаю эту мѣру необходимой. Войди объ этомъ въ сношеніе съ М. В. Д. для представленія Мнѣ способа исполненія».

Во исполненіе такого повелѣнія я совѣщался съ Генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ, который призналъ возможнымъ представить къ казеннымъ типографіямъ, за исключеніемъ типографіи

¹⁾ См. докладъ № IX.

II Отдѣленія Собственной Вашего Величества Канцеляріи, тѣ самыя правила, кои установлены для инспектированія частныхъ типографій. Это тѣмъ болѣе удобно, что въ законѣ о печати, изданномъ 6-го апрѣля 1865 г., объ изыятіи казенныхъ типографій отъ инспекціи прямого указанія нѣтъ.

Для приведенія въ дѣйствіе означеннаго надзора Министръ Внутреннихъ Дѣлъ полагаетъ необходимымъ прибавить къ нынѣ въ С.-Петербургѣ существующему штату, состоящему изъ трехъ инспекторовъ, еще одного вполне благонадежнаго инспектора, а прочимъ увеличить оклады жалованья. Подробный по сему предмету докладъ Генераль-адъютантъ Тимашевъ будетъ имѣть счастье представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.

II.

Вашему Императорскому Высочеству всепреданнѣйше донести честь имѣю.

За послѣднее время дѣятельность III Отдѣленія и сыскной полиціи г. Петербурга была направлена для розыска убійцы Генераль-адъютанта Мезенцова и разслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ это прискорбное событіе.

Разслѣдованіе политическихъ преступленій встрѣчаетъ затрудненія, не существующія при производствѣ обыкновенныхъ уголовныхъ слѣдствій; послѣднія рѣдко имѣютъ дѣло съ значительнымъ числомъ обвиняемыхъ, притомъ сплотившихся въ стройно организованное сообщество; въ дѣлѣ убійства Шефа жандармовъ участвовала цѣлая шайка самыхъ отчаянныхъ социалистовъ, имѣющихъ связь съ русскими эмигрантами. Этого рода злоумышленники пользуются указаніями опыта, приобретеннаго западными социаль-демократическими сообществами, кои выработали цѣлыя приемы и цѣлыя системы для сохраненія въ тайнѣ своихъ преступныхъ цѣлей.

Къ сожалѣнію, пресса (за исключеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» и малаго числа другихъ журналовъ) постоянно относится почти что сочувственно ко всякому антиправительственному проявленію политическаго характера и броженію умовъ молодежи, а общество доселѣ относилось болѣе чѣмъ пассивно къ мѣрамъ, принимаемымъ правительствомъ, для прегражденія быстро распространяющейся въ Россіи социальной пропаганды.

Между тѣмъ, полиція какъ явная, такъ и тайная, по слабости и неудовлетворительности состава своего, далеко не соотвѣтствуетъ потребности времени.

Если ко всему сему просовокупить, что тюремная часть въ положеніи весьма неблагополучномъ, что агентурныя средства III Отдѣленія доселѣ крайне ограничены, и что сформированіе опытныхъ и надежныхъ агентовъ обусловливается извѣстнымъ срокомъ времени, то затруднительность производства дѣлъ по политическимъ преступленіямъ становится очевидною.

Несмотря, однако, на всѣ вышеизложенныя и многія другія неблагопріятныя условія, III Отдѣленіе энергично ведетъ дѣло общаго преслѣдованія пропаганды. На югѣ Россіи захвачены весьма серьезные преступники, а въ Петербургѣ дѣятельные розыски, перехваченныя письма и свѣдѣнія, недавно добытыя изъ-за границы, привели къ убѣжденію, что главнымъ руководителемъ революціонной агитаціи въ столицѣ является нѣкій отставной поручикъ Сергѣй Кравчинскій, который долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаться и авторомъ появившихся въ послѣднее время брошюръ и объявленій. Имена многихъ его единомышленниковъ извѣстны III Отдѣленію; заарестовано нѣсколько личностей, состоящихъ въ связи съ шайкой Сергѣя Кравчинскаго (такой между прочимъ является Раиса Штирмеръ) и, хотя доселѣ ни отъ кого нѣтъ признанія, а, напр., противъ мѣщанина Сѣрышева (задержаннаго 14-го августа на границѣ) даже не имѣется уликъ къ обвиненію его по дѣлу убійства Генералъ-адъютанта Мезенцова, но вчерашняго числа захваченная купеческая сестра Клейнъ, несомнѣнно, послужитъ руководящей нитью къ раскрытію здѣшняго кружка бунтарей и кинжалщиковъ.

У Клейнъ найдена подлинная рукопись Чигиринскаго дѣла, та самая, о скоромъ появленіи которой въ печати упоминается въ брошюрѣ объ убійствѣ Мезенцова. Клейнъ нѣсколько мѣсяцевъ служила наборщицей въ типографіи Департамента Удѣловъ; во время производства обыска задержано поодиночкѣ шесть лицъ, приходившихъ къ Клейнъ, не зная, что въ ея квартирѣ полиція. Опросъ всѣмъ этимъ личностямъ еще не успѣли сдѣлать.

Заручившись такими данными, имѣется основаніе надѣяться на то, что, при помощи Божьей, въ теченіе извѣстнаго времени, если не всѣ злоумышленники, то главные изъ ярыхъ попадутъ въ руки правосудія,—и тѣмъ Петербургъ будетъ освобожденъ отъ шайки самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, способныхъ на всякое злодѣйство.

29 августа 1878 г.

Суммируемъ теперь всѣ главныя, такъ сказать, «темы», на которыя писалъ свои доклады госудаю императору и наслѣднику-цесаревичу шефъ жандармовъ и постараемся дать по каждой

изъ нихъ поясненіе. Темы эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

1) Объ организаціи надзора за противоправительственнымъ движеніемъ въ странѣ путемъ привлеченія официальными органами, функцію эту выполняющими, къ такого же рода дѣятельности контингента надежныхъ негласныхъ «сотрудниковъ».

2) О брошюрѣ «Убійство шефа жандармовъ Мезенцова» и другихъ нелегальныхъ изданійхъ и о способахъ борьбы съ такого рода печатью.

3) Объ изданіи для борьбы съ революціонерами народныхъ брошюръ, а также способовъ воздѣйствія на общественное мнѣніе путемъ появленія въ газетахъ написанныхъ въ надлежащемъ духѣ статей.

4) О расширеніи правъ жандармскаго вѣдомства и сокращеніи правъ прокурорскаго надзора въ дѣлѣ преслѣдованія государственныхъ преступленій.

5) О Малиновской, Кудейнѣ, Штирмерѣ и др. лицахъ, упоминаемыхъ въ докладахъ, какъ о дѣятеляхъ революціоннаго движенія, особенно вредныхъ и опасныхъ.

В. Богучарскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ дѣлу В. Н. Засуличъ.

*Репортъ С.-петербургскаго градоначальника генералъ-маіора
А. А. Козлова министру внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашеву
1878, 1 апрѣля¹⁾.*

И. д. С.-Петербургскаго Градоначальника. 1 апрѣля 1878 г.

Вчера около 7 ч. пополудни, по объявленіи Окружнымъ судомъ приговора по дѣлу Вѣры Засуличъ, толпа молодыхъ людей, встрѣтивъ освобожденную Засуличъ у воротъ зданія дома предес-
рительнаго заключенія, понесла ее на рукахъ, съ крикомъ «ура», по Шпалерной улицѣ. Послѣ того, какъ Засуличъ сѣла въ карету толпа сопровождала ее съ тѣмъ же крикомъ, не позволяя ѣхать рысью по Шпалерной и Воскресенскому проспекту до Фурштадской улицы. Въ предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ, полиція, замѣтивъ, что толпа хочетъ провожать подсудимую съ триумфомъ по главнымъ улицамъ столицы и желая предупредить, чтобы ее не провезли мимо Зимняго Дворца, какъ того требовали раздававшіеся въ толпѣ крики (sic), предложила прибывшимъ, по ея требованіямъ, жандармамъ, при поворотѣ на Фурштадскую улицу, окружить карету и стала убѣждать толпу разойтись. Въ это время послѣдовало изъ толпы три выстрѣла, послѣ которыхъ всѣ сопровождавшіе Засуличъ разбѣжались, а карета поѣхала рысью.

На мѣстѣ происшествія оказалось одна пуля попала въ каску жандарму Микулину и засѣла въ гербѣ, не причинивъ никакого вреда. Близъ того мѣста, гдѣ произведены были выстрѣлы, поднять трупъ отбывшаго по суду шестимѣсячное заключеніе за государственное преступленіе Григорія Сидорацкаго, а возлѣ него найденъ револьверъ, шестиствольный, безъ трехъ патроновъ. Въ карманѣ платья Сидорацкаго найденъ чехоль отъ того револьвера и десять патроновъ для того же револьвера. На мѣстѣ же происшествія была поднята и доставлена въ 3-й участокъ Литейной части въ домъ Овсянникова, въ квартиру доктора Чудновскаго

¹⁾ Изъ бумагъ проф. И. В. Помяловскаго, хранящихся въ руко-
писномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ. В. С.

таганрогская мѣщанка, слушательница женскихъ курсовъ, Анна Рафайлова, раненая въ правое предплечье.

Трупъ Сидорацкаго отправленъ, по распоряженію судебной власти, въ Маріинскую больницу, гдѣ сего числа будетъ произведено судебно-медицинское вскрытіе.

Присяжный повѣренный Коршъ, свидѣтельствуя при дознаніи въ пользу задержанныхъ, заявилъ, что онъ видѣлъ, какъ жандармъ вынималъ изъ чехла пистолетъ, и полагаетъ, что стрѣляли жандармы, а не сопровождавшіе Засуличъ.

Свиты Его Величества

Генералъ-маіоръ Козловъ.

Михаилъ Родіоновичъ Поповъ.

Михаилъ Родіоновичъ Поповъ былъ членомъ «Земли и Воли», а когда она раздѣлилась на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю», то остался въ «Черномъ Передѣлѣ», придерживающемся программы «Земли и Воли».

Однако, несмотря на то, что теоретически Михаилъ Родіоновичъ былъ земледелецъ, практически онъ принадлежалъ скорѣй къ народовольцамъ, чѣмъ къ чернопредѣльцамъ. Человѣкъ дѣла, жаждущій работы, при боевой натурѣ, онъ не могъ усидѣть въ деревнѣ, когда пребываніе въ ней свелось къ простой лишь жизни, къ обычному существованію. Благодаря стражникамъ, усиленному шпионству, вести пропаганду въ деревнѣ стало невозможно, и Мих. Родіон. поселяется потомъ, въ 79—80 гг., въ Кіевѣ и здѣсь начинаетъ вести дѣло съ рабочими, задумываетъ устройство типографіи, хочетъ завести сношеніе съ чигиринцами, задумываетъ разныя террористическія предпріятія и т. д. Вообще вся кіевская его дѣятельность ведется въ духѣ «Народной Воли», и въ Шлиссельбургской крѣпости онъ мнѣ говорилъ, что собирался уже перейти въ «Народную Волю», но арестъ помѣшалъ этому. А между тѣмъ еще въ 1879 г., когда явился Соловьевъ въ Питеръ и просилъ землепольцевъ помочь ему въ дѣлѣ убійства Александра II, Родіонычъ возсталъ всѣми силами души, находя такое дѣло въ высшей степени вреднымъ для народниковъ, живущихъ по деревнямъ. Споры были настолько жарки, что въ ихъ пылу люди доходили до выраженій, что, если найдется Каракозовъ, то найдется и Комиссаровъ. Такъ было въ спорѣ, но большинства уже коснулось вѣяніе времени: съ юга надвигалось новое направленіе, и споръ закончился тѣмъ, что рѣшено было помогать Соловьеву, и Родіонычъ, больше всѣхъ возражавшій, взялъ на себя слѣженіе за выходами Александра II.

Въ этомъ сказалась потребность натуры дѣйствовать, работать, а не быть зрителемъ, какъ вышло и послѣ Воронежскаго съѣзда, и эту основную черту Родіоныча можно легко прослѣдить и прочтя статью Сватикова въ Галлерей шлиссельбургскихъ узни-

ковъ, гдѣ объ немъ подробно сказано вплоть до заключенія въ тюрьму, и разспросивъ тѣхъ, кто съ нимъ находился въ заключеніи. До тюрьмы мы съ Родіонычемъ какъ-то мало были знакомы, хотя принадлежали оба къ землевольцамъ, но встрѣчались больше случайно и всякій разъ на какомъ-нибудь дѣлѣ. То онъ собирается въ «народъ»; то онъ покупаетъ лошадь для развозной торговли по деревнямъ Воронежской губ.; то онъ спѣшитъ въ Питеръ на замѣну арестованнаго центра; то онъ собираетъ членовъ на Воронежскій съѣздъ, чтобы рѣшать вопросъ о террорѣ; то онъ съ другимъ устраняетъ одного шпіона-provokatora, подбивавшаго Т. Лебеву устроить въ Москвѣ тайную типографію; то онъ, въ Кіевѣ совѣтуется насчетъ выбора завѣдующей въ ту типографію, что самъ задумалъ. Это все встрѣчи до заключенія.

Но вотъ сижу я въ Алексѣевскомъ Равелинѣ (1882 г.) и уже успѣлъ цынгой заболѣть: ноги отказываются ходить. Вдругъ слышу лязгъ кандаловъ. На насъ ихъ не надѣвали. Кого-то, значить, привели со стороны и посадили рядомъ со мною. «Кто?» «Какъ фамилія?» Сей же часъ началось перестукиваніе, какъ только ушло начальство и наступила тишина.

«Поповъ!» Слышу отвѣтъ и сначала никакъ не могу понять, какой Поповъ. Про Родіоныча я зналъ, что онъ отправленъ уже на Кару и потому долго недоумѣвалъ, пока онъ не объяснилъ цѣлой длинной исторіи своего привоза съ Кары.

На Карѣ было нѣсколько побѣговъ. Помогала вся тюрьма. Бѣжали по жребію. Первыми были вынесены внѣ тюрьмы въ столярныя мастерскія на кроватяхъ, якобы для починки ихъ, Мышкинъ и одинъ рабочій. вмѣсто нихъ на койки положили чучела. Побѣгъ скрывался недѣли двѣ, и Мышкинъ добрался съ товарищемъ до Владивостока и только тутъ былъ арестованъ. Черезъ двѣ недѣли были вынесены еще двое, потомъ еще и еще двое, но уже чаще, и тутъ побѣги, наконецъ, обнаружались. Началась ловля, переловили всѣхъ, а по возвращеніи разныя мѣропріятія, до избіеній включительно, пали на всю тюрьму. Родіонычу не выпалъ жребій бѣжать, но битья и карцеровъ онъ перенесъ очень много, причѣмъ въ заключеніе всего его съ нѣкоторыми другими, какъ наиболѣе протестовавшаго противъ насилій, привезли въ Питеръ и однихъ помѣстили въ Алексѣевскій Равелинъ, другихъ въ Трубецкой. Такимъ-то путемъ и очутился Родіонычъ моимъ сосѣдомъ. Изъ его рассказовъ про карійскую жизнь видно было, что и тамъ онъ игралъ не послѣднюю роль и числился въ разрядѣ бунтарей, людей способныхъ на все. Онъ былъ тамъ и пекаремъ, онъ и подкопы рылъ, онъ, составивъ артель небольшую, и золото добывалъ, онъ являлся и помощни-

комъ старосты, когда требовалась сила и рѣшительность. Золото промывать было надумано съ двойной цѣлью: подкормиться и деньгу скопить. Кто изъявлялъ желаніе добывать золото, тому платили хорошо за него и, кромѣ того, отпускалась хорошая пища съ мясомъ (на Карѣ же кормили очень плохо и недостаточно). Къ несчастію промывать золото сами никто изъ нашихъ карійцевъ не умѣли, а уголовный, приглашенный ими въ товарищи, промывалъ такъ, что они не только не зарабатывали себѣ на побѣгъ, какъ предполагалось, но еще обносились, побили сапоги, порвали одежду. Пришлось бросить. Старостѣ же помочь пришлось при такомъ случаѣ. На Карѣ нѣкоторые заключенные, исходя изъ того положенія, что ихъ насильно сюда привезло начальство, отказывались отъ повседневныхъ работъ. Не хотѣли убирать камеръ, помогать повару по приготовленію: носить дрова, воду, чистить картофель и др. Отказывались и баню готовить. Въ первомъ случаѣ трудно было воздѣйствовать и ограничивалось дѣло лишь тѣмъ, что предоставляли имъ ѣсть нечищенный картофель, когда онъ бывалъ, а бывалъ онъ рѣдко, но съ баней вышло иное. Когда протестанты не захотѣли въ ихъ очередь истопить, приготовить баню, тогда староста пригласилъ другую очередь, а вмѣстѣ съ тѣмъ подобралъ себѣ нѣсколько человѣкъ на помощь, на случай, если явятся въ баню и тѣ, что отказались топить ее. Баню истопили, воды наносили другіе...

«Готово! Пожалуйте». Пошли мыться. Смотрятъ, у дверей стоитъ староста и при немъ Родіонычъ съ товарищами. Пришли мыться и протестанты. «Васъ не пущу»!—говоритъ староста. «Это почему? Баня казенная!.. Насъ обязаны мыть»!

— Ладно! Не пущу,—говоритъ староста и даетъ знать Родіонычу. Мигомъ онъ съ товарищами подхватываютъ протестантовъ и оттаскиваютъ въ сторону. Такъ и не дали имъ помыться, заставивъ такимъ путемъ въ слѣдующій разъ уже не надѣяться на то, что ихъ обязанъ кто-то мыть. Родіонычъ игралъ тутъ главную роль, и въ тюрьмѣ на Карѣ вообще объ немъ составилось такое мнѣніе, что ему часто приписывалось то, чего онъ и не совершалъ...

Попавъ къ намъ въ Равелинъ, онъ прежде всего задумалъ завести сношеніе съ другимъ коридоромъ, который отдѣлялся отъ нашего большой камерой, гдѣ по субботамъ насъ мыли... Родіоныча посадили рядомъ съ этой камерой.

Промежуточная камера была довольно велика и, чтобъ сидящій за ней могъ услышать стукъ, требовалось, по крайней мѣрѣ, для перваго раза стучать очень громко. Это не смутило Родіоныча, и онъ, захвативъ съ прогулки небольшой камешекъ, принялся дубасить такъ, что часовой сей же часъ поднялъ тревогу. При-

бѣжалъ смотритель и сдѣлалъ строгій выговоръ. Это не помогло, однако. Родіонычъ, переждавъ малое время, снова началъ дѣлать свои опыты и опять безуспѣшно: сосѣдъ молчалъ, а смотритель, получивъ донесеніе о стукѣ, не упустилъ, конечно, случая покуражиться, дѣлая всякія угрозы, если не прекратится стукъ.

Угрозъ Родіонычъ не побоялся бы, но, сдѣлавъ еще нѣсколько менѣе открыто попытокъ и не получивъ опять отвѣтовъ, онъ рѣшилъ оставить этотъ способъ и принялся за новый. Намъ вскорѣ привезли кучу песку, дали деревянную лопату и предложили желающимъ переливать изъ пустого въ порожнее, т.-е. перебрасывать эту кучу съ одного мѣста на другое. Родіонычъ и ухватился за это дѣло. Перебрасывая песокъ, онъ крѣпко прижималъ къ ручкѣ лопаты записку, написанную заранее и малость намазанную жеванымъ хлѣбомъ. Записка, пока онъ работалъ, приставала вплотную и отчасти успѣвала замазаться. Поэтому жандармы, при бѣгломъ осмотрѣ лопаты, не замѣчали ее и она оставалась на лопатѣ. Не сразу открыли ее и наши. Первый замѣтилъ Мышкинъ, сидѣвшій на другомъ коридорѣ, и такимъ путемъ установилось, наконецъ, сношеніе съ этимъ коридоромъ.

Тутъ только мы навѣрно узнали, кто успѣлъ умереть, кто боленъ, кто здоровъ; объяснилось, почему и не было отвѣтовъ, когда Родіонычъ стучалъ: сидящій по ту сторону ванной комнаты былъ сильно боленъ и затѣмъ умеръ, но жандармы долго еще заходили въ его камеру, якобы заноса пищу. Осенью 1884 г. насъ изъ Равелина перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость и тутъ для Родіоныча наступило скоро очень тяжелое лихолѣтье. Въ равелинѣ у насъ со смотрителемъ какъ-то совсѣмъ было мало столкновений. У Родіоныча, какъ сказано выше, началось было оно, но быстро прекратилось. У другихъ и того не было, и этому помогла дверь скрипучая. Стучать и въ Равелинѣ запрещалось, но входная дверь, когда входили дежурные жандармы или смотритель, всякій разъ выдавала ихъ приходъ, и стукъ прекращался на это время. Простой же часовой, ходившій въ коридорѣ какъ-то не догадывался или не понималъ, если стучали тихо. Мы же съ Родіонычемъ дѣлали такъ. Я ложился или садился за столъ на кровати и начиналъ обгорѣлой спичкой записывать на столѣ его стукъ. Родіонычъ же, улучивъ время, когда часовой уходилъ въ другой конецъ, быстро начиналъ стучать. Такимъ путемъ онъ мнѣ простучалъ не только о событіяхъ на Карѣ, но и всѣ свои стихотворенія, цѣлыя поэмы. Къ несчастію не было бумаги, и хотя я ихъ тогда заучивалъ наизусть, но потомъ забылъ. Сейчасъ вспоминаю лишь и то не самые стихи, а лишь смыслъ одного мѣста,

гдѣ Соловьевъ въ своей рѣчи на судѣ говоритъ судьямъ, что «казнить меня вы, конечно, не преминете, но знайте, вѣрю я, что на моей могилѣ всё-таки дубъ свободы разовьется!» Въ Шлиссельбургѣ какъ-то объ своихъ стихахъ М. Родіонычъ умалчивалъ, и про нихъ никто не зналъ, да и самъ онъ, вѣрно, не былъ о нихъ высокаго мнѣнія, такъ они и заглохли, а между тѣмъ, въ нихъ много было интереснаго по содержанію, хотя форма и отдѣлка хромали на обѣ ноги.

Въ Шлиссельбургѣ съ перваго же раза стукъ былъ обнаружень, и началось гоненіе. Нѣкоторые, какъ Мышкинъ напримѣръ, не хотѣли и скрывать стука. Смотря на свой переводъ съ Карты въ Шлиссельбургскую крѣпость, какъ на похороны заживо, они говорили, что дорожить при такихъ условіяхъ жизнью не стоитъ, и потому не стоитъ скрываться со стукомъ. Какъ нарочно, Родіонычъ сидѣлъ надъ Мышкинымъ, и вотъ тутъ-то для Родіоныча и начался самый тяжелый періодъ. Его много разъ таскали въ карцеръ и сажали на хлѣбъ и воду. Мало этого. Однажды, сидя въ карцерѣ, онъ вздумалъ подняться на окно и взглянуть чрезъ форточку на Божій свѣтъ. Подоконники въ окнахъ во всѣхъ камерахъ очень покаты были, дабы нельзя на нихъ стать, но Родіонычъ, ухватившись за повисшую форточку (верхняя часть окна вся откидывалась внизъ на петляхъ), поднялся и сталъ уже смотрѣть, какъ вдругъ сорвался и повисъ на одномъ пальцѣ. Его сняли, но палецъ, причинивъ сильныя физическія страданія, остался навсегда испорченнымъ. Вскорѣ смотритель, видя, что карцеръ не прекращаетъ стука, прибѣгъ къ новой попыткѣ: онъ приходилъ къ стучащему и начиналъ его донимать угрозами, грубостью, намекая, что въ его распоряженіи есть статья о 50-ти розгахъ. Такъ было съ Мышкинымъ и Родіонычемъ. Имъ онъ надоѣдалъ дотого, что они просили его наказывать лучше, да только оставить ихъ въ покоѣ, но смотритель не переставалъ, и вотъ въ послѣдній разъ, подойдя во время обѣда къ форточкѣ Мышкина, онъ снова принялся за выговоры. Пища давалась черезъ форточку въ дверяхъ. Мышкинъ, взбѣшенный выговоромъ, когда ему стали подавать миску съ тарелкой, не взявъ ея, оттолкнулъ обратно, и она попала въ смотрителя, присутствовавшаго обыкновенно тутъ же при раздачѣ обѣда. На другой же день Мышкина разстрѣляли, но въ результатъ черезъ день или два тотъ же смотритель пришелъ къ Родіонычу и самъ же сталъ просить его постучать Арончику, который началъ сходить съ ума, и когда Родіонычъ сталъ выговаривать ему за Мышкина, смотритель заплакалъ и заговорилъ: «Ты думаешь, я извергъ, дѣлаю отъ себя! Вовсе нѣтъ! Приказываютъ! Служба! Ничего не подѣ-

лаешь! Вотъ разрѣшилъ стучать, и я самъ прихожу къ тебѣ просить стучать!» закончилъ Иродъ свои оправданія.

Этотъ Иродъ, уморивъ въ Алексѣевскомъ Равелинѣ плохой пищей и отнятіемъ стакана молока у начавшихъ было выздоравливать отъ цынги, когда потомъ начальство испугалось смертей и приказало кормить хорошо, говорилъ, «если прикажутъ, то и рябчиками стану кормить!» Теперь тоже всё ждалъ приказовъ къ облегченіямъ, а пока строго выполнялъ инструкцію и довелъ 2-хъ до разстрѣла; одинъ повѣсился, одинъ сжегъ себя, нѣсколько сошло съ ума, очень много умерло отъ простуды по карцерамъ, отъ разныхъ причинъ, легко устранимыхъ при болѣе человѣческомъ отношеніи.

Наконецъ, привозятъ Гинсбургъ. Ее Иродъ помѣщаетъ отдѣльно и такъ запугиваетъ обстановкой, что на другой или третій день по привозкѣ она кончаетъ съ собой. Тогда только Ирода вызываютъ въ Питеръ, дѣлають нагоняй. Съ нимъ дѣлается ударъ отъ огорченія, и его смѣщаютъ. При новомъ смотрителѣ нашъ тюремный режимъ понемногу начинаетъ слабѣть. Родіонычъ пользуется этимъ, чтобы добиваться улучшеній и, мало-по-малу, съ другими достигаетъ, что жизнь въ Шлиссельбургѣ становится довольно сносною. Новый смотритель, хотя и посылалъ въ департаментъ объ насъ, а особенно объ Родіонычѣ, ужасныя характеристики, но побаивался его и почти всегда исполнялъ то, о чемъ хлопоталъ Родіонычъ.

Въ этомъ отношеніи на долю Родіоныча выпало такъ много, что, если всё перечислять, то пришлось бы разсказать подробно всю нашу жизнь въ крѣпости. Принимая дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ, Родіонычу приходилось хлопотать и объ улучшеніяхъ порядка въ мастерскихъ и объ увеличеніи земли, и объ парникахъ и объ томъ, чтобы къ нимъ позволяли выходить не двумъ только, а большому числу. Благодаря Родіонычу завелось у насъ и куроводство, хотя самъ онъ ихъ не водилъ, и т. д. Въ огородѣ Родіонычъ остановился на парникахъ, и выведеніе огурцовъ, помидоръ сдѣлалось его конькомъ. Онъ садилъ и дыни, и арбузы даже, но это было не главное.

Въ столярствѣ полировка и лакировка, а затѣмъ дѣланіе шкатулокъ обратилось у него, какъ бы въ спеціальность, и шкатулки его работы попали на волю. Немало его другихъ издѣлій попало и къ жандармамъ. Они охотно дѣлали намъ заказы сначала даромъ, а потомъ, и за деньги. Платилось, конечно, недорого, но, стараясь дѣлать возможно крѣпче, и тратя на это много времени, дабы подгонять возможно плотнѣй безъ заклепокъ, этимъ самымъ онъ понижали плату еще болѣе, такъ что въ часъ усиленной работы выручалось пять, немного болѣе копеекъ.

У насъ можно было заниматься еще токарствомъ, переплетнымъ дѣломъ, а въ послѣднее время и кузнечествомъ, но М. Родіоновичъ, выбравъ столярство, остановился на немъ и другими уже не увлекался. Для нашей библіотеки каждый изъ насъ обязанъ былъ переплести извѣстное число книгъ, но и въ такомъ случаѣ Родіонычъ или бралъ на себя исполнить какую-нибудь другую работу, напримѣръ дѣланіе полокъ, этажерокъ для библіотеки, или присоединялся къ кому другому и выполнялъ второстепенныя работы. Зато по столярству онъ работалъ не только въ мастерскихъ, но часто еще бралъ къ себѣ въ камеру и тутъ кончалъ работу. Въ земельныхъ работахъ по огороду лучшаго товарища, когда требовалась работа вдвоемъ, напр. ношеніе земли на носилкахъ—трудно было найти. Тутъ онъ работалъ до упаду, какъ говорится: отъ усталости иногда начиналъ даже спотыкаться, но всё-таки не бросалъ, пока не кончалъ задуманное. Земельныя владѣнія наши были не велики, но удивительно, какъ много мы придумывали сами себѣ работъ съ землей и тратили на это очень и очень много времени и труда.

Благодаря этому, когда огородикъ, гдѣ я съ Родіонычемъ вели дѣло нѣсколько лѣтъ подрядъ, стали разгораживать и сняли старый заборъ, чтобъ поставить новый, то обнаружилось, что тамъ, гдѣ почти не было земли (намъ для грядъ огородовъ купили и привезли землю со стороны), теперь за нѣсколько лѣтъ мы создали слой почти въ три четверти и болѣе. Въ огородъ мы стаскивали глину, песокъ, стружки, всё, что только попадалось гдѣ въ другомъ мѣстѣ, создавая себѣ массу работы, что давало возможность убивать время настолько, что его намъ не хватало, и мы не знали, что значить скучать, и если томились тюрмой, то не отъ скуки, а оттого лишь, что были прикованы къ одному мѣсту, чувствуя надъ собой гнетъ, который во всякій моментъ могъ обрушиться на насъ и раздавить. Это-то постоянно и держало людей въ какомъ-то ожидательно-напряженномъ состояніи, мѣшало душевному спокойствію и равновѣсію. Подобное настроеніе, особенно въ первое время, вызывало часто нежелательное явленіе, нетерпимость къ чужимъ словамъ, поступкамъ, желаніе особенно подчеркнуть замѣченное бревно въ чужомъ глазу, и у Родіоныча на первыхъ порахъ, благодаря этому сложились настолько непріятныя отношенія съ нѣкоторыми, что онъ не разъ жаловался мнѣ, что его нарочно изводятъ сосѣди стукомъ между собой объ немъ же, критикой его поступковъ, словъ. Пытаясь успокоить, я увѣрялъ его, что это, вѣроятно, съ его стороны ошибка, но послѣ оказалось, что одинъ изъ его сосѣдей былъ уже ненормаленъ и дѣйствительно могъ это продѣ-

лывать. Наконецъ онъ окончательно сошелъ съ ума и былъ увезенъ. Его болѣзнь, однако, не сразу была замѣчена, и онъ немало былъ причиной тѣхъ треній, что выходили иногда между нѣкоторыми, причемъ онъ являлся большею частью лишь орудіемъ въ рукахъ нѣкоего Оржика, привезеннаго позднѣй. Этотъ Оржикъ и христіанство собирался принимать, и, попавъ къ намъ, сталъ христосика изъ себя корчить, а позднѣй подалъ прошеніе о помилованіи и былъ помилованъ. Родіонычъ, очень чуткій ко всякой неправдѣ и лицемерію, быстро раскусилъ эту личность и по своей прямотѣ сталъ выводить его на чистую воду. Скоро Оржикъ сталъ понятенъ и другимъ. Оржику, конечно, это не понравилось и тогда онъ, сбросивъ личину смиренія и миролюбія, повелъ интригу и такъ ловко, что тюрьма и незамѣтила, какъ раздѣлилась на два лагеря. Впослѣдствіи всё это сгладилось, когда явилась возможность всѣмъ видѣться, говорить, но на первыхъ порахъ вызывала непріятныя явленія и главнымъ образомъ по отношенію къ Родіонычу и еще двумъ, тремъ.

Оржикъ, притворяясь больнымъ, якобы, сердцемъ, отличался въ то же время замѣчательной трудоспособностью и энергіей, и это дало ему возможность снискать расположеніе начальства. Поэтому, когда Оржикъ подалъ прошеніе о помилованіи, скрывъ это отъ большинства, то наше начальство поддержало его просьбу, хотя относилось само очень дурно къ подобному поступку. Оржика помиловали, но почему-то не сразу увезли въ Сибирь; тогда онъ сказался больнымъ и засѣлъ въ камерѣ. На вопросъ, почему не хочетъ гулять, (всѣ видѣли, что онъ совершенно здоровъ), Оржикъ, наконецъ, признался, что боится Попова. «Побьетъ еще!» Хотя у Родіоныча и въ мысляхъ не было бить его.

Въ 1905 г. этотъ Оржикъ во Владивостокѣ снова очутился въ рядахъ революціи, но, узнавъ во-время о надвигающейся карательной экспедиціи, бросивъ всѣхъ и вся, улизнулъ въ Японію, а оттуда, кажись, въ Чили или Перу, т.-е. въ Южн. Америку, и сталъ разводить страусовъ, какъ передавалъ слухъ. Теперь онъ можетъ заявиться легко къ намъ въ Россію, поэтому на немъ я и остановился немного больше, чѣмъ онъ стоитъ того. У Родіоныча не было къ нему даже враждебнаго отношенія, и онъ относился къ нему, какъ къ хитрой, пронырливой лисицѣ и трунилъ надъ нимъ, когда онъ, прикинувшись умирающимъ, наприимѣръ прыгалъ по двору, по удаленіи жандармовъ, будучи вынесенъ на матрасъ на свѣжій воздухъ. Всѣ ушли со двора обѣдать въ тюрьму, Оржикъ же, видя это, поднялся и ну прыгать, но попался одному запоздавшему, и обманъ обнаружился.

Такому-то человѣку не трудно было мутить воду, и на первыхъ порахъ это ему вполне удалось, благодаря тому, что общеніе:

между нами вначалѣ было довольно затруднительно. Позднѣй, особенно, когда увезли Оржика, отношенія значительно измѣнились, но Родіонычъ уже не могъ забыть прошлаго и до конца держался въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ тѣхъ, что вѣрили Оржику. Этому способствовало еще и то, что, занятый парниками, столярной и вообще разными работами съ лицами, болѣе ему близкими, онъ и не чувствовалъ нужды сближаться съ новыми лицами. Въ послѣднее время, когда въ воздухѣ началась надежда на возможность выхода изъ тюрьмы, Родіонычъ, хотя на словахъ и не вѣрилъ въ него, но въ мечтахъ и на прогулкѣ со мной сталъ очень часто развивать мысль, какъ хорошо было бы собрать всѣхъ уличныхъ хулигановъ и дѣтей босяковъ въ какомъ-либо большомъ городѣ и устроить для нихъ земледѣльческо-ремесленный пріютъ, гдѣ и заняться ихъ воспитаніемъ. И вотъ, по освобожденіи, въ 1905—1906 г. онъ вдругъ получаетъ отъ бывшаго сотоварища по «Землѣ и Волѣ» и къ этому времени разбогатѣвшаго предложеніе поѣхать за границу и зажить тамъ на покой. Обѣщалась покупка хорошей дачи-виллы тысячъ въ 40—къ специально для Родіоныча. Тогда Родіонычъ вспоминаетъ наши мечты о пріютѣ и пишетъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ къ нему, что деньги на пріютъ теперь найдутся. Деньги на дачу онъ рассчитывалъ обратить на пріютъ, но такъ какъ ихъ было все-таки мало на веденіе дѣла, то мы рѣшили купить гдѣ-нибудь на югѣ или въ Крыму землю съ усадьбой, заняться хозяйствомъ и на доходъ съ него уже вести пріютъ. Въ 1906 г. съѣхались мы съ нимъ въ Ессентукахъ и Кисловодскѣ и принялись сей же часъ за поиски, прося знакомыхъ искать еще и въ Крыму. Вскорѣ стали намѣчаться и разныя имѣнія. Тогда Родіонычъ пишетъ бывшему товарищу, что вмѣсто за границы онъ предпочитаетъ устроиться лучше въ Россіи, и пусть онъ тѣ же деньги, что обѣщалъ на за границу, выдастъ на покупку какого-нибудь имѣнія въ Россіи, объяснивъ ему подробно, зачѣмъ и почему. Отвѣтъ не получился. Снова и снова пишетъ Родіонычъ, но времена мѣняются, мѣняются и благія пожеланія у товарища. Онъ отвѣтилъ, наконецъ, но отвѣтилъ въ томъ духѣ, что людямъ не отъ міра сего трудно будетъ повести хозяйство: мы, навѣрно, прогоримъ, а потому объ нашемъ начинаніи надо еще подумать, потолковать и т. д. Такъ мы и остались при однѣхъ думкахъ, разѣхавшись послѣ Кисловодска въ разныя стороны. Полагаю, однако, что останься Родіонычъ живъ, теперь бы мы, навѣрно, попытались съ нимъ еще разъ осуществить свою мысль; по крайней мѣрѣ, я еще не оставляю ея, хотя и расширяю нѣсколько.

М. Фроленко.

Секретные сотрудники московской Охранки 1880-х годовъ.

(Изъ архива бывшаго Отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ Москвѣ).

1-го ноября 1880 г., по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, въ Москвѣ было образовано «Секретно-розыскное Отдѣленіе при управленіи Оберъ-Полицеймейстера», позднѣе названное Отдѣленіемъ по охраненію общественной безопасности и порядка въ Москвѣ.

Спустя года четыре послѣ этого Министерство Внутреннихъ Дѣлъ пожелало узнать, какъ и что дѣлаетъ это учрежденіе, на которое возлагались тогда большія надежды въ дѣлѣ борьбы съ революціей. Состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ сдѣлалъ соотвѣтствующій запросъ въ Отдѣленіе.

Среди дѣлъ бывшей охранки за первые годы ея дѣятельности имѣется дѣло, съ помѣтой на обложкѣ синимъ карандашомъ «уничтожить». Дѣло называется «О положеніи дѣлъ Охраннаго Отдѣленія» и заключаетъ въ себѣ черновикъ отвѣта бывшаго помощника Отдѣленія на запросъ Плющевского-Плющика. Рукопись эта представляетъ собою чрезвычайно цѣнный матеріалъ для исторіи Московскаго Охраннаго Отдѣленія за первые годы его существованія, но часть ея, рассказывающая о постановкѣ агентурнаго наблюденія и розыска, имѣетъ, по нашему мнѣнію, не только историческій интересъ. Печатаемый ниже отчетъ между прочимъ опредѣленно говоритъ о провокаторской дѣятельности секретныхъ сотрудниковъ, такъ что считать извѣстнаго Зубатова, бывшаго начальникомъ Отдѣленія въ 1896—1902 годахъ «отцомъ провокаціи», въ сущности, не приходится. Съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности охранка уже систематически и планомерно пользовалась секретными сотрудниками, которымъ «приходилось иногда принимать и активное участіе въ интересахъ партіи», какъ скромно выражается авторъ отчета (фамилія его

намъ пока неизвѣстна). Такимъ образомъ Зубатовъ въ своей дѣятельности шелъ уже по протореннымъ путямъ. Не ограничившись общей характеристикой дѣятельности секретныхъ сотрудниковъ и способовъ привлеченія ихъ въ ряды охранниковъ, бывший помощникъ начальника Охраннаго Отдѣленія даетъ списокъ этихъ пионеровъ провокаціоннаго дѣла въ Москвѣ. Волею революціи для нихъ настала теперь «судъ потомства».

Въ ниже помѣщаемыхъ извлеченіяхъ слова, стоящія въ круглыхъ скобкахъ заключены въ скобки и въ подлинникѣ, а заключенное у насъ въ прямыхъ скобкахъ въ подлинникѣ, представляющемъ, какъ мы уже сказали, черновикъ, зачеркнуто.

Ни даты, ни подписи въ рукописи не имѣется, но изъ текста видно, что отчетъ относится къ лѣту вѣроятно 1885 года.

М. Цяловскій.

«На должности Помощника Начальника Отдѣленія, когда она была занимаема мною, лежала обязанность вести наружное наблюдение, докладывать бумаги Оберъ-Полицеймейстеру, производить болѣе серьезные обыски и аресты разныхъ лицъ и вести административныя дознанія. Всѣ эти обязанности остались на Начальникѣ Отдѣленія; что же касается до секретной агентуры, то въ нее я посвящаю, когда былъ помощникомъ, не былъ, что крайне затрудняло наблюдение, и подобное положеніе продолжалось до 2 октября 1884 года, когда начались студенческіе беспорядки.

Агентурное наблюдение въ Москвѣ ведется 3 способами: черезъ секретную агентуру, пока не выяснится принадлежность лица къ преступному сообществу, затѣмъ за нимъ учреждается кромѣ секретной агентуры, наблюдение черезъ агентуру наблюдательную (филеровъ), заключеніемъ коего является арестъ или обыскъ и, если есть факты, то дѣло передается въ Жандармское Управленіе, если ихъ нѣтъ, то производится дознаніе на основаніи положенія объ охранѣ, послѣдствіемъ коего бываетъ или административная высылка, или гласный или негласный надзоръ, и тогда уже наблюдение за подобнымъ лицомъ ведется черезъ наружную мѣстную полицію...

Секретная агентура состоитъ изъ лицъ фактивно принадлежащихъ партіи и для болѣе близкаго знакомства съ лицами принадлежащими къ преступнымъ кружкамъ, секретнымъ агентамъ приходится иногда принимать и активное участіе въ интересахъ партіи, а потому Жандармское Управленіе, когда ему, по ходу дознанія, предстоитъ прибѣгнуть къ слѣдственному дѣйствию

предварительно запрашиваетъ Отдѣленіе о неимѣніи со стороны агентуры препятствій къ производству обыска или ареста у лица привлекаемаго.

Для пріобрѣтенія секретныхъ агентовъ (которые обыкновенно въ разговорахъ называются сотрудниками) есть нѣсколько способовъ, но поименую изъ нихъ главные: самый легкій способъ, если лицо, принимавшее дѣятельное участіе въ преступныхъ кружкахъ, по нѣкоторымъ независящимъ причинамъ, измѣнить свои воззрѣнія и само предложить свои услуги Отдѣленію и представить фактъ своего знакомства съ лицами партіи. Второй способъ болѣе трудный, когда лицо, замѣченное въ участіи въ дѣлахъ партіи, въ виду нѣкоторыхъ льготъ и денежнаго вознагражденія, согласится давать свѣдѣнія Отдѣленію и наконецъ самый трудный, но зато и самый вѣрный способъ, это когда лицо, не принимавшее участія въ дѣятельности преступныхъ кружковъ знакомится Отдѣленіемъ со взглядами, программами и дѣятельностью кружковъ (распропагандировывается) и затѣмъ уже вводится въ партію для фиктивного въ ней участія.

Самая вѣрная система секретной агентуры парная, т.-е. когда въ одномъ кружкѣ есть два агента, не знающихъ о службѣ другъ друга, тогда всегда можно легко провѣрять достовѣрность ихъ свѣдѣній. Составъ секретной агентуры не можетъ быть постояннымъ по многимъ причинамъ и измѣняется согласно съ возникновеніемъ кружковъ. Въ настоящее время въ Отдѣленіи служатъ секретныхъ агентовъ 13 (исправлено изъ «14») человекъ, но съ осени придется пригласить еще нѣсколькихъ лицъ, такъ какъ нѣкоторымъ изъ состоящихъ въ настоящее время агентовъ придется прекратить свою дѣятельность въ виду имѣющихъ быть арестовъ.

Списокъ секретныхъ агентовъ:

1. *Хохловъ*, бывшій техникъ, въ партіи съ 80 года, въ Отдѣленіи второй годъ, знакомъ съ народовольческимъ кружкомъ; кромѣ того имѣетъ частную должность, [на которой получаетъ до 100 рублей въ мѣсяцъ].

2. *Русановъ*, студентъ университета 4 курса, знакомъ со всѣми студенческими кружками, въ Отдѣленіи недавно, съ партіей знакомъ съ 1881 года, кромѣ жалованія отъ Отдѣленія имѣетъ уроки.

3. *Заринъ*, бывшій студентъ Петровской Академіи, знакомъ близко съ кружками Академіи и Техническаго училища.

4. *Нагель*, бывшій студентъ Новороссійскаго университета, знакомъ съ южными группами и московскими кружками,

служить на частномъ мѣстѣ [и получаетъ на немъ до 100 рублей въ мѣсяцъ].

5. *Мамаевъ*, окончившій курсъ въ земледѣльческой школѣ, въ партіи съ 1879 года, въ Отдѣленіи годъ, знакомъ съ народо-вольцами и принималъ въ ихъ кружкѣ активное участіе.

6. *Степановъ*, студентъ 3-го курса университета, знакомъ [близко] съ Московскими студенческими кружками; въ Отдѣленіи [недавно] съ мая сего года.

7. *Богдановъ*, кончившій курсъ Тверской классической гимназіи и служащій въ частномъ учрежденіи, [получаетъ до 50 рублей] знакомъ съ кружками Петровской Академіи, Университета, Женскихъ Курсовъ и Техническаго училища.

8. *Линевъ*, кончившій I курсъ университета, сотрудничаетъ въ газетахъ, знакомъ съ литературными кружками. Въ Отдѣленіи съ іюня [и теперь вводится въ партію].

9. *Соколовъ*, ученикъ училища Живописи, Ваянія и Зодчества [знакомъ съ многими радикалами преступными кружками и жилъ въ студенческомъ общежитіи].

10. *Носкова*, находится на акушерскихъ курсахъ, знакома съ нѣкоторыми студентами и кружками, въ Отдѣленіи годъ.

11. *Лебедева*, принимаетъ активное участіе въ народовольческомъ кружкѣ, въ Отдѣленіи съ іюня.

12. *Ткачевъ* [служить] работаетъ на фабрикѣ, давно знакомъ съ партіей, въ Отдѣленіи годъ.

13. *Чижевъ*, тоже работаетъ на фабрикѣ, въ Отдѣленіи съ мая и еще мало знакомъ съ фабричными.

[14. *Чаплыгинъ*, отставной офицеръ, служить для справокъ, хорошо знаетъ торговый людъ и въ настоящее время находится въ Рязани].

Казнь Млодецкого,

Дѣло было въ 1880 году.

Я былъ еще молодымъ человѣкомъ, жилъ въ Петербургѣ и служилъ въ одномъ частномъ учрежденіи.

Время въ Россіи было безпокойное. Въ особенности безпокойно оно было въ столицѣ. Тамъ происходили политическія волненія, совершались политическія покушенія и убійства. Часто ловили революціонеровъ, захватывали цѣлые кружки и ихъ типографіи. Но вотъ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ «верховой распорядительной комиссіи». Это была собственно роль настоящаго диктатора.

Правительство надѣялось умиротворить страну не цѣлесообразными реформами, а репрессіями; хотя въ обществѣ постоянно раздавалось: пора, пора дать конституцію. Говорили даже, что императоръ Александръ II собирается подписать ее. Проектъ этой мнимой конституціи приписывали самому гр. Лорисъ-Меликову, который въ то время считался наиболѣе либеральнымъ сановникомъ.

Какъ я уже сказалъ, Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ на высшій государственный постъ. Это случилось 12 февраля 1880 г. а 20 того же мѣсяца на него произошло покушеніе.

Какой то молодой еврей Млодецкій, служившій въ Польшѣ писцомъ полиціи, вдругъ оставилъ службу, досталъ одноствольный пистолетъ, пріѣхалъ въ Петербургъ на послѣдніе гроши, подкараулилъ возвращеніе новаго правителя Россіи домой и въ то время, какъ тотъ сходилъ съ саней у своего подъѣзда на Мойкѣ, выстрѣлилъ въ него. При этомъ онъ задѣлъ его пулею только слегка. Говорили, что латы или кольчуга, бывшіе, будто бы, на Лорисъ-Меликовѣ, парализовали окончательно дѣйствіе и безъ того уже неудачнаго выстрѣла изъ негоднаго оружія.

Преступникъ былъ тутъ же схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Весь Петербургъ узналъ, что убійцу судили на другой день, и что на другой день его повѣсятъ. Говорили, что Млодецкій былъ собственно не преступникъ, а психически больной. Ибо за что

могъ этотъ еврей обречь смерти Лорисъ-Меликова, который еще ничѣмъ не успѣлъ себя проявить въ новой роли? Въ прошломъ тоже за нимъ ничего дурного не было извѣстно.

Конечно, иначе на него не могъ глядѣть и умный правитель Россіи. Но тѣмъ не менѣе у этого человѣка не хватило великодушія простить своего больного, ненормальнаго врага.

Лорисъ-Меликовъ не пощадилъ этого несчастнаго. Казнь Млодецкаго была дѣйствительно назначена на 22 февраля на Семеновскомъ плацу.

Я намѣревался, хотя и не безъ колебанія, увидѣть смертную казнь, и потому рѣшилъ пойти на Семеновскій плацъ, такъ какъ я слыхалъ, что казнь производится въ ранніе часы.

Въ этотъ же день, въ Петербургѣ, другой страдалецъ и печальникъ за человѣчество, терзался желаніемъ спасти Млодецкаго. Это былъ Всеволодъ Гаршинъ.

Онъ бросался на колѣни передъ Лорисъ-Меликовымъ, моля пощадить невмѣняемаго Млодецкаго ¹⁾. Говорятъ, онъ старался убѣдить диктатора, что, вѣдь, и онъ самъ Гаршинъ причисляетъ себя ко врагамъ правительства и абсолютизма и что, слѣдовательно, и онъ виноватъ и всѣ думающіе также.

Такимъ образомъ подвергая себя серьезной опасности, Гаршинъ однако не достигъ ничего. Лорисъ-Меликовъ очевидно счелъ уже достаточнымъ и то, что послѣ опасныхъ признаній онъ пощадилъ Гаршина отъ могущей послѣдовать за этимъ кары, но не помиловалъ несчастнаго Млодецкаго.

Разсказывали, что Всеволодъ Гаршинъ, не добившись ничего для осужденнаго, наканунѣ его казни уѣхалъ съ отчаянія изъ Петербурга.

Наступило утро 22 февраля 1880 г., сумрачное, унылое петербургское зимнее утро. Я всталъ съ позднимъ разсвѣтомъ и, наскоро одѣвшись и захвативъ съ собою бинокль, пустился на Семеновскій плацъ.

Приближаясь къ нему, я замѣтилъ толпы людей, бѣжавшихъ туда съ разныхъ сторонъ. Въ этой торопливости было что-то дикое и жестокое. Казалось, всѣ эти люди боялись только лишь одного—пропустить рѣдкое зрѣлище.

Въ самомъ себѣ я ощущалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти. Я тысячу разъ спрашивалъ себя, иду ли я на мѣсто казни, чтобы сострадать приговоренному, чтобы познать всю безграничную злобу человѣческую, или же я иду туда затѣмъ, чтобы испытать

¹⁾ Ср. ст. Г. И. Успенскаго «Смерть В. М. Гаршина» въ литературномъ сборникѣ, посвященномъ памяти Гаршина, «Красный цвѣтокъ». С.-Пб., стр. 38. *Ред.*

по возможности всякія, возможные ощущенія. При этомъ я съ негодованіемъ старался отогнать отъ себя эти послѣднія позорныя подозрѣнія. Я силился убѣдить себя, что каждый человѣкъ долженъ непременно страдать болѣе или менѣе, присутствуя при казни, слѣдовательно такимъ образомъ дѣлаться неминуемо участникомъ страданій несчастнаго мученика на эшафотѣ.

Вотъ передъ моими глазами открылся огромный Семеновскій плацъ, покрытый снѣгомъ. Тогда онъ не былъ застроенъ; не то, что теперь. По краямъ плаца стояли некрасивые дома, дымили трубы фабрикъ, свистѣли паровозы.

А дальше, вокругъ всего этого, простирался весь необъятный городъ съ его нищетою и богатствомъ, съ его неправдою и жестокостію, съ его преступленіями и пороками, съ его развратомъ, горемъ и болѣзнями. Далеко отсюда, въ другой части города, стояли тѣ роскошные дворцы, въ которыхъ въ эти минуты спокойно спали счастливые и безсердечные баловни судьбы, которымъ до предстоящаго здѣсь происшествія не было никакого дѣла. Дальше на окраинахъ города находились тѣ убогія лачуги, гдѣ безпросвѣтная нищета и нужда заставляла уже теперь вставать еще не выпавшихся вѣчныхъ тружениковъ человѣчества. Та же нужда и голодъ тревожили покой и опустившихся въ невзгодахъ жизни бездѣльниковъ и босяковъ. Этихъ послѣднихъ въ особенности много спѣшило въ ту минуту на Семеновскій плацъ. Они были какъ всегда свободны, и торопились теперь только затѣмъ, чтобы не пропустить рѣдкое и доступное и для нихъ зрѣлище. Надо всею этою унылою картиною русской столицы разстилалось сѣрое безучастное небо, изъ котораго шелъ небольшой снѣгъ, придававшій всему окружающему еще болѣе грусти и унынія.

Приблизительно посрединѣ плаца виднѣлся обширный деревянный помостъ, съ подобіемъ большихъ воротъ на немъ. Это былъ эшафотъ съ висѣлицею, которую выдавала веревка, проведенная сквозь кольцо, укрѣпленное въ срединѣ перекладины. Оба конца ея были привязаны къ одному изъ боковыхъ столбовъ. Все это некрасивое деревянное сооруженіе было вымазано чѣмъ то черноватымъ.

Въ толпѣ увѣряли, что эшафотъ этотъ строили ночью при фонаряхъ арестанты. Нѣсколько такихъ несчастныхъ сидѣло и теперь еще на ступеняхъ эшафота, уныло и сумрачно пожимаясь въ своихъ сѣрыхъ курткахъ. Вѣроятно бѣдняки устали и прозябли за безсонную ночь, проведенную въ отвратительной работѣ.

Въ публикѣ увѣряли, что арестанты всегда присутствуютъ

при казни для помощи палачу, на случай сопротивленія казнимаго, которое иногда подобный человѣкъ можетъ совершенно неудержимо и неожиданно проявить. Впрочемъ послѣднее бываетъ рѣдко. Несчастныя жертвы человѣческаго «правосудія» обыкновенно покорно и безропотно склоняются передъ своимъ неотразимымъ рокомъ, сознавая всю невозможность сопротивленія.

Все это безобразное приготовленіе дѣлалось для того, чтобы погубить слабое существо, которое теперь томилось тамъ, въ заточеніи, какъ загнанный звѣрекъ.

Толпа все бѣжала съ разныхъ сторонъ и густѣла на плацу. Только вокругъ эшафота оставалось довольно большое свободное пространство. Тамъ стояли часовые, недопуславшіе зрителей къ висѣлицѣ.

Появились отряды солдатъ, которые расположились большимъ квадратомъ вокругъ эшафота. Стѣна изъ вооруженныхъ людей образовалась густая и непроницаемая. Эта мѣра обезпечивала официальное, публичное убійство себѣ подобнаго существа, слабого и одинокаго. Существо это теперь сидѣло тамъ, въ каменной недосыгаемой клѣткѣ за желѣзными рѣшетками и замками, охраняемое вооруженными людьми.

На разсвѣтѣ, какъ послѣ говорилось въ газетахъ, Молодцову былъ предложенъ чай.

Затѣмъ, какъ говорили тѣ же газеты, несчастнаго повели подъ конвоемъ въ канцелярію тюрьмы, чтобы выписать его изъ списковъ заключенныхъ. Циничная жестокость! Точно нельзя этого сдѣлать послѣ того, какъ несчастнаго уже на свѣтѣ не станетъ? Зачѣмъ еще всякими способами распяливать его душу и сердце?

Толпа на площади все увеличивалась и приходила въ нетерпѣніе. Это было самое простое и ничѣмъ не прикрашенное нетерпѣніе, такое же, какое бываетъ въ публикѣ, наприм., передъ началомъ театральнаго представленія.

Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, ожиданіе становилось долгимъ. Всѣ наши взоры были обращены налѣво, въ сторону Николаевской улицы, изъ которой преимущественно шель народъ и войска, изливаясь наподобіе черного потока въ наше подвижное и тоже черное человѣческое море на плацу. Потокъ этотъ не только не оскудѣвалъ; онъ напротивъ того еще густѣлъ и разрастался.

Гулъ всего этого черного человѣческаго скопища тоже возрасталъ. Въ этомъ гулѣ слышались иногда и смѣхъ и шутки, подчасъ даже и очень циничныя. Люди какъ будто бы старались такимъ образомъ показать свое мужество.

Я усиливался хоть въ бинокль найти слѣды жалости или грусти

хотя бы только на одномъ изъ всѣхъ этихъ тысячъ человѣческихъ лицъ. И не могъ подмѣтить нигдѣ ничего подобнаго. Повсюду было то же: или простое, непреодолимое нетерпѣніе, или же просто самая грубая веселость. Сколько животнаго было во всемъ этомъ. Только вблизи себя я встрѣтилъ нѣчто похожее на жалость или на уныніе. Такое выраженіе лицъ было у одного еврейскаго семейства, которое очевидно вышло смотрѣть казнь полностью, т.-е. даже со всѣми дѣтьми. Это были вѣроятно мелкіе торговцы или ремесленники. Вообще насколько я могъ замѣтить, толпа эта почти сплошь состояла изъ такъ называемыхъ простолюдиновъ. Чисто одѣтой публики мало было теперь видно. Такіе зрители находились больше въ переднихъ рядахъ. А высокопоставленные изъ нихъ вѣзжались въ своихъ шикарныхъ экипажахъ прямо къ четырехугольнику, огороженному войсками. Изъ такихъ господъ понемногу составила тамъ блестящая кучка, въ которой были и гвардейскіе мундиры.

Эти представители привилегированной группы держали себя, совершенно какъ дома, въ охраняемомъ войсками отъ толпы мѣстѣ. Очевидно они себя чувствовали здѣсь хозяевами положенія, такъ-сказать, распорядителями всего, что тутъ совершалась.

Я думалъ хоть въ этой все же болѣе или менѣе культурной части зрителей найти тѣнь жалости или грусти. Но или разстояніе было велико, или бинокль мой былъ недостаточно силенъ, только я и тамъ ничего подобнаго не могъ подмѣтить.

Но вотъ черный, людской потокъ сталъ сплошнымъ. Сдавленные и сгущенныя его волны начали особенно стремительно вырываться изъ Николаевской улицы. Какъ будто бы ихъ что-то сзади гнало и толкало. Всѣ инстинктивно догадывались, что это значило. Это значило, что ужасный кортежъ уже близокъ, что вотъ вотъ онъ предстанетъ передъ нашими напряженными взорами. Сердце замирало. Становилось жутко. Приходило на мысль: «а ну какъ нервы не выдержатъ дальнѣйшаго»? «Не уйти ли? не бѣжать ли лучше заблаговременно»? «А стыдъ то? А этотъ ложный ужасный стыдъ, прослыть малодушнымъ и слабонервнымъ трусомъ?».

«Везутъ, везутъ»—раздалось вокругъ.

И дѣйствительно, надъ толпою и надъ головами солдатъ, появившихся густою массою изъ зловѣщей улицы, показалась черная, рѣшетчатая колесница съ чернымъ же маленькимъ существомъ въ ней, сидѣвшимъ задомъ напередъ.

Священника, какъ обыкновенно рисуютъ, на колесницѣ въ этотъ разъ не было. Впрочемъ вѣдь, казнили еврея «жида»; и раввина, быть можетъ, не позаботились посадить съ нимъ. А можетъ.

быть, раввина не нашлось для этой ужасной роли? А, можетъ быть, и самъ несчастный не пожелалъ и самъ отвратительной комедіи и глумленія надъ религіей, надъ высшимъ существомъ въ такую минуту. Впрочемъ, могло быть и такъ, что раввинъ или священникъ были уже у эшафота. Только я этого не могъ видѣть.

По мѣрѣ приближенія къ эшафоту и сокращенія дороги туда, фигура и лицо преступника дѣлались для меня яснѣе черезъ бинокль. Это была мизерная, сутуловатая человѣческая фигура, одѣтая въ неуклюжую черную, и повидимому ватную пару. Платье это было не по росту одѣтому въ него, и отвратительнаго фасона. Оно состояло изъ безформенной куртки и штановъ. На головѣ была черная арестантская шапка. Руки выше локтей были стянуты ремнями.

Лицо этого человѣка съ рыжеватой бородкой и такими же усами было худо и желто. Оно было искажено. Нѣсколько разъ казалось, что его передергивала улыбка.

Казалось невѣроятнымъ, что человѣкъ съ такимъ измученнымъ, страдальческимъ лицомъ, будетъ сейчасъ умирать жестокою, позорною смертью отъ руки человѣка, а мы всѣ молча и покорно будемъ глядѣть на это ужасное дѣло.

Неужели мы всѣ не взреемъ, не бросимся освобождать несчастнаго? И къ своему ужасу и позору я сознавалъ, что мы не взреемъ и не бросимся освобождать его, а доглядимъ его истязанія, спокойно до самаго конца.

Да, мы и доглядѣли.

Колесница остановилась у эшафота. Откуда-то появился полный, видный, русобородый человѣкъ, въ синемъ новомъ кафтанѣ, и въ смушковой шапкѣ. Онъ взошелъ по ступенямъ колесницы.

«Палачь!» прозвучало вокругъ ужасное слово.

Палачъ. Да, это былъ онъ. Это былъ извѣстный Фроловъ, перевѣшавшій въ то время не мало политическихъ преступниковъ. Обыкновенно онъ проживалъ гдѣ-то подъ Москвою, чуть ли не въ районѣ Богородскаго, Ростокина и Райова. Тамъ онъ былъ не разъ замѣшанъ въ грабежахъ и другихъ преступленіяхъ. Оттуда по временамъ его вывозили власти на ужасныя гастроли въ разныя мѣста Россіи, какъ то было и въ данную минуту. Теперь уже его нѣтъ на свѣтѣ. Лѣтъ десять или двѣнадцать, какъ онъ умеръ.

Рослый, сильный, упитанный и хорошо одѣтый человѣкъ подошелъ спокойно, и, какъ говорится, «истово» къ хилому измученному, привязанному къ своему сидѣнью и безобразно на-

ряженному человѣку. Онъ отвязалъ его, но не освободилъ его рукъ отъ ремней, а напротивъ того подтянулъ ихъ еще покрѣпче. Послѣ этого онъ также «истово», почти ласково повелъ его, легонько прикасаясь рукою къ его спинѣ, какъ иногда дѣлаетъ радушный хозяинъ, подводя гостя къ закускѣ.

Мнѣ припомнилось, что палачи древнихъ временъ, одѣтые въ красное, бросались какъ демоны, какъ звѣри на свою жертву и принимались ее тутъ же терзать и уничтожать. Страшная, отвратительная картина! Не менѣе ли отвратительной была и картина спокойнаго и дружественнаго на видъ хожденія двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ велъ другого съ позорной колесницы на эшафотъ, прямо въ петлю.

Свободный человѣкъ поставилъ связаннаго къ позорному столбу и снялъ съ него шапку. Его заставили съ почтеніемъ и покорностью выслушать конфирмованный смертный приговоръ. Затѣмъ, очевидно, несчастному позволили проститься съ народомъ; онъ сдѣлалъ въ разныя стороны нѣсколько поклоновъ. Тутъ опять мнѣ показалось, что та же ужасная, потрясающая улыбка еще разъ передернула его лицо. Газеты потомъ увѣряли, что преступникъ дѣйствительно болѣзненно улыбался въ эту минуту. Ни одного звука состраданія, ни одного вздоха сожалѣнія не было слышно.

Палачъ все также истово придерживая рукою за спину, возвелъ обреченнаго къ смерти на подставленную подъ висѣлицею лѣсенку. Не спѣша, онъ натянулъ казненному холщевый мѣшокъ на голову и тщательно его оправилъ. Мѣшокъ доходилъ почти до колѣнъ несчастнаго. Затѣмъ также основательно и неторопливо была надѣта отвязанная отъ столба петля на шею жертвы, переносившей все это безпрекословно, какъ слабый ребенокъ. Наконецъ, палачъ подтянулъ къ столбу покрѣпче другой конецъ веревки, и вынулъ изъ-подъ ногъ казнимаго лѣсенку. Тотъ повисъ въ воздухѣ, растопыривъ ноги и ища ими, очевидно, исчезнувшей опоры. При этомъ онъ сталъ вертѣться на раскручивавшейся веревкѣ, вслѣдствіе своей тяжести и задергалъ стянутыми за спиною руками, силясь, конечно инстинктивно, освободиться.

Знающіе люди говорятъ, что если казненный падаетъ съ нѣкоторой высоты и при этомъ, если веревка еще проходитъ у него сбоку шеи, т.-е. со стороны уха, то смерть наступаетъ очень скоро. Тутъ этого ничего не было. Быть можетъ, палачъ умышленно дѣлалъ все такъ, чтобы продолжить мученья и потѣшить почтенную публику и начальство своимъ стараніемъ и хорошею казнью.

И, дѣйствительно, казнь была хороша. Несчастный долго шевелился, долго двигалъ ногами и оттянутыми руками. Сколько

прошло времени, пока онъ не затихъ окончательно, сказать трудно. Я потерялъ сознание времени и пространства. Я видѣлъ въ бинокль лишь одну безформенную фигуру, которая все медленнѣе и медленнѣе вертѣлась на веревкѣ и все слабѣе и слабѣе двигала конечностями. При этомъ я слышалъ только бѣненіе своего сердца. Все кругомъ точно замерло. Не раздавалось ни единого звука на всей огромной площади. Мало-по-малу толпа стала выходить изъ своего оцепенѣнія. Страшное слово, «кончено» раздалось и повторилось нѣсколько разъ среди нея.

Газеты увѣряли, что агонія несчастнаго продолжалась цѣлыхъ 10 минутъ. Цѣлыхъ десять минутъ! Вѣдь это должна быть цѣлая вѣчность для страдальца и притомъ, вѣчность, которая проходитъ въ подобныхъ мученіяхъ. Однако, повидимому, на самомъ дѣлѣ, все было кончено; по крайней мѣрѣ для несчастнаго.

Толпа стала понемногу расходиться, такъ какъ смотрѣть больше было нечего, кромѣ безпомощно и неподвижно висѣвшей фигуры въ мѣшкѣ, у которой только безсильно вытянутые ноги изобличали человѣка.

Черезъ обычное для казни извѣстное время, сняли повѣшеннаго съ веревки, какъ это сообщали послѣ тоже газеты. Затѣмъ докторъ пощупалъ у него сердце и пульсъ и констатировалъ смерть. Въ тѣхъ же газетахъ было сказано, что многіе изъ присутствовавшихъ на казни офицеровъ купили у палача отрѣзки той веревки, на которой былъ только что повѣшенъ человѣкъ. Нѣкоторые и просто давали палачу на чай.

Не правда ли, какъ красиво?

Въ заключеніе, какъ я узналъ потомъ отъ присутствовавшаго на казни полицейскаго, казненнаго положили въ совершенно гнилой гробъ, такъ что изъ него тѣло несчастнаго нѣсколько разъ вываливалось по дорогѣ на кладбище.

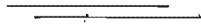
Передъ своимъ уходомъ съ плаца, я видѣлъ, какъ проѣхала недалеко отъ меня невзрачная карета, со стороны эшафота. Она была запряжена парю убогихъ, разномастныхъ одровъ. Шторы у нея были спущены. Въ толпѣ были увѣрены, что въ этой каретѣ увозятъ палача, окончившаго свою роль, пряча его отъ толпы, которая могла къ нему выказать вражду за содѣянное преступное дѣло.

Затѣмъ конные и пѣшіе жандармы и полицейскіе провели нѣсколько бѣдно одѣтыхъ людей, съ интеллигентными взволнованными лицами. Они будто бы, какъ рассказывали въ толпѣ, заявили публично, что казнью ихъ не испугать, и что они все-таки будутъ продолжать «свое дѣло».

Я пошелъ домой, продолжая видѣть передъ собою и переживать то дѣло, которое только что сейчасъ совершилось среди бѣлаго дня, передъ лицомъ толпы людей, называющихъ себя европейцами и христіанами, изъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не издалъ даже звука протеста.

Я шелъ угнетенный и разбитый нравственно по улицамъ. Передъ моими глазами все еще дергался несчастный повѣшенный.

А. Энгельмейеръ.

Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани.

(Матеріалы къ біографіи изъ архива Астрах. Губ. Жанд. Упр.).

Астраханскій періодъ жизни Чернышевскаго сравнительно мало освѣщенъ въ литературѣ. Правда, мы имѣемъ нѣкоторые матеріалы объ этомъ періодѣ, но матеріаль охранки, конечно, былъ запечатанъ для русскаго общества десятью замками, если не больше. Въ архивѣ охранки г. Астрахани имѣется «Дѣло А. Г. Ж. У. по части наблюдательной о государственномъ преступникѣ Николаѣ Гавриловичѣ Чернышевскомъ, водворенномъ на жительство въ г. Астрахани» за 1884, 1885, 1886, 1887 гг.

Въ дѣлѣ «о государственномъ преступникѣ Н. Г. Чернышевскомъ» имѣется 1) 30 агентурныхъ свѣдѣній, 2) пять записокъ Чернышевскаго, 3) одно письмо ссыльнаго изъ Сибири къ Чернышевскому и нѣсколько документовъ «официальной переписки о Чернышевскомъ».

О чемъ же говорятъ агентурныя свѣдѣнія? Они говорятъ о томъ, гдѣ жилъ въ г. Астрахани Чернышевскій, куда ходилъ, кто его посѣщалъ, отмѣчаютъ кругъ его знакомства.

Агентурныя сообщенія начинаются отъ 9 января 1884 г. Агентъ сообщаетъ, что «въ 11 ч. ночи 8 января былъ докторъ Николай Михайловичъ Никольскій и сидѣлъ болѣе часу. Жена Чернышевскаго просила хозяина, чтобы онъ провелъ звонокъ въ квартиру, такъ какъ къ нимъ будетъ ѣздить докторъ, лѣчить ихъ. 10 января звонокъ привѣшенъ».

11 января въ 10 ч. утра Чернышевскій былъ на Полицейской улицѣ въ лавкѣ, потомъ зашелъ къ Рейтману на $\frac{1}{4}$ часа, въ 12 ч. дня опять былъ у Рейтмана.

12 января Н. Г.-у прислана была московскимъ студенчествомъ телеграмма, которая перехвачена была. Содержаніе ея таково:

«Пьемъ здоровье лучшаго друга студентовъ московскіе студенты».

Объ этой депешѣ жандармскій полковникъ счелъ долгомъ сообщить въ Департаментъ Полиціи въ Петроградѣ.

18 февраля 1884 г. агентъ доноситъ, что Чернышевскій изъ д. Хатчикова окончательно переѣхалъ на Католическую ул. въ д. Комаровой, а черезъ 7 дней сообщаетъ, что 19 февраля Чернышевскій заходилъ въ два питейныя заведенія, въ одномъ изъ нихъ выпилъ рюмку водки, гдѣ пробылъ не болѣе 5 минутъ; 24 же февраля онъ былъ на малыхъ Исадахъ ¹⁾ въ гостиницѣ Стрѣльцова, обошелъ помѣщеніе, подошелъ къ буфетчику, сталъ съ нимъ говорить, что здѣсь публика довольно чистая, разговоръ довольно тихій, и всегда ли бываетъ такъ тихо, на что получилъ положительный отвѣтъ, потомъ два раза обошелъ помѣщеніе и спросилъ: «А ночью тоже бываетъ такъ тихо?» на что буфетчикъ сказалъ ему, что ночью не торгуютъ и что-то пробормоталъ про себя.

Послѣ февральскаго доноса проходитъ мѣсяцъ. 26 марта 1884 г. Чернышевская вышла изъ своей квартиры и встрѣтилась съ дочерью домохозяина Комаровой (Абѣловой) и говорила что-то о пароходѣ «Волжскій Цесаревичъ». Начальникъ пишетъ: «Наблюдать за пароходомъ Цесаревичемъ». Въ этомъ же мѣсяцѣ изъ Гатчины отъ начальника секретной части въ охранѣ Его Имп. Величества получены были бумаги съ приказаніемъ собрать свѣдѣнія и увѣдомить, не ѣздилъ ли куда изъ Астрахани государственный преступникъ Чернышевскій. Полковникъ донесъ, что онъ никуда не уѣзжалъ.

Въ то же время въ Департаментъ онъ доноситъ о томъ, что 29 марта 1884 г. Чернышевскій отправилъ въ ред. «Вѣстника Европы» для передачи Пыпину переводы сдѣланные, имъ и сыномъ и намѣренъ послать письмо Пыпину съ просьбой отправить въ редакцію наиболѣе распространенныхъ газетъ слѣдующее извѣщеніе: «мы слышали, что Н. Г. Чернышевскій приготовляетъ къ изданію собраніе своихъ сочиненій».

13 апрѣля въ 9 ч. вечера Чернышевскій, дойдя до угла Александровскаго бульвара, взялъ извозчика и доѣхалъ до почтовой конторы (хотя весьма недалеко), а оттуда отправился домой пѣшкомъ. Въ то же время уѣхалъ сынъ въ Казань на пароходѣ по порученію, какъ говорятъ т-ва «Нобель».

Черезъ 6 дней кто-то посѣщалъ Чернышевскаго, но агенты изъ виду его упустили. Полковникъ предписываетъ: «Разузнать кто такой!?». Строгое предписаніе исполняется, и агентъ сообщаетъ, что былъ у Чернышевскаго агентъ конторы Нобель В. Г. Веймаръ.

25 апрѣля приходила въ 6 часу дѣвица Назарбекова, ушла въ 8 часу. Чернышевскій провожалъ ее и пробылъ у Назарбековыхъ до 11 ч. вечера.

¹⁾ Базаръ на Астраханскомъ берегу Волги.

2 мая 1884 г. были у Чернышевскаго двѣ дѣвицы Сугекова и Аметова. Провожалъ ихъ самъ Чернышевскій. На другой день пріѣхалъ изъ Петербурга Пыпинъ, двоюродный братъ Чернышевскаго. 11 мая уѣхалъ въ Петроградъ. Чернышевскій съ женой и двумя дѣвицами Амировыми провожали его. По этому поводу жандармскій полковникъ сообщаетъ въ Департаментъ Полиции, что къ Н. Г. Чернышевскому пріѣзжалъ 8 мая Пыпинъ и 11 мая уѣхалъ.

«27 іюня Чернышевскій переѣхалъ изъ д. Комаровой въ д. Абнарова. Въ этотъ день у него были дѣвицы Мелькумова и Суркезова». 13 іюля агентъ отмѣчаетъ, что сыновья и жена Чернышевскаго были у Хадчикова. Черезъ четыре дня (17) купецъ Аветовъ былъ у него, съ нимъ 22 іюля Чернышевскій ѣздилъ по улицамъ; Аветовъ говорилъ ему названія улицъ и владѣльцевъ нѣкоторыхъ домовъ. 23 и 24 были армяне Мелькумовы у Чернышевскаго. 26 іюля старшій сынъ уѣхалъ въ Петроградъ, о чемъ доносить начальникъ въ Департаментъ. Донесъ же туда онъ и о пріѣздѣ А. В. Захарьина. Это было 26 августа.

24 ноября агентъ доноситъ, что Чернышевскій часто посѣщаетъ домъ наслѣдниковъ Рахманова. Въ 1885 г. подводится агентами какъ бы итогъ, съ кѣмъ Чернышевскій велъ знакомство, вотъ его знакомые: Сукіятовъ, Аветовъ, Рахмановъ, Хагиковъ и его приказчикъ Маркаросовъ, Абкировъ, Мелькумовы, врачъ С. М. Поповъ.

21 марта 1885 г. имѣется замѣтка, что Чернышевскій послалъ А. В. Захарьину начало перевода «Всеобщей исторіи Вебера», а 20 апрѣля отмѣчается, что Всеобщая исторія послана въ Румянцев-музей Ев. О. Коршу. Агентурныя свѣдѣнія заканчивались извѣщеніями о томъ, что въ 1885 г. Чернышевскій переѣхалъ въ домъ Джангумова на Канавѣ, а въ 1886 г. 27 февраля въ д. Полетаева противъ Воздвиженья.

Ясно изъ агентурныхъ свѣдѣній, что въ первое время за Чернышевскимъ слѣдили весьма строго. Его шагъ каждый отмѣчался, да не только его, но его жены, сыновей и знакомыхъ. Знакомство его, видимо, было не обширно. Видимо онъ велъ болѣе жизнь кабинетнаго ученаго. Это вполне совпадаетъ съ тѣми воспоминаніями, которыя опубликованы. Въ связи съ организаціей надзора за Чернышевскимъ возникла переписка объ отпускѣ суммъ для этого, и мѣстная власть просила отпустить на это народныхъ, конечно, денегъ 1500 руб., но Департаментъ Полиции въ 1885 г. не призналъ возможнымъ ассигновать 1500 р. для учрежденія надзора за Чернышевскимъ и предложилъ сообразоваться съ имѣющимися на надзоръ вообще средствами.

По этому поводу губернаторъ запрашиваетъ жандармскаго полковника: «Какое наблюденіе слѣдовало бы установить за поднадзорнымъ Чернышевскимъ?». Отвѣтъ полковника былъ таковъ: «Въ настоящее время особой надобности не представляется, но надзоръ за нимъ необходимъ въ одинаковой мѣрѣ съ лицами, находящимися въ г. Астрахани и подчиненными негласному надзору».

Съ этого момента надзоръ агентовъ ослабѣваетъ и наконецъ въ 1887 г. жандармы приходятъ къ тому, что «особаго наблюденія черезъ наемныхъ агентовъ за проживающимъ въ г. Астрахани подъ негласнымъ надзоромъ Чернышевскимъ надобности не встрѣчается». Въ списокѣ же поднадзорныхъ съ 1 января по 1-е іюля 1887 г. написано синимъ карандашомъ: «продолженіе особаго наблюденія прекращено, согласно распоряженія Департ. Полиціи отъ 24 января с. г. за № 205, о чемъ сообщено Г. Астр. Губ. 11 февраля за № 40».

Между тѣмъ изъ астраханскихъ песковъ въ Саратовъ не пустили его почти до самой могилы—1889 г. Такъ прожилъ подъ бдительнымъ надзоромъ борецъ за народъ, нашъ мыслитель, до самой могилы. Только могила освободила его и успокоила царское правительство, хотя въ послѣдніе годы «преступника» аттестовали такъ: «ведетъ себя скромно и прилично, ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ»; или: «жизни скромной, при немъ находится жена, знакомыхъ имѣетъ мало, преимущественно изъ армянскихъ семействъ, которые иногда бываютъ у него».

Среди отмѣченныхъ бумагъ имѣется небезынтересное письмо, которое говорить о судьбѣ библіотеки Чернышевскаго.

19 іюня 1886 г. Верхоленьскъ.

Николай Гавриловичъ!

Въ февралѣ настоящаго года, бывший студентъ харьковскаго Ветеринарнаго Института Николай Іорданъ, высланный административнымъ порядкомъ въ Верхоленьскъ, былъ переведенъ по распоряженію администраціи въ г. Вилуйскъ. Изъ писемъ Іордана видно, что тамъ хранится въ настоящее время подъ замкомъ, принадлежавшая Вамъ библіотека, которую Вы, при своемъ отъѣздѣ изъ Сибири, предлагали пожертвовать якутскому областному управленію. Управленіе почему-то не нашло возможнымъ воспользоваться Вашимъ предложеніемъ, и всѣ книги тлѣютъ совершенно бесполезно; для читателей онѣ недоступны, а соб-

ственникомъ ея администрація считаетъ попрежнему Васъ. Между тѣмъ Іорданъ, которому предстоитъ провести въ Вилуйскѣ еще четыре года въ полномъ одиночествѣ, такъ какъ другихъ ссыльныхъ тамъ нѣтъ, не имѣлъ возможности захватить съ собой много книгъ, а мы, его товарищи, по недостаточности нашихъ средствъ, также не въ состояніи присылать ему ихъ въ сколько нибудь достаточномъ количествѣ. Въ виду этого я беру на себя смѣлость обратиться къ Вамъ съ просьбой: не найдете ли Вы возможнымъ увѣдомить якутскаго губернатора, что разрѣшаете Іордану пользоваться книгами Вашей библіотеки? Такой мѣрою, едва ли затруднительной для Васъ самихъ, Вы оказали бы большую услугу нашему товарищу, а косвенно и намъ, верхоленскимъ ссыльнымъ, какъ лицамъ, принимающимъ въ Іорданѣ горячее участіе.

Политическій ссыльный *Ив. Майковъ.*

Въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ 1905 г. № 5 «Рус. Бог.» о библіотекѣ Чернышевскаго есть такое краткое завѣчаніе. «Впослѣдствіи, когда пріѣзжалъ прокуроръ изъ Якутска, Чернышевскій подарилъ всю библіотеку Якутской общественной библіотекѣ».

К. Виноградовъ.

Михаилъ Николаевичъ Тригони.

(1850—1917).

Телеграфъ принесъ извѣстіе, что въ Балаклавѣ, въ ночь на 5-е іюля, умеръ отъ удара шлиссельбуржецъ Михаилъ Николаевичъ Тригони. Среди потрясающихъ событій войны и революціи эта смерть прошла безъ всякаго отклика въ текущей прессѣ. Но я, какъ товарищъ Тригони по Шлиссельбургской крѣпости, въ которой онъ пробылъ 18 лѣтъ, не могу не помянуть его словомъ и не сообщить того, что я о немъ знаю.

Очеркъ, предлагаемый ниже, написанъ мной 10 лѣтъ тому назадъ и предназначался для второго тома галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. По обстоятельствамъ реакціоннаго времени, наступившаго послѣ 1907 г., этотъ 2-й томъ до сихъ поръ не вышелъ, и потому приходится только теперь печатать очеркъ; теперь, когда Тригони не стало. Не стало человѣка, который былъ членомъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, боровшейся насильственными средствами съ самодержавіемъ, когда русское общество безсильно молчало, а русскій народъ еще не пробудился. Не стало одного изъ тѣхъ, которые, казнивъ бомбой Александра II, обращались 36 лѣтъ тому назадъ къ его сыну, Александру III, съ записаннымъ въ исторію революціоннаго движенія письмомъ, въ которомъ требовали *Учредительнаго Собранія—Земскаго Собора, земли и воли* русскому народу. Пережившему начало революціи 1905 года въ качествѣ ссыльно-поселенца, котораго сибирскіе губернаторы не хотѣли принимать въ свои губерніи и захваченный, благодаря этому, въ плѣнъ японцами на остр. Сахалинѣ, Тригони дождался февральскихъ и мартовскихъ дней этого года—медовыхъ мѣсяцевъ нашей второй революціи, когда царизмъ, опозоренный, больше чѣмъ когда либо, палъ безвозвратно, и всѣ въ Россіи могли крикнуть: «Мы свободны!» Въ первые годы сознательной жизни Тригони видѣлъ народъ совершенно темной, недифференцированной, косной массой, въ которой революціонная дѣятельность, начатая интелли-

генціей, находила лишь слабый, на-глазъ незамѣтный откликъ. Кончая жизнь, онъ видѣлъ всю великую страну въ движеніи, въ великомъ порываніи къ свѣту, къ свободѣ, къ устроению жизни на новыхъ лучшихъ основахъ. Вся эволюція отъ деспотизма, свирѣлаго и безсмысленнаго, до республики, идеаломъ которой можетъ быть только право, свобода и справедливость, прошла передъ нимъ. И я увѣрена, что несмотря на ужасы войны, ея неудачи и пораженія, несмотря на всѣ отрицательныя стороны, ярко выступившія затѣмъ на фонѣ нашей внутренней революціонной жизни,—любовь Михаила Николаевича къ народу, его вѣра въ него, спасла его отъ разочарованія и 5-го іюля онъ умеръ съ успокоеніемъ, что разсѣется все омрачающее и въ Россіи будетъ и «хлѣбъ, и свѣтъ, и свобода!»

Михаилъ Николаевичъ Тригони родился въ 1850 г. въ Севастополѣ въ зажиточной и культурной семьѣ. Его отецъ, по происхожденію грекъ, служилъ въ гвардіи; вышелъ въ отставку въ чинѣ генераль-маіора и владѣлъ имѣніемъ въ Симферопольскомъ уѣздѣ, а мать была дочерью адмирала и сестрой извѣстнаго писателя К. М. Станюковича, который изобразилъ своего отца въ одномъ изъ «морскихъ разсказовъ» въ лицѣ «Грознаго адмирала». Отецъ М. Н. былъ человѣкомъ убѣжденій консервативныхъ, но умеръ рано, когда сыну было всего 9 лѣтъ. Мать же была свѣтской женщиной, но въ вопросахъ религіи и политики отличалась свободомысліемъ. Въ памяти М. Н. живо сохранилось воспоминаніе объ ея отношеніи къ варварствамъ русскаго правительства во время возстанія въ Польшѣ. Въ ея альбомѣ на первомъ мѣстѣ стояли дорогіе для всѣхъ передовыхъ людей Россіи портреты Герцена и Гарибальди, и Тригони съ малыхъ лѣтъ научился любить ихъ. Эти вліянія и послѣдующія впечатлѣнія гимназической и университетской жизни понемногу выработали изъ него революціонера и узника Шлиссельбурга.

Первоначальнымъ обученіемъ М. Н. руководила сама мать, кончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ; потомъ онъ учился у приглашенной въ семью француженки-гувернантки, а въ гимназію его приготавливалъ флотскій офицеръ Сафоновъ, о нравственной личности котораго Тригони сохранилъ теплое воспоминаніе. Отецъ, вѣроятно, отдалъ бы его въ какое-нибудь привилегированное учебное заведеніе столицы. Но мать не хотѣла, чтобъ сынъ былъ вдали отъ нея и помѣстила его въ симферопольскую гимназію, при которой былъ устроенъ «благородный пансіонъ». Тамъ то и жилъ М. Н., такъ какъ мать большую часть года проводила въ деревнѣ.

Обновленіе русской жизни въ 60-е годы коснулось и учеб-

ныхъ заведеній, въ томъ числѣ и симферопольской гимназіи. Набѣги воспитанниковъ на чужіе фруктовые сады и прилавки кондитерскихъ во время прогулокъ «благороднаго пансіона», считавшіеся прежде подвигами удалства,—отходили въ область преданія, какъ и кулачные бои пансіонеровъ съ семинаристами. Лучшіе ученики старшихъ классовъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный потомъ ученый и писатель Н. Зиберъ, занимались чтеніемъ прогрессивныхъ журналовъ того времени, а вскорѣ назначенный новый директоръ, писатель Евг. Львовичъ Марковъ, началъ устраивать литературные вечера, въ которыхъ участвовали совмѣстно ученики, какъ мужской, такъ и женской гимназій. Правда, Марковъ руководился при этомъ, по словамъ Мих. Ник., разсчетомъ, что «страсти нѣжныя» отвлекутъ отъ другихъ страстей—политическихъ. «Но въ разсчетахъ своихъ директоръ ошибся», говоритъ онъ; и радикализмъ рѣшительно господствовалъ среди учащихся.

Изъ 4-го класса симферопольской гимназіи Тригони вышелъ вслѣдствіе столкновенія съ однимъ учителемъ и перешелъ въ 5-й классъ—керченской. Здѣсь, въ Керчи, онъ встрѣтился и подружился съ А. И. Желябовымъ, который учился въ той же гимназіи и былъ однимъ изъ лучшихъ и выдающихся учениковъ того класса, въ которомъ находился и М. Н. Керченская гимназія была изъ вновь открывшихся, и подборъ учителей въ ней былъ пестрый. Нравы въ ней были довольно патріархальные и отдавали старинкой. Такъ, нѣкоторые учителя, по старой привычкѣ, говорили ученикамъ 5-го класса на «ты» и М. Н. помнить, какъ густо краснѣлъ Андрей Ивановичъ каждый разъ, когда учитель Адриасевичъ обращался къ нему съ этимъ мѣстоимѣніемъ. Во главѣ гимназіи стоялъ швейцарецъ Падренъ-де-Карнэ, переведенный изъ Вильны. Его нравственная фیزیономія достаточно характеризуется слѣдующимъ фактомъ: одно время, за отсутствіемъ учителя, директоръ самъ занимался съ гимназистами латинскимъ языкомъ и въ опредѣленные дни задавалъ имъ поочередно переводы, то изъ Овидія, то изъ Саллюстія. Однажды вмѣсто Овидія ученики, по недоразумѣнію, принесли Саллюстія, и изъ этого вышла цѣлая исторія. Директоръ съ кафедры громилъ провинившійся классъ и въ рѣчи къ юнымъ крамольникамъ заявилъ, что «и въ Польшѣ умѣлъ усмирять бунты». А когда учитель, преподававшій русскую словесность, сталъ приглашать старшихъ учениковъ къ себѣ на домъ, его поспѣшили перевести въ другое мѣсто. Темы для сочиненій, которыя отсылались попечителю учебнаго округа, имѣли цѣлью вывѣдать настроеніе и направленіе молодыхъ авторовъ. Это были: «Мечты юноши», «Вліяніе литературы на жизнь народа» и т. п.

Обстановка учебного заведения въ общемъ не поощряла само-развитія, однако многіе изъ гимназистовъ читали Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго и Писарева, Бокля, Милля и другихъ лучшихъ представителей русской и иностранной литературы. Въѣстъ съ тѣмъ они живо интересовались и чутко прислушивались ко всѣмъ вѣстямъ, приходившимъ изъ Москвы, когда тамъ начались аресты и административныя высылки по Нечаевскому дѣлу...

По окончаніи курса въ гимназіи Тригони пробылъ нѣкоторое время въ петербургскомъ университетѣ, но потомъ перешелъ въ новороссійскій. Вначалѣ онъ поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, но затѣмъ перешелъ на юридическій, какъ такой, гдѣ можно ближе ознакомиться съ общественными науками. Изученіе послѣднихъ было однако поставлено плохо; такъ, профессору государственнаго права было, наприм., запрещено дѣлать подробный обзоръ современныхъ конституцій и т. п. Въ университетѣ, какъ и въ гимназіи, Тригони былъ одновременно съ Желябовымъ, который во всѣхъ студенческихъ дѣлахъ сразу занялъ видную позицію и за участіе въ одномъ изъ нихъ былъ исключенъ. Дѣло состояло въ томъ, что профессоръ славянскихъ законодательствъ, Богишичъ, оскорбилъ на лекціи одного изъ студентовъ: «Какъ вы сидите»,—крикнулъ онъ,—здѣсь не мѣсто спать!» Студенты были возмущены, и по поводу инцидента начались сходки: учащіеся требовали немедленнаго удаленія профессора. Университетъ былъ временно закрытъ, а Желябовъ, какъ главный агитаторъ, арестованъ. Настроеніе студентовъ однако быстро пало,—безпорядки улеглись. Богишичъ не былъ уволенъ, университетъ открыли, но Желябова и студента Бѣлкина выслали административно: перваго на 1 годъ въ Керчь, а второго—на Кавказъ. Опальный профессоръ возобновилъ свои лекціи, но прочелъ только одну—къ нему пришли лишь нѣсколько человѣкъ; Богишичъ покинулъ университетъ.

Во времена студенчества Тригони книгами, наиболѣе популярными среди университетской молодежи, были произведенія Маркса и Лассаля, а затѣмъ заграничный журналъ Лаврова «Впередъ» и другія революціонныя изданія. Активное участіе въ революціонномъ движеніи М. Н. сталъ принимать съ 1875 года. Находясь въ сношеніяхъ съ революціонерами, жившими въ Одессѣ и судившимися по процессу 193-хъ, онъ занимался пропагандой и распространеніемъ революціонной литературы среди молодежи и артиллерійскихъ офицеровъ.

Въ 1879 г. Тригони уѣхалъ въ Петербургъ и при посредствѣ

Желябова и Колодкевича примкнулъ къ партіи Народной Воли. Сдѣлавшись агентомъ Исполнительнаго Комитета, онъ вращался здѣсь главнымъ образомъ среди лицъ либеральныхъ профессій, а осенью 1880 г. послѣ моего отъѣзда изъ Одессы, Исполнительный Комитетъ поручилъ ему отправиться туда для продолженія начатой мною работы.

Въ Одессѣ М. Н. поступилъ въ помощники присяжнаго повѣреннаго при одесскомъ окружномъ судѣ. Это давало ему извѣстное положеніе въ обществѣ и возможность всюду бывать и всѣхъ принимать. Кругъ его знакомствъ скоро расширился. Изъ новыхъ элементовъ, привлеченныхъ имъ, и изъ лицъ, связь съ которыми была передана мною, М. Н. образовалъ мѣстную группу партіи. Въ нее входилъ мой хорошій другъ, бывший офицеръ генеральнаго штаба, писатель И. И. Свѣдѣловъ; другимъ весьма цѣннымъ работникомъ явился привлеченный М. Н. студентъ Дрей, сынъ одесскаго врача, пользовавшагося большою популярностью среди мѣстной бѣдности за свое безкорыстіе и отзывчивость.

Въ то время въ Одессѣ на фабрикахъ и заводахъ еще существовали рабочіе, воспитанные трудами Заславскаго, выдающагося революціоннаго дѣятеля, осужденнаго въ 1877 году. Послѣ его ареста сношенія съ этими рабочими не прерывались: въ 1879 г. изъ народовольцевъ ихъ поддерживалъ Колодкевичъ, а въ 1880-мъ они перешли къ Тригони и составляли основной кадръ рабочей организаціи, или вѣрнѣе, кружковъ, такъ какъ строгой организаціи среди рабочихъ тогда не было. Съ помощью ихъ и съ участіемъ Тригони и Дрея были организованы новые кружки; велась пропаганда и среди пришлаго рабочаго люда: каменщиковъ, плотниковъ и т. п. По отзыву лицъ, ведшихъ въ то время дѣло въ Одессѣ, типъ настоящаго, промышленнаго пролетарія, совершенно обособленнаго отъ деревни и имѣющаго свое определенное классовое самосознаніе и психологію, тогда еще не сложился. Большинство изъ тѣхъ, съ кѣмъ соприкасались пропагандисты, были сѣрые деревенскіе люди, часто возвращавшіеся обратно къ своимъ полямъ. Впечатлѣнія, выносимыя изъ общенія съ ними, несмотря на полную некультурность и почти поголовную безграмотность, были хорошія и изъ среды ихъ на судѣ противъ Дрея въ 1883 г. не нашлось ни одного свидѣтеля. Характерно, что группа настоящихъ заводскихъ рабочихъ, уже давно привлеченныхъ къ партіи и отличавшихся большою интеллигентностью, тоже не стояла на классовой точкѣ зрѣнія и въ революціонной дѣятельности руководилась тѣми же мотивами, какъ и сама интеллигенція; это были альтруизмъ, идея справедливости и т. п. чисто нравственныя побужденія.

М. Н-чу были переданы и связи среди военных. Самым выдающимся из них был Ашенбреннеръ, отправившійся потомъ въ Николаевъ и основавшій, какъ тамъ, такъ и въ Одессѣ, группы военной организациі. Съ крестьянствомъ одесскіе народовольцы непосредственныхъ сношеній не имѣли, но М. Н. завязалъ знакомства съ учителями и учительницами Херсонской губерніи.

Такимъ образомъ организаціонная работа стояла на хорошемъ пути, и М. Н. пользовался въ Одессѣ большимъ авторитетомъ, служа объединяющимъ центромъ, къ которому тяготѣли всѣ революціонныя силы округа.

Въ началѣ января 1881 г. эта организаціонная работа была однако прервана: М. Н. былъ вызванъ въ Петербургъ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ Исполнительнымъ Комитетомъ; изъ нихъ главнымъ былъ вопросъ объ инсurreкціи. Дебаты, въ которыхъ принималъ участіе и Тригони, происходили въ тогдашней штабъ-квартирѣ комитета, находившейся у Вознесенскаго моста.

27 февраля, вечеромъ, въ меблированныхъ комнатахъ на Невскомъ, гдѣ жилъ Тригони, онъ былъ арестованъ, какъ и пришедшій къ нему Желябовъ.

Этотъ арестъ былъ событіемъ громадной важности: подкопъ на Малой Садовой былъ уже готовъ, мина заложена, планъ дѣйствій детально разработанъ. Желябову была назначена видная роль въ подготавливавшейся драмѣ,—и вотъ энергичнаго борца не стало. 28-го спѣшно былъ созванъ Комитетъ, и рѣшено на утро дѣйствовать, во что бы то ни стало, хотя бы однѣми бомбами, которыя при Желябовѣ рассматривались лишь какъ вспомогательное средство.

Разразилось 1-е марта... А 5-го апрѣля казнили: Желябова, Перовскую, Кибальчича, Т. Михайлова и Рысакова... Тригони же судили въ февралѣ 1882 г. по такъ называемому процессу 20-ти народовольцевъ, процессу, составлявшему продолженіе процесса 1-го марта.

Главнымъ обвинителемъ противъ Тригони являлся рабочій Василій Меркуловъ, показывавшій, что Тригони регулярно посѣщалъ лавку Кобозева для работъ въ подкопѣ, и что онъ, Меркуловъ, видѣлъ, какъ М. Н. вылѣзалъ оттуда. Тотъ же Меркуловъ далъ указанія на революціонную дѣятельность Тригони среди рабочихъ въ Одессѣ.

Защитнику Тригони, Спасовичу, удалось снять первый и самый важный оговоръ, и особое присутствіе сената, въ которомъ разбиралось дѣло, приговорило М. Н. къ 20-ти годамъ каторги за возбужденіе къ бунту одесскихъ рабочихъ.

На судѣ М. Н. призналъ, какъ свою принадлежность къ партіи Народной Воли и солидарность съ программой Исполнительнаго Комитета, такъ и революціонную дѣятельность среди рабочихъ.

Небезынтересенъ рассказъ Тригони изъ періода предварительнаго заключенія его. «Однажды привезли меня въ Департаментъ Государственной Полиціи,—говорить онъ, и ввели къ начальнику штаба корпуса жандармовъ, генералу Никифораки. Онъ встрѣтилъ меня очень любезно, извинился, что побеспокоилъ, предложилъ чаю и папирсъ, а затѣмъ началъ.

«Я пригласилъ Васъ для частной бесѣды, и Вы, конечно, можете не отвѣчать мнѣ. Но я хотѣлъ бы предложить Вамъ нѣсколько вопросовъ... Могу ли?»

— Почему же нѣтъ,—сказалъ я, если вопросы будутъ таковы, что я найду возможнымъ отвѣтить.

«Такъ вотъ... Зналъ я Вашего отца, знаю, что семья Ваша—съ общественнымъ положеніемъ и матеріальнымъ достаткомъ. Знаю, что Вы съ университетскимъ дипломомъ. Меня и насъ интересуетъ, что побудило Васъ стать въ ряды революціи?».

— Мои убѣжденія,—отвѣчалъ я и продолжалъ: есть нѣчто высшее, чѣмъ дипломы, общественное положеніе и матеріальные достатки. Это—долгъ по отношенію къ поработанному народу.

Затѣмъ я вкратцѣ изложилъ, почему другого пути, кромѣ революціоннаго, нѣтъ.

Онъ глубоко вздохнулъ; и мы разстались»...

Послѣ суда М. Н. былъ помѣщенъ въ Трубецкой бастіонъ, а потомъ въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ среди самой ужасной обстановки.

Въ августѣ 1884 г. его перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ которой онъ и оставался до 9 февраля 1902 г., когда кончился двадцатилѣтній срокъ каторги.

Во время пребыванія его въ Шлиссельбургѣ, за нѣсколько лѣтъ до окончанія срока, изъ Департамента Полиціи не разъ дѣлались авансы матери Тригони въ томъ смыслѣ, что стоитъ ему захотѣть, и онъ не только выйдетъ изъ крѣпости, но будетъ восстановленъ и во всѣхъ правахъ. Мать сообщала объ этомъ въ письмахъ къ сыну, но нечего и говорить, что Тригони никогда не согласился бы написать желаемое прошеніе.

30 августа 1882 г., во время пребыванія Тригони въ равелинѣ, его матери было дано свиданіе съ нимъ. Оно длилось 15 минутъ и было разрѣшено по письму ея къ государю, переданному черезъ генераль-адъютанта Рихтера.

Въ теченіе 18-лѣтняго заключенія въ крѣпости главнымъ занятіемъ Тригони было чтеніе, преимущественно по обществен-

нымъ вопросамъ, и физическій трудъ. Одно время онъ мечталъ объ изученіи медицины, но, конечно, это было совершенно невозможно въ условіяхъ тюрьмы. Естествознаніемъ, которое одно время у насъ процвѣтало, онъ интересовался мало, но въ работахъ въ пользу музея подвижныхъ посѣбій охотно принималъ участіе и много помогалъ мнѣ въ составленіи гербаріевъ для школъ.

20 лѣтъ заключенія сокрушили крѣпкое здоровье М. Н. Обстановка въ равелинѣ и въ первые 8 лѣтъ въ Шлиссельбургѣ могла расшатать какой угодно организмъ, и можно считать чудомъ, что онъ не сошелъ въ могилу и дожилъ до разсвѣта русской свободы. Послѣдніе годы онъ страдалъ грудной жабой, и всякое физическое напряженіе ему было запрещено: работы въ мастерскихъ, которыя раньше такъ поддерживали силы и помогали коротать тюремныя дѣла, ему пришлось совершенно оставить. Однѣ только книги, изученіе англійскаго языка и выполненіе обязанностей старосты и библіотекаря, въ которые мы выбирали М. Н., наполняли его время.

Когда я вспоминаю о Тригони, то всегда въ качествѣ убѣжденнаго народника и горячаго поборника артели и общины, о которыхъ происходившихъ черезъ рѣшетки нашихъ огородовъ много было сломано копій въ спорахъ и дебатахъ. И въ нашу тюремную жизнь Тригони всегда хотѣлъ внести элементъ коммунизма, совершенно невозможный въ условіяхъ, въ которыхъ мы жили. Изученіе въ юные годы произведеній Фурье, Сенъ-Симона и Кабэ сдѣлало его на всю жизнь сторонникомъ идей этихъ авторовъ, и онъ всегда мечталъ о воплощеніи ихъ идеаловъ въ жизнь. Въ литературномъ матеріалѣ, который проникалъ къ намъ, онъ тщательно подхватывалъ всякій фактъ изъ народной жизни, который говорилъ о стремленіяхъ къ коллективизму въ формѣ общинныхъ и артельныхъ началъ. Земледѣльческія артели Левицкаго въ высшей степени интересовали его, и онъ возлагалъ на нихъ самыя радужныя надежды, а книга Кочаровскаго объ общинѣ произвела на него глубокое и одушевляющее впечатлѣніе.

Никакія доказательства отъ противнаго и неудачи въ практикѣ жизни не могли разочаровать этого сторонника принципа кооперации, и уже будучи на Сахалинѣ, онъ задумалъ устройство артелей для рыбной ловли на Охотскомъ берегу; однако осуществленію плана воспротивилось мѣстное начальство.

9 февраля 1902 г. Тригони увезли отъ насъ въ Петербургъ, и здѣсь онъ лишь «случайно» узналъ, что «завтра или послѣзавтра» его отправятъ черезъ Одессу на Сахалинъ. До отправки прошло однако 10 дней, и онъ успѣлъ повидаться съ сестрой

и заготовить необходимыми вещами. Тщетно хлопотала сестра, чтобы ослабленный долгимъ заключеніемъ братъ ѣхалъ черезъ Сибирь. Тщетно предлагала взять на себя всѣ издержки и оплатить путь жандармовъ туда и обратно—ей было отказано. Врачебная комиссія освидѣтельствовала Тригони и нашла, что онъ можетъ вынести путешествіе моремъ: оно должно было длиться 55 дней. «Бывали случаи, говорить онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что уголовныхъ, не могшихъ вынести морского плаванія, отправляли черезъ Сибирь, но я не знаю примѣра, чтобы комиссія признала хоть одного политическаго неспособнымъ вынести море».

Кто-то изъ представителей главнаго тюремнаго управленія заговаривалъ съ министромъ Сипягинымъ на тему, что послѣ 20 лѣтъ Шлиссельбурга можно бы сослать Тригони куда-нибудь поближе, чѣмъ Сахалинъ, но Сипягинъ въ отвѣтъ сказалъ: «Ближе—никоимъ образомъ нельзя!»

Странное впечатлѣніе произвела на шлиссельбургскаго узника первая сцена, которая встрѣтила его при посадкѣ въ вагонъ николаевской желѣзной дороги. Послѣдній былъ наполненъ уголовными, а изъ политическихъ былъ одинъ онъ. И вотъ, какъ только онъ вошелъ, одинъ изъ уголовныхъ поднялся и звучнымъ голосомъ заплѣлъ: «Allons, enfants de la patrie!», а нѣсколько голосовъ крикнули: «Свобода»... Эта крошечная сцена привѣтствія была символомъ всей громадной перемѣны, которая произошла за четверть вѣка въ обществѣ, пока М. Н. былъ внѣ его.

Проѣзжая черезъ Москву, Тригони провелъ одинъ день въ Сѣверной башнѣ въ Бутыркахъ, и этотъ день былъ для него свѣтлымъ праздникомъ. До самаго вечера подлѣ форточки въ его двери толпилась молодежь, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, содержащихся въ той же башнѣ. Всѣ горячо привѣтствовали выходца изъ живой могилы, разспрашивали о Шлиссельбургѣ, выражали свои надежды и пожеланія. Въ тюрьмѣ въ это время сидѣло нѣсколько сотъ студентовъ и около двухсотъ курсистокъ. Тѣ и другія, порознь и совмѣстно, прислали ему письма съ привѣтами и цвѣты. Эта ласка и почетъ глубоко трогали и радовали бывшаго узника. Особенно же важнымъ и радостнымъ казалось ему то возрожденіе идей и настроенія Народной Воли, о которомъ свидѣтельствовали всѣ говорившіе съ нимъ и писавшіе ему.

Въ Одессѣ всѣ тюрьмы были тоже переполнены студентами, и поѣздъ подошелъ прямо къ пристани, гдѣ уже ждалъ пароходъ Добровольнаго флота «Ярославль», шедшій на Сахалинъ.

Отправляемая партія уголовныхъ состояла изъ 800 мужчинъ

и 50 женщин; изъ политическихъ, попрежнему, одинъ Тригони. Сначала его помѣстили въ маленькую каютку, запертую на ключъ, но въ Константинополь перевели въ хорошую просторную каюту и до самого Сахалина не запирали. На стоянкахъ сходить съ парохода ему однако не позволяли.

Что касается уголовныхъ, то несчастные люди сидѣли въ душныхъ тюрьмахъ, откуда ихъ выводили поочередно на короткое время на палубу для прогулки и купанья подъ краномъ. Начиная съ Краснаго моря, когда температура стала быстро повышаться, изъ трюмовъ то и дѣло выносили людей, впавшихъ въ обморокъ. И такое положеніе продолжалось цѣлые 55 дней.

Общество Добровольнаго флота предлагало устроить для перевозки ссыльныхъ на островъ Сахалинъ специальные пароходы, рейсы которыхъ продолжались бы всего 20 дней. Но для этого нужно было повысить плату за перевозъ и правительство на это не согласилось.

28 апрѣля «Ярославль» бросилъ якорь на рейдѣ поста Александровскаго, составляющаго центръ сахалинской администраціи. Тутъ къ Тригони сейчасъ же явились друзья; между ними были и двое шлиссельбуржцевъ: ближайшій другъ Михаила Николаевича по Шлиссельбургу—Л. А. Волкенштейнъ и Манучаровъ.

Товарищи непременно хотѣли, чтобы Тригони побылъ съ ними до отправки въ село Рыковское (Тымовскаго округа), которое было назначено ему для поселенія, но ѣхать въ которое, по случаю весенней распутицы, сейчасъ было невозможно. Но начальство не хотѣло отпустить Тригони въ семью Волкенштейнъ, какъ они о томъ просили.

Пріѣхалъ въ постъ Александровскій начальникъ тымовскаго округа, Соболевъ, и при встрѣчѣ съ Тригони предложилъ отправиться къ Волкенштейнамъ, давъ честное слово, что не уѣдетъ обратно на «Ярославль».

— «Честнаго слова я Вамъ не дамъ» —отвѣтилъ Тригони, и Соболевъ вышелъ, но спустя нѣсколько минутъ, вернулся и сказалъ: «Можете идти къ доктору Волкенштейнъ».

15 мая Тригони увезли въ село Рыковское. Тамъ онъ не оставался бездѣтельнымъ. Мѣстная администрація до извѣстной степени цѣнила интеллигентный трудъ, въ которомъ чувствовался большой недостатокъ. Благодаря этому политическіе ссыльные имѣли нѣкоторую возможность примѣнять свои силы въ области культурной дѣятельности. Тригони взялъ на себя завѣдываніе бесплатной библіотекой. Ею пользовались какъ поселенцы, въ количествѣ до 200 человекъ, такъ и каторжане, бравшіе книги въ

тюрьму. При библиотекѣ удалось устроить читальню, въ которой получалось достаточное количество газетъ и журналовъ. Мѣстное населеніе охотно посѣщало ее.

Изъ политическихъ ссыльныхъ въ Рыковскомъ при Тригони находились: Александринъ, Перлашкевичъ, Форминскій и Волоховъ.

Во время пребыванія въ Рыковскомъ у Тригони совсѣмъ испортилось зрѣніе, и друзья стали хлопотать о переводѣ его въ постъ Александровскій для леченія глазъ. Добиться этого было однако довольно трудно, между прочимъ по слѣдующему курьезному обстоятельству: губернаторъ, какъ то передъ тѣмъ, получилъ неожиданно изъ департамента полиціи запросъ: почему въ департаментъ до сихъ поръ не прислано извѣстія о томъ, что Тригони бѣжалъ въ Америку? Недоразумѣніе было ясно, такъ какъ Тригони былъ налицо, но департаментская бумага огорчила губернатора и послѣдствіемъ ея были стѣсненія и усиленный надзоръ надъ Тригони.

Послѣ перевода въ постъ Александровскій Тригони поселился у супруговъ Волкенштейнъ и оставался у нихъ до ихъ отъѣзда во Владивостокъ.

Какъ было уже сказано, режимъ по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ на Сахалинѣ нельзя было назвать очень суровымъ, но съ началомъ японской войны и пробужденіемъ Россіи начались репрессіи: стали вскрывать письма и посылки и выдавать ихъ не на почтѣ, а въ полицейскомъ управленіи; начались воздѣйствія на лицъ, знакомыхъ съ ссыльными. Такъ, Мих. Никол. рассказываетъ, на примѣръ, слѣдующій случай: послѣ отъѣзда Волкенштейновъ онъ столовался у одного народнаго учителя Н., который послѣ объявленія войны, какъ прапорщикъ запаса, вступилъ въ ряды арміи. На одномъ офицерскомъ собраніи Н. сказалъ, что «Россіи нуженъ государственный переворотъ». Въ тотъ же день это стало извѣстно губернатору, который былъ и командующимъ войсками. Онъ немедленно потребовалъ Н. къ себѣ и сказалъ: «Я зналъ Васъ за примѣрнаго учителя, и Ваше поведеніе объясняю только частыми встрѣчами съ Тригони. Что можетъ быть у Васъ общаго съ нимъ? Вы носите военный мундиръ—я предупреждаю—этихъ частыхъ встрѣчъ не должно быть».

«Среди уголовныхъ каторжанъ и ссыльнопоселенцевъ мы, политическіе, пользовались большимъ довѣріемъ», пишетъ Тригони въ своихъ воспоминаніяхъ. (См. «Былое», сент. 1906 г.). Такъ, ему передавали, что кандалная тюрьма готова снабдить его паспортомъ, деньгами и проводникомъ, если онъ задумаетъ

уйти съ Сахалина... «немногое мы могли сдѣлать для уголовныхъ, говорить онъ далѣе, но что могли—дѣлали». Маленькая колонія политическихъ ссыльныхъ держалась отъ остального общества особнякомъ, и все знакомство Тригони ограничивалось 2—3 врачами и мировымъ судьей.

Въ постѣ Александровскомъ Тригони оставался до взятія его японцами. Когда послѣдніе заняли округъ Корсаковскій, губернаторъ Ляпуновъ объявилъ Тригони, что онъ можетъ оставить Сахалинъ и переѣхать въ Приморскую область или въ Амурскій край. Тотъ выразилъ желаніе отправиться въ Благовѣщенскъ, но тамошній губернаторъ нашелъ невозможнымъ допустить бывшаго шлиссельбуржца во ввѣренный ему городъ ввиду возбужденнаго состоянія, господствовавшаго тамъ. Тогда Тригони телеграфировалъ во Владивостокъ, чтобы друзья нашли губернатора, который согласился бы принять его. 11 іюля утромъ пришла депеша, что хабаровскій губернаторъ согласенъ. Но въ 3 час. пополудни японцы заняли постъ Александровскій, и сообщеніе съ материкомъ было отрѣзано: ссыльные очутились въ плѣну. Но это сказывалось лишь въ тѣснотѣ помѣщенія, да въ томъ, что послѣ 9 час. вечера жителямъ было запрещено ходить по улицамъ. Для японскихъ солдатъ требовалось много квартиръ и всѣмъ мѣстнымъ жителямъ пришлось потѣсниться. Тригони жилъ въ одной комнатѣ съ семьей одного поселенца, къ которому кромѣ того приходили ночевать еще родственники. Черезъ 3½ недѣли японцы объявили политикамъ, что они свободны, и предложили отвезти на своихъ пароходахъ въ Японію, откуда каждый могъ, по желанію, ѣхать въ Европу или Америку. Тригони воспользовался предложеніемъ, но съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Россію. Сначала онъ поѣхалъ въ Іокогаму, потомъ въ Кобэ, Шанхай и Владивостокъ.

Въ Іокогамѣ онъ встрѣтился съ русскимъ эмигрантомъ докторомъ Русселемъ и познакомился съ извѣстнымъ журналистомъ Кеннаномъ, выказавшимъ громаднй интересъ къ русскому освободительному движенію и всѣмъ дѣятелямъ его.

Въ теченіе двухъ недѣль, которыя Тригони провелъ въ Японіи, онъ былъ лицомъ, на которомъ сосредоточивалось общее вниманіе. Множество корреспондентовъ всевозможныхъ газетъ посѣтили его и осаждали разспросами о его прошломъ. Изъ Кобэ въ Шанхай Тригони ѣхалъ на нѣмецкомъ пароходѣ, который везъ въ Россію часть сахалинской администраціи. Тутъ были: начальникъ тюрьмы, секретарь полиціи и т. п. Нѣкоторые изъ чиновниковъ ѣхали съ своими семьями въ 4-мъ классѣ. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, пароходное начальство обращалось съ

ними грубо, не позволяло съѣзжать на берегъ и, несмотря на всѣ протесты, отпустило на всю компанію лишь два столовыхъ ножа, мотивируя, что дать больше нельзя—опасно. Такимъ образомъ бывшимъ управителямъ ссыльнокааторжной колоніи пришлось самимъ побывать на положеніи каторжанъ, за которыхъ, очевидно, пароходная администрація принимала всѣхъ пассажировъ, ѣхавшихъ съ Сахалина. До ратификаціи мирнаго договора сообщенія съ Владивостокомъ не было, и Тригони попалъ туда лишь въ началѣ октября.

Здѣсь его засталъ манифестъ 17 октября, и подробности о томъ, какъ на этотъ манифестъ реагировало населеніе—съ одной стороны, и начальство—съ другой,—читатель можетъ найти въ чрезвычайно интересной статьѣ М. Н., помѣщенной въ журналѣ «Былое». (сент. 1906 г.).

Эта статья, которую я не разъ пользовалась въ этомъ очеркѣ, озаглавлена: «Послѣ Шлиссельбурга» и охватываетъ періодъ отъ момента выхода М. Н. изъ крѣпости и до возвращенія его въ Россію.

21 ноября М. Н. выѣхалъ изъ Владивостока, когда тамъ уже была объявлена почтово-телеграфная забастовка и поговаривали о второй—желѣзнодорожной. Въ Харбинѣ онъ засталъ митингъ, на которомъ было рѣшено—грузы, почту и пассажировъ,—кромѣ уже взявшихъ билеты,—не перевозить, но увеличить число поѣздовъ для возвращающихся въ Россію солдатъ. У Тригони уже былъ купленъ билетъ до Харькова, и онъ могъ продолжать путь дальше. Онъ ѣхалъ отъ Харбина съ воинскимъ поѣздомъ. Сильное возбужденіе господствовало среди солдатъ: лишенія и неудачи, перенесенныя во время войны, тревожныя вѣсти съ родины были причиной тому, а жалкія 15—20 коп. кормовыхъ въ сутки и распоряженіе главнокомандующаго закрывать буфеты во время прохожденія поѣздовъ съ солдатами—вызывали острое недовольство. Тамъ, гдѣ вопреки распоряженію, буфеты оставались открытыми, солдаты вели себя мирно и за продукты платили деньги. Тамъ же, гдѣ они были закрыты, все разбивалось моментально вдребезги.

По мѣрѣ удаленія отъ Сахалина дѣлалось все яснѣе, что вся страна возстала отъ сна и находится въ броженіи. Уже въ Забайкальской области на желѣзнодорожныхъ станціяхъ виднѣлись собранія рабочихъ и слышались революціонныя пѣсни. Въ Иркутскѣ за два дня предъ тѣмъ была манифестація, въ которой подъ краснымъ знаменемъ собралось болѣе 15 тыс. человекъ и, по рассказамъ, $\frac{2}{3}$ были военные. На вокзалахъ, въ вагонахъ люди говорили обо всемъ совершенно свободно. На станціяхъ цѣлыя

корзины съ различными изданіями обходили вагоны и въ одну минуту брошюры и листки разбирались.

Все было въ возбужденіи, всѣ чего то ждали напряженно... Ждали, какъ говоритъ Тригони, рѣшенія центровъ. Человѣку, столько лѣтъ пробывшему въ тюрьмѣ и ссылкѣ, все видѣнное казалось, по его собственному выраженію, сновидѣніемъ изъ 1001 ночи.

Пробужденіе не заставило себя ждать: и послѣ розоваго разсвѣта, видѣній изъ Шехеразады, настали дни черныхъ сотенъ, Дубасовыхъ и Каульбарсовъ.

По возвращеніи въ Россію Тригони, истый южанинъ, обожающій солнце, устроился на югѣ. На свою долю наслѣдства онъ приобрѣлъ участокъ земли близъ станціи Бельбекъ Лозово-Севастопольской жел. дороги и занялся разведеніемъ плодового сада. Однако, когда я въ зиму 1909—10 встрѣтилась съ Тригони въ Парижѣ, куда онъ пріѣхалъ на побывку,—онъ описывалъ мнѣ свое хозяйство въ довольно юмористическомъ тонѣ, рассказывая, что главнымъ образомъ у него произрастала тыква, и онъ ѣлъ ее самъ, кормилъ ею лошадей и даже собаку. Должно быть затѣя не имѣла большого успѣха или ему, уже старику, трудно было заниматься садомъ, только дѣло кончилось тѣмъ, что онъ продалъ землю и купилъ себѣ небольшой домъ въ Балаклавѣ, сдавая часть его лѣтомъ въ наемъ. Жизнь въ Балаклавѣ была уединенная; лишь изрѣдка Тригони выѣзжалъ въ Петроградъ; наѣзжалъ къ старому товарищу Фроленко въ Геленджикъ; видался съ Суровцевымъ, живущемъ на югѣ.

Къ сожалѣнію, о духовной жизни послѣднихъ годовъ жизни Тригони я ничего не знаю. Вѣроятно, какъ тускла была вообще русская жизнь до революціи, такъ тягостно было и Тригони переживать несчастья страшной войны и неестественное стѣсненное состояніе, въ которомъ въ послѣдніе годы вплоть до революціи находилось все русское общество. Въ Балаклавѣ и умеръ М. Н. Тригони, *народоволецъ, шлиссельбуржецъ*.

Вѣра Фигнеръ.

Періодическія изданія партіи „Народной Воли“.

Образованіе партіи «Народной Воли» изъ «Земли и Воли» было встрѣчено не безъ протеста.

«Земля и Воля» не обладала опредѣленной программой и этимъ давала доступъ всѣмъ элементамъ прогрессивной части общества; съ ней сжились, всѣ привыкли къ ея изданіямъ, которыя аккуратно получались въ студенческой читальнѣ кievскаго университета, и вдругъ въ одно дѣйствительно прекрасное октябрьское утро я застаю въ читальнѣ студента, который аккуратно, на каждомъ столикѣ, раскладываетъ изящно изданный журналъ, на заголовкѣ котораго красовалось не близкая всѣмъ «Земля и Воля», а «Народная Воля», соціально-революціонное обозрѣніе. Годъ первый. № 1. 1 октября 1879 года».

Собрались другіе студенты; молча воззрились на новый журналъ и стали, словно оцѣпенѣлые,—новый журналъ революціонный въ изобиліи раскладывается по всѣмъ столамъ совершенно открыто, безъ всякой конспираціи.

— Дивятся, якъ гусы на новыя ворота! весело сказалъ студентъ, раскладывавшій «Народную Волю»; всѣ засмѣялись и потянулись къ свѣжимъ печатнымъ листамъ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, собралась изъ нашего брата «невеличка компанія, але честна» на Подолѣ и принялась обсуждать «появленіе новаго фактора въ сферѣ соціально-революціоннаго движенія». Всѣ обратили вниманіе на тотъ фактъ, что важное объявленіе о происхожденіи Исполнительнаго Комитета было помѣщено послѣ заявленія о томъ, что какой-то бывшій судебный слѣдователь Петръ Ивановичъ Рачковскій состоитъ на жаловань третьяго отдѣленія. Кто такой Рачковскій? Никто, конечно не могъ прозрѣть тогда его будущаго, и вдругъ послѣ этого незначительнаго по тому времени заявленію читаемъ слѣдующее:

— Во избѣжаніе недоразумѣній, Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что онъ никогда не былъ учрежденіемъ, члены котораго выбирались *всею* (курсивъ въ подлинникѣ) Соціально-Революціонною Партіей, и что въ настоящее время онъ является

совершенно самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ тайнымъ обществомъ.

Это заявленіе подверглось самой ожесточенной критикѣ,—слышались слова «узурпація», «олигархія»; покойный Александръ Михайловичъ Мушкинъ, сдѣлавшійся потомъ ярымъ народовольцемъ, отвѣсилъ низкій поклонъ въ сторону пяти номеровъ Земли и Воли и отбросилъ съ негодованіемъ въ сторону новый журналъ.

— Хоть и богато у ихъ грошей, а у громады билше,—сказалъ авторитетно самый юный членъ нашего собранія. Если сопоставить это съ заявленіемъ позднѣйшимъ Желябова, что партія Народной Воли жила «на свой капиталъ» (которому скоро пришелъ конецъ), то по моему семнадцатилѣтній мальчикъ попалъ въ самую точку.

Помирило скоро съ Народной Волей то обстоятельство, что во второмъ и третьемъ номерахъ своего журнала она сама дала мѣсто на себя критикѣ.

— И еще спрошу,—писалъ во второмъ номерѣ Гроньяръ—Н. К. Михайловскій,—зачѣмъ вы оставили свой прекрасный девизъ: «Земля и Воля?» Куда бы ни направилъ въ частномъ случаѣ вашу борьбу практической ходъ жизни, этотъ девизъ долженъ быть вашимъ». И далѣе, въ третьемъ:—союзъ съ либералами также не страшенъ, если вы вступите въ него честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ: «Земля и Воля». Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ. Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ. И признаюсь вамъ: я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется.

«Народная Воля» была несогласна съ этими возраженіями; она тѣсно ограждалась своею организаціей, выбирала испытанный хорошо ей извѣстный боевой элементъ и тѣмъ самымъ ограничивала область своей дѣятельности.

Въ распоряженіи партіи былъ могущественный талисманъ, которымъ она высоко поддерживала свой престижъ,—ея періодическія изданія: «Народная Воля», «Листокъ Народной Воли», «Рабочая Газета» въ Россіи и «Вѣстникъ Народной Воли»—за границей.

Существованіе этихъ изданій было огромной нравственной поддержкой для изголодавшагося по свободному слову русскаго гражданина; оно свидѣтельствовало также о могущественныхъ силахъ партіи, которая неизмѣнно выпускала въ свѣтъ свои изданія, пользуясь однимъ и тѣмъ же шрифтомъ, бумагою, (до 8—9 номера), проводя одно и то же направленіе.

Правительство находило и арестовывало типографіи, но сво-

бодный журналъ снова возрождался изъ пепла. Это былъ захватывающій душу поединокъ Давида съ Голіаѳомъ, при видѣ котораго даже ярые противники партіи становились ея послѣдователями. Всѣмъ было трудно дышать безъ свободного слова: партія Народной Воли пробивала къ нему дорогу.

Не помню точно, когда была выставлена въ витринѣ объявленій ректора, въ сборной залѣ кievскаго университета, прокламація исполнительнаго комитета, въ которой объявлялся смертный приговоръ Александру Второму.

Тотъ фактъ, что партія открыто объявляла о готовящемся царевубійствѣ и тѣмъ самымъ предупреждала царя принять мѣры для спасенія своей жизни, ясно показывалъ,—по мнѣнію многихъ кievскихъ студентовъ,—что партія желала поставить вопросъ о царевубійствѣ въ открытую: пусть страна высказывается противъ партіи, не въ этомъ дѣло,—дѣло въ томъ, что попутно вызовется гласное обсужденіе всѣхъ недостатковъ существующаго строя, и этимъ самымъ будетъ положено основаніе гласности, свободы слова. Уничтожить или прятать прокламацію—значить играть наруку настоящимъ царевубійцамъ. Студенты долго не давали педелямъ вынимать изъ витрины прокламацію Исполнительнаго Комитета, находя въ ней не то, что въ ней было напечатано, а то, къ чему были направлены ихъ завѣтные мечты, чего не доставало имъ, какъ воздуха,—они были похожи на крестьянъ, читавшихъ по своему знаменитый циркуляръ о землѣ печальной памяти Льва Саввича Макова.

Первый и второй номеръ Народной Воли появились осенью 1879 года.

При выходѣ третьяго номера перваго января 1880 г. правительство, по словамъ Народной Воли, «одержало неожиданную но блестящую побѣду»,—была арестована народовольческая типографія и вмѣстѣ съ нею почти весь третій номеръ,—спасено было не болѣе 200 экземпляровъ.

Третій номеръ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ помѣщена программа Исполнительнаго Комитета.

— Заявляемъ полную свою солидарность съ этой программой,—говоритъ редація Народной Воли: выходило опять, что Исполнительный Комитетъ былъ самъ по себѣ, а Народная Воля сама по себѣ; они были солидарны, но не составляли объединеннаго цѣлаго,—публикѣ понять это было трудно.

Зато первая опредѣленная освободительная политическая программа не оставляла никакихъ сомнѣній и недоразумѣній,—общество это оцѣнило, авторитетъ партіи становится высоко; для борьбы съ партией правительство выставяетъ офиціозъ.

«Берегъ», который не имѣетъ ни малѣйшаго успѣха. 20 августа выходитъ № 2 Листка Народной Воли, 20 сентября—№ 3.

Пятаго декабря возобновилось изданіе «Народной Воли»,—вышелъ № 4. Пятаго февраля—№ 5. Это былъ послѣдній номеръ до перваго марта; въ Кіевѣ онъ полученъ былъ послѣ перваго марта.

— Народъ долженъ стать силой въ странѣ,—напечатано курсивомъ въ передовой статьѣ этого номера.

Объ отношеніи партіи къ событію перваго марта въ этомъ номерѣ нѣтъ прямыхъ указаній, и это производило сильное впечатлѣніе,—большая часть номера занята статистикой государственныхъ преступленій, воспоминаніями о Квятковскомъ, Прѣсняковѣ и Лизогубѣ; знаменательнымъ могло показаться только заявленіе группы народниковъ, одобрявшихъ «террористическіе факты»: высшее проявленіе террора Народной Воли какъ будто не коснулось ея литературы,—терроръ шелъ своей дорогой, литература своей; дата номера, 5 февраля, какъ-то забывалась, да она и на самомъ дѣлѣ не была точна, потому что въ номерѣ говорилось о событіи позднѣйшемъ,—объ университетскомъ актѣ 8-го февраля.

Въ кіевскомъ университетѣ разнесся слухъ, что вскорѣ послѣ перваго марта Перовская была въ Технологическомъ Институтѣ и приглашала студентовъ продолжать дѣло террора. Въ то время, когда я пишу эти строки, я имѣю возможность этотъ слухъ провѣрить изъ надежныхъ источниковъ,—онъ совершенно вѣренъ. Перовская была близко знакома со многими студентами-технологами, совершенно не принадлежавшими къ партіи, много съ ними бесѣдовала на различныя темы и послѣ перваго марта приглашала ихъ примкнуть къ террористической дѣятельности. Это приглашеніе сразу поколебало увѣренность въ безгранично могучія силы Исполнительнаго Комитета; студенты много и долго разсуждали и кончили тѣмъ, что отвѣтили Перовской отказомъ.

Слухъ объ этомъ событіи, «открытое письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру ІІІ», отпечатанное въ большомъ количествѣ экземпляровъ и перепечатанное даже потомъ на платкахъ,—все это показывало, что Цартія Народной Воли близка къ сближенію съ либералами конституціоналистами, и что силы для продолженія террора у партіи не хватаетъ. Прокламаціей «по поводу событія 1-го марта» всѣ очень интересовались, но найти нигдѣ не могли. Арестъ типографіи «Народной Воли» не далъ возможности выпустить номеръ послѣ перваго марта и только 22 іюля 1881 года выходитъ «Листокъ Народной Воли», который отмѣчаетъ всѣ симптомы начавшейся реакціи. Въ листкѣ обѣщано

было выпустить шестой номеръ «Народной Воли» въ августѣ, номеръ этотъ вышелъ 23 октября.

23 декабря вышелъ 7-й номеръ съ объявленіемъ отъ Исполнительнаго Комитета, что партіей допускается конфискація только казеннаго имущества, денегъ же, добытыхъ путемъ грабежа имущества частныхъ лицъ, Исполнительный Комитетъ никогда не принималъ и впредь принимать не станетъ. Это заявленіе было напечатано отдѣльно въ большемъ количествѣ экземпляровъ; большой тюкъ этой прокламаціи попалъ въ Кіевъ и долго хранился у одного изъ моихъ товарищей «до востребованія». Въ обществѣ же распространился слухъ, что Исполнительный Комитетъ вообще противъ того, что на современномъ языкѣ называется «экспропріаціей»,—это производило во всѣхъ отношеніяхъ оздоровляющее впечатлѣніе.

5 февраля 1882 г. вышелъ 8—9 номеръ Народной Воли съ прибавленіемъ отчета о процессѣ Александра Михайлова. Это былъ послѣдній номеръ первой редакціи; послѣ него настаетъ долгое и томительное молчаніе, удручающее затишье. Приходилось только перечитывать прежнія печатныя реликвіи.

— Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе,—читали мы въ письмѣ Исполнительнаго Комитета Александру Третьему,—можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе и болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается, довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбежности—все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершить этотъ процессъ разрушенія стараго порядка. вмѣсто всего этого, кругомъ зловѣщее молчаніе. О народной Волѣ ни слуху, ни духу. Перестали печатать даже въ Правительственномъ Вѣстникѣ отчеты о политическихъ процессахъ. Широко раскидываетъ паутину Судейкинъ, дѣйствуютъ братья Дегаевы.

— Во главѣ русскаго прогресса,—ораторствовалъ на допросахъ Судейкинъ,—теперь революціонеры и жандармы: они скачутъ верхомъ рысью, за ними ѣдутъ на почтовыхъ либералы, тянутся на долгихъ простые обыватели, а сзади идутъ пѣшкомъ мужики, окутанные сѣрой пылью, отираютъ съ лица потъ и платятъ за всѣ прогоны.

Меня увѣряли, что Судейкинъ не самъ придумалъ эту картину, а списалъ со словъ одного революціонера на допросѣ.

Жить такъ было невмоготу.

Зимою въ началѣ 1883 года я отправился по порученію товарищей въ Питеръ узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла партіи, и что вообще ожидаетъ въ будущемъ Россію.

Столичные студенты университета, къ которымъ я обратился, начали уже носить фуражки министерства Народнаго Просвѣщенія безъ кокарды и на всѣ мои запросы посылали меня искать отвѣта у П. Ф. Якубовича, тогда студента четвертаго курса историко-филологическаго факультета.

Былъ еще студентъ, издававшій гектографированный журналъ, пользовавшійся большимъ успѣхомъ; несмотря на всю свою скромность во всѣхъ отношеніяхъ,—общество задыхалось отъ жажды по свободному слову и радо было даже студенческому журналу.

П. Ф. Якубовича я не нашелъ; вмѣсто него встрѣтился съ Александромъ Михайловичемъ Мушкинымъ, о которомъ я говорилъ выше: Мушкинъ числился народовольцемъ и былъ на нелегальномъ положеніи.

Мушкинъ мнѣ сообщилъ, что готовится для напечатанія прокламація передъ коронаціей, въ которой партія ставитъ свои условія правительству. Прокламація будетъ скоро готова, и меня просятъ отвезти ее въ Москву и Кіевъ.

Жду недѣлю другую—нѣтъ прокламаціи.»

— Корректурa уже давно готова,—увѣряетъ Мушкинъ,—но приходится пока ждать: позицій и такъ уже много сдали; угрожать—силъ мало, мириться—не приходится; куда ни кинь, вездѣ клинь. Поѣдемъ сегодня въ штабъ-квартиру и тамъ самъ увидишь, въ какомъ положеніи дѣло!

Поѣхали.

Въ штабъ-квартиру мы ввалились, какъ снѣгъ на голову хозяевамъ. Мушкинъ меня привелъ, по русскому обыкновенію, безъ всякихъ предупрежденій. Мгновенно были потушены лампы, послышалось негодующее:

— Да что-жъ это такое! Пріятеля моего повлекли въ со-сѣдную комнату и тамъ стали отчитывать; онъ превозносилъ мои добродѣтели, говорилъ, что «это тотъ самый, который повезетъ»,—ничего не помогло, и насъ выставили.

Мушкинъ меня увѣрялъ, что корректурa прокламаціи во время нашего прихода лежала на столѣ. Въ одинъ прекрасный день Мушкинъ мнѣ торжественно сообщилъ, что съ августа за границей будетъ выходить черезъ каждые два мѣсяца журналъ «Вѣстникъ

Народной Воли», для теоретической разработки социальныхъ и политическихъ вопросовъ; выходитъ также «Календарь Народной Воли», налажена въ Россіи редакция «Народной Воли».

Редакторами новаго журнала называли трехъ: Лаврова, Плеханова и Тихомирова.

Плехановъ, какъ потомъ оказалось, не принялъ участія въ изданіи «Вѣстника» и даже выступилъ съ критикой «Народной Воли» въ брошюрѣ: «Наши несогласія»,—эта брошюра сыграла большую роль въ переоцѣнкѣ революціонныхъ цѣнностей; къ сожалѣнію, она принята была, какъ личный походъ противъ Тихомирова, и потому къ ней не прислушивались надлежащимъ образомъ.

Недождавшись прокламаціи, я уѣхалъ въ Москву. Въ сумерки захожу къ товарищу, засталъ въ его комнатѣ лысаго человѣка.

— Привезли?—спрашиваетъ меня лысый человѣкъ, пронизывая гипнотизирующимъ взоромъ.

— Нѣтъ, не привезъ!

— Значить не вышла?

— Не вышла!

Становится непріятно, что начинаю говорить о важномъ дѣлѣ незнакомому человѣку, и въ смущеніи начинаю смотрѣть въ окно, ожидая прихода товарища. Вотъ и товарищъ. Поздоровались. Смотрю кругомъ,—нѣтъ лысаго человѣка, словно онъ спрятался или въ землю провалился.

Товарищъ видитъ мое смущеніе, смѣется:

— Ты это Сабунаева ищешь? Тарасъ Бульба показывалъ сыновьямъ въ степи татарина и не совѣтовалъ имъ ловить его: татаринъ въ степи—Сабунаевъ въ Москвѣ одно и то же,—никто его не найдетъ, не поймаетъ... Знаменіе времени! Наступили такія времена, когда многіе начинаютъ подумывать о нелегальномъ образѣ жизни,—не для революціи, а для собственнаго спокойствія. Сабунаевъ—студентъ филологъ; въ одинъ прекрасный день онъ додумался до того, что нужно уничтожить свои документы и начать тренировку по части нелегальнаго образа жизни. Достигъ высшаго совершенства: является, исчезаетъ, словно въ шапкѣ невидимкѣ; знаетъ всѣ новости, умѣетъ всюду проникать, конспиративенъ, остороженъ, положиться на него можно всегда, какъ на каменную гору.

Въ Кіевѣ я засталъ переполохъ. Сабунаевъ, съ которымъ я нѣсколько разъ мимоходомъ встрѣчался въ Москвѣ, взялъ у меня «на всякій случай» адресъ одного изъ моихъ товарищей, поѣхалъ въ Кіевъ и тамъ ухитрился при помощи только этого

адреса собрать и организовать кievскую радикальную молодежь: никакихъ рекомендацій и полномочій отъ вліятельныхъ революціонныхъ центровъ Сабунаевъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть. Когда кievляне сообразили свое положеніе, то они рѣшили, что попали въ руки ловкаго шпіона, и разбѣжались отъ своего организатора, который сначала было пробовалъ собрать свою паству, а потомъ рѣшилъ, что насильно милъ не будешь и уѣхалъ опять въ Москву.

Въ девяностыхъ годахъ Сабунаевъ повторилъ опытъ своей организаціи на Волгѣ,—тамъ дѣло окончилось арестами и ссылками.

Передъ коронаціей появилась въ Кіевѣ прокламація, отпечатанная на гектографѣ отъ имени «Конотопской партіи Народной Воли», въ которой угрожали смертью во время коронаціи новому императору. Составляли эту прокламацію или ужъ очень наивные люди, или провокаторы,—ею во всякомъ случаѣ широко пользовались власти, какъ доказательствомъ, что передъ коронаціей нужно «принять мѣры», а такъ какъ прокламація была составлена на украинскомъ языкѣ, то «мѣры» прежде всего обрушились на головы самого мирнаго народа—украинцевъ. Украинцы во время узнали о предстоящихъ арестахъ не только у себя, но и у другихъ и придумали разѣхаться заблаговременно изъ Кіева по глухимъ мѣстамъ и возвратиться осенью, когда въ «мѣрахъ» уже не будетъ нужды; этотъ планъ удался блестяще.

Осенью 1883 г. въ Кіевѣ былъ полученъ «Календарь Народной Воли», очень интересно и обстоятельно составленный, лучшее народовольческое изданіе во всѣхъ отношеніяхъ. Календарь былъ доставленъ въ большомъ количествѣ.

Вмѣстѣ съ календаремъ были доставлены: «Отъ мертвыхъ къ живымъ» и «Каторга и пытка въ Петербургѣ въ 1883 году».

Письма эти сильно хлестнули по нервамъ читающую широкую публику, о чемъ даже заявила «Русская Мысль», поплатившаяся за это временнымъ своимъ закрытіемъ.

Появились два Листка Народной Воли и одно къ нимъ приложеніе.

Народная Воля, требовавшая только осуществленія конституціонныхъ установленій, сдѣлалась сразу очень популярной среди либеральной публики, которая раньше смотрѣла на нее съ опаской. То обстоятельство, что снова появились народовольческія изданія, показывало, что партія эта жива и добивается осуществленія своихъ требованій въ письмѣ Исполнительнаго Комитета.

Первую и вторую книжку «Вѣстника Народной Воли» я нашелъ въ Кременчугѣ.

Статья Тихомирова: «Чего намъ ждять отъ революціи?» читалась съ большимъ интересомъ и вниманіемъ.

Настроение въ Кременчугѣ я засталъ очень хорошее: либералы вѣрили въ Народную Волю; радикальная молодежь, въ которой большую роль играли и старые рабочіе семидесятыхъ г. г. и даже шестидесятники—сводила работу къ просвѣтительной дѣятельности среди народа. Въ концѣ-концовъ либералы сдѣлали очень красивый жестъ,—они пригласили желающихъ заниматься просвѣтительной работой дѣлать это открыто, примкнувъ къ учебнымъ земскимъ организаціямъ; зала городской думы была открыта для еженедѣльныхъ педагогическихъ собраний. Такъ жить было очень интересно. Нужно замѣтить, что черносотенцы въ Кременчугѣ были исключеніемъ; въ обществѣ былъ силенъ украинскій элементъ съ выработанной старинной культурой, съ нелюбовью ко всякаго рода рѣзкимъ эксцессамъ, съ осторожнымъ «себѣ на умѣ» въ самомъ опасномъ у насъ дѣлѣ—просвѣщеніи народа: всякъ золь глаголь сыплется до сихъ поръ на невинную дѣвственную голову «Просвіты».

Закрытіе Отечественныхъ Записокъ было рѣзкимъ диссонансомъ среди стройнаго хора уединенной кременчугской идилліи.

— Кому это нужно? Зачѣмъ?

— Вотъ такъ скотина! Добрые люди отъ него кровопролитій ждали, а онъ чирика съѣлъ!

— Бурбонъ стоеросовый! Чирика съѣлъ!

— Олухъ царя небеснаго! чирика съѣлъ!

Вспомнили о «Вѣстникѣ Народной Воли» и рѣшили, что роль Отечественныхъ Записокъ должна перейти къ нему. Это нужно было выяснить, и я рѣшилъ поѣхать въ Парижъ.

Ѣхать за границу учителю гимназіи въ описываемыя мною времена было очень затруднительно: нужна была серьезная болѣзнь, свидѣтельство отъ комиссіи врачей съ назначеніемъ непременно германскихъ минеральныхъ водъ; ѣхать въ Парижъ, «гдѣ въ настоящее время производится пересмотръ конституціи» высшимъ педагогическимъ начальствомъ настоятельно запрещалось. Насчетъ цѣли и мѣста моей поѣздки кругомъ меня никто не заикался, но зато всѣ такъ мнѣ содѣйствовали, что я получилъ паспортъ быстро, безъ всякихъ съ моей стороны хлопотъ.

Въ Парижѣ меня ждали; я получилъ рекомендацію къ моряку Серебрякову; Серебряковъ провелъ къ Тихомирову, съ которымъ у меня были общіе хорошіе знакомые. Серебряковъ рассказалъ мнѣ о погромѣ типографіи «Вѣстника», учиненномъ агентами русскаго правительства, о томъ, что «Вѣстникъ» задерживается не только на русско-германской границѣ, но и на германской, что пригото-

вленные для перевозки его чемоданы съ двойнымъ дномъ сразу потерпѣли фіаско, что Вѣстникъ теперь въ Россію провозить почти невозможно, но въ будущемъ дѣло, конечно, наладится.

Съ Тихомировымъ я заговорилъ насчетъ отношенія партіи Народной Воли къ «Вѣстнику».

— Какая теперь партія? Какія теперь люди? заговорилъ желчно Тихомировъ.—Партія Народной Воли *была*, въ ней *были* люди, но всѣ они теперь или совсѣмъ погибли, или сидятъ въ казематахъ, доживаютъ свой вѣкъ въ Сибири, за границей. Новымъ людямъ не подъ силу старыя задачи, которыя теперь къ тому же усложнились; правительство оправилось отъ террора, и на борьбу съ нимъ требуется такой запасъ силъ и энергіи, которыхъ пока еще нѣтъ въ русскомъ обществѣ, изъ него уже взяли все лучшее. «Вѣстникъ Народной Воли»—журналъ для общества, для того читателя, который выпиcываетъ «Русскую Мысль». Журналъ долженъ быть поставленъ во всѣхъ отношеніяхъ такъ, что читатель, получивъ одновременно «Вѣстникъ» и «Русскую Мысль», отложить въ сторону «Мысль» и немедленно примется за «Вѣстникъ», хранителя старыхъ народовольческихъ традицій: «Вѣстникъ Народной Воли» будетъ воспитывать русскаго человѣка, готовить его къ борьбѣ.

Мнѣ стало понятнымъ во время этого разговора; почему мои знакомые совѣтовали мнѣ явиться къ Тихомирову безъ всякихъ рекомендацій какихъ-либо новыхъ народовольческихъ кружковъ,—молодые народовольцы не сразу допускались до заслуженнаго редактора:

— Пусть подождутъ! говорилъ онъ, когда извѣщали о ихъ приходѣ.

Со мною Тихомировъ былъ очень обходителенъ и ласковъ,—онъ прочиталъ мнѣ корректуру внутренняго обзрѣнія для третьей книжки и сдѣлалъ нѣсколько вставокъ по моимъ замѣчаніямъ.

Потомъ мы пошли вмѣстѣ къ П. Л. Лаврову.

У Лаврова Тихомировъ разговаривалъ мало. Петръ Лавровичъ былъ, наоборотъ, въ благодушномъ настроеніи, долго спрашивалъ меня о нашихъ общихъ знакомыхъ въ Россіи, ласково мнѣ попенялъ, что я не читалъ Герцена, и далъ мнѣ изъ своей библіотеки полное собраніе его сочиненій.

Посидѣвъ немного, Тихомировъ ушелъ.

Я осторожно сталъ подходить къ вопросу, какова можетъ быть будущность «Вѣстника».

— А вы знаете, кто такой Долинскій? спросилъ меня Петръ Лавровичъ.

Я не зналъ, что Тихомировъ носить фамилію Долинскаго и сказалъ чистосердечно:—Не знаю.

— Да это, батюшка, самъ Тихомировъ!—произнесъ Петръ Лавровичъ тономъ человѣка, увѣреннаго, что онъ производитъ эффектъ.—Ужъ если Тихомировъ взялся за это дѣло, такъ будьте увѣрены,—журналъ будетъ имѣть успѣхъ!

Тутъ Петръ Лавровичъ началъ восхвалять литературный успѣхъ народовольческихъ изданій, говоря, что за границей журналъ задается преимущественно теоретической разработкой социальныхъ и политическихъ вопросовъ, а въ Россіи въ то же время будетъ выходить прежняя «Народная Воля», которая будетъ давать преимущественно злободневный матеріалъ, и тогда *viribus unitis* будетъ завоевываться главное, что нужно русскому гражданину,—свобода слова.

Съ большимъ удовольствіемъ я вспоминаю вечера у Тихомирова, когда приходилъ «морякъ», двѣ-три семидесятницы; Тихомировъ дѣлался веселымъ, оживленнымъ, но вспоминали тогда только прошлое, слушали мои рассказы о настоящемъ, а въ будущее заглядывали мало. Петръ Лавровичъ, наоборотъ, любилъ говорить о будущемъ, подымалъ многіе «проклятые» вопросы.

Уѣхалъ я изъ Парижа въ началѣ августа 1884 года. Третья книжка «Вѣстника» еще не выходила, и я получилъ изъ нея только оттискъ внутренняго обозрѣнія да взялъ съ собою четыре экземпляра уже извѣстной мнѣ по Кременчугу первой и второй книжки.

На русской границѣ на книжки, лежавшія завернутыми въ бумагу отдѣльно, не обратили вниманія.

У библіофіловъ, къ которымъ я причисляю и себя, есть повадка искать для рѣдкой книги настоящаго ея цѣнителя: на волка и звѣрь бѣжить,—ѣхали со мною хорошіе люди и притомъ въ весьма отдаленныя мѣста, гдѣ рѣдкія книги сохраняются очень долго: я роздалъ имъ свою контрабанду безъ остатка. А отдавать все-таки не слѣдовало бы: въ Кіевѣ «Вѣстника» не было, кіевляне ждали, что я привезу имъ транспортъ, вмѣсто котораго слѣдовало бы привезти имъ хоть по одному экземпляру, которымъ могъ бы питаться весь городъ.

— Коны вы дуже розумны, то де жъ ваши книжки? спросили меня въ Кременчугѣ. Вмѣсто отвѣта показываю корректуру внутренняго обозрѣнія третьей книжки журнала, просуществовавшаго ровно годъ, во время котораго обѣщалъ дать шесть книжекъ. Кременчужцы, льстившіе себя надеждой получить при помощи Народной Воли народное представительство, сразу поняли, что силы этой партіи слабы; я никому ни слова не говорилъ о своихъ парижскихъ впечатлѣніяхъ.

Третья книжка «Вѣстника» по моимъ свѣдѣніямъ, совсѣмъ не дошла до юго-западнаго края.

Четвертая—была привезена лѣтомъ 1885 г. въ одномъ экземплярѣ въ мѣшокъ съ провизіей въ Кіевъ; мѣшокъ былъ забытъ въ вагонѣ и переданъ въ жандармское отдѣленіе, откуда любезно былъ возвращенъ владѣльцу... вмѣстѣ съ книжкой. Долго потомъ путешествовала эта книжка по Кіеву.

Не блестящи были дѣла «Вѣстника», но онъ все-таки могъ бы существовать, если бы не было многочисленныхъ арестовъ по дѣлу Лопатина, сразу выведшихъ изъ строя многочисленную группу, питавшую этотъ журналъ. Тихомировъ благодарилъ за каждый присланный рубль, подробно объясняя его назначеніе, и горько жаловался на неполученіе корреспонденцій,—въ этомъ отношеніи въ судьбѣ Вѣстника было что-то роковое: адреса его не дѣйствовали, получалось только то, что привозилось лично; книгъ онъ получалъ много. Съ большимъ опозданіемъ былъ доставленъ въ Кременчугъ 10-й номеръ Народной Воли отъ сентября 1884 г. послѣ перерыва въ два съ половиною года. Матеріалу накопилось много,—одна Дегаевщина чего стоила,—и номеръ былъ богатъ по содержанію; по внѣшности онъ совсѣмъ не походилъ на своихъ изящныхъ предшественниковъ: толстая бумага, потрепаная печать.

Полученъ былъ потомъ 11—12 номеръ, и на немъ «Народная Воля» кончила свое изданіе,—the rest is silence. Прошла снова полоса арестовъ, въ которую и мнѣ пришлось попастьъ, но на этотъ разъ уловъ былъ не особенно значителенъ;—арестованныхъ хватило только на поддержаніе политическихъ тюремъ и охранъ: «успокоеніе» было такъ велико, что цѣлые штаты съ семействами, которые кормились крамолой, висѣли на волоскѣ.

Пятая книжка «Вѣстника Народной Воли» была послѣдней. Вышла она въ 1886 г. Изъ Россіи помощи журналу не было. Возлагали надежды на сотрудничество новыхъ эмигрантовъ, на матеріальную помощь «богатаго и очень глупаго купческаго сынка Ландезена», какъ говорили о немъ нѣкоторые члены русской колоніи.

«Глупый» Ландезенъ часто бывалъ у Тихомирова; организовалъ кружокъ бомбистовъ, куда пошли всѣ силы и средства эмигрантовъ, подведенныхъ имъ подъ судъ французскаго правительства; онъ же, говорятъ, много содѣйствовалъ «обращенію» Тихомирова. Вскорѣ послѣ выхода послѣдней книжки Вѣстника Тихомировъ написалъ на французскомъ языкѣ книгу о Россіи, предисловіе которой уже заключало переходъ къ его знаменитой брошюрѣ:—«Почему я пересталъ быть революціонеромъ».

Тихомировъ уѣхалъ въ Россію, оставивъ на произволъ судьбы обстановку редакціи «Вѣстника» и ея бібліотеку, состоявшую по большей части изъ рѣдкихъ книгъ, собранныхъ съ большимъ трудомъ въ Россіи. Библіотека эта долго валялась у консьержа.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ П. Л. Лавровъ издавалъ небольшой журналъ, въ которомъ помѣщались вѣсти съ родины, коротенькія воспоминанія, характеристики. Печатался онъ убогимъ шрифтомъ и заключалъ въ себѣ много интереснаго фактическаго матеріала. Этимъ журналомъ, весьма портативнымъ и потому очень удобнымъ для перевозки въ Россію, и былъ законченъ циклъ періодическихъ изданій партіи Народной Воли.

А. Н. Александровскій.

Воспоминанія о Софьѣ Михайловнѣ Гинсбургъ.

Осенью 1885 года я познакомился съ Софьей Михайловной Гинсбургъ. Ей тогда было около 20 лѣтъ. Это была брюнетка средняго роста, которую немногіе нашли бы красивою, но видъ и взлядъ которой внушали симпатію и довѣріе. Она была одна изъ многихъ лицъ молодежи, пріѣхавшихъ тогда въ Парижъ, чтобы узнать, продолжается ли тамъ дѣло «Народной Воли», переживавшей въ эту эпоху самый тяжелый кризисъ въ Россіи. Но въ разговорахъ, которые я съ нею имѣлъ, она быстро выдѣлилась изъ остальныхъ посѣтителей по ясности пониманія и по энергіи характера, совершенно непохожаго на тѣ унывающія личности, которыя тогда составляли большинство пріѣзжихъ; личности, потерявшія вѣру въ прошедшее, вслѣдствіе ряда неудачъ и погромовъ, неспособныя къ личной инициативѣ для созданія чего-либо новаго, но лишь ищущія за границею, не дасть ли тамъ кто-нибудь имъ совѣтъ, не укажетъ ли путь, или программу дѣйствій, къ которой можно было бы примкнуть безъ дальнихъ справокъ и безъ собственныхъ усилій. Она, какъ и другіе, пріѣзжала посмотреть, нѣтъ ли за границей какого-либо серьезнаго центра дѣйствій; не работаютъ ли тамъ остатки «Народной Воли» въ связи съ Россіею. Однако эти исканія были для

С. М. Гинсбургъ.

Съ фотогр. карточки, сдѣланной незадолго до ареста.

моей новой молодой пріятельницы очевидно не болѣе, какъ озна-комленіемъ съ матеріаломъ, на который можно было рассчитывать, для того, чтобы *самой* дѣйствовать сообразно плану, *лично* выработанному, и на выполненіе котораго она готова была посвя-тить всю свою дѣятельность. Люди, ея не знавшіе по тому неболь-шому очерку ея біографіи, который я пытаюсь дать на этихъ страницахъ, легко могли бы многое въ этой дѣятельности при-писать излишней молодой самоувѣренности и подумать, что С. М. бралась за инициативу дѣла, превышавшаго ея силы. Но едва ли кто изъ знакомыхъ близко съ ея личностью и съ ея способами дѣйствія скажетъ это. По крайней мѣрѣ во мнѣ ея дѣятельность оставила впечатлѣніе той увѣренности въ себѣ, въ своихъ силахъ и въ своей устойчивости, которая можетъ быть соединена съ яснымъ пониманіемъ и съ вѣрною оцѣнкою *своихъ* силъ... Молодые годы С. М. не позволили ей достаточно скептически относиться къ *дру-гимъ* людямъ и оцѣнить, насколько даже тѣ изъ нихъ, которые способны искренно увлекаться чужой инициативой, могутъ быстро ослабѣвать внѣ вліянія послѣдней, если ихъ не поддерживали сильныя общественныя теченія, а напротивъ, около нихъ распро-странялась деморализація. Но *свои* силы, какъ мнѣ кажется, она оцѣнивала вѣрно. Мнѣ съ перваго уже свиданія показалось, что я имѣю дѣло съ личностью, способною къ инициативѣ. Наши разговоры стали чаще и откровеннѣе. Съ тѣхъ поръ до самаго ареста Софіи Михайловны 31 мая 1889 г. наши отношенія были самыя дружественныя. Насколько я въ состояніи судить, она была со мною очень откровенна даже въ мелочахъ своихъ дѣй-ствій, замысловъ и предпріятій, хотя наши взгляды въ этомъ отношеніи очень расходились. Я не разъ видѣлъ, какъ она умѣла воодушевить и привлечь къ работѣ людей, гораздо болѣе опы-тныхъ, довольно скептическихъ и далеко не дюжинныхъ; какъ она умѣла сблизить разныхъ лицъ, нужныхъ для этого и орга-низовать группу. Я сохранилъ не мало ея писемъ изъ Берна, гдѣ она занималась медициной съ цѣлью получить степень доктора, и изъ Россіи, когда она жила тамъ и сельской учительницей, и преслѣдуемой революционеркою. Послѣдняя ея записка ко мнѣ помѣчена 27 мая 1889 г. за 4 дня до ея ареста. Оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе и наши долгіе разговоры во время нѣсколь-кихъ пріѣздовъ ея въ Парижъ. Въ памяти моей, къ сожалѣнію, сгладились подробности, особенно касавшіяся біографическихъ данныхъ, о которыхъ она, впрочемъ, говорила рѣдко; но сохра-нились общія черты ея настроенія въ различные ея пріѣзды. Сообщу, что помню, пытаюсь сгруппировать это хронологически и пользуясь въ особенности отрывками изъ сохранныхъ мною писемъ.

Софья Михайловна родилась въ Керчи. Она едва ли помнила своего отца, по крайней мѣрѣ никакія данныя о немъ не сохранились въ моей памяти изъ ея разговоровъ; но она была очень привязана къ матери, развитой еврейкѣ, которая повидимому не осталась въ сторонѣ отъ гуманитарныхъ вліяній 60-хъ годовъ, умѣла вызвать и въ дѣтяхъ, особенно въ С. М., способность жить общественной жизнью и служить идеѣ. Въ русской рѣчи С. М. не было и слѣда того еврейскаго акцента, отъ котораго очень рѣдко избавляются евреи южной Россіи, какъ и другихъ ея мѣстностей. Для 20-лѣтней дѣвушки, какою я ее узналъ при нашемъ первомъ знакомствѣ, она была замѣчательно начитана въ русской и въ иностранной литературѣ. Хотя многое изъ этого должно отнести къ пребыванію С. М. въ Петербургѣ (1882—85), но очевидно она пріѣхала туда съ довольно значительною подготовкою, которая принадлежала развитію въ семьѣ. До самаго послѣдняго времени она сохранила къ матери и къ сестрамъ (у нея, кажется, не было братьевъ) самыя нѣжныя чувства. Послѣдній нашъ разговоръ въ Парижѣ осенью 1888 г. касался ея матери, которая повидимому тоже очень любила ее. Ей было горько доставить матери много горя своею судьбою, относительно исхода которой С. М. не могла не считать наиболѣе вѣроятнымъ лишь самое худшее, но это ни на одну секунду не останавливало ея въ рѣшительности служить общему дѣлу русскаго народа, какъ она понимала это дѣло, и какъ чувствовала свою обязанность принести ему всякія жертвы.

Въ 1882 г. 17-лѣтняя Гинсбургъ пріѣхала въ Петербургъ для поступленія на бестужевскіе курсы, для слушанія курсовъ по акушерству и для пріобрѣтенія диплома домашней учительницы. Она пробыла тамъ до 1885 г. Она сильно и успѣшно работала. Многія ея товарки по курсамъ этого времени мнѣ передавали и о ея блестящихъ способностяхъ къ работѣ и о привлекательномъ характерѣ ея въ личныхъ сношеніяхъ. Но и въ эти годы она не могла уже ограничиваться личнымъ развитіемъ, обогащеніемъ памяти, выработкою мысли, отвлеченной отъ жизни. Она жаждала участія въ общественной жизни, въ общественной борьбѣ. Она воспользовалась первымъ же случаемъ, чтобы войти въ сношенія съ оппозиціонными группами, ей доступными, и чтобы ознакомиться съ революціонными программами и тенденціями этой эпохи.

Именно эти годы были эпохою упадка общественнаго духа и распаденія партіи Народной Воли, около которой тогда группировались всѣ революціонныя силы въ Россіи.

Въ февралѣ 1883 г. бѣжавшій изъ Вологды Г. А. Лопатинъ не узнавалъ при своемъ проѣздѣ чрезъ Петербургъ тѣхъ людей,

которыхъ онъ столько разъ встрѣчалъ сравнительно бодрыми и смѣлыми.

«Рабскій страхъ все болѣе царилъ надъ русской землею. Онъ особенно тяготѣлъ въ средѣ тѣхъ либераловъ и социалистовъ, которые устранились отъ новыхъ формъ движенія въ Россіи (народовольческаго) и которые гѣмъ не менѣе чувствовали, что за каждымъ ихъ шагомъ слѣдятъ, что они находятся въ ежеминутной опасности и что имъ ни во что не зачтутъ ихъ воздержаніе отъ болѣе серьезной революціонной дѣятельности. Старые друзья блѣднѣли при появленіи Г. А., а то и просто запирали свои двери. Негдѣ и не у кого было скрываться. Прежнія революціонерки отсовѣтывали мужьямъ и друзьямъ входить въ сношенія съ бѣглецомъ. Не многіе, очень немногіе, остались вѣрны старому пріятельству»¹⁾.

Это была эпоха страшной деморализаціи въ средѣ русской молодежи, затронутой революціоннымъ движеніемъ. Какъ разъ въ это время Судейкинъ и Добржинскій достигали самыхъ значительныхъ успѣховъ въ своей полицейской и шпіонской дѣятельности. Дегаевъ становился агентомъ жандармеріи. Въ томъ же мѣсяцѣ, когда бѣжалъ изъ Вологды Лопатинъ, была арестована Вѣра Фигнеръ (Филлиппова). Въ октябрѣ слѣдующаго года арестованъ былъ и Лопатинъ. Взаимное недовѣріе, проникая въ ряды революціонеровъ, вызывало, съ одной стороны, раздробленность въ дѣятельности революціонныхъ кружковъ, съ другой, въ средѣ этихъ кружковъ, приемы излишней скрытности и чрезмѣрной партійной дисциплины, которые дѣйствовали, со своей стороны, деморализующимъ образомъ на молодые умы, примыкавшіе къ существующимъ кружкамъ.

Таковы были, между прочимъ, кружки петербургскихъ «милитаристовъ», которые были одною изъ отраслей революціонной агитаціи, вызванной Вѣрою Фигнеръ въ рядахъ русскихъ офицеровъ и высшихъ военныхъ школъ. Въ этой формѣ впервые С. М. ознакомилась съ русскимъ социально-революціоннымъ движеніемъ. Она съ жаромъ готова была принять въ немъ участіе, но не особенно выгодны были личныя впечатлѣнія, при этомъ полученныя ею отъ той скрытности и отъ тѣхъ формъ партійной дисциплины, о которыхъ я только что говорилъ. Послѣдовавшій затѣмъ разгромъ кружка «милитаристовъ» не захватилъ ея, хотя изъ позднѣйшаго обвинительнаго акта 1890 г. видно, что уже тогда ее имѣлось въ виду допросить; но ея не было уже въ Петербургѣ, и ея личности, вѣроятно, не придали особой важности.

¹⁾ «Замѣтка о Г. А. Лопатинѣ» къ «процессу 21-го» (1888) XXXII.

Но когда предъ нею вслѣдъ затѣмъ всталъ вопросъ: какъ же далѣе? отвѣтомъ на него былъ не упадокъ духа, какъ у слишкомъ многихъ очень молодыхъ революціонерокъ вслѣдъ за неудачею, даже не стремленіе отыскать иные кружки прежняго типа для продолженія совершенно такой же дѣятельности. Въ ней проснулась рѣшимость выступить съ инициативою организаціи новыхъ кружковъ, составленныхъ изъ новыхъ людей, которыхъ она знала бы лично, которымъ она вѣрила бы, и которые были бы одушевлены такою же рѣшимостью, такою же безусловною преданностью дѣлу, какую она въ себѣ чувствовала. Она сознавала для этого необходимость личнаго дальнѣйшаго развитія. Ея планы требовали заразъ и болѣе прочнаго положенія въ обществѣ и болѣе широкаго знакомства съ людьми революціонной партіи, чѣмъ она могла надѣяться пріобрѣсти въ Россіи той эпохи, деморализованной неудачами и уменьшеніемъ взаимнаго довѣрія. Она надѣялась достигъ послѣдней своей цѣли удобнѣе за границею, гдѣ могла ознакомиться ближе съ революціонными группами и личностями, не имѣвшими тамъ повода быть настолько же скрытыми какъ въ Россіи; могла и сама усвоить болѣе точные взгляды на положеніе соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Однако почвою для этого должна была быть хотя бы зародышная организація преданныхъ и прочныхъ людей въ Россіи, причемъ С. М. рассчитывала, что тѣ личности, которыхъ она уже успѣла вызвать къ дѣятельности своею инициативой, останутся столь же вѣрными своимъ раннимъ стремленіямъ, и будутъ развиваться въ томъ же направленіи, съ тою же рѣшимостью, какія она сознавала въ самой себѣ.

Въ 1885 г. она впервые пріѣхала въ Парижъ и явилась ко мнѣ съ рекомендаціею отъ одного союзнаго кружка. Какъ сказано выше, мы скоро сошлись, и съ тѣхъ поръ, во время ея пріѣзда въ Парижъ, во время ея весьма серьезныхъ занятій медициною въ Бернѣ и во время нѣсколькихъ пребываній въ Россіи между нами не прекращались личныя или письменныя сношенія, причемъ изъ ея писемъ сохранилось достаточно, чтобы можно было по подлиннымъ ея словамъ составить ясное представленіе о тѣхъ настроеніяхъ мысли и практическихъ планахъ, которые она переживала.

Я уже сказалъ, что первыя сношенія ея съ революціонными кружками сблизили ее съ «милитаристами», среди которыхъ элементъ социализма и та организація, которая обусловливается этимъ элементомъ, значительно уступали чисто-политической организаціи по типу польскихъ патріотовъ и италіанскихъ карбонаріевъ. Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на С. М.

этимъ первымъ опытомъ, имѣло слѣдствіемъ, что она болѣе укрѣпилась въ своихъ социалистическихъ убѣжденіяхъ, постоянно ставила ихъ въ основаніе своихъ типовъ организаціи, даже въ тѣ эпохи, когда она всего болѣе увлекалась террористическими задачами. Но при этомъ никогда не оставляло ея сознаніе, что дѣятельность русскихъ социалистовъ, каковы ни были бы ихъ теоретическія убѣжденія, должна заключать въ себѣ значительный элементъ революціонной агитаціи противъ абсолютизма и устранять всѣ тѣ партіозныя междуусобія, которыя могли бы вредить революціонной организаціи для прямой борьбы съ правительствомъ. Это опредѣляло ея отношеніе къ существовавшимъ тогда группамъ и партіямъ.

Неудачи и дезорганизація въ кружкахъ народовольцевъ 1885 и 1886 гг. и въ группахъ, наиболѣе близкихъ къ этой программѣ, имѣли послѣдствіемъ, что даже въ нихъ въ эти годы проявлялись многочисленные признаки сомнѣнія въ цѣлесообразности программы «Народной Воли» въ ея теоретическихъ основахъ и, особенно, въ ея организаціи. Это настроеніе особенно опредѣленно выражалось пріѣзжавшими за границу изъ Россіи въ 1886 г. Именно этимъ то объясняется обстоятельство, что въ планы С. М. и ея друзей, выработанные въ эти годы, вовсе не входило примкнуть къ остаткамъ народовольческой организаціи или возобновить ея традиціи, но скорѣе обнаруживалось стремленіе образовать совсѣмъ новую организацію съ тѣмъ, чтобы втянуть еще живые и энергическіе элементы изъ Народной Воли. При первыхъ нашихъ разговорахъ она прямо высказала мнѣ, что въ настоящую минуту, по ея наблюденіямъ, девизъ «Народной Воли» не оказываетъ привлекательности для молодежи и даже, сближаясь со старой «Народной Волею» въ самыхъ планахъ дѣятельности и въ общихъ основаніяхъ программы, не приходится поднимать ея знамени. Тѣмъ не менѣе, находясь за границею, С. М. самымъ энергическимъ образомъ содѣйствовала распространенію народовольческой литературы: «Вѣстника Народной Воли», «Календаря», брошюръ того времени; сама занималась въ Бернѣ переплетнымъ искусствомъ для удобнѣйшей пересылки этой литературы въ Россію; пыталась всячески противодѣйствовать «шпіонской литературѣ», которая тогда процвѣтала въ Швейцаріи и въ Парижѣ, и писала мнѣ съ крайнимъ раздраженіемъ изъ Россіи о томъ, что распространеніемъ литературы народовольцевъ тамъ дурно занимаются, что—«ея всѣ ищутъ, но нигдѣ не находятъ».

«Книгъ въ Россіи—пишетъ она мнѣ, возвратившись послѣ агитаціонной поѣздки по странѣ въ концѣ 1887 г.—совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ «Нашихъ разногласій», которыми *наводнена*

теперь Россія. На весь Питеръ имѣется одинъ экземпляръ «Календаря» и ни одного «Вѣстника Народной Воли». Въ Одессѣ ничего нѣтъ, въ Харьковѣ одинъ экземпляръ «Календаря». «Наши же разногласія» посланы въ Россію въ количествѣ 10 пудовъ (по словамъ здѣшнихъ плехановцевъ), и я этому охотно вѣрю, потому что вездѣ видѣла по нѣскольку экземпляровъ, а вѣдь «Наши разногласія», «Соціализмъ и политическая борьба» имѣютъ свое вліяніе, и вліяніе сильное, съ которымъ намъ придется считаться. Отрицаніе политической борьбы, борьбы, какъ мы ее понимаемъ, и обоснованіе своихъ положеній якобы исторією Европы, по моему—серьезное препятствіе въ нашей работѣ. Значеніе личности, значеніе интеллигенціи въ революціи совершенно уничтожается ими, и я лично видѣла людей, разбитыхъ его (Г. В. Плеханова) теоріями. И главное—его тонъ, смѣлый, какъ бы увѣренный въ правотѣ, его уничтоженіе всего прежде существующаго, низведеніе дѣятельности предшественниковъ къ нулю—все это положительно вліяетъ, тѣмъ болѣе, что рядомъ является философія Толстого. Я, конечно, не отрицаю работы въ средѣ рабочей; напротивъ, я стремлюсь къ тому, чтобы она шла рядомъ съ работой въ войскѣ, но страшно возмущаюсь признаніемъ одного милліона фабричныхъ и отрицаніемъ всего дѣйствительно существующаго. Теперь Плехановъ предпринимаетъ цѣлый рядъ изданій для рабочихъ, популяризацию «Капитала» Маркса, брошюры Энгельса, Лассалля и т. п., но все это будетъ, вѣроятно, снабжаться комментаріями тенденціознаго характера, и потому, хотя я и радуюсь хорошему начинанію, каково доставленіе народу серьезной литературы, но боюсь комментаріевъ. Вотъ Вас. Игн. ¹⁾ такъ много надежды возлагаетъ на крестьянство. Почему бы ему не воспользоваться «Посредникомъ».

Именно съ точки зрѣнія вреднаго вліянія, произведеннаго «Нашими разногласіями» на организацію революціонеровъ въ Россіи, С. М. высказывалась такъ рѣзко и письменно и въ спорахъ въ Бернѣ противъ ихъ автора и его сторонниковъ, которыхъ тогда называли «Освободителями труда» (теперь — «русскими соціаль-демократами») хотя, вѣроятно, они вовсе не имѣли въ виду оказать параллельно съ Л. Н. Толстымъ, вліяніе *этого* рода на читателей. Впрочемъ она ошибалась и относительно размѣровъ этого вліянія.

Жалобы С. М. на недостаточную заботу о распростра-

¹⁾ Дѣло шло о Тихомировѣ, который за годъ предъ тѣмъ кончалъ послѣднюю статью въ «В. Н. В.» (помѣчена 4 дек. 1886 г.) «словами надежды и ободренія товарищамъ на новую энергическую дѣятельность» именно на «дальнѣйшее распатываніе русскаго императорскаго деспотизма».

неніи настоящей агитаціонной соціалистической литературы въ Россіи повторялись еще въ самые послѣдніе дни ея дѣятельности въ Россіи, въ то время, когда она скрывалась въ Севастополѣ, работая въ швейной мастерской въ мартѣ 1889 г. По поводу сообщеннаго мною ей извѣстія о планѣ новаго изданія «Революціоннаго Календаря» (планѣ, который остался неосуществленнымъ) и предположенія помѣстить въ немъ историческій очеркъ революціоннаго движенія, она писала:

«Въ этомъ чувствовалась давно большая потребность, а теперь такой очеркъ—самая насущная необходимость. Даже лучшая публика ничего не знаетъ о движеніи, а если знаетъ, то ходячія побасенки да клевету уличную. Люди, совершенно сложившіеся, развитые, образованные, готовые на что угодно, не знаютъ о томъ, что существовалъ журналъ «Впередъ», не знаютъ программы существовавшихъ ранѣе направленій и т. д. Правда—теперь очень и очень плохо распространяется нелегальная литература; ея положительно нигдѣ нѣтъ, а если встрѣчаются отдѣльные экземпляры, то это такая рѣдкость, что днемъ съ огнемъ не сыскать. Я знаю нѣсколько городовъ крупныхъ, гдѣ до моего пріѣзда ничего не было, и лишь привезенною мною литературою дѣлятся не только съ различными группами, но даже съ различными городами».

Не принадлежа никогда къ организаціи или даже къ отдѣльнымъ кружкамъ «Народной Воли», С. М. не хуже любой народовольки хлопотала о распространеніи литературы этого направленія, волновалась погромомъ народовольческаго женевского склада въ ноябрѣ 1886 г. и шпіонскими продѣлками. Мнѣ досадно, что я не могу привести здѣсь нѣкоторыя горячія ея строки по поводу иныхъ шпіонскихъ продѣлокъ, но такъ какъ въ этихъ строкахъ идетъ дѣло отчасти обо мнѣ, то я, можетъ быть, единственное лицо, которое не имѣетъ права приводить эти строки въ моихъ воспоминаніяхъ о молодой дѣвушкѣ, личныя дружескія симпатіи которой побуждали ее горячѣе, чѣмъ кого другого относиться къ дѣламъ, до меня касавшимся.

Собственный планъ организаціи и дѣятельности, какъ онъ установился въ началѣ 1886 г. въ кружкѣ, къ которому она принадлежала, С. М. формулировала въ письмѣ изъ Берна отъ 4 февраля въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ, въ отвѣтъ на поставленные мною вопросы и нѣкоторыя сомнѣнія мною высказанныя относительно того, насколько ихъ кружокъ остается вѣренъ общимъ соціалистическимъ принципамъ:

1) «Торжество принциповъ соціализма—окончательная цѣль нашей работы. Доказательствомъ служитъ самая наша работа,

литература, на которой мы воспитываемся. «Историческія письма»—первая книга, которую мы подаемъ юношѣ, къ которому обращаемся съ первымъ словомъ. Труды Маркса, Энгельса и пр.—наши постоянныя книги. «Соціальная революція и задачи нравственности»—нашъ катехизисъ, который служитъ намъ основаніемъ для построенія своей программы дѣйствія.

2) Мы понимаемъ, какое препятствіе русскій абсолютизмъ ставитъ развитію *соціализма* въ Россіи и развитію русскаго народа, и потому понимаемъ, какъ *необходимо* разрушить его. Мы не только понимаемъ, но изыскиваемъ средства къ его разрушенію... Конечно, въ ближайшей борьбѣ интересы соціалистовъ совпадаютъ съ интересами либераловъ и потому боевую силу создаемъ, главнымъ образомъ, не въ средѣ, прямой интересъ которой составляетъ соціалистическій строй, а въ средѣ, гдѣ, быть можетъ, будетъ много соціалистовъ лишь до того дня, когда интеллигентъ получитъ нужную ему свободу. По моему, это нисколько не измѣняетъ основной характеръ революціонной группы—характеръ соціалистическій.

3) ...Теперь ни одна партія не можетъ вліять на ходъ общественной жизни, и мы стремимся завоевать политическую роль въ самой Россіи партіи соціалистической, которая къ тому времени готовится теперь же.

4) ...Вы знаете о нашемъ желаніи объединиться съ другими фракціями. Вы знаете, что нашъ идеаль нелегальнаго органа, это—органъ, который связывалъ бы всѣхъ, принимающихъ первые два пункта.

5) Мы готовимся и готовимъ другихъ къ минутѣ, которую можетъ принести исторія помимо насъ. Всѣ указанныя вами начала и служили основаніемъ нашей программы, и я не знаю, почему вы считаете нашу группу, неимѣющею прочныхъ соціалистическихъ задачъ. Я увѣрена, что скоро получу программу нашу. Вы тогда убѣдитесь, что я не извращаю направленія и значенія нашей группы. Я знаю, что вамъ слишкомъ недостаточны мои объясненія. Вы, наконецъ, мало меня знаете, чтобы вѣрить мнѣ, что я не преувеличиваю и вѣрно передаю факты, дѣйствительно существующіе. Я привыкла считаться съ слѣдствіемъ этой тайной работы, гдѣ никакой официальной провѣрки быть не можетъ».

Изъ разговоровъ съ С. М. я съ самаго начала замѣтилъ въ ней склонность къ приданію боевымъ приемамъ большого значенія въ Россіи. Въ этомъ отношеніи мы съ нею никогда согласиться не могли, но такъ какъ въ это время и въ рядахъ революціонеровъ, и въ рядахъ либераловъ мнѣ случалось встрѣчать весьма

часто подобное же явленіе, то приходилось это считать характеристикой данной исторической минуты. Тѣмъ не менѣе и взгляды С. М. на характеръ этого рода дѣятельности, нѣсколько видоизмѣнились въ теченіе времени, особенно подъ вліяніемъ обстоятельствъ большихъ или меньшихъ надеждъ на успѣхъ революціонной пропаганды. Въ 1886 г. эти взгляды были менѣе опредѣленны. Въ слѣдующіе годы она особенно напирала на то, что въ началѣ 80-хъ годовъ общество въ Россіи было во всѣхъ классахъ такъ деморализовано, что невозможно было въ эту эпоху организовать обширный заговоръ, который принялъ бы на себя инициативу произвести немедленно политическій и социальный переворотъ; но возможно было организовать въ этомъ обществѣ *силу*, которая сумѣла бы воспользоваться инициативою немногихъ для произведенія подобнаго переворота, или хотя бы политическаго. Этими то инициаторами должны были быть, по мнѣнію С. М., социалисты-террористы, которые внезапными и сильными ударами разстроили бы въ данную минуту правительство и дали бы возможность обнаружиться желаніямъ страны въ *готовой* для этого послѣдняго дѣла организаціи. Такимъ образомъ предполагавшіяся противоправительственныя предпріятія ни въ какомъ случаѣ не должны были быть случайны, разсчитаны на дѣйствіе, которое они «можетъ быть» произведутъ на правительство и на общество, но должны были быть предпріятіями, *за которыми стояла бы сильная организація*, въ данную минуту лишенная способности къ инициативѣ, но опредѣленно понимающая, что дѣлать и какъ поступить послѣ успѣшнаго выступленія. Въ этомъ отношеніи любопытенъ отрывокъ изъ ея письма, гдѣ она мнѣ сообщаетъ свои разговоры съ нѣкоторыми лицами въ Россіи, только что вернувшись оттуда въ Бернъ къ 1 января 1888 г. Дѣло шло о переговорахъ относительно союза между группами, входившими въ организацію, къ которой принадлежала С. М., въ томъ видѣ какъ эта организація существовала осенью 1886 г., и группами народовольцевъ, тогда раздѣлявшихся на сторонниковъ старой и молодой «Народной Воли». Разговоръ съ однимъ изъ представителей первой группы (которая только что испытала довольно значительный погромъ) С. М. мнѣ передала такъ:

«Подъ вліяніемъ ли проваловъ, или малой вѣры въ то, что предпринимали его товарищи, онъ плохо вѣрилъ въ возможность вести какую-либо правильную, систематическую работу и высказался, что теперь единственная возможность противоdѣйствовать злу—мстить за всѣ ужасы, которые производило и производитъ правительство, уничтожать кто кого можетъ изъ его сподвижниковъ. Когда я фактически доказала ему возможность органи-

зоваться для борьбы правильной съ опредѣленными цѣлями, приблизительно—разсчитанными силами и т. п., онъ былъ пораженъ этою новостью и выразилъ самое горячее сочувствіе такой организаціи. Когда я сдѣлала предложеніе соединиться хотя бы на началахъ федеративныхъ, онъ выразилъ (правда—личное) мнѣніе, что, если дѣйствительно существуетъ мною разсказанное, не можетъ быть рѣчи о федераціи, но должно произойти сліяніе; силы должны быть сконцентрированы въ этомъ важномъ пунктѣ въ борьбѣ политической.

Далѣе она пишетъ:

«Чтобы характеризовать ¹⁾... я все-таки остановлюсь нѣсколько подробнѣе на бесѣдѣ съ представителемъ группы «Молодой Народной Воли», какъ называютъ они себя. Съ одной стороны онъ какъ будто отрекается отъ комитетовъ, да и вообще отъ организацій, какъ говорятъ они «карточныхъ»; съ другой стороны излагая планы своей группы, развилъ планъ, именно «карточной» красивой организаціи, покоящейся, по моему, на пескѣ. Собственно говоря, всѣ измѣненія Н. В. состоятъ въ томъ, по моему мнѣнію, что центръ будетъ выборный, но его права и задачи тѣ же; будетъ большее раздѣленіе труда для избѣжанія сильныхъ проваловъ, т.-е. кружки боевые будутъ знать только свое дѣло, часть, завѣдующая культурнымъ дѣломъ, ни во что не вмѣшивается и, для большей прочности, раздѣляется на территоріальныя группы. При этомъ каждая имѣетъ свою типографію, свою кассу и пр. Рѣшено террористическіе факты производить черезъ каждые 6 мѣсяцевъ, для чего нужны 3—4 человѣка и 6 тысячъ денегъ. Завѣдующій печатнымъ дѣломъ долженъ готовить къ каждому факту дѣльное объясненіе... Я въ ужасѣ прихожу, когда подумаю, на что люди несутъ столько жизней, столько силъ, могущихъ такъ много дать нашему времени. На чемъ основывается вся ихъ работа, всѣ ихъ ожиданія? *Быть можетъ...* (перечисляется рядъ имѣвшихся въ виду террористическихъ фактовъ)... Быть можетъ. это уничтожить прелесть власти, и будетъ дана конституція или, по крайней мѣрѣ, какая-нибудь свобода. На «быть можетъ» могутъ ли опираться революціонныя партіи, и еще въ наше время, когда правительство идетъ неуклонно и строго разсчитанными средствами къ строго разсчитаннымъ цѣлямъ? Когда я говорила о полезности террористическаго факта, я имѣла, главнымъ образомъ, въ виду общество, которое, какъ мнѣ казалось, могло бы воспрянуть духомъ, увидѣвъ, что революція въ Россіи не подавлена. Но теперь я прислушалась къ голосу общества и знаю,

¹⁾ Революціонеровъ того большого центрального города, гдѣ происходилъ разговоръ.

что не только не одинъ, но и нѣсколько фактовъ, раздѣленныхъ хотя бы и 6 мѣсяцами, ничего не скажутъ обществу, какъ только то, что *нѣсколько* лицъ, неимѣющихъ за собою никакой силы, выстрѣлили или подожгли. Я слыхала мнѣнія, такъ называемыхъ либераловъ-народниковъ, радикаловъ и просто людей общества, и знаю, что обществу теперь нужно что-нибудь покрупнѣе, что могло бы его вызвать на принятіе участія въ борьбѣ за освобожденіе, хотя ему же необходимое. Я понимаю крупный погромъ въ сферѣ властвующихъ, погромъ, который пошатнулъ бы самое зданіе, систему, погромъ, который вызвалъ бы борьбу партій, направленій и т. д., но не устраненіе одного изъ штифтиковъ правильно организованной машины. Толстой не сегодня далъ направленіе; оно вошло въ такую систему, исполнители такъ подобраны и такъ спѣлись, что я не понимаю, какъ можетъ измѣниться направленіе, если Катковъ или Толстой будутъ уничтожены. Мои товарищи не смогутъ опредѣленно сказать, какимъ образомъ произведутъ они самую расправу; или группа лицъ, выдѣлившаяся изъ среды организованной, совершить именно такой погромъ, и оставшаяся въ запасъ *сила* продолжить дѣло этой группы, станетъ на сторону рабочихъ и радикальнаго общества, если таковые заявятся; или, быть можетъ, организованная сила придерется къ почину стачечниковъ или выступитъ въ случаѣ, подобномъ закрытію кіевскаго университета и т. п. Во всякомъ случаѣ подготовительная работа одна (и та же), и только тогда, когда будетъ собрано столько силъ, что тутъ не «быть можетъ» будетъ основаніемъ дѣятельности, а видимая сила, да притомъ еще отнятая у врага—это я понимаю. Тутъ не фантазія на авось, а реальная сила. Правда, прежде мои товарищи задавались большими цѣлями, имѣлась въ виду организація, способная не только разрушить нынѣшній строй, но создать свой, не какой-нибудь, не конституціонный, а чуть ли не социалистическій. Теперь я видалась почти со всѣми и ото всѣхъ слышала то же, что хочу я: добиться свободы слова, печати, сходовъ, чтобы получить возможность заговорить и съ рабочимъ и съ крестьяниномъ или хотя бы даже вызвать политическіе интересы въ обществѣ и рабочемъ сословіи.—Не думайте, что вся наша дѣятельность держится на одной политикѣ: всѣ мы употребляемъ всѣ усилія, чтобы сотоварищи наши были социалистами, но каждый изъ насъ понимаетъ, что ближайшая борьба не можетъ быть за начала социалистическія, и что, поэтому, важны и тѣ элементы, которые въ силу своего положенія, своего развитія, не въ состояніи выпустить изъ рукъ синицу для журавля въ небѣ. Офицеръ образованный, развитой, чистый социалистъ, пріобрѣтаетъ симпатіи многихъ дю-

жинныхъ, но ведущихъ солдатъ, офицеровъ, которые не въ состояніи переварить социалистическихъ идей, но которымъ понятна фраза: «свобода, равенство и братство», которымъ понятенъ весь позоръ абсолютизма. Я сдѣлала эту оговорку, чтобы не явилось сомнѣнія въ томъ, что мы, какъ и народовольцы, народники, социаль-демократы, организуемся подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ началъ, только яснѣе ихъ понимаемъ и въ особенности понимаемъ тѣ ступени, которыя помогутъ войти въ то отдаленное святилище».

Излагая по имѣющимся у меня матеріаламъ фазисы мысли и дѣла, чрезъ которые переходила С. М., я вовсе не имѣю въ виду относиться критически къ ея планамъ, къ ея дѣятельности и къ ея надеждамъ и разбирать, насколько политически-либеральныя идеи, на почвѣ которыхъ были ею положены основанія общей организаціи социалистовъ и несоциалистической оппозиціи, были способны сдѣлаться почвою прочной и преданной дѣлу организаціи; и насколько свою энергію, свою безпредѣльную готовность служить дѣлу она переносила на личности, гораздо менѣе энергическія и преданныя дѣлу. Во всякомъ случаѣ С. М. была въ эту эпоху глубоко приникнута убѣжденіемъ, что положено основаніе кое-чему, имѣющему возможность сдѣлаться «силою», если еще не сдѣлавшемуся ею.

«Вы помните—писала она мнѣ въ томъ же письмѣ,—какъ неопредѣленно я высказалась насчетъ нашихъ политическихъ силъ. Вы помните, что я не знала, что теперь дѣлается, какъ двигается дѣло. Теперь я объѣздила почти все и вынесла положительно прекрасное впечатлѣніе. Надо вамъ замѣтить, что во всѣхъ центрахъ, исключая М..., положены прочныя основанія и теперь необходимо объединиться съ другими группами, необходимо имѣть связь съ обществомъ, которое, во-первыхъ, пополняло бы ряды, во-вторыхъ служило бы базисомъ отрѣзанной отъ всего военной силѣ. Необходима литература, которая выяснила бы нынѣшнее положеніе дѣлъ и возможность борьбы съ деспотизмомъ. На этотъ счетъ придется много еще поговорить. Теперь я познакомилась съ нѣкоторыми товарищами, которыхъ раньше не знала и положительно въ восторгѣ. Вѣра моя удвоилась въ возможность осуществить наши стремленія».

И далѣе, какъ бы поправляя впечатлѣніе, произведенное на меня прежнимъ разговоромъ о маломъ числѣ личностей, стоящихъ въ центрѣ дѣлъ:

«Спѣшу съ восторгомъ поправить ошибку: въ высшей степени дѣятельный народъ увидѣла я теперь въ разныхъ концахъ Россіи, людей и способныхъ, и съ положеніемъ, которые работаютъ не

покладая рукъ, имѣютъ за собою многихъ. Мое горячее желаніе теперь сойтись съ тѣми группами, которыя могли бы усилить армію и двинуть дѣло военной организаціи... Въ О... мои товарищи сошлись совершенно самостоятельно съ народовольцами и тамъ имѣются уже блестящіе результаты этого соединенія».

Подъ конецъ своего пребыванія за границую С. М. подъ вліяніемъ возмутительныхъ извѣстій изъ Россіи, все положительнѣе усвоила убѣжденіе въ необходимости активныхъ дѣйствій... Ни малая вѣроятность успѣха, ни количество жертвъ напрасно гибнущихъ въ подобныхъ случаяхъ, ни опасность усиленія реакціи не останавливали ее при этомъ, такъ какъ она считала возможнымъ обезпечить успѣхъ вѣрнымъ расчетомъ, подготовить «силу», которая сумѣла бы воспользоваться этимъ успѣхомъ, и ея готовность жертвовать собою побуждала ее предполагать и во всѣхъ другихъ товарищахъ подобную же готовность.

Съ этимъ фазисомъ видоизмѣненія ея плановъ дѣйствія было связано и измѣненіе ея стремленія къ пріобрѣтенію того или другого положенія въ обществѣ. Она считала необходимымъ для дальнѣйшей политической дѣятельности пріобрѣсти это положеніе, но, увѣренная въ своей способности примѣниться къ требованіямъ очень различныхъ занятій, предоставляла товарищамъ рѣшить за нее, чѣмъ ей быть. Было уже сказано выше о ея занятіяхъ въ Петербургѣ, гдѣ она слушала акушерскіе курсы, получила дипломъ домашней учительницы, и ей предложено было сибиряками руководство гимназіею въ Красноярскѣ.

«Я было призадумалась надъ этимъ—писала она мнѣ въ февралѣ 1887 г. изъ Берна,—такъ какъ съ одной стороны это дало бы нѣсколько денегъ, которыя теперь такъ нужны намъ; съ другой стороны сразу дало бы мнѣ положеніе общественное, такъ какъ чрезъ 2 года я бы могла надѣяться получить разрѣшеніе открыть школу въ Петербургѣ; но товарищи нашли, что докторскій дипломъ интереснѣе мѣста въ Сибири. Мнѣ предлагали это Н... и окружающая ихъ компанія, съ которыми я знакома. Вѣроятно, никто не соглашается туда забираться, оттого они и рады были даже мнѣ. Огорчаясь моимъ отказомъ, они все-таки общались ко времени окончанія мною здѣсь приготовить мнѣ мѣсто. Буду надѣяться... Мое величайшее желаніе теперь окончить какъ можно скорѣе докторомъ, и я дерзаю думать, что въ іюлѣ 1888 г. совсѣмъ покончу и съ экзаменами и съ диссертациею. Я думаю, по окончаніи, открыть въ Петербургѣ школу или, въ крайнемъ случаѣ, получить тамъ мѣсто учительницы».

Въ другомъ письмѣ изъ Берна она писала мнѣ:

«Что касается моего желанія, во что бы то ни стало, окончить

здѣсь докторомъ, постараюсь пояснить Вамъ. Права домашней учительницы (высшая педагогическая степень для женщины) я имѣю, такъ какъ помимо гимназіи держала экзаменъ спеціаль- ный при комиссіи Петербургскаго учебнаго округа. Но я не имѣю общественнаго положенія, которое дало бы мнѣ возможность устроиться въ Петербургѣ такъ, какъ это необходимо для нашего дѣла. У меня въ Питерѣ много въ высшей степени полезныхъ знакомыхъ; если я буду имѣть приличную фирму, эти знакомства возможно будетъ эксплуатировать. Да и вообще намъ необходимъ въ Питерѣ приличный притонъ. Теперь мнѣ не позволили бы открыть школу въ Питерѣ же; между тѣмъ, если я буду имѣть дипломъ доктора, да еще доказательство того, что я посѣщала школы въ Швейцаріи, да заявлю, что открываю школу, гдѣ образцово соединяется воспитаніе умственное и физическое (нѣчто въ родѣ Стоюнинской, только разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ), тогда вѣроятно мнѣ разрѣшатъ. Правда, это—дѣло очень затѣйливое и трудно совмѣстимое съ тѣми задачами, какими мы задаемся, трудно долго продержаться въ легальномъ положеніи, но придется попытаться, если ничего лучшаго не придумаю. Если можно будетъ держать экзаменъ на врача, конечно положенія этого будетъ достаточно, и я сейчасъ же воспользуюсь имъ. Если же права этого не дадутъ намъ, къ чему же послужить мой дипломъ (дом. учит.) въ Питерѣ? Фельдшерией тамъ и не проживешь, и положеніе не ахтительное. А я увѣрена, что черезъ годъ окончу здѣсь. Когда я ѣздила осенью въ Россію, я совсѣмъ было не хотѣла сюда возвращаться, но всѣ товарищи, какъ одинъ человекъ, убѣждали меня это сдѣлать. Даже если нельзя будетъ школы открыть (замыселъ больно грандіозный), занявъ мѣсто городской учительницы и имѣя къ тому же докторскій дипломъ, я буду имѣть все же больше возможности встрѣчаться съ большимъ количествомъ людей и различныхъ сферъ. Понятно: мнѣ уже тяжело даже подумать, сколько времени трачу я на пріобрѣтеніе бумажки, которая, быть можетъ, не дастъ мнѣ рѣшительно ничего, но я не знаю ничего другого».

Имѣя такой опредѣленный планъ дѣятельности въ Россіи, С. М., конечно, принуждена была держаться крайне осторожно въ средѣ русской колоніи какъ въ Бернѣ, такъ и въ Парижѣ; но въ то же время не могла не интересоваться рабочимъ социалистическимъ движеніемъ въ Швейцаріи; не могла не искать связей съ лицами, черезъ которыхъ являлись случаи пересылать въ Россію агитаціонную заграничную литературу. Не всегда могла она воздержаться и отъ участія въ безконечныхъ спорахъ въ области общественныхъ вопросовъ между русскими, живущими за грани-

цею и впервые попавшими въ среду, гдѣ можно хотя бы говорить о серьезныхъ вопросахъ безъ опасенія быть арестованнымъ, вслѣдствіе чего слишкомъ часто у разговаривающихъ является иллюзія, будто эти «свободные разговоры» суть сами по себѣ уже «дѣло» и какъ бы искупаютъ полную политическую бездѣятельность и трусливое воздержаніе отъ всякаго «опаснаго» дѣйствія въ Россіи и въ сношеніяхъ съ нею. Изъ Берна отъ 4 февраля 1887 г. С. М. писала мнѣ:

«Кромѣ медицины, я стараюсь пополнять свои знанія по исторіи и вообще по социологіи, да врядъ ли удастся сдѣлать столько, сколько предполагала. Вступила я, кромѣ того, въ партію нѣмецкихъ социаль-демократовъ; посѣщаю всѣ ихъ собранія. Такимъ путемъ я ближе познакомлюсь съ дѣятельностью европейскихъ социалистовъ и сама болѣе или менѣе воспитаюсь. Работаю я съ 7¹/₂ часовъ утра до 12—1 ночи, а какой толкъ выйдетъ—не знаю. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше томлюсь жизнью за границей; страстно хочется въ Россію къ дѣлу, но приходится смирять себя. На каникулахъ я никуда ѣздить не буду, останусь практиковать въ клиникѣ подъ руководствомъ ассистентовъ и буду повторять уже къ экзамену физиологію, анатомію и проч. На каникулахъ же хочу учиться типографскому искусству. По окончаніи, вѣроятно, побываю въ Парижѣ, чтобы пріобрѣсти званіе члена антропологическаго общества; тѣмъ болѣе это важно, что и въ Петербургѣ устраивается антропологическій отдѣлъ при географическомъ (обществѣ)... Попытаюсь и этимъ запастись, но не рѣшаюсь только на одно положиться... Если бы я не думала черезъ годъ, максимумъ 1¹/₂ окончить здѣсь, я бы все-таки бросила бы».

И нѣсколько позже, по поводу моихъ замѣчаній о сообщенныхъ ею извѣстіяхъ:

«Мое поступленіе въ партію нѣмецкихъ социаль-демократовъ меня нисколько не скомпрометируетъ, потому что здѣсь всѣ русскіе встрѣчаются съ нѣмцами, вслѣдствіе одинаковости положенія, какъ иностранцы и, стало-быть, мои видимыя всѣмъ сношенія никого не удивятъ, а посѣщеніе «geschlossene Versammlung» о'овъ никому не можетъ быть извѣстно».

Это послѣднее, конечно, было довольно сомнительно.—Она ясно понимала, что дѣятельность въ Россіи по общерусскому дѣлу есть единственная здоровая почва для русскаго развитого человека, имѣющаго возможность жить и дѣйствовать на родинѣ. По поводу посланной ей брошюры: «Национальность и социализмъ» она писала мнѣ:

«Только на дняхъ пришлось мнѣ спорить по этому же вопросу

съ нѣмцами, которые доказываютъ, что русскія женщины-соціалистки не должны возвращаться въ Россію, а посвящать свои силы на борьбу за освобожденіе женщины въ Европѣ, гдѣ низкій уровень женщины чуть ли не единственный камень преткновенія для развитія соціалистическихъ идей. А въ Россіи чуть не каждый день приходилось касаться этихъ вопросовъ. Мои родные всегда уличали» (вѣроятно, укоряли) «меня въ нечестности за то, что я не трачу своихъ силъ на поднятіе еврейства, котораго, во-первыхъ, я рѣшительно не знаю».

Во время своего пребыванія въ Парижѣ С. М. никогда не ходила ни на какія собранія, избѣгая сближенія и даже знакомства съ кѣмъ бы то ни было внѣ тѣхъ отдѣльныхъ личностей, съ которыми ей важно было сблизиться въ виду привлеченія ихъ къ ея дѣятельности въ Россіи, или въ виду полученія ихъ помощи для этой дѣятельности. Въ Бернѣ, конечно, это было невозможно, и она, между прочимъ, характеризовала свои тамошнія общественныя отношенія слѣдующимъ образомъ:

«Встрѣчаюсь я теперь,—писала она отъ 4 февраля 1887 г.—съ очень немногими земляками: не стоитъ времени терять. Я увѣрена, что мало дадимъ другъ другу, а только разовьемъ въ себѣ любовь къ фразерству. Н. и ея три подруги очень симпатичныя барышни: съ ними я, конечно, ближе».

И позже:

«Я всегда утверждала, что не принадлежу ни къ какимъ партіямъ, что знакома съ революціонной дѣятельностью только по литературѣ и стою только на объективной точкѣ зрѣнія... Я всѣми силами стараюсь теперь установить взглядъ на себя, какъ на студентку медичку и ничего больше. Прежде я вела себя довольно таки безтактно; горячилась, спорила, доказывала въ бесѣдахъ, которыя велись просто отъ нечего дѣлать или изъ желанія быть «европейцемъ». Я не имѣла прежде понятія о заграничныхъ учащихся и мѣрила ихъ по кружку питерскихъ друзей. Вѣдь въ Бернѣ (нѣтъ) никакихъ средствъ для времяпрепровожденія, поэтому приходятъ чуть ли не всѣ на собранія, однѣ затѣмъ, чтобы посмѣяться, другія изъ любопытства, и только немногія изъ любознательности, а между тѣмъ славу разносятъ всѣ. Теперь я хотя и бываю на собраніяхъ, но или вовсе не принимаю участія въ преніяхъ, или только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло не касается рѣшенія судебъ Россіи. На дняхъ ко мнѣ явился одинъ здѣшній студентъ и предложилъ содѣйствовать какому-то нелегальному дѣлу. Такъ я даже возмутилась, заявила, что не признаю никакихъ нелегальныхъ дѣлъ, что отъ своей медицины я ни на шагъ никогда не отступлю и т. д.

Думаю, что такая тактика исправить мою репутацію, тѣмъ болѣе, что подобныя превращенія очень часто встрѣчаются въ дѣйствительности».

Тѣмъ не менѣе окончательно она рѣшилась не продолжать курса. Та поѣздка въ Россію, о которой она говорила мнѣ въ письмѣ, приведенномъ выше, побудила ее думать, что для лицъ, принадлежащихъ къ той же организаціи, какъ она, наступила пора дѣйствія; что ждать нечего; что надо быть на мѣстѣ. Планъ школы въ Петербургѣ, завоеваніе себѣ положенія *тамъ* былъ оставленъ. Ей открылась возможность быть сельской учительницей въ с. Акимовкѣ, и она ухватилась за это положеніе. Она сумѣла вызвать симпатіи и своихъ ученицъ, и той среды, въ которую ее бросила судьба. Она съ такимъ же жаромъ бросилась на обученіе дѣтей, на пробужденіе въ нихъ мысли, на устройство для нихъ волшебнаго фонаря съ содержательными картинами, какъ занималась медициною въ Бернѣ, какъ знакомилась съ литературою и техникою направленія аэростатовъ и изготовленія взрывчатыхъ веществъ въ Парижѣ, умѣя и интересоваться всѣми частностями предмета, которымъ занималась въ данную минуту, и не упускать ни на минуту изъ виду ту дальнѣйшую цѣль, для которой должны были служить эти занятія. Я вполне увѣренъ, что она столь же тщательно и отдаваясь дѣлу работала для швей въ Севастополѣ въ послѣдніе мѣсяцы, которые она была еще свободна, какъ ухаживала за психически-больною женою пріятеля-офицера въ Петербургѣ (о чемъ говоритъ обвинительный актъ), исполняла обязанность акушерки въ Крыму при родахъ жены другаго пріятеля (по тому же источнику), обучала русскому языку молодого англичанина въ Парижѣ и занималась въ Бернѣ переплетнымъ искусствомъ для лучшей отправки подпольной литературы въ Россію.

Для большаго упроченія своего положенія въ Акимовкѣ, какъ учительницы, С. М. не остановилась и передъ переходомъ въ православіе. Но именно вслѣдъ за тѣмъ между ея товарищами произошла паника; они были убѣждены, что С. М.-нѣ грозитъ особенная опасность, или, можетъ быть, полагали, что ея присутствіе въ Россіи можетъ быть особенно опасно для нихъ. Какъ бы то ни было, но они уговорили С. М. немедленно бѣжать изъ Акимовки и изъ Россіи. Предъ самымъ новымъ годомъ 1888 она явилась снова въ Бернѣ, откуда написала мнѣ подробное письмо о положеніи дѣлъ въ Россіи, изъ котораго я дѣлаю выше обширныя выписки. Вслѣдъ за тѣмъ она пріѣхала снова въ Парижъ, энергически вербуя новыхъ людей, которые казались ей годными для дѣла и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты возвращенія въ Россію. Она

писала тогда въ Россію пріятелямъ (какъ видно изъ обвинительнаго акта) о той тоскѣ, которая ее мучаетъ за границей, о той жаждѣ приступить къ дѣятельности, которую она испытывала. Какъ только ей удалось добыть паспортъ, который она считала надежнымъ, она рѣшила не оставаться за-границею ни минуты долѣе. Осенью 1888 г. я видѣлъ ее послѣдній разъ, и, такъ какъ вслѣдствіе небольшого недоразумѣнія относительно часа, когда ей слѣдовало прійти ко мнѣ, намъ не удалось видѣться въ послѣдній день ея пребыванія въ Парижѣ, то она набросала мнѣ карандашомъ послѣднія прощальныя строки, подчеркивая «до свиданія». Но этому свиданію не было уже суждено осуществиться.

Послѣдняя поѣздка въ Россію была для С. М. печальнымъ доказательствомъ того, какъ трудно разсчитывать на прочность убѣжденій и на энергію дѣятельности лицъ, казавшихся прочными и энергическими, пока опасность не настала и пока около нихъ стояли другіе, болѣе прочные и энергическіе. Ей пришлось еще прежде видѣть погромы между товарищами или въ близкихъ къ нимъ группахъ. Но она постоянно искала и находила этому объясненіе или въ недостаточно-продуманной программѣ дѣятельности, или въ дурномъ составѣ персонала. Ей знакомы были случаи доносовъ членовъ группы милитаристовъ на товарищей и другіе подобные факты. Послѣ погрома кружка моряковъ и офицеровъ въ 1886—7 годахъ она съ радостью упоминала о томъ, что осталась нетронутою, хотя не могли не вырываться порою и крики нравственной боли. Одно письмо она кончаетъ словами:

«Ни разу мнѣ не приходилось писать Вамъ подъ гнетомъ такихъ ужасныхъ вѣстей, какъ приходится писать теперь. Ото-всюду, не то, что печально, но положительно «ужасно».

«Несмотря на всѣ провалы—писала она 4 февраля 1887 г.— работа все-таки идетъ достаточно энергично и успѣшно. Но, Господи, какъ трудно теперь работать».

А затѣмъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ съ радостью дѣлала выписку изъ письма, ею полученнаго отъ товарищей, оставшихся цѣлыми:

«Съѣздъ нашъ, конечно, не состоялся, и вообще мы, ввиду тревожнаго и неопредѣленнаго положенія дѣлъ, притаились; но не думайте, чтобы пали духомъ: вѣсть о погромѣ была принята нами спокойно и не возбудила лишнихъ страховъ».

Она прибавляетъ:

«Конечно, страшно подумать о томъ, сколько народу погибло, но развѣ мыслима какая-бы то ни было дѣятельность безъ проваловъ? Я каждый день ждала чего-нибудь. Но этотъ случай блестяще доказалъ всю цѣлесообразность нашей организаціи,

способа веденія дѣла и всю серьезность, съ какою работали всѣ. Даже теперь, когда провалъ былъ такъ близокъ (вѣдь изъ моряковъ многіе—бывшіе наши товарищи) и то попало нашихъ только нѣсколько человѣкъ, и то непосредственно связанныхъ съ наиболѣе скомпрометированными моряками».

Еще нагляднѣе ей приходилось знакомиться съ непрочностью самыхъ повидимому близкихъ и надежныхъ лицъ, когда дѣло шло о болѣе крупныхъ жертвахъ деньгами для революціоннаго дѣла, или даже просто объ опасеніи скомпрометироваться перевозкою подпольной литературы. Я помню хорошо два случая, когда она волнуемымъ голосомъ передавала мнѣ о двухъ лицахъ (одинъ разъ дѣло шло о женщинѣ, другой—о мужчинѣ), которыя обѣщали положить въ дѣло организациі опредѣленную сумму денегъ. Къ обоимъ этимъ лицамъ С. М. была сильно привязана, довѣряла вполнѣ ихъ искренности; но и тотъ и другая уклонились отъ исполненія взятаго на себя обязательства, когда пришла минута его исполнить. Эта нравственная несостоятельность—слишкомъ обычная въ нашемъ обществѣ при господствѣ фразерства и тряпичности—тѣмъ глубже потрясла С. М., что въ ея натурѣ именно этого элемента нисколько не было. Уже нѣсколько комическій характеръ имѣетъ ея письмо ко мнѣ изъ Берна о тѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыя повторялись для нея съ разными тамошними говорунами и либеральными барышнями, когда дѣло шло о томъ, чтобы провезти въ Россію небольшое количество агитаціонной литературы. Одни, обѣщавъ, просто не заходили проститься *и взять посылку*. Другіе отказывались въ послѣднюю минуту ввиду разныхъ (все благородныхъ, семейныхъ и другихъ) соображеній. Третьи дозволяли себя уговаривать товарищамъ, причемъ и очень убѣжденные социалисты оказывались дающими деморализующіе совѣты «не рисковать» барышнямъ, которыя, очевидно, ни на какое серьезное дѣло во всю жизнь не могли годиться, и единственная польза отъ которыхъ для русскаго народа могла заключиться въ передаточной функціи произведеній, идеи которыхъ были имъ навсегда недоступны. Но всѣ эти болѣе или менѣе мелкіе или частные опыты должны были для С. М. уступить тому опыту, который ее ожидалъ во время ея послѣдней поѣздки въ Россію, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, когда организациа ея товарищей казалась ей такою прочною и рѣшительною и позволяла ей такія широкія надежды, основанныя, какъ я полагаю, особенно на томъ, что она на другихъ переносила *свою* стойкость и *свою* энергію.

«Первыя впечатлѣнія—писала она мнѣ отъ 17 ноября 1888 г.—полученныя мною въ Россіи, были по истинѣ ужасны. Пріѣзжаю

и въ одинъ большой городъ, гдѣ живутъ нѣкоторые товарищи—офицеры (въ числѣ ихъ и нашъ общій знакомый Е. ¹⁾). На вопросъ мой: чѣмъ служатъ они той идеѣ, для торжества которой мы нѣсколько лѣтъ тому соединились въ одно цѣлое и за служеніе которой многіе изъ нашихъ товарищей томятся и въ крѣпости, и на Сахалинѣ, и въ Сибири?—получила я такой отвѣтъ, Е. бездѣйствуетъ потому, что нѣтъ денегъ для изданія тѣхъ 17 брошюръ, которыми онъ думаетъ создать революцію въ Россіи. Причемъ, конечно, обвиняетъ не себя, а другихъ и, въ томъ числѣ Васъ, такъ какъ Вы будто бы обѣщали ему въ пріисканіи матеріальныхъ средствъ, а также въ напечатаніи брошюръ. Я знала, что онъ никому и адреса своего не прислалъ, и, стало быть, мнѣ не трудно было доказать ему, что вина въ немъ самомъ, а не внѣ его. Другой оправдывался тѣмъ, что онъ женатъ и у него двое малютокъ; и есть основаніе думать, что за нимъ слѣдятъ. Третій ничего не дѣлаетъ, потому что все теперь въ Россіи разрознено; нѣтъ силы, которая приняла бы и его въ свои ряды. Тогда я постаралась изложить имъ свои взгляды на всѣ ихъ отговорки и на то, что должны теперь дѣлать честные люди. Говорила я безъ всякихъ обиняковъ; искренно высказала все, что думаю. Что же услышала въ отвѣтъ? «Вы, С. М. ужасно жестокій, черствый человѣкъ. Вы рѣшительно не принимаете въ расчетъ все то, что окружаетъ человѣка, нужнаго Вамъ для *Вашего* дѣла. Вы вовсе не видите въ мірѣ ничего, кромѣ нужныхъ Вамъ человѣчковъ. Какъ будто сразу бросить городъ N и переѣхать въ Питеръ, положимъ, это—такая простая штука, какъ перейти изъ одной комнаты въ другую; точно все то, что не революціонно, не имѣетъ права на существованіе. Вы ничуть не уважаете привязанностей родственныхъ. Для Васъ не важно, что съ переѣздомъ лица туда, куда призываетъ его дѣло, разбивается жизнь любящей (хотя бы «любимой»—это бы еще допустимо было) жены, любящей матери или отца или дѣда; всѣхъ ихъ Вы въ расчетъ не принимаете. Наконецъ сразу и привычки свои ломать не легко: вонъ я, молъ, 3 года живу въ N. (онъ не женатъ и безъ всякой семьи—одинокій); я успѣлъ привязаться и къ городу (жалуется всегда на ужасную скуку), и къ людямъ, и къ квартирѣ, да и мало ли къ чему, и проч., и проч. Вы смотрите на всѣхъ людей, съ которыми имѣете дѣло, какъ будто всѣ могутъ быть... Лассалями (т.-е. людьми, готовыми на всякое самопожертвованіе для осуществленія идеи). Да—заклучилъ онъ—вы слишкомъ легко относитесь къ жизни». Я передала

¹⁾ Это—начальная буква не настоящей фамиліи, которая впрочемъ, мнѣ неизвѣстна, а клички этого господина.

Вамъ его рѣчь почти дословно. Каково?! Ко всему изложенному прибавьте еще его укоры, сдѣланные мнѣ за слишкомъ беспощадное отношеніе къ Тихомирову за его ренегатство, и его стараніе доказать, что къ Тихомирову должно относиться снисходительно, такъ какъ, быть можетъ и даже вѣроятно, имѣются смягчающія вину обстоятельства. Много говорила я послѣ этого въ теченіе трехъ дней, и въ концѣ-концовъ Е. заявилъ полную готовность явиться по первому моему зову. Но на утро въ вокзалѣ я получила отъ него наскоро написанную записку: «Изъявленное мною согласіе на участіе во всѣхъ дѣлахъ, которые считаются въ настоящее время важными, не можетъ быть принято за что-нибудь положительное, такъ какъ...» (не помню что такое указано было.—Далѣе фактъ, на прим., такого рода. Привезла я туда многое изъ нелегальной литературы послѣднихъ лѣтъ. Они всѣ набросились на нее и цѣлую ночь просидѣли надъ книжками, не успѣвъ, разумѣется, прочесть всего; а оставить имъ я не хотѣла, такъ какъ находила ихъ того не заслуживающими, ибо въ другихъ мѣстахъ я имѣла въ виду людей, такъ или иначе работающихъ по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ. Они очень просили все-таки оставить имъ нѣкоторыя вещи. Я предложила Е. или кому-либо другому съѣздить въ одинъ городъ (проездъ въ конецъ стоитъ 5 руб.), гдѣ имѣется нѣсколько пудовъ книжекъ и, между прочимъ, и Вашъ трудъ философскій (вѣроятно, «Оп. Ист. Мысли») и Ваша брошюра (вѣроятно, о Тихомировѣ). Въ первую минуту они согласились, но, нѣсколько погодя, спрашиваютъ меня: не могу ли я это поручить штатскимъ людямъ того же города, съ которыми они видѣли меня?.. Словомъ, пришлось убѣдиться окончательно, что люди—*трусы*. Я высказала имъ это, и одинъ изъ нихъ согласился со мною и даже указывалъ тѣ условія военной жизни, которые развиваютъ эту трусость. Кромѣ того я положительно думаю, что и вообще они мыслятъ какъ то особенно, по военному: солдаты они и только, въ худшемъ смыслѣ этого слова. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ они таковы. Знаю, что есть отдѣльныя лица очень высокой нравственности. Но они рѣдки, а стало-быть мечтаніе о захватѣ власти по моему прямо-таки абсурдъ. Это—мое убѣжденіе, сложившееся, конечно, не на основаніи знакомства съ этими нѣсколькими людьми, а на основаніи знакомства съ очень многими и многими военными въ теченіе многихъ лѣтъ.

«Далѣе пріѣхала я въ другой большой городъ... Тутъ я и вовсе была поражена тѣмъ, что нашла. Существуетъ довольно организованная группа интеллигентовъ, ведущихъ пропаганду среди

рабочихъ. Программу этой группы я при семъ прилагаю ¹⁾. Основной принципъ ихъ устава: *не имѣть ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что не легально*, будутъ ли это люди или книги, все равно. Если кому изъ членовъ захочется прочесть какую-нибудь книжку

¹⁾ Вотъ эта программа, писанная въ оригиналѣ, у меня находящемся, рукою С. М. Гинсбургъ.

1) Соціалистическій строй можетъ быть осуществленъ только при существованіи политической свободы. 2) Политическая свобода можетъ быть достигнута насильственнымъ путемъ, но 3) она не можетъ быть добыта усилиями одной какой-нибудь партіи, если партія не въ состояніи поддерживать своихъ борцовъ протестами сформированныхъ рабочихъ группъ, усвоившихъ принципы соціалистическаго строя. 4) Отсюда политическая свобода должна быть достигнута путемъ революціонной борьбы при наличности рабочихъ группъ. 5) Группы подобнаго рода должны состоять изъ рабочихъ фабричныхъ и заводскихъ, какъ людей, стоящихъ по своему умственному развитію выше рабочихъ земледѣльческихъ, понявшихъ и усвоившихъ принципы соціалистическаго строя. 6) Соціалисты - рабочіе должны представлять собой, во-первыхъ, ту физическую силу, которую можно будетъ противопоставить силѣ правительства въ моментъ достиженія политической свободы; во-вторыхъ, по достиженіи политической свободы, являются посредниками между социально-революціонной интеллигенціей и массой земледѣльческаго крестьянства. 7) Количество группъ, нужныхъ для революціоннаго момента, считается достаточнымъ въ томъ случаѣ, если такія группы будутъ образованы во всѣхъ русскихъ промышленныхъ центрахъ или центрахъ умственной жизни какъ то—въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ и т. п. Точно число такихъ центровъ (даже приблизительно) не установлено. 8) До того момента, пока не сформированы группы въ достаточномъ количествѣ, ни одна изъ нихъ не имѣетъ права выступать въ качествѣ борца противъ какихъ бы то ни было насилій какъ со стороны правительства, такъ и со стороны мѣстной фабричной администраціи. 9) Обязанность каждаго приверженца нашего направленія заключается даже въ томъ, чтобы всякую силу, готовую проявить себя преждевременно и въ одиночку, сдерживать отъ такого проявленія. 10) Пропаганда соціально-революціонныхъ идей какъ среди рабочихъ, такъ и среди интеллигенціи должна вестись или устно, или путемъ чтеній, но только книгъ легальныхъ. Исключенію подлежатъ только книги и брошюры научнаго характера уже давно пріобрѣтшія себѣ извѣстность и популярность, въ родѣ «Капитала» Маркса, «Манифеста коммунистической партіи» его же, «Сущность соціализма» Шефле и немногихъ другихъ. 11) Никакіе подпольные журналы, никакія подпольныя газеты, никакія воззванія, никакія новыя подпольныя книги, вновь появившіяся, не должны быть въ обращеніи. (Пункты о литературѣ всѣ приняты на томъ основаніи, что пользованіе подпольной литературой влечетъ за собою массу проваловъ и, слѣдовательно, массу жертвъ, которые не окупаются пользой, приносимой литературой). 12) Достигнувъ политической свободы и имѣя въ наличности рабочія группы, усвоившія принципы соціалистическаго строя, мы должны будемъ приступить къ осуществленію соціалистическаго строя путемъ реформъ, съ одной стороны, съ другой путемъ пропаганды соціалистическихъ идей въ массѣ крестьянства. Пропагандистами въ этомъ случаѣ должны быть исключительно соціалисты рабочіе фабричные и заводскіе. 13) Отношеніе нашей группы къ группамъ стараго направленія: а) съ группами террористическаго направленія не завязывать никакихъ сношеній, хотя бы только для того, чтобы вести переговоры. О какомъ-либо содѣйствіи не можетъ быть и рѣчи: оно не должно быть оказываемо ни въ какой формѣ (изъ-за конспиративныхъ цѣлей). б) Съ группами другихъ не террористическихъ направленій входить въ сношенія съ цѣлью лишь переговоровъ. в) Что касается помощи людямъ съ шаткимъ положеніемъ, какъ напр., людямъ нелегальнымъ, бѣгущимъ изъ ссылки и т. п. безусловно никакой помощи не оказывать—ни деньгами, ни квартирой, ни паспортомъ.

нелегальную, онъ обязанъ спросить разрѣшенія всей группы. Это—фактъ. Когда одинъ изъ членовъ по постороннему совершенно дѣлу поѣхалъ въ Москву на нѣсколько дней и товарищи объ этомъ узнали, явилось подозрѣніе, что онъ ѣздилъ по какимъ-либо нелегальнымъ дѣламъ въ родѣ того, что заводить связи съ революціоннымъ міромъ Москвы, или за литературой, или за чѣмъ-либо въ этомъ родѣ. Устроили общее собраніе и потребовали отъ него объясненія дѣли, съ которой онъ ѣздилъ. Преступникъ отказался давать какія бы то ни было объясненія, доказывая, что группѣ нѣтъ дѣла до частной жизни ея членовъ. Его исключили изъ списка членовъ группы, тѣмъ болѣе, что раньше замѣчали за нимъ грѣхъ, именно сочувственное отношеніе къ нелегальной дѣятельности, и въ частности, къ терроризму. Мало того: всѣмъ членамъ самообразовательныхъ кружковъ (не революціонныхъ, замѣтите, а самообразовательныхъ, читающихъ лекціи Ч...), въ которыхъ онъ участвовалъ, было сказано, что-де съ такимъ-то не совѣтуемъ вамъ встрѣчаться, ибо онъ человѣкъ опасный: у него есть нелегальныя книжки, и, какъ почти достаточно извѣстно, къ нему пріѣзжалъ нелегальный человѣкъ, и, о ужасъ!—террористъ».

Въ позднѣйшемъ письмѣ, по поводу недостатка распространенія революціонной литературы въ Россіи, С. М. сообщала слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія объ этой любопытной группѣ «революціонеровъ».

«Благодаря существованію описанныхъ ранѣе (еще въ ноябрѣ) направленій да большой трусости неприкрытой и направленіемъ, книги немилосердно сжигаются; сжигаются даже «Историческія письма». Группа, программу которой я прислала Вамъ, даже хитростью выманила сохранившуюся литературу и предала ее уничтоженію, находя ее вредною; а узнавъ, что въ одномъ мѣстѣ сохранилось нѣсколько пудовъ шрифта, подѣхали къ людямъ, хранившимъ эти драгоцѣнныя остатки своихъ великихъ предковъ, какъ зѣницу ока, подъ предлогомъ желанія помѣстить шрифтъ въ болѣе сохранное мѣсто; заполучили его и *потопили въ мѣстной рѣкѣ!!*».

«Вотъ какія дѣла дѣлаются теперь въ Россіи!—продолжала С. М. въ письмѣ отъ 17 ноября,—притомъ обратите вниманіе на самую дѣятельность среди рабочихъ. Выбатываютъ въ средѣ рабочихъ сознательныхъ социалистовъ, начиная съ обученія грамотѣ и кончая «Капиталомъ» Маркса, такъ что есть кружки, въ которыхъ обучаютъ только грамотѣ; въ другихъ преподаютъ географію, исторію; затѣмъ кружки, гдѣ читаются журнальныя статьи, и наконецъ такіе, гдѣ читаютъ уже Маркса. Когда я замѣ-

тила одному изъ членовъ, что вѣдь это вовсе не значитъ вырабатывать сознательныхъ социалистовъ; что это значитъ вообще выискивать въ средѣ рабочихъ людей идейныхъ только, и что борьба на экономической почвѣ въ видѣ того, чтобы добиваться улучшенія положенія рабочихъ массъ, какъ, на примѣръ, повышеніе заработной платы, уменьшеніе рабочаго дня и пр., и пр. даетъ возможность дѣйствительно организовать рабочія массы и добиться улучшенія обстановки, которая прямо таки необходима для развитія человѣка вообще и социалиста въ частности. Отъ моихъ словъ слушатель мой пришелъ въ ужасъ. Во-первыхъ, по мнѣнію этихъ революціонеровъ, это слишкомъ не поэтично, а, во-вторыхъ, опасно. И не думайте, что эта группа—сборище лжецовъ, прикрывающихся высокими идеями. Нѣтъ, это—лучшіе... По этому поводу я совѣтую Вамъ, дорогой П. Л., сдѣлать прибавленіе къ составленной Вами программѣ: должно разъяснить по возможности, что такое социалистическая пропаганда въ средѣ рабочихъ, ибо даже этого у насъ не понимаютъ».

Но и при этихъ тяжелыхъ опытахъ энергическая натура С. М. не позволяла ей опускать руки въ отчаяніи, и вслѣдъ за предыдущимъ она прибавляла.

«Но кромѣ всѣхъ этихъ печальныхъ явленій, встрѣченныхъ мною, конечно, я знаю людей прекрасныхъ (съ моей точки зрѣнія, т.-е. людей вырабатывающихъ для себя правила дѣйствія не на основаніи степени опасности дѣла, а на основаніи полезности дѣла, будь они террористы, пропагандисты или просто примѣромъ дѣйствующие люди). Всюду все-таки я нахожу людей, отнесшихся въ высшей степени сочувственно и горячо къ моимъ взглядамъ, и вездѣ, гдѣ я была, я находила людей, не пугающихся меня, нелегальной osoby, и готовыхъ на все, что угодно. Но эти люди вездѣ—единицы; вообще же публика просто-таки ужасна. Масса студентовъ—хлыщи».

Сообщая нѣсколько очень некрасивыхъ рассказовъ изъ жизни университета, о которомъ она могла собрать свѣдѣнія, она продолжаетъ:

«Словомъ, все это—картинки, говорящія очень и очень многое. То состояніе Россіи, какое рисую я Вамъ, окончательно убѣдило меня въ совершенной цѣлесообразности моихъ замысловъ...»

18 октября С. М., пріѣхавъ въ Харьковъ, нашла городъ разукрашеннымъ цвѣтами и флагами, по поводу спасенія императорской семьи въ Боркахъ и спѣшила сообщить мнѣ какъ факты, такъ и слухи, которыми былъ полонъ городъ. Анекдотическія частности едва ли имѣютъ теперь интересъ, но я остановлюсь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ ея письма, которыя можно объяснить

различно, и на которыя я не имѣлъ послѣ того разъясненія, такъ какъ я С. М. уже не видалъ. Въ связи съ нѣкоторыми отрывками ея разговоровъ съ тѣми, кого она видѣла въ Петербургѣ между ноябремъ 1888 и февралемъ 1889 г., и которые мнѣ передавали потомъ эти разговоры,—и этимъ отрывкомъ изъ письма изъ Харькова вслѣдъ за событіемъ въ Боркахъ можно приписать кое-какое значеніе. Переписываю ихъ такъ, какъ нахожу въ оригиналѣ:

«Всюду стараются распространять мнѣніе, что это не было покушеніе, а лишь желѣзно-дорожная катастрофа, но всѣ все-таки знаютъ, что рельсъ былъ отвинченъ, и что шпалы не могли быть гнилыми, такъ какъ именно по этой вѣтви всѣ шпалы перемѣнены недавно, нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью. Замѣтите, что все это я пишу Вамъ со словъ лица, говорившаго съ ранеными, и лица, которое мнѣ совершенно извѣстно, какъ лицо серьезное, честное, безъ всякихъ замашекъ дѣятелей—вралей и лицо, которое со мною совершенно искренне...

«Будетъ ли продолженіе этой исторіи, не знаю. Хотя всюду стараются убѣждать публику въ томъ, что это именно случайная катастрофа, но не покушеніе, тѣмъ не менѣе однако къ хозяйкамъ квартиръ приходила полиція собирать самыя точныя свѣдѣнія о жильцахъ и особенно студентахъ и пріѣзжихъ. Призывалась вся прислуга къ жандармскому полковнику за разспросами, а также для полученія нужныхъ инструкцій. Объ арестахъ я покуда ничего не слыхала.—Всѣ говорятъ—и я этому вѣрю,—что вызвана была изъ Петербурга особая охрана. Есть основаніе вѣрить этимъ разговорамъ. Но какова то охрана прикащикья! Вотъ оно—проявленіе нашей буржуазіи! Да, да возрадуется сердце П. по этому поводу!».

28 ноября была прописана въ Петербургѣ въ № 1 по Пушкинской улицѣ уроженка кантона Базеля Вильгельмина Броунъ. По нѣкоторымъ условнымъ выраженіямъ въ письмахъ С. М. этого времени я имѣлъ основаніе заключить, что ея предпріятія идутъ успѣшно, и что она считаетъ уже почти готовою къ дѣйствию ту «силу», безъ существованія которой она, по приведеннымъ выше ея словамъ, считала невозможнымъ дѣйствовать. Ошибалась ли она? Полное отсутствіе попытокъ организациі, къ которой она принадлежала, дѣйствовать послѣ ея бѣгства изъ Петербурга въ прежнемъ направленіи, хотя сравнительно было довольно мало арестовано изъ лицъ этой организациі, можно бы объяснить именно подобною ошибкою. Но зная какъ С. М., такъ и настроеніе общества въ эти годы, я склоненъ считать возможнымъ и другое объясненіе. Пока С. М. могла дѣйствовать лично на персо-

налъ организаціи, то, подѣ вліяніемъ ея личной энергіи, все держалось вмѣстѣ и могло дѣйствовать сообща рѣшительно и самоотверженно. Но едва ли не она одна въ этой организаціи обладала духомъ инициативы и способностью сплотить разрозненныя силы. Какъ только случайный провалъ выбросилъ ее изъ рядовъ дѣйствующихъ наканунѣ дѣла, отсутствіе личной инициативы среди людей, преданныхъ дѣлу и самоотверженныхъ, но лишенныхъ *этой* способности, сказался упадкомъ духа, распаденіемъ связи и слѣдовательно, невозможностью общаго энергическаго дѣйствія для самыхъ прочныхъ и преданныхъ людей. Людей инициативы всегда было мало въ рядахъ русскихъ революціонеровъ. Въ этомъ личномъ своемъ недостаткѣ мнѣ сознавались иныя самыя умныя и энергическіе люди, о которыхъ со стороны никакъ подумывать этого нельзя было бы. И именно потому многія дѣла на нашей родинѣ, въ силѣ и прочности которыхъ можно сомнѣваться гораздо менѣе, чѣмъ въ силѣ и прочности той организаціи, къ которой принадлежала С. М., рухнули повидимому безъ достаточной причины, какъ только доносъ, улачный полицейскій пріемъ или несчастная случайность унесли очень небольшое число лицъ, не бывшихъ ни особенно умнѣе, ни особенно самоотверженнѣе другихъ, но одаренныхъ способностью къ инициативѣ, къ созданію плановъ дѣйствія и къ группировкѣ около себя другихъ личностей для общаго дѣла. Изъ всѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя я имѣю отъ разныхъ лицъ и разными путями о дѣятельности С. М. въ Петербургѣ въ этотъ промежутокъ времени (ноябрь 1888—февраль 1889) я имѣю основаніе заключить, что прямыхъ надежныхъ помощниковъ она имѣла очень мало; что на ея долю приходилась громадная и разнообразная дѣятельность, и что этимъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ мысли на сотню нитей, связывающихъ всѣ элементы заговора, всего вѣроятно объяснить ту несчастную случайность, которая собственно повела къ провалу всего дѣла. Эта случайность покажется, съ перваго взгляда, совершенно невѣроятною для человѣка, подобнаго С. М., обдумывавшей всегда самымъ тщательнымъ образомъ всѣ частности дѣйствія, всѣ поступки и чуть ли не каждое слово въ разговорѣ. Но лишь тотъ, кто не имѣлъ случая участвовать, какъ нравственно-отвѣтственное лицо въ сложномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ судьба многихъ, и которое требуетъ постояннаго и чрезмѣрнаго напряженія мысли на множество частныхъ, лишь тотъ можетъ не знать, какъ легко именно въ подобномъ состояніи духа, требующаго крайняго вниманія къ очень серьезнымъ дѣламъ, упустить изъ виду мелкую частности, а, вслѣдствіе этой ничтожной частности, въ связи съ несчастными случайностями, вызвать болѣе или менѣе крупную катастрофу.

А тутъ оказался цѣлый рядъ совпадающихъ по времени несчастныхъ случайностей.

14 февраля 1889 г. забытъ былъ въ лавкѣ письменныхъ принадлежностей кошелекъ, заключавшій въ себѣ проектъ прокламаціи, который слишкомъ ясно указывалъ на планъ покушенія противъ имп. Александра III.

22 февраля случайный взрывъ бомбы при опытахъ въ окрестностяхъ Цюриха вызвалъ предположеніе о связи этихъ опытовъ съ заговоромъ въ Петербургѣ и повелѣ къ аресту многихъ лицъ, въ сущности не связанныхъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ дѣломъ, но разорвалъ связи нѣсколькихъ готовившихся организацій.

Въ эти же мѣсяцы случайно была взята на почтѣ переписка, компрометировавшая нѣсколькихъ лицъ уже прежде арестованныхъ по дѣлу С. М.; и позже представлена была полиціи другая переписка съ С. М. ея заграничныхъ друзей, найденная въ переплетѣ книги, не довольно заклеенномъ.

При расширенности розысковъ полиціи по поводу дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ заговоровъ, Вильгельминѣ Броунъ невозможно было оставаться въ Петербургѣ. Тождества ея съ С. Гинсбургъ еще не знали, и потому ей удалось скрыться при чрезвычайно опасныхъ обстоятельствахъ.

«Я сдѣлала непростительную оплошность,—писала она мнѣ 29 апрѣля о событіи 14 февраля,—и вслѣдъ за нею отчаянно-смѣлую попытку. Меня словили было, но, представьте, я прямо-таки вырвалась изъ рукъ и, какъ видите, совершенно удачно скрыла слѣды, предварительно предупредивъ всѣхъ знакомыхъ о своемъ отъѣздѣ... Весьма вѣроятно, что Васъ извѣстили о моей «смерти», ибо какъ разъ тотъ, кому я поручила извѣстить Васъ въ случаѣ моего провала, былъ свидѣтелемъ (случайно) поимки и не имѣлъ возможности узнать о моей судьбѣ, а послѣ арестовъ онъ уже прямо долженъ былъ убѣдиться въ моемъ провалѣ».

Она полагала, что многія связи были открыты вслѣдствіе бумагъ, найденныхъ въ Цюрихѣ при слѣдствіи по поводу взрыва бомбы ¹⁾. Ее особенно мучило то обстоятельство, что ея «непростительная оплошность» повлекла за собой многочисленные аресты. Она предполагала ихъ даже обширнѣе, чѣмъ они были. «Арестованы,—писала она мнѣ,—почти всѣ связанные со мною не только дѣломъ, но даже родствомъ» ²⁾. Перечисляя аресты, она прибавляетъ.

¹⁾ Хотя мнѣ сообщили люди, бывшіе на мѣстѣ, что всѣ бумаги на квартирѣ смертельно-раненаго Дембо-Бринштейна, были заранѣе выбраны до обысковъ полиціи.

²⁾ Впослѣдствіи оказалось, что именно очень серьезныя связи остались неизвѣстными.

«Само собою разумѣется, что чувствуешь невольную досаду на свою свободу. Я было хотѣла даже заявить о себѣ, когда узнала сколько народу взято изъ-за меня. Тѣмъ болѣе, что многихъ выпускать немедленно, разъ я буду найдена. Но теперь я отказалась на время отъ этой мысли, получивъ возможность, или лучше сказать, увѣренность въ возможности продолжать дѣло... Странно, что меня до сихъ поръ не отыщутъ. Я вѣдь не хоронюсь; живу въ городѣ въ центрѣ родныхъ мнѣ мѣстъ, работаю въ мастерской и не только хожу на работу и обратно, но совсѣмъ себя не стѣсняю въ движеніяхъ».

Съ отъѣздомъ С. М. изъ Петербурга, какъ бы распадается организація, группировавшаяся тамъ около нея; въ особенности же прекращается связь, установившаяся при посредствѣ ея личныхъ сношеній, между социалистами, составлявшими главную силу организаціи, и отдѣльными либералами, въ сущности побуждаемыми лишь личною ненавистью къ реакціонному режиму. Послѣ этого, сношенія мои съ С. М. стали рѣдки и отрывочны, и я знаю лишь отчасти перипетіи, чрезъ которыя переходила система группъ, разсѣянныхъ по Россіи, на которыхъ она рассчитывала. Знаю изъ двухъ ея писемъ, писанныхъ въ апрѣлѣ и маѣ, что она была въ этотъ промежутокъ больна «легкимъ тифомъ и экземой на правой рукѣ», такъ что ей трудно было писать еще 29 апрѣля, тогда какъ среди ея либеральныхъ пріятелей, легко-вѣрно принимавшихъ за дѣйствительность нѣкоторыя сказочныя обстоятельства («годныя только для сказокъ Шехеразеды», какъ она писала мнѣ), переданныя ею квартирной хозяйкѣ, распространяли о ней миѳическіе рассказы. Она одно время прожила совершенно спокойно въ Харьковѣ, гдѣ, какъ она писала о пріятелѣ «расхаживала совершенно свободно съ нимъ; приходили ко мнѣ люди». Относительно своей дальнѣйшей судьбы она спокойно смотрѣла на опасность, отъ которой трудно было спастись, и писала: «моя будущность достаточно опредѣлена». Отъ 29 апрѣля она сообщила въ дружественную группу. «Многое измѣнилось въ нашихъ дѣлахъ, и потому ни о чемъ писать Вамъ не стану, пока выяснится дѣло» и дѣлала распоряженія относительно сношеній на случай ея окончательнаго провала.

«Тяжелую годину переживаемъ мы теперь,—продолжала она,—авось все-таки одолѣемъ трудности».

Мнѣ она писала, предвидя, что сношенія очень не надежны:

«Помните, что я не только не измѣнила взгляда на то, что должно теперь дѣлать въ Россіи, но, напротивъ, мои взгляды получили тысячи фактическихъ подтвержденій въ своей правильности... На слѣдующій разъ я напишу Вамъ еще кое-что, о чемъ

хотѣла бы сказать Вамъ раньше, чѣмъ погибну (теперь-то мое будущее мнѣ совершенно ясно, и передайте N, что никакихъ хлопотъ объ улучшеніи моего положенія не должно быть, разъ я буду взята).

Послѣднее письмо отъ нея, писанное очевидно въ чрезвычайномъ волненіи, было отъ 27 мая. Оно очень коротко и кончается словами:

«Ну, пожелаю вамъ всѣмъ работать съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ пришлось мнѣ. Интересно, во сколько оцѣнена моя голова. А вѣдь дураки ужасные!».

Полагаю, что это было писано въ самый день бѣгства С. М. изъ Севастополя. 31 мая она была арестована.

На слѣдствіи и на судѣ С. М. держалась такъ, какъ я всегда ожидалъ отъ нея: стараясь выгородить всѣхъ, кромѣ себя, и нисколько не скрывая своихъ убѣжденій и практическихъ плановъ. 1 ноября судъ вынесъ ей смертный приговоръ. Въ концѣ того же мѣсяца Александръ III замѣнилъ этотъ приговоръ вѣчной каторгой съ заключеніемъ С. М. въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ сообщили пріятель изъ источниковъ, которые они считали вѣрными, что она раздобыла себѣ тупыя ножницы, которыми перерѣзала себѣ горло, изранивъ себя самымъ ужаснымъ образомъ. Извѣстіе о ея самоубійствѣ при помощи тупыхъ ножницъ было сообщено мнѣ и другимъ путемъ, который тоже я имѣю основаніе считать довольно вѣрнымъ; но тутъ передавали, что она перерѣзала себѣ вены на ногахъ. Какъ бы то ни было, она довольно хорошо знала анатомію, чтобы не ошибиться въ томъ, какъ убить себя, а рѣшимости для этого въ ней всегда было достаточно.

Предоставляю читателю возстановить духовный образъ моей дорогой молодой пріятельницы по тѣмъ отрывкамъ ея переписки и по тѣмъ немногимъ біографическимъ даннымъ, которыя я сообщая. Для меня неудача ея и весьма малое вліяніе, которое она оказала на русское движеніе, зависѣли отчасти, если не главнымъ образомъ, отъ того, что она, при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ способностяхъ инициатора и организатора, съ трудомъ могла допускать въ людяхъ, возбуждаемыхъ ея энергіею, что они не въ состояніи, внѣ ея вліянія, остаться столь прочными и энергическими дѣятелями, какими были подъ этимъ вліяніемъ. Конечно, съ моей точки зрѣнія, я склоненъ допускать, что мало было шансовъ на благопріятное рѣшеніе самой задачи ею себѣ поставленной—соединить въ одномъ планѣ дѣйствія противъ абсолютизма и социалистовъ, проникнутыхъ убѣжденіемъ, теперь составляю-

щимъ міровое историческое теченіе, и либераловъ, которые уже издавна страдаютъ болѣзнью нерѣшительности, отсутствія энергіи, отсутствія способности организовать и отстаивать сообщество, что они называютъ своимъ убѣжденіемъ. Я былъ и остаюсь при убѣжденіи, что абсолютизмъ можетъ быть низвергнутъ лишь социалистами, въ рядахъ которыхъ и подъ руководствомъ которыхъ будутъ дѣйствовать наиболѣе понимающіе и энергическіе либералы, сознавшіе, что они теперь могутъ свалить абсолютизмъ лишь подъ этимъ знаменемъ. Но объ этомъ можно спорить, а здѣсь не мѣсто для этихъ споровъ. С. М. была глубоко убѣждена и осталась до конца убѣжденною, что въ Россіи возможенъ и цѣлесообразенъ иной путь. Если это была ошибка,—а я это думаю—то С. М. заплатила настолько дорого за эту ошибку, что я не рѣшаюсь осудить ее. Не рѣшаюсь тѣмъ болѣе, что ея дѣятельность относится къ печальному періоду (1885—1889). Тогда неудачи прежней организациі и деморализующіе эпизоды дегаевщины, тихомировщины и т. под., подорвали довѣріе къ прежнему пути и понизили уровень энтузіазма, который одинъ могъ давать силы бороться съ громадными трудностями дѣятельности въ Россіи социалистической партіи, преимущественно идейной и не опиравшейся на существованіе партіи рабочей, какъ въ другихъ странахъ Европы. Все бросалось на отысканіе *новыхъ* путей, которые немедленно оказывались заключающими въ себѣ элементы или вредные, или прямо деморализующіе. Нѣсколько примѣровъ этому въ Россіи приведены выше изъ писемъ С. М., а за границею были, какъ всѣмъ извѣстно, и другія, столь же неловкія, а иногда и прямо вредныя попытки. И чуть ли не каждая изъ нихъ отзывалась большей деморализаціей и меньшей способностью организоваться для дальнѣйшаго дѣла. Лишь въ самое послѣднее время эти «поиски новаго» начали ослабѣвать и начинается, повидимому, болѣе раціональная попытка организовать на почвѣ *старыхъ* программъ съ тѣми ихъ видоизмѣненіями, по возможности незначительными, которыхъ неизбѣжно требуетъ протекшій съ Липецкаго съѣзда промежутокъ въ 13 лѣтъ, полный горькихъ потерь, но и поучительныхъ опытовъ. Чѣмъ могла бы быть дѣятельность С. М., если бы она дѣйствовала рядомъ съ Перовскими, Желябовыми и Михайловыми, или даже, въ гораздо болѣе трудную уже эпоху, рядомъ съ Лопатинымъ и Саловой? Чѣмъ бы она могла быть въ настоящую минуту, которая обѣщаетъ какъ будто болѣе общаго оживленія социалистическаго міра и менѣе разногласій? Это все вопросы совершенно праздные, а между тѣмъ они невольно навязываются тому, кто ближе зналъ эту умную, энергичную и глубоко преданную дѣлу личность

Оставляя ихъ въ сторонѣ, кончу словами, что русскимъ революціонерамъ слѣдуетъ сохранить теплую память о дѣятельности погибшей дѣвушки, которой пришлось работать въ самую трудную эпоху, среди деморализованнаго общества, среди товарищей, изъ которыхъ немногіе ея стоили; которой удалось сдѣлать очень немного, несмотря на всѣ свои усилія, но которая завѣщала своему и будущему поколѣнію русскихъ революціонныхъ борцовъ примѣръ инициативы, энергіи и преданности дѣлу, примѣръ, которому далеко не легко слѣдовать; завѣщала и послѣднія горькія слова, написанныя ею на свободѣ:

«Ну, пожелаю вамъ всѣмъ работать съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ пришлось мнѣ!»

26 ноября 1892 г.

П. Лавровъ.

Мечты о свободѣ.

(Изъ шлиссельбургскихъ воспоминаній).

I.

*Смерть Александра III.—Ожиданія освобожденія.—Льготы.—
Появленіе въ тюрьмѣ Карпозича.—Рядовой Рыбачинъ.*

При всякой встрѣчѣ съ новымъ человѣкомъ, мнѣ чаще всего приходится отвѣчать на вопросы: предвидѣли ли мы наше скорое освобожденіе, доходили ли до насъ свѣдѣнія о зарождавшемся вновь освободительномъ движеніи въ Россіи и пр., и пр.

Очевидно человѣку свободному трудно представить реально нашу жизнь или, вѣрнѣе, прозябаніе въ шлиссельбургскихъ казематахъ. Человѣку свободному, посвященному поэтому во все то, что происходило на родинѣ за все то время, когда мы отрѣзаны были отъ жизни крѣпостными стѣнами Шлиссельбургской крѣпости, трудно понять, что могли существовать на Руси люди, которые совершенно не имѣли ни свѣдѣній ни даже приблизительно представленія о томъ, что происходитъ вокругъ Шлиссельбургской крѣпости, внѣ которой жизнь была ключомъ и занималась заря новаго освободительнаго движенія, движенія, превратившагося въ широкій потокъ, прокатившійся по необозримой Руси, вынесшій на вершинѣ своихъ волнъ и обитателей Шлиссельбурга, гдѣ они должны были, по плану представителей стараго режима, закончить дни своей жизни за то, что они были тоже за обновленіе Россіи.

Въ виду того, что, какъ я уже сказалъ выше, многихъ интересуетъ, какъ мы переживали чаянія свободы внутри глухихъ стѣнъ крѣпости, я начинаю свои воспоминанія съ переживаній, связанныхъ съ вопросомъ нашего освобожденія.

Такъ какъ чаянія эти начались уже съ начала царствованія императора Николая II, то я и беру этотъ періодъ изъ моей жизни въ Шлиссельбургѣ.

Смерть Александра III въ октябрѣ 94-го года всполошила

обитателей Шлиссельбурга и, притомъ, не только находившихся подъ стражей, но и ихъ сторожей. Младшій изъ помощниковъ коменданта крѣпости, поручикъ, завѣдывавшій въ это время нашими мастерскими въ Шлиссельбургѣ, первый сообщилъ намъ эту новость. Утромъ, 20-го октября, онъ явился къ намъ въ траурѣ и, на нашъ вопросъ, — что значить его трауръ, онъ сказалъ совершенно откровенно, каковой откровенности въ обычаѣ въ Шлиссельбургѣ не было ранѣе, что умеръ государь.

Уже эта откровенность и тотъ тонъ, которымъ онъ сообщилъ намъ эту новость, говорили за то, что и они, наши сторожа, думали, что это событіе не пройдетъ безъ послѣдствій для Шлиссельбургской тюрьмы. Вскорѣ комендантъ самъ, а за нимъ смотритель и другіе офицеры болѣе прямо высказывали намъ свои предположенія насчетъ перемѣны въ нашей судьбѣ. Смотритель прямо-таки утверждалъ и увѣрялъ насъ въ томъ, что наша судьба измѣнится. Нужно сказать, что нашъ смотритель былъ-таки довольно глупъ — «Өекла», какъ его мы называли, — но все же одной глупостью нельзя объяснить его разговоръ съ нами о необходимости позаботиться о сапогахъ и костюмѣ намъ на дорогу. Очевидно, среди мѣстнаго нашего начальства поднимался вопросъ объ обмундированіи насъ для дороги.

Чрезвычайно странное настроеніе тогда царствовало на нашемъ островѣ. Что у насъ смерть Александра III зародила надежды на свободу, это — само собой понятно. Безъ надеждъ люди не могли бы жить, и этимъ только и можно себѣ объяснить постоянные толки о большихъ и малыхъ манифестахъ въ нашихъ уголовныхъ тюрьмахъ, о которыхъ за мое короткое пребываніе на Карѣ мнѣ безпрестанно приходилось слышать среди каторжанъ. И мы, какъ и всѣ люди, потерявшіе свободу, всѣми фибрами нашей души рвались на свободу, — всякое выходящее изъ ряда обыкновенныхъ событіе давало намъ поводъ надѣяться, что насъ возвратятъ вновь къ свободной жизни.

Но почему наши стражи такъ всполошились за нашу судьбу, — это довольно нелегко понять человѣку внѣ крѣпостныхъ стѣнъ Шлиссельбурга. Какъ-то одинъ изъ офицеровъ въ разговорѣ съ нами о томъ, какія деньги стоитъ правительству эта крѣпостная тюрьма, и есть ли надежда на то, что такая бессмысленная трата народныхъ денегъ скоро прекратится, сказалъ намъ:

— Шлиссельбургская тюрьма гораздо болѣе нужна не для васъ, господа, а для тѣхъ, чрезъ руки которыхъ проходятъ средства на содержаніе этой тюрьмы. Подумайте только, что на содержаніе тюрьмы отпускается въ годъ 180,000 руб., и тогда вы поймете, что можно вполне надѣяться на то, что еще долго эта тюрьма

простоить на этомъ мѣстѣ, ибо кто же себѣ врагъ и захочетъ добровольно отказаться отъ такого доходнаго мѣста.

Въ этомъ, несомнѣнно, кроется объясненіе тому, почему вмѣстѣ съ нашими надеждами возникло опасеніе у нашихъ сторожей за свою судьбу. Унтера въ этомъ отношеніи были, по своей простотѣ, болѣе искренни. Они, вслѣдъ за своимъ начальствомъ, тоже думали, что пришелъ конецъ Шлиссельбургу, и нѣкоторые изъ нихъ въ разговорахъ съ нами по этому вопросу довольно откровенно говорили о томъ, что ихъ тревожить. «Оно, конечно»,—говорили они намъ,—«это совершенно правильно: пора вамъ ужъ и на свободу. Нельзя же вѣкъ весь держать людей въ тюрьмѣ. Но все же-таки, должна же быть и намъ какая-нибудь награда. А то какъ же это,—служили мы, служили, вѣрой и правдой—и вдругъ: уходи, куда хочешь, это тоже опять-таки неправильно. Когда мы нужны были начальству, насъ держали, а не стало нужды въ насъ, иди съ Богомъ, куда знаешь. У насъ же семьи есть; куда мы дѣнемся, разъ васъ увезутъ и тюрьма закроется».

Болѣе трезвые философы изъ нашихъ унтеровъ, правда, не падали духомъ. «Это мѣсто свято,—говорили они,—пусто не будетъ. Не они будутъ, другіе на мѣсто ихъ. Мѣсто штатное,—закрой, а понадобится,—опять открывай» и пр. въ этомъ родѣ. Такія противоположныя чувства переживали обитатели Шлиссельбурга.

Насъ волновали надежды, что авось насъ увезутъ, а наши сторожа задумывались надъ тѣмъ, что будетъ съ ними и ихъ семьями, въ случаѣ насъ увезутъ, и тюрьма закроется. Интересно было бы, если бы въ этотъ моментъ попалъ въ шлиссельбургскій тюремный дворъ посторонній наблюдатель. На нашихъ лицахъ, быть можетъ, едва ли онъ прочелъ бы то, что происходило въ тайникахъ нашихъ душъ.

Надежды на свободу, не скрываю, теплились тамъ, но надежды довольно тусклыя. Наши надежды ослаблялись опасеніями, какъ бы начальство не потребовало отъ насъ какихъ-нибудь гарантій, въ видѣ, напр., слова, что мы не возвратимся впредь къ той дѣятельности, которая привела насъ въ застѣнки Шлиссельбургской крѣпости. А разъ дѣло ставилось бы такъ, то надежды наши на свободу разлетѣлись бы въ прахъ, ибо никто изъ насъ такой цѣной не думалъ покупать свободу. Но зато на лицахъ нашихъ сторожей посторонній наблюдатель прочелъ бы ясно отраженную грусть и безпокойство за свою судьбу. Офицеры умѣли до нѣкоторой степени скрыть волнующія ихъ душу мысли, но унтера положительно ходили съ понуренными лицами.

Быль даже случай, за который они схватились, какъ хватается утопающій за соломинку. Мы привыкли за наше долгое пребываніе на глазахъ надзора совершенно не стѣсняться присутствіемъ жандармовъ, смотрѣли на нихъ, приблизительно такъ же, какъ на стѣны нашихъ камеръ, и потому ходили передъ ними, по мѣткому выраженію Г. А. Лопатина, безъ брюкъ, что, вѣроятно, часто служило къ нашему вреду. И въ этотъ разъ мы не особенно стѣснялись ихъ присутствіемъ. Я хочу сказать, какъ въ этотъ разъ готовы были жандармы воспользоваться всякой нашей неосторожностью въ своихъ сужденіяхъ о тѣхъ, по милости которыхъ мы сидѣли въ Шлиссельбургѣ.

Мы собрались у форточки мастерской В. Н.¹⁾ прочесть манифестъ вступившаго на престолъ новаго государя. Манифестъ и въ этотъ разъ, какъ и всегда по отношенію къ политическимъ узникамъ, оставлялъ широкое поле министру внутреннихъ дѣлъ не примѣнить его къ тѣмъ или другимъ заключеннымъ по политическимъ дѣламъ. Сейчасъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой этого манифеста, но, вѣроятно, читатель припомнитъ, что онъ сулилъ и политическимъ свободу, а на дѣлѣ предоставлялъ это усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи. Объ этомъ именно у насъ шли бесѣды у фортки мастерской В. Н. Одинъ изъ насъ позволилъ себѣ непочтительно высказаться на этотъ счетъ. И нужно было видѣть, какъ ухватились за это жандармы. Они увидѣли въ словахъ позволившаго себѣ критику манифеста непочтительное отношеніе къ автору манифеста и довели до свѣдѣнія смотрителя. Смотритель тюрьмы подполковникъ Федоровъ, извѣстный въ нашей тюрьмѣ больше подъ именемъ «Өеклы», поднялъ цѣлую исторію по этому поводу. «Я этого ему не прощу,—говорилъ намъ «Өекла» по адресу виновника,—не быть ему на свободѣ» и пр., и пр. Выходило какъ-то такъ, что хоть бы ужъ одного изъ насъ оставили въ Шлиссельбургѣ для прокормленія жандармовъ.

Но скоро наши сторожа успокоились, вѣроятно, получивъ успокоительныя на этотъ счетъ свѣдѣнія изъ Питера, и, вѣроятно, не понадобилось доводить до свѣдѣнія высшаго начальства объ этомъ инцидентѣ. Такъ можно думать потому, что именно тотъ, кто позволилъ себѣ такое отношеніе къ манифесту, былъ увезенъ изъ тюрьмы, ибо срокъ его каторги кончился въ этомъ же 94 году, кажется, въ ноябрѣ. Жизнь наша вошла въ старую колею, жандармы успокоились за свое благополучіе, мы примирились съ разбитыми нашими надеждами на перемѣну въ нашей судьбѣ и принялись за свои дѣла, которыя можно назвать дѣлами, за неимѣніемъ болѣе благодарнаго дѣла.

¹⁾ В. Н. Фигнеръ.

Такъ прежняя наша монотонная жизнь продолжалась до іюня мѣсяца 95 года, когда насъ посѣтилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ. Посѣщеніе это, по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя мы вынесли изъ разговора съ нимъ, намъ казалось, не обѣщало ничего хорошаго, ибо онъ на всѣ наши заявленія и просьбы долбилъ одно: «Что жъ тюрьма,—чего же вы хотите». Такъ онъ отвѣчалъ всѣмъ, также онъ отвѣтилъ и мнѣ, когда я заявилъ мою просьбу о томъ, чтобы намъ разрѣшили журналы, по крайней мѣрѣ, если ужъ газетъ нельзя.

Но мы на этотъ разъ ошиблись. Въмѣсто свободы, намъ вскорѣ послѣ этого разрѣшили переписку съ родными, которой до этого времени мы были лишены, отпустили въ годъ 140 руб. на покупку книгъ и разрѣшили журналы за прошлый годъ. Последнюю льготу мѣстное начальство расширило, вѣроятно, какъ обыкновенно выражались наши сторожа, по данному неофициальному имъ распоряженію, и выдавало намъ журналы за годъ: одну половину въ іюнѣ, другую въ концѣ октября или въ ноябрѣ.

Въ началѣ же ноября было объявлено сокращеніе сроковъ на $\frac{1}{3}$ для слѣдующихъ лицъ: Л. А. Волькенштейнъ, Суровцева, Шебалина, Поливанова, Панкратова, Мартынова, Яновича, Ашенбреннера, В. Г. Иванова, Стародворскаго, которыхъ 23-го ноября и увезли, за исключеніемъ: Поливанова, Панкратова, В. Г. Иванова, Стародворскаго и Ашенбреннера. Намъ же, которыхъ этотъ манифестъ обошелъ, по внушенію свыше, мѣстное начальство сказало, что современемъ очередь дойдетъ и до насъ. Очевидно, сокращеніе намъ сроковъ отложили до рожденія наследника.

Проводивъ нашихъ товарищей, мы оставались въ Шлиссельбургѣ, при дарованныхъ намъ льготахъ, вплоть до марта 1903 года.

Кое-что доходило до насъ съ воли о томъ, что дѣлается за стѣнами нашего убѣжища, по крайней мѣрѣ, то, что могло попасть въ такъ называемую легальную печать. Мы знали, напр., что на смѣну намъ выступила партія социаль-демократовъ. У насъ были журналы за прошлый годъ: «Русское Богатство», «Міръ Божій», «Новое Слово», а потомъ замѣнившіе его журналы «Начало» и «Жизнь». Мы слѣдили за отношеніями народившейся новой партіи къ нашей прошлой дѣятельности, къ критикѣ ея ею и, рядомъ съ тѣмъ, знали, что и наши принципы дѣятельности не всѣми отрицаются. Мы знали, что «Русское Богатство», съ талантливымъ представителемъ ихъ Н. К. Михайловскимъ во главѣ, защищало принципы нашей дѣятельности. Мы не знали только того,—ограничивалось ли дѣло только теоретическими спорами между этими двумя направленіями, или, наряду съ этимъ, велась практическая дѣятельность этихъ двухъ борющихся въ теченіи общественной жизни Россіи.

Но въ 1901 году прибылъ къ намъ Карповичъ и сообщилъ намъ о томъ, что дѣлается на волѣ. Онъ познакомилъ насъ съ народившимся за наше отсутствіе изъ жизни широкимъ рабочимъ движеніемъ, которое по его словамъ, въ скоромъ времени будетъ грознымъ и непобѣдимымъ врагомъ существующаго стараго строя. Намъ трудно вѣрилось всему тому, что мы узнавали о Россіи и, конечно, потому, что мы прямо изъ того времени, когда мы были на волѣ, перескочили въ то время, когда выбылъ только что изъ жизни Карповичъ. Для меня, напр., это былъ промежутокъ въ 21 съ лишнимъ годъ.

Трудно вѣрится человѣку, который живетъ прошлымъ, между которымъ и настоящимъ залегъ промежутокъ чуть не въ $\frac{1}{4}$ вѣка. Пріятно было вѣрить всему тому, что мы узнавали отъ Карповича, но невольно приходили въ голову слова Пушкина: «Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ». Все же, съ появленіемъ Карповича, наши свѣдѣнія о томъ, что представляетъ собою Россія въ общественномъ отношеніи, обновились, а вмѣстѣ съ тѣмъ, стали вновь зарождаться надежды и на то, что авось и мы еще будемъ жить на свободѣ и увидимъ собственными глазами, что теперь дѣлается на горячо нами любимой родинѣ, которую мы такъ давно покинули. Карповичъ намъ говорилъ, что мы выйдемъ на волю скоро уже потому, что тюрьма понадобится для новыхъ жильцовъ.

Онъ говорилъ съ полной вѣрой въ свои слова, что черезъ 2 какихъ-нибудь года Шлиссельбургская тюрьма будетъ переполнена, и что намъ, старикамъ, придется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ доживать свои дни. Карповичъ, по приѣздѣ въ Шлиссельбургскую тюрьму, находился на особомъ положеніи. Начальство рѣшило его держать нѣкоторое время въ одиночномъ заключеніи. Но его одиночное заключеніе было далеко не тѣмъ одиночнымъ заключеніемъ, которое продѣляли мы.

Мы постоянно торчали или у дверей камеры Карповича, или у дверей того двора, гдѣ онъ гулялъ. По этому поводу у насъ происходили постоянныя столкновенія съ начальствомъ, но, съ одной стороны непреоборимое желаніе знать то, что дѣлается за стѣнами нашего тюремнаго двора, а съ другой стороны, мы не мирились и съ тѣмъ, чтобы нашего Веніамина, какъ назвала В. Н. Карповича, предоставить на волю начальству. У насъ была даже заведена очередь, кто долженъ былъ находиться у дверей, которая отдѣляла его отъ насъ. Карповичъ и письменно сообщалъ намъ о томъ, что дѣлается въ настоящій моментъ въ Россіи среди рабочихъ и студенчества.

Итакъ, значить, изъ всего этого читатель знаетъ, что въ пер-

вые 2 года новаго столѣтія мы кое-что знали изъ того, что совершается въ Россіи, во-1-хъ, изъ легальной литературы, по крайней мѣрѣ, то, что легальная литература по цензурнымъ условіямъ могла отразить на своихъ страницахъ, а то, что она по необходимости проходила молчаніемъ, то мы узнали отъ Карповича, — во 2-хъ. Но вотъ въ мартѣ 1903 года въ нашей Шлиссельбургской тюрьмѣ происходитъ новый переломъ въ жизни ея обывателей. Вѣроятно, поворотъ къ старому режиму обусловливался общимъ состояніемъ общественной жизни въ этотъ историческій моментъ. Но ближайшимъ поводомъ послужило къ тому слѣдующее.

Въ качествѣ прислуги при тюрьмѣ, на обязанности которой лежало: приборка тюрьмы, чистка двора, лѣтомъ отъ травы, зимой отъ снѣга, приготовленіе и раздача обѣда, наблюденіе за приборкой въ мастерскихъ и пр. работы при тюрьмѣ, состояли рядовые жандармы. Службу надзора за ними несли только унтеръ-офицеры, все же остальное дѣлали рядовые, которыхъ при тюрьмѣ находилось, кажется, 6, подъ командой вахмистра. Рядовые, вообще, относились къ намъ доброжелательно, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые находились при тюрьмѣ въ качествѣ прислуги.

Бывали случаи, что когда кто-либо изъ унтеровъ утащить изъ мастерскихъ какой-либо инструментъ, то рядовой, улучивъ возможность сказать намъ объ этомъ, сообщалъ, что такой-то унтеръ изъ такой-то мастерской. Разъ какъ-то былъ при нашихъ мастерскихъ одинъ рядовой, котораго унтера называли убоищемъ, такъ какъ тотъ прямо-таки гласно въ нашемъ присутствіи уличилъ одного изъ унтеровъ въ томъ, что онъ таскаетъ изъ нашей мастерской инструментъ, рискуя за это понести дисциплинарное взысканіе, ибо отъ рядовыхъ требовалось, чтобы они въ нашемъ присутствіи были нѣмы, какъ рыбы.

Съ 1902 года былъ при тюрьмѣ въ качествѣ прислуги рядовой Рыбачинъ, очень симпатичный солдатикъ, сочувствовавшій намъ. Какъ-то мы съ нимъ остались наединѣ, и я узналъ, что онъ изъ Воронежской губерніи, которую я хорошо зналъ. Я рассказалъ ему, что я бывалъ въ Воронежской губерніи съ цѣлью пропаганды. Онъ, въ свою очередь, рассказалъ мнѣ, что бывалъ на работахъ на Дону и зналъ тѣ мѣста, гдѣ я родился. Послѣ этого у насъ установились добрыя отношенія. Онъ, получая письма съ родины отъ своего брата, сообщалъ мнѣ часто, вытирая снаружи окно моей камеры, когда я находился въ ней подъ замкомъ. Кратко говоря, мы считались съ нимъ полуземляками. Онъ обѣщалъ по выходѣ въ запасъ побывать въ Ростовѣ и повидаться съ моей матерью. Узнавъ отъ меня, что я всего только два раза въ годъ имѣю возможность писать письма моимъ роднымъ и то чрезъ департа-

ментъ полиціи, онъ сказалъ: «ну и варвары же,—даже матери, и той нельзя писать». И тутъ же предложилъ мнѣ, что онъ можетъ передать письмо моей матери, или кому тамъ я пожелалъ бы написать. Я объ этомъ сообщилъ В. Н. и Фроленко. Фроленко совѣтовалъ не подвергать риску человѣка несомнѣнно хорошаго, ибо пользы, говорилъ мнѣ Фроленко, особенной переписка при такихъ условіяхъ не принесетъ, а риску попасться съ такой перепиской много. Вѣра же Николаевна думала,—отчего бы не попробовать. Я рѣшилъ, пока, до поры до времени, держаться совѣта Фроленко и потому сказалъ Рыбачину, что пока посылать не буду, ибо особенной нужды нѣтъ, а между тѣмъ, ему, если его поймутъ, за это можетъ грозить серьезное наказаніе.

II¹⁾.

Объясненіе со слѣдователемъ.—Инцидентъ съ письмомъ.—Странная постройка.—Эшфотъ.—Казнь Балмашева.—Новыя притѣсненія.

Теперь я доскажу мое объясненіе со слѣдователемъ.

Онъ мнѣ предложилъ всего еще одинъ вопросъ, именно,—какъ я могъ обойти надзоръ за нами, чтобы передать мое письмо рядовому.

На это я отвѣтилъ ему такъ: «Какъ я уже сказалъ вамъ раньше, я состою старостою тюрьмы, рядовой былъ присланъ ко мнѣ унтеръ-офицеромъ, завѣдывающимъ кухней, взять у меня заказы. Пользуясь этимъ я вмѣстѣ съ заказами въ присутствіи унтеръ-офицера, стоящаго въ это время на часахъ у нашихъ камеръ, передалъ и мое письмо. Очевидно, пояснилъ я слѣдователю, унтеръ-офицеръ не рассчитывалъ на такой рискованный шагъ со стороны моей и не провѣрилъ переданной мною записки». На самомъ же дѣлѣ, это было такъ: Рыбачинъ вошелъ ко мнѣ въ камеру, чтобы передать мнѣ заказы, уже выполненные унтеръ-офицеромъ, и я, пользуясь тѣмъ, что унтеръ-офицеръ былъ въ противоположномъ концѣ камеры, передалъ ему письмо безъ подписи на конвертѣ и на отдѣльномъ клочкѣ бумаги адресъ, который онъ долженъ былъ написать на конвертѣ, какъ о томъ мы раньше съ нимъ сговорились.

Интересная сцена происходила за спиной слѣдователя во время моего объясненія съ нимъ. Вахмистръ нѣмыми знаками руки и трясеніемъ головы, стоя сзади слѣдователя, наводилъ меня на отвѣты съ лицомъ мольбы, чтобы я обѣлилъ тюремный надзоръ.

¹⁾ Настоящая глава не имѣетъ прямой связи съ предыдущей. Пропущенъ разсказъ о передачѣ письма Рыбачину, начавшихся репрессіяхъ, насиліи надъ С. А. Ивановымъ, оскорбленіи, нанесенномъ В. Н. Фигнеръ ротмистру Гудзю. См. воспоминанія Ашенбреннера, Новорусскаго, Волькенштейнъ и др. *Ред.*

И подумать только, изъ-за чего вся эта драма, разыгравшаяся въ нашей тюрьмѣ и потрясшая всю нервную систему не только заключенныхъ, но и тюремнаго надзора. Изъ-за невиннѣйшаго письма матери отъ сына, точное содержаніе котораго таково: «До сихъ поръ не получилъ вашего письма и потому не пишу вамъ. Безпокоиться вамъ нѣтъ, значить, оснований. Разъ получу письма или получу отвѣтъ отъ директора департамента, что письмо не можетъ быть передано мнѣ сейчасъ же, напишу вамъ обычнымъ порядкомъ».

Закончилъ я мои объясненія со слѣдователемъ тѣмъ, что просилъ чрезъ него министра смотрѣть на передачу мной письма матери, какъ на вину исключительно мою, за которую и отвѣчать долженъ только я одинъ. Товарищи мои по заключенію столько же объ этомъ знали, сколько знало и мѣстное начальство, и наказывать за это вмѣстѣ со мной и ихъ нѣтъ никакихъ оснований.

Отъ меня слѣдователь отправился къ В. Н., съ которой онъ велъ рѣчь о томъ, что побудило ее нанести столь тяжкое оскорбленіе ротмистру Гудзю, каковымъ для офицера русской арміи является срываніе погоновъ. Но объ этомъ подробно говорить въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Быломъ» М. В. Новорусскій.

30-го марта были удалены со службы при Шлиссельбургской тюрьмѣ комендантъ, полковникъ Обуховъ и смотритель тюрьмы Гудзь. Ихъ замѣняли въ качествѣ начальника тюрьмы или коменданта, нашъ старый знакомый по равелину полковникъ Яковлевъ, бывшій въ равелинѣ еще только поручикомъ, и ротмистръ Провоторовъ въ качествѣ смотрителя, тоже нашъ знакомый, бывшій предъ этимъ завѣдывающимъ нашими мастерскими и кухней.

Новый комендантъ прочелъ мнѣ приказъ министра внутреннихъ дѣлъ лишить меня прогулки на 1 мѣсяцъ за незаконную передачу письма матери и при этомъ прибавилъ на словахъ, что ему приказано на нѣкоторое время сократить тѣ льготы, которыми мы до сихъ поръ пользовались, за всѣ тѣ безпорядки, которые произошли за это время въ тюрьмѣ; но, что вмѣстѣ съ тѣмъ, ему дано право министромъ, если онъ, съ своей стороны, найдетъ возможнымъ, ходатайствовать о разрѣшеніи вновь намъ такихъ льготъ.

Такъ закончился инцидентъ съ моимъ письмомъ.

3-го апрѣля мы замѣтили тревожное метаніе нашихъ сторожей по тюремному двору. Во главѣ съ комендантомъ и офицерами, унтера размѣряли тюремный дворъ. Ясно было намъ, что что-то планируется.

Затѣмъ чрезъ нѣсколько дней стали проводить проволоки

для электрическаго освѣщенія старой тюрьмы или, какъ мы называли эту тюрьму, сарая, гдѣ до того не было никакого освѣщенія, такъ какъ тамъ были до сихъ поръ мастерскія наши, въ которыхъ мы работали только днемъ. Наконецъ, намъ сообщили, что до нѣкотораго времени, по случаю ремонта въ старой тюрьмѣ, насъ туда не будутъ пускать, а еще немного спустя заявили намъ, что старая тюрьма, вслѣдствіе возникшей въ ней надобности, совсѣмъ закрыта для насъ, и мастерскія оттуда будутъ переведены въ новую тюрьму. Мы стали замѣчать, что, кромѣ ремонта въ сараѣ, идутъ какія-то постройки и въ маленькомъ дворѣ, по другую сторону тюрьмы. По вечерамъ оттуда выносили всѣ наши насажденія: крыжовникъ, малину и прочее,—разоряли то, что стоило намъ большихъ трудовъ.

Затѣмъ стали таскать туда лѣсъ для какихъ-то построекъ. Словомъ, шла стройка.

Для чего все это? Вотъ вопросъ, надъ которымъ мы ломали наши головы. Сначала мы думали, что это готовится жилище для В. Н. за то, что она сорвала погоны у ротмистра Гудзя. И мы всѣ переживали въ это время самое тревожное настроеніе и больше всѣхъ, конечно я, какъ подавшій поводъ моимъ письмомъ такому поступку Вѣры Николаевны. Мы думали, что, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, напр., на годъ тамъ думаютъ уединить Вѣру Николаевну. Сторожевой постъ въ нашей тюрьмѣ занималъ Антоновъ и былъ на высотѣ своего долга. Отъ него ничто не ускользало.

И вотъ въ одно время онъ сообщилъ намъ, что, по его наблюденіямъ на маленькомъ дворикѣ строится эшафотъ. Ужели, думали мы, этотъ эшафотъ для Вѣры Николаевны готовится. Я отказываюсь описать то душевное настроеніе, которое царило у насъ. Мнѣ даже непріятно сейчасъ объ этомъ вспоминать. Предоставляю читателю самому вообразить себѣ наше настроеніе, что, вѣроятно, сдѣлать будетъ ему нетрудно, если онъ приметъ во вниманіе наше отношеніе къ В. Н., которое такъ вѣрно передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. Юліевичъ Ашенбреннеръ.

Но эта чаша насъ миновала.

2-го мая въ 7 часовъ утра, только раздали намъ чай, Антоновъ замѣтилъ по поспѣшности, съ которой жандармы раздавали чай, и другимъ неуловимымъ признакамъ на лицахъ жандармовъ, по которымъ мы безошибочно опредѣляли, что они что-то отъ насъ желаютъ скрыть, или по выраженію Антонова,—своровать. Онъ, Антоновъ, сталъ слѣдить за крѣпостнымъ дворомъ и простучалъ намъ въ дверь своей камеры: привезли новаго и помѣстили въ канцелярію.

Антоновъ не сводилъ глазъ съ мѣста, гдѣ была спрятана жертва; замѣтилъ, что туда въ 12 часовъ понесли обѣдъ, потомъ матрацъ. Очевидно было, что до вечера рѣшено было держать его тамъ, а съ наступленіемъ темноты—вѣдь только совы летаютъ по ночамъ, да жандармы исполняютъ свой долгъ—перевести въ сарай. Послѣ обѣда Антоновъ повѣдалъ намъ, что, по его наблюденіямъ, на завтра готовится казнь, ибо онъ видѣлъ входившаго въ канцелярію священника, который бываетъ тамъ только 20-го числа за полученіемъ жалованья, а въ другое время, появляясь на островѣ, идетъ или прямо въ церковь, или заходитъ въ квартиру коменданта.

Кромѣ того, замѣтилъ онъ еще какихъ-то субъектовъ въ мундирахъ, невиданныхъ на нашемъ островѣ, и дѣтину въ поддевкѣ, по всѣмъ признакамъ,—палачъ.

Вечеромъ и всю ночь у оконъ тюрьмы, въ сторону той части крѣпости, гдѣ находится канцелярія, дежурили: Антоновъ, Вѣра Николаевна и Стародворскій поочередно. Утромъ Антоновъ сообщилъ, что часа въ 3 казнили привезеннаго. То былъ Балмашевъ, какъ потомъ мы узнали; но въ это время мы только знали, что эта казнь была возмездіемъ за убійство министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина.

Объ убійствѣ же Сипягина мы узнали такъ. Какъ-то, гуляя въ своемъ огородѣ, Вѣра Николаевна замѣтила вырѣзку изъ газеты, подняла ее и прочла. Оказалось, что какой-то тайно намъ сочувствующій рѣшилъ этимъ путемъ сообщить намъ новость объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Въ вырѣзкѣ этой сообщалось первое свѣдѣніе объ этомъ убійствѣ. Въ ней сообщалось, что какой-то молодой человѣкъ, въ формѣ адъютанта, въ зданіи Государственнаго Совѣта 6-ю выстрѣлами изъ револьвера убилъ министра Сипягина.

Но я продолжаю сообщенія Антонова намъ о казни Балмашева. Какими путями провели въ маленькій дворикъ жертву на казнь, онъ до конца не могъ прослѣдить. Онъ видѣлъ только, какъ обреченнаго на казнь вывели изъ канцеляріи, какъ проводили его подъ стѣнами крѣпости, сдѣлавъ большой кругъ, чтобы удалить процессію съ поля зрѣнія наблюденія изъ оконъ тюрьмы; но потомъ процессія прошла внѣ поля его зрѣнія. Но что казнь состоялась, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ибо съ мѣста казни возвращалась группа лицъ, во главѣ съ комендантомъ, въ формахъ, одинъ, вѣроятно, судейской, другой—въ формѣ департамента полиціи, причемъ отъ него не ускользнуло и то, что группа эта, поравнявшись съ церковью, благочестиво перекрестилась вслѣдъ за священникомъ.

Сзади этой группы съ двумя унтеръ-офицерами прошелъ и тотъ дѣтина въ поддевкѣ, въ лицѣ котораго онъ еще наканунѣ угадалъ палача. Днемъ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что казнь 3-го мая совершилась на нашемъ островѣ, ибо и унтера не отрицали, хотя съ улыбкой на наши вопросы нѣкоторые отвѣчали: «Не знаемъ». Одинъ же унтеръ, завѣдывавшій въ то время мастерскими, отвѣтилъ на упрекъ Поливанова: «тянули за веревку, завѣдующій», въ такихъ словахъ: «Нѣтъ, я не присутствовалъ при казни; отказался. Мои нервы не могутъ выносить такого зрѣлища».

Вслѣдъ за казнью Балмашева, мы стали замѣчать приводъ новыхъ жильцовъ въ Шлиссельбургскіе казематы. По словамъ Мельникова (потомъ уже) его провели по крѣпостному двору съ завязанными глазами. Мы же о привозѣ новичковъ узнавали по счету судковъ, выносимыхъ изъ кухни и довольно точно знали, сколько было привезено, несмотря на то, что судки для сидящихъ въ сараѣ не прямо несли изъ кухни въ сарай, а направлялись изъ кухни какъ будто бы въ новую тюрьму, а затѣмъ подъ стѣной новой тюрьмы проносились въ старую.

Но всѣ эти воровскія уловки мы достаточно знали, и потому онѣ не ускользали изъ нашихъ глазъ. Настроenie въ тюрьмѣ продолжалось оставаться подавленнымъ въ высшей степени. Начальство сурово молчало, по временамъ давая намъ понять, что прежніе порядки въ тюрьмѣ прошли безвозвратно, какъ выразился однажды ротмистръ Провоторовъ,—мы надъ прошлыми вольностями поставили крестъ. Впрочемъ, и они давали намъ по временамъ понять, что новый режимъ, болѣе суровый, объясняется не желаніемъ начальства вновь приняться за насъ, старыхъ жильцовъ Шлиссельбургской тюрьмы, а тѣмъ что пока мы были здѣсь одни, было больше простора, а теперь старая тюрьма съ большимъ и малымъ дворами понадобилась для другого назначенія. «На всѣ наши заявленія въ департаментъ полиціи по поводу насъ, стариковъ,—въ департаментѣ полиціи отвѣчаютъ, что въ силу неизбѣжности, другія условія заключенія въ этой тюрьмѣ въ настоящее время невозможны».

— Пусть, сказали мнѣ въ департаментѣ полиціи,—продолжалъ комендантъ, не работаютъ ни въ мастерскихъ, ни въ огородахъ, если, при наличныхъ условіяхъ, эти работы скорѣе непріятны, чѣмъ пріятны, каковыми были при условіяхъ, бывшихъ раньше. Словомъ, по словамъ коменданта, департаментъ поручилъ ему сказать, что мы введены въ новыя рамки жизни. Не потому, что насъ желаютъ стѣснять, а потому, что иначе невозможно насъ устроить въ этой тюрьмѣ.

Огороды наши стали обносить новыми заборами въ 4 аршина высотой, парники со стараго двора, гдѣ они раньше помѣщались, тоже перенесли во дворъ новой тюрьмы.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ насъ посѣтилъ начальникъ корпуса жандармовъ фонъ-Валь, который откровенно намъ сказалъ, что они поставили своей ближайшей цѣлью перевести постепенно Шлиссельбургскую тюрьму на старое положеніе. Тюрьма въ Шлиссельбургѣ по закону—тюрьма одиночнаго заключенія, и тотъ режимъ, который до сихъ поръ еще продолжается здѣсь,—отступленіе отъ закона, и тѣ, кто допустили такое отступленіе, превысили свою власть. «Вы говорите мнѣ, что такое отступленіе допущено, сказалъ мнѣ фонъ-Валь, предшествующими министрами, я вамъ на это отвѣчалъ, что министры предшествующіе нарушили въ данномъ случаѣ опредѣленный законъ и мы считаемъ нашимъ прямымъ долгомъ вновь возстановить нарушенный законъ. Если мы этого не сдѣлали до сихъ поръ, то только потому, что хорошо понимаемъ, что сразу возстановить прежній порядокъ въ тюрьмѣ было бы для васъ слишкомъ невыносимо, и потому рѣшили постепенно возстановить старый порядокъ въ тюрьмѣ, требуемый закономъ для этой тюрьмы», говорилъ мнѣ стальнымъ голосомъ фонъ-Валь, въ то же время наблюдая, какое это произведетъ впечатлѣніе на меня. Затѣмъ круто повернулъ рѣчь и спросилъ меня: «Вы на сколько лѣтъ осуждены?». Я отвѣчала ему: безсрочно.—«Одно вамъ могу сказать, только полное раскаяніе можетъ измѣнить ваше положеніе». На эти его слова я отвѣтила ему: «еслибъ, генералъ, вы были на моемъ мѣстѣ, а я на вашемъ, я бы не позволилъ себѣ сдѣлать вамъ такое предложеніе, такъ какъ знаю, что честный человѣкъ не покупаетъ свободы такимъ путемъ». На это онъ, нѣсколько растерявшись сказалъ мнѣ: «Богъ съ вами, я никогда не совершалъ государственнаго преступленія», и тотчасъ повернулся къ дверямъ и вышелъ изъ моей камеры, что то бормоча сквозь зубы коменданту о тяжеломъ воздухѣ въ камерахъ и о вентиляціи. Такъ все шло крещендо сокращеніе нашихъ и безъ того ничтожныхъ льготъ. Свѣдѣнія съ воли совсѣмъ прекратились. Журналы за прошлый годъ давали намъ, предварительно вырѣзавъ изъ нихъ все кромѣ беллетристики. Въ письмахъ отъ родныхъ вычеркивалось все, кромѣ того, что касалось семейныхъ дѣлъ. Но, и въ этомъ отношеніи разъ кто-либо изъ членовъ семьи хотя мимоходомъ коснется жизни общественной и объ этомъ сообщаетъ намъ, то и это вычеркивалось. Напримѣръ, одна изъ сестеръ писала мнѣ, что она ухаживаетъ за больными и ранеными въ своей деревнѣ; цензоръ нашей корреспонденціи вычеркиваетъ слово «ранеными», желая, очевидно,

скрыть отъ насъ, что происходитъ война. Мѣсто въ письмѣ Лопатина рѣчи о его братѣ, офицерѣ на Дальнемъ Востокѣ, тоже было вычеркнуто. Но тѣмъ не менѣе о томъ, что Россія воюетъ съ Японіей, мы знали. Первое свѣдѣніе мы опять-таки получили, найдя въ огородѣ вырѣзку изъ газеты, въ которой говорилось, что Манджурія и Корея представляютъ сейчасъ интересное зрѣлище; тамъ сейчасъ театръ военныхъ дѣйствій между Россіей и Японіей. Чрезъ нѣкоторое время Фроленко, выходя изъ камеры съ соромъ, былъ остановленъ однимъ унтеромъ, который, положивъ ему на тарелку нѣсколько вырѣзокъ изъ газетъ, сказалъ: «возьмите, это у васъ выпало». Въ этихъ вырѣзкахъ сообщалось объ отступленіи русскихъ отъ Ньюжигина и объ обходномъ движеніи японской арміи. И вотъ вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 904 г. начинаютъ появляться признаки ослабленія нашего режима. Въ первый разъ это сказалось при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Мы обыкновенно ежегодно праздновали рожденіе В. Н. Въ 903 году этого празднованія не было, ибо В. Н. была за свой поступокъ съ Гудземъ въ большой опалѣ передъ начальствомъ и празднованіе дня ея рожденія могло быть принято за демонстрацію и мы, чтобы не встрѣтить отказа со стороны начальства, провели этотъ день, какъ день рядовой. Въ 904 году, послѣ того какъ В. Н. былъ сокращенъ срокъ каторги до 20 лѣтъ, мы рѣшили въ послѣдній разъ отпраздновать день ея рожденія. Распоряженіе празднествомъ взяли на себя я съ Серг. Андр. Прихожу я наканунѣ іюня изъ ванны въ мою камеру и застаю въ ней сидящимъ на моей кровати коменданта. Поздоровавшись со мной, комендантъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы, кажется, завтра собираетесь устроить празднество?» Полагая, что комендантъ ведетъ рѣчь такую со мной, чтобъ объявить мнѣ о недозволительности со стороны инструкціи такого празднества, я возмущился и сталъ ему говорить, что вѣдь не его же деньги мы будемъ расходовать на празднество и не казенныя, а заработанныя нами въ нашихъ мастерскихъ. Комендантъ съ благожелательной улыбкой на устахъ сказалъ мнѣ: «Не волнуйтесь, не волнуйтесь. Я совсѣмъ не намѣренъ вамъ мѣшать отпраздновать этотъ день, какъ вы хотите, и пришелъ къ вамъ, наоборотъ, съ цѣлью оказать вамъ помощь. Напр., что вы желаете, чтобъ было въ этотъ день приготовлено вамъ?» Я ему сказалъ, что заказъ уже данъ господину офицеру, завѣдывающему нашей кухней, а вотъ мы желали бы выпить кофе не въ камерахъ, а на прогулкѣ. «Ротмистръ,—позвалъ комендантъ стоявшаго за дверью моей камеры офицера, завѣдующаго нашимъ продовольствіемъ,—распорядитесь, чтобы приготовили имъ кофе и подали на прогулкѣ».—Такой

крутой поворотъ въ переговорахъ нашихъ со стороны коменданта просто поразилъ меня. Я сталъ дальше испытывать его и закончилъ мой разговоръ съ нимъ: не дастъ ли онъ намъ журналы за прошлый годъ безъ тѣхъ вырѣзываній, которыя онъ продѣлывалъ въ прошломъ году. «Подождите немного, сказалъ съ лаской въ голосѣ комендантъ. Можетъ быть дамъ не только журналы, но и газеты», и съ этими словами выскользнулъ изъ моей камеры, какъ будто опасаясь не проговориться преждевременно. Очевидно въ головѣ министра внутр. дѣлъ Плеве созрѣвался какой-то планъ насчетъ насъ, и комендантъ уже былъ посвященъ въ этотъ планъ, планъ, который потомъ нашъ прозорливый товарищъ Г. А. передалъ въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ: «очевидно насъ хотятъ вывести отсюда черезъ митрополичью подворотню». Но я забѣжалъ впередъ. Буду продолжать въ порядкѣ событій, чтобы не ставить въ недоумѣнiе читателя этихъ моихъ строкъ, напр., хоть по поводу словъ Г. А. насчетъ митрополичьей подворотни. Въ концѣ iюня намъ нашъ староста, въ это время М. В. Новорусскій, на гуляньи сообщилъ, что былъ у него комендантъ и сказалъ ему, что насъ желаетъ посѣтить одна высокопоставленная дама, что онъ рекомендуетъ намъ принять ее, ибо она, въ силу своего высокаго положенiя, можетъ многое сдѣлать въ облегченiи нашей участи, но что онъ не совѣтовалъ бы намъ обращаться къ ней съ просьбами мелочными. На это ему М. В. отвѣтилъ, что онъ объ этомъ передать товарищамъ и думаетъ, что противъ посѣщенiя никто, вѣроятно, ничего не будетъ имѣть, но что съ просьбами къ ней никто, конечно, не станетъ обращаться, такъ какъ было бы нелѣпо ко всѣмъ, кому къ намъ заблагоразсудится притти, обращаться съ какими бы то ни было просьбами. Дѣйствительно, 1-го, помнится, iюля, къ намъ явилась княжна Марiя Мих. Дондукова-Корсакова. Была она въ этотъ разъ у В. Н., Морозова и М. В. и сообщила имъ, что 9-го iюля насъ желаетъ посѣтить митрополитъ Антонiй. На другой день она была еще у нѣсколькихъ человѣкъ. Въ этотъ разъ ее сопровождалъ комендантъ и чрезъ неплотно закрытую дверь слушалъ, о чемъ она говоритъ съ ними. Очевидно съ ней условились, что она не должна ни о чемъ говорить съ ними, а только лишь по вопросамъ религiознаго характера. На первый же день ея посѣщенiя В. Н. произошелъ такой инцидентъ. Она рассказывала В. Н. о своей общинѣ сестеръ милосердiя, устроенной ею въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губернии и о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ этой общиной. До слуха коменданта чрезъ щель двери вѣроятно донеслись слова: сестры милосердiя; онъ вызвалъ М. М. и сказалъ ей что-то. Очевидно, онъ думалъ, что она ведетъ разговоръ съ В. Н. о войнѣ нашей съ

Японіей. Такъ по крайней мѣрѣ можно было бы заключить со словъ М. М. на его замѣченіе, сказанныхъ громко. Она сказала ему: «Что вы, М. Николаевичъ, я совсѣмъ не о томъ говорю съ В. Ник.». 9 іюля, во время обѣда, обошелъ насъ всѣхъ одинъ изъ помощниковъ коменданта и сообщилъ намъ, что пріѣхалъ митрополитъ изъ Петербурга Антоній и просилъ меня спросить васъ, желаете ли вы, чтобъ онъ посѣтилъ васъ, такъ какъ онъ говоритъ, что онъ не желаетъ безъ позволенія вламливаться въ наши камеры. За исключеніемъ Г. А., который сказалъ офицеру, что онъ не спрячется подъ кровать, если митрополитъ пожелаетъ войти къ нему, но лично онъ не имѣетъ особенной нужды видѣться съ нимъ, всѣ остальные сказали, что они не имѣютъ ничего противъ. Я отвѣтилъ такъ: «я не знаю, что побудило митрополита побывать у меня въ камерѣ, и потому отказать ему въ такомъ желаніи было бы съ моей стороны не деликатно». Митрополитъ обошелъ насъ всѣхъ, начавъ съ Антонова. Въ каждой камерѣ онъ провелъ не менѣе 10 минутъ въ разговорѣ. Явившись въ мою камеру, онъ увидѣлъ въ углу иконку, присланную мнѣ матерью, перекрестился на нее и сталъ меня благословлять со словами: «Увидѣлъ у васъ икону и потому заключаю, что вы вѣрующій». Я отвѣтилъ ему на это, что икона имѣется въ моей камерѣ не потому, что вѣрующій, а потому, что это память моей матери. Но онъ ужъ благословилъ, съ этими словами мы поцѣловались.. Бесѣда со мной была самая сердечная и оставила во мнѣ хорошее впечатлѣніе. Такъ, напр., говоря со мной о моей родинѣ, чрезъ которую онъ почти ежегодно проѣзжаетъ по пути на Кавказъ, куда онъ думаетъ и въ этомъ году также уѣхать, онъ остановился внезапно, помолчалъ и затѣмъ сказалъ мнѣ: Вотъ я хвастаюсь, что поѣду на Кавказъ чрезъ вашу родину, а того и не подумалъ, что тѣмъ быть можетъ причиняю я вамъ боль лишнюю,—вѣдь вы-то поѣхать не можете». Сказалъ онъ это не такъ себѣ, не потому только, чтобъ что-нибудь сказать, а дѣйствительно, онъ, вѣроятно, искренно жалѣлъ о томъ, что онъ, какъ сказалъ, хвастаетъ предо мной, такъ что я счелъ нужнымъ со своей стороны успокоить его, сказавъ ему, что въ качествѣ агитатора я встрѣтилъ въ одной деревнѣ старуху-философа, которая говоря со мной о несчастіяхъ, каковыя постигаютъ человѣка въ жизни, сказала мнѣ: «хорошо еще, что Богъ далъ людямъ привычку—ко всему люди привыкаютъ». Такъ и я привыкъ и никому не завидую изъ тѣхъ, кто можетъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не могу пользоваться я. Посѣщеніе митрополита намъ всѣмъ ломало голову; хотѣлось проникнуть въ тайны плана, несомнѣнно имѣвшагося въ виду по отношенію къ намъ. Въ томъ, что насъ посѣтила М. М. не

было бы ничего удивительнаго и неразгаданнаго, по крайней мѣрѣ для меня. Я часто съ ней бесѣдовалъ и убѣдился, что она глубоко вѣрующій человѣкъ и христіанка въ истинномъ смыслѣ этого слова. Ее одна обрядность и молитвы не удовлетворяли, и она всей душой стремилась къ дѣйствительному христіанству, и ее послали въ первую голову къ намъ, хорошо зная, что она сдѣлаетъ это съ истиннымъ удовольствіемъ. Но какимъ образомъ попалъ къ намъ митрополитъ? По своему личному почину при такомъ министрѣ, каковымъ былъ Плеве, едва ли митрополитъ достигнулъ бы того, чтобъ его пропустили къ намъ, еслибъ только Плеве находилъ это лишнимъ для его цѣлей. Это уже апріорное соображеніе говоритъ за то, что тутъ есть какой-то планъ, относящійся къ нашей судьбѣ. За это же говорить и то обстоятельство, что съ 15 іюля, когда былъ убитъ Плеве, не была у насъ вплоть до января и М. М., заявившись къ намъ на нѣсколько дней, чтобъ сообщить намъ, что, по неопредѣленнымъ обстоятельствамъ, она долго не будетъ бывать у насъ, хотя раньше говорила, что будетъ у насъ часто и боится, чтобы своими посѣщеніями не наскучить намъ. Но еще больше въ пользу этого говорить то, что комендантъ вдругъ измѣнилъ свои взгляды на посѣщеніе М. М. насъ. Онъ, вскорѣ послѣ 15 іюля говорилъ о М. М. новости. Напр., однажды онъ сказалъ Серг. Анд. или М. В. такъ: «Охота вамъ принимать у себя эту старуху. Раньше я думалъ, что она что-нибудь дѣйствительно можетъ сдѣлать въ вашу пользу, а потомъ убѣдился, что она одна изъ тѣхъ, которыя обиваютъ пороги у министровъ и отъ которыхъ, чтобъ отвязаться, министры иногда удовлетворяютъ ихъ просьбы». Въ январѣ вновь появилась у насъ М. М., пробыла у насъ съ недѣлю и, сообщивъ намъ, что она ѣдетъ въ Архангельскъ къ В. Н. въ гости и, возвратившись оттуда, вновь явится къ намъ надолго, и между прочимъ стала заговаривать о нашемъ освобожденіи. Послѣ отъѣзда М. М. черезъ нѣсколько дней явился къ Сер. А., который былъ въ это время старостой у насъ, комендантъ и сообщилъ, что онъ получилъ отъ директора департамента полиціи письмо, которое поручено прочесть намъ. Въ письмѣ этомъ директоръ департамента проситъ коменданта сообщить намъ, что, по просьбѣ митрополита, намъ разрѣшается безцензурная переписка съ митрополитомъ, причемъ коменданту разрѣшается дать намъ сургучъ для запечатанія писемъ для большей увѣренности насъ въ томъ, что наши письма департаментомъ полиціи читаться не будутъ. При этомъ со своей стороны комендантъ предложилъ Серг. Анд. свою печать. «Знаете, сказалъ онъ, для всякаго случая лучше запечатать письма печатью... Я нисколько не сомнѣваюсь, что

директоръ департамента, разъ ужъ сказалъ, что вамъ разрѣшается безцензурная переписка съ митрополитомъ, то онъ свое слово сдержать; но, такъ сказать, мелкая какая-нибудь сошка (я замѣнилъ нецензурное слово словомъ сошка, онъ употребилъ слово, недопустимое въ печати), можетъ поинтересоваться и прочесть ваше письмо. Серг. Анд. отвѣтилъ ему на это, что то, что каждый изъ насъ напишетъ митрополиту, не будетъ такимъ секретомъ, что нужно бы было прибѣгать къ особымъ предосторожностямъ, и общалъ сообщенное имъ ему передать всѣмъ своимъ товарищамъ по заключенію. На приглашеніе митрополита вступить съ нимъ въ переписку немногіе откликнулись. Написали митрополиту: Серг. Анд., Морозовъ, Стародворскій и Новорусскій. Письма написавшихъ были скорѣе любезностью со стороны написавшихъ митрополиту. Серг. Анд. вступилъ съ нимъ въ своемъ письмѣ по поводу безцѣльности мѣръ наказанія по отношенію къ людямъ идейнымъ, поступающимъ въ жизни согласно своимъ убѣжденіямъ. Морозовъ попросилъ его доставить ему книги, которыя имѣютъ своимъ предметомъ откровеніе Іоанна Богослова. Новорусскій просилъ о томъ, чтобъ намъ разрѣшили вновь готовить для музея гербаріи и коллекціи. Одинъ только Стародворскій написалъ письмо, въ которомъ просилъ митрополита о томъ, что въ случаѣ, по поводу рожденія наслѣдника, къ намъ будетъ приложимъ манифестъ, то чтобъ онъ похлопоталъ о разрѣшеніи ему отправиться на войну, въ дѣйствующую армію противъ Японіи. Я забылъ сказать, что въ это время намъ уже разрѣшили читать нѣкоторыя еженедѣльные газеты за прошлый годъ, большая часть которыхъ, какъ развѣдчики Нивы, и еще одна специально посвященная войнѣ, съ Георгіемъ на обложкѣ, поражающимъ дракона, названіе которой я теперь не помню, были въ чрезвычайной мѣрѣ патріотическія, откуда мы, заднимъ числомъ, или, вѣрнѣе, заднимъ годомъ читали о нашихъ подвигахъ на Дальнемъ Востокѣ. Отвѣта отъ митрополита пришлось ждать очень долго, и кажется всего навсего одинъ Морозовъ только и былъ удостоенъ отвѣта, остальные такъ и не дождались отвѣта митрополита. Мнѣ кажется, что я недалеко уйду отъ истины, если всѣ эти эксперименты при помощи митрополита и другихъ имѣли цѣлью какъ-нибудь развязаться съ нами. Плеве предвидѣлъ, что Шлиссельбургская тюрьма понадобится для другихъ, болѣе насъ требующихъ прочнаго и недоступнаго помѣщенія, каковой и была въ распоряженіи его Шлиссельбургская тюрьма. Но и съ нами онъ не хотѣлъ расчитаться, не попытавшись сорвать, что удастся сорвать, или по крайней мѣрѣ, не заглянувъ поглубже въ нашу душу. Во время стоянія у кормила правленія Мирскаго,

во время такъ называемой нынѣ въ Россіи весны, насъ оставили въ покоѣ. Вскорѣ у кормила правленія сталъ Булыгинъ руководителемъ котораго былъ Треповъ, и они, очевидно совмѣстно рѣшили довести до конца планъ Плеве: М. М. намъ тоже очень часто стала говорить о большомъ къ намъ расположеніи Трепова. Наконецъ, неожиданно, въ іюлѣ 904 года является къ Стародворскому комендантъ и объявляетъ ему, что онъ получилъ изъ департамента полиціи распоряженіе снарядить его въ путь. Всѣ мы объяснили себѣ это такъ. Очевидно митрополитъ похлопоталъ, чтобы исполнили патріотическое желаніе отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, и Стародворскій уѣзжаетъ въ Манджурію. Проводили мы Стародворскаго и ждемъ, что за этимъ послѣдуетъ. На другой день ко мнѣ въ огородъ заходитъ Антоновъ и говоритъ мнѣ: «Ты знаешь, что Стародворскій пріѣхалъ обратно?». Я подумалъ, что Антоновъ шутить, но нѣтъ, Антоновъ серьезно говоритъ. Я хотѣлъ было уже итти посмотрѣть на Стародворскаго и послушать, что онъ привезъ намъ за новости изъ Петербурга, но Антоновъ передалъ мнѣ, что Стародворскій обѣщалъ зайти ко мнѣ въ мой огородъ. Скоро послѣ этого пришелъ и Стародворскій и сообщилъ мнѣ кучи новостей. Онъ рассказъ мнѣ, что его прямо съ парохода, приставаго у Лѣтнаго сада, отправили въ департаментъ полиціи. Въ департаментѣ директоръ департамента Вучичъ или Вуличъ, хорошо не помню, уже поджидалъ его. Разговоръ со Стародворскимъ произошелъ такой. Директоръ сказалъ ему: «Вы просились на войну, но война приходитъ къ концу, и на-дняхъ, вѣроятно, уже будетъ заключенъ миръ. Такъ что, значить, ѣхать вамъ на войну не придется. Война эта страшно непопулярна въ обществѣ, такъ что миръ будетъ заключенъ, во что бы то ни стало. Прошелся мимоходомъ насчетъ генераловъ, назвалъ ихъ бездарностями и вообще говорилъ о томъ, что Россія, не спросившись броду, сунулась въ воду, и оказалась совершенно неподготовленной къ войнѣ съ такимъ врагомъ, какъ Японія. А вотъ что, перевелъ потомъ разговоръ директоръ, «скажите, пожалуйста, чѣмъ бы вы занялись, если бы мы выпустили васъ на волю?». Стародворскій отвѣтилъ ему на это, что не располагая никакими личными средствами къ жизни и не имѣя родныхъ, обладающихъ таковыми средствами, онъ прежде всего позаботится о своемъ личномъ устройствѣ и объ обезпеченіи. «А приходилось ли вамъ слышать о томъ, что у насъ въ Россіи существуетъ партія социаль-демократовъ и не скажете ли вы мнѣ, какъ вы относитесь къ ученію этой партіи?» Стародворскій отвѣтилъ ему, что теоріи этой партіи не признаетъ, и что если вы, директоръ, интересуетесь моими общественными взглядами,

то я рекомендую вамъ прочесть письмо исполнительнаго комитета партіи Народной воли къ Александру III, на что ему Вуличъ отвѣтилъ, что онъ читалъ это письмо. «Значить, вы причисляете себя къ такъ называемой партіи у насъ въ Россіи: народниковъ», спросилъ директоръ Стародворскаго. Стародворскій отвѣтилъ ему утвердительно. «А вотъ, кстати,—продолжалъ директоръ,—я вамъ могу сообщитъ пріятную новость. На-дняхъ у насъ выйдетъ указъ о Государственной Думѣ. Правда, предполагаемая Государственная Дума будетъ не парламентъ въ европейскомъ смыслѣ, а лишь только совѣщательное собраніе по вопросамъ законодательства, но въ нашей Государственной Думѣ, (вамъ, вѣроятно, какъ народнику, пріятно будетъ услышать это), крестьянству будетъ отведено достаточно мѣстъ, такъ что крестьянство будетъ имѣть возможность непосредственно доводить до свѣдѣнія правительства о своихъ нуждахъ. Правительство русское, продолжалъ директоръ, рѣшительно убѣдилось въ томъ, что единственный надежный классъ въ Россіи это—крестьянство, и что пора, давно пора, ему опереться на этотъ классъ, употребить всѣ усилія на то, чтобъ поднять на должную высоту культурный уровень крестьянства и стоять неизмѣнно на стражѣ интересовъ крестьянства. Такимъ образомъ, всѣмъ, кто одинаковыми глазами съ правительствомъ смотритъ на крестьянство, предстоитъ въ будущемъ широкое поле дѣятельности на этомъ пути. Повторяю еще разъ, что правительство непоколебимо убѣдилось въ томъ, что пора, давно пора, обратить должное вниманіе на наше крестьянство, что благоденствіе и счастье Россіи связано тѣсно съ благополучіемъ и достаточно широкими матеріальными и культурными благами именно только крестьянства, на которое до сихъ поръ мало было обращено вниманія. Затѣмъ еще одинъ вопросъ позволю себѣ предложить вамъ», сказалъ директоръ. «Объясчаете ли вы, если вы выйдете на волю, не заниматься политическими дѣлами. Я долженъ васъ предупредить, что васъ будутъ разыскивать, добиваться съ вами вступить въ сношенія, напр., хоть тѣ же социаль-демократы, и намъ интересно было бы знать, какъ вы будете ко всему этому относиться. Вообще я вамъ долженъ сказать, что наше общество оказалось не на высотѣ требованій, которыя предложило къ нему современное положеніе вещей въ Россіи, и правительству съ большимъ трудомъ приходится проводить тѣ реформы, въ которыхъ такъ нуждается сейчасъ наша родина. И вотъ я еще разъ ставлю вамъ вопросъ,—даете ли вы мнѣ слово, что вы не будете принимать участія въ политическихъ дѣлахъ?» Стародворскій отвѣтилъ ему на это такъ. «Дать слово честное въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся они, когда они ничего

не знаютъ, что происходитъ въ Россіи, было бы съ его стороны легкомысленно. Притомъ, что значить въ вашихъ устахъ принимать или не принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ?» На этотъ вопросъ Стародворскаго, директоръ отмолчался и Стародворскій ему сказалъ, что такого обѣщанія ему онъ дать не можетъ. Послѣ этого директоръ департамента пошелъ къ телефону, переговорилъ, по догадкамъ Стародворскаго, съ Треповымъ, возвратился вновь къ Стародворскому, посмотрѣлъ на часы и сказалъ ему: «Вамъ пора ѣхать, ибо уже поздно, а вамъ нужно засвѣтло проѣхать пороги Невы». Такъ кончилась аудіенція Стародворскаго съ Вуличемъ, и Стародворскій, къ удивленію всѣхъ обитателей уединеннаго острова, вновь очутился на немъ. Это путешествіе Стародворскаго имѣло то значеніе для насъ, что онъ намъ привезъ цѣлую кучу новостей, которыя не могли намъ и во снѣ присниться въ Шлиссельбургѣ. Онъ намъ разсказалъ о происшедшемъ на броненосцѣ Потемкинѣ Таврическомъ, о волненіи матросовъ въ Одессѣ и въ другихъ портахъ. Онъ же намъ сообщилъ, что уже вышелъ указъ о созывѣ Государственной Думы и что на-дняхъ будетъ обнародованъ законъ о выборахъ въ Думу. Словомъ, со словъ Стародворскаго намъ стало извѣстно, что въ Россіи происходитъ революція. Надо еще сказать, что директоръ департамента полиціи просилъ, чтобъ Стародворскій далъ ему слово, что онъ не сообщитъ намъ, оставшимся еще въ Шлиссельбургѣ, о томъ, что онъ узналъ отъ него, директора департамента. Но Стародворскій, конечно, такого обѣщанія не далъ ему, но замѣтилъ, что это—*façon de parler* со стороны директора, а что и вызванъ былъ Стародворскій лишь для того, чтобъ именно мы узнали то, что онъ разсказывалъ Стародворскому. Очевидно, онъ думалъ такъ: если Стародворскій не пошелъ на его предложеніе воспользоваться свободой на извѣстныхъ условіяхъ, то можетъ кто другой воспользуется этимъ и, во всякомъ случаѣ, еще разъ довести до нашего свѣдѣнія, на какихъ условіяхъ мы можемъ вновь очутиться на свободѣ. Я сказалъ, что Стародворскій узналъ отъ директора департамента полиціи объ учрежденіи въ Россіи Государственной Думы. Опираясь на то, что все равно намъ уже извѣстно объ учрежденіи въ Россіи Госуд. Думы, мы стали домогаться у коменданта, чтобъ онъ далъ намъ прочесть положеніе Г. Думы. Комендантъ намъ отвѣтилъ, что на свою отвѣтственность онъ не можетъ разрѣшить намъ этого, но что онъ скоро будетъ въ департаментѣ полиціи и передастъ нашу просьбу директору департамента. Возвратившись изъ Петербурга, комендантъ сказалъ намъ что директоръ разрѣшилъ ему, коменданту, неофициально выдать намъ положеніе Думы и такимъ образомъ хотъ, и неофициально,

познакомить съ положеніемъ о Думѣ. Конечно, это дало намъ богатый матеріалъ для нашихъ разговоровъ во время прогулки, мы разбирали детально всѣ параграфы этого положенія, подвергали ихъ критикѣ, нисколько не смущаясь присутствіемъ нашего караула. Жандармы, какъ унтера, такъ и офицеры, прислушивались къ нашимъ разсужденіямъ на этотъ счетъ. Въ разговорѣ со зрителемъ по поводу положенія о Думѣ, кто-то изъ насъ спросилъ его, — какъ относится общество русское къ проектируемой Думѣ? Зритель отвѣтилъ, что такъ же точно критикуетъ какъ и мы, недовольно и требуетъ Думы съ законодательными функциями. Вообще, въ это время весь составъ на дворѣ въ Шлиссельбургѣ отъ офицеровъ и до унтеровъ сообщалъ намъ о томъ, что происходитъ за стѣнами Шлиссельбургской крѣпости. Такъ, напр., выражаясь языкомъ департамента полиціи, официально насъ рѣшено было знакомить съ войной за прошлый 904 годъ, но комендантъ сообщалъ неофициально о важныхъ моментахъ войны и въ 905 году. Такъ онъ сообщилъ намъ о пораженіи нашемъ при Мукденѣ, объ уничтоженіи русскаго флота при Цусимѣ, но, конечно, всегда заканчивалъ рѣчь о пораженіи русскихъ тѣмъ, что вотъ-вотъ скоро въ распоряженіи русскихъ полководцевъ будетъ достаточно войскъ и что тогда, конечно, Японія будетъ введена въ границы ея острововъ. Часто было, что по предыдущему сообщенію коменданта у насъ, напр. при Мукденѣ, было уже достаточно войскъ, чтобы раздавить Японію, у которой къ тому времени армія уже состояла изъ однихъ мальчиковъ и стариковъ, а затѣмъ въ послѣдующемъ сообщеніи, послѣ того, какъ безусые мальчики и дряхлые старики Японіи нанесли намъ пораженіе, комендантъ со вздохомъ говорилъ намъ: «ничего не подѣлать: у насъ войскъ въ этой битвѣ было по крайней мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ у японцевъ». Такъ мы доживали послѣдніе дни въ Шлиссельбургѣ, пробавляясь обрывками тѣхъ свѣдѣній о внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи Россіи, которые по временамъ сообщали намъ жандармы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, числа 15—20, — хорошо не помню, — мы всѣ сидѣли уже подъ замкомъ часовъ въ 8 вечера, къ Стародворскому явился зритель и сказалъ ему: «Ну, собирайтесь опять въ Петербургъ, — завтра часовъ въ 7 утра за вами пріѣдетъ пароходъ». Стародворскій спросилъ: «А на этотъ разъ съ багажомъ мнѣ уѣзжать или безъ багажа?» Зритель сказалъ: «Не знаю, но лучше не берите багажа, въ случаѣ, если вы не возвратитесь вновь къ намъ, то мы вышлемъ вашъ багажъ». Мы распрощались съ Стародворскимъ съ вечера, и на утро, вставши узнали, что Стародворскій уже уѣхалъ, причемъ одинъ изъ унтеровъ сказалъ: «Теперь же созываются

депутаты отъ всѣхъ губерній и земскихъ учреждений, вотъ и отъ нашей губерніи потребовали депутатомъ Стародворскаго». Вечеромъ въ этотъ день Стародворскій не явился, не явился и на другой день, а на третій день смотритель сказалъ намъ, что Стародворскій больше не возвратится къ намъ, ибо по распоряженію изъ департамента полиціи отправлены его вещи въ Петербургъ. Стародворскаго мы увидѣли уже въ Петербургѣ, когда и насъ привезли въ Петропавловскую крѣпость. Онъ тоже сидѣлъ тамъ же, и когда мы вышли на прогулку, то, къ удивленію нашему, среди насъ появился и Стародворскій, сообщившій намъ о томъ, что было съ нимъ съ того времени, какъ мы распрощались съ нимъ въ Шлиссельбургѣ въ срединѣ сентября. Разсказалъ намъ Стародворскій, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ имѣлъ аудіенцію уже съ самимъ Треповымъ; я не помню подробностей разсказа объ этой его аудіенціи, ибо въ это время былъ въ большемъ волненіи въ ожиданіи моихъ родныхъ, которыхъ не видѣлъ больше $\frac{1}{2}$ вѣка, и мои мысли были заняты моими родными, свѣдѣнія о пріѣздѣ которыхъ мнѣ уже дали въ крѣпости. Вѣроятно, со временемъ объ этомъ Стародворскій самъ сообщитъ въ печати. Я только скажу, что Треповъ говорилъ ему почти то же самое, что и директоръ департамента полиціи. Центральнымъ гвоздемъ этихъ переговоровъ было затруднительное положеніе правительства при проведеніи реформъ, въ которыхъ нуждается Россія, ибо, по словамъ Трепова, русское общество въ политическомъ отношеніи мало созрѣло и потому руководить имъ не такъ-то легко и приходится прибѣгать къ мѣрамъ, къ которымъ правительство прибѣгаетъ только въ силу необходимости. Приблизительно въ общихъ штрихахъ такой былъ разговоръ между Треповымъ и Стародворскимъ. Принимая во вниманіе то, въ чемъ часто въ нашихъ разговорахъ въ Шлиссельбургѣ проговаривалась М. М., я думаю, какъ это нелѣпо. Треповъ очевидно рассчитывалъ на то, что мы можемъ сыграть роль въ умиротвореніи Россіи. Напр., въ разговорѣ со мной М. М., говоря о тѣхъ ужасахъ, которые происходятъ въ Россіи, однажды сказала мнѣ, что, по ея мнѣнію, мы можемъ при нашемъ положеніи сыграть крупную роль въ успокоеніи Россіи. Если рядомъ съ этимъ поставить то, что, по ея словамъ, Треповъ относится къ намъ съ большимъ уваженіемъ и готовъ сдѣлать для насъ все хорошее, то мнѣ кажется позволительно думать, что на этотъ счетъ и въ такомъ именно духѣ Треповъ велъ разговоры съ М. М. Впрочемъ я, какъ уже сказалъ выше, предоставляю выяснить это дѣло Стародворскому, я же только скажу то, что въ разговорѣ Стародворскаго съ Треповымъ, очевидно, когда шла рѣчь объ умиротвореніи

Россіи, Стародворскій спросилъ Трепова: «развѣ предвидится борьба впереди»? На этотъ вопросъ, по словамъ Стародворскаго, Треповъ довольно рѣшительно сказалъ: «Да, борьба будетъ», и даже сдѣлалъ какой-то угрожающій жестъ рукой по адресу тѣхъ, съ кѣмъ Треповъ считалъ необходимой борьбу.

Послѣ отъѣзда Стародворскаго изъ Шлиссельбурга у насъ наступило временное затишье, притокъ новостей прекратился, и наши мысли были больше заняты тѣмъ, что рассказывалъ намъ Гершуни о дѣлахъ въ Россіи до его ареста. Обаятельная сама по себѣ личность Гершуни и его сообщенія о томъ, каковое направленіе социалистическое движеніе принимаетъ въ настоящее время въ Россіи, заставили насъ забыть о своей личной судьбѣ. Мы рады были скорому обновленію Россіи и легко мирились съ тѣмъ, что насъ обошелъ и въ этотъ разъ манифестъ, изданный по поводу рожденія наслѣдника русскаго престола. Слушали мы по-очередно,—по-очередно потому, что мы не могли всѣ собираться въ городъ такъ называемомъ большомъ, гдѣ находилось большинство парниковъ и гдѣ намъ разрѣшалось быть въ числѣ 4-хъ.—Но въ концѣ первой половины октября мы стали замѣчать, что жандармы съ большимъ интересомъ читаютъ газеты. Въ окно моей камеры дневной, которая выходила въ ту сторону, гдѣ находились квартиры нашихъ караульныхъ, мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ то докторъ, то офицеры совмѣстно съ ихъ дамами, гуляя по аллеямъ, съ жадностью брали изъ рукъ принесшаго солдата газету и тутъ же кто-нибудь читалъ ее вслухъ. Унтера тоже вытаскивали изъ-подъ полы газету, какъ только сходили съ вышки, съ которой они наблюдали за нами и съ захватывающимъ интересомъ читали. Мы начали при удобномъ уединеніи съ тѣмъ или другимъ унтеромъ, который позволялъ себѣ иногда кое-что сообщать намъ, спрашивать о новостяхъ. Числа, вѣроятно 18 октября я спросилъ одного такого унтера, который сначала сказалъ мнѣ, что новостей много: «но боюсь я лишнее говорить вамъ,—сами вѣдь знаете, что намъ за это можетъ нагорѣть», но потомъ, вѣроятно, не сдержавъ своего желанія подѣлиться пріятной новостью и со мной, сказалъ: «Тамъ пятой такъ наступили на хвостъ бюрократіи, что ажъ только пыль изъ нихъ сыпется». И затѣмъ проводивъ меня до запертыхъ дверей моего огорода, быстро поверотивъ, ушелъ отъ соблазна проговориться больше. Вскорѣ послѣ этого проходилъ по вышкѣ смотритель; когда онъ поравнялся съ моимъ огородомъ, я спросилъ его, каковы новости сообщаютъ нынче газеты. «Сегодня, отвѣтилъ смотритель, есть крупная новость. Вчера объявленъ манифестъ уже настоящей конституціи, теперь ужъ Дума будетъ не совѣщательнымъ собраніемъ, а законо-

дательнымъ». «Очень пріятная новость,—сказалъ ему на это я.— А скажите,—спросилъ я вновь его,—обыкновенно, когда въ другихъ государствахъ издавался актъ о конституціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялась амнистія по политическимъ дѣламъ, у насъ насчетъ амнистіи ничего нѣтъ?»—«Пока, отвѣтилъ мнѣ смотритель, объ амнистіи ничего не слышно», и прошелъ дальше своимъ путемъ. Стоявшій предъ моимъ огородомъ унтеръ, когда смотритель ушелъ, обратился ко мнѣ со словами: «Тоже скрываютъ,—тамъ требуютъ амнистіи для васъ, и васъ навѣрно, скоро увезутъ. Во всякомъ случаѣ навѣрно не позже 20 февраля, когда соберется Дума». Вмѣстѣ съ этимъ онъ разсказалъ мнѣ о забастовкѣ. «Никто, сказалъ онъ мнѣ, ни за какія деньги, не хотѣлъ становиться на работу, и потому желѣзныя дороги не ходили, ну, словомъ сказать, все было отрѣзано. Кто былъ въ дорогѣ, такъ на дорогѣ и остался».—«Ну, а сейчасъ?», спросилъ я. «Сейчасъ», отвѣтилъ унтеръ, движеніе началось, потому эти уступили. Тамъ что только дѣлалось просто любо-дорого читать. Задали-таки имъ за то, что въ японскомъ морѣ отдали матросиковъ на съѣденіе ракамъ. Словомъ, теперь нѣтъ такого дурака въ Россіи, который сказалъ бы, что все должно быть по-старому, всѣ стали смотреть открытыми глазами».

Опять наступило маленькое затишье на нашемъ островѣ. Наши всѣ надежды сосредоточились на 20 февраля 906 года. Насъ только смущало то, что въ началѣ октября рядомъ съ нашей тюрьмой заложили постройку церкви, и въ головы наши стали западать мысли о томъ, а что, думалось намъ, если храмъ готовятъ для насъ въ видѣ амнистіи. Правда, М. М. намъ подавала надежды на скорое освобожденіе, но въ это время среди насъ начинали закрадываться сомнѣнія насчетъ искренности М. М. Если раньше только Г. А. одинъ относился съ большимъ сомнѣніемъ къ роли М. М., то теперь, подъ вліяніемъ, Гершуни и многіе стали съ большимъ сомнѣніемъ относиться къ ней. Нѣкоторые при своемъ свиданіи съ М. М. давали ей это понять. Мнѣ пришлось, по порученію Мельникова довольно обстоятельно на этотъ счетъ поговорить съ нею и вотъ по какому поводу. Мельникову что-то чрезъ М. М. передала его жена, Мельниковъ отказался принять отъ нея переданное ему его женой и письменно изложилъ М. М., почему онъ не желаетъ чрезъ нее получать переданное ему его женой. Въ письмѣ своемъ къ ней онъ не только ясно, но и рѣзко опредѣлялъ ея роль и цѣли начальства, разрѣшившаго ей свиданіе съ нами. Правда, онъ оговаривался и допускалъ, что она вѣроятно всего слѣпое орудіе въ рукахъ другихъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не можетъ продолжать съ нею своихъ свиданій и

пользоваться ея услугами даже въ видѣ той, о которой сейчасъ идетъ рѣчь. Письмо это Мельниковъ поручилъ передать ей мнѣ. Я прочелъ ей письмо Мельникова и, конечно, сталъ на сторону Мельникова. Я сказалъ ей, что, въ сущности говоря, ея роль для насъ довольно-таки загадочная роль, и потому она должна помириться съ тѣмъ, что сомнѣнія такого рода въ нашемъ положеніи вполне понятны. Она, къ чести ея долженъ сказать, согласилась со мной и просила меня передать Мельникову, что она вполне понимаетъ его. «Но надѣюсь,—сказала она мнѣ,—что вы по крайней мѣрѣ не сомнѣваетесь въ чистотѣ моихъ намѣреній по отношенію къ вамъ всѣмъ. Моя цѣль по отношенію къ вамъ продиктована ученіемъ Христа, и Боже меня сохрани, чтобъ позволила себѣ врываться въ вашу душу. Для меня политика не существуетъ, моя единственная политика—ученіе Христа». Я успокоилъ ее и поступилъ такъ не изъ деликатности только, а потому что вполне вѣрилъ ея словамъ и вѣрилъ потому, что изъ предыдущихъ ея бесѣдъ со мной зналъ, что ея взгляды на христіанство не сходны и очень расходятся со взглядами нашей официальной церкви. Въ религіозномъ отношеніи, насколько я понимаю, у нея нѣтъ отечества и она стоитъ за необходимость обновленія, безъ различія, всѣхъ церквей христіанства. Впрочемъ *sapienti sat*, и я думаю, что я отклонился въ сторону.

Такъ мы прожили до 26 октября. Утромъ въ этотъ день мы съ Гершуни въ моемъ огородѣ читали декабрьскую книжку «Рус. Бог.», именно «Внутреннее Обзорѣніе», симпатичное мнѣ по складу ума Мякотина. Про что мы и начали бесѣду по поводу этой статьи съ Гершуни. Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ запыханный Г. А. и говоритъ: «Что вы тутъ сидите, идите въ первый огородъ, тамъ всѣ: амнистія». Мы съ большимъ скептицизмомъ шли въ первый огородъ, но дѣйствительно въ огородѣ мы застали всѣхъ въ сборѣ. Здѣсь были, кромѣ нашихъ, комендантъ съ бумагой въ рукахъ, докторъ, смотритель и остальные офицеры. Я уже не засталъ чтенія бумаги, и мнѣ уже товарищи сказали, что для всѣхъ тѣхъ, кто просидѣлъ болѣе 10 лѣтъ, полное освобожденіе изъ тюрьмы и переводъ на поселеніе, для просидѣвшихъ же менѣе 10 лѣтъ —сокращеніе срока на половину. Но комендантъ тутъ же сказалъ, что онъ думаетъ, что насъ на поселеніе не пошлютъ, куда, напр., на поселеніе еще отправить Морозова, или вотъ ихъ, указалъ онъ на Фроленко, просто, вѣроятно, сдадутъ роднымъ на руки. Затѣмъ комендантъ спросилъ, когда мы намѣрены отправиться въ путь, ибо я не имѣю права васъ задерживать въ тюрьмѣ ни одного часа, а между тѣмъ мнѣ нужно сообщить въ департаментъ, когда онъ долженъ прислать за вами пароходъ.

Мы рѣшили ѣхать 28, сказавъ коменданту, что нужно же собраться въ путь, на самомъ же дѣлѣ мы такъ поступили потому, что нужно было произвести чистку, т.-е. убрать все то, что находили нежелательнымъ, чтобы оно попало въ руки жандармовъ. Мы знали хорошо, какъ тщательно обыскивали всѣхъ, кто раньше насъ уѣхалъ изъ Шлиссельбурга и притомъ какъ здѣсь, въ Шлиссельбургѣ, такъ и въ Питерѣ, въ Петропавловской крѣпости. Поэтому на другой день, т.-е. 27 октября, развели огонь въ нашей кузницѣ и предали сожженію плоды своихъ думъ, которыя за долгіе годы пребыванія въ Шлиссельбургѣ были занесены на бумагу. Потомъ мы пожалѣли о томъ, ибо насъ не обыскивали ни въ Шлиссельбургѣ, ни въ Петропавловской крѣпости, и мы могли бы нужное, болѣе или менѣе достойное того, провезти свободно. 28 за нами прибыли изъ Петербурга два парохода. Мы спѣшно пообѣдали, потомъ прослушали напутственную рѣчь Гершуни, которая насъ растрогала до слезъ, братски расцѣловались съ оставшимися тамъ—съ Гершуни, Мельниковымъ и Карповичемъ и отправились на пристань. По дорогѣ туда насъ завели въ канцелярію, гдѣ посидѣли очень недолго, распрощались съ нашими сторожами и собирались уже двинуться въ путь, какъ изъ-за канцелярскаго стола всталъ взволнованный унтеръ-офицеръ Сидоровъ и, обратившись къ коменданту, сказалъ: «Ваше высокоблагородіе, я служилъ честно и только вотъ на-дняхъ заходилъ въ мастерскую господина Попова и на его вопросъ, «что новенькаго, Сидоровъ», покривилъ душой и сказалъ: ничего не знаю, Пятый. Теперь ужъ позвольте распроститься съ моими равелиновцами». Съ этими словами онъ поцѣловался трижды съ Фроленко, Морозовымъ и потомъ подошелъ ко мнѣ со словами: «Вотъ мой господинъ Пятый. Простите мнѣ, я никогда не желалъ вамъ зла, а такая ужъ моя служба». Мы расцѣловались съ нимъ, и затѣмъ онъ шелъ рядомъ со мной до самой пристани безъ шапки. Говорилъ мнѣ о томъ, какъ часто онъ говорилъ обо мнѣ вмѣстѣ со своей старухой въ своей квартирѣ. «Сынъ тоже мой часто нападалъ на меня изъ-за васъ, и тотъ бросилъ насъ. Плачемъ бывало это мы со старухой по сынѣ, я утѣшаю ее, что, молъ, также можетъ плачетъ и матушка господина Попова, котораго я караулилъ въ равелинѣ».

На пристани уже собралось все населеніе острова. Мы стояли на мостикахъ, рядомъ со мной стоялъ Сидоровъ. «Не откажите,—обратился онъ ко мнѣ,—посмотрѣть на мою жену, она вотъ здѣсь». Я охотно согласился и пошелъ за Сидоровымъ и онъ, указывая на плачущую женщину, сказалъ мнѣ: «Вотъ это и есть моя жена». Я пожалъ ей руку. Въ это время подошелъ къ намъ Антоновъ и

указывая на рядомъ стоящую съ женщиной дѣвушку, сказалъ «Сидоровъ, это кажется ваша дочь?». Онъ подтвердилъ слова Антонова, и мы оба пожали и ей руку и попрощались; причемъ женщина напутствовала насъ словами: «Пошли вамъ Господь всего хорошаго хоть теперь». Двѣ дамы культурныя, жены офицеровъ, ободренные очевидно обхожденіемъ нашимъ съ Сидоровымъ и его женой тоже подошли къ намъ, пожали намъ руки и просили вѣрить имъ, что онѣ искренно радуются нашему освобожденію... Затѣмъ мы вошли на пароходъ и оставались на палубѣ, съ острова насъ провожали дамы, махая бѣлыми платками, унтера фуражками. Въ каютѣ, куда насъ попросилъ войти офицеръ, мы застали обиліе яствъ и чай. Намъ было нѣ до ѣды, и мы кое-что попробовали, выпили по стакану чаю и вышли вновь на палубу. Жалкія красоты природы Шлиссельбурга намъ казались чѣмъ-то феерическимъ послѣ столь долгаго прозябанія въ стѣнахъ крѣпости, во дворѣ тюрьмы, гдѣ, кромѣ старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ сѣрыхъ, нашъ глазъ ни на чемъ не останавливался. Еслибъ теперь кто-либо спросилъ, хороши ли окрестности Шлиссельбурга, то, вѣроятно, я бы ввелъ въ заблужденіе спросившаго, ибо теперь самъ не могу сказать, хороши ли или дурны онѣ. Намъ казался разстилавшійся предъ нами горизонтъ, не скрытый отъ нашихъ глазъ крѣпостными стѣнами, чѣмъ-то необычайнымъ, что только можетъ присниться во снѣ; а не на яву. На пароходѣ офицеръ, сопровождавшій насъ, познакомилъ насъ со всѣми перипетіями борьбы, которая предшествовала манифесту 17-го октября. Сообщилъ намъ о томъ, что 17 октября не всѣхъ удовлетворяетъ, и многіе требуютъ республики; но что, по его мнѣнію, до республики нужно еще лѣтъ 50, по крайней мѣрѣ, чтобъ она могла осуществиться у насъ въ Россіи. Вечеромъ, когда уже начинало темнѣть, мы пристали къ пристани Петропавловской крѣпости, такъ что противоположный берегъ Невы едва мы могли видѣть. Зимній дворецъ въ своихъ очертаніяхъ представлялся какой-то неясной громадой. Но скоро и это скрылось, и мы попали въ казематы петропавловской крѣпости. Здѣсь ничего достойнаго замѣчанія не происходило. Развѣ только то, что мы въ первый разъ узнали, до какой степени за время нашего отсутствія въ жизни выросъ антисемитизмъ въ Россіи. Веревкинъ познакомилъ меня со всѣми тѣми страхами, которые грозятъ Россіи со стороны евреевъ, но все это такъ неинтересно и глупо, что вѣроятно, эта глупость, этотъ бредъ, всѣмъ оскмину набилъ и потому я не стану объ этомъ говорить. Скажу только, что когда я слушалъ Веревкина, то причислилъ его къ психически ненормальнымъ людямъ, но затѣмъ убѣдился уже на волѣ, что это не больше, не

меньше, какъ пріемъ борьбы съ охватившимъ русскій народъ освободительнымъ движеніемъ. Сколько потомъ мнѣ пришлось слышать о такъ называемомъ еврейскомъ нашествіи и сколько потомъ пришлось спрашивать не разъ, кого они могутъ этимъ обмануть. Впрочемъ будетъ объ этомъ.

Съ 23 октября до 15 ноября судьба моя взвѣшивалась на вѣсахъ тѣхъ, кому поручено было ее взвѣсить. Въ это время я имѣлъ свиданія 2 раза въ недѣлю съ родными, отъ которыхъ узналъ о происшедшемъ въ нашей роднѣ, узналъ, кто умеръ, кто вновь родился и выросъ и пр. Изъ газетъ же доставляемыхъ намъ все еще хотъ для вида, конспиративно, я постепенно знакомился съ тѣмъ, что происходитъ за стѣнами цитадели абсолютизма. 15 ноября меня предупредили объ отъѣздѣ и предложили приготовиться, причемъ сообщили также, что я отправляюсь на родину въ г. Ростовъ вмѣстѣ съ моей матерью и сестрой. Часовъ въ 5 вечера пришли за моими вещами, я вышелъ, сѣлъ въ карету, гдѣ меня ожидали два гороховыхъ пальто, и мы поѣхали. Но передъ квартирой коменданта крѣпости карета остановилась, изъ квартиры вышелъ какой-то жандармскій полковникъ, который тоже сѣлъ рядомъ со мной въ каретѣ и для перваго знакомства, какъ въ обычаѣ у всѣхъ жандармовъ предложилъ папиросу съ вопросомъ: «вы курите?» Я отклонилъ любезность полковника, сказавшись некурящимъ, хотя это была и неправда, зная по опыту, что засимъ послѣдуетъ какой-нибудь подвохъ. Дѣйствительно, началъ. «Васъ будутъ сопровождать на мѣсто вашего назначенія вотъ эти унтеръ-офицера въ штатскомъ платьѣ. Имъ даны на руки кормовыя—50 коп., которыя вы отъ нихъ и требуйте. Имъ же переданы деньги на покупку билета 3-го класса, но если вы желаете ѣхать во 2 кл., то ужъ вы должны доплатить какъ за свой билетъ, такъ и за билеты сопровождающихъ васъ». Выслушавъ его до конца, я сказалъ ему, что мнѣ сообщили въ Петропавловской крѣпости, что я буду ѣхать вмѣстѣ съ моими родными, мнѣ нужно поэтому знать отъ васъ, гдѣ я съ ними встрѣчусь. «Странно, мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно, и я рѣшительно ничегъ не могу сказать по этому. Вы, конечно не повѣрите мнѣ, что я говорю совершенную правду. Увѣряю васъ, что по этому поводу я не получилъ никакихъ распоряженій. Вамъ объ этомъ ничего не было сказано?—обратился онъ къ гороховымъ пальто». «Точно такъ, ваше высокоблагородіе, мы не имѣемъ распоряженій на это». «Удивительно, право, и такъ это всегда. Вамъ скажутъ одно, а намъ другое. Какъ честный человѣкъ говорю вамъ, я рѣшительно ничего не знаю о томъ, что вамъ обѣщали отправить васъ съ вашими родными». Для меня, человѣка проведеншаго болѣе полустолѣтія

съ жандармами, ясно было, что отъ начала и до конца мой провожатый вретъ, но я не понималъ рѣшительно, зачѣмъ все это нужно было, и прекратилъ разговоръ. Приѣхалъ я на Николаевскій вокзалъ до отхода поѣзда часа за два и былъ помѣщенъ въ жандармскомъ отдѣленіи вокзала. Полковникъ мой исчезъ, о чемъ-то пошептавшись съ моими чичероне. Сижу и думаю, придется ли мнѣ ѣхать съ родными или одному. — Вдругъ входитъ въ ту комнату, гдѣ я сидѣлъ, дама. Это была сестра жену моего брата, которую я видѣлъ 30 лѣтъ тому назадъ, но, тѣмъ не менѣе я моментально ее узналъ и припомнилъ ея имя и отчество. «Скажите, пожалуйста, вы не Елена ли Дмитріевна?» — «Да, отвѣтила она, а вы Поповъ», спросила въ свою очередь она. Я тоже подтвердилъ ея догадку. Рассказалъ я ей о мистификаціи, которой я былъ сейчасъ жертвой. Она сообщила мнѣ, что моя мать и сестра сейчасъ прибудутъ на вокзалъ. Я попросилъ ее сообщить имъ, гдѣ я нахожусь. Она ушла. Только она ушла, какъ меня попросили перейти въ другую комнату, предложили снять верхнее платье и, если угодно, прилечь на диванъ до отхода поѣзда. Отъ отдыха я отказался, верхнее же платье снялъ, потому что было довольно тепло. Вдругъ другая дама появляется и въ ту комнату, куда меня вновь ввели. То была Марія Николаевна и хоть я ее разъ всего мелькомъ видѣлъ въ жизни, но, зная ее по фотографіи, которую имѣла въ Шлиссельбургѣ В.Н., я къ ней обратился съ вопросомъ, — не Марія ли она Николаевна. Оказалось, что и въ этотъ разъ я не ошибся. Когда, вѣроятно, убѣдившись, что больше негдѣ скрыть меня, мнѣ предложили спать въ вагонѣ, куда скоро пришли мои старые друзья, которыхъ я такъ давно видѣлъ, и я провелъ время до отхода поѣзда въ бесѣдѣ. А затѣмъ уѣхалъ въ Ростовъ на свою родину.

М. Р. Поповъ.

Возвратъ къ жизни.

I.

Изъ Шлиссельбургской крѣпости въ «Предварилку».

— Какъ вы себя чувствуете? Что вы думаете дѣлать на волѣ?.. чѣмъ займетесь? У васъ родители есть?—засыпалъ меня вопросами говорливый жандармскій подполковникъ, когда мы усѣлись въ кибитку и тронулись по направленію въ Петербургъ.

— Какъ я могу себя чувствовать послѣ долгаго непрерывнаго заточенія—отвѣтить трудно,—сказалъ я. Мнѣ было не до разговоровъ. Часъ тому назадъ я покинулъ тѣ стѣны, которыя отдѣляли меня много, много лѣтъ отъ жизни и отъ людей; тѣ стѣны, которыя были нѣмыми свидѣтелями страданій и смерти лучшихъ товарищей, друзей... и кто знаетъ,—многіе ли изъ оставшихся переживутъ и выйдутъ такъ же, какъ и я?.. О, какъ бы я охотно вернулся къ нимъ и съ ними остался бы еще на долгіе годы..., погибнулъ бы тамъ, если такъ суждено... Тогда еще воля не прельщала меня: въ тюрьмѣ я утратилъ истинное представленіе о жизни внѣ камеры... Судьба оставшихся друзей наполняла мою душу глубокой тоской, съ которой я не могъ еще справиться. Въ этотъ моментъ желаніе остаться одному такъ было сильно, что я искренно жалѣлъ о своей камерѣ. Мой разговорчивый и исполнительный спутникъ и тѣлохранитель только раздражалъ меня своими вопросами и грубыми окриками ямщика.

— Эй, ты, спишь? Чего не вытянулъ мужика кнутомъ?—когда ямщикъ очень сдержанно предлагалъ встрѣчному сворачивать съ дороги.

— Ребята, не дремать у меня!—строго приказывалъ онъ жандармамъ, не сводившимъ съ меня глазъ и безъ приказаній.

— Мерзавецъ народъ. Видить вѣдь, а не свернетъ, пока его не выругаешь или кнутомъ не вытянешь.

— Да за что же кнутомъ? Почему онъ долженъ свернуть въ сугробъ, а не нашъ ямщикъ?—вмѣшался я.

— Если начальство будетъ давать дорогу мужику... да, да... это нашему брату житья не будетъ,—возмущался подполковникъ. Я его не слушалъ.

Вечерѣло. Наша кибитка со скрипомъ катила по укатанной дорогѣ. Небо ясное, звѣздное. Тишина полная, ни одна вѣтка не шелохнетъ, ни одного звука кругомъ. Только игриво-меланхолическій звонъ колокольчиковъ и таинственный скрипъ полозьевъ замираютъ въ морозной тишинѣ. Темные силуэты деревьевъ, точно наши крѣпостные жандармы, выстроившись въ рядъ, молча провожаютъ насъ въ темную даль.

Снова встрѣтились возы съ соломою, и цѣлую бурю брани вызвали они со стороны подполковника. На самомъ же дѣлѣ никакихъ поводовъ къ такому негодованію не было, и мнѣ показалось, что потребность держать себя начальственно у жандарма была такъ велика, что безъ нея онъ не могъ прожить полчаса. Привычка кричать, ругаться, командовать, приказывать даже тамъ, гдѣ это совершенно не нужно, вошла въ плоть и кровь господина жандарма. Даже терпѣливый возница и тотъ запротестовалъ.

— Чего же, баринъ, хотите? Народъ съ возами во-о какими въ сугробъ свернулъ, а вы бранитесь...

— Не разговаривать... Не твое дѣло...

— Знамо не мое, баринъ! Только надо и ихъ пожалѣть...

— Дуракъ!... Еще рассуждать пустился. Какъ вамъ нравится? Мужикъ, а туда же рассуждаетъ и вѣдь думаетъ—дѣло говорить,—раздраженно обращается мой спутникъ-стражъ ко мнѣ.

— По-моему, онъ правъ,—категорически отвѣчаю я.

— Не говорите громко..., перебилъ меня подполковникъ, очевидно неожиданный такого возраженія: мужикъ услышитъ—вообразить себя умникомъ.

Я умышленно повторяю фразу и развиваю свою мысль. Противъ насъ на облучкѣ сидятъ два здоровенныхъ жандарма, какъ статуи и не пророняютъ ни звука. Они только молча исполняютъ приказаніе своего начальника. То и дѣло заглядываютъ назадъ поверхъ крыши кибитки, или упорно уставятся по сторонамъ вглубь лѣса: нѣтъ ли тамъ кого. Они, какъ-видно, не особенно довольны моимъ поведеніемъ и непочтеніемъ къ начальству арестанта.

— Неужели вы думаете, что кто-нибудь бросится освободить меня, что заставляете объѣзжать насъ чуть ли не за полверсты?

— Вотъ ужъ этого то меньше всего боюсь... Васъ уже давно всѣ забыли... а вы говорите освободить,—съ какой-то торжествующей увѣренностью прервалъ меня подполковникъ.

— Тѣмъ болѣе я не понимаю вашей придирчивости.

— Увѣрю васъ, что вы и ваши идеи уже давно всѣми забыты, даже вашими. Какъ они теперь себя называютъ... ахъ, какъ ихъ? Не могу вспомнить.

— Марксисты, что ли?—подсказываю я ему, такъ какъ слово «вашими» онъ произнесъ съ особымъ удареніемъ и даже злорадствомъ.

— Да, да, да! Они самые. А вы какъ знаете? Откуда?—вдругъ спохватился онъ и моментально изъ роли спутника, болтуна, превратился въ жандармскаго слѣдователя, почуявшаго добычу для дѣла...

— Изъ книгъ.

— А я думалъ изъ газетъ, журналовъ?... Журналы, газеты читали? Слышали?

— Какъ будто вы не знаете, что никакихъ газетъ намъ не давали.

— Ну, знаете... Вѣдь не всегда исполняютъ распоряженіе высшихъ властей... А у васъ, значить, строго было?..

Эти слова произнесъ подполковникъ такимъ тономъ, какъ будто бы онъ потерялъ билетъ, выигравшій 200 тысячъ. Я былъ увѣренъ, что обмолвись я хоть словомъ насчетъ возможности получения газетъ или журналовъ въ крѣпости,—онъ по пріѣздѣ въ Спб. немедленно сдѣлалъ бы докладъ, куда слѣдуетъ. Но такъ какъ этого не случилось, то огорченіе его выразилось въ неоднократномъ повтореніи фразы, что насъ забыли даже наши.

— Все можетъ быть —отвѣтилъ я не безъ горечи, зная, что до нѣкоторой степени жандармъ былъ правъ. Хотя газетъ мы въ крѣпости не получали, но изъ журналовъ, въ которыхъ печаталась горячая полемика марксистовъ съ народниками, знали о похоронномъ звонѣ народничеству. Изъ словъ жандарма слѣдовало, что и ему это не безызвѣстно. Какъ онъ понималъ забвеніе насъ,—я совершенно не могъ себѣ представить.

— У васъ все были утопіи... Вы тамъ о республикѣ мечтали, о политикѣ какой-то... социализмъ... Теперь народъ здравѣе смотритъ. Практики стали. Люди образумились, другіе стали. За синицей въ небѣ не гонятся. Въ политику и вмѣшиваться не хотятъ. Да и на что народу политика? Когда ему ею заниматься?..

Такъ развивалъ свои мысли и давалъ оцѣнку жандармскій подполковникъ, какъ видно, достаточно освѣдомленный о войнѣ марксистовъ съ народниками. Полемика, дѣйствительно, велась ожесточенно Плехановымъ, Ильинымъ (Ленинымъ), Туганъ-Барановскимъ, П. Струве съ одной стороны и Михайловскимъ съ другой. Съ этой полемикой я уже былъ немного знакомъ по

статьямъ журнала «Новое слово». Признаюсь, въ то время меня жестоко обижалъ этотъ невольный союзъ между проповѣдниками «Новаго слова» и сторонниками тупой реакціи. Невольно зарождалось подозрѣніе: нѣтъ ли за спиной «новословцевъ» поджигателей реакціонеровъ, которымъ чрезвычайно выгодна взаимная вражда прогрессистовъ. Что-то глубоко оскорбительное таилось въ словахъ жандарма: «васъ забыли», оскорбительное не для меня, не для народниковъ, а для поборниковъ «Новаго слова». Въ душѣ закипала буря. Напрасно подыскивалъ я объясненія и оправданія такому положенію дѣла, повторяя мысленно фразу:—«крайности сходятся». Но какими же сторонами соприкасаться могутъ эти два противоположные полюса, жандармизмъ и новословизмъ? спрашивалъ я себя. Положительными сторонами соприкасаться, конечно, не могли, ибо я совершенно не допускаю ихъ у первыхъ. Значить, только отрицательными и главнымъ образомъ въ смыслѣ отрицанія политики и слѣпago преслѣдованія нашихъ союзниковъ. Поэтому-то мнѣ тогда казалось, что за кулисами полемики скрываются люди, задавшіеся цѣлью разжигать страсти, поддерживать вражду между двумя родственными лагерями и, какъ я потомъ убѣдился, догадка моя была не безосновательна: Зубатовъ и Гуревичъ, участвовавшій въ изданіи журнала «Новое слово», не были равнодушными свидѣтелями несчастной полемики и играли не послѣднюю скрипку въ междуусобной войнѣ марксистовъ съ народниками.

— Неужели эта братоубійственная война проникла и въ народныя массы?—спрашивалъ я себя: неужели и тамъ идутъ такіе же споры, глубоко разъединяющіе однородную по своему положенію массу рабочихъ, настраиваютъ ихъ противъ крестьянъ, какъ противъ «буржуевъ»-собственниковъ? Вѣдь это только отдалить, а не приблизить къ цѣли даже и самыхъ марксистовъ. Но о рабочей средѣ я ничего не зналъ. До насъ въ крѣпости дошли только смутные слухи о какихъ-то забастовкахъ и о студенческихъ беспорядкахъ, но почему и какъ они произошли, мы ничего не знали. Я старался припомнить хоть какой-нибудь фактъ враждебныхъ отношеній въ своемъ прошломъ. И въ наше время были народники черно-передѣльцы и народовольцы, и они спорили, но враждовать, и такъ жестоко—никогда. Внутренняя связь была глубока.

Мой подполковникъ, наконецъ, уgomонился. Сталъ дремать. Но передъ этимъ сдѣлалъ строгій приказъ жандармамъ: «смотри, не дремать! Смотрѣть! Чтобы глаза были спереди, сзади и сбоку! Передъ станціей разбудить, если задремлю».

Морозъ становится крѣпче. Ночь глубже. Лошади бойко

бѣгутъ по укатанной дорогѣ. Ямщикъ то и дѣло поощряетъ ихъ ласковымъ возгласомъ:—Но, милыя, веселѣй шевелись! Скоро отдохнете.

На Ижорскую станцію мы пріѣхали часамъ къ 11-ти вечера. Здѣсь жандармы разогнали всѣхъ постороннихъ лицъ, чтобы они не могли видѣть сопровождаемаго ими человѣка. Почти четырнадцать лѣтъ тому назадъ здѣсь же другіе жандармы, сопровождавшіе меня, скованнаго по рукамъ и ногамъ, съ наполовину обритой головой, продѣлали еще большій разгонъ людей со станціи. Тогда они соблюдали еще большую строгость и придавали таинственный видъ всей процедурѣ препровожденія... и теперь, какъ и тогда, присутствіе и поведеніе ихъ было для меня и противно, и невыносимо тяжело. Съ какимъ бы удовольствіемъ остался я теперь одинъ даже въ тѣсной, душной камерѣ! Какъ ни странно, но сидя въ уютномъ маленькомъ залѣ почтовой станціи за столомъ, на которомъ шумитъ самоваръ, стоитъ чайная посуда, яйца, молоко, бѣлый хлѣбъ, по стѣнамъ висятъ лубочныя картинки, на окнахъ занавѣси, цвѣты—словомъ, все по домашнему, тѣмъ не менѣе я съ теплымъ чувствомъ вспоминаю обстановку своей камеры и подгоняю время, чтобы поскорѣе опять счутиться или въ домѣ предварительнаго заключенія, или хотя бы въ камерѣ Петропавловской крѣпости, гдѣ буду свободенъ отъ пронизывающихъ меня жандармскихъ взоровъ. Всякій мой жестъ, каждое мое движеніе усиливаетъ ихъ бдительность. Они сидятъ у дверей по обѣимъ ея сторонамъ и зорко слѣдятъ за мной—какъ бы я не убѣжалъ. Убѣжать? Куда? Въ арестантскомъ костюмѣ, зимою, безъ гроша денегъ, безъ всякихъ связей?!

Чрезъ четверть часа мы уже двинулись далѣе. По мѣрѣ приближенія къ Рыбацкой слободкѣ все чаще и чаще догоняли мы возы, нерѣдко должны были даже объѣзжать ихъ или заставлять сворачивать съ дороги. И то, и другое вызывало сильное негодованіе подполковника. Далѣе стали попадаться и прохожіе. Проѣхали Мунзурку, фабрику Пала, заводъ Семяникова. Какъ все разрослось! Эта часть города, гдѣ я когда-то прожилъ годъ и впервые познакомился съ провокаторскими приемами судейкинскаго социализма—эта часть города стала неузнаваемой. Подѣзжаемъ къ Калашниковской пристани.—Куда меня везутъ?—спрашиваю я жандарма. Молчитъ. Почему то скрываютъ и такую вздорную вещь! Слѣжу за улицами, чтобы разгадать загадку.

— На Петербургскую прикажете везти?—спросилъ ямщикъ.

— Прямо поѣзжай,—недовольно отвѣтилъ жандармскій офицеръ.

— Значить, въ предварилку,—подумалъ я и не ошибся.

Чрезъ десятокъ минутъ наша кибитка остановилась на Шпалерной улицѣ у большихъ таинственныхъ воротъ. Началась длинная противная процедура сдачи и приѣма. Почти на рукахъ внесли меня въ какой-то темный коридоръ, затѣмъ въ крошечную канцелярію, гдѣ сидѣлъ полусонный помощникъ смотрителя. Къ нему пришелъ другой, что-то пошептался, позвонилъ, появился «старшой» съ ключами. нѣсколько надзирателей. На всѣхъ какая-то печать таинственности, жестокости и автоматизма машинной работы.—И это называется—«получить свободу!»—подумалъ я: вѣдь въ крѣпости мнѣ объявили объ этомъ, хотя никогда я у нихъ объ этомъ и не спрашивалъ. Сколько десятковъ разъ подвергнуть меня этой «свободѣ». Явился еще какой-то чинъ. Пригласилъ меня сѣсть поближе къ столу и приступилъ къ опросу, кто, да откуда?... какъ будто бы онъ не знаетъ. Вѣдь подполковникъ передалъ ему пакетъ и бумаги. Нѣтъ, надо еще допросъ личный учинить. Такъ мнѣ все это показалось лишнимъ и возмутительнымъ, что я не выдержалъ.

— Отведите же меня въ камеру!—сказалъ я.

— Повремените немного,—кратко отвѣтилъ помощникъ и снова позвонилъ.

Снова засуетились, забѣгали служителя тюрьмы, напомнившіе мнѣ средневѣковыхъ инквизиторовъ. Когда номеръ (точно въ гостиницѣ!) былъ готовъ, началась со мной новая церемонія—раздѣванія и переодеванія въ присутствіи многихъ чиновъ. Шлиссельбургское арестантское платье и бѣлье отъ меня было отобрано, и вмѣсто него выдали другое, тоже арестантское, сомнительной чистоты... и препроводили въ угловую, совершенно сырую камеру; на столѣ поставили грязную оловянную кружку въ $\frac{1}{3}$ ведра вмѣстимостью; подушку, набитую соломой, бросили на кровать съ засаленнымъ и сильно потертымъ одѣяломъ.

— Вотъ вамъ свѣтъ пока!—сказалъ старшій, прилѣпивъ къ столу огарокъ восковой свѣчки.

И вся толпа сторожей покинула мою камеру. Дверь захлопнулась, щелкнулъ со звономъ замокъ. И я одинъ въ неуютной, грязной, сырой клѣткѣ.—Вотъ она свобода-то!—подумалъ я. За дверями тихо, только слышенъ временами шорохъ, да кошачьи шаги надзирателей. Спать не хочется, да и противно положить голову на засаленную подушку. Осматриваю стѣны. Всѣ надписи затерты. Беру свѣчку и перечитываю инструкціи... а ихъ много... Какая радость! На полѣ одной изъ нихъ написано мелко: «Возьми записку въ дыркѣ гвоздя, на которомъ виситъ большая инструк...» далѣе не дописано. Тороплюсь извлечь записку, но, увы! ея уже нѣтъ. Хотъ бы что-нибудь узнать! Цѣлый день про-

шелъ, а кромѣ жандармовъ я не видалъ близко ни одной свободной души!... Если и дальше такъ пойдетъ, то лучше бы не вывезили изъ крѣпости. Стучу въ одну стѣну,—отвѣта нѣтъ, въ другую—тоже. Почему-то желаніе знать хоть что-нибудь изъ живой жизни такъ овладѣло мной, что я забылъ о позднемъ времени: уже 2-й часъ; забылъ и о томъ, что вокругъ меня могутъ сидѣть уголовные, отъ которыхъ все равно ничего не узнаю. Нѣтъ. Не могу справиться съ собой... стучу въ чугунную трубу пальцемъ... Кто-то отвѣтилъ. Я не понялъ. Невидимый собесѣдникъ повторилъ, и я разобралъ слѣдующее: «Соколовъ рабочій... а кто вы?»—Я отвѣтилъ. Но нашъ разговоръ на этомъ и прервался. Свѣчка догорѣла. Въ камерѣ наступила тьма непріятная, тяжелая. Закрывъ подушку полотенцемъ, я, не раздѣваясь, растянулся на постели и скоро заснулъ. Но спать не долго. Шумъ, суета, свистки, всевозможные шорохи, топотъ,—словомъ, наступившій тюремный день заставилъ и меня подняться. Какою-то дикою показалась вся новая обстановка; если сравнить ее съ нашею шлиссельбургскою, то послѣдняя дѣйствительно была гробовая... и къ ней я такъ привыкъ, что у меня скоро разболѣлась голова отъ немолчнаго разнообразнаго шума. Послѣдній раздражалъ меня еще болѣе тѣмъ, что мѣшалъ перестукиваться съ таинственнымъ «Соколовымъ рабочимъ». Два раза я стучалъ ему, онъ принимался отвѣчать, но каждый разъ шумъ прерывалъ нашъ разговоръ, и наконецъ мой собесѣдникъ совсѣмъ умолкъ.

— Здѣсь стучать нельзя,—замѣтилъ мнѣ какъ-то нерѣшительно вошедшій надзиратель.—Кипятокъ вамъ нуженъ?—спросилъ онъ.

— Для чего?

— Для чаю.

— У меня ни чаю, ни сахару нѣтъ.

— А деньги?

— Тоже нѣтъ,—отвѣчаю я.

— Да вотъ что, дайте мнѣ бумаги и конвертъ, мнѣ надо написать письмо роднымъ, чтобы пришли на свиданіе.

— Это старшему или помощнику заявите, я не могу,—отвѣтилъ сторожъ и захлопнулъ дверь.

— Письма, прошенія! письма, прошенія! письма, прошенія! —слышится пѣвучій теноръ въ коридорѣ.

— Стричься, бриться на свой счетъ! Стричься, бриться на свой счетъ!—вторить ему густой басъ.

— На прогулку приготовьтесь! Гулять собирайтесь! аккомпанируютъ какіе-то неопредѣленные голоса.

Движеніе по коридору усиливается, слышится говоръ, хлопаютъ двери, звенятъ ключи, шпоры,—точь въ точь на гуляньѣ въ Сокольникахъ!.

— А тамъ, у насъ, теперь тишина... начинаю сравнивать утро въ Шлиссельбургской крѣпости съ утромъ въ предварилкѣ.. Отъ этого воспоминанья на меня повѣяло чѣмъ-то теплымъ, привѣтливымъ. Вотъ до чего можетъ довести долгое заключеніе въ одной и той же тюрьмѣ. Разумѣется, не тюрьма мнѣ была дорога, а та духовная и нравственная среда и атмосфера, въ которой жилъ и дышалъ столько лѣтъ...

— У васъ камера очень сырая! Вы откуда сами?—спросилъ меня высокій старичокъ, надзиратель, появившійся, какъ призракъ въ моей камерѣ. Я коротко отвѣтилъ.

— Не можетъ быть? И васъ посадили въ эту камеру? Сюда только въ наказаніе переводятъ. Вы проситесь въ другую, здѣсь заболѣете,—прибавилъ онъ, повидимому, искренно. Лицо у этого надзирателя довольно доброе и свѣжее, повидимому, новичекъ здѣсь.

Проситесь я не намѣренъ. Вѣдь мнѣ объявили такъ: «... вы освобождаетесь изъ крѣпости», но куда не сказали, значитъ, оставляли за собой лазейку блеснуть благородствомъ на показъ и продолжать на дѣлѣ держать меня по разнымъ тюрьмамъ».

— Напрасно. Эта камера очень плохая. Васъ переведутъ, какъ только заявите.

— Пусть переводятъ, протестовать не стану, но и обращаться не желаю.

Такъ мы и не сговорились съ этимъ доброжелательнымъ тюремщикомъ.

Когда онъ ушелъ, я снова сталъ звать своего собесѣдника, но безплодно: онъ не отзывался. Звеню и требую книгъ, которыя полагаются по инструкціи. Въмѣсто книгъ, мнѣ принесли каталогъ. Разумѣется, набрасываюсь на журналы, которыхъ въ каталогѣ оказалось не мало. Меня поразили надписи карандашомъ противъ нѣкоторыхъ журналовъ, особенно моднаго и шумнаго тогда «Новаго Слова». «Читайте только «Новое Слово» — «Михайловскій совѣмъ разбить». «Не хочется ему уступить мѣсто нарождающимся великимъ силамъ марксизма, но онъ уступить, не устоитъ предъ натискомъ такихъ величинъ, какъ Туганъ-Барановскій, Струве, Ленинъ, Бельтовъ!!..» гласила другая надпись какого то восторженнаго, но не глубокаго сторонника новыхъ словъ. «Прочитайте «Инвалиды» рассказъ Чирикова. Какъ талантливо, художественно написанъ рассказъ». Читаю другой уже почеркъ: «Народничество умираетъ, переживаетъ «агонію»... Къ чему эта безсильная полемика Михайловскаго? нахожу еще болѣе категорическій приговоръ какого то неизвѣстнаго побѣдителя. Мнѣ становится и больно и, откровенно говоря,

смѣшно такое торжество, да и торжество ли? Натыкаюсь на надписи другого свойства. «Вчера привели еще троихъ рабочихъ съ бумагопрядильной фабрики... одинъ заболѣлъ психически». Значитъ много рабочихъ есть! Хоть бы одного поближе посадили, жду съ нетерпѣніемъ свиданія съ родными, отъ которыхъ надѣюсь тоже получить хоть какія-нибудь свѣдѣнія. Ожиданіе встрѣчи съ близкими, которыхъ не видалъ болѣе восемнадцати лѣтъ, волнуетъ меня.

Эта встрѣча потрясла меня такъ сильно, что нѣсколько дней не могъ справиться со своими нервами. Свиданіе съ братьями происходило въ маленькой камерѣ въ присутствіи трехъ сторожей, зорко слѣдившихъ за нашими движеніями и ловившихъ каждое слово. Надо быть дѣйствительно тюремщиками до мозга костей чтобы присутствовать при такихъ встрѣчахъ и не забывать, что они тюремщики... Не помню даже, о чемъ говорилось на первомъ свиданіи и что можно было говорить въ присутствіи неусыпныхъ сторожей? Если бы я зналъ, что можно имѣть чрезъ полгода свиданіе съ родными въ другихъ условіяхъ, то съ большой готовностью согласился бы ждать. Такъ непріятно было присутствіе тюремщиковъ. Узнать что-либо объ общественномъ движеніи, конечно, мнѣ не удалось, не узналъ я и о томъ, куда и когда меня отправятъ далѣе.

По предыдущимъ примѣрамъ меня ожидаетъ высылка или на Сахалинъ, куда были до меня посланы Л. А. Волькенштейнъ и Манучаровъ, или въ Якутскую область, куда отправлены Мартыновъ, Шебалинъ, Суровцевъ и Яновичъ. Почему то мою отправку строго хранили въ секретѣ и изолировали меня отъ всѣхъ, посадивъ среди уголовныхъ, повидимому, прислужниковъ. Дѣло въ томъ, что хотя меня и перевели въ другой номеръ, но посадили въ сосѣднія камеры такихъ уголовныхъ, которые при малѣйшей попыткѣ съ моей стороны стучать съ политическими, поднимали такой невѣроятный шумъ въ своихъ камерахъ, что ничего немисливо было уловить изъ стука товарища. Соколова я потерялъ съ перваго же дня, и съ другими не удалось даже обмѣняться обычнымъ вопросомъ:—кто вы? Особенно отличался уголовный сынъ одного писателя, сидѣвшій надо мною за убійство своей жены. При малѣйшемъ намекѣ на стукъ съ моей стороны онъ неистово принимался возить чѣмъ-то твердымъ по металлическому столу и не прекращалъ этого до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что его антиподъ—я, не пересталъ стучать. Дѣйствовалъ ли онъ по наущенію тюремной администраціи или по собственной инициативѣ,—трудно сказать. Несмотря однако на это, мнѣ все же удалось узнать кое-что о рабочемъ движеніи

въ С.-Петербургѣ. Въ то время много рабочихъ съ фабрикъ и заводовъ сидѣли въ Домѣ предварительнаго заключенія, въ Петропавловской крѣпости и въ Крестахъ. Господствующее направленіе было не чисто народническое и не чисто марксистское, а просто экономическое.

Мало-по-малу начинаю привыкать къ новой обстановкѣ, примиряюсь съ новымъ режимомъ и съ нетерпѣніемъ жду дальнѣйшаго движенія въ началѣ лѣта, когда отправляютъ партіи въ Сибирь и на Сахалинъ. Въ то время для меня было совершенно безразлично, куда бы ни переселили. По первымъ шагамъ къ такъ называемому освобожденію я могъ убѣдиться, какое ждетъ меня освобожденіе. Назадъ возврата нѣтъ: впереди ждетъ неизвѣстное въ родѣ настоящаго. Скорѣе бы людей побольше, людей изъ другого міра, изъ другой обстановки. А это возможно только въ этапномъ пути. Пусть онъ тяжелъ и дологъ. Тюремная администрація старательно скрываетъ мою отправку, тщательно смѣняютъ уголовныхъ сосѣдей, чтобы не дать мнѣ возможности перестукиваться, а я заявилъ, что буду стучать, во что бы то ни стало. Съ большимъ трудомъ одинъ изъ узниковъ, сидѣвшій ниже меня двумя этажами, сообщилъ мнѣ во время прогулки, что въ мартѣ въ Колпинѣ арестовано человѣкъ 25 рабочихъ. Но и этого собесѣдника я уже не могъ больше дозваться. Очевидно и его перевели. Дѣлаю попытки переговариваться на прогулкѣ, но безрезультатно: меня помѣщаютъ и здѣсь въ клѣткахъ между уголовными. Такая изоляція начинаетъ раздражать, тѣмъ болѣе, что я иногда фантазировалъ,—и не знаю, на чемъ была основана моя фантазія,—что именно только изъ предварилки мнѣ легче всего удастся подѣлиться новостями съ оставшимися товарищами въ Шлиссельбургской крѣпости о движеніи среди рабочихъ, а такъ хочется это сдѣлать!.. Вѣдь тамъ ничего кромѣ смутныхъ свѣдѣній о 96 годѣ не имѣется.

Приближается Пасха. Въ коридорѣ наводятъ чистоту. Метутъ, моютъ, натираютъ воскомъ полы, чистятъ мѣдныя ручки, задвижки. Дали и мнѣ щетку и воску кусокъ. Попрыгаль съ этой щеткой по камерѣ, навелъ глянецъ на полу ослѣпительный. Но мысль объ отпускѣ сверлитъ мозгъ. Значитъ, увезутъ меня только послѣ праздника. Родные, озабоченные снабженіемъ меня всѣмъ необходимымъ въ дальнюю дорогу, накупили всякой всячины и сдали въ канцелярію, которая однако черезъ нѣсколько дней объявила мнѣ, что арестантамъ разрѣшается брать съ собой вещей не болѣе 31 фунта, считая въ томъ числѣ и казенныя вещи. Большую часть купленныхъ вещей пришлось возвратить роднымъ. Облачаться въ собственное платье—мнѣ безусловно

запрещено. Отправятъ въ казенномъ. Насчетъ заковыванья и бритья еще ничего не выяснено. Если и кандалы пойдутъ въ счетъ 31 фунта, то на долю другихъ вещей останется не много. Впрочемъ меня-то все это мало тревожило, больше всего волновалъ вопросъ: когда же наконецъ отправятъ далѣе. Не разъ съ этимъ вопросомъ обращался я къ администраціи и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

— Ничего не знаемъ.

— Васъ еще не возили въ фотографію?—однажды спросилъ надзиратель, который, повидимому, немного понималъ меня.

— Нѣтъ. А что?

— А вотъ, когда повезутъ въ фотографію, снимутъ. Ну, тогда, значить, скоро можно ждать отправки. У насъ такой порядокъ. Сколько я здѣсь живу... Всегда такъ,—пояснилъ мнѣ надзиратель, который раньше былъ и не разговорчивъ и даже суровъ.

На его охладѣвшее и окаменѣвшее сердце подѣйствовала повидимому ночная исторія, надѣлавшая много шуму и волненій по камерамъ. На Пасхѣ ночью одинъ изъ заключенныхъ сдѣлалъ попытку покончить съ собою. Поднялась суматоха. Въ ту ночь, о которой говорю, шумъ былъ невѣроятный, по всему коридору раздавался крикъ, стукъ; истерическіе вопли и угрозы привели въ движеніе не только заключенныхъ, но и привычныхъ тюремщиковъ, которые на время какъ бы снова превратились въ людей чувствующихъ, хотя и не надолго. Шумъ, крики, стоны долго не прекращались. Помощники смотрителей ходили по камерамъ и успокаивали заключенныхъ.

II.

Отправка изъ Петербурга.

Въ первыхъ числахъ апрѣля продѣлали со мной процедуру фотографированія; а 15-го неожиданно явились ко мнѣ надзиратели съ помощникомъ во главѣ, попросили одѣться, взять всѣ свои вещи изъ камеры и послѣдовать за ними. На вопросъ: «куда, зачѣмъ?» опять отвѣтили: «не знаемъ», хотя я уже и догадывался. Въ пріемной передали меня какому-то усатому капитану и двумъ солдатамъ съ саблями наголо, о чемъ-то пошептались, предложили переодѣться въ шлиссельбургскій арестантскій костюмъ, который я считалъ уже утраченнымъ. Какъ я обрадовался этому сѣрому халату, воскресившему въ моей памяти бывшее... Молча, но внимательно слѣдятъ сторожа и конвойные, какъ я переодѣваюсь, вѣроятно, думая, не припрячетъ ли молъ чего «незаконнаго».

— Можно итти,—строго скомандовалъ усачъ, и мы двинулись къ воротамъ, гдѣ ожидала насъ карета. Внутри помѣстился я съ офицеромъ и одинъ изъ солдатъ, съ кучеромъ сѣлъ другой.

День сѣреный, сырой. Офицеръ приказалъ солдату завѣсить окна дверцы.

— Развѣ нельзя оставить открытыми?—спросилъ я, думая все же хоть что-нибудь увидѣть, увидѣть, какъ свободные люди ходять по улицамъ, какъ они себя держатъ, что дѣлаютъ.

— Не закрывай,—произнесъ офицеръ, нехотя.

— Скажите пожалуйста, куда меня везутъ? На станцію или въ другую тюрьму?

Офицеръ молчитъ. Чрезъ четверть часа мы были во дворѣ николаевского вокзала. Здѣсь уже стояла громадная партія арестантовъ, окруженныхъ солдатами. Вдали виднѣлась публика съ узелочками, сверточками. Нѣкоторыя женщины плачутъ. Подлѣ низенькаго конвойнаго офицера стоитъ богато одѣтая дама. Она въ слезахъ и траурѣ, о чемъ то проситъ. Сытый фельдфебель и два старшихъ солдата обходятъ шеренгу арестантовъ и пересчитываютъ...: 39, 40...—выкрикиваютъ они наперебой.

Какая пестрая толпа! Тутъ и арестантскіе халаты, и нѣмецкое пальто, и чуйки, и полушубки, и шляпки дамскія, и ситцевые платки—всѣ подъ конвоемъ. Почему то вся Русь матушка показалась мнѣ подъ такимъ же конвоемъ. А я то жду свободы!

— Не переходить съ мѣста! Считать мѣшаете. Опять сбили, окаянные!—выругался фельдфебель. Поѣздъ арестантскій уже поданъ. Мой офицеръ подошелъ къ офицеру партіи, что-то ему сказалъ, передавъ пакетъ, и меня прямо провели въ вагонъ. Усадили меня въ уголокъ довольно уютно, поставивъ у дверей солдата. Скоро закопошился арестантскій муравейникъ, раздалась брань конвойныхъ.

— Не лѣзь! Иди по одному! Егоровъ, дай ему въ морду! Чего онъ претъ!

— Господинъ конвойный, батюшка, разрѣши за хлѣбушкомъ сходить!—слышится слабый голосъ какой-то старухи.

— Я те разрѣшу! Иди въ вагонъ!

— Отецъ, родненькій, крошки во рту не было, есть хотца!

— Пошла, пошла! Потомъ купятъ,—вмѣшался другой.

— А мнѣ, служивый, ужъ бутылочку коньячку, закуски тамъ, сардинокъ что ли,—таинственно говорить молодой человѣкъ, одѣтый въ приличное пальто и въ котелокъ. Лицо его отвратительно. Челюсть нижняя далеко выдалась впередъ. Глаза стеклянныя, холодныя, сѣрыя, цвѣтъ лица, какъ размоченная кожа, подъ глазами мѣшки. Конвойный безъ протеста, безъ брани,

взялъ бумажку изъ рукъ котелка и тотчасъ же расчистилъ ему мѣсто. Въ вагонѣ идетъ суматоха. Рядомъ со мною свободныя мѣста, но на нихъ никого не сажаютъ. Что это значить? Неужели я одинъ? Неужели ни одного политика не поѣдетъ съ этимъ поѣздомъ? Или насъ разсадили по разнымъ вагонамъ? Однако я ошибался: чрезъ нѣсколько минутъ конвойный офицеръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Сейчасъ къ вамъ помѣстимъ трехъ товарищей. Мнѣ везетъ... Полтора года назадъ съ нами же ѣхала ваша, вѣроятно, знакомая, Людмила Александровна Волькенштейнъ? Вы ее знаете?

— Какъ же. Куда ее отвезли? Что-нибудь знаете? Скажите...

Офицеръ оказался весьма неглупымъ и въ высшей степени добродушнымъ человѣкомъ. Онъ до мельчайшихъ подробностей разсказалъ мнѣ о Л. Волькенштейнъ, какъ она ѣхала, какъ вела себя. Всего больше поразила его ея прямота и даже рѣзкость.

— Она у насъ накричала на конвойнаго за то, что тотъ грубо поступилъ съ арестантомъ. И она была права... Я распорядился... Какъ она сумѣла сохранить свое здоровье?.. Цвѣтущій видъ послѣ 13-ти лѣтъ тюрьмы!

Въ это время вошли новые конвойные и ввели троихъ молодыхъ людей, по внѣшнему виду рабочихъ. Сразу было видно, что это не уголовные.

— Вотъ вамъ и спутники!—проговорилъ офицеръ.

Отъ радости, что я не одинъ, что теперь со мною до нѣкоторой степени единомышленники, которые могутъ разсказать кое-что изъ современной жизни, я не нашелся, что сказать, лишь молча поздоровался, подавъ руку. Повидимому и они были смущены не менѣе меня. Молодые люди были почти одного возраста. Двое ткачей и одинъ граверъ. У послѣдняго удивительно интеллигентный видъ. Всѣ они по одному дѣлу, просидѣли года по полтора въ тюрьмѣ и теперь высылались въ Вятскую губернію административно за участіе въ забастовкахъ и по подозрѣнію въ распространеніи нелегальной литературы. Одинокое заключеніе потрепало ихъ сильно. Они производили впечатлѣніе страшно нервныхъ людей, особенно одинъ изъ нихъ, Иванъ. Онъ положительно не могъ на минуту остановить своего вниманія на одномъ предметѣ, на одной мысли. Задастъ одинъ вопросъ, и не дослушавъ отвѣта, сейчасъ же забрасываетъ другими, спѣшитъ говорить, говорить безъ конца. Своимъ поведеніемъ онъ сильно возмущалъ товарищей, которые постоянно останавливали его и дѣлали замѣчанія. Глаза у Ивана скорѣе прыгали, чѣмъ смотрѣли.

— Тебѣ надо лечь спать. Ты какъ сумасшедшій,—не разъ говорилъ ему Глоктіонычъ.

— Самъ иди, спи! Полтора года молчалъ. Хочется поговорить. Я все не могу забыть этого полковника на допросѣ. Морду, говорить, тебѣ разобью, если будешь отпираться.— Не смѣешь, говорю ему. Онъ какъ набросится на меня... Закричитъ.. Чуть-чуть не ударилъ. Ну и звѣрь...

— И ты не далъ бы сдачи?

— Я? Не знаю... Какъ хорошо, что мы ѣдемъ. Васъ куда назначили? Вы по какому дѣлу? Чаю бы напиться. Глоктіонычъ, давай чай налаживать, Ахъ, Александръ, я вѣдь разъ въ коридорѣ встрѣтился съ Мишей.

— Да перестань ты болтать,—остановилъ Ваню граверь. Ей Богу, надоѣлъ, не даешь намъ поговорить.

— А тамъ кто это сидитъ? Можетъ быть, тоже нашъ?

— Уголовный. Ну иди къ нему, побесѣдуй,—сказалъ Глоктіонычъ, желая отвязаться.

Ваня отправился къ подозрительному типу, который давалъ солдату деньги на покупку коньяку. И тамъ нашелъ себѣ собесѣдниковъ.

— Ну и вертушка! Чертъ его знаетъ, когда онъ угомонится.

— Не заболѣлъ бы онъ... Нервный ужъ очень, съ нимъ надо быть поосторожнѣе,—говорю я.

— Чего ему дѣлается. Онъ всегда былъ такимъ. И на волѣ... Я его знаю давно... надоѣдливъ, но зато ужъ куда-нибудь пойти, расшевелить, прокламаціи распустить—мастеръ... и разсвалъ же онъ ихъ пропасть.

— Какія же прокламаціи у васъ были?

— Листки, книжки... Неужели вы не читали?

— Гдѣ же онъ могъ читать, ты чего спрашиваешь?—вмѣшался граверь.

Оказалось, что за суматохой, шумомъ Глоктіонычъ не слышалъ моего отвѣта—кто я и откуда.

— Ну такъ вы ничего значить не знаете. Лучше бы вы намъ впередъ рассказали, какъ тамъ жилось. Неужели правда такъ долго просидѣли? Развѣ это можно?

— Кому кипятку нужно? Кому что купить? Сейчасъ поѣздъ пойдетъ!—закричалъ старшій конвойный, проходя по вагону и осматривая, всѣ ли на мѣстахъ.

— Скорѣй, Глоктіонычъ, чайники давай. Лимонъ хорошо бы.

— Нельзя ли газетъ?—обратился я къ конвойному.

— Никакъ нѣтъ. Просите начальника,—отвѣтилъ мнѣ солдатъ.

— Проводите меня къ нему.

— Не надо, поѣздъ пойдетъ, доставимъ,—тихо сказалъ мнѣ другой конвойный.

Закопошились арестанты въ вагонѣ. Каждый торопился сдѣлать заказъ покупокъ.

— Хоть бы скорѣй поѣхать! Такъ надоѣло сидѣть!—нетерпѣливо проговорилъ Ваня.

Граверъ сказалъ ему что-то на ухо, послѣ чего Ваня какъ то странно и недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня, какъ будто узналъ меня.

— Вы откуда? Неужели? Ей Богу, не вѣрится. Расскажите намъ все... вотъ ей Богу... что это такое?

— Пусть тронется поѣздъ,—перебилъ его граверъ.

Меня уже начала утомлять безтолковая сутолока, шумъ точно въ пчельникѣ, букетъ запаховъ и цвѣтникъ всевозможныхъ костюмовъ и лицъ. Вагонною психикою заражаюсь и я: ни на чемъ не могу сосредоточить вниманія. Глаза прыгаютъ съ фигуры на фигуру, улавливаю лишь отдѣльныя слова, фразы изъ общаго гама. Самъ говорю какими то обрывками фразъ, почти не имѣющихъ общей связи. Хочется и уйти, и остаться въ этой обстановкѣ. Какое то странное состояніе. Только когда тронулся поѣздъ, это настроеніе смѣнилось новымъ—желаніемъ уѣхать куда-то далеко, далеко... Разговоры наши продолжали оставаться отрывочными, изъ нихъ мнѣ однако удалось выяснить, что тотъ полемическій азартъ, который замѣчался въ прессѣ, не успѣлъ захватить глубоко группы лицъ, съ которыми работали мои спутники.

— Вы на волѣ читали журналъ «Новое Слово»?—спрашивалъ я ихъ, чтобы уяснить вліяніе этого органа на движущуюся часть рабочей массы.

— Когда тамъ? Никто изъ насъ о немъ и не слышалъ. Листки и книжки едва успѣваешь бывало прочитывать, а такія большія книги... и времени нѣтъ. Это только въ тюрьмѣ. Да и то половину не поймешь,—отвѣтилъ мнѣ граверъ.

— Брался я много разъ читать этотъ журналъ—ничего не разберу... пересталъ,—признавался Ваня.

— Программа у васъ была какая-нибудь? Кто-нибудь занимался съ вами, ходилъ, объяснялъ вамъ книги? Студентъ какой-нибудь или кто еще? Какъ у васъ началось все?

— Кто его знаетъ... Былъ старикъ одинъ, ткачъ... онъ намъ говорилъ о Перовской, о Желябовѣ, Тимофеѣ Михайловѣ. Такъ оно и пошло... Потомъ приносили какіе-то листки... книжечки, «хитрую механику», другія... пошли разговоры... рассказывалъ Глоктіонычъ.

— А Вѣра Фигнеръ жива? Фроленко? Морозовъ?—спрашивалъ граверъ: кажется самымъ выдающимся изъ нихъ былъ Александръ Михайловъ? Я читалъ его біографію... Какой умный, способный...

— Мнѣ біографіи больше листовъ нравились. Кибальчичъ былъ ученый?... Сколько хорошаго народу погибло! А васъ гдѣ судили? Почему братъ В. Фигнеръ поетъ, когда родная сестра тамъ томится?... Халтурина вы знали?..

Отвѣчаю, какъ могу, на всѣ эти вопросы, и прошлое непрерывною цѣпью всплываетъ въ памяти. Встаютъ образы, давно уже сошедшихъ въ могилу... вспоминаю свою нелегальную жизнь. Мнѣ уютно возлѣ моихъ спутниковъ.

— По моему, очень мало мы распространили этихъ книгъ,—сожалѣлъ Глоктіонычъ.

— Не приносили больше. Я передавалъ все, что самъ получалъ,—говорилъ граверъ.

— Александръ, скажи: отъ кого ты ихъ получалъ? Теперь вѣдь все равно?—любопытствовалъ Ваня.

Граверъ серьезно и строго смотрѣлъ на него, но отказывался удовлетворить праздную любознательность.

— Ну, какого же лѣшаго боишься: вѣдь все равно наше дѣло кончено... приставалъ Ваня.

— Отстань ты, Ванька! Тебѣ ничего нельзя говорить,—рѣзко вмѣшивался Глоктіонычъ: изъ-за вашей болтовни перевели Сашуху въ крѣпость. Хорошо это? Языкъ покороче держи. Кто приносилъ, да кто получалъ, какое тебѣ дѣло?

— А я что? Другіе сознались, что Александръ корзины приносилъ... Я послѣ нихъ признался, все ужъ равно... оправдывался Ваня.

Начались обычные послѣтюремныя препирательства, споры и обвиненія... По всему было видно, что граверъ былъ посредникомъ и проводникомъ нелегальной литературы на фабрику. Онъ казался болѣе развитымъ и сознательнымъ рабочимъ и пользовался болѣе высокимъ уваженіемъ среди послѣднихъ. И скромностью поражалъ онъ. Кто-то изъ арестованныхъ по ихъ дѣлу сознался, что литературу въ корзины приносилъ онъ. Жандармы, желая закрѣпить это показаніе подтвержденіемъ другихъ, поспѣшили убѣдить нѣкоторыхъ, что въ ихъ признаніи ничего предосудительнаго нѣтъ... Граверъ же и до конца дѣла отказывался что-либо разяснять. Зато его и продержали все время въ крѣпости.

— Ты, Александръ, сильно сердишься на меня? Вѣдь все равно ты уже былъ оговоренъ,—продолжалъ Ваня, который, повидимому, чувствовалъ смущеніе.

— Не сержусь, но такъ дѣлать не слѣдуетъ... Мало ли что другіе сдѣлали. Другіе украдутъ, и ты станешь воровать? А жандармы развѣ ложныхъ признаній не могутъ написать и показать тебѣ?

— Они мнѣ говорили, что и ты сознался. Я и подумалъ,—чего же мнѣ записаться? Только дѣлу проволочка.

— И тогда тебѣ нечего было говорить. Пусть я бы сказалъ на себя, другому не зачѣмъ рассказывать. Ты зналъ, что я ничего съ ними не говорю.

— Э, будетъ вамъ. Чего тамъ оправдываться, Ванька! Мы съ тобой свиньи. Надо было молчать и баста,—вмѣшался Глоктіонычъ, который сдѣлалъ то же, что и Ваня: намъ съ тобою дали по два года, а ему три. Это мы ему годъ прибавили.

Поѣздъ, казалось, несся съ головокружительной быстротой. Мелькали телеграфные столбы, деревья, деревеньки, сторожки. Кое-гдѣ лежалъ еще снѣжокъ сырой, сѣроватый. Хорошо бы теперь очутиться въ деревушкѣ, посмотрѣть, что тамъ думаютъ мужички! Можетъ быть и они зашевелились? Разспрашиваю своихъ спутниковъ. Но ихъ отвѣты не удовлетворяютъ меня. Глоктіонычъ, каждый годъ ѣздившій въ деревню на побывку, говорилъ, что и туда можно занести книжки, и тамъ можно говорить, только о царяхъ надо осторожно.

— Былъ у насъ одинъ,—не знаю откуда такой проявился,—онъ говорилъ, что мужикамъ говорить нечего, что они такіе же, какъ и фабриканты, какъ помѣщики, землю молъ имѣютъ... Сначала де у нихъ надо землю отнять, а потомъ съ ними, какъ и съ нами, фабричными разговаривать... Я сказалъ, что это дѣло не подойдетъ.—А я то кто? Мужикъ или баринъ? спрашиваю его, рассказывалъ Глоктіонычъ. Ты пролетарій, говоритъ онъ мнѣ,—ну, а въ деревню когда прихожу—значитъ бариномъ становлюсь? По вашему такъ?—Баринъ не баринъ, а собственникъ, землю имѣешь... Пока говорить ее имѣешь—значитъ ровно, что помѣщикъ? спрашиваю.—Вотъ ты поди-ка лѣтомъ въ страду посмотри, какъ мы помѣщикаемъ отъ зари до зари... Здѣсь де я пролетарій какой-то, а домой въ деревню вернусь—становлюсь ровно бариномъ... И умный, и разбитной былъ малый... Ты, Ванька, его видалъ, Володей звали. Студентъ, не студентъ и какъ будто не мастеровой. Такъ парень славный, а какъ бывало начнетъ насчетъ мужиковъ толковать, то и видно, что въ деревнѣ не бывалъ.

— Это и есть наши социаль-демократы,—пояснилъ граверъ.

— Вамъ приходилось съ ними сталкиваться?—спросилъ я.

— Какъ же, и этого Володю знаю... Любитель поспорить... Всѣхъ они называютъ социаль-демократами.

— А вы какъ къ этому относитесь?

— Да какъ хочешь, такъ и называй.

— Не то, я говорю о мужикахъ.

— Всегда спорилъ съ ними. Ни къ чему. Такъ зря время, бы-

вало, проводимъ. Читаль я потомъ въ крѣпости и въ предварилкѣ объ этомъ. Что-то ужъ больно мудрено пишутъ. Не люблю я такъ.

— По моему, только раздоръ поидетъ,—прибавлялъ Глontiоничъ.

Ваня, казалось, утомился и, свернувшись въ углу, заснулъ. Въ вагонѣ тускло горятъ фонари. Тамъ и тутъ раздается храпъ. Въ концѣ вагона два молоденькихъ конвойныхъ подсосѣдились къ двумъ арестанткамъ и амурничаютъ, какъ выразился одинъ изъ моихъ спутниковъ. Нетребовательныя плѣнницы очень довольны вниманіемъ казенныхъ ухаживателей. Онѣ кокетливо улыбаются, строятъ глазки. На противоположной лавочкѣ идетъ азартная игра въ карты. Слышится перебранка.

— Ты не такъ сходилъ! Надо было съ трефоваго короля. Большой шлемъ и не получился бы. Убирайся ты...

— Не ругаться! Еще драку поднимете! Старшой придетъ... и мнѣ достанется за васъ!—ворчалъ конвойный, стоя подлѣ игроковъ. Онъ, какъ оказалось, получилъ мзду за позволеніе играть и въ то же время боялся, какъ бы не накрыли, стоялъ на двойной стражѣ, слѣдилъ за игрой и за дверью, которая вела къ «старшому».

III.

Въ Бутырской тюрьмѣ.

По приѣздѣ въ Москву насъ снова разсадили по разнымъ каретамъ и отправили въ Бутырки, гдѣ съ Ваней случился первый нервный припадокъ, пока мы сидѣли въ канцеляріи и ожидали начальства. Я потребовалъ врача, но такого не оказалось, хотя было уже 10 ч. утра. Къ счастью припадокъ скоро прошелъ. Больного уложили на скамейку,—не лежитъ, вскакиваетъ, волнуется. Сидимъ въ канцеляріи, и все наше вниманіе обращено на Ваню. Съ нимъ творится что то неладное.—Неужели это начало безумія? На порогъ свободы? Этого еще не хватало! «Надо намъ заявить, чтобы Ваню въ больницу положили», говорю я спутникамъ.—Можетъ быть пройдетъ и такъ,—отвѣчаютъ они. Однако скоро припадокъ повторился и произвелъ не только на насъ, но и на дежурныхъ надзирателей тяжелое впечатлѣніе. Послали за фельдшеромъ... принесли всеисцѣляющей валерьянки и только.

— Помѣстить его въ больницу,—говоримъ мы.

— Безъ врача не могу,—отказывается фельдшеръ.

— Тогда извольте сидѣть здѣсь съ нимъ.

— Не волнуйтесь, господа, потерпите маленько, все устроится—вмѣшался старшій надзиратель, сухощавый стари-

чокъ, Акимычъ, какъ его звали всѣ.—А васъ я знаю, помню, когда васъ у меня брали... Помните, вы всѣ сидѣли въ корпусѣ, за вами пришли, въ крѣпость увозили?—обратился онъ ко мнѣ.

Смотрю и недоумѣваю: какъ можно вспомнить почти чрезъ четырнадцать лѣтъ? Вѣдь я тогда былъ совершеннымъ юношей, безъ усовъ, безъ бороды. За это время предъ глазами старика-тюремщика прошли десятки тысячъ людей.

— Не помните? Вотъ видите, а я помню: вы еще шли сзади и спросили—куда васъ отправляютъ, а я отвѣтилъ вамъ тихонько: кажется, въ Шлиссельбургъ. Помните, сзади васъ шелъ надзиратель—это былъ я. Я и Владиміра Глоктіоныча помню, и Натансона... Много народу хорошаго у насъ прошло... мы живемъ со всѣми хорошо. Я башнями, политикой, значить, завѣдую,—откровенничалъ Акимычъ, усѣвшись рядомъ на скамейкѣ. Но какъ только дверь скрипнула и показался помощникъ начальника,—старикъ вскочилъ со скамейки, и вытянувшись по-военному, началъ докладывать о насъ.

— Особыхъ бумагъ ни съ кѣмъ нѣтъ?—спросилъ помощникъ.

— Есть...

— Вѣроятно о васъ,—тихо сказалъ мнѣ граверъ, когда начальство удалилось въ сосѣднюю комнату. Чрезъ десять минутъ всѣхъ моихъ спутниковъ увели. Я остался одинъ.—Неужели изолируютъ? Или сразу отправятъ далѣе? Страшно не хотѣлось мнѣ ни того, ни другого.

— Васъ приказано помѣстить отдѣльно,—сказалъ Акимычъ, пытливо глядя мнѣ въ глаза: вамъ не хочется быть врозь? Ничего... мы устроимъ васъ вмѣстѣ. Помѣщенія нѣтъ—и баста! Пойдемте, я васъ къ товарищамъ отведу. Тамъ еще одинъ сидитъ...

— Но вѣдь вамъ, Петръ Акимычъ, попадетъ за это? Ужъ лучше посадите меня отдѣльно... я не желаю васъ подводить.

— Не опасайтесь. Я здѣсь двадцать годовъ. Порядки знаю,—сказалъ мнѣ Акимычъ увѣренно.

Пока мы съ нимъ шли по коридорамъ и дворамъ тюремнымъ, онъ успѣлъ сообщить мнѣ и о начальствѣ и о современной политикѣ, которую онъ ставилъ гораздо ниже прежней. Подъ политикой онъ разумѣлъ политическихъ заключенныхъ. Разсказалъ, какіе у него подарки имѣются отъ послѣднихъ. Назвалъ и даже описал наружность многихъ изъ моихъ прежнихъ товарищей, прошедшихъ въ ссылку черезъ Бутырки. У Акимыча была феноменальная память на лица и имена.

— Вотъ это у насъ часовая башня называется. Въ ней вы всѣ вмѣстѣ и будете сидѣть,—провозгласилъ онъ, когда мы подошли къ желѣзной калиткѣ, отдѣляющей дворикъ башни отъ общаго

тюремного двора.—Перведенскій, отопрѣ!—крикнулъ онъ надзирателю. Загремѣли ключи, звякнула дверь, и мы въ предѣлахъ часовой башни. Здѣсь по узкому коридорику и такой же узенькой лѣстницѣ поднялись вверхъ. Когда отворилась дверь въ большую камеру, я нашелъ въ ней своихъ спутниковъ и еще новаго молодого человѣка высокаго роста съ цыганскимъ лицомъ.—Иванъ Морозовъ!—отрекомендовался онъ.

— Вотъ, Морозовъ, ты ихъ познакомъ съ порядками. Ты вѣдь у насъ теперь старшой. Дольше всѣхъ живешь, обратился къ нему Акимычъ.

— Съ выпиской какъ быть, Акимычъ? Надзиратель уже ушелъ. Ты тамъ постарайся. Да баню бы намъ поскорѣй. Не можешь ли насъ въ первую очередь?—спросилъ Морозовъ.

— Что за патріархальные нравы и порядки?—спрашиваю себя: арестантъ и надзиратель на—ты... разсуждаютъ по семейному, точно два равноправныхъ.

— Ужъ я все устрою. Записочку надо. Самоваръ подавали? Ничего я распоряджусь. Перведенскій, скажи-ка тамъ насчетъ самовара. Гостей съ дороги чайкомъ Морозовъ напоить.

— Что такое, Василій Семеновичъ: мнѣ все кажется, что мы ѣдемъ? Ёдемъ, ёдемъ! Ишь, какъ все трясется, шатается! Ей Богу!—нервно и странно обратился Ваня.

— Это послѣдствіе сидѣнья въ вагонѣ.

— Нѣтъ, ей-Богу, ёдемъ, чертъ возьми! Что такое?—вскрикнулъ Ваня. Лицо его исказилось, почернѣло, онъ зашатался. Хватаемъ его.

— Нѣтъ, это невозможно, Петръ Акимычъ! Какъ вамъ угодно, а позовите доктора. Я буду просить, чтобы его въ больницу положили.

— Пройдетъ. Успокойтесь. Скоро докторъ будетъ. Я скажу. А вы его пока уложите спать. Оно и пройдетъ,—утѣшилъ насъ Акимычъ и ушелъ.

Мы остались одни. Ваня долго не пролежалъ, вскочилъ и опять затараторилъ, засуетился. Онъ то вспрыгнетъ на подоконникъ, посмотреть въ окно, то подбѣжить къ намъ, бросить два-три вопроса, опять къ окну. Нашъ новый товарищъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что творилось съ Ваней. Онъ, какъ старожилъ и исполнительное лицо, приступилъ къ посвященію насъ въ порядки башни. Обо всемъ разсказывалъ, какъ знатокъ: когда приносятъ чай, обѣдъ, когда водятъ гулять...

— А книги даютъ?—кто-то спросилъ.

— Тамъ внизу стоитъ какой-то шкафъ. Хотите, берите.

— Вы давно здѣсь?—спросилъ я.

— Мѣсяцъ. Двѣ недѣли назадъ тутъ сидѣла такая компанія, такая компанія! Пѣли какъ здорово! Пасху весело провели. Нанесли имъ всего: варенья, конфектъ, куличей. А говорили какъ! Лучше всѣхъ Лурье. Какъ, бывало, начнутъ споръ... ну, куда имъ! Всѣхъ заговорить.

— Все рабочіе или и студенты были? Куда же ихъ отправили?

— Въ Восточную Сибирь всѣхъ 11-ть человѣкъ, съ ними двѣ женщины. Тоже бѣдовья... Все социаль-демократы, только двое какъ-то по другому себя звали. Тутъ вотъ на табуреткѣ всѣ расписались.

Читаемъ надписи, ихъ довольно много. Дѣйствительно, все социаль-демократы, среди нихъ лишь противъ четырехъ фамилій написано—народовольцы. Начинаетъ выясняться картина движенія, которое начало развиваться послѣ 1894 года, большинство подписей обозначено болѣе поздними годами. Въ 1896-мъ и 1897 г. черезъ бутырскую тюрьму прошло порядочно народу и съ сѣвера и съ юга Россіи, но большинство было—представители интеллигенціи, рабочихъ прошло немного. Между тѣмъ стачечное движеніе, начавшееся въ Петербургѣ, быстро разлилось по всей странѣ. Для меня было большой загадкой—какимъ образомъ это произошло. Неужели скрытая работа интеллигенціи велась такъ широко, такъ умѣло?—спрашивалъ я себя.

Иванъ Морозовъ ничего не могъ прибавить новаго. Онъ самъ попалъ случайно на забастовку въ Орѣховѣ-Зуевѣ. По профессіи онъ былъ гармонистъ: игралъ на гармоникѣ въ Москвѣ по трактирамъ.

— А тутъ, какъ на грѣхъ, позвали меня въ Орѣхово на свадьбу играть. Поѣхалъ... свадьбу сыграли, трахъ, забастовка приспѣла...—разсказывалъ онъ: пригнали полицію... сначала ничего себѣ, потомъ стали къ дѣвкамъ приставать.. ну, мы и давай ихъ отшивать. Бунтъ, говорятъ... Какой тутъ бунтъ?! Просто къ дѣвкамъ не давали приставать, а они бунтъ... Разъ подрались здорово, ну, и забрали нѣкоторыхъ, а я было ушелъ. Хотѣлъ въ Москву уѣхать. Песъ съ ними, думаю! Иду на станцію, меня и сграбаздили. Бунтовщикъ, говорятъ, скрыться хочетъ. Леворверъ нашли, отняли, гармонику—тоже. А у меня она двухрядка. Эхъ, если бы дали сюда! Я бы вамъ сыгралъ. Ведутъ меня и ругаютъ. Стыдно это мнѣ: народъ-то смотреть. Что вы думаете! Какъ заплачу! А они жандары-то: ишь, говорятъ, бунтовать любить, а въ тюрьму такъ плакать. Сюда привели,—тутъ вижу народъ хорошій сидитъ, студенты, ученые... приласкали: говорятъ, чего стыдиться?—Ты, чай, не за воровство.—Вѣстимо нѣтъ. Вотъ и сижу. А, право, не знаю за что?

— Какъ не знаешь?—воскликнулъ Ваня: ты расписался на табуреткѣ,—«соціалъ-демократъ»? Значить, знаешь. За это вотъ и посадили.

— Развѣ?—удивился Морозовъ,—я не зналъ.

— Ну вотъ будешь знать,—пошутилъ Глоктіонычъ.

— Я право не знаю, что такое соціалъ-демократъ. Говорили они тутъ, соціалъ-демократъ, соціалъ-демократъ. Они меня и записали такъ. «Министрація» узнаетъ, пожалуй, плохо будетъ. Лучше стереть!

— Ну-у! Испугался? Чай здѣсь лучше, чѣмъ по трактирамъ шататься, да рюмки допивать?

— Я вотъ здѣсь началъ грамотѣ учиться, да уѣхали... некому со мною заниматься.

Я предложилъ свои услуги. Но Морозову не пришлось ими воспользоваться. Его скоро отъ насъ увезли—освободили. Съ Ваней начали повторяться такіе жестокіе припадки, что мы однажды заявили категорически: не пойдемъ въ камеру, пока его не уведутъ въ больницу. У Вани оказалась падучая. Гуманные (?) врачи, вмѣсто больницы, посадили его къ сумасшедшимъ, гдѣ и продержали цѣлую недѣлю.

Въ часовой башнѣ сидѣли мы довольно свободно: много читали, много гуляли. Акимычъ благоволилъ къ намъ. Но какъ-то утромъ рано явился и сказалъ, что прогулку нашу придется сократить въ виду того, что привезли еще много—политики, которую приказано къ намъ не допускать.

— Ну, а насъ-то къ нимъ можно?

— И васъ нельзя. Никакъ нельзя.

— Нѣтъ ужъ вы, Акимычъ, пожалуйста, устройте. Мнѣ очень интересно повидать, поговорить. Такъ я давно не видалъ людей!

— Народъ-то простой; сѣрый. Какой вамъ интересъ!—возражаетъ Акимычъ,—человѣкъ десять въ лаптяхъ,—прямо изъ деревни значить.

— Вотъ съ такими-то и хочется, Акимычъ!

— Какъ бы не попало. Мнѣ приказано посадить ихъ внизу. Только ничего интереснаго вы не найдете. Какая это политика? И чего ихъ въ тюрьму сажаютъ? Они и грамотѣ-то не знаютъ... говорилъ Акимычъ.—Но все же въ концѣ-концовъ обѣщалъ допустить меня одного въ камеру пересылаемыхъ забастовщиковъ. Это дѣйствительно былъ народъ еще совершенно сѣрый, полуфабричный, полудеревенскій, захваченный стихійно стачечнымъ экономическимъ движеніемъ. Видѣлъ ихъ до сотни, ни одинъ изъ нихъ не могъ мнѣ сказать, за что и какъ они попали.

— Обманывали насъ,—ну мы и не пошли на работу,—говорили мнѣ фабричныя съ одной изъ подмосковныхъ фабрикъ.

— Почему не пошли на работу? Почему не обратились къ хозяину или тамъ къ директору, чѣмъ прекращать работу?—спрашивали нѣкоторые.

— Такъ и на другихъ фабрикахъ дѣлають. Словами ихъ не проймешь.

— И сдуру. Сами безъ работы остались и другихъ запутали... до тюрьмы довели! Накостылять бы вамъ шею,—сердились недовольные.

— Попробуй, накостылай!

— Матушка, царица небесная, заступись! Съ роду въ тюрьмѣ не бывалъ! Господи, до чего дожилъ!—почти плача, говорилъ одинъ изъ забастовавшихъ, стоя на колѣняхъ предъ маленькимъ деревяннымъ образкомъ.

— Ну чего ты хнычешь? Точно баба!—ругали его товарищи: на фабрикахъ тебѣ лучше жилось—а? Фатера-то у тебя была такая, а? А тамъ ты што ѣлъ? Лукъ съ квасомъ, да квасъ съ лукомъ. А работалъ сколько... съ пяти утра до 9 вечера.

— Правда, родной! Гнѣвлю я Бога зря. Что и говорить... только все же какъ то зазорно въ острогѣ сидѣть, словно воръ, или душегубъ какой.

— Какъ бы это, землячокъ, письмецо домой написать?—обращается ко мнѣ одинъ. Жена у меня дома, четверо дѣтей; земли-то надѣлъ и десятины нѣтъ. Да и земля-то какая! Слыхалъ нашъ Юхновскій уѣздъ?

— Ахъ, шутъ ихъ побери! То нагайками ни за што, ни про што отлупили. А потомъ, словно господъ, въ каретахъ въ острогъ доставили! Смѣшно!—острилъ высокій рабочий въ красной рубахѣ.

— Больно проклятые отстегали! Пошупай, и по сіе время рубецъ на спинѣ!—говорилъ другой молодой парень.

— Мало васъ, дураковъ, били. Два десятка казачишекъ семьсотъ душъ разогнали, точно баранье какое. Когда на кулачки дерутся межъ собою,—куда храбры, точно сатанѣють. А тутъ дрянъ и только! Баранье!—ругался низенькій брюнетъ шустрый мужичокъ.

— А ты не трусь, не бѣжалъ?

— Не бѣжалъ! Вы, окаянные, смяли... не вы, такъ, братъ, не дался бы. Самъ бы пропалъ, ну и изъ казачишекъ хоть одного, а утащилъ съ собой на тотъ свѣтъ.

— Правда, Гаврюха! Ты, братъ, молодець. Ловко ты одного стеганулъ. Видѣть я, какъ онъ съ коня—брыкъ!..

— А противъ начальства нѣшто можно?

— А противъ народу нѣшто можно? Мы трогали начальство? Казаки первые начали безобразничать...

— Подумай-ка, землякъ, какъ хорошо намъ жилось въ спальняхъ (это такъ называемыя дешевыя фабричныя квартиры)! Даже казаки коней не хотѣли туда ставить, говорили: у насъ въ конюшняхъ лучше. А насъ загонять въ эти хлѣвы вздумали,—обратился ко мнѣ одинъ изъ новичковъ,—и денежки за это подай, словно за квартиру.

— Давно ли сталъ такимъ взыскательнымъ? Подумаешь, какой баринъ-дворянинъ. Отцы, дѣды наши жили да и сами тоже, а тутъ вдругъ плохо стало, строй хоромы для нашей вороны!—сердито кричалъ какой-то косматый мужичокъ.

— Молчи, скула! Иди, цѣлуйся съ ними!—огрызнулся рассказчикъ: мало его, дурака, обирали, да въ хлѣву держали, онъ молчалъ. Чуть огрызнулся, нагайкой отлупили. Нечего было огрызаться. Галдѣть мастера...

— А ты!..

— Я и молчу, не жалюсь...

— Чѣмъ вамъ ссориться между собою, не лучше ли разобраться, пораздумать да обсудить безъ брани,—останавливаю я расходившагося мужика: что толку въ томъ, что ты его упрекнешь, онъ—тебя, а потомъ поругаетесь... межъ тѣмъ на фабрику вернетесь, рядомъ будете работать, тянуть лямку. Опять васъ обижать будутъ...

— Нѣтъ, землякъ, на фабрикахъ намъ не быть! Насъ вотъ здѣсь 120 человекъ. Всѣхъ, значитъ, домой посылають, въ деревню. А ужъ въ городъ не моги.

— Еще лучше. Вы и тамъ расскажите толкомъ... По правдѣ ли съ вами поступили?... И тамъ призадумаются... иначе о чемъ вы дома будете рассказывать? Какъ въ тюрьмѣ сидѣли, да ссорились? Какая вамъ честь будетъ дома? И дѣти скажутъ: острожники безпутные; только и дѣла, что бранятся межъ собою.

— Правда, землякъ, правда.

— А ты самъ то изъ какихъ будешь?

— Тоже значитъ за забастовку?..

Я кратко рассказалъ свое прошлое.

— Ты, можетъ быть, нашего Тимофея знавалъ въ Питерѣ-то?—спросилъ меня одинъ изъ слушателей, землякъ Тимофея Михайлова.

— А ты гдѣ же теперь?

— Съ нами бы остался. Любопытно, землякъ! У тебя отецъ съ матерью есть?

— Нѣтъ.

— То-то на тебѣ и одеженка-то арестантская. Купить не на што. Ребята, сложимся?—какъ-то просто и искренне сказалъ буйный мужичокъ, и самъ-то обутый въ рваные сапоги. Я готовъ былъ броситься и расцѣловать его.

— Спасибо, спасибо! У меня все есть. Но мнѣ не разрѣшаютъ свое носить.

— Это, значить,—какъ бы для безчестья держать тебя въ арестантскомъ,—пояснилъ кто-то.

— Василий Семеновичъ, пора выходить. Сейчасъ помощникъ придетъ,—появился Акимычъ.

— Пусть побудетъ съ нами.

— Нельзя, нельзя, господа!—возражалъ Акимычъ.

— Какіе мы, господа! Мы простой народъ,—протестовали мужички.

Пока они сидѣли въ нашей башнѣ, я каждый день навѣщалъ ихъ, и мы стали понимать другъ друга... Предъ отправкою многіе дали обѣщаніе «не спать» въ деревнѣ... А одинъ изъ солдатиковъ, котораго я училъ грамотѣ, заявилъ, что теперь-то онъ нигдѣ не будетъ молчать: въ дорогѣ и въ деревняхъ будетъ толковать народу, какъ надо жить.

Въ теченіе какихъ-нибудь трехъ недѣль чрезъ Бутырки прошло болѣе двухсотъ человѣкъ фабричнаго люда, сѣраго, безграмотнаго, который, можетъ быть, еще десять-пятнадцать лѣтъ спалъ бы, тянулъ покорно лямку, если бы съ одной стороны не стачечная волна, съ другой—не дикое преслѣдованіе и издѣвательство за малѣйшій вопль со стороны угнетенныхъ, обездоленныхъ массъ, доведенныхъ до отчаянія. Неурожаи, сдѣлавшіеся почти хроническими во многихъ губерніяхъ, и быстро растущее мало-земелье,—выбрасывали изъ деревень сотни тысячъ голоднаго люда, готоваго въ первое время работать на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы заработать кусокъ хлѣба. Но какъ только острый моментъ голода миновалъ, тотъ же рабочій почувствовалъ весь ужасъ своего и матеріальнаго, и человѣческаго положенія. Начались протесты сначала въ болѣе культурныхъ центрахъ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, и скоро потомъ разлились по всей Россіи въ видѣ стачекъ и забастовокъ, нерѣдко безъ всякаго вліянія со стороны революціонныхъ элементовъ. Это движеніе несомнѣнно долго не вышло бы изъ извѣстнаго русла, если бы правящіе классы сами не распространяли его по всей странѣ. Арестовывая массами рабочихъ и разсылая ихъ по разнымъ губерніямъ, они такимъ образомъ сами помогали «перебрасываться» движенію, которое въ сущности только начинало возрождаться. Вотъ что мнѣ гово-

рили сознательные рабочіе, высылаемые въ Астраханскую, Вятскую и Вологодскую губернію.

— Никогда бы мы сами не смогли поѣхать туда для пропаганды. А теперь удобный случай: на казенный счетъ хоть и этапнымъ порядкомъ, но мы туда попадемъ. И развѣ молчать будемъ? Жди!.. Какъ разъ!.. Пока до мѣста довезутъ, такъ сотни людей повстрѣчаемъ, поговоримъ. Пускай перегоняютъ. Не страшно. А тюрьма? Что намъ она? Фабрика тоже тюрьма.

И когда господа положенія увидѣли это, то пустили въ ходъ самое рискованное средство—провокацію въ Зубатовско-Судейкинскомъ родѣ, чѣмъ думали въ своихъ рукахъ удержать быстро растущее рабочее движеніе. Къ чему провокація привела,—они узнали позже... Но не все только сѣрый, неподготовленный людъ попадалъ въ нашу башню. Приходили и сознательные рабочіе, которые хотя и мало читали, все же кое-что слышали о прошломъ, подобно моимъ спутникамъ изъ Петербурга. Но о партійности они и понятія не имѣли. Лишь одинъ рабочій съ юга, нѣкто З-нъ поражалъ своею категоричностью. Обмѣнявшись обычнымъ привѣтствіемъ, мы съ нимъ заговорили о современномъ движеніи, причемъ я выразилъ нѣкоторыя надежды на возможность распространенія идей и въ крестьянскую массу.

— Ну, ужъ это надо оставить,—самоувѣренно возразилъ З-нъ: надѣюсь, когда Вы поближе познакомитесь съ марксистской литературой, сами откажетесь отъ старыхъ утопій. Онѣ теперь всѣми осуждены. Надо ихъ забыть.

— Вы мнѣ сказали не новость,—перебилъ я его: знаете, отъ кого я слышалъ точно такой же приговоръ? Отъ жандармскаго подполковника.

З-нъ сначала обидѣлся, но потомъ снова сталъ доказывать необходимость пролетаризаціи всего крестьянства, не имѣя ни малѣйшаго представленія о послѣднемъ.

— Вы хотите семидесяти-милліонное крестьянство обратить въ пролетаріевъ и лишь потомъ пріобщить ихъ къ лону православія? Это не только утопія, а и жестокость. Хоть убейте, не могу вмѣстить Вашей точки зрѣнія. И лучше намъ объ этомъ прекратить разговоръ.

— Волей-неволей, а придется Вамъ сдѣлаться социаль-демократомъ, иначе жизнь оставитъ Васъ за бортомъ,—продолжалъ З-нъ: у васъ буржуазная обосновка и буржуазная психологія.

— Тѣ же фразы съ такимъ же правомъ могъ бы и я сказать Вамъ, но вѣдь это ни къ чему.

— Вы не читали «Новаго Слова». Совѣтую...

— Уже дѣло было.

— И что же? Не убѣдились? Мало Вамъ? А Бельтова читали?— Допрашивалъ меня З-нъ.

— Кромѣ этихъ книгъ, имѣются другія. Плохо, что Вы ихъ не читаете,—говорю я.

— Ну что напримѣръ? Михайловскаго? Лаврова? Карѣева?— скажете, съ какимъ-то даже сожалѣніемъ перечислилъ З-нъ фамиліи этихъ писателей.

— И Вы ихъ, конечно, не читали. Ничего нѣтъ хуже какъ критика по слухамъ,—уже не сдержался я: это походитъ на правосудіе, гдѣ выслушиваютъ только обвинителя...

— Зачѣмъ зря время тратить. Экономическій матеріализмъ опрокинулъ Вашъ старый фундаментъ, что же объ этомъ толковать? Надо забыть,—перебилъ меня З-нъ.

— Все это общія фразы, шумныя, но голословныя. Болтаемъ мы съ Вами часъ. Задѣваемъ много вопросовъ но рѣшаемъ общими крикливыми фразами. Въ головѣ только туманъ, по крайней мѣрѣ у меня. Дѣйствительно отъ такихъ отрывочныхъ мыслей, брошенныхъ въ короткое время съ такой самоувѣренностью, съ такой непогрѣшимостью, въ моей головѣ облеклось все мутною пеленою. Мысленно я задавалъ себѣ вопросъ: не отсталъ ли я настолько отъ живой жизни, что уже не въ состояніи усвоить новыхъ идей? Можетъ быть, я подхожу къ этимъ идеямъ не съ той стороны, съ какой слѣдуетъ? Но вѣдь я читалъ произведенія провозвѣстниковъ этихъ новыхъ идей и, право, въ нихъ по меньшей мѣрѣ три четверти краснбайства и трескучей претенціозной полемики. Изъ споровъ съ З-нъ я убѣдился, что самъ онъ никогда не читалъ и не прочтетъ ни Лаврова, ни Михайловскаго, ни Карѣева отчасти потому, что у него нѣтъ для этого времени, а главное потому, что этихъ писателей почти «прокляли на социаль-демократическомъ вселенскомъ (?) соборѣ г.г. Плехановъ, Ленинъ и Ко», какъ гласила одна надпись въ одномъ изъ номеровъ «Новаго Слова», которую я прочелъ въ бытность свою въ «предварилкѣ».

— Вы давно участвуете въ движеніи?—спросилъ я З-на, жили въ деревняхъ и въ городахъ, кромѣ Кіева?

— Нигдѣ... Да это вѣдь все равно. Экономическій матеріализмъ вездѣ одинъ и тотъ же.

— Но люди разные!

— И люди одни и тѣ же, подчинены тому же экономическому матеріализму... Знаете, что я Вамъ скажу: даже старые народовольцы переходятъ къ намъ, и съ Вами случится то же. Вѣдь меня въ Кіевѣ распропагандировалъ старый рабочій К. токарь, бывшій народоволець.

— Какъ его имя?

— Андрей.

— Да это мой давнишній пріятель. Живъ онъ? Гдѣ?

— Сидить... Но онъ сдѣлался самымъ настоящимъ социаль-демократомъ, Вы не радуйтесь, спѣшилъ охладить меня З-нъ.

Услышавъ о своемъ старомъ пріятелѣ, я былъ чрезвычайно обрадованъ. Меня совершенно не интересовало, социаль-демократъ онъ или кто другой. Для меня было важно, что онъ сохранилъ живую душу, что онъ живъ. Съ этимъ К. мы когда-то жили въ одной комнатѣ, работали на одномъ заводѣ, гдѣ насъ чуть-чуть не убило балкою, не во время опущенной разсѣяннымъ монтеромъ. Я вкратцѣ разсказалъ З-ну о прошломъ К., котораго я потерялъ изъ виду еще въ 1883 году.

— Маленькій онъ, а сбить крѣпко. Жизнь потрепала и его. Сидитъ онъ второй разъ. Первый—для него былъ особенно тяжель: потерялъ жену и двоихъ дѣтей. И все же не палъ духомъ. Вышелъ изъ тюрьмы, потосковалъ, потосковалъ и опять за работу. Тамъ у насъ былъ еще другой старикъ, можетъ быть, и его знаете: харьковскій помощникъ машиниста Х. Тоже работаетъ у насъ, но это уже не то, что Андрей.

— Ну вотъ видите, какъ Вы несправедливы къ прежнимъ теченіямъ. Осуждаете ихъ, и ихъ же людямъ обязаны возрожденію движенія. Боюсь, что такое Ваше отношеніе къ исторіи вызоветъ нехорошія стороны у людей: мелкое самолюбіе, тщеславіе, поверхностное отношеніе къ мнѣніямъ другихъ, словомъ все, что не объединяетъ людей, а разъединяетъ.

— Такъ оно и должно быть. Классовое сознаніе требуетъ этого,—перебилъ меня З-нъ: затемнять это сознаніе—значитъ смѣшиваться съ буржуазными элементами, которые потомъ завлекутъ рабочій пролетаріатъ въ политику.

— Господа, пора по своимъ камерамъ, сейчасъ помощникъ придетъ,—сказалъ появившійся надзиратель.

— Вы всегда говорите помощникъ придетъ,—перебилъ его З-нъ: мы еще съ Вами побесѣдуемъ, я увѣренъ, что обращу Васъ въ свою вѣру,—полушутя сказалъ мнѣ З-нъ на прощанье.

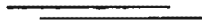
— А, можетъ быть, я Васъ?—отвѣтилъ я.

Но больше мы уже не встрѣтились. З-на на другой день увезли въ С.-Петербургъ въ «Кресты», куда онъ былъ административно приговоренъ на 6 мѣсяцевъ.

Недѣлю-двѣ я оставался совершенно одинъ. Наступилъ какой-то перерывъ. Въ башню никого не сажали. Это меня огорчало. Къ людямъ я же сталъ привыкать и безъ нихъ скучалъ. Часто упрекалъ себя въ жестокомъ эгоизмѣ. Желать привоза въ тюрьму свободныхъ людей—это ужасное чувство. Но такова психологія узника.

Свиданіе съ родными разрѣшали мнѣ разъ въ недѣлю въ теченіе одного часа. Мои сестры аккуратно навѣщали меня, нерѣдко приводили съ собою своихъ дѣтей. Какъ много лѣтъ прошло! Вѣдь я помню младшихъ своихъ сестеръ такими же маленькими, какъ дѣти старшей сестры! Много тепла, свѣта вносили въ мою жизнь эти милыя, родныя лица. Все дѣтство воскресало въ моей памяти. Далекое дѣтство... лѣса, рѣчки, поля, деревни съ избышками, покрытыми соломой, школа, родная милая школа, углубившая мои чувства, мои мысли... Да, есть чѣмъ вспомнить дѣтство, гдѣ было много труда и невзгодъ. Но зато тамъ ярче всѣ радости, всѣ свѣтлые дни. Они, какъ звѣзды, блестятъ въ далекомъ прошломъ. Возвратившись со свиданія, я цѣлыми часами сидѣлъ на койкѣ въ своей камерѣ, перебирая прошлое. Тамъ, въ дѣтскіе годы, даже религія казалась мнѣ прекрасною, не только не одурманивающею мою душу, наоборотъ, освѣжающей, дающей ей свѣтъ...

В. Панкратозъ.

И. П. Каляевъ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

Памяти незабвеннаго Михаила Рафаиловича Гоца.

«Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой,
какъ будто все то, что случилось со
мною, жило съ раннихъ лѣтъ въ моемъ
предчувствіи и зрѣло въ тайникахъ
сердца для того, чтобы вдругъ излиться
пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ».

I.

Яркимъ, сіяющимъ мартовскимъ утромъ, когда улицы Петербурга были заполнены веселымъ, наряднымъ народомъ, поспѣшившимъ выйти на солнце, чтобы насладиться его первыми предвесенними ласками, мы шли умирать.

По дорогѣ туда я зашелъ въ одно мѣсто для встрѣчи съ товарищемъ.

Тамъ было двое.

— Вотъ Поэтъ! — сказалъ мнѣ товарищъ. Я взглянулъ на того, кого называли Поэтомъ. Молодое, интеллигентное, удивительно хорошее лицо все свѣтилось яркой улыбкой. Чистые пронизательные глаза внимательно скользнули по мнѣ и заискрились такой лаской, что мнѣ стало тепло и хорошо, какъ будто солнце подарило и меня своимъ первымъ предвесеннимъ лучомъ. Захотѣлось пожать ему руку, но была пора разойтись.

Ровно безъ четверти въ 12 я — на посту. По всей Фонтанкѣ, отъ Департамента до Невы, и дальше до Зимняго дворца, царитъ странное оживленіе, необычайное даже для этого веселаго дня.

Среди обычной гуляющей публики, какъ хищныя щуки среди мирной рыбешки, шныряютъ странные, подозрительные люди. По виду, они тоже мирный народъ, тоже спѣшатъ по дѣламъ или наслаждаются солнцемъ. Но опытный глазъ не довѣритъ ихъ дѣловитости и беззаботности. Пахнетъ шпиономъ...

Я взглянулъ на Цѣпной мостъ; оттуда долженъ показаться роковой сигналъ — его дастъ Поэтъ. Онъ стоитъ, небрежно опер-

¹⁾ Перепечатывается съ заграничнаго изданія, съ разрѣшенія семьи Е. Сазонова. Ред.

шись на рѣшетку. Людской потокъ непрерывной волной несется черезъ мостъ. И среди него одна неподвижная, застывшая въ мечтательной позѣ, фигура.

Какой рѣзкій вызывающій контрастъ...

Темныя силы какъ будто уже пронюхали—въ чемъ дѣло. Вотъ онѣ съ обѣихъ сторонъ Фонтанки, отовсюду стекаются къ нему, вотъ засновали вокругъ, оглядываютъ, обнюхиваютъ.

Вотъ конный жандармъ, что истуканомъ стоитъ у начала моста, устремилъ свой орлиный взглядъ туда же, смотреть на Поэта, не спуская глазъ. Такъ и кажется, вотъ-вотъ онъ стремительно, птицей кинется къ намѣченной жертвѣ, схватить ее и будетъ «тащить и не пущать»...

Становилось жутко за Поэта, такъ долго стоявшаго подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ взоровъ... Минуты текли за минутами...

Безмятежное яркое сіяніе неба, музыка звонкихъ дѣтскихъ голосовъ, веселый гулъ толпы, радующейся весеннему солнцу, тревожное волненіе ищекъ и мы, обреченные на смерть и затерянные среди этихъ людей то чужихъ, то враждебныхъ намъ...

Въ душѣ нарастала грозная атмосфера, тяжелая, напряженная, вотъ-вотъ грянетъ!

И вдругъ — бахъ!

Гулъ отдаленнаго выстрѣла потрясъ воздухъ. Невольная дрожь пронизала...

Я оглянулся: ничего особеннаго—петропавловская пушка оповѣстила Петербургъ о полднѣ...

Поэтъ уже не стоялъ, какъ прежде: прогуливаясь взадъ и впередъ по мосту, онъ своимъ отчаяннымъ упорствомъ еще болѣе смущалъ ищекъ. Навѣрное, они думали: да полно, ужъ не нашъ ли ты братъ?

Агонія затягивалась... Становилось непонятно, какъ его еще до сихъ поръ не схватили. Онъ пришелъ во вражескій лагерь безоружный, съ голыми руками, и не защищенный даже тѣми атрибутами, которые, въ глазахъ охраны, болѣе или менѣе маскировали насъ, остальныхъ...

Еще безконечная четверть часа, и вдругъ—вся темная сила сгнула, какъ бы по мановенію чьей-то руки, какъ туманъ отъ прорвавшагося утренняго луча.

Мы остались одни, свободные отъ подозрительныхъ взглядовъ и могли, наконецъ, уйти съ этого опаснаго мѣста.

Наше мартовское предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ.

Врагу удалось ускользнуть отъ насъ.

II.

Въ дни тревожной работы и рѣзкихъ переходовъ отъ надеждъ къ разочарованіямъ и обратно, неожиданнымъ громомъ грянула надъ нами катастрофа: палъ жертвой случайнаго взрыва любимый товарищъ, вмѣстѣ съ нами принявшій въ мартовскомъ выступленіи первое боевое крещеніе ¹⁾...

Я мчусь съ поѣздомъ въ Н. Позади трагическая неудача... Неотмщенное русское горе и торжествующее насиліе... Изъ мысли не выходитъ погибшій товарищъ... Зоветъ къ дѣлу... Тяжело... Что-то похожее на стыдъ.

Охваченный тоскливыми мыслями смотрѣлъ я въ окно и вдругъ... я не вѣрилъ глазамъ—въ дверяхъ вагона показался Поэтъ. Какъ будто лучъ солнца ворвался и разогналъ тоску. Молча прошелъ онъ мимо и, бросивши мнѣ только взглядъ за-таеннаго привѣта, сейчасъ же скрылся на площадку.

Черезъ минуту я былъ около него.

— Какъ я радъ!—восклицалъ онъ смѣясь и сжимая мнѣ руки.—Знаете, я уже четвертый день ловлю васъ, кочую по поѣздамъ, идущимъ въ Н. Мнѣ поручено, во что бы то ни стало, перехватить васъ и доставить въ другое мѣсто, поближе... И вотъ—я арестую васъ именемъ Б. О... Вы—мой плѣнникъ... Шалите, не вырветесь. Ха-ха-ха!...

И онъ заливался чистымъ, радостнымъ, заразительнымъ смѣхомъ... Я тоже смѣялся отъ всей души. Ура! не нужно бѣжать! Я съ благодарностью глядѣлъ на своего избавителя.

Было интересно поближе познакомиться съ тѣмъ, кто съ перваго же взгляда такъ сильно заинтересовалъ меня.

Прежде всего, что въ немъ бросалось въ глаза, это—общее впечатлѣніе внутренняго сіянія. Широкій, благородный лобъ и большіе, свѣтлые, горѣвшіе глубокимъ свѣтомъ, глаза, немного насмѣшливые, какъ мнѣ казалось, и слишкомъ проникательные, чтобы не смущаться подъ ихъ взглядомъ.

Худощавое лицо аскета съ улыбкой ясной и озаряющей... Смѣхъ его казался страннымъ, слишкомъ глубокимъ, чтобы быть нормальнымъ. Одѣтъ изысканно, со вкусомъ. Какъ видно, не случайно нарядился бариномъ. Изящество во всемъ, въ костюмѣ, въ манерахъ. Я съ удивленіемъ вглядывался въ этотъ незаурядный типъ революціонера и спрашивалъ себя, на кого походить.

— Юноша Сергій Радонежскій на картинѣ Нестерова,—пришла мнѣ мысль, но не удовлетворила меня.

¹⁾ Взрывъ въ Сѣверной гостиницѣ, при которомъ погибъ Ал. Покотиловъ.

— Вы читаете Метерлинка?—спросилъ Поэтъ, увидѣвъ книжку у меня въ рукахъ. По тону вопроса чувствовалось, что спрашивали не изъ простаго любопытства.

— Да, пробую.

— Я очень много слыхалъ о Метерлинкѣ, и мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ яркимъ представителемъ декаденства, чтобы на немъ узнать, въ чемъ же сущность декадентскаго искусства... Русскихъ декадентовъ я немного знаю и не выношу ихъ.

— Скажите, зачѣмъ вы употребляете опошленное и безсмысленное слово—декадентъ? И еще съ такимъ пренебреженіемъ... Тѣ, кого вы называете декадентами, представляютъ наше искусство. Они тоже революціонеры—да, да, не смѣйтесь!—они революціонеры въ искусствѣ... Эти люди умѣютъ подмѣтить самыя тонкіе, неуловимые оттѣнки чувства, то, что всѣ мы чувствуемъ, но не умѣемъ выразить, назвать опредѣленнымъ именемъ. Они умѣютъ подбирать для этого такія новыя, оригинальныя краски, которыя дѣлаютъ непонятное любопытнымъ. Они—революціонеры чувства.

— Почему вы не хотите признать за ними этого благороднаго названія, разъ они открываютъ новыя пути къ пониманію живой загадки, которую представляетъ изъ себя человѣкъ?

— А мы съ вами—почему называемся революціонерами? Неужели только потому, что боремся съ самодержавіемъ? Нѣтъ. Прежде всего, мы—рыцари духа. Мы боремся за новый міръ, который мы предварительно обрѣли въ нашихъ мысляхъ... Мы видимъ уже стройныя контуры новаго міра—тамъ все новое, прекрасное—можемъ осязать ихъ...

И Поэтъ протянулъ руки, какъ бы обхватывая что-то невидимое... Мнѣ показалось, въ его широко раскрытыхъ глазахъ вспыхнулъ отблескъ новой, прекрасной зари, восходящей надъ старымъ міромъ...

Поэтъ прервалъ свою рѣчь и радостно засмѣялся... Потомъ снова началъ.

— Мы хотимъ снести нашъ идеалъ съ неба нашей души на землю, не смущаясь тѣмъ, что онъ еще для многихъ непонятенъ... Наша задача—расчистить почву для новаго міра и потому—долой вся старая земная рухлядь... и самодержавіе въ томъ числѣ...

Мы—люди будущаго, люди новой мысли, новой нравственности... Прежде всего—революція въ нашемъ духѣ, а затѣмъ въ окружающемъ.

Поэтому-то мы, новые люди, не должны уподобляться старухамъ, мѣщанамъ духа, не должны приходить въ ужасъ и кричать караулъ всякій разъ, когда какой-нибудь смѣльчакъ, презирая

старыя формы, дерзкой рукой проводить новыя борозды, пытаюсь выразить необычайное, выходящее изъ предѣловъ шаблоннаго чувствованія. Вы, какъ революціонеръ, не имѣете права пренебрежительно отмахиваться отъ новаго въ искусствѣ, даже не потрудившись понять его.

Мы горячо сцѣпились: я—на защиту стараго, простого, всѣмъ понятнаго и дорогого искусства, онъ—на защиту смѣлыхъ исканій, которыя мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, часто казались не порывомъ революціонно-настроенной души, а манерничаньемъ буржуазно-пресыщеннаго сердца.

Было что-то особенное въ моемъ собесѣдникѣ, что никакъ не укладывалось подъ обычную мѣрку, которою я привыкъ мѣрить революціонера; особенное не то въ его сужденіяхъ, на мой взглядъ, слишкомъ необычайныхъ для революціонера, не то въ словахъ, которыя поражали своею оригинальностью, колоритностью, не то въ тонѣ—страстномъ и глубокомъ. И этотъ частый, повидимому, безпричинный смѣхъ: какъ будто онъ разговаривалъ самъ съ собой и смѣялся собственнымъ мыслямъ.

Не отрываясь, глядѣлъ я въ его чистые, свѣтлые глаза и чувствовалъ себя неловко, жутко: въ разговорѣ онъ все время обращался ко мнѣ, часто касался меня рукой, но странно, мнѣ казалось—не замѣчалъ меня: онъ смотрѣлъ куда-то поверхъ моей головы и, навѣрное, видѣлъ тотъ прекрасный міръ, который собирался подарить землѣ.

И я замолкъ, чувствуя близость красоты. Я постигалъ то, о чемъ говорилъ Поэтъ,—сколько таится прекраснаго въ нашей борьбѣ за идею; и какъ родственно близка связь добраго съ прекраснымъ.

Увы!—мнѣ теперь не оживить въ памяти словъ Поэта во всей ихъ яркости... Они исчезли навсегда. Осталось только одно ясное воспоминаніе объ ихъ яркости... Цвѣты завяли, остался ароматъ...

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой встрѣчи съ Поэтомъ, было такъ сильно, что, по приѣздѣ въ Н., я сейчасъ же сдѣлалъ признаніе человѣку, близко знавшему Поэта.

— Долженъ сознаться, что Поэтъ показался мнѣ черезчуръ страннымъ человѣкомъ. Кажется, онъ слишкомъ поэтъ, чтобы это не мѣшало ему быть просто революціонеромъ. Есть что-то странное въ немъ: въ его взглядахъ, словахъ, смѣхѣ или еще въ чемъ другомъ—я самъ хорошо не могу дать себѣ отчета... Прекрасный, яркій типъ, но у меня является невольное сомнѣніе, на своемъ ли онъ мѣстѣ.

Тотъ, кому я сдѣлалъ это признаніе, разразился самымъ искреннимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Такова судьба Поэта—сказалъ онъ наконецъ.—По первому впечатлѣнію его многіе находятъ страннымъ. И, безъ сомнѣнія, онъ «странный»,—произнесъ мой собесѣдникъ съ особеннымъ удареніемъ,—только съ какой стороны посмѣть... Вотъ, погодите, познакомитесь съ нимъ поближе, и вы поймете его.

Вечеромъ того же дня я встрѣтился съ Поэтомъ въ городскомъ саду. Завидя меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ дѣловымъ, серьезнымъ тономъ:

— Пройдемся по этой пустынной дорожкѣ. Надо переговорить съ вами.

Мы затерялись въ густой аллеѣ задумчивыхъ тополей. Поэтъ взялъ мою руку и, заглядывая въ глаза, сказалъ:

— Отдайте мнѣ три рубля, которые вы мнѣ задолжали.

Я смотрѣлъ на него, не понимая, въ чемъ дѣло... Что это, шутка? Тогда къ чему такой серьезный тонъ?

— Не понимаете?—еще серьезнѣй продолжалъ Поэтъ и еще ближе, настойчивѣе заглянулъ въ глаза.—Я прошу отдать мнѣ три рубля, которые я, по вашей милости, истратилъ на доктора, и совершенно напрасно, какъ оказалось. Вы нашли меня ненормальнымъ, и мнѣ пришлось обратиться къ доктору, чтобы провѣрить ваше наблюденіе.

Для меня было бы лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять сейчасъ передъ нимъ и смотрѣть въ его серьезные и печальные глаза. У меня ни на минуту не явилось сомнѣнія, что Поэтъ, можетъ быть, мистифицируетъ меня... Тутъ же онъ разсказалъ мнѣ всю сцену консультаціи съ докторомъ... Въ его передачѣ выходило комично, но мнѣ было не до смѣху. Чувствовалось, что комедія разыгралась на серьезной почвѣ.

Поэтъ не далъ мнѣ оправдываться, объяснять.

— Погодите, вы должны понять, какой важный вопросъ вы затронули. Я вполне понимаю мотивы, по которымъ вы не сохранили про себя вашего наблюденія, а подѣлились имъ съ товарищемъ. Это честно. Мы должны быть безъ снисхожденія строги къ самимъ себѣ и къ товарищамъ по организаціи... Клевета не должна касаться жены Цезаря. Да не посмѣетъ никто сказать про нашу организацію, что въ нее идутъ люди, которымъ все равно нѣтъ мѣста въ жизни. Нѣтъ, только тотъ имѣетъ право на свою и чужую жизнь, кто знаетъ всю цѣнность жизни и знаетъ, что онъ отдаетъ, когда идетъ на смерть, и что отнимаетъ, когда обрекаетъ на смерть другого.

— Жертва должна быть чистой, непорочной и дѣйствительной жертвой, а не даромъ, который самому обладателю опостылѣлъ и ненуженъ.

— Поэтому, прежде чѣмъ стучаться въ дверь Б. О., пусть каждый изъ насъ строго испытываетъ себя: достоинъ ли онъ, здоровъ ли, чистъ ли... Въ святилище надо входить разутыми ногами.

Холодомъ повѣяло отъ этой бѣлоснѣжной чистоты.

Господи, Господи! Кто безгрѣшенъ изъ людей?..

Поэтъ замолкъ. Я тоже молча шагаль рядомъ съ нимъ. Было торжественно тихо въ этомъ зеленомъ уголкѣ. Ни одинъ земной звукъ не долеталъ сюда... На чистомъ прозрачномъ небѣ загорались первыя чистыя, холодныя звѣзды.

Я взглянулъ на человѣка, шагавшаго рядомъ со мной: онъ былъ задумчивъ и казался мнѣ далекимъ, далекимъ... какъ небо.

Я вздохнулъ.

Поэтъ встрепенулся, взялъ мою руку и тепло пожалъ ее.

— Вы понимаете, что я не могъ пройти безъ вниманія мимо вашего отзыва обо мнѣ. Такъ было печально для меня, если бы въ вашихъ словахъ оказалась хоть доля правды.

III.

Армія снова мобилизована. Каждый солдатъ на своемъ мѣстѣ... Организациа ведетъ правильную осаду непріятельской крѣпости. Врагъ силенъ, хитеръ, остороженъ: понялъ значеніе взрыва въ Сѣверной гостиницѣ и еще рѣже, чѣмъ прежде, показывается изъ своей берлоги... Только самые необходимые выѣзды, нерегулярные, украдкой... Подъ непроницаемой стѣной охраны...

Мы не повторимъ больше мартовскаго опыта. Прежде всего изучимъ позиціи, соберемъ всѣ данныя, всю подноготную и только тогда въ штурмъ. Вѣрная встрѣча лицомъ къ лицу... одинъ ударъ безъ промаха и...

Поэтъ на посту.

Еще издали увидѣлъ... чего онъ хохочетъ?—подойти опасно. Набиваетъ ротъ подсолнухами, чтобы заглушить смѣхъ.

— Эй, папиросникъ, десятокъ «Невы»!

Едва вѣрю глазамъ: онъ ли? Элегантный баринъ, какое-то прирожденное, внутреннее изящество—и вдругъ это жалкое существо, одинъ изъ «бывшихъ людей»!

Засаленный пиджакъ въ заплаткахъ, съ клочками ваты, рыжіе избитые сапоги, картузь на бекрень... Исхудалъ, лицо осунулось, дико поросло щетиной... Глаза ввалились и стали еще глубже... Неподражаемъ! самъ Плеве, со всѣмъ своимъ полицейскимъ нюхомъ, не распозналъ бы артиста.

На ремнѣ черезъ плечо тяжелый ящикъ. Сгорбился весь подъ

ношей, жалко смотрѣть. А папиросы уложены идеально: сейчасъ видно настоящаго торгаша, умѣетъ показать товаръ лицомъ...

— Вотъ вамъ, баринъ, «Нева»... Вашихъ двугривенный? Ну, что, хорошо ли?

— Внѣ конкуренціи.—Ты артистъ... А трудно? Ты исхудаль.

— Пустяки. Много любопытнаго, когда-нибудь расскажу... Новаго ничего... А у васъ?

— Тоже. Жму руку.

— Прощай!.. Извольте сдачи. Благодарю васъ, баринъ.

Цѣлые дни на ногахъ, съ тяжелой ношей на шеѣ. Ни минуты даромъ. Еле свѣтъ, онъ на улицѣ. Торгуетъ до поздней ночи. Все—для поддержанія престижа, чтобы пустить пыль въ глаза сожителямъ по квартирѣ и товарищамъ по ремеслу. Вертится на самыхъ людныхъ мѣстахъ. Заводитъ разговоры, знакомства съ дворниками, съ извозчиками.

Эй, лихачъ, купи папиросы!.. Троечку... Красотку... Зеркальце хошь? Кошелекъ для богатой выручки... Картинку патреотическую, какъ русскій мужикъ японца выскѣкъ... Покупай, землякъ!

Извозчикъ зараженъ весельемъ разбитнаго торгаша, беретъ грошевое зеркало, самодовольно любитъ на свое отраженіе и хохочетъ.

— Эй, торгашъ, проваливай отъ нашихъ воротъ! Вишь повадился—въ участокъ хочешь?

— Ну, ну, дядя, перестань. И чего кричать? Давай лучше покуримъ. У меня душистыя... Ты взгляни на этотъ патреть. Знаешь кто? Самъ генераль Стессель, защитникъ Портъ-Артура... Да ты смотри, вѣдь генераль-то на тебя похожъ... а ей Богу похожъ! Вотъ хоть извозчика спроси... Похожъ вѣдь на него генераль, Ванька? Ты на усы то посмотри, совсѣмъ такіе же, лихіе... Купи, землякъ.

Суровый дворникъ пораженъ своимъ сходствомъ съ генераломъ, заглядывается на своего двойника и вступаетъ въ мирные переговоры съ торгашомъ...

Мало-по-малу вокругъ собирается кучка, и пошла потѣха... Хохоть, шутки...

Боже упаси прійти въ такую минуту на свиданье съ Поэтомъ: онъ всецѣло захваченъ игрой и иногда способенъ не замѣтить своего человѣка.

Не всегда такъ удачно кончается. Иногда тотъ же дворникъ, только что выкурившій даровую папироску, прогонитъ пріятеля и вдобавокъ еще угоститъ отборнѣйшей руганью. Но Поэтъ никогда не оставался въ долгу, платилъ сторицею... Даже дворники

удивлялись его искусству ругаться. Было страшно и больно слышать безобразныя слова въ его устахъ. Чистый, одержимый страстью къ прекрасному, принуждалъ себя приносить самыя грязныя слова... Что было для него тяжелѣе?—ящикъ или ругань?

Хуже всего—городовые. Воистину трудно было переваривать ихъ безграничную грубость и циничный произволъ. Частенько хотѣлось имъ отвѣтить по настоящему, но... знай сверчокъ свой шестокъ! не попадайся самодержцамъ на глаза, да бѣги скорѣе на другую улицу, когда завидѣлъ бляху.

Хорошо бѣжать, когда стоишь безъ определенной цѣли, но часто необходимо, во что бы то ни стало: ждешь, придуть на свиданіе или проѣдетъ министръ... Стой, какъ знаешь.

И онъ стоялъ... Рискавъ ежеминутно попасть въ участокъ, откупаясь папиросами, отругиваясь...

Онъ былъ искусный пловецъ и благополучно проплывалъ между Сциллами и Харибдами, среди которыхъ другіе бы непременно потерпѣли крушеніе.

Бывало скажешь:

— Зачѣмъ ты гонишься за деталями, за художественной отдѣлкой роли? Могъ бы быть поснисходительнѣй къ себѣ. Зачѣмъ выходишь такъ рано утромъ? И зачѣмъ цѣлыми днями таскаешься по улицамъ съ ящикомъ на шеѣ?

Когда нѣтъ дѣла, время можно было бы проводить въ трактирѣ, въ чайной—это все равно.

— Ну, нѣтъ, не все равно... Какой же я былъ бы папиросникъ... Только выдержанность игры спасаетъ меня... Квартирный хозяинъ спрашиваетъ: —ты полякъ? разговоръ у тебя польскій, а паспортъ русскій. Хозяинъ считаетъ меня скрягой. Видить, торгую безъ устали... Расплачиваюсь за уголь гривенниками. Просить, просить,—не можетъ вытянуть. Вчера напился пьяный, выпить еще хочется, а не на что. Просить полтинникъ. Цѣлый вечеръ пилилъ, а я только утромъ далъ четвертакъ... И если бы ты видѣлъ, какъ лѣнливо я развязываю платокъ, гдѣ спрятаны деньги, съ какой неохотой, жалостью отсчитываю по пятакамъ... Прямо жила... Ха-ха-ха!..

— Папиросники меня терпѣть не могутъ—какъ же, конкурентъ! Какъ приду на улицу, гдѣ они привыкли стоять, жалуются на меня дворникамъ, городovýmъ... Я очень популяренъ... Зато мнѣ всюду дорога. Сами шпионы покупаютъ у меня папиросы, разговаривать при мнѣ не стѣсняются... Вчера, на примѣръ, стоятъ двое и говорятъ: «Завтра намъ отдыхъ». Понимай—Плеве не выѣдетъ...

— Чѣмъ ты питаешься? Вѣроятно, скверно. Ты похудѣлъ.

— Пустяки. По одежкѣ—протягивай ножки. Днемъ раза три зайду въ чайную, напьюсь на пятакъ чаю съ калачомъ. На вечеръ селедка съ чернымъ хлѣбомъ. Хозяева удивляются: «Ну и парень каменный!.. Гроша не истратитъ на себя... И зачѣмъ тебѣ деньги? Капиталы, что ли, хочешь наживать? Не поймешь тебя, не то ты монахъ, не то кашей...»

— «Ну, говорю, деньги вещь хорошая. Накоплю малую толику, открою лавку». Эффектъ! Уважаютъ... Повѣрь, никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ теперь. Эта роль по моему вкусу. Могу жить, какъ по-моему нужно. Ходить въ шкурѣ барина для меня несравненно труднѣе. Тамъ нужно много тратить на себя... Съ дѣтства не привыкъ,—противно, стыдно... А здѣсь живешь, какъ народъ живетъ... Право, хорошо.

Не разъ Поэтъ высказывалъ удовлетвореніе тѣми условіями, въ которыхъ ему теперь приходилось жить. По личному опыту какъ-то не вѣрилось, что тутъ можно обрѣсти счастье. Онъ и въ данномъ случаѣ представляетъ исключеніе.

Поэтъ былъ цѣнный работникъ. Въ его рукахъ всякая работа принимала оригинальный характеръ. Дѣло, которое для другого было только скучной обязанностью, средствомъ, необходимымъ для иной, болѣе важной, цѣли, въ глазахъ Поэта пріобрѣтало свою особую цѣнность, самостоятельный интересъ. Онъ органически не могъ быть ремесленникомъ и, всегда оставаясь художникомъ, всегда творилъ.

Какъ исполнитель, отличался самою строгою аккуратностью. Ему дня не хватало для работы... Отбывши службу, исполнивши часть общей работы, выпавшей на его долю, онъ принимался за осуществленіе своей системы... Да, у него была своя система, сложная, стройная, настоящее художественное произведеніе...

Нужно сходить туда-то, посмотреть тамъ-то. Онъ былъ вездѣ-сущъ и часто поражалъ безцѣльностью своихъ скитаній... По неуловимымъ признакамъ восстанавливалъ онъ звено за звеномъ цѣлую цѣпь, которая всегда вела къ Цѣпному мосту... Встрѣчался съ министромъ тамъ, гдѣ бы намъ и въ голову не пришло искать Плеве. Въ его устахъ описаніе кареты министра превращалось въ поэму...

Заслушаешься и видишь ее, какъ на яву, со всѣми деталями, вплоть до узора подножекъ... То, что разъ удавалось узнать по описанію Поэта, потомъ легко узнавалось изъ десятка...

Въ Поэтѣ жили какъ бы двѣ души: одна—практика-революціонера, другая—художника. Обыкновенно онѣ находились въ мирномъ гармоническомъ сожителствѣ. Но бывали, правда, очень рѣдкіе случаи, когда чувство художника становилось слиш-

комъ требовательно и брало верхъ надъ практическимъ чутьемъ. Тогда Поэтъ на минуту превращался въ чистаго художника.

Захожу разъ въ церковь. Идетъ воскресная обѣдня. Въ толпѣ молящихся нахожу его. Сегодня онъ выглядитъ очень торжественно. Принарядился для праздника. Видимо, что наканунѣ сходилъ въ баню и смылъ накопившуюся за недѣлю грязь. Новая рубаша форситъ алою краской, пиджакъ имѣетъ такой видъ, какъ будто его достали изъ дальняго ящика, гдѣ онъ хранился всю недѣлю. Сапоги блестятъ отъ ваксы, а волосы—отъ помады.

Важная молитвенная мина чуть-чуть измѣнила ему, когда онъ завидѣлъ меня.

Выхожу на паперть въ полной увѣренности, что онъ послѣдуетъ за мной. Жду его пять-десять минутъ, его нѣтъ. А время дорого... Снова иду въ церковь. Поютъ херувимскую. Поэтъ лежитъ ничкомъ на землѣ... Дѣлаю все, чтобы вызвать его, но онъ не хочетъ и смотрѣть на меня и молится жарче, чѣмъ его сосѣдка-старуха...

При выходѣ, конечно, ворчу:

— Ты вѣдь видѣлъ меня. Чего же не вышелъ? Знаешь, время дорого.

И на это—самый невозмутимый отвѣтъ:

— Какъ можно... нужна законченность... чтобы все было, какъ слѣдуетъ—ни сучка, ни задоринки... А теперь пойдемъ въ чайную, хлебнемъ чайку... Праздникъ.

Я и смѣялся и злился.

Рѣдко удавалось подолгу оставаться съ Поэтомъ.

По условіямъ работы онъ былъ изолированъ, одинокъ среди громаднаго города, въ непріятельскомъ лагерѣ. Зато, бывало, какая радость, когда случалось поговорить съ нимъ лишній часокъ... Такихъ счастливыхъ моментовъ было очень немного.

Переговоривши о главномъ, онъ спѣшилъ излить свое настроеніе, накопившееся за время невольнаго молчанія.

О чемъ только ни говорили мы съ нимъ! Подъ шумокъ грязнаго трактирчика, въ пьяной толпѣ извозчиковъ и иного бѣднаго люда, онъ—несчастный торгашъ, и я—мѣщанинъ, рѣшали міровые вопросы.

Его душа была полнозвучной арфой,—на все давала свой откликъ.

Предо мной, черта за чертой, раскрывалась его глубокая, оригинальная натура.

Не въ нашихъ революціонныхъ обычаяхъ говорить друзьямъ о томъ, что осталось за гранью, съ переходомъ черезъ которую начиналось дѣло. Но о прошломъ Поэта я скоро узналъ.

Не разъ и съ гордостью вспоминалъ онъ отца.

Рабъ, промѣнявшій крѣпостное иго на иго солдатское... За-тѣмъ одинъ изъ сѣрыхъ усмирителей Польши, въ мундирѣ русскаго полицейскаго оставшійся человѣкомъ и снискавшій уваженіе польскаго населенія...

Мать—одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя всю жизнь практически разрѣшаютъ вопросъ о женскомъ правѣ трудиться безъ отдыха на осиротѣвшую, по смерти мужа, семью...

Поэтъ всего разъ коснулся этой святыни... и слова его о матери были кратки и полны сдержанной нѣжности.

— Мнѣ не въ привычку глотать черную корку, говорилъ онъ какъ бы съ похвалой: я выросъ въ трудовой семьѣ, и трудовыя традиціи, которыми другіе проникаются теоретически, я всосалъ съ молокомъ матери. Я самъ—пролетарій и умѣю жить, если не трудомъ рукъ своихъ, то сокомъ моихъ нервовъ.

И онъ разсказалъ про тѣ мытарства, которыми его щедро дарила университетская жизнь... Бѣганье по урокамъ, каторжная работа въ газетахъ и, какъ награда, въ результатѣ всего Ляпинка...

О своихъ литературныхъ подвигахъ Поэтъ отзывался не безъ недобраго чувства.

— Либеральная пресса... Общество... съ непередаваемой ироніей выговаривалъ Поэтъ.—Трусы, рабы!.. слова не могутъ сказать, чтобы вслѣдъ за тѣмъ не ужаснуться собственной дерзости. Шагъ впередъ и два назадъ. И такъ безжалостны къ чужой мысли. Для меня было сущей мукой писать для газетъ—всегда вычеркнуть самое яркое, чѣмъ больше всего дорожишь.

Я постепенно раскрылъ тѣ этапы, черезъ которые Поэтъ дошелъ до Б. О.

Студентъ, ищущій правды и за правду изгнанный изъ святилища науки... Потомъ—пророкъ, одержимый страстью воплотить свою правду въ рабочій народъ и нашедшій вмѣсто свободной арены полицейскій участокъ... Раздумье, какъ результатъ житейскаго опыта, и въ странѣ произвола, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, признаніе старой правды не полной и страстное исканіе новой.

О періодѣ перелома Поэтъ говорить:

— Сначала я былъ всецѣло захваченъ пропагандой среди рабочихъ, самъ сгоралъ отъ огня, которымъ хотѣлъ зажечь другихъ. Дни беззавѣтной вѣры въ соц.-демократическую догму были днями свѣтлой, безоблачной юности... Но загремѣли бури, беззаботная юность прошла... Открывалась вся наивность прежнихъ вѣрованій, становилось до очевидности ясно, какъ безрезультатно гибли плоды всей нашей прежней дѣятельности. И было стыдно молчать при видѣ торжествующаго насилія... Требовалось дѣло, а не слово... Пропаганда перестала удовлетворять. Глодалъ неотвяз-

ный вопросъ, дозволено ли, можно ли?.. Требовалось напряженіе всѣхъ силъ для рѣшенія вопроса, нужна была свобода думать, думать... И я уѣхалъ за границу, чтобы ничто не мѣшало рѣшать.

Слушая Поэта, я часто спрашивалъ себя, подходит ли онъ подъ обычный типъ социалиста и революціонера...

Своимъ отношеніемъ къ трудящемуся человѣку Поэтъ напоминаетъ Глѣба Успенскаго: онъ тоже болѣлъ любовью къ народу, любилъ его совѣстливо... Съ жалостью говорилъ о темнотѣ народной и съ грустной ироніей о смѣшномъ въ народныхъ обычаяхъ. Но то, что сообщало наибольшую яркость и оригинальность Поэту, какъ революционеру, это—цѣлостное соединеніе въ немъ нѣжной, артистической организаціи съ бурнымъ чувствомъ ненависти къ произволу, отъ котораго страдалъ народъ.

Нѣжность, сила и красота—вотъ элементы, изъ которыхъ была соткана душа Поэта.

Какъ истый художникъ, Поэтъ обладалъ даромъ предвидѣнія грядущей красоты. Въ его грезахъ идеалъ принималъ опредѣленные, стройные контуры. Въ его изображеніи царство будущаго было благородно, прекрасно, заманчиво... Тамъ полновластно царитъ красота, свобода и справедливость.

Отраженіемъ тѣхъ отношеній, которыя будутъ существовать между людьми въ идеальномъ обществѣ, для Поэта были его отношенія къ товарищамъ по дѣлу. Въ нихъ Поэтъ вносилъ всю теплоту, всю тонкость пониманія, все изящество своей натуры...

Для него товарищъ былъ во-истину нѣчто священное.

Изъ встрѣчъ съ Поэтомъ особенно запомнилась одна бѣлая ночь. Я пришелъ къ нему еще вечеромъ. Заговорили и не замѣтили, какъ подкрались блѣдныя, таинственныя сумерки... Мы были одни среди большой площади. Тихо... Лишь изрѣдка простучитъ извозчикъ, тѣнью проскользнетъ пѣшеходъ—и снова тихо...

Рѣшили, что можемъ позволить себѣ побыть вмѣстѣ. Дѣло шло на лады, и приближалась развязка. Намъ обоимъ предстояло принять въ ней участіе...

Поэтъ снялъ свою ношу и поставилъ ее на распорку.

— Такъ рѣдко вижу съ вами, а видѣться осталось уже недолго—началь онъ грустно.—Я усталъ... Тратимъ столько энергіи и искусства и на что! Какъ подумаешь, становится страшно... Ужасная охота на человѣка... Проклятыя!.. они превращаютъ насъ въ сыщиковъ... Я радъ, что скоро конецъ...—въ немъ вся награда—за все, за все... Достаточно прятаться, выслѣживать—тамъ мы сойдемся въ открытую, лицомъ къ лицу... И посмотримъ, кто поблѣднѣетъ при видѣ врага...

Такое гордое счастье...

Моя ненависть крѣпнеть со дня на день... Эта война! Гонять народъ, какъ на бойню... И никакого протеста... Всѣхъ обуялъ патріотизмъ. Повальная эпидемія глупости... Эти картинки я ненавижу... продаю, иной дурень платитъ за нихъ послѣдній пятакъ... На російскихъ героевъ зѣваютъ, разинувши ротъ... «Варягъ», герои Чемульпо... нахальныя рожи, грудь колесомъ, новый Георгій блеститъ... прутъ себѣ, занявши весь тротуаръ. Съ дороги! новая слава отечества идетъ... И публика разступается, оглядывается... Зайдешь въ чайную, а тамъ: генералъ Куропаткинъ! генералъ Стессель! шапками закидаемъ! въ дребезги сокрушимъ! Злоба беретъ; такъ и хочется крикнуть: дурачье, погодите, собьютъ съ васъ спѣсь японецъ да научить васъ на ваше счастье уму-разуму... Ни проблѣска... Душно становится въ этой атмосферѣ. Тоскуешь по жизни... Свѣтлая, умная жизнь—она затаилась и зрѣетъ въ темнотѣ, чтобы вспыхнуть яркимъ пожаромъ, когда придетъ ея чередъ.

Идешь въ чужой толпѣ друзей, тѣхъ, кому принадлежитъ будущее... Всматриваешься въ лица рабочихъ, студентовъ и думаешь: не онъ ли? Иной разъ по глазамъ видно, что онъ... Такъ и хочется сорвать съ себя маску и сказать: вѣдь мы друзья...

Дворцы... Странно, когда ходишь среди нихъ все одинъ да одинъ, создается иллюзія, какъ будто мы покинуты въ битвѣ съ этими каменными громадами... У меня сжимаются кулаки при видѣ дворцовъ... Какъ они нахально, вызывающе бахвалятся своею каменною непоколебимостью... О, дворцы! погодите, скоро задрожите вы тамъ съ вашими обитателями...

А дома... Какой вопіющій контрастъ между тѣмъ, что я вижу днемъ на улицѣ и тѣмъ, что ночью нахожу въ своей дырѣ... Сердце дрогнетъ невѣдомымъ чувствомъ, какъ будто заглянешь вглубь народнаго сердца и впервые поймешь его... Часто беретъ зудъ описать все, что перевидалъ за день—вѣроятно, вышелъ бы занятный социальный романъ.

Поэтъ разсказалъ мнѣ свои наблюденія.

При волнующемъ призрачномъ свѣтѣ бѣлой ночи предо мною развернулася яркая, трепещущая живыми красками картина петербургской бѣдности по угламъ... Тонъ разсказа былъ грустенъ и тепелъ. отъ жалости къ униженнымъ, лишеннымъ свѣта... Слышалась тоска по далекомъ, прекрасномъ невѣдомомъ мірѣ бѣдности...

И вдругъ закончилъ:

— Я часто думаю о послѣднемъ моментѣ. Уже начинаетъ казаться близкимъ, сбыточнымъ... Мнѣ бы хотѣлось погибнуть на

мѣстѣ—отдать все—всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгорѣть безъ остатка... Смерть упоительна!..

Я взглянулъ на говорившаго. Тонъ спокойно-торжественный. Ни тѣни аффектаціи... Только глаза горятъ ярче обыкновеннаго. И лицо странное, незнакомое, преображенное сіяетъ.

Замолкъ... Тишина...

«Обреченный!»—будто молніей обожгло меня. Я похолодѣлъ и непроизвольно схватилъ его за руку. Схватилъ и боюсь отпустить. Держу и гляжу въ его чудное лицо.

Онъ улыбнулся и снова заговорилъ.

— Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше—умереть на эшафотѣ. Смерть въ моментъ акта какъ будто оставляетъ что-то незаконченнымъ. Между дѣломъ и эшафотомъ еще цѣлая вѣчность—можетъ быть, самое великое для человѣка. Только тутъ узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцвѣтешь и умрешь въ полномъ цвѣтѣ... какъ колосъ созрѣвшій, полноцѣсный... Чудесный мистическій бракъ съ идеей... И затѣмъ—унести невысказанной свою ненависть... О, нѣтъ, этого я бы не хотѣлъ... Я хочу излить на *нихъ* все, что накопило на сердцѣ... Хочу заклеить судей, поставить къ позорному столбу самодержавную Россію—эту всесвѣтную сводницу... Обливать презрѣніемъ, издѣваться надъ судьями, ставить ни во что ихъ строгую, корректную законность... Да, это сладчайшее изъ наслажденій!..

И онъ засмѣялся громко, вызывающе. Точно боевой конь сорвался съ цѣпи и безудержно ринулся въ пыль битвы...

Теперь не было больно отпустить его...

Пересталъ—и опять тихо, сдержанно:

— А затѣмъ—умереть спокойно и гордо, со сладкимъ сознаниемъ, что все исполнено, вся чаша выпита... Идя на актъ и потомъ на эшафотъ, умрешь какъ будто дважды—отдаешь двѣ жизни...

На этотъ разъ больше не говорилось. Мы разошлись.

IV.

Итакъ—пора достойно закончить то, на что потрачено столько стараній... Обсуждались детали. Предусматривалось все, что могло послужить помѣхой побѣдѣ. Самое опасное, если охрана окажется на высотѣ своего положенія и не допуститъ близко къ қаретѣ. Кидать издали—повторять рысаковскую неудачу. Необходимо прежде остановить лошадей, а потомъ кончать—тогда навѣрное.

Придумывали множество способовъ громоздкихъ, рискованныхъ,

— Къ чему все это? Если надо непременно остановить карету, можно просто броситься съ большой бомбой подъ лошадей... Тутъ можетъ быть сразу удача, если нѣтъ, карета все-таки остановится... Къ лошадямъ прорваться ручаюсь.

Всѣ содрогнулись и взглянули на того, кто предложилъ... Самъ себя приговаривалъ... вѣрная смерть — ужасная — на-кочки... Онъ былъ спокоенъ, какъ будто не оцѣнивалъ всего значенія предложенія... Да и впрямь—что же тутъ особеннаго: вѣдь это онъ предложилъ, онъ ручался —отъ юности обреченный, затаившій мятежный порывъ...

Принято.

Вотъ и день 8 іюля.

Все готово. Сведены послѣдніе счета съ жизнью.

Въ походъ.

И вдругъ неудача! Одна изъ тѣхъ дикихъ, ничѣмъ необъяснимыхъ случайностей, которыя самое блестящее дѣло сводятъ на нѣтъ... Поэтъ и я не нашли другъ друга въ назначенномъ мѣстѣ... А онъ проѣхалъ, и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ

Хотѣлось не существовать отъ стыда и бѣшенства... Мы сидѣли среди заброшенной, поросшей бурьяномъ площади. Передъ нами фабрика, грязное закоптѣлое зданіе. Дикій ревъ свистковъ, рѣжущій ухо, лязгъ желѣза, уродливые обрывки разговоровъ...

Какъ все это странно, непонятно... Жизнь не находитъ отклика въ нашихъ сердцахъ и напрасно стучится туда, причиняя боль и досаду... Зачѣмъ все это? Развѣ мы не умерли? Кругомъ грязь, мерзость заустѣнья... И мы повержены въ прахъ—прямось неба.

Я неистовствую и почти со злобой смотрю на своего сосѣда. Маленькій, жалкій—сидитъ на кучѣ мусора и смотритъ молча, задумчиво въ черныя зіяющія дыры, вмѣсто оконъ, на фабричной стѣнѣ... О чемъ онъ думаетъ? Почему такъ спокоенъ? Неужели его занимаетъ этотъ шумъ, что мутной волной изливается на насъ сквозь безобразныя дыры?.. Хочется опять сорвать на немъ свою злость... Онъ взглядываетъ на меня и замѣчаетъ мое недружелюбное настроеніе... И говоритъ печально:

— Странный ты: ничего не можешь затаить въ себѣ—все лѣзетъ наружу... Мы непохожи... У меня въ душѣ адъ...

Голосъ обрывается.

Я схватилъ его руку и прижалъ къ своему пылающему лицу.

Въ ту же ночь мы мчались со скорымъ поѣздомъ.

Лежали рядомъ на сосѣднихъ скамейкахъ и не спали.

Въ каждомъ стукѣ колесъ слышится: позоръ! позоръ! позоръ!

Вдругъ Поэтъ приподнимается на локтѣ и склоняется ко мнѣ лицомъ... Чувствую его горячее дыханіе...

Лицо нехоршее, искаженное непріятной, насмѣшливой улыбкой... Шепчетъ:

— Слышишь, колеса стучать: позоръ! позоры! Вотъ здѣсь расплата... Харакири.

И показываетъ на дуло револьвера, выглядывающее изъ-за борта пиджака.

Я отвѣчаю:

— Развѣ это рѣшеніе вопроса?... Бѣжать съ поля сраженія...

Онъ отвертывается.

Мнѣ вспомнились тутъ тѣ высокія требованія, которыя Поэтъ предъявлялъ ко всякому, кто рѣшался стучаться въ двери Б. О. Да, при такихъ высокихъ требованіяхъ всякая неудача должна, пожалуй, казаться преступленіемъ, изъ котораго единственный выходъ—харакири.

Прошла недѣля томительнаго ожиданія.

Какъ сквозь сонъ помню грустный образъ Поэта.

Насталъ послѣдній день—15 іюля.

Поэтъ шелъ вторымъ съ мыслью покончить то, что начнетъ первый.

Почти не было надежды, что онъ останется цѣлымъ.

Но посчастливилось сразу, и онъ ушелъ...

Ушелъ, чтобы прійти вторично... Мечта его исполнилась вся...

Совершилъ блестящее дѣло... Путь отъ акта до эшафота прошелъ гордо и честно... И умеръ славно... Упалъ, какъ колосъ созрѣвшій, полный.

Есть самоцвѣтные камни. Волшебною игрою своихъ лучей они манятъ глазъ. Неудержимо хочется взять ихъ въ руку, ласкать, упиваться игрою свѣта...

И боязно прикоснуться, испортить, нарушить гармонію красокъ.

Память о немъ такъ жива, думаю о немъ и вижу, и слышу его до акта, во время акта и послѣ—до конца—онъ всегда и всюду равенъ себѣ.

Сказочное сочетаніе силы, нѣжности, красоты и... святости.

Неудержимый порывъ заставляетъ меня бережно собрать всѣ мелочи, которыя, какъ драгоценныя перлы, хранятся въ памяти. Не возсоздать образъ, живущій въ памяти, о, нѣтъ! только не дать затеряться моимъ сокровищамъ.

Можетъ быть, кто-нибудь используетъ ихъ и оживитъ лучезарный, дорогой образъ.

Да живетъ вѣчно...

Егоръ Сазоновъ.

Акатуй. Сентябрь 1906 г.

С Н Ы.

Скорбью жгучею томимая,
Лишь тобой душа полна,
Угнетенная, гонимая,
Оскорбленная страна!

О, приди, пора прекрасная!
Ты витаешь предо мной,
Лучезарная и ясная,
Упоительной мечтой:

Пала цѣпь многовѣковая,
Цѣпь насилія и зла,—
Мнится, Русь, что вся ты—новая,
Вся ты жизнью расцвѣла.

Нѣтъ казнимыхъ и пытаемыхъ,
Нѣтъ застѣнковъ и плетей.
Нѣтъ помостовъ, обгагряемыхъ
Кровью лучшихъ изъ людей.

Исчезаетъ Русь Романова,
Русь насильника—царя...
Вижу—въ небѣ свѣтитъ заново,
Ярко радостно горя,

Для голоднаго, для слабаго,—
Солнце жизни и весны;
Зрѣютъ творческіе сны:
Воскресаетъ Русь Желябова.

А. Ленцевичъ.

До послѣдняго времени стихотвореніе это не могло, конечно, по цензурнымъ условіямъ появиться въ печати въ Россіи. Заимствуемъ его изъ сборника «Да здравствуетъ народная воля!».

изданнаго въ Парижѣ въ 1907 г. Авторъ стихотворенія революціонеръ Алексѣй Николаевичъ Хавскій, родился въ 1869 г., окончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1904 г. въ Якутской области, не будучи въ состояніи переносить тяжелыхъ условій ссылки. Былъ надѣленъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Печатался въ журналахъ подъ псевдонимомъ «А. Ленцевичъ». Нѣкоторыя изъ его произведеній попадали въ антологіи русской поэзіи, напр. стих. «На вершинахъ» («Молодая поэзія», сбор. составл. гг. Перцовыми въ 1895 г.), «Встрѣча», «Раскрылъ онъ книгу» («Русская Муза» П. Я.).

Ив. Р.

Дни баррикадъ въ Харьковъ въ октябрь 1905 г.

(Личныя воспоминанія).

Въ октябрѣ 1905 г., 11-го и 12-го числа, Харьковъ пережилъ «дни баррикадъ». На прилегающихъ къ университету улицахъ студенты, при участіи постороннихъ лицъ, устроили баррикады, превратили университетъ въ своего рода «фортъ Шаброль» и засѣли въ немъ. Въ то время я былъ деканомъ историко-филологическаго факультета, и мнѣ пришлось принять участіе въ переговорахъ университетскаго президіума съ гражданскими и военными властями, чтобы предупредить грозившее кровопролитіе, казалось, неминуемый разгромъ университета и вывести студентовъ благополучно изъ осады. Я тогда же записалъ, чему былъ очевидцемъ въ тѣ памятные дни ¹⁾.

I.

Подробно говорить о причинахъ, приведшихъ къ баррикадамъ, я здѣсь не буду. Онѣ лежали частью въ предшествовавшихъ условіяхъ университетской жизни, частью внѣ университета. Говорю: въ *предшествовавшихъ* условіяхъ, такъ какъ тутъ незадолго до описываемыхъ событій произошла перемѣна, въ Харьковскомъ университетѣ обнаружившаяся совершенно опредѣленно. Указъ 27 августа 1905 г. предоставилъ университетамъ нѣкоторую академическую автономію, возстановилъ выборное начало по отношенію къ университетской администраціи—ректору, деканамъ и секретарямъ факультетовъ; составъ университетскаго правленія обновился ²⁾ и у насъ прежняя система, на-

¹⁾ Ср. Докладъ ректора Харьковскаго университета совѣту, напечатанный въ «Харьковскомъ Листкѣ», 1905, № 1920.

²⁾ Ректоромъ былъ избранъ профессоръ ботаники *Людв. Вас. Рейнгардъ*, деканомъ физико-математическаго факультета—*В. А. Стекловъ* (теперь академикъ и профессоръ Петроградскаго университета), юридическаго—*Н. А. Гредескулъ*, (бывшій потомъ товарищемъ предсѣдателя первой Государственной Думы). Деканами медицинскаго и историко-филологическаго факультета избраны прежніе—*М. М. Ломиковскій*, (впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебн. округа) и *В. П. Бузескулъ*, бывшіе до того деканами по назначенію.

шедшая себѣ яркое выраженіе въ уставѣ 1884 г., въ разъясняющихъ его инструкціяхъ и циркулярахъ и оказавшаяся несостоятельной, была измѣнена. Система подозрительности, надзора и репрессій замѣнена системой довѣрія къ студентамъ. Инспекція съ ея «наблюденіемъ», столь раздражавшимъ и оскорбительнымъ, въ особенности когда оно производилось педелями, фактически устранена; студентамъ были разрѣшены сходки; имъ предоставлено было имѣть свои организаціи, которыя поддерживали бы порядокъ, выбирать старостъ и т. д. Совѣтъ и правленіе университета старались вліять нравственными средствами, путемъ переговоровъ съ представителями студенчества, старались, дѣйствуя чрезъ этихъ представителей, предупреждать нарушенія порядка, смягчать волненія. Въ теченіе нѣкотораго времени это удавалось.

Но продолжали дѣйствовать причины волненій, лежавшія внѣ университета. Общество находилось тогда въ сильномъ политическомъ возбужденіи, а студенты—тѣмъ болѣе; происходили забастовки, устраивались собранія, митинги, и при отсутствіи свободы такихъ собраній именно университетъ являлся тѣмъ мѣстомъ, куда могла скорѣе всего устремляться масса для устройства митинговъ. Еще въ февралѣ 1905 г. совѣтъ Харьковскаго университета «опредѣленно заявилъ, что нормальное теченіе академической жизни невозможно безъ общей политической свободы русскаго народа». Въ засѣданіи 29 сентября, за двѣ недѣли до баррикадъ, совѣтъ единогласно постановилъ: «вновь подтвердить, что автономный университетъ въ обществѣ, лишенномъ свободы слова, печати, собраній и личности, по необходимости служить мѣстомъ, куда стихійно устремляется сознавшее свои права общество, какъ воздухъ разрушительнымъ вихремъ несетя къ мѣсту наименьшаго давленія. Совѣтъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать все, что въ его силахъ, для поддержанія нормальнаго хода академической жизни, но силы, лежащія внѣ его, могущественнѣе, и противостоятъ ихъ давленію нѣтъ никакой возможности; ответственность за результаты дѣйствія внѣшнихъ причинъ, обусловливаемыхъ ходомъ историческаго процесса, совѣтъ не можетъ и не имѣетъ права принять на себя. Предупредить катастрофу возможно лишь въ томъ случаѣ, когда русскому народу будутъ гарантированы священные права всякаго человѣка: неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній». Такъ, исполняя постановленіе совѣта, телеграфировалъ ректоръ министру народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ сентября общестуденческая сходка постановила, что университетъ долженъ принять участіе въ политической

борьбѣ, что онъ долженъ служить мѣстомъ политическаго воспитанія и съ этою цѣлью въ немъ должны устраиваться собранія съ участіемъ постороннихъ. Правда, потомъ прибавлена была оговорка, что собранія эти не должны мѣшать академическимъ занятіямъ; кромѣ того, представители студенчества обѣщали не доводить до «катастрофическаго митинга», т.-е. до такого, который вызоветъ беспорядки и поведетъ къ закрытію университета. Тѣмъ не менѣе митинговъ съ разными осложненіями, прекращенія занятій и т. под., можно было ожидать. Но баррикады!... Это было полною неожиданностью не для однихъ только насъ, профессоровъ... Потомъ я не разъ спрашивалъ студентовъ, какъ все это могло произойти? И они отвѣчали, что и сами не могутъ дать себѣ ясный отчетъ, сами не знаютъ, какъ возникло у нихъ рѣшеніе приняться за постройку баррикадъ и за превращеніе университета въ фортъ.

II.

Еще наканунѣ, въ понедѣльникъ 10-го октября, въ университетѣ, повидимому, было спокойно (насколько могло быть спокойно въ то тревожное, бурное время). До 2 часовъ дня шли лекціи. Я самъ читалъ отъ 12 до 2 довольно многочисленной аудиторіи и притомъ—по такому далекому отъ злобы дня предмету, какъ греческая исторія. Правда, началась уже желѣзнодорожная забастовка; у вокзала собирался митингъ; въ третьемъ часу по направленію къ университету двинулись толпы рабочихъ, но онѣ проходили мимо, далѣе, къ вокзалу и къ желѣзной дорогѣ. Какъ только эти толпы показались, студенты, наполнявшіе аудиторію № 1 и смотрѣвшіе въ окна, вдругъ покинули университетъ; повидимому, большинство присоединилось къ шедшимъ на митингъ рабочимъ. Въ университетѣ стало тихо; онъ опустѣлъ. Лишь въ юридическомъ кабинетѣ продолжалось засѣданіе факультета. А вечеромъ въ университетѣ состоялось засѣданіе медицинскаго факультета, затянувшееся до поздняго часа.

Въ обычное время, около четырехъ часовъ дня, я вышелъ изъ университета и направился домой. По дорогѣ многіе магазины оказались уже запертыми; въ конторѣ газеты «Южный Край» выбиты стекла. Какъ я потомъ узналъ, митингъ, происходившій у вокзала, разошелся, но на Екатеринославской улицѣ, на пути отъ вокзала въ центръ города, была стрѣльба, оружейный магазинъ Тарнопольскаго подвергся нападенію, оружіе разобрано; въ другой, нагорной части города толпою хулигановъ разгромлена булочная. А вечеромъ на Николаевской площади произошло кровавое столкновеніе, которое и послужило ближайшимъ по-

водомъ и толчкомъ къ дальнѣйшимъ, столь неожиданнымъ событіямъ: между войсками и собравшимся народомъ завязалась перестрѣлка; были жертвы и въ числѣ ихъ—студентъ-юристъ 2-го семестра Константииниди, находившійся, говорятъ, въ числѣ зрителей; смертельно раненый, онъ скончался въ ту же ночь, съ понедѣльника на вторникъ, въ помѣщеніи Медицинскаго Общества, и его то смерть страшно взволновала студенчество.

Когда на слѣдующій день, во вторникъ 11-го октября, около 10 часовъ утра я подошелъ къ университету, то на улицѣ увидѣлъ толпящихся, взволнованныхъ студентовъ; среди нихъ попадались и посторонніе. У стоявшихъ на углу двухъ знакомыхъ филологовъ я спросилъ, что значить эта толпа и видимое волненіе? И получилъ отвѣтъ, что наканунѣ войска стрѣляли, убить студентъ Константииниди, и вотъ теперь студенты вооружаются, укрѣпляютъ университетскія помѣщенія,—намѣрены забаррикадироваться и готовятся выдержать штурмъ, когда противъ нихъ направлены будутъ войска. Повидимому, въ университетѣ раньше предполагался митингъ. По крайней мѣрѣ, у входа въ аудиторіи стоялъ студентъ, который на вопросъ подошедшей молодой дѣвушки: «Здѣсь предполагается митингъ?» отвѣчалъ: «Да, здѣсь; пожалуйста». Въ самомъ зданіи было уже много постороннихъ, рабочихъ, женщинъ. Всюду большое возбужденіе, суета, давка; по лѣстницѣ несли въ корзинахъ кирпичи, куски каменнаго угля, тащили дрова,—громадныя бревна. Я съ трудомъ протиснулся наверхъ. Дверь въ профессорскую комнату была заперта, и у нея стоялъ служитель Дмитрій Шуньковъ, испуганный, блѣдный. Въ аудиторіи № 1 находился уже ректоръ Л. В. Рейнгардъ; онъ тщетно убѣждалъ студентовъ не превращать университета въ какой то фортъ, указывалъ на все безразсудство подобнаго предпріятія. Съ своей стороны я обратился къ окружавшимъ меня студентамъ и воскликнулъ: «Что вы дѣлаете?!» Тѣ отвѣтили, что они страшно возбуждены смертью товарища, погибшаго отъ выстрѣла; что надо же что-либо предпринять; что у паровозостроительнаго завода, на окраинѣ города, собирается митингъ рабочихъ; противъ нихъ направлены будутъ войска и студенты хотятъ предотвратить грозящую рабочимъ опасность, отвлечь на себя военныя силы; они вооружены и думаютъ защищаться. Ректоръ обратился ко мнѣ: «Наши слова не дѣйствуютъ; придется сейчасъ же закрыть университетъ. Пойдемте въ правленіе и тамъ посоветуемся».

Помѣщеніе правленія было еще не занято. Тамъ собралось нѣсколько профессоровъ. Посоветовавшись съ нами, ректоръ тотчасъ же распорядился выставить объявленіе о временномъ закрытіи университета, хотя мы сознавали всю бесполезность

подобной мѣры: событія шли слишкомъ быстро и застигли насъ врасплохъ. Ректоръ самъ отправился въ аудиторіи объявить о закрытіи университета и вскорѣ вернулся; по его словамъ, объявленіе это встрѣчено было видимо враждебно и ироническими замѣчаніями: «Поздно!» Телефонъ еще дѣйствовалъ, и въ университетъ были вызваны деканы В. А. Стекловъ и Н. А. Гредескуль для совѣщанія ¹⁾.

Изъ окна канцеляріи совѣта видно было, какъ студенты заперли ворота и стали закладывать ихъ бревнами. На улицѣ толпа подпиливала и сваливала телеграфные и телефонные столбы, очевидно съ намѣреніемъ воспользоваться ими для баррикадъ, которыя воздвигались тутъ же, на улицѣ. Собирались любопытные, среди нихъ гимназисты и гимназистки. Поминутно толпа, подъ вліяніемъ ложной тревоги, въ ожиданіи появленія войска, бросалась въ сторону, разбѣгалась и вновь собиралась. Вдругъ къ намъ прибѣгаетъ служащій въ бухгалтеріи и заявляетъ, что толпа ломится въ дверь. Дѣйствительно, наружная парадная дверь была взломана и въ пріемную правленія внесенъ раненый рабочій, въ безчувственномъ состояніи. Одинъ изъ несшихъ его просилъ помочь: «Мы за васъ страдаемъ», говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ. Оказалось, что рабочій былъ раненъ при паденіи телефоннаго или телеграфнаго столба; онъ вскорѣ пришелъ въ себя и отправленъ былъ въ больницу.

Между тѣмъ, съ трудомъ пробравшись чрезъ толпу, прибыли одинъ за другимъ деканы В. А. Стекловъ и Н. А. Гредескуль. На общемъ нашемъ совѣщаніи рѣшено было употребить всѣ мѣры, чтобы не допустить кровопролитія и полного разгрома университета, что казалось неминуемымъ, если будетъ предпринятъ штурмъ войсками, появленія которыхъ надо было ждать съ минуты на минуту. Поэтому мы рѣшили прежде всего, что правленіе въ наличномъ составѣ, т. е. ректоръ и три присутствовавшихъ декана, отправятся къ губернатору и убѣдятъ его не пускать въ ходъ военной силы, щадить университетъ.

Харьковскимъ губернаторомъ въ то время былъ Старынкевичъ, артиллерійскій генералъ. Въ Харьковѣ онъ пробылъ очень недолго, но оставилъ въ насъ самое лучшее воспоминаніе. Ему мы немало обязаны тѣмъ, что дѣло не приняло тогда кроваваго оборота. Самъ бывший нѣкогда студентомъ-математикомъ, Старынкевичъ относился къ университету и его дѣятелямъ съ большою предупредительностью и доброжелательствомъ.

¹⁾ Деканъ медицинскаго факультета еще въ срединѣ сентября передалъ, по болѣзни, исполненіе своихъ обязанностей проф. В. П. Крылову, который въ нашихъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ участія не принималъ.

Въ двѣнадцатомъ часу мы были уже у губернатора и явились какъ разъ во время; еще нѣсколько минутъ и, быть можетъ, было бы уже поздно. Когда ректоръ вкратцѣ изложилъ положеніе дѣла (о которомъ губернаторъ былъ уже, впрочемъ, освѣдомленъ), и нашу просьбу не доводить до кровопролитія, не придвигать войскъ и полиціи къ университету, дать возможность студентамъ успокоиться, то губернаторъ сейчасъ же при насъ по телефону приказалъ отложить исполненіе отданныхъ имъ раньше распоряженій. Вообще онъ отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ нашей просьбѣ, говоря, что у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія штурмовать университетъ; мало того,—онъ заявилъ, что охотно согласился бы предоставить самимъ студентамъ поддержаніе порядка, если бы они взяли это на себя; что на митинги и даже уличныя демонстраціи онъ готовъ смотрѣть сквозь пальцы, но что имѣются опасные симптомы—нападенія на магазины, разграбленіе оружія и т. под., что наканунѣ была уже перестрѣлка, и есть жертвы; онъ долженъ принять мѣры для огражденія жизни и имущества населенія. Въ концѣ концовъ онъ обѣщалъ не придвигать войскъ близко къ университету, а разставить ихъ подальше съ цѣлью преградить лишь къ нему доступъ толпѣ.

Послѣ этого ректоръ, В. А. Стекловъ и Н. А. Гредескулъ отправились въ университетъ: надо было сообщить студентамъ, засѣвшимъ тамъ, о рѣшеніи губернатора, узнать, чего они собственно хотятъ, и, если можно, убѣдить ихъ выйти изъ университетскихъ помѣщеній. А я по пути, свернувъ немного въ сторону, зашелъ домой, чтобы предупредить и успокоить жену. Затѣмъ я, не найдя извозчика, пѣшкомъ направился по Сумской къ университету. Встрѣчавшіеся по дорогѣ знакомые сообщали, что около университета будто бы «творятся ужасы», что пройти къ нему уже нѣтъ возможности: съ двухъ противоположныхъ сторонъ надвигаются толпы, одна—«революціонеровъ», а другая, какъ ее впервые тогда стали называть,—«черная сотня»... Я продолжалъ итти. На Николаевской площади, по сторонамъ ея, были густыя толпы. Кое-гдѣ выворачивали камни изъ мостовой; раздавались выстрѣлы. Не знаю, была ли то перестрѣлка у оружейнаго магазина «Спортъ», подвергшагося разгрому, или же—между враждебными партіями,—«революціонерами» и «черносотенцами». Доступъ къ университету въ тотъ моментъ былъ прегражденъ: ведущая отъ площади къ нему улица совершенно запружена народомъ. Пришлось вернуться домой.

Но дома не сидѣлось. Мысль, что дѣлается въ университетѣ, не пролита ли тамъ кровь, что случилось съ моими коллегами—Л. В. Рейнгардомъ, В. А. Стекловымъ, Н. А. Гредескуломъ,—пови-

димому, еще успѣвшими проникнуть въ университетъ, удалось ли имъ убѣдить студентовъ разойтись или нѣтъ,—не давала покоя. Я рѣшилъ отправиться къ Н. А. Гредескулу,—жившему въ томъ же районѣ, гдѣ и я,—въ надеждѣ, что, можетъ быть, застану его, въ противномъ случаѣ снова попытаться пройти въ университетъ. Послѣ довольно долгихъ поисковъ и тщетныхъ попытокъ я наконецъ засталъ Н. А. Гредескула дома и отъ него узналъ, что, къ счастью, пока «ужасовъ» не творилось въ университетѣ. Студенты обѣщали держать себя спокойно, первыми не стрѣлять и готовы были покинуть зданія университета, если будетъ разрѣшенъ митингъ въ центрѣ города, на Николаевской площади. Ректоръ, В. А. Стекловъ и Н. А. Гредескулъ поэтому вторично ѣздили къ губернатору, но тотъ не согласился на устройство митинга на Николаевской площади, такъ какъ въ такомъ случаѣ можетъ грозить опасность банкамъ и другимъ учрежденіямъ, находящимся въ центрѣ города, и онъ уже передалъ эту площадь съ прилегающими къ ней частями улицъ въ распоряженіе военныхъ властей; но ничего не имѣлъ противъ устройства митинга въ другомъ мѣстѣ, подальше отъ центра. Какъ потомъ я узналъ, послѣ дальнѣйшихъ переговоровъ ¹⁾ губернаторъ разрѣшилъ устроить митингъ на слѣдующій день на Скобелевской площади, соглашался выпустить студентовъ, бывшихъ въ осадѣ, и—что удивительнѣе—готовъ былъ даже разрѣшить имъ вернуться послѣ митинга въ ихъ укрѣпленіе, зданіе университета. На этомъ переговоры въ тотъ день пока и кончились.

Между тѣмъ при Медицинскомъ Обществѣ образовался изъ врачей, адвокатовъ, инженеровъ, профессоровъ Общественный Комитетъ,—«Комитетъ охраны» или «общественной безопасности». Имѣлось въ виду поручить ему поддержаніе безопасности и охрану города. Вечеромъ 11-го октября комитетъ этотъ засѣдалъ до поздней ночи. Много было рѣчей между прочимъ объ учрежденіи милиціи. Была сдѣлана и попытка организовать ее, причемъ не обошлось безъ недоразумѣній между этою милиціею и войсками.

Ночь съ 11-го на 12-е октября засѣвшіе въ университетѣ провели въ своемъ укрѣпленіи. Здѣсь были не одни студенты, но и посторонніе; въ числѣ ихъ рабочіе, нѣсколько женщинъ, даже гимназисты и гимназистки. Первоначально засѣвшихъ было, вѣроятно, отъ 600 до 1000 ²⁾, но потомъ количество ихъ уменьши-

¹⁾ Переговоры эти велись, главнымъ образомъ, черезъ посредство проф. Н. А. Гредескула, который еще два раза побывалъ у губернатора и въ университетѣ—въ 8 час. вечера и около 12 час. ночи (въ университетѣ тогда, хотя и не безъ труда, можно было проникнуть).

²⁾ См. докладъ ректора.

лось, хотя были и такіе, которые явились въ университетъ позже, уже вечеромъ: выйти изъ укрѣпленія и войти въ него было тогда можно,—осада была не тѣсная. Въ распоряженіи осажденныхъ находились не только помѣщенія университета, но и прилегающая къ нимъ Соборная площадь. Время отъ времени революціонеры звонили въ соборные колокола. Въ ихъ рукахъ была университетская типографія, и они печатали въ ней свои воззванія и «бюллетени». Вотъ одинъ изъ бюллетеней, оповѣщающій о событіяхъ 11-го октября такъ:

«Второй день Харьковской революціи. Къ 10 часамъ собрались студенты въ университетъ. Всеобщее возбужденіе. Единодушное рѣшеніе принять дѣятельное участіе въ революціонной борьбѣ. Сильный притокъ постороннихъ лицъ въ университетъ. Вооруженные студенты составляютъ отдѣльную многочисленную группу; остальные принялись за сооруженіе баррикадъ. Даже женщины и дѣти тащатъ бревна и камни. Баррикады сооружены. На нихъ взвились красныя знамена. Колокольный звонъ извѣщаетъ народу о завоєваніи центра города. Къ 3 час. дня прибѣгаютъ вооруженные товарищи. Баррикады наполняются защитниками. Но вотъ пришли товарищи-рабочіе съ паровозостроительнаго завода, гдѣ у нихъ съ утра шелъ грандіозный митингъ. Побѣда полнѣйшая. Силы всѣхъ удесятѣряются. Начинается организація всѣхъ умѣющихъ хорошо владѣть оружіемъ. Отряды милиціонеровъ отправляются въ городъ по всѣмъ направленіямъ ¹⁾ для защиты угнетенныхъ жителей отъ нападенія черной сотни. На баррикадахъ дежурятъ караулы. Комитетъ борьбы, 11-го октября, ночь».

Но у осажденныхъ, повидимому, не было въ запасѣ съѣстныхъ припасовъ. Во вторникъ вечеромъ были попытки доставить имъ эти припасы; но съ утра среды, 12 октября, войска уже никого безъ особаго разрѣшенія или «допуска» въ университетъ не пропускали: осада стала тѣснѣе, строже.

III.

Въ среду, 12-го октября, утромъ, желая узнать о положеніи дѣлъ въ университетѣ, я отправился къ Н. А. Гредескулу и, не заставъ его,—къ В. А. Стеклову. Вскорѣ прибылъ и ректоръ Л. В. Рейнгардъ. Мы порѣшили возобновить наши попытки, имѣвшія цѣлью освободить задержанныхъ въ университетѣ студентовъ и избѣжать кровопролитія. Надо было въ точности выяснить,

¹⁾ По слухамъ задержанные въ университетѣ, дѣйствительно, высылали ночью свой патруль, который однако пострадалъ при какомъ-то столкновеніи. Въ помѣщеніи юридическаго кабинета студенты устроили переправочный пунктъ.

чего же хотять наконецъ студенты, а для этого, для новыхъ переговоровъ съ ними, надо было получить отъ коменданта пропускъ въ университетъ, который, вмѣстѣ съ прилегающимъ къ нему райономъ, центромъ города, былъ оцѣпленъ войсками. Отправились за пропускомъ и по дорогѣ встрѣтили Н. А. Гредескула, отъ котораго узнали, что губернаторъ теперь, по настоянію военной власти, въ распоряженіе которой былъ переданъ центръ города, уже находить невозможнымъ разрѣшить студентамъ послѣ митинга возвратиться въ зданіе университета, на что наканунѣ онъ давалъ согласіе. Для избѣжанія какихъ-либо недоразумѣній необходимо было отъ начальника мѣстнаго гарнизона, генерала Мау, услышать въ точности, на какихъ условіяхъ могутъ быть выпущены находящіеся въ университетѣ. Но квартиры генерала Мау мы не могли найти—городовые сообщили намъ невѣрный адресъ,—и мы поѣхали къ коменданту, подполковнику Г. С. Горбаневу, находившемуся тогда въ полицейскомъ управленіи.

На углу Сумской и Николаевской площади, на которой стоитъ зданіе полиціи, насъ остановили солдаты: площадь была пуста, и доступъ къ ней прегражденъ. Нѣсколько врачей изъ Александровской больницы, съ повязкой краснаго креста на рукавѣ, встрѣтившіеся съ нами, жаловались, что у нихъ все готово на случай надобности, но что ихъ сегодня уже не пропускаютъ къ университету, хотя вчера еще пропускали. О насъ пошли доложить. Вскорѣ явился солдатъ-драгунъ и проводилъ къ коменданту. Проѣздъ по площади былъ запрещенъ, и намъ пришлось идти пѣшкомъ отъ угла Сумской къ зданію полиціи. Тамъ была сутолока, много разныхъ военныхъ и полицейскихъ чиновъ. Комендантъ вышелъ къ намъ и общалъ сейчасъ же выдать необходимые пропуска. Въ кабинетѣ, куда онъ насъ пригласилъ, было нѣсколько военныхъ—казацкій офицеръ, «начальникъ резерва»; пожилой, худой ротмистръ-драгунъ, раздражительный и подозрительный, жаловавшийся, что въ войска стрѣляютъ съ крышъ даже тѣхъ домовъ, на которыхъ имѣется изображеніе Краснаго Креста; молодой, болѣзненно-блѣдный офицеръ съ Георгіемъ и др. Пока писались пропуска, мы завели рѣчь о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ могли бы быть выпущены осажденные. Мнѣніе офицеровъ сводилось къ тому, что желательно поскорѣе «развязаться съ этими баррикадами», но что за студентами и находящимися съ ними посторонними нельзя сохранить оружія; впрочемъ, добавляли они, все зависитъ отъ генерала Мау. Въ это время въ полицію прибылъ одинъ изъ членовъ «Комитета общественной безопасности», присяжный повѣренный П. Д. Шидловскій ¹⁾ и

¹⁾ Временнымъ Правительствомъ недавно назначенный прокуроромъ харьковской судебной палаты.

сообщилъ, что только что былъ въ университетѣ, передалъ студентамъ условія сдачи, какъ они намѣчались губернаторомъ, и студенты согласны ихъ принять. Чтобы не было никакихъ недоразумѣній и чтобы выяснить всѣ подробности, въ особенности относительно оружія, мы рѣшили отправиться къ генералу Мау, который, какъ намъ сказали, въ ту пору находился у губернатора.

По дорогѣ къ губернатору П. Д. Шидловскій, а затѣмъ я и Н. А. Гредескулъ, ѣхавшіе впереди ректора и В. А. Стеклова, встрѣтили Мау, остановили его и заявили, что имѣемъ къ нему спѣшное и важное дѣло. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ. Сперва началъ излагать дѣло П. Д. Шидловскій «отъ имени Комитета». «Какого Комитета?» спросилъ генераль. — «Общественной безопасности». — «Развѣ обществу грозитъ опасность? Кажется, у насъ есть правительство, законныя власти на мѣстахъ...» Но не буду передавать всѣхъ подробностей нашихъ долгихъ переговоровъ съ генераломъ Мау. Скажу только, что тѣмъ временемъ подъѣхали ректоръ и В. А. Стекловъ, принявшіе дѣятельное участие въ переговорахъ, и что труднѣе всего было уладить вопросъ объ оружіи. Мау говорилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ университетѣ—чуть ли не цѣлый складъ оружія, и что во всякомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы студенты шли вооруженными и унесли съ собою ружья. Въ концѣ концовъ условія, которыя мы должны были передать студентамъ, установлены слѣдующія. Студенты и всѣ находящіеся съ ними постороннія лица покидаютъ занятые ими помѣщенія всѣ одновременно, вмѣстѣ, а не поодиночкѣ. Оружіе—ружья, винтовки и т. под.—они оставляютъ въ зданіи и сдаютъ намъ, а мы потомъ передаемъ его военнымъ властямъ черезъ полицію, которая однако въ университетъ не войдетъ. Какъ студенты, такъ и остальные лица обыску не подвергаются и могутъ сохранить при себѣ карманное оружіе, напр. револьверы. Они могутъ итти на Скобелевскую площадь, гдѣ предположенъ митингъ, при чемъ имъ обѣщана полная безопасность и неприкосновенность, если съ ихъ стороны не послѣдуетъ выстрѣловъ. Для предупрежденія столкновений войска отодвигаются на сто шаговъ, пока будутъ проходить студенты и находящіеся съ ними, а потомъ будетъ поставленъ заслонъ, чтобы не было доступа къ университету. Баррикады на улицѣ будутъ разобраны тотчасъ по выходѣ пожарными и войсками, а укрѣпленія внутри зданій—по распоряженію и мѣрами университетскаго начальства. О состоявшемся соглашеніи и его условіяхъ онъ, генераль Мау, доведетъ до свѣдѣнія губернатора. Но затѣмъ возникъ вопросъ, какъ обезпечить безопасность шествія къ Скобелевской площади, когда войскамъ уже данъ приказъ:

если появится толпа, стрѣлять по ней? Рѣшено было, что генераль Мау поѣдетъ вмѣстѣ съ нами къ коменданту, лично сообщить ему объ условіяхъ пропуска осажденныхъ, дать ему инструкцію и предоставить его намъ, такъ сказать, въ распоряженіе: комендантъ долженъ будетъ идти впереди и предупреждать войска, чтобы они не стрѣляли.

Такъ и сдѣлали. Къ прежнимъ условіямъ было добавлено, что студенты будутъ идти къ Скобелевской площади не по Московской улицѣ, гдѣ большая толпа, а по менѣе многолюдной Рыбной ул., а потому и изъ университета они направятся внизъ, къ Павловской площади, гдѣ ихъ будетъ ожидать комендантъ, и, кромѣ того, по просьбѣ послѣдняго, мы условились, что послѣ того, какъ мы сообщимъ осажденнымъ условія, и они согласятся на нихъ, кто-либо изъ студентовъ, въ качествѣ уполномоченнаго, выйдетъ къ коменданту, и тотъ повторить ему эти условія, дабы не было никакихъ недоразумѣній. Присутствовавшій при этомъ драгунскій ротмистръ замѣтилъ, что имѣются свѣдѣнія, будто студентами заложены фугасы и петарды. Рѣшено было, что они должны намъ указать, гдѣ заложены эти фугасы, которые и будутъ уничтожены.

Покончивъ съ условіями, мы—Л. В. Рейнгардъ, В. А. Стекловъ, Н. А. Гредескулъ и я,—въ сопровожденіи П. Д. Шидловскаго, пошли въ университетъ. Николаевская площадь, доступъ къ которой охранялся карауломъ, была попрежнему пуста. Въ переулкѣ около собора была устроена первая баррикада изъ телеграфныхъ столбовъ, бревенъ, досокъ, скрѣпленныхъ проволокой, и т. под. На баррикадѣ развѣвался красный флагъ. За угломъ, по Университетской улицѣ, между зданіемъ аудиторій и библіотекой, была другая такая же баррикада; обѣ вышиною около сажени, если не болѣе. За каждой—студентъ-часовой съ ружьемъ. На крышѣ университетскихъ зданій виднѣлись тоже караульные. При нашемъ приближеніи съ крыши раздалась команда: «Смирно!» Не безъ труда, съ помощью студентовъ, перелѣзши чрезъ баррикады, мы вошли въ университетъ...

Былъ третій часъ дня, но въ университетѣ—темно: окна заложены кирпичами и бревнами. Насъ повели въ тогдашнюю агрономическую лабораторію,—низкую, темную комнату нижняго этажа, гдѣ теперь канцелярія по студенческимъ дѣламъ. Тамъ находился «комитетъ борьбы», завѣдывавшій обороной, въ составъ котораго входили, повидимому, не только студенты, но и посторонніе. Мы изложили условія, на которыхъ военная власть соглашалась выпустить всѣхъ находившихся въ университетѣ. При упоминаніи о фугасахъ раздался громкій смѣхъ. Изложен-

ныя условія вызвали лишь два замѣчанія. Одинъ изъ присутствовавшихъ заявилъ, что на Екатеринославской улицѣ, т.-е. въ направленіи, противоположномъ тому, гдѣ долженъ былъ состояться митингъ, тысячъ пять народа, желающаго участвовать въ митингѣ, задержаны войсками; какой же, слѣдовательно, можетъ быть митингъ на Скобелевской площади? Но мы просили не осложнять дѣла. Далѣе, сомнѣнія вызывала роль, предоставленная коменданту: студенты не желали, чтобы комендантъ ихъ какъ бы конвоировалъ. Имъ было разъяснено, что присутствіе коменданта необходимо въ видахъ безопасности, для предупрежденія войскъ, которыя иначе могутъ открыть стрѣльбу, и что онъ будетъ идти отнюдь не какъ конвоиръ, а на значительномъ разстояніи впереди. Послѣ этихъ разъясненій комитетъ просилъ насъ на время выйти, чтобы посоветоваться въ нашемъ отсутствіи, обѣщая черезъ четверть часа дать отвѣтъ.

Мы вышли на воздухъ, во дворъ. Не прошло и четверти часа, какъ насъ пригласили въ помещеніе комитета, чтобы сообщить намъ отвѣтъ. Предложенныя условія были приняты. Студенты обѣщали съ своей стороны поддерживать порядокъ, отнюдь не стрѣлять. «Если кто-нибудь изъ насъ выстрѣлитъ,—говорили они, то это будетъ выстрѣлъ провокаторскій, и мы сами выдадимъ стрѣлявшаго». Фугасы они обѣщали уничтожить (были ли на самомъ дѣлѣ заложены фугасы или же студенты не разсѣивали на этотъ счетъ заблужденія, для поддержанія большаго престижа, неизвѣстно: раньше они разсмѣялись при упоминаніи о фугасахъ). Осажденнымъ давался нѣкоторый срокъ—минутъ двадцать—на сборы и на то, чтобы сложить оружіе. Въ этотъ моментъ вбѣгаетъ, запыхавшись, взволнованный студентъ, одинъ изъ часовыхъ, и сообщаетъ, что войска наступаютъ со стороны Николаевской площади и уже начинаютъ разбирать баррикады. Надо было торопиться, чтобы не испортить дѣла. Вмѣстѣ съ избраннымъ уполномоченнымъ отъ студентовъ мы поспѣшили на Павловскую площадь, гдѣ насъ долженъ былъ поджидать комендантъ. На пути пришлось перелѣзть чрезъ двѣ или три баррикады, устроенныя и въ этой части Университетской улицы. На площади, у самой послѣдней баррикады, уже находился комендантъ. Переговоры его съ уполномоченнымъ-студентомъ были не долги: онъ вкратцѣ повторилъ выработанныя условія, и уполномоченный-студентъ ушелъ.

Еще раньше, когда мы стояли во дворѣ въ ожиданіи отвѣта отъ находившихся въ университетѣ, къ намъ подошли нѣкоторые члены Общественнаго Комитета или Комитета общественной безопасности, возникшаго наканунѣ при Медицинскомъ Обществѣ.

Теперь присоединилось еще нѣсколько его членовъ и профессоровъ.

По площади подъѣзжалъ отрядъ драгунъ; на значительномъ разстояніи отъ баррикадъ стояла пѣхота. Далѣе, по Университетской улицѣ, отъ Павловской площади къ Нетеченскому мосту, виднѣлась многотысячная, густая толпа, въ которой преобладали рабочіе.

Насталъ томительный моментъ. Каждую минуту можно было ожидать какого-нибудь инцидента, осложненія, и могла быть пролита кровь... Драгунскій ротмистръ, о которомъ я уже упоминалъ не разъ, неугомонный и раздражительный, подъѣзжаетъ къ коменданту и докладываетъ, что на той Рыбной улицѣ, по которой лежалъ намъ путь, стрѣляютъ изъ толпы въ казаковъ, а казаки «шлепаютъ нагайками». Этотъ же драгунъ не могъ примириться съ тѣмъ, что комендантъ будетъ идти впереди одинъ, безъ военной охраны. «Кто мнѣ отвѣтитъ за вашу жизнь?» говорилъ ротмистръ. «Пусть г. ректоръ или кто-либо изъ гг. декановъ отправится въ помѣщеніе полиціи въ качествѣ заложника». Но комендантъ поспѣшилъ отклонить это предложеніе; онъ видимо старался покончить дѣло, по возможности, мирно, безъ осложненій и безъ кровопролитія. Вообще же присутствовавшіе военные были явно недовольны оборотомъ дѣла. Молодой офицеръ, съ Георгіемъ, побывавшій въ Портъ-Артурѣ, какъ выяснилось изъ разговора съ нимъ, говорилъ намъ: «Напрасно вы устроили всю эту мирную капитуляцію. Посмотрите, какъ войско недовольно, что не позволили взять баррикады. Мы бы эти баррикады живо разбросали и разомъ покончили со всѣмъ».—«А кровопролитіе?», возразили мы.—«Все равно его не избѣгнуть», отвѣтилъ офицеръ. «Посмотрите, что вечеромъ будетъ. Придется пускать въ дѣло оружіе, а то бы мы всѣхъ, находящихся тутъ, въ университетѣ, захватили. Никто ихъ не трогалъ, а они вздумали укрѣпляться, строить баррикады! Войдите въ наше положеніе: вотъ приходится грызть черствыя корки хлѣба» (передъ этимъ офицеръ вынулъ изъ кармана кусочки хлѣба), «некогда пообѣдать!» Но мрачныя предсказанія офицера относительно вечера, къ счастью, не сбылись: вечеромъ все обошлось благополучно...

Опасность могла грозить и со стороны многочисленной густой толпы, стоявшей, какъ сказано, густой массой на площади и по Университетской улицѣ до самаго Нетеченскаго моста: толпа могла надвинуться, среди нея могли быть хулиганы и провокаторы, изъ ея среды могли раздаться выстрѣлы. Ректоръ и нѣкоторые члены Общественнаго Комитета подошли къ ней, объяснили, въ чемъ дѣло, и просили не нарушать порядка. Въ отвѣтъ раздались

обѣщанія. Мало того: съ согласія коменданта изъ этой толпы выдѣлилась небольшая группа рабочихъ съ тѣмъ, чтобы идти впереди насъ, очищать дорогу и поддерживать порядокъ.

Наконецъ показались выходящіе изъ университета. Комендантъ, стоя у послѣдней баррикады, просилъ не торопиться: «Господа! спокойствіе, спокойствіе, спокойствіе! Вы можете положиться на меня: я къ вашимъ услугамъ!» Нѣсколько лицъ изъ вышедшихъ уже взобрались на баррикаду и напомнили своимъ товарищамъ—идти въ порядкѣ, тихо, «безъ пѣнія, безъ криковъ», а затѣмъ къ толпѣ на площади съ подобнымъ же увѣщаніемъ: «На Скобелевскую площадь, тамъ, товарищи, увидимся!» закончили они. Флагъ съ баррикадъ былъ снятъ. Выходившіе перелѣзли чрезъ послѣднюю баррикаду... Среди нихъ студентовъ въ формѣ было сравнительно немного; многіе изъ студентовъ были въ штатскомъ, и вообще казалось, что теперь преобладали не студенты, а рабочіе. Было и нѣсколько женщинъ, одна изъ нихъ—сестра милосердія. Въ общемъ всѣхъ выходившихъ, повидимому, насчитывалось человѣкъ 400. Послѣ того, какъ всѣ очутились уже на площади, образовавъ тѣсную группу, окруженную цѣпью изъ своихъ же товарищей, взявшихся за руки, комендантъ просилъ подождать нѣкоторое время, пока онъ отдастъ распоряженіе войскамъ и поставитъ позади заслонъ. Наконецъ, все было готово. Комендантъ, повторивъ: «Господа! спокойствіе, спокойствіе, спокойствіе!» пошелъ впередъ.

Шествіе двинулось. Впереди всѣхъ—группа рабочихъ, взявшихъ на себя поддержаніе порядка въ толпѣ; комендантъ, рядомъ съ нимъ ректоръ и одинъ изъ декановъ; за ними нѣсколько конныхъ драгунъ съ ротмистромъ во главѣ и съ трубачомъ, для подачи сигналовъ; затѣмъ остальные два декана, нѣкоторые профессора, члены Общественнаго Комитета и выпущенные изъ университета. На пути, по сторонамъ улицъ и на троттуарахъ, была масса публики; въ домахъ отворяли окна и двери на балконъ; но шедшіе впереди рабочіе и комендантъ требовали, чтобы ихъ затворяли. При поворотѣ на Рыбную улицу раздались было крики. Но комендантъ напомнилъ рабочимъ объ условіи—идти безъ криковъ, и тѣ моментально возстановили тишину. Вообще шествіе происходило въ полномъ порядкѣ: идущіе впереди рабочіе прилагали всѣ усилія къ его поддержанію, и комендантъ, обратившись къ намъ, замѣтилъ: «Удивительно! какая дисциплина и выдержка!»

Прошли Рыбную и Харьковскій мостъ. Около зданія первой гимназіи, видя, что все идетъ благополучно, я простился съ ректоромъ и комендантомъ и поѣхалъ домой. Это было около четы-

рехъ часовъ, а самый выходъ осажденныхъ состоялся между двумя и тремя часами. Митингъ на Скобелевской площади въ тотъ день не состоялся: онъ былъ отложенъ за позднимъ временемъ и усталостью.

Такимъ образомъ удалось выполнить нашу задачу—предотвратить кровопролитіе. Не могу себѣ и представить, что было бы, если бы университетъ подвергся штурму, и его аудиторіи обагрились кровью! Какъ вошли бы мы въ эти аудиторіи и читали бы въ нихъ лекціи!

Но и такъ картина, которую представлялъ собою университетъ внутри, когда мы на слѣдующій день осматривали его помѣщенія, была печальная: надо помнить, что, кромѣ студентовъ, въ университетѣ 11-го и 12-го октября находились разные посторонніе элементы. Впрочемъ, при ближайшемъ осмотрѣ разореніе оказалось не такъ велико, какъ представлялось съ перваго взгляда: студенты видимо принимали съ своей стороны нѣкоторыя мѣры охраны. На улицѣ мостовая во многихъ мѣстахъ разобрана, тротуарныя плиты вынуты; телеграфные столбы повалены. Соборная площадь, около университета, была усеяна разбросанными и разорванными бумагами изъ архива Присутственныхъ мѣстъ. Распространился было слухъ, будто опустошенъ соборъ, и въ немъ осквернены святыни. Но слухъ оказался невѣрнымъ. Взломана была лишь дверь, ведущая на колокольню, съ которой революціонеры звонили въ набатъ, возвѣщая, какъ гласилъ цитированный раньше побѣдный бюллетень ихъ, о «завоеваніи центра города».

Въ средѣ администраціи и въ военныхъ сферахъ существовало убѣжденіе, что въ университетѣ имѣется цѣлый складъ оружія. Произведенъ былъ осмотръ университетскихъ помѣщеній съ цѣлью отыскать этотъ складъ. Но его не оказалось ¹⁾.

Въ пятницу, утромъ 14 октября, объявлено было о введеніи въ Харьковъ военнаго положенія и о назначеніи временнымъ генераль-губернаторомъ генерала Сѣнницкаго. Очевидно, правительство осталось недовольно образомъ дѣйствій губернатора Старынкевича и генерала Мау,—за то, что они въ дни баррикадъ, избѣгая кровопролитія, не проявили «твердой власти»: вскорѣ оба были удалены. Старынкевичъ потомъ получилъ назначеніе

¹⁾ Что касается оружія, оставленнаго въ университетѣ осажденными передъ ихъ выходомъ,—которое по договору мы должны были передать военнымъ властямъ,—то полиція вмѣстѣ съ пожарными поспѣшила проникнуть, вопреки условію, въ зданіе университета тотчасъ по оставленіи его находившимися въ немъ и забрала это оружіе.

губернаторомъ въ Симбирскѣ, гдѣ и погибъ отъ руки политическаго фанатика.

О событіяхъ 11-го и 12-го октября въ Харьковѣ начато было слѣдствіе, ведшееся слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ подъ наблюденіемъ товарища прокурора, но оно ничѣмъ не кончилось и вскорѣ было прекращено.

Черезъ недѣлю послѣ перваго дня баррикадъ мы прочли манифестъ 17-го октября... Ко мнѣ зашли три студента, изъ моихъ слушателей, сіяющіе, восторженные,—поздравляютъ съ конституціей, съ наступленіемъ эры политической свободы. Они были очень удивлены, видя, что я не раздѣляю ихъ оптимизма: въ тотъ моментъ имъ было странно слышать, что дѣйствительная политическая свобода пріобрѣтается не такъ скоро, что это—только еще начало, что впереди предстоитъ рядъ испытаній,—придется пережить еще долгій, мучительный процессъ...

В. Бузескулъ.

Декабрьское возстаніе 1905 г. въ Москвѣ въ описаніи жандарма.

Нѣкоторые эпизоды московскаго возстанія 1905 года настолько слабо освѣщены въ воспоминаніяхъ участниковъ и, въ то же время, настолько интересны, что будетъ обидно, если позднѣйшія событія, особенно событія второй русской революціи, совершенно затушуютъ ихъ детали.

Вполнѣ естественно, что раньше нельзя было опубликовывать, даже за границей, нѣкоторыхъ подробностей времени московскаго возстанія. Не говоря уже объ именахъ участниковъ отдѣльных актовъ, было слишкомъ опаснымъ давать охранной полиціи руководящія нити для ея еще далеко не законченныхъ слѣдственныхъ производствъ. Какъ ни освѣдомлены были охранители въ дѣйствіяхъ и даже намѣреніяхъ революціонеровъ, все же ихъ освѣдомленность не была идеальной. Теперь, разбирая архивы политическихъ дѣлъ, мы ясно видимъ, какъ склонны были жандармы къ преувеличенію силъ революціи, какъ оглушающе дѣйствовали на нихъ нѣкоторыя смѣлыя выступленія небольшихъ революціонныхъ группъ и даже террористовъ-одиночекъ.

Теперь, при радикально измѣнившихся условіяхъ русской жизни, живые свидѣтели и участники первой революціи не замедлятъ, конечно, оставить для исторіи много любопытныхъ страничекъ воспоминаній. Тѣмъ цѣннѣе записи, сдѣланныя въ разгаръ событій, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, внѣ ихъ критической оцѣнки.

Передъ нами частное письмо, принадлежащее перу жандармскаго офицера и адресованное его родственнику, также жандармскому офицеру, при чемъ оба, и адресантъ и адресатъ, занимали въ послѣднее время весьма «почетныя» должности по охранной полиціи. Изъ этого письма, датированнаго 18 декабря 1905 года, мы выпускаемъ, конечно, все личное, оставляя описаніе событій декабрьскаго возстанія. Письмо это было найдено нами въ разгромленномъ помѣщеніи московскаго охраннаго отдѣленія, въ дѣловомъ кабинетѣ его начальника, полк. А. П. Мартынова.

Такъ какъ нѣкоторые факты, о которыхъ упоминается въ письмѣ, излагаются авторомъ его съ весьма гадательной точностью, то мы позволимъ себѣ снабдить письмо примѣчаніями на основаніи личныхъ воспоминаній о событіяхъ.

М. А. Осоргинъ.

Дорогой Саша!

Спасибо тебѣ за письмо. Все-таки теперь видно, что ты живъ, здоровъ и особеннаго ничего не случилось. Отвѣчаю тебѣ при странныхъ обстоятельствахъ: сижу вторыя сутки на ст. Клинь, имѣю въ своемъ распоряженіи мѣстныхъ жандармовъ и долженъ ловить бѣгущихъ изъ Москвы революціонеровъ; осуществленію этого предпріятія должны помогать филеры нашего отд., снующіе съ каждымъ поѣздомъ, между Москвою и Клиномъ. Миссія странная... Между прочимъ, то, что революціонеры, въ предвидѣніи арестовъ, послѣ неудавшагося возстанія, должны убѣгать, есть идея Дубасова, который приказалъ командировать въ Клинь офицера—послали меня.

Страшное, безпримѣрное и болѣе чѣмъ тяжелое время пережили мы въ Москвѣ. 7-го была объявлена забастовка, 8-го она была осуществлена при помощи терроризированія владѣльцевъ предпріятій и магазиновъ, а 9-го началось вооруженное возстаніе. Какъ оно началось, сколько было самыхъ выдающихся, бывшихъ по нервамъ случаевъ, этого сказать и описать нельзя. Короче, я до 9 вечера и не подозрѣвалъ, чтобы толпа, хотя и организованная, могла бы оказывать сопротивление войскамъ, да еще артиллеріи. Я никакъ не думалъ, чтобы они могли проявить столько активности, которая при выработанномъ планѣ и звѣрской жестокости, съ которой онъ приводился въ исполненіе, могла бы быть роковой для Москвы, если бы они были немного болѣе освѣдомлены и не понимали бы нашей дѣятельности лучше, чѣмъ она того заслуживаетъ. Каждый разъ насъ спасало преувеличенное ихъ представленіе объ нашей организаціи и нашихъ силахъ ¹⁾.

¹⁾ Признаніе это любопытно въ двоякомъ отношеніи. Несомнѣнно, революціонеры сильно преувеличивали прочность правительственной организаціи. Въ моментъ вооруженнаго возстанія въ Москвѣ было очень мало войска, и далеко не на всѣ полки можно было положиться. Но съ другой стороны и дѣятели охраны весьма сильно преувеличивали силы повстанцевъ и въ особенности ихъ организованность. Излишне говорить, что возстаніе совершенно не было подготовлено, и рѣшительно никакого «выработаннаго плана» не существовало. Достаточно сказать, что 7 декабря, когда вооруженное возстаніе было рѣшено, никто не представлялъ себѣ ясно, въ чемъ оно должно выразиться и въ какихъ пунктахъ города развиваться. Было намѣчено лишь нѣсколько актовъ террора и нападеніе на полицейскіе участки. Удалось осуществить «согласно плану» только взрывъ Охранки, который и описывается въ концѣ этого письма. Все остальное происходило въ большей или меньшей степени случайно и стихійно.

Итакъ, для меня лично, первымъ днемъ явнаго вооруженнаго возстанія явилось 9 декабря. Въ этотъ день было получено извѣстіе, что мятежниками занято реальное училище Фидлера, въ его домѣ въ Лобковскомъ переулкѣ, и они предполагаютъ двинуться оттуда на взятіе Думы и проч., что вѣроятно, извѣстно тебѣ изъ газетъ. Рѣшено было, конечно, не допустить этого и предложить имъ оставить зданіе. Большому наряду полиціи былъ приданъ военный отрядъ изъ 3 родовъ оружія подъ общимъ командованіемъ Сумскаго полка ротмистра Рахманинова. Я съ Петерсономъ прибылъ изъ отдѣленія къ дому Фидлера около 11 час. вечера, когда приставомъ велись уже переговоры съ осажденными. По Лобковскому и Мыльникову пер. были расположены войска....

Переговоры были довольно любопытны. Приставъ требовалъ, чтобы они вышли изъ зданія, сложивъ тамъ оружіе, и далъ имъ $\frac{3}{4}$ часа на размышленіе и рѣшеніе этого вопроса, путемъ голосованія. Черезъ назначенный срокъ вышли двое уполномоченныхъ и заявили, что «товарищи» (!?) не могутъ принять этихъ условій и согласны выйти и оставить оружіе только въ томъ случаѣ, если имъ немедленно послѣ того, безъ всякой переписки, будетъ предоставлена свобода. Конечно, условія эти не могли быть принятыми. Тогда они просили еще полчаса на размышленіе и голосованіе, но въ такомъ срокѣ имъ было отказано. Ротм. Рахманиновъ заявилъ, что войска мерзнуть съ 7 час. и что за это время давно можно было рѣшить такой несложный вопросъ, а въ поведеніи ихъ онъ просто видитъ желаніе выиграть время. Я подаль мысль, что они ждутъ подкрѣпленія. Рахманиновъ рѣшительно сказалъ имъ, что они имѣютъ еще ровно 10 минутъ, по истеченіи которыхъ онъ подвергнетъ домъ бомбардировкѣ, если они не выйдутъ. Самъ Фидлеръ, бывший здѣсь же, плакалъ и умолялъ ихъ выйти и сохранить его домъ отъ разрушенія ¹⁾. Депутаты медлили. Рахманиновъ вынулъ часы и сказалъ имъ: «Я начинаю считать время—не теряйте его и бѣгите бѣгомъ къ вашимъ товарищамъ».—«Такой срокъ намъ недостаточенъ, мы не успѣемъ даже разобрать баррикады и не успѣемъ выйти», сказали депутаты.—«Не теряйте времени, отвѣчалъ имъ Рахманиновъ—минута уже прошла».

Видя такую твердость, депутаты дѣйствительно побѣжали къ

¹⁾ Ив. Ив. Фидлеръ дѣйствительно тщетно уговаривалъ дружинниковъ сдаться. Если мои свѣдѣнія вѣрны, онъ даже пытался выйти изъ училища и заявить о сдачѣ засѣвшихъ въ немъ. Но въ тотъ моментъ, когда онъ спускался по лѣстницѣ, къмъ то изъ «фидлеровцевъ» былъ сдѣланъ револьверный выстрѣлъ, которымъ И. Фидлеръ былъ раненъ въ ногу. Позже, уже послѣ разстрѣла зданія, И. Фидлеръ былъ арестованъ и увезенъ отдѣльно отъ другихъ.

товарищамъ. И вотъ наступило томительное молчаніе. Лица солдатъ были озлоблены, они глядѣли на окна дома съ мрачной рѣшительностью, не оставлявшей мѣстъ никакому сомнѣнію. Слышались недовольныя замѣчанія: «разговаривать еще съ такой сволочью! Перерѣзать ихъ всѣхъ, да и дѣлу конецъ!» Рахманиновъ смотрѣлъ на часы; приставъ бѣгалъ взадъ и впередъ, все время твердя, что онъ сдѣлалъ все, что только было возможно, и, наконецъ, бросился къ телефону въ сосѣдній домъ и прозвонилъ Медему, что онъ передаетъ дальнѣйшее выполненіе порученій ротмистру Рахманинову. Со стороны Медема послѣдовало рѣшительное согласіе,—не останавливаться передъ необходимостью пустить въ ходъ артиллерію.

Время шло томительно медленно; нервы были напряжены, сердце начинало биться сильнѣе. Оставалось 2 минуты! Роковой моментъ приближался. Всѣ смотрѣли на Рахманинова и на окна Фидлера. Вдругъ отворилась входная дверь и на порогъ ея показалась женщина съ краснымъ крестомъ на рукавѣ ¹⁾. «Мы еще просимъ 10 минутъ времени—последній срокъ, есть надежда, что мы придемъ къ соглашенію». «Вы имѣли достаточно времени—при гробовой тишинѣ отвѣтилъ твердо ей Рахманиновъ—однако, я даю вамъ еще пять минутъ, при чемъ прошу предупредить, что всякія дальнѣйшія просьбы объ отсрочкѣ не будутъ приняты во вниманіе».—«Сестра» удалилась. У насъ поднялся говоръ: «сдадутся!» слышались замѣчанія: «конечно, или ужъ совсѣмъ дураки и мерзавцы, которыхъ и жалѣть нечего!»

Опять потянулись безконечныя минуты; картина та же, но нервы достигли высшей степени напряженности. Оставалось двѣ минуты,—никакого отвѣта; осталась минута... Изъ зданія послышался шумъ; всѣ затаили дыханіе... «Ура-а-а!»—разнесся по зданію крикъ революціонеровъ. Всѣ поняли, что они рѣшились умереть. Срокъ истекъ. «Гарнисть—раздался среди гробовой тишины рѣзкій голосъ Рахманинова—сигналъ!» Пѣхотный гарнисть подбѣжалъ къ зданію, растворилъ входныя двери въ угловомъ фасадѣ, изъ которыхъ выходили депутаты, и труба его, какъ это и всегда бываетъ, сначала зашипѣла, потомъ издала еще болѣе неприличные звуки и наконецъ, тра-та, трата-та, трата-та—гулко пронесся по зданію первый сигналъ. Никто не шевелился. Эхо, очень далекое, пронеслось отвѣтомъ по морозному воздуху. Прошло минуты 2. «Второй!»—раздалась команда...

¹⁾ Очевидно это была сестра милосердія. Въ училищѣ Фидлера, какъ и въ другихъ пунтахъ города, были устроены санитарно-перевязочныя отряды,—единственное, что было достаточно хорошо организовано въ дни возстанія.

та-та... умеръ послѣдній звукъ... Гробовое молчанье. Изъ дома ни звука!... еще три минуты... можетъ быть одумаются въ послѣдній моментъ. Но и эти минуты протекли въ зловѣщей тишинѣ и напряженномъ молчаніи. Нужно тебѣ сказать, почему войско не было введено въ зданіе и ихъ не взяли простымъ приступомъ. Дѣло въ томъ, что при входѣ была большая площадка, вся забаррикадированная скамьями, партами, вѣшалками и т. под. хламомъ, черезъ который съ трудомъ можно было пробираться двумъ людямъ; кромѣ того, лѣстница шла вверхъ двумя маршами, подъ тупымъ угломъ, подвергая такимъ образомъ страшному обстрѣлу всю нижнюю площадку. Ввиду этого Рахманиновъ отказался отъ атаки и предпочелъ бомбардировку.

Послѣдній сигналъ былъ сыгранъ, и звуки его еще не успѣли замереть, какъ раздалась отчетливая команда: «по окнамъ второго этажа, рота»... страшный моментъ!... «пли!» Залпъ, звонъ битыхъ стеколъ и градъ пуль изъ оконъ были отвѣтомъ. Я понялъ, что, не бывая на войнѣ, я имѣлъ случай участвовать въ сраженіи. Пули свистѣли кругомъ. «Орудіями!» скомандовалъ Рахманиновъ; ихъ было 2 конныхъ—2 артилл. бригады. Командовалъ взводомъ молодой подпоручикъ. Одно онъ навелъ на угловой фасадъ, другое на одно изъ оконъ; стояли они во дворѣ. «Первое»—протяжно и звонко скомандовалъ подпоручикъ. «Пли!» Передать словами невозможно того впечатлѣнія, какое произвелъ на насъ орудійный выстрѣлъ изъ такого каменнаго колодца, въ которомъ мы находились. Всѣ внутренности, не нервно, а физически, отъ ужаснаго состоянія воздуха, были встряхнуты. Городовые въ ужасѣ, зажавъ уши, бросились назадъ. Страшный трескъ ударившагося на разстояніи, не превышавшемъ 80—100 шаговъ, снаряда объ каменную стѣну, паденіе безчисленнаго количества стеколъ и крики изъ зданія! «По окнамъ третьяго этажа! рота—пли!» еще залпъ! «Орудіе! Второе—пли!» Градъ выстрѣловъ изъ зданія; стоны раненыхъ солдатъ и городовыхъ, кровь... крики... страшное озвѣреніе солдатъ, увидѣвшихъ павшихъ товарищей. Вдругъ одно изъ оконъ освѣтилось и оттуда полетѣла ракета: «бомба, бомба!»—раздался крикъ. Взрывъ подтвердилъ это предположеніе. Молодой подпоручикъ, приказалъ тихо навести на это окно орудіе. Въ моментъ перерыва между залпами, свѣтъ въ томъ же окнѣ опять освѣщаетъ человѣка, бросающаго ракету, но въ этотъ разъ раньше взрыва въ одинъ моментъ грянуло орудіе. Непосредственно за нимъ разорвавшейся бомбой—убить прапорщикъ Самогитскаго полка. Но великолѣпный орудійный выстрѣлъ, какъ мы узнали потомъ, заставилъ смертью заплатить за это бомбиста: онъ былъ убитъ гранатой,

вырвавшей ему весь животъ ¹⁾. Вѣроятно это обстоятельство произвело потрясающее впечатлѣніе, такъ какъ черезъ нѣкоторое время слышались крики—«сдаемся!» Залповъ я не считалъ, а орудійныхъ выстрѣловъ было дано 12, какъ я узналъ потомъ: 7 гранатъ и 5 шрапнелей. Стрѣльба прекратилась; осажденные стали выходить.

Между прочимъ забылъ тебѣ сказать, что мое предположеніе о подкрѣпленіи подтвердилось: на насъ было сдѣлано нѣсколько атакъ съ обоихъ концовъ Мыльникова пер. и со стороны Чистыхъ прудовъ, но всѣ онѣ были во время отражены драгунами, которыми Рахманиновъ командовалъ съ геніальной распорядительностью: если бы не онъ, то мы нѣсколько разъ были бы перебиты ²⁾. Былъ еще одинъ ужасный моментъ, когда насъ, вмѣстѣ и вышедшихъ уже сдавшихся и взятыхъ подъ конвой осажденныхъ, по недоразумѣнію атаковалъ со взводомъ драгунъ корнетъ Соколовскій, со стороны Чистыхъ прудовъ. Катастрофа опять была предупреждена лихостью Рахманинова, который одинъ побѣждалъ навстрѣчу несшимся драгунамъ и махая шашкой, ревя «остановитесь!» дѣйствительно остановилъ ихъ. Жертвъ было немного, о количествѣ ихъ ты знаешь изъ газетъ. Въ зданіи пробита большая брешь; нѣсколько осколковъ я взялъ оттуда и принесъ домой. Память! Нѣсколько бомбъ было подобрано на улицѣ не разорвавшимися и изъ зданія вынесено 13. Масса оружія—винтовокъ Винчестеръ съ подствольнымъ механизмомъ, пистолеты—ружья Маузера, Борхартгъ и др., Парабеллюмъ, Браунинги, по преимуществу, и незначительное количество Смита и друг. Неисчислимое количество патроновъ. Однако до составленія протокола масса пистолетовъ была растаскана городовыми, а можетъ быть и нижними чинами, такъ что официально ихъ показано очень немного.

Я до сихъ поръ не могу себѣ уяснить—какое безуміе заставило этихъ дураковъ подвергать себя бомбардировкѣ и преступно пожертвовать домомъ Фидлера, такъ любезно имъ предоставленнымъ? Полагаю, что это было сдѣлано ради одного историческаго

¹⁾ По разсказу участниковъ засады у Фидлера, единственнымъ убитымъ снарядомъ въ самомъ зданіи былъ одинъ изъ дружинниковъ, который хотѣлъ спастись отъ залповъ въ верхнемъ этажѣ, гдѣ и спрятался—какъ это ни наивно—за партой. Попавшимъ снарядомъ онъ былъ убитъ на мѣстѣ. Изъ бросавшихъ же бомбы никто, повидимому, не былъ раненъ.

²⁾ Отраженные драгунами атаки дружинниковъ и вообще «подкрѣпленія» являются плодомъ воображенія либо автора письма либо его информаторовъ. Дѣло могло итти лишь о маленькихъ группахъ дружинниковъ, случайно проходившихъ поблизости, а вѣрнѣе—о толпѣ, которая сбѣжалась на выстрѣлы.

эффекта! Вѣдь не могли же они допустить мысли, что они не сдадутся подъ градомъ залповъ и орудійныхъ снарядовъ ¹⁾).

Но продолжаю повѣствованіе. Около 3 час. ночи, во время составленія протокола, входитъ какой то полицейскій офицеръ и докладываетъ Петерсону—сейчасъ получили телефонное сообщеніе, что отдѣленіе ваше взорвано 2 бомбами!! Вообрази впечатлѣніе. Мы летимъ къ мѣсту другого происшествія, при чемъ не знаемъ, что мы увидимъ. Съ наружной стороны поврежденіе оказалось не столь значительнымъ. Разрушенъ одинъ простѣнокъ и три оконныхъ амбразуры; но взрывы вызвали страшное потрясеніе. Николай находился во время взрыва къ кабинетѣ Фуллона; оба они были выброшены въ дверь, выходящую на лѣстницу и обсыпаны известкой, при чемъ Фуллонъ получилъ удары по башкѣ столomъ (письмен.), выпавшимъ на короткую сторону. Вся мебель была разбросана; дѣлопроизводитель, вмѣстѣ съ огромнымъ своимъ столomъ на тумбахъ, заваленнымъ дѣлами, былъ выброшенъ впередъ черезъ всю комнату. Для находившихся внизу, было конечно, еще ужаснѣе. Дежурный полицейскій надзиратель былъ брошенъ въ выходную дверь съ такой силой, что собой вышибъ ее наружу. Конечно, онъ умеръ. Еще одинъ изъ нашихъ служащихъ былъ легко раненъ. Но какъ тебѣ во всемъ этомъ нравится охрана отдѣленія въ такіе дни! Бомбисты подѣхали на своемъ рысакѣ, остановились за угломъ Ліанозовскаго забора, затѣмъ, съ бомбами въ рукахъ подошли въ окнамъ, вышибли стекла, но увидавъ за ними деревянныя ставни, положили бомбы въ окнахъ, затѣмъ добѣжали до саней и, благополучно умчавшись, имѣли удовольствіе дорогой услышать взрывъ! ²⁾ Какъ тебѣ это

¹⁾ Что жандармъ не могъ понять психологіи повстанцевъ, не желавшихъ сдаваться, это, конечно, нисколько не удивительно. Но слѣдуетъ замѣтить, что версія о сдачѣ нѣсколько расходится съ рассказами участниковъ. Одинъ изъ «фидлеровцевъ», спасшійся и убѣжавшій уже послѣ разстрѣла зданія, въ ту же ночь рассказывалъ мнѣ, что послѣ нѣсколькихъ залповъ осажденнымъ вновь предложили выйти изъ зданія, оставивъ оружіе, при чемъ имъ гарантировали свободный пропускъ. Возможно, конечно, что никакихъ правильныхъ «условій сдачи» не было, а былъ лишь пущенъ слухъ о возможности выйти и спастись отъ разстрѣла и отъ ареста. Несомнѣнно одно, что вышедшихъ изъ зданія «фидлеровцевъ» драгуны встрѣтили шашками, и именно здѣсь, а не въ самомъ зданіи, было много убитыхъ и искалѣченныхъ. Кое-кто спасся, ввалившись въ окна и подѣзды чужихъ квартиръ и просидѣвъ здѣсь до утра. Нѣкоторые изъ дружинниковъ вышли съ оружіемъ. Одинъ, напр. успѣлъ спастись, отбившись отъ городскихъ кинжаломъ.

Что касается до оружія, то, по увѣренію участниковъ, большая часть оставленнаго оружія была ими изломана и приведена въ негодность.

²⁾ Такова и была официальная версія. Въ дѣйствительности никакихъ «собственныхъ рысаконъ» не было, а взрывъ охраннаго отдѣленія былъ произведенъ двумя юношами, студентомъ и рабочимъ, которые пѣшкомъ приблизились къ окнамъ охраннаго отдѣленія, держа подъ мышкой каждый по фитилевой бомбѣ (8 фунтовъ динамиту), а во рту по папироскѣ. Когда они подошли къ самымъ окнамъ, то ихъ окликнулъ городской,

нравится. Ну—громъ грянулъ—можно значить перекреститься, подумалъ градоначальникъ вмѣстѣ съ Петерсономъ и поставили у концовъ нашего переулка патрулей съ строгимъ наказомъ не пропускать никого. А если бы это сдѣлать днемъ раньше, не было бы никакого взрыва.

Затѣмъ событія пошли ускореннымъ темпомъ. Отдѣльныхъ случаевъ здѣсь указать уже нельзя; на другой день по всей Москвѣ гремѣли орудійные выстрѣлы, казаки, драгуны, нещадно пашками крошили всѣхъ, кто попадался. Баррикады росли скорѣе грибовъ. Войскъ оказалось недостаточно. Несмотря на то, что дома, изъ которыхъ были выстрѣлы, подвергались орудійному обстрѣлу, такіе дома продолжали находиться. Главной цѣлью мятежниковъ были сначала два пункта—генераль-губернаторъ и градоначальникъ, но потомъ, когда они увидали и испытали, оставивъ массу жертвъ на Страстной площади, что значитъ дѣйствіе шрапнелей по толпѣ, они бросили это и обратились къ окраинамъ. Войска оказалось слишкомъ мало, и мятежники быстро завладѣли Суцевскимъ и Прѣсенскими районами. Тамъ они были полными господами. Ни одно объявленіе генераль-губернатора не могло быть тамъ опубликовано среди жителей, при первой возможности бѣжавшихъ въ паническомъ страхѣ; тамъ выходили только «Извѣстія совѣта рабочихъ депутатовъ». Населеніе не имѣло другихъ «Извѣстій», повѣрило, что новое правительство образовалось, и, уже примиряясь съ этимъ, говорило: «только не было бы оно хуже стараго!» Тамъ все подчинялось законамъ, издававшимся мятежниками. Въ Прѣсенскомъ районѣ они завладѣли 1 и 3 участками, заняли ихъ и квартиры чиновъ полиціи и приставовъ, такъ что послѣдніе помѣстились въ 2 Прѣсенскомъ участкѣ и совмѣстно дали намъ оттуда отчаянную телеграмму о своемъ положеніи; но войскъ было недостаточно. Прѣсня оставалась въ рукахъ бунтовщиковъ. Они стали врываться въ дома, обыскивать и убивать чиновъ полиціи, ожидать ихъ возвращенія съ засадами и т. д. Ты отчасти объ этомъ знаешь по опи-

стоявшій у воротъ. Не отзываясь, оба юноши зажгли фитили папиросами и бросили бомбы въ окна. При этомъ одинъ изъ нихъ, отъ нервной поспѣшности, уронилъ свою бомбу къ ногамъ, но имѣлъ достаточно мужества поднять ее и вновь бросить. Когда они пустились бѣжать, имъ въ догонку стрѣляли, но черезъ минуту два взрыва заглушили все. Пробѣжавъ переулками до Тверской, террористы попрощались и разстались, надѣясь встрѣтиться въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ имъ былъ приготовленъ ночлегъ. Одинъ пришелъ туда безпрепятственно, другой же попалъ на нарядъ драгунъ, но успѣлъ во время бросить въ снѣгъ бывший при немъ револьверъ. Онъ былъ обысканъ и отпущенъ; на вопросъ, зачѣмъ онъ таскается по ночамъ, онъ догадался отвѣтить, что «съ пріятелями въ картишки заигрался».

Въ тотъ же вечеръ былъ предположенъ взрывъ зданія градоначальства и дома генераль-губернатора. Но исполнить этого не удалось.

санному въ газетахъ возмутительному убійству Войлошникова. Онъ погибъ, вѣроятно, за то, что прежде служилъ у насъ. Вообрази они громко прочли приговоръ комитета, коимъ онъ приговаривался къ смерти, и заставили его прощаться съ семьей. Жена и дѣти рыдали, уцѣпившись за отца, стоя на колѣняхъ, умоляли о помилованіи, но эта подлая сволочь, борющаяся за отмѣну смертной казни, грубо оттолкнула несчастныхъ дѣтишекъ и жену, вывела его за дворъ и у воротъ разстрѣляла изъ Винчестеровъ. Трупъ такъ и былъ оставленъ ими у воротъ; жена подобрала его! Черезъ два часа они явились вновь и добавили удовольствіе, произведя тщательный обыскъ во всѣхъ комнатахъ его квартиры и вещахъ. По моему эта жестокость не находитъ себѣ подходящихъ выражений, это уже не звѣрская, а именно утонченно человѣческая жестокость. Войлошникова мы всѣ знали и любили его какъ симпатичнаго человѣка. Я видѣлъ его послѣдній разъ 9 декабря, онъ былъ у насъ въ отдѣленіи, осматривалъ взорванные помѣщенія. Вслѣдъ за нимъ было убито еще нѣсколько чиновъ полиціи, еще большее число квартиръ было обыскано. Это терроризовало всѣхъ!

Квартиры наши нами оставлены, мы живемъ въ Отдѣленіи, управленскіе въ Управленіи и по меблированнымъ комнатамъ, безъ семей; я изрѣдка забѣгаю домой на полъ-часа посмотрѣть на своихъ и опять ухожу. Я отмѣтился выбывшимъ за границу и исчезъ съ лица земли (официально). Войско и полиція озвѣрѣли тоже и жестоко бьютъ попадающихся и арестуемыхъ дружинниковъ, иногда даже убиваютъ побоями. Теперь прибыли два полка и еще артиллерія; вчера безъ меня атаковали Прѣсню и подожгли весь районъ артиллерійскими снарядами. Дома большей частью деревянные, весь районъ пылаетъ, и вся Москва точно охвачена заревомъ громаднаго пожара; баррикады не позволяютъ пожарнымъ проѣхать, и пожаръ растетъ. Не знаю, чѣмъ это кончится.

Конечно, революція проиграна. Возстаніе подавлено, революціонеры заслужили проклятіе, какъ рабочихъ, обманутыхъ ими и втянутыхъ въ бойню, такъ и мирныхъ жителей, пострадавшихъ матеріально и нравственно. Работы на фабрикахъ начинаются; большая часть магазиновъ открыта, электричество работаетъ, и газеты начинаютъ выходить, понемногу ознакомляя подавленное населеніе съ истекшимъ положеніемъ вещей. Сегодня ночью въ 4 часа утра ѣду въ Москву—не знаю, что ждетъ меня тамъ еще.

Между прочимъ, революція, такая еще молодая въ Россіи, уже успѣла создать свои типы, невозможные въ другое время. Это «охотники за черепами». Вооруженные ходятъ съ военными

патрулями и убиваютъ каждаго встрѣчнаго. Какъ это тебѣ покажется? Пахнетъ Смердяковымъ—сладострастіе въ убійствѣ: кровь пьянитъ! ¹⁾).

Видя и наблюдая все это, можно, одинаково, и потерять послѣднюю степень нервной чувствительности или сойти съ ума. Самоубійства и такъ уже участились. Ну это уже пошла философія, которая можетъ тебѣ и надоѣсть. Я и такъ уже опасаюсь—дочтешь ли ты мое письмо; это беззастѣнчиво посягать на чужое время, какъ это сдѣлалъ я. Будь здоровъ и не дай Богъ тебѣ испытывать и десятой доли того, что всѣ мы тутъ пережили. Пиши же о себѣ и кланяйся всѣмъ. Ну, еще разъ будьте всѣ здоровы. Крѣпко васъ цѣлую.

Петя.

¹⁾ Очевидно авторъ говоритъ о бандахъ черносотенцевъ, организованныхъ полиціей. Тѣмъ цѣннѣе характеристика, даваемая имъ жандармомъ!

Ссылка и революція въ Сибири.

(Впечатлѣнія амнистированныхъ).

I.

Если неизбежное наступленіе революціи и внутреннее ея развитіе уже давно были осознаны русскимъ обществомъ, какъ плодъ «ума холодныхъ размышленій», то, съ внѣшней стороны, она богата сказочными выявленіями.

Въ быстро развернувшихся февральско-мартовскихъ событіяхъ для меня самое сказочное было въ томъ, что эти событія застали меня въ далекой ссылкѣ, въ чуждой и мало гостепріимной Восточной Сибири, и что именно тамъ, гдѣ еще вчера вся политическая ссылка прозябала въ атмосферѣ полнѣйшаго безправія и полнѣйшей отчужденности отъ коренного населенія, въ мартовскіе дни ссылкѣ пришлось сыграть руководящую и даже рѣшающую роль въ закрѣпленіи революціонныхъ завоеваній.

Насъ, амнистированныхъ, въ каждомъ крупномъ центрѣ по пути засыпали ворохомъ вопросовъ; встрѣчавшимъ очень хотѣлось узнать,—какъ и когда до насъ дошли вѣсти о вспыхнувшей революціи, *ждали ли* мы этихъ событій, или они грянули, какъ снѣгъ на голову,—какъ, наконецъ, Сибирь встрѣтила великую русскую революцію?

Если въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ, набросанныхъ подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитого уже послѣ освобожденія, мнѣ удастся посильно отвѣтить на всѣ эти вопросы, моя цѣль будетъ достигнута. Мнѣ понятно было то волненіе и искренняя любознательность, которыя сквозили въ этихъ вопросахъ. Русская беллетристика и публицистика сыздавна удѣляли очень много вниманія быту и экономически-правовому положенію ссылки. Газеты, уродуемая царской цензурой, все же пестрили статистическими данными, рисовавшими прозябаніе ссылки въ далекихъ окраинахъ. «Бытовые явленія» русской каторги и ссылки иллюстрировались величайшими художниками слова. Но все же до самаго послѣдняго времени ссылка en masse, со всѣми ея кон-

кретными, повседневыми переживаніями для широкаго русскаго общества оставалась какой то абстракціей... Вѣдь, вотъ, почти ни одной семьи царское правительство не оставило въ покоѣ, и тюремная повинность отбывалась у насъ въ до-революціонной Россіи почти на однихъ основаніяхъ съ воинской; почти каждая семья имѣла своего кровнаго делегата въ Туруханкѣ, Нарымкѣ или Якуткѣ,—и все же, въ тѣхъ вопросахъ, которыми засыпала насъ публика по пути на родину, явно проступало полное незнакомство съ нашей жизнью.

Я вовсе не хочу брать на себя роли выразителя переживаній и чаяній всей ссылки въ цѣломъ; я, можетъ быть, не хуже другихъ знаю, какъ значителенъ былъ въ ней наносный элементъ съ явно-пониженнымъ культурнымъ и этическимъ уровнемъ. Но я долженъ засвидѣтельствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣтъ той злостной клеветы и гнусной выдумки, которыя—въ годы разгула—реакціей не были бы пущены противъ ссылки. Были публицисты «царской милостію», утверждавшіе открыто, что ссылка—не что иное, какъ сбродъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ, только прикрывающихся маской политическихъ дѣятелей,—въ лучшемъ случаѣ, собраніе «бывшихъ людей», порвавшихъ всякую связь съ своимъ идейнымъ прошлымъ; отдѣльные факты злобно обобщались; малодушіемъ немногихъ пытались воспользоваться, чтобы загрязнить упорную, свѣтлую вѣру многихъ. Правительственные скорпіоны не удовлетворяли слугъ разбушевавшейся реакціи; злостные доносы опутывали густой сѣтью безправное существованіе ссылки и сдѣлали его невозможнымъ.

Разыгравшаяся въ Сибири революція и роль ссылки въ этой революціи—блестящая реабилитация оклеветанныхъ прислужниками царизма борцовъ за свободу. Я не знаю въ Восточной Сибири ни одного мѣста, гдѣ инициатива ссыльныхъ въ дѣлѣ созданія исполнительныхъ комитетовъ, организациі милиціи, совѣтовъ рабочихъ депутатовъ не сыграла бы рѣшающей роли.

Докатилась до далекой Сибири волна великой революціи,—и, точно въ сказкѣ, сразу заполнилась пропасть, отдѣлявшая безправную ссылку отъ «полноправнаго» обывателя; обыватель, въ широкой массѣ лишенный всякаго политическаго опыта, растерявшійся въ вихрѣ грандіозныхъ событій, въ первый же день революціи устремился за совѣтомъ и руководствомъ къ вчерашнему рабу, «оторванному отъ жизни» ссыльному.

И вчерашній рабъ сумѣлъ взять въ свои руки судьбы революціи въ Сибири.

Когда вслѣдъ за революціей пришла вѣсть объ амнистіи, многіе ссыльные и не подумали объ отъѣздѣ; коренное сибирское

населеніе, при всемъ своемъ свободолюбіи въ первые дни казалось такимъ безпомощнымъ, что не прійти ему на помощь не смогли тѣ, кто жизнь свою положили на помощь народу; было заманчиво думать о возвращеніи на родину послѣ долголѣтняго отсутствія,—но не подавить личныхъ запросовъ, бросить на произволъ судьбы свою вторую родину, которая составляетъ часть того же отечества, было бы измѣной прошлому. И большинство сознательной политической ссылки вернулось на родину лишь послѣ того, какъ наладило первыя общественныя организации въ Сибири.

Ознакомьтесь съ спискомъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ Петроградѣ и др. городахъ,—и вы найдете въ немъ не одинъ десятокъ фамилій лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ укрѣпленіи сибирскихъ свободъ и только послѣ этого навсегда разставшихся съ своей мачехой.

II.

Какъ жила ссылка въ Сибири передъ самой революціей? Какими чаяніями? Долетали ли до нея отклики подготовляющихся событій?

Солнце свободы ослѣпило меня,—и, можетъ быть, перспектива, въ которой мнѣ представляется наша жизнь наканунѣ самой революціи, не совсѣмъ вѣрна, но все же кажется мнѣ, что жили мы очень скверно,—и въ морально-правовомъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Я оговариваюсь, что въ своихъ замѣткахъ буду говорить не о временныхъ гостяхъ Сибири, не объ административной ссылкѣ, загнанной въ Сибирь волей административнаго разгула, доносовъ и той эпидеміи шпіономаніи, которая охватила въ періодъ войны, пожалуй, не одну только администрацію, а о ссыльно-поселенцахъ, осужденныхъ на каторгу и, по окончаніи ея, отбывавшихъ поселеніе въ глухихъ деревняхъ и улусахъ Сибири. По сравненію съ административной ссылкой и такъ называемыми выселенцами,—политическіе ссыльно-поселенцы пользовались всегда гораздо большей свободой передвиженія; правда, побѣгъ первыхъ на родину грозилъ имъ только возвращеніемъ въ Сибирь по образу этапнаго хожденія,—для послѣднихъ—переходъ границы Европейской Россіи карался 3—4 лѣтней каторгой, но, въ смыслѣ подысканія занятій и, вообще, «сліянія» съ сибирской дѣйствительностью, поселенцы, какъ будущіе осѣдлые жители Сибири, поставлены въ болѣе льготныя условія. Я отбывалъ, напримѣръ, поселеніе въ Ч., Иркутской губ., центрѣ каменноугольной промышленности. Въ этомъ районѣ рабочія

руки, интеллигентныя силы,—все поставлялось политической и уголовной ссылкой. Ограниченная передвиженіемъ по одной Иркутской губ., ссылка, естественно, вынуждена была продавать свою рабочую силу по той цѣнѣ, по которой ее расцѣнивали мѣстные тузы—углепромышленники, неограниченные владыки рабочаго рынка.

На копейхъ и мѣстномъ механическомъ заводѣ иногда вспыхивали забастовки, но и онѣ почти никогда не приводили къ положительнымъ результатамъ; чаще всего,—за забастовкой слѣдовалъ разгромъ мѣстныхъ революціонныхъ организацій и разсылка поселенцевъ въ отдаленнѣйшія мѣста. Не надо забывать, что организаціи рабочихъ обязательно носили нелегальный характеръ, ибо 90% рабочихъ были поселенцы, которые по закону были лишены права вступать въ какія бы то ни было профессиональныя организаціи. Большой подмогой въ рабочемъ вопросѣ для тамошнихъ капиталистовъ послужила война, доставившая имъ огромныя кадры «военно-обязанныхъ»,—т.е. по-просту уклоняющихся отъ воинской повинности коренныхъ жителей, готовыхъ служить за всякую плату и поставлять изъ своей среды идеальныхъ штрейкбрехеровъ. Прибавьте ко всему этому трудъ военнопленныхъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе углепромышленниковъ по первому требованію, реквизированныхъ инородцевъ (бурятъ и присланныхъ съ Запада киргизовъ),—и вы легко поймете, что рассчитавшемуся поселенцу приходилось въ скоромъ времени съ поклономъ возвращаться на тотъ же заводъ или шахту. Въ области интеллигентнаго труда конкуренція военно-обязанныхъ, прикрѣпленность къ мѣсту и юридическое безправіе ссыльныхъ создавали тѣ же результаты. Извѣстно,—что Сибирь—одна изъ наиболѣе насыщенныхъ кооперативными организаціями окраина Россіи. Политическая ссылка, съ самаго момента народженія кооперативнаго движенія, работала въ немъ, не покладая рукъ. Работала изъ-за куска хлѣба,—но не только ради него; въ годы реакціи мелкокультурныя дѣла всегда проливали утѣшительный бальзамъ на сердца оторванныхъ отъ живой работы народолюбцевъ. Многимъ изъ ссыльныхъ,—цѣною исключительно энергичной работы—удавалось занимать видныя мѣста въ кооперативныхъ организаціяхъ, но все же общимъ правиломъ было преслѣдованіе ссыльныхъ и въ области кооперативной работы. Въ Ч., напримѣръ, ссылка, дающая 90% рабочихъ, въ теченіе 4 лѣтъ безуспѣшно билась за допущеніе ссыльныхъ въ мѣстную потребиловку,—и на 5-мъ году добилась того, что ее допустили... безъ права рѣшающаго и совѣщательнаго голоса. Въ Енисейской губ. «либеральный» Протопоповъ разрѣшилъ допускать съ правомъ голоса, но съ условіемъ,

что за каждого ссыльнаго кооперативъ отвѣчаетъ своимъ существованіемъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ ссыльные являлись инициаторами дѣтскихъ площадокъ, библиотекъ, театральныхъ кружковъ, хоровъ, образовательныхъ обществъ, но всякое участіе ссыльныхъ было строжайше запрещено,—и они могли работать въ этихъ организаціяхъ только до... очередного доноса, да и то выполняя лишь черную работу.

Однимъ словомъ, царское правительство дѣлало все возможное для того, чтобы дѣятельность политическихъ ссыльныхъ «загнать въ подполье», и, когда разразилась революція, оно пожало достойные плоды своей дѣятельности. За мѣсяцъ до революціи въ Ч. случилась забастовка на шахтахъ и въ мѣстномъ заводѣ. Приѣхавшій для «разбора дѣла» жандармскій ротмистръ заявилъ, что ему ни въ одномъ другомъ предпріятіи не приходилось видѣть такихъ отвратительныхъ экономическихъ условий, какъ въ Ч. И все же забастовка была раздавлена. За ней послѣдовали аресты и высылки ни въ чемъ неповинныхъ ссыльныхъ—интеллигентовъ и рабочихъ. Не удовольствовавшись полнымъ разгромомъ забастовки, углепромышленники подали въ горное управленіе («копія—губернатору») слѣдующую телеграмму: «Шайка политическихъ ссыльныхъ, задумавъ остановить желѣзную дорогу, подстрекаетъ рабочихъ къ забастовкамъ. Приѣзжайте, укажемъ ихъ». Доносъ былъ явно-ложень; двухъ арестованныхъ по этому дѣлу ссыльныхъ выпустилъ изъ тюрьмы случайно возвратившійся изъ Петрограда ген.-губ. Пильцъ, но губернаторъ Юганъ своей властью одного изъ нихъ все же выслалъ въ отдаленный уѣздъ. Было очевидно, что дѣло не скоро заглохнетъ и, такъ какъ я имѣлъ удовольствіе узнать, что числюсь въ списокѣ указанныхъ подстрекателей, то революція застала меня висѣющимъ въ воздухѣ, между небомъ и землею, въ напряженномъ ожиданіи милыхъ ночныхъ гостей и готовымъ улетучиться при малѣйшемъ передвиженіи стражниковъ по селу...

III.

Какъ ни печальна была дѣйствительность и какъ ни мало располагала она къ оптимистическимъ выводамъ,—мы, вмѣстѣ со всей Россіей, ждали большихъ событій къ 14 февраля. Къ намъ доходили вѣсти о протопоповскихъ приготовленіяхъ; передавали, будто на ближайшихъ станціяхъ, на запасныхъ путяхъ, стоятъ «бронированные» вагоны съ пулеметами, и что Протопоповымъ отданъ приказъ начальникамъ станцій, въ случаѣ возникновенія возстанія и отсутствія въ этихъ мѣстахъ военныхъ властей,

присваивать себѣ права генераль-губернаторовъ,—сирѣчь начальниковъ карательныхъ экспедицій. (Не слѣдуетъ забывать, что и въ эпоху первой русской революціи желѣзнодорожная магистраль въ Сибири была ареной самой неслыханной и гнусной вакханаліи царской власти,—«бывшему репетитору» было у кого поучиться). По главнымъ улицамъ села стали разъѣзжать невиданные до тѣхъ поръ отряды конной стражи. Это, очевидно, тѣ же «фараоны», которые въ Петроградѣ, въ великіе дни, разстрѣливали безоружныхъ. Разгромъ забастовки и аресты заставили ч-скую ссылку притаиться еще больше прежняго; мы рѣже встрѣчались, рѣже стали посѣщать собранія мѣстной потребилочки,—удобная арена для дѣятельности явныхъ и тайныхъ сердецѣдовъ,—ибо даже мѣстный жандармскій вахмистръ состоялъ членомъ этого почтеннаго учрежденія. Но подъ ледянымъ покровомъ вынужденнаго безмолвія все же била ключомъ жизнь,—ибо изъ Россіи стали тѣми незримыми путями, къ которымъ такъ хорошо приспособился до-революціонный обыватель—доходить яркія, блестящія надежды вѣсти.

Но, вотъ, наступило и... прошло 14-е февраля, столь обманувшее наши ожиданія. Изъ Петрограда вѣсти въ письмахъ и газетахъ стали приходить все нерегулярнѣе. По «разгулявшимся» во-всю и крайне агрессивно настроеннымъ по отношенію къ рабочимъ углепромышленникамъ намъ нетрудно было судить, что демократія вновь осталась у разбитого корыта. За годы борьбы и мытарствъ у насъ выработался въ достаточной мѣрѣ правильный политическій глазомѣръ. Туземные Титъ Титычи не удовлетворяли даже тѣхъ мелкихъ требованій, въ осуществимости которыхъ ни на минуту не сомнѣвались рабочіе при ликвидаціи забастовки. Начавшіеся аресты внесли развалъ въ работу революціонныхъ организацій; теперь уже съ большою опаской ссылки могли появляться на кооперативныхъ собраніяхъ. Физиономія жандармскаго вахмистра Луценко—хитрѣйшаго изъ малороссовъ,—на обязанности котораго лежало «секретное» наблюденіе за политическими, день ото дня становилась все жизнерадостнѣе и задорнѣе.

Впрочемъ, я забылъ упомянуть, что «по безпроводному телеграфу» до насъ доходили слухи о большихъ неладахъ при царскомъ дворѣ; убійству Распутина не придавали большого значенія, но роль его при дворѣ для всѣхъ была ясна. (Характерно, что коренное населеніе—изъ нечитающихъ газетъ—даже и не подозрѣвало о существованіи фаворита и недружелюбно отзывалось только о царицѣ,—главнымъ образомъ, изъ-за ея нѣмецкаго происхожденія). Знала ссылка и о протестѣ Василь-

чиковой, и о позиціи, занятой Михаиломъ Александровичемъ, и о всей придворной группировкѣ,—однако, съ дворцовымъ переворотомъ своихъ надеждъ не связывала. Время отъ времени ходили слухи (и также безслѣдно исчезали) о предстоящей мобилизаціи политическихъ ссыльныхъ. Административно—сосланные, по большей части, уже были призваны на военную службу; говорили, что очередь дошла до поселенцевъ. По однимъ предположеніямъ, насъ должны были реквизировать (подобно инородцамъ), но безъ восстановленія въ правахъ, по другимъ,—обычной мобилизаціи должно было предшествовать возвращеніе утраченныхъ по суду правъ. Упорно циркулировали слухи о томъ, что иркутскимъ ген.-губерн. Пильцемъ былъ полученъ запросъ о «настроеніи», господствующемъ среди ссыльныхъ,—и отвѣтъ его гласилъ, якобы, о столь анти-патріотическомъ настроеніи среди политическихъ поселенцевъ, что о призывѣ ихъ на службу и рѣчи не могло быть. Ходило еще много разныхъ слуховъ,—между прочимъ, о голодномъ бунтѣ въ Петроградѣ, вызвавшемъ столкновенія между полиціей, съ одной стороны, населеніемъ и казаками, примкнувшими къ нему, съ другой,—но общая политическая конъюнктура оставалась для насъ покрытой мракомъ неизвѣстности. Извѣстна она была, должно быть ген.-губ. Пильцу, вернувшемуся во второй половинѣ февраля изъ Петрограда. Немедленно по возвращеніи изъ командировки онъ посѣтилъ иркутскую тюрьму, гдѣ всегда томились по ложнымъ доносамъ, дутымъ политическимъ процессамъ и за нарушенія инквизиторскаго Устава о ссыльныхъ десятки и сотни политическихъ. Говорятъ, Пильцъ очень нервничалъ, критиковалъ дѣйствія губернатора Югана и тутъ-же освободилъ нѣсколькихъ, въ томъ числѣ двоихъ заключенныхъ по ложному доносу нашихъ ч-скихъ углепромышленниковъ.

IV.

Частичная «амнистія», объявленная Пильцемъ двумъ ч-намъ (одному изъ нихъ, правда, съ перемѣной волости), побудила остальныхъ жертвъ доноса, о задержаніи которыхъ былъ отданъ приказъ, вернуться въ Ч., почти наканунѣ вспыхнувшей революціи. Если не ошибаюсь, 28-го февраля среди ссылки распространились слухи о странныхъ телеграммахъ, полученныхъ нѣкоторыми товарищами изъ обѣихъ столицъ. Въ телеграммахъ этихъ не говорилось ничего опредѣленнаго, но высказывалась увѣренность въ скорой встрѣчѣ. Мы, ничего не знавшіе о петроградскихъ сраженіяхъ, истолковали эти телеграммы, какъ извѣщеніе о предстоящей отмѣнѣ ссылки или мобилизаціи поселен-

цевъ по приказу стараго правительства. Но большинство не вѣрило имъ вовсе,—и на утро о нихъ и разговора не было. Помню, день 1 марта я провелъ въ усиленной работѣ въ мѣстномъ отдѣленіи кооперативнаго союза, въ которомъ я служилъ; нужно было наверстать то время, когда я «витаю въ пространствѣ», избѣгая ареста.

Не забыть мнѣ зато и ночи 1 марта...

Среди ночи просыпаюсь отъ необычнаго шума въ квартирѣ, радостнаго гула и криковъ «ура»: во второй половинѣ, у хозяевъ-рабочихъ, кто-то возбужденнымъ голосомъ, стараясь перекрычать остальныхъ, выкрикиваетъ необычныя или, во всякомъ случаѣ, для слуха непривычныя слова:

—Временное правительство... Приказъ комитета Государственной Думы, по желѣзнымъ дорогамъ,—и т. д. Вскликая, прислушиваюсь и узнаю голосъ. Это—тов. Атабековъ, выпущенный изъ тюрьмы Пильцемъ,—постоянный сучокъ въ глазу мѣстной администрации, идеальнѣйшій и самоотверженный работникъ, всѣ силы отдавшій учрежденіямъ образовательнаго общества, организаторъ дѣтской площадки, читальни-библіотеки, выполнявшій всѣ работы отъ распорядительныхъ функций до корчевки деревьевъ включительно безвозмездно, членъ мѣстной с.-д. группы, неустанный пропагандистъ. Атабековъ—бывшій студентъ, отбывшій 6 лѣтъ каторги и на поселеніи подвергавшійся неоднократнымъ карамъ въ административномъ порядкѣ. Въ мѣстномъ населеніи Атабековъ пользовался огромнѣйшей популярностью и память о немъ еще не скоро заглохнетъ въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ Сибири, въ которыхъ онъ жилъ. (Я не говорю, конечно, о мѣстныхъ тузахъ-углепромышленникахъ, которые все время пытались сжить его со свѣту, хотя и выказывали напускное сочувствіе его культурно-просвѣтительной дѣятельности). День его ареста—незадолго до революціи былъ траурнымъ днемъ не только для ссылки, но и для лучшихъ слоевъ мѣстнаго населенія,—день освобожденія—общимъ праздникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ А., мой квартирный хозяинъ—поселенецъ и жена его были уже въ моей комнатѣ и оглушили меня потокомъ самыхъ удивительныхъ вѣстей. Оказалось, что 1-го А. былъ въ Иркутскѣ, тамъ прочелъ телеграмму Бубликова къ желѣзнодорожнымъ служащимъ и, не захвативъ ея, ближайшимъ поѣздомъ примчался въ Ч., чтобы оповѣстить насъ о вспыхнувшей революціи. По пути въ мою комнату хозяева перехватили его, и, вотъ, уже во второй, въ пятый, въ десятый разъ милѣйшій Николай Семеновичъ повторялъ намъ содержаніе знаменитой телеграммы. Бубликовская телеграмма—первый историческій документъ, изъ кото-

раго провинціальная Россія—вплоть до далекой Сибири—узнала о политическомъ переворотѣ. И для нашего Ч. новая эра началась именно съ этой незабываемой телеграммы. Нѣсколько огорчительно было слышать отъ А., что у него съ собой текста телеграммы *нѣтъ*, но времени огорчаться не было. А. такъ и засыпалъ насъ новостями, изъ которыхъ не всѣ оказались впоследствии точными.

Чхеидзе вошелъ въ составъ Временнаго Правительства (смѣшали, конечно, съ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ), амнистія политическимъ будетъ объявлена 9-го и т. д. Высыпавъ весь запасъ новостей, взволнованный и изнервничавшійся тов. А. убѣждалъ; хозяева ушли къ себѣ,—и я остался одинъ, въ своей комнатѣ, показавшейся мнѣ вдругъ удивительно-тѣсной и неуютной,—тѣснѣе и неуютнѣе всѣхъ тѣхъ казематовъ, въ которыхъ я сидѣлъ... Я былъ потрясенъ до крайности и чувствовалъ одно: до утра мнѣ тутъ не досидѣть,—я задохнусь, черепъ треснетъ вдребезги отъ переполняющихъ его мыслей—одна ярче и радостнѣе другой...

Кое-какъ одѣлся, выбѣжалъ на улицу. Хмурый, совсѣмъ осенній разсвѣтъ... Жалкимъ, заброшеннымъ, отъ всего живого міра отрѣзаннымъ показалось мнѣ Ч. Глубокая грусть за всѣхъ, кто останется здѣсь, когда мы умчимся *туда*, къ яркой и кипучей жизни, вдругъ, кольнула сердце. И тутъ же созрѣло во мнѣ твердое рѣшеніе не уѣзжать отсюда до тѣхъ поръ, пока все не наладится, какъ слѣдуетъ.

Изъ низкихъ, вѣковой копотью покрытыхъ избъ, стали выходить одиночки-рабочіе и шахтеры, спѣша на работу. Много было среди нихъ знакомыхъ, но, когда я останавливалъ ихъ и сообщалъ свои умопомрачительныя новости, вокругъ нихъ собирались и незнакомые,—и скоро на улицѣ образовалось много кружковъ, обсуждавшихъ событія. Къ рабочимъ присоединялись обыватели,—не прошло и часу, какъ все Ч. говорило о «свободѣ», правда не всегда уясняя себѣ значеніе тѣхъ событий, о которыхъ говорило. Тутъ только я вспомнилъ, что наканунѣ колонія ссыльныхъ постановила организовать информационное бюро для добыванія всѣми доступными способами свѣдѣній о назрѣвавшемъ въ Россіи переворотѣ. Во главѣ бюро былъ поставленъ я,—и сейчасъ же сталъ собирать товарищей... Первымъ долгомъ, я еще съ однимъ ссыльнымъ устремились на станцію; мы были убѣждены, что въ управленіи найдемъ бубликовскую телеграмму, но вмѣсто бубликовской намъ дали прочесть телеграмму нач. Томской ж. д., въ которой въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ всѣ граждане и желѣзнодорожники призывались къ выполненію патріотическаго долга ввиду угрожающей ро-

динѣ опасности. Со станціи мы, нѣсколько обезкураженные, помчались въ отдѣленіе кооперативнаго союза. Это отдѣленіе всегда было центромъ общественной жизни села,—и на этотъ разъ оно также оказалось на высотѣ положенія. Сюда собрались самые энергичные представители политической ссылки; къ моменту нашего прихода прибыли какъ разъ Бубликовская телеграмма и частная телеграмма одному ссыльному изъ Москвы, въ которой сообщалось объ образованіи временнаго правительства и амнистіи. Немедленно всѣ торговыя дѣла полетѣли *ad patres!* Мимеографъ, шапирографъ и пишущая машина заработали во-всю, размножая тексты обоихъ документовъ. Двое делегатовъ отъ ссылки были немедленно отправлены къ приставу съ требованіемъ предоставить помѣщеніе сегодня вечеромъ для народнаго собранія. Тутъ же, въ отдѣленіи, было создано организационное бюро, открывшее перманентное засѣданіе...

V.

На главной улицѣ села застали мы ликование. Уже по рукамъ шли отпечатанныя на нашихъ мимеографахъ телеграмма Бубликова и частныя извѣстія изъ Москвы. Прохожіе собирались кучками и вслухъ обсуждали событія. Незнакомые цѣловались между собой. Встрѣтилъ одну пожилую даму—ссылную; сіяя отъ радости, съ невысохшими слезами на рѣсницахъ, она шла среди улицы, сама, очевидно, не зная, куда идетъ... И только, поровнявшись со мной, бросила одно слово: «Дожили!» Много встрѣтилъ я по пути домой ссыльных,—жившихъ въ колоніи и внѣ ея,—и на лицахъ ихъ былъ какой-то особый отпечатокъ... Жители, уяснившіе себѣ значеніе переворота, поздравляли ихъ съ возвращеніемъ на родину, съ побѣдой, и удивлялись, когда многіе изъ нихъ отвѣчали односложно,—голосомъ, въ которомъ слышались нотки грусти. Чередъ ли потерянныхъ годовъ и невозвратимой молодости, тревога ли за окончательный исходъ революціи, скептицизмъ ли, рожденный былыми неудачами и разочарованіями, сказались,—но только рядомъ съ выраженіемъ восторга, на лицахъ многихъ товарищей по мытарствамъ я видѣлъ въ тотъ торжественный день и налетъ грусти...

Но не было времени предаваться элегическимъ размышленіямъ. Водоворотъ работы, выпавшей всецѣло на плечи ссылки, такъ захватилъ насъ, что мысль о родинѣ, о близкихъ, простиравшихъ къ намъ свои объятія въ десяткахъ посылавшихся дождемъ телеграммъ, отошла на задній планъ. Бюро, немедленно привлекшее сотрудниковъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, заработало во-всю... Къ вечеру помѣщеніе общественнаго собранія было

биткомъ набито самымъ разношерстнымъ людомъ, откликнувшимся на призывъ бюро. Зданіе не смогло вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть на первое народное собраніе; рѣшено было перенести собраніе за линію желѣзной дороги, въ большое помѣщеніе при копейской школѣ, специально приспособленное для многочисленныхъ собраний. Съ пѣніемъ пѣсенъ взволнованная и сгорающая отъ нетерпѣнія узнать «доподлинную свободу», поглядывая на политическихъ, какъ на авгуровъ, хранящихъ про себя тайну совершившагося, толпа стройными рядами быстро направляется къ зданію школы.

Семь часовъ вечера... Бюро, дѣйствуя энергично локтями, проталкивается сквозь гущу народа къ эстрадѣ. Огромный залъ биткомъ набитъ народомъ. Съ опасеніемъ поглядываютъ всѣ на хоры, которыя ежеминутно могутъ дать трещину. Въ толпѣ стоитъ шумъ и гомонъ, но гробовое молчаніе наступаетъ въ ту же минуту, какъ только одинъ изъ членовъ организаціоннаго бюро протягиваетъ руку къ предсѣдательскому звонку. Всѣ замираютъ,—и только по напряженному выраженію раскраснѣвшихъ лицъ, горящимъ взглядамъ толпы чувствуется, что въ воздухѣ виситъ безмолвная, горячая мольба:

— Не томите, скажите и объясните намъ всю правду; вы, знающіе ее!

Въ жизни моей было много моментовъ, оставившихъ въ душѣ неизгладимые слѣды,—помню и первый революціонный Sturm und Drang-періодъ въ душѣ, и громовый раскатъ 1905 г., и аресты, и судъ, и всѣ переживанія, которыя связаны были съ пребываніемъ въ гостепріимныхъ учрежденіяхъ Романова, и радостный подъемъ освобожденія...

Но все поблекло и стушеввалось въ этотъ великій мигъ. Я думалъ, что мы чужды огромной массѣ собравшихся, большинство которыхъ были шахтеры. Но выборы предсѣдателя сразу показали,—кому они отдавали все уваженіе, всѣ симпатіи и всѣ надежды свои. Намѣчая кандидатовъ, собраніе называло исключительно имена ссыльных...

Честь открыть первое народное собраніе, на которомъ впервые женщины услышали свободное слово, выпала на мою долю. И, вмѣстѣ съ честью, выпала большая отвѣтственность... Какъ примирить разнорѣчивые, порою, противоположные интересы разношерстнаго ч-скаго населенія? Крестьяне жили не въ ладу съ рабочими... Среди самихъ крестьянъ, какъ это сплошь бываетъ въ крупныхъ селахъ, было нѣсколько «партій». Мѣстные «Монтеки и Капулетти», въ свою очередь, жили не совсѣмъ дружно съ евреями-торговцами. И еврей-торговцы, и русскіе купцы не особенно

дружелюбно (вѣрнѣе, съ большой ненавистью) относятся къ кооператорамъ, съ каждымъ днемъ обезцѣнивающимъ и осложняющимъ ихъ профессію. Сознательные рабочіе не долѣбливаютъ уголовную ссылку, свившую въ Ч. прочное гнѣздо разбоевъ и желѣзнодорожныхъ кражъ; между первыми и владѣльцами копей противоположные классовые интересы вырыли непроходимую пропасть. Какъ сказать имъ, всѣмъ недовольнымъ и непримиримо настроеннымъ, что сегодня праздникъ нашъ—общій?

Не знаю, нашелъ ли я въ рѣчи своей общій языкъ, тронула ли ихъ повѣсть о рушившихся въ 1905 г. надеждахъ, за которыя пришлось заплатить долготѣннымъ искупленіемъ, но собраніе сошло великолѣпно. Члены бюро полагали, что оно затянется до утра, но кончилось оно къ 11 часамъ вечера, и торжественно мирное настроеніе сельчанъ ничѣмъ не было нарушено; почти всѣ предложенія бюро прошли. Двое ораторовъ изъ толпы предлагали принять особое представительство отъ евреевъ и бурятъ; собраніе высказалось противъ національныхъ курій, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что теперь не будетъ мѣста никакимъ національнымъ ограниченіямъ,—и потому права малыхъ націй въ особой защитѣ не нуждаются; всякое же обособленіе можетъ повести лишь къ усиленію національной розни. По рабочему вопросу собраніе рѣшило допустить по 2 представителя отъ каждой шахты въ комитетъ общественныхъ организацій, куда, въ числѣ представителей отъ всѣхъ слоевъ общества, войдутъ и два представителя отъ углепромышленниковъ,—съ ними и смогутъ договориться делегаты рабочихъ о немедленномъ удовлетвореніи всѣхъ назрѣвшихъ рабочихъ нуждъ.

Только одно маленькое облачко на минуту омрачило собраніе. Когда перечислялись всѣ тѣ общественныя организаціи, которыя на слѣдующій день должны были отъ себя выбрать представителей въ комитетъ, и названа была касса взаимопомощи политическихъ ссыльныхъ, изъ толпы раздался голосъ:

— А отъ уголовныхъ представителя не будетъ? Я отвѣтилъ ему, что допускаются представители отъ всѣхъ тѣхъ группъ, дѣятельность которыхъ была у всѣхъ на виду и что, если общество уголовныхъ представить намъ уставъ или отчетъ о своей дѣятельности, мы охотно внесемъ это общество въ число извѣстныхъ намъ общественныхъ организацій.

«Нѣкто въ сѣромъ», говорившій изъ толпы, раскусилъ иронію:

— Да,—вы, вотъ, всегда красно говорите и всегда обижаете нашу уголовщину...

Это облачко вскорѣ разрослось въ тучу...

VI.

...Колесо, пущенное въ ходъ политической ссылкой, завертѣлось во-всю. На завтра же былъ утвержденъ народнымъ собраніемъ общественный комитетъ,—и изъ него выдѣленъ «исполнительный комитетъ», взявшій въ свои руки полноту власти. Полиція была обезоружена,—и отобранное оружіе передано быстро сорганизовавшейся, преимущественно изъ крестьянъ и рабочихъ, народной милиціи. Штабъ милиціи и «слѣдственный отдѣлъ» ея (вѣрнѣе, розыскное отдѣленіе) помѣстились въ народномъ домѣ. Нечего и говорить, что штабъ милиціи почти сплошь составилъ изъ ссылки; пропасть, отдѣлявшая ссылку отъ коренного населенія, заполнилась,—и на подмогу ссыльнымъ дали учениковъ мѣстнаго коммерческаго училища (старшихъ классовъ). Все остальное пошло, какъ въ тысячахъ остальныхъ городовъ и весей россійскихъ: стихійно образовался совѣтъ рабочихъ депутатовъ; солдатскихъ депутатовъ не было, потому что въ Ч-хъ никогда ни одного солдата, не только воинской части, не было. Послѣднее обстоятельство развязывало руки темнымъ элементамъ, которые шли позади революціи и занимались мародерствомъ. Исполнительный комитетъ, какъ и вездѣ, съ утра осаждался обывателями, приходившими искать у него суда и расправы по самымъ, порою, нелѣпымъ дѣламъ. Безпомощное, забитое, затравленное слугами прежняго строя, оно шло за справедливостію къ тѣмъ, кто сами еще недавно были жертвами этихъ слугъ; бѣда лишь въ томъ, что они не всегда (или, вѣрнѣе, очень рѣдко) уясняли себѣ истинныя функціи исполнительнаго комитета.

Въ первый же день мнѣ пришлось съ товарищами навѣстить Ч-скую тюрьму, отвратительный клоповникъ, биткомъ-набитый заключенными, находившимися въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Тутъ долгими мѣсяцами томились поселенцы, вся вина которыхъ заключалась иногда въ томъ, что они перешли границу... волости; томились, числившіеся за полиціей или акцизнымъ управленіемъ «самогонщики»,—люди, гнавшіе спиртъ и не умѣвшіе поладить съ полиціей; иногда даже только за второе преступленіе... Исполнительный комитетъ освободилъ всѣхъ поселенцевъ, сидѣвшихъ за нарушеніе Устава о ссыльныхъ, и почти всѣхъ самогонщиковъ, проводивъ послѣднихъ энергичнымъ напутственнымъ словомъ—на тему о пьянствѣ и революціи,—вызвавшимъ слезы на глазахъ бабъ. Не такъ идиллически обстояло дѣло съ представителями прежней полиціи. Самосудъ, самовольные обыски и избіеніе ихъ вошли въ обычай. Толпа ловила ихъ въ темныхъ переулкахъ, а иногда и прямо на площади, и била ихъ смертнымъ боемъ до потери сознанія или до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ милиціонеры и не возьмутъ

ихъ, рискуя собственной жизнью, подъ свое покровительство. Выпущенное комитетомъ воззваніе о недопустимости самосуда, можетъ быть, и отрезвило нѣсколько умы, но истинное спасеніе полицейскимъ принесли начавшіеся среди нихъ аресты. Кромѣ нашихъ полицейскихъ, избличенныхъ въ неблаговидномъ поведеніи и поголовно, кромѣ пристава, зарекомендовавшаго себя хорошимъ отношеніемъ къ политическимъ ссыльнымъ задолго до революціи, приходилось сажать въ тюрьму и тѣхъ полицейскихъ, которыхъ намъ съ первыхъ же дней революціи стали привозить изъ окрестныхъ селъ и улусовъ. Тамъ, въ глухихъ деревняхъ и улусахъ, не ограничивались одними полицейскими; тамъ арестовывали тѣхъ, кто попадется подъ руку,—и священника, непочтительно отозвавшагося о переворотѣ, и лѣсничаго, и другихъ мало въ чемъ повинныхъ людей. И всѣхъ ихъ приводили къ намъ «на разборъ дѣла». Растерялись и правительственные чиновники—мировые судьи, почтовые чиновники, агрономы, акцизные и больше всѣхъ—крестьянскій начальникъ, наиболѣе ненавистный окрестному населенію. И во всемъ этомъ дѣлѣ—скажу безъ обиняковъ—политическая ссылка, входившая въ комитетъ, сумѣла держаться съ подобающей тактичностью, не сводя ни личныхъ счетовъ, не считаясь съ личными симпатіями и антипатіями. Было много яркихъ, захватывающихъ моментовъ въ этой упорной борьбѣ за упроченіе новыхъ порядковъ въ чуждомъ намъ и по духу, и по традиціямъ краю; помню незабываемыя минуты сліянія съ народомъ на открытыхъ митингахъ, на собраніяхъ, въ будничной работѣ исполнительнаго комитета, когда обида утраченныхъ лѣтъ, заушений и издѣвательствъ отлетала въ сторону, и ты съ удовлетвореніемъ говорилъ себѣ: «Стоило жить, страдать и бороться. Наши страданія—капля въ морѣ народнаго горя, претворившагося въ счастье и свободу». Но были и скверныя, незабываемо тяжелыя минуты, когда приходилось соприкасаться съ грязной житейской накипью. Арестованный нами жандармъ Луценко назвалъ провокатора, выдававшаго ему мѣстныхъ политическихъ дѣятелей въ теченіе 3½ лѣтъ. Не забыть ни сцены допроса его, ни жалкихъ, трусливыхъ объясненій, ни мольбы о пощадѣ этого человѣка, имѣвшаго когда-то счастье быть политическимъ и продавшимъ это счастье за 30 серебрянниковъ жандарму Луценко... Сладить съ уголовными было тоже нелегко. Мнѣ пришлось проводить собранія, на которыхъ выступали ихъ ораторы, иногда незаурядные... Ихъ неурѣзываемое требованіе сводилось къ одному—полной амнистіи всѣмъ! Съ грозными филиппиками они обрушивались на Керенскаго; онъ, какъ носитель исполнительной власти, не имѣлъ права издавать указа объ осво-

божденіи политическихъ. «Граждане государства Россійскаго и товарищи-уголовные, лишенные всѣхъ правъ состоянія», взывалъ одинъ изъ нихъ, бывший юристъ: «Керенскій, этотъ бывший политическій дѣятель—нынѣ, послѣ совершенной имъ несправедливости, (я таковымъ его не считаю), какъ носитель исполнительной власти, не имѣлъ права присваивать себѣ прерогативы законодательной власти—издавать указы объ амнистіи. Если же онъ освободилъ политическихъ, то долженъ былъ освободить и уголовныхъ, а не поступать такъ, какъ поступалъ начальникъ нашей тюрьмы: однихъ миловалъ, другихъ въ карцеръ сажалъ». Нападки на Керенскаго собирали среди уголовныхъ шумные аплодисменты, а крикамъ негодованія противъ него могъ бы позавидовать самъ Кронштадтъ. Бѣдный Керенскій, онъ не подозрѣвалъ, что уже въ то время его ругали подъ различными географическими широтами! Та ненависть, которая въ послѣдніе годы раздѣляла почти во всѣхъ каторжныхъ тюрьмахъ политическихъ и уголовныхъ, естественно, находила себѣ выраженіе въ ихъ рѣчахъ. Уголовные видѣли, что во главѣ исполнительнаго комитета стояли политическіе, —и ихъ нежеланіе требовать отъ временнаго правительства полной амнистіи для уголовныхъ объясняли старинной враждой. Слѣдуетъ отмѣтить, что безъ всякаго давленія со стороны уголовныхъ президіумъ исполнительнаго комитета послалъ телеграмму Керенскому, въ которой, въ цѣляхъ нравственнаго возрожденія уголовныхъ и разгруженія Сибири отъ преступнаго элемента, просилъ объ отмѣнѣ ссылки, какъ послѣдствія каторги ¹⁾. Но уголовные, сознательно или безсознательно приписавъ мѣстному комитету законодательныя функціи, требовали отъ него немедленнаго освобожденія. Ими была выпущена угрожающая прокламація, изъ которой помню такія слова: «Если мы не принимали участія въ нынѣшней революціи, то развѣ наши родные не проливали крови на улицахъ Петербурга, Москвы и Баку (?)». Въ одиночку и группами они являлись въ помѣщеніе исполнительнаго комитета, требуя себѣ паспортовъ. Въ селѣ шли слухи о томъ, что уголовные рѣшили разгромить помѣщеніе исполнительнаго комитета и милиціи, но послѣдняя была на стражѣ. Наканунѣ моего отъѣзда,—я былъ, въ числѣ трехъ приглашенныхъ членовъ исполнительнаго комитета, на организационномъ собраніи уголовныхъ. Кромѣ насъ, въ залѣ было 600 человекъ уголовныхъ, строго провѣряемыхъ у дверей представителями отъ всѣхъ каторжныхъ тюремъ. На очереди стоялъ все тотъ же вопросъ о полной амнистіи всѣмъ уголовнымъ. Было,

¹⁾ Нынѣ эта мѣра проведена въ жизнь.

какъ всегда, много низкопробной демагогіи въ рѣчахъ нѣкоторыхъ «Ивановъ», были тенденціозныя воспоминанія изъ тюремной жизни съ политическими, были замаскированныя призывы къ погромамъ. Но въ рѣчахъ отдѣльныхъ ораторовъ слышались неподдѣльная искренность и подлинное страданіе. Развѣ и въ жизнь этихъ опустившихся, слабовольныхъ и порочныхъ людей деспотизмъ не вливалъ свою каплю яда?

VII.

Помню свое первое путешествіе въ Сибирь—еще до каторги, помню хорошо и день своего отъѣзда изъ Ч. Я стою у порога директорскаго кабинета, въ мѣстномъ коммерческомъ училищѣ. Кучка милыхъ дѣтей, исходившихъ уже вдоль и поперекъ всѣ ч-скія улицы съ ревниво-оберегаемымъ знаменемъ Свободная школа въ свободномъ государствѣ», стоитъ неподалеку и съ большимъ интересомъ наблюдаетъ сцену моего прощанія съ ихъ любимымъ директоромъ, председателемъ Исполнительнаго Комитета. Директоръ очень взволнованъ и говоритъ мнѣ весьма лестныя вещи, отъ которыхъ я краснѣю:

— Скажу вамъ правду, мы плохо знали ссылку. Намъ казалось, что она живетъ исключительно партійными или групповыми интересами, и до всѣхъ, не входящихъ въ партійныя организации, ей нѣтъ никакого дѣла. Теперь я убѣдился, какъ мы ошибались въ ней; мы просто не понимали ея. Пришла революція, и политическая ссылка показала, что она свято блюдетъ свои традиции. Мы никогда не забудемъ той помощи, которую она оказала намъ въ такія критическія минуты. Трогательно видѣть, какъ люди, прибывшіе къ намъ поневолѣ, проведеншіе съ нами годъ, привязываются къ населенію и раздѣляютъ съ нимъ всѣ тяготы и радости».

Въ заключеніе, директоръ поблагодарилъ за то, что политическая ссылка въ Ч. не только оказала личную поддержку дѣлу революціи, но сумѣла привлечь къ работѣ и всѣ живыя мѣстныя силы. Ему больно, что мы разъѣзжаемся, но онъ раздѣляетъ нашу тоску по родинѣ, отъ которой мы оторваны уже въ теченіе 10 лѣтъ, и убѣжденъ, что въ Ч. уже все налажено.

Странно подумать, но я съ болѣю душевной покинулъ Ч.; уѣзжая къ вокзалу, я съ грустью оглядывалъ подслѣповатыя избы, закопченныя угольной пылью; еще годъ тому назадъ съ тоской и чувствомъ глубокой отчужденности я подъѣзжалъ къ этому селу, пользующемуся такой скверной репутаціей въ Сибири, а теперь, разставаясь, чувствовалъ, что порываются кровныя нити...

Вотъ, и Иркутскъ, послѣдній этапъ передъ каторжнымъ централомъ. И онъ измѣнилъ за эти годы свою физиономію. Дѣло революціи съ самаго начала было здѣсь поставлено прочно, и работа политической ссылки, выдѣлившей изъ своей среды И. Г. Церетелли, председательствовавшего въ мѣстномъ исполнительномъ комитетѣ и работавшаго, не покладая рукъ, и другихъ,—не прошла безслѣдно. Городъ былъ весь еще подъ впечатлѣніемъ встрѣчи освобожденныхъ изъ Александровской каторжной тюрьмы политическихъ каторжанъ. Свидѣтели этой встрѣчи не забудутъ ея никогда. Толпа плакала, глядя на шеренги худыхъ и измученныхъ, наряженныхъ въ нелѣпое арестантское платье, узниковъ, съ ослѣпленными отъ яркаго сіянія свободы глазами, шедшими на встрѣчу новой жизни. «Александровцы» были любимыми и желанными гостями въ каждой семьѣ; многіе изъ нихъ еще не успѣли переодѣться, и на Большой улицѣ ихъ бушлаты сѣрѣли среди нарядной одежды празднично настроенной публики.

Какъ въ угарѣ, помню безчисленныя встрѣчи съ товарищами по каторгѣ и ссылкѣ, съѣхавшимися изъ разныхъ концовъ въ комиссію по освобожденію политическихъ, помѣстившуюся въ угрюмомъ зданіи бывшаго жандармскаго управленія. Два дня самой ужасающей толчеи, и мы, наконецъ, въ вагонѣ, на крышѣ котораго развѣвается красный флагъ. Не безслѣдно прошли для Россіи эти 11 лѣтъ; толпа рабочихъ, крестьянъ, интеллигенціи, осаждающая на каждой станціи нашъ вагонъ, жадно ловить наши слова,—увы!, преувеличивая нашу компетенцію и осведомленность, требуя отъ насъ отклика на всѣ событія политической жизни. Намъ совѣстно давать свои совѣты людямъ, жившимъ въ гущѣ жизни и сотворившимъ своими руками революцію; но годы ссылки и каторги сдѣлали изъ насъ «авторитетныхъ» людей, которые должны во всемъ разбираться. И глубокая радость наполняетъ сердце при видѣ безконечной вѣры этихъ людей въ нашу стойкость; эта вѣра, эта ласка и доброта ихъ къ намъ—обязываютъ...

Не перечислить всѣхъ знаковъ вниманія, которыми награждали насъ въ пути. До слезъ тронула встрѣча въ Самарѣ, организованная мѣстнымъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ; слезы навертывались на глаза при мысли о томъ, что этой чести мы недостойны; за все совершившееся—честь и хвала освободившимъ насъ,—всѣмъ трудовымъ слоямъ Россіи.

Въ Тулѣ мы встречаемся съ учащейся молодежью изъ Петрограда—живой свидѣтельницей и участницей великихъ февральскихъ и мартовскихъ событій. Мы обмѣниваемся своими впечатлѣ-

ніями, и всѣ они радуются успѣхамъ революціи въ далекой окраинѣ, о которой въ самомъ горнилѣ событій можно было и забыть...

Благовѣщеніе. Я ступаю нетвердой ногой на платформу кіевскаго вокзала, съ котораго много лѣтъ тому назадъ провожали меня въ каторгу плачущіе родные. А вотъ и самъ Кіевъ, выросшій и похорошѣвшій до неузнаваемости, бурлящій густымъ потокомъ человѣческихъ тѣлъ, ревомъ автомобилей, свистками, го-мономъ и звонкими голосами мальчишекъ, выкрикивающихъ самыя фантастическія названія памфлетовъ и газетъ. Какая-то невѣдомая сила влечетъ меня на знакомый Бибиковский бульваръ,—вотъ и высокій мрачный «небоскребъ», въ которомъ жилъ у родителей Дмитрій Богровъ, рано оборвавшій свою жизнь, унесшій съ собой въ могилу тайну, побудившую его запятнать свое имя. Нѣтъ силъ побороть охватившаго меня волненія и справиться съ нахлынувшими воспоминаніями. И только, когда я очутился у зданія Думы, передъ которымъ стоитъ осиротѣвшій пьедесталь поверженнаго въ прахъ Столыпинскаго памятника, я совладѣлъ съ своимъ волненіемъ и подумалъ:

— Тотъ искупилъ свой грѣхъ...

Чѣмъ искупать его остальные?

Герм. Сандомирскій.

По поводу изданія записокъ Иліодора.

Въ № 5—6 «Историческаго Вѣстника» высказано осужденіе тому «способу изданія» книги Иліодора («Святой чортъ». *Голосъ Минувшаго* № 3), который примѣнила редакція. «Вѣстникъ» не одобряетъ главнымъ образомъ исключенія «фантастическихъ утвержденій» изъ текста записокъ Иліодора. «Такимъ образомъ передъ нами не подлинный текстъ памфлета Иліодора—заключаетъ журналъ,—а специальнымъ образомъ препарированное изданіе *ad usum...* ужъ не знаемъ кого»... «Само изданіе—съ тонкостью намекаетъ редакція—мы не хотимъ назвать спекулятивнымъ. Лица, составляющія редакцію «Голоса Минувшаго», слишкомъ извѣстны своей дѣятельностью, чтобы предъявлять имъ такое обвиненіе, но не можемъ не назвать поспѣшнымъ; на послѣднее обстоятельство показываетъ и печатаніе книги въ двухъ типографіяхъ и большое количество опечатокъ».

Медъ и деготь, заключенные въ процитированныхъ строкахъ, можно оставить въ сторонѣ. Мы дѣйствительно чрезвычайно торопились изданіемъ записокъ Иліодора, придавая имъ большое общественное значеніе, несмотря на всѣ недостатки, что и было оговорено въ предисловіи. Исторія неизбежно учитъ извѣстному скептицизму или вѣрнѣе трезвой оцѣнкѣ дѣйствительности. И мы считали необходимымъ *немедленно* послѣ переворота познать читателей съ тѣмъ обвинительнымъ актомъ противъ царизма, который представляютъ собой матеріалы, имѣющіеся въ запискахъ Иліодора. Эти страницы съ необычайной яркостью иллюстрировали маразмъ той среды, которая властвовала въ Россіи.

Заглядывать въ будущее не удѣлъ историка. Никто не знаетъ, куда докатится начавшаяся поворотная волна контръ-революціоннаго вала. Но тѣмъ болѣе важно въ бурныя эпохи политическаго авантюризма не забывать уроковъ прошлаго. Мы боимся того флера забвенія, которымъ, подъ вліяніемъ момента, готовы покрыть грѣхи стараго режима. Не забывайте—должны мы сказать.

Какъ ни горьки плоды современности, какъ ни мало радужны, быть можетъ, ближайшія перспективы, то, что, ушло, казалось, безвозвратно изъ русской исторіи, было стократъ хуже. Революція разрушила самую основу того гниlostнаго зараженія, вліянію котораго въ значительной долѣ мы обязаны современнымъ эксцессамъ. Да, мы еще въ сферѣ наслѣдія прошлаго, отъ котораго не такъ легко избавиться. Съ этимъ прошлымъ неразрывными узами связана та разруха, которая подсѣкаетъ нерѣдко въ корень благотворныя начала революціоннаго творчества.

Опубликовывая спѣшно шесть мѣсяцевъ назадъ записки Илюдора, редація «Голоса Минувшаго» преслѣдовала, конечно, не цѣли научныя, а цѣли общественныя. Сейчасъ не моментъ для академическихъ изысканій. Мнѣ остается здѣсь повторить то, что я писалъ во «Власти Народа» послѣ корниловскаго мятежа. Надо признать, что «мы въ сущности очень мало сдѣлали для того, чтобы раскрыть передъ русскимъ обществомъ въ конкретныхъ образахъ и фактахъ преступленія старой правительственной власти. Дѣло Сухомлинова—это единственное пока публичное проникновеніе въ тайники самодержавія. За шесть мѣсяцевъ мы ничего болѣе не имѣемъ отъ чрезвычайной слѣдственной комиссіи. До 1 марта мы питались легендами, проникавшими, въ силу своей чудовищной правды, во всѣ поры русской жизни. Легенды эти, достовѣрныя въ своей сущности, точили въ народномъ сознаніи скрѣпы, на которыхъ покоился самодержавный режимъ. Поэтому онъ такъ легко и рухнулъ.

Распутинъ—онъ былъ олицетвореніемъ той послѣдней стадіи разложенія, до которой дошла русская монархія. Распутиніада двора, распутиніада нашей высшей бюрократіи, какъ въ зеркалѣ, отражала всѣ язвы старой, отживающей Россіи. И мы должны знать теперь всѣ детали многочисленныхъ преступленій монархіи и ея слугъ. Не для мести—нѣтъ, это чувство можетъ нынѣ презрѣть русская демократія, освобожденная отъ крѣпостныхъ путей насилій царизма. Мы должны знать лишь для того, чтобы забвеніе не коснулось великихъ преступленій, совершенныхъ имъ передъ обществомъ.

И мы боимся этого забвенія именно тогда, когда слышимъ о высылкѣ изъ предѣловъ Россіи лицъ, принадлежащихъ къ контингенту главнаго персонажа трагедіи, которая разыгрывалась на подмосткахъ петербургскихъ салоновъ. Для юриста первенствующую роль играетъ составъ преступленія, т.-е. формальный поводъ. Для историка важна сущность, а не форма. Съ интересами историка совпадутъ, конечно, и интересы общественности. Для русскаго общества безразлично, можетъ ли быть привлеченъ къ

уголовной отвѣтственности по той или иной статьѣ кодекса провокаторъ; безразлично—совершало ли преступленіе тѣмъ или инымъ своимъ дѣйствіемъ охранное отдѣленіе. Быть можетъ, еще болѣе безразлично самое возмездіе. Для насъ важнѣе государственный *быть* и возможная для него моральная оцѣнка. И мы должны требовать опубликованія документовъ ввода насъ въ тайники самодержавнаго лабиринта. Не теряемъ ли мы, однако, постепенно ключей къ этому лабиринту?»

Показавъ старый режимъ во всей его нравственной наготѣ, напомнивъ обществу тѣ преступленія, которыя оно склонно какъ будто бы забывать, мы тѣмъ самымъ создадимъ атмосферу, въ которой не сможетъ родиться, по крайней мѣрѣ, монархическая контръ-революція. Исторія дѣйствительно хорошее подспорье для политики, поэтому мы всецѣло готовы присоединиться къ пожеланіямъ редакціи «Историческаго Вѣстника», что должны быть собраны и изданы всѣ матеріалы, касающіеся распутиніанской эпопеи при русскомъ дворѣ. Съ точки зрѣнія научной упрёки «Историческаго Вѣстника», по отношенію къ изданію записокъ Иліодора, конечно, основательны, хотя, все-таки, есть небольшая разница въ приѣмахъ изданія, напр., текстъ Пушкина и текстъ Иліодора. Въ послѣднемъ случаѣ чрезмѣрная научная точность будетъ даже нѣсколько смѣшна. При изданіи записокъ Иліодора о Распутинѣ мы, какъ писалось въ предисловіи, старались избѣгать тѣхъ «скабрёзныхъ деталей, которыя любитъ Иліодоръ въ описаніи того, какъ Распутинъ на практикѣ осуществлялъ свою идею изгнанія блуднаго бѣса». «Противъ устраненія послѣднихъ деталей мы не возражаемъ—замѣчаетъ «Историч. Вѣстн.», хотя такая ригоризмъ не совсѣмъ понятна въ книгѣ, часть которой можно назвать прямо сочиненіемъ по эротической психологіи... кромѣ того въ книгѣ и такъ все же допущено довольно много скабрёзнаго». Можетъ быть когда-нибудь записки Иліодора и будутъ напечатаны со всѣми деталями въ медицинскомъ журналѣ. Но полагаю, что для науки это будетъ совершенно бесполезно. Въ историческомъ журналѣ мы сохранили лишь maximumъ дозволяемаго въ печати. Думается, что колоритъ и сущность сохранены въ достаточной мѣрѣ во всей неприкосновенности. Мы устранили и нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, фантастическія утвержденія. И не только потому, что не относились къ запискамъ Иліодора съ тѣмъ піететомъ, какъ изслѣдователи относятся къ тексту Пушкина, но и по причинамъ иного характера. Публикуя въ цѣляхъ общественныхъ записки Иліодора, мы должны были считаться и съ интересами отдѣльныхъ личностей, о которыхъ говорится въ текстѣ. Былъ предѣлъ допустимаго въ рамкахъ

понимаемой нами литературной морали. Нѣкоторыя интимныя стороны, касавшіяся царствовавшаго дома; нѣкоторыя утвержденія, казавшіяся намъ совершенно фантастическими и необоснованными, не находившія пока никакихъ подтвержденій, мы также устранили. И казалось бы «Историческій Вѣстникъ», какъ журналъ «монархическаго» теченія до 1 марта, долженъ былъ бы понять наши мотивы и скорѣе одобрить.

За всѣмъ тѣмъ записки Иліодора въ томъ видѣ, какъ онѣ пока изданы, даютъ опредѣленное представленіе и о самомъ авторѣ и о тѣхъ предметахъ, которымъ посвящена его книга, такъ какъ онѣ не подвергались никакому спеціальному препарированію. Здѣсь просто сказалась обычная тенденція сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника».

Придетъ время, и матеріалы, касающіеся Распутина и царствовавшаго дома, будутъ изучаться *научно*, какъ изучаемъ мы теперь эпопею Фотія при Александрѣ I. Но это время полного научнаго изслѣдованія еще не наступило.

С. Мельгуновъ.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

ИМѢТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ КНИГА
бывшаго іеромонаха ИЛІОДОРА.

СВЯТОЙ ЧОРТЪ

(ЗАПИСКИ О РАСПУТИНѢ).

ЦѢНА 3 РУБ.

Изданіе журнала
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

НАРОДНЫЙ СОЦІАЛИСТЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
издаваемый Московскимъ Комитетомъ Трудовой Народно-
Соціалистической Партіи.

Подъ редакціей С. П. Мельгунова.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. П. Алексинскій, І. Анановъ, В. И. Анисимовъ, Б. П. Базилевъ, Л. Д. Брюхатовъ, Л. А. Бубнова, Е. И. Вишняковъ, В. В. Водовозовъ, В. В. Волкъ-Карачевскій, Р. Л. Выдрина, И. Г. Галецкій, С. Е. Ганьшинъ, Е. Н. Ефимовъ, Е. А. Звягинцевъ, Л. С. Козловскій, С. И. Кононовъ, А. А. Кочетовъ, А. П. Левицкій, С. Р. Липкинъ, С. П. Мельгуновъ, А. В. Меркуловъ, А. Н. Мининъ, В. А. Мякотинъ, Н. П. Огановскій, В. Н. Перцевъ, А. Б. Петрищевъ, Т. И. Полнеръ, Н. Н. Полнскій, А. В. Пѣшихоновъ, А. Ф. Саликовскій, Ю. Н. Семеновъ, А. В. Стрѣльцовъ, Б. Е. Сыроѣчковскій, В. Е. Сыроѣчковскій, С. О. Строполко, В. И. Чернолусскій, А. В. Чайновъ, Ф. З. Чембуловъ, П. И. Щелкуновъ, Б. Д. Оедоровъ и др.

Условія подписки: Съ 1 августа до конца года—5 руб., на три мѣс.—3 руб., на 1 мѣс.—1 руб. 10 коп. Цѣна №—25 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Арбатъ, Годиинскій пер., д. 5, кв. 2. Тел. 4-46-53. Пріемъ по дѣламъ редакціи ежедневно 1—3 ч. Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ: Гончарная, 24, котнора «Народное Слово».

НИКОЛАЙ II.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

Издание 2-е. Ц. 3 руб. 50 коп.

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.
Петроградъ, Гончарная, 24.

Продолжается подписка на 1917 годъ на педагогическій журналъ

ПСИХОЛОГІЯ и ДѢТИ.

Посвященный вопросамъ воспитанія, основанного на изученіи
природы ребенка.

Подъ редакціей И. М. Соловьева.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ книжками 5—6 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

10 руб. въ годъ, 5 руб. въ 1/2 г. Отд. книжка 1 руб. 80 коп.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА:

Москва, Воздвиженка Крестовоздвиженскій пер., д. 9.

Т-во «Задруга» етд. въ Петроградъ—Гончарная, 24.

К. В. СИВКОВЪ.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Курсъ элементарный. Для младшихъ классовъ средне-
учебныхъ заведеній. Ч. I.

Съ 37 рисунками и 2 картами. М. 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Т-во «ЗАДРУГА»

Москва, М. Никитская, 29. Петроградъ, Гончарная, 24.

Отъ Конторы журнала.

Вслѣдствіе новаго вздорожанія производства и бумаги цѣна на журналъ „ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“ съ 1 сентября для новыхъ подписчиковъ повышается до 25 р. за 10 №№ (подписка принимается только съ № 3).

Годовыхъ подписчиковъ, внесшихъ только 17 руб. за годъ, Контора проситъ сдѣлать доплату въ 3 рубля.

Подписчиковъ, приславшихъ 23 р. послѣ того, какъ была объявлена подписка только съ 3-го № по цѣнѣ 20 р. за 10 №№, Контора увѣдомляетъ, что № 1 журнала за 1917 г. имъ будетъ высланъ, а остающаяся сумма (1 р.) можетъ быть засчитана въ счетъ подписки за 1918-й годъ, въ случаѣ возврата изъ книжныхъ магазиновъ № 2, одновременно эта книжка будетъ дослана подписчикамъ.

Городскихъ московскихъ подписчиковъ

Контора проситъ получать журналъ въ ея помѣщеніи (сдѣлавъ объ этомъ предварительное заявленіе), такъ какъ, въ виду отказа почтальоновъ разносить журналы по домамъ, крайне затруднительно организовать правильную его доставку на домъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1917 г

— — НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ — —

ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Биографіи русъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Повести русской и иностранной прозы.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 25 руб., на $\frac{1}{2}$ года 15 р., на 3 мѣсяца 8 руб.

(Въ настоящемъ году подписка принимается только съ № 3 (25 р.), такъ какъ первые 2 номера разошлись).

————— Переменная адреса 40 коп. —————

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала: Воздвиженка, Крестовосадвиженскій пер., д. 9, кв. 6.

Въ отдѣленіи конторы: Петроградъ, Гончарная, 21. Книгоиздательство „Задруга“.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 4 до 6 час.

Отд. редакціи въ Петроградѣ: В. О., 8 линія, д. 59, кв. 12. Пріемъ ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Редакторъ-издатель С. И. МЕЛЬГУНОВЪ.

Цѣна 4 руб. 50 коп.

Тиражъ 1000 экз. Москва.